

Славянский АЛЬМАНАХ

Учредитель:
Институт славяноведения РАН

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-61134 от 30 марта 2015 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Д. Батакович, доктор исторических наук, профессор,
Институт балканистики САНУ, Сербия

Т. И. Вендина, доктор филологических наук, профессор

А. Влашич-Анич, PhD, Институт старославянского языка,
Хорватия

Дж. Дзиффер, профессор, Университет Удине, Италия

П. Женьох, доктор филологических наук, профессор,
директор Института славистики САН, Словакия

А. Зуппан, академик Австрийской академии наук, Австрия

К. В. Никифоров, доктор исторических наук, директор
Института славяноведения РАН (отв. редактор)

М. Номати, PhD, доцент, Славяно-евразийский
исследовательский центр Университета Хоккайдо, Япония

В. Радева, доктор филологических наук, профессор,
Софийский университет, Болгария

М. А. Робинсон, доктор исторических наук

А. Розман, PhD, профессор, Университет Любляны, Словения

Н. Н. Старикова, доктор филологических наук

Е. С. Узенева, кандидат филологических наук, доцент

А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

РЕДАКЦИЯ:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

М. Ю. Дронов, кандидат исторических наук

К. А. Кочегаров, кандидат исторических наук

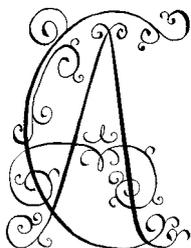
М. М. Макарецев, кандидат филологических наук

Е. С. Сергеенко

Институт славяноведения РАН

Славянский
АЛЬМАНАХ

3-4 · 2016

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2016

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2016. Вып. 3–4. —
М.: Индрик, 2016. — 544 с.

ISSN 2073-5731

Очередной выпуск (№ 3–4) «Славянского альманаха» за 2016 г. приурочен к 70-летию Института славяноведения РАН. Издание, отражающее основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения, включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, истории славистики, истории культуры, литературы, этнолингвистики и фольклора, славянских языков и диалектов. Хронологический охват материалов — от средних веков до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

The latest issue 3–4, 2016 of «The Slavic Almanakh» is devoted to the 70th anniversary of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. The issue, which reflects the main directions of scientific research in the field of Slavic studies, contains articles and materials on topical problems of the Slavic peoples, history of Slavic studies, history of culture, literature, ethno-linguistics and folklore, Slavic languages and dialects. The chronological coverage is quite vast, from the Middle Ages to the modern times. The book may be of interest not only to the scholars, but to a wider circle of readers as well.

© Институт славяноведения РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Индрик», 2016

Содержание

История

<i>Васильев М. А. (Москва)</i> . Константинопольский храм Богоматери Фаросской в дипломатических акциях Руси и Византии первой половины X века	13
<i>Флоря Б. Н. (Москва)</i> . Бернард Ваповский о древней истории славян и Польши	38
<i>Неменский О. Б. (Москва)</i> . Восточное путешествие Мелетия Смотрицкого	46
<i>Лазарев Я. А. (Екатеринбург)</i> . Проект экономических преобразований на Гетманской Украине генерала И. Б. Вейсбаха 1733 г.	56
<i>Фролова М. М. (Москва)</i> . К истории бегства в Россию архиепископа болгарской униатской церкви Иосифа Сокольского (1861)	79
<i>Вязовцева Д. В. (Москва)</i> . Становление чешского прогрессистского движения по материалам «Журнала чешского студенчества»	98
<i>Сергеенко Е. С. (Москва)</i> . Помощь Сербии школам Косово в конце XIX — начале XX в.	140
<i>Субаев Р. Р. (Москва)</i> . Идеология греческого национального движения в Младотурецкой революции: ирредентизм и имперско-федералистский эллинизм	120
<i>Ведерников М. В. (Москва)</i> . Становление политических организаций русских чехов во время Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1915 г.)	138
<i>Нечаева Н. И. (Москва)</i> . Словацкий вопрос в межвоенной Чехословакии	152
<i>Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. (Москва)</i> . Ф. М. Верниковский — деятель белорусского национального движения в межвоенной Польше	160
<i>Казак О. Г. (Минск)</i> . Русинский вопрос в оценках прешовской газеты «Словацкая свобода» (1939–1944 гг.)	176
<i>Покивайлова Т. А., Стыкалин А. С. (Москва)</i> . Из истории советско-румынских отношений в эпоху социализма	183

История культуры

<i>Тердик С. (Будапешт)</i> . Иосиф II и греко-католики	196
---	-----

<i>Косик В. И. (Москва). Актер, сцена, власть</i>	210
---	-----

Литературоведение

<i>Алипиева А. (Шумен). Первая мировая война и болгарский пораженческий роман «Багровая звезда, кровавая»</i>	
Константина Петканова	228
<i>Машкова А. Г. (Москва). К истории словацкого постмодернизма:</i>	
проза Павла Виликовского	237
<i>Огура Х. (Токио). О восточном мышлении в творчестве</i>	
Ольги Токарчук	250
<i>Ильина Г. Я. (Москва). Хорватская литература XX века</i>	
как традиция	267
<i>Ораич-Толич Д. (Загреб). Современный хорватский роман:</i>	
жанровые вариации и инновации	278
<i>Старикова Н. Н. (Москва). Словенский роман 2000–2010 гг.</i>	
как отражение политических	
и социокультурных трансформаций	293

Этнолингвистика и фольклор

<i>Агапкина Т. А. (Москва). Трепетание осины в этиологических сюжетах</i>	
славянского фольклора	302
<i>Колосова В. Б. (Санкт-Петербург). «Заячьи» травы в народной</i>	
ботанике славян	321

Языкознание

<i>Саенко М. Н. (Москва). О возможности взаимодействия праславянских</i>	
типов склонения на *-i- и *-ī-	336
<i>Сугаи К. (Токио). Структура удвоения дополнения по модели</i>	
левой дислокации в болгарском переселенческом диалекте	
в Румынии	344
<i>Чиварзина А. И. (Москва). Сравнительные конструкции типа</i>	
«красный как» в македонском языке в сопоставлении	
с албанским	355
<i>Дарбанова Н. А. (Улан-Удэ). Наивная геометрия русских говоров</i>	
Бурятии: круглое в восприятии носителей	
народной культуры	371

История науки

- Лантева Л. П. (Москва). Русская литература XIX в. у зарубежных славян в оценках В. А. Францева 380
- Аксенова Е. П. (Москва). У истоков историографического направления. (К истории создания в Институте славяноведения сектора историографии)..... 397

Публикации

- Кочегаров К. А. (Москва). Неизвестное письмо патриаршего местоблюстителя Стефана Яворского гетману И. С. Мазепе412
- Сератионова Е. П. (Москва). В. А. Мякотин о взаимоотношениях русской эмиграции и России 426

Рецензии и обзоры

- Стыкалин А. С. (Москва). Новый труд о судьбах народов Центральной и Юго-Восточной Европы в Первую мировую войну 444
- Силкин А. А. (Москва). Судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы Первой мировой войны глазами российских и зарубежных историков 450
- Стыкалин А. С. (Москва). Сборник документов о смене систем в странах Восточной Европы на рубеже 1980-х — 1990-х годов..... 460
- Девятков А. В. (Москва). Новая работа об истории приднестровского конфликта в контексте российской политики471
- Бершадская М. Л., Зеновская П. Е. (Санкт-Петербург). Первая в России история хорватской литературы XX века476
- Виноградова Л. Н. (Москва). Болезнь в польской культурно-языковой картине мира..... 481
- Макарцев М. М. (Москва). Новое исследование о миграции балканских славян-мусульман в Западную Европу 489
- Ващенко Д. Ю. (Москва). Новые учебники по словацкому языку 499

Хроника

- Пилипенко Г. П. (Москва). Полевое исследование старообрядцев в Латвии 504

<i>Дронов М. Ю. (Москва). Международная научно-практическая конференция «Исторические судьбы Карпатской и Западной Руси в отражении славянских литератур»</i>	510
<i>Шатько Е. В. (Москва). Круглый стол «Современная хорватская литература глазами хорватов и россиян»</i>	512
<i>Амелина А. В., Добычина А. С., Леонтьева А. А., Саенко М. Н. (Москва). Молодежная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие»</i>	520
<i>Яблоков Е. А. (Москва). Михаил Булгаков как интернациональное явление</i>	526
Сведения об авторах	531

Content

History

<i>Vasiliev M. A. (Moscow)</i> . Church of the Virgin of the Pharos in Constantinople in the diplomatic actions of the Rus' and the Byzantine in the first half of the 10 th century	13
<i>Florya B. N. (Moscow)</i> . Bernard Wapowski about ancient history of the Slavs and Poland	38
<i>Nemensky O. B. (Moscow)</i> . Eastern travel of Meletius Smotrytsky	46
<i>Lazarev Y. A. (Yekaterinburg)</i> . "Land of itself throughout Ukraine on divine goodness is so fertile and extensive": project of economic transformation in the Hetmanate by general I. B. Weisbach in 1733	56
<i>Frolova M. M. (Moscow)</i> . To the history of escape to Russia of Archbishop of the Bulgarian Uniate Church Joseph Sokolsky (1861)	79
<i>Vyazovtseva D. V. (Moscow)</i> . Formation of the Czech progressionist movement following "Czech student community magazine"	98
<i>Sergeenko E. S. (Moscow)</i> . Serbia's financial help to the schools in Kosovo at the end of the 19 th — the beginning of the 20 th century	110
<i>Subayev R. R. (Moscow)</i> . Ideology of the Greek nationalist movement in the Young Turk Revolution: irredentism and imperial and federalist Hellenism	120
<i>Vedernikov M. V. (Moscow)</i> . Establishment of political organizations of the Russian Czechs during World War I (July 1914 — February 1915)	138
<i>Nechayeva N. I. (Moscow)</i> . Slovak issue in interwar Czechoslovakia	152
<i>Labyncev J. A., Ščavinskaja L. L. (Moscow)</i> . F. M. Vernikovski — leader of the Belarusian national movement in interwar Poland	160
<i>Kazak O. G. (Minsk)</i> . Rusyn issue by estimate of the Prešov newspaper "Slovak liberty" (1939–1944)	176
<i>Pokivaylova T. A., Stykalin A. S. (Moscow)</i> . Glimpses of the Soviet-Romanian history in the socialist period	183

History of culture

<i>Terdik Sz. (Budapest)</i> . Joseph II and the Greek Catholics	196
--	-----

<i>Kosik V. I. (Moscow). Actor, stage, power</i>	210
--	-----

Studies of literature

<i>Alipiyeva A. (Shumen). World War I and the Bulgarian defeatist novel “Bloody purple star” by Konstantin Petkanov</i>	228
<i>Mashkova A. G. (Moscow). To the history of Slovak postmodernism: Pavel Vilikovský’s prose</i>	237
<i>Ogura H. (Tokyo). Eastern thinking in the works by Olga Tokarczuk</i>	250
<i>Ilyna G. Ya. (Moscow). Croatian literature of the 20th century as a tradition</i>	267
<i>Oraić-Tolić D. (Zagreb). Modern Croatian novel: genre variations and innovations</i>	278
<i>Starikova N. N. (Moscow). Slovenian novel of 2000–2010 as reflection of political and socio-cultural transformations</i>	293

Ethnolinguistics and folklore

<i>Agapkina T. A. (Moscow). Tremor of aspen in the etiological topics of Slavic folklore</i>	302
<i>Kolosova V. B. (St.-Petersburg). «Hare» herbs in the Slavonic Folk Botany</i>	321

Linguistics

<i>Sayenko M. N. (Moscow). On the possible interaction of Proto-Slavic *-i- and *-ī- types of declension</i>	336
<i>Sugai K. (Tokyo). The Structure of the Left Dislocation in the Bulgarian dialect in Romania</i>	344
<i>Chivarzina A. (Moscow). Comparative constructions «red as a» in the Macedonian language in comparison with the Albanian</i>	355
<i>Darbanova N. A. (Ulan-Ude). The naive geometry in Russian dialects of Buryatia: “round” in perception of folk culture’s representatives</i>	371

History of science

Lapteva L. P.

<i>(Moscow). Russian literature of the 19th century spread among the western Slavs evaluated by V. A. Frantsev</i>	380
---	-----

<i>Aksenova E. P. (Moscow)</i> . At the waterhead of historiographical sector (to the history of establishment of the department of historiography in the Institute of Slavic Studies).....	397
---	-----

Publications

<i>Kochegarov K. A. (Moscow)</i> . The unknown letter of the Patriarch locum Stefan Yavorsky to Hetman I. S. Mazepa.....	412
<i>Serapionova E. P. (Moscow)</i> . V. A. Myakotin on the relations between Russian emigration and Russia.....	426

Reviews

<i>Stykalin A. S. (Moscow)</i> . The new work on the fates of the peoples of Central and South-Eastern Europe during World War I.....	444
<i>Silkin A. A. (Moscow)</i> . Fates of the peoples of Central and South-Eastern Europe during World War I viewed by Russian and foreign historians.....	450
<i>Stykalin A. S. (Moscow)</i> . Collection of documents on the change of political systems in the Eastern Europe countries in the 1980–1990s.....	460
<i>Devyatkov A. V. (Moscow)</i> . New work on the history of Transdnestrian conflict in the context of Russian policy.....	471
<i>Bershadskaya M. L., Zenovskaya P. E. (St.-Petersburg)</i> . The first history of Croatian literature of the 20 th century published in Russia.....	476
<i>Vinogradova L. N. (Moscow)</i> . Disease in the Polish cultural and linguistic image of the world.....	481
<i>Makartsev M. M. (Moscow)</i> . New study on migration of the Balkan Slavs-Muslims to Western Europe.....	489
<i>Vashenko D. Yu. (Moscow)</i> . New Slovak language workbooks.....	499

Chronicle

<i>Pilipenko G. P. (Moscow)</i> . Fieldwork on the Old Believers in Latvia.....	504
<i>Dronov M. Yu. (Moscow)</i> . International research and practice conference “Historic fates of the Carpathian and Western Ruthenia reflected in Slavic literatures”.....	510
<i>Shat’ko E. V. (Moscow)</i> . Roundtable “Modern Croatian literature viewed by the Croats and Russians”.....	512

<i>Amelina A. V., Dobychina A. S., Leontyeva A. A., Saenko M. N. (Moscow). Conference of young scholars “Slavic world: commonality and diversity”</i>	520
<i>Yablokov E. A. (Moscow). Mikhail Bulgakov as an international phenomenon</i>	526
About the autors.....	531

М. А. Васильев
(Москва)

Константинопольский храм Богоматери Фаросской в дипломатических акциях Руси и Византии первой половины X века

В статье рассматривается роль располагавшегося в Константинополе храма Богоматери Фаросской в дипломатической активности Византийской империи по отношению к Руси в правление князей Олега и Игоря. В этой связи анализу подвергаются сведения статей «Повести временных лет» под 6420 (912) и 6453 (945) гг.

Ключевые слова: *Русь, Византийская империя, русско-византийские договоры, храм Богоматери Фаросской, Константинополь, князь Игорь, князь Олег, «Повесть временных лет».*

Чепуха? Конечно. Зато новая!
Станислав Ежи Лец. Непричесанные мысли

Согласно «Повести временных лет» (ПВЛ), после неудачно закончившегося похода князя Игоря на Византию («Империю ромеев») 941 г. (а затем после якобы состоявшегося в 944 г. еще одного похода) стороны начали переговоры о заключении нового — по сравнению с достигнутой ранее князем Олегом договоренностью с Империей — мирного договора.

Процедура переговоров носила многоэтапный характер.

В статье ПВЛ под 6453 (945) г. (реально события разворачивались в 944 г.) говорится, что император Роман (I Лакапин) и его соправители Стефан и Константин направили «слы к Игореву построити мира первого. Игорь же глагола с ними о мирѣ. Посла Игорь мужѣ своя къ Роману»¹.

В ходе переговоров в Константинополе послов великого князя с византийцами был заключен, между 1 сентября и (формально) 16 декабря 944 г.² (в этот день Роман I Лакапин был низложен; в действительности события развивались до убийства осенью 944 г. князя Игоря древлянами, произошедшего, предположительно, в ноябре³), письменно зафиксированный мирный договор. Его клятвенно утвердили в Царьграде как императорская сторона, так и «от рода рускаго сълы и госте»⁴.

Непосредственно в вошедшем в киевский летописный свод 1110-х годов (ПВЛ) дипломатическом документе, известном как до-

говор с греками 944 г., относительно последней дипломатической акции и применительно к представителям Руси говорится следующее:

Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на ней, не преступити от него ничто же; а иже преступитъ се от страны нашея, ли князь ли инъ кто, ли крещень или некрещень, да не имуть помощи от Бога, и да будетъ рабъ въ весь вѣкъ в будущий, и да заколень будетъ своимъ оружемъ.

А некрещеная Русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и прочаа оружья, да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатьи сей, хранити от Игоря и от всѣхъ боляръ и от всѣхъ людей от страны Руския въ прочая лѣта и воину.

Аще ли же кто от князь или от людей русских, ли хрестеянъ, или не хрестеяъ, преступитъ се, еже есть писано на харатьи сей, будетъ достоинъ своимъ оружемъ умрети, и да будетъ клять от Бога и от Перуна, яко преступи свою клятву⁵.

Но по дипломатическим условиям того времени соглашение приобретало полную силу только после его окончательного утверждения (ратификации) представителем высшей власти другой стороны, князем Игорем, что специально оговаривалось в документе⁶.

В историографии обоснован и принят вывод, согласно которому тексты договоров Руси с греками X в. отсутствовали в своде 1090-х годов (названном А. А. Шахматовым Начальным и отраженном по статье под 6523 (1015) г. в Новгородской I летописи младшего извода⁷) и были внесены в летопись составителем ПВЛ⁸.

Его же перу, следовательно, принадлежит сопровождающее текст договорного документа повествование, относящееся к тому типу, который А. А. Горский называл летописными «*обрамлениями*»⁹. Полагаем, что подобные искусственно (и зачастую искусно) созданные древнерусскими книжниками весьма нередкие при описании первых времен истории Руси повествования и функциональнее, и, главное, терминологически точнее в целом ряде случаев определять в качестве «*рассказов-конструкций*». Это в полной мере относится к содержащемуся в ПВЛ под 6453 г. пассажу.

Согласно имеющемуся в статье под этим годом «*рассказу-конструкции*» (летописному «*обрамлению*»), следующему после текста указанного дипломатического акта:

Послании же сли Игоремъ придоша к Игореву со слы греческими, и повѣдаша вся рѣчи царя Рамана. Игорь же призва слы греческия, рече имъ: «Глаголите, что вы казаль царь?» И рѣша сли цареви: «Се посла ны царь, радъ есть миру, хоцеть миръ имѣти со княземъ рускимъ и любѣе. Твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ послаша ротѣ водить тебе и мужъ твоихъ». Обѣщася Игорь сице створити. Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, и покладоша оружье свое, и *щиты*, и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестеяную Русь водиша ротѣ в церкви святаго Ильи, яже есть надъ Ручаемъ, конецъ Пасынчѣ бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ сборная церкви, мнози бо бѣша варязи хрестеяни. Игорь же, утвердивъ миръ съ греки, отпусти слы, одаривъ скорою, и челядью и воскомъ, и отпусти я; сли же придоша ко цареви и повѣдаша вся рѣчи Игоревы и любовь юже къ грекомъ¹⁰.

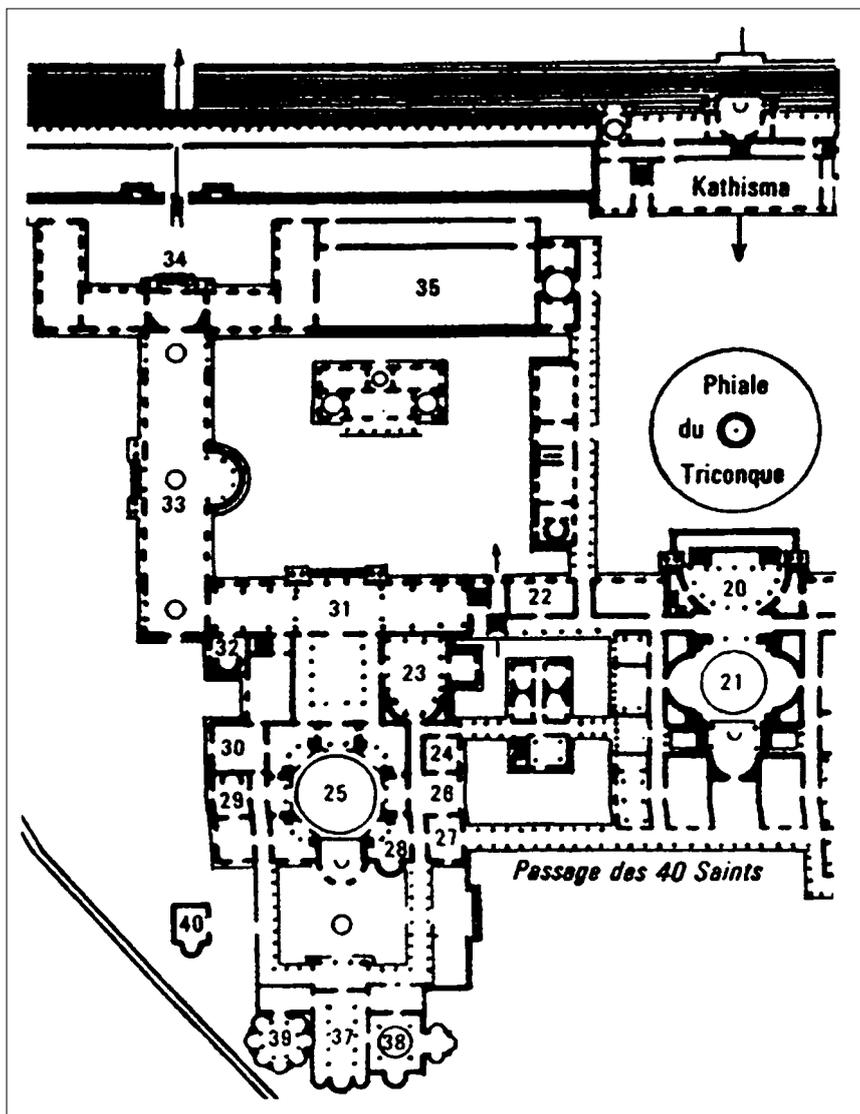
Такова содержащаяся в ПВЛ общая событийная канва, связанная с дипломатической акцией 944 г.

Одной из главных задач в настоящей публикации является прояснение как смысла сегмента договорного акта: «Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви» («Мы же, сколькое из насъ крещены, клялись церковью святаго Ильи в соборной церкви»¹¹. — М. В.), так и стоящих за ним вовсе не очевидных, без специального анализа, смыслов.

Что касается имеющего длительную и богатую историографическую традицию вопроса о соотношении упоминаемой в договорном документе 944 г. Ильинской церкви и называемого в «рассказе-конструкции» аналогичного храма в Киеве¹², то здесь он не подвергается развернутому рассмотрению. Однако некоторые относящиеся к этой проблематике суждения будут сформулированы далее.

Характеризуя историко-научную ситуацию в целом, отметим, что многими десятилетиями многие исследователи смотрели на «рассказ-конструкцию» ПВЛ о киевской процедуре ратификации договора с «Империей ромеев» в 944 г. как на достоверное, практически аутентичное показание¹³.

При обращении к фрагменту: «Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви...» нельзя не констатировать того, что он действительно труден для понимания и семантически однозначного прочтения. Тем не менее цитированный пассаж вполне поддается конечному разъяснению. Но не на

План-реконструкция части Большого императорского дворца в Константинополе с указанием храма Богородицы Фаросской с его церквями-приделами.

основе киевских реалий середины X в., а на основании реальностей Нового Рима, относящихся ко времени до катастрофы 1204 г.

Тщательному рассмотрению проблематику договоров Руси и Византии X в. с точки зрения дипломатики подвергла Я. Малингуди в двухчастной публикации¹⁴, на которую мы в дальнейшем во многом будем опираться.

Исследовательница обосновала то, что дипломатическая акция по заключению договора 944 г. между «Империей ромеев» и Русью относилась к типу так называемых *сложных процедур*. Такая процедура применялась в случае, когда один из двух государей, участвовавших в переговорах, выступал не прямо, а через своего представителя / своих представителей. В рассматриваемом случае это относится к опосредованным контактам князя Игоря с василевсом Романом I (и его соправителями) в Константинополе.

При *сложной процедуре* «сам акт договора складывался из трех взаимообусловленных правовых процессов: а) из передачи посредникам полномочий от представляемого ими государя; б) из заключения договора полномочными посредниками; в) из ратификации достигнутого соглашения государями. Только после третьего акта... договор получал правовую силу»¹⁵. «Полномочия посредников сводились главным образом к тому, чтобы выработать условия договора, заключить его и скрепить клятвой»¹⁶.

Специально интересный нам второй этап *сложной процедуры* состоял в том, что «посредник фиксировал письменно выработанные материальные пункты соглашения, т. е. изготавливал так называемую *посредническую грамоту* (курсив наш. — М. В.)... Каждая из сторон подготавливала свой документ, в котором излагала принимаемые ею на себя обязательства по отношению к партнеру. Для большей верности и во избежание споров, которые могли возникнуть в будущем, посредники иногда включали в свою грамоту также целиком или частично (в выдержках, *inserta*. — М. В.) и обязательства своего партнера...»¹⁷ «Посредническая грамота скреплялась обыкновенно подписью, печатью и клятвой посредника. Однако его клятва знаменовала не заключение договора в целом, а лишь завершение второго акта сложной процедуры. Клятву посредники приносили от имени того, кто их уполномочил; они обещали, что их государь ратифицирует соглашение, которое они выработали, в той форме, в какой они его записали... Клятва посредника была лишь одной из дополнительных гарантий записанного текста договора; ее никоим образом не следует путать с той клятвой, по-

средством которой глава государства ратифицировал договор, т. е. «ратификационной клятвой»¹⁸.

В итоге *посредническая грамота* содержала подтверждение полномочий посредников, их клятвенные ратификационные обещания и еще нуждались в конечном утверждении правителем пославшей их политики¹⁹.

Согласно выводам Я. Малингуди, «из трех русско-византийских договорных грамот X в. договор между русским князем Игорем и византийским императором Романом I Лакапином от 944 г. представляет собой *посредническую грамоту*»; текст договора «содержит все характерные признаки посреднической грамоты...»²⁰.

Текст составленной в Константинополе *посреднической грамоты* представителей Руси, т. е. *того документа, который принято называть договором 944 г. между князем Игорем и греками*, включал: данные о полномочиях; диспозицию; санкцию²¹. После санкции и вплоть до клятвы руси²² шел инсерт (*inserta*), т. е. включение (вставка) — выдержка из грамоты партнера, византийской стороны²³, ставшая неотъемлемой частью посреднической грамоты руси.

После инсерта следовала принадлежавшая уже собственно посреднической грамоте Руси *клятвенная формула*. В ПВЛ это приведенный фрагмент от слов «Мы же, елико насъ хрестилися есмы...» до слов «...яко преступи свою клятву».

Затем следовала завершающая, ратификационная формула (повторное ратификационное обещание):

«Да аще будеть добръ *устроиль миръ* Игорь великий князь, да хранить си любовь правую, да не разрушится, дондеже солнце съяеть и весь миръ стоять, в нынешния вѣки и в будущая»²⁴.

Таким образом, имеющийся в ПВЛ сегмент договорного документа 944 г. («Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и подлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на ней, не преступити от него ничто же...») *принадлежит клятвенной формуле посреднической грамоты Руси*. Эта грамота («харатья») изготавливалась в Константинополе после достижения договоренностей и их фиксировала; в виде копии там же она оставалась на хранение, в копиях в книге императорской канцелярии²⁵.

Здесь, считаем, целесообразно сделать *отвлечение*, не только обладающее определенной самоценностью, но, что главное, имеющее для последующего изложения исследовательский смысл.

Как писала Я. Малингуди, «копийная книга императорской канцелярии, в которую вносились поступавшие в нее документы, не сохранилась. Однако из подобной копийной книги должны были быть переписаны русские договоры. По моему мнению, речь может идти о своего рода официальных *commentarii principis*, т. е. о книгах, в которых не только находились копии документов с именами соответствующих императоров (оригиналы шли в архив канцелярии), но в которые также вносились всевозможные исторические справки (нотиции) или рассказы о происшедших событиях, связанных с данными копиями. Подобного рода книги велись вплоть до XIII в. ... В этом убеждают те рассказы и данные, которые имеют отношение к текстам всех трех договоров, сохраненных ПВЛ, и к обстоятельствам и процедуре их заключения. Кроме того, спрашивается, откуда мог Нестор, русский монах конца XI — начала XII в., приобрести столь точные познания о дипломатической практике византийской канцелярии и о событиях, связанных с заключением договоров (курсив наш. — М. В.)?»

Эти официальные *commentarii principis* должны были вестись прежде всего при императорской канцелярии. В них были включены, по моему мнению, наряду с текстами трех договоров, также следующие записи (нотиции): а) рассказ о принесении клятвы Олегом в 907 г.; б) повествование о заключении договора 944 г., в котором, в частности, была подробно описана ратификация этого соглашения; в) рассказ о заключении договора 971 г. и о принесении клятвы князем Святославом и его людьми. Все эти рассказы были объективными, лишены строгой юридической формы. Тем самым они предоставили Нестору... возможность переработать оказавшийся в его руках материал стилистически и лексически²⁶.

В настоящем *отвлечении* рассматривается лишь часть «б» Я. Малингуди. Ограниченность объема и определенность основной темы статьи позволяют изложить нашу точку зрения лишь эскизно. Тем более что в главном она уже была опубликована²⁷, но может быть дополнена и развита.

На вопрос исследовательницы: откуда мог монах-летописец начала XII в. (так вернее, чем у Я. Малингуди) приобрести точные познания о дипломатической практике византийской канцелярии и о событиях, связанных с заключением договора, полагаем, следует ответить следующим образом.

Все свои «точные познания» в данном случае «Нестор» приобрел: а) из текстов договоров с греками X ст., единовременно оказавшихся в руках создателя ПВЛ, б) из текста Начального свода 1090-х годов,

явившегося важнейшей составной частью свода 1110-х годов. *Этих нарративов* [вкуче с **в**] собственным комбинаторно-конструирующим творчеством летописца] *удовлетворительно достаточно* для объяснения **всех** составляющих «рассказа-конструкции» под 6453 г.

1). (Императивная) *необходимость* создания «рассказа-конструкции» о процедуре ратификации договорного документа между «Империей ромеев» и Русью в Киеве диктовалась летописцу самим текстом этого документа. Так как *инсерт* из договорной грамоты византийской императорской стороны в посредническую грамоту Руси специально оговаривал условия, при которых договор обретает окончательную силу²⁸:

«А отходяче послом царства нашего да допроводять [ю]²⁹ великому князю рускому Игореву и к людемъ его; и ти принимающе харатью, на роту идуть хранити истину, яко мы свѣщахомъ, напсахомъ на харатью сию, на ней же суть имяна наша написана»³⁰.

2). Содержание начала «рассказа-конструкции» (от «Послании же сли Игоремъ...» до «...водить тебе и мужъ твоихъ»³¹) и его окончания (от «Игорь же...» до «...любовь юже къ грекомъ»), полагаем, без затруднений объяснимо как из текста предшествующего ему дипломатического акта (особенно это касается речи «слы гречьския»), так и в качестве результата литературного комбинаторного творчества летописателя.

3.1). Текстовый сегмент «Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, где стояше Перунъ» объясним как результат *ретроспективного проецирования* сведений статьи ПВЛ под 6488 (980) г., имевшейся уже (как минимум) в Начальном своде 1090-х годов³¹ и повествующей о начале проводившейся Владимиром Святославичем в первое примерно десятилетие (978–989 гг.) его великого княжения языческой («первой религиозной») реформы³²: «И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ...»³³

3.2). Мнение автора ПВЛ о том, что именно Перун являлся главным из богов дохристианской Руси, и о том, что-де именно перед Перуновым кумиром князь Игорь и его мужи приносили в Киеве ратификационную клятву, основывалось не только на статьях Начального свода под 6488 (980), 6491 (983), 6496 (988) гг., повествовавших о «первой религиозной реформе»³⁴ (именно из них, и никаких иных статей Начального свода, он вообще в данном «рассказе-конструкции» во многом формировал свое представление о реалиях эпохи князя Игоря, в том числе пользуясь методом *ретроспективной экс-*

траполяци). Главенствующую же роль играли сами договорные документы Руси и Византии: 944 г. (в первую очередь; соответствующий текст см. ранее) и князя Святослава 971 г. (см. ниже).

4) Конструирование клятвы Игоря и его ближних предметами вооружения («... и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, и покладоша оружие свое, и *щиты*, и золото...») было естественно в свете соответствующего сегмента текста договора 944 г. (см.); кроме того, согласно договору 911 г. князя Олега с греками, он утверждался не только на словах и письменно, но и «клятвою твердою, кленшеся оружием своим»³⁵.

Золото же появилось под влиянием текста договора с греками Святослава Игоревича: «Аще ли *от* тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ не съхранимъ, азъ же (Святослав. — *М. В.*) и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву (будем прокляты. — *М. В.*) от бога, въ его же вѣруемъ — в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти, яко золото (“и да будем желты, как золото”), и своимъ оружиемъ да исѣчени будемъ»³⁶. Как видно, здесь *золото* (атрибут Волоса) и *оружие* (атрибут Перуна) выступают в неразрывной сакральной и семантической парной сцепке, «перекочевавшей» в разбираемое «обрамление».

5). Относительно связанной с храмом св. пророка Ильи проблематики см. выше и далее.

6). Фраза, согласно которой во времена Игоря в Киеве «мнози бо бѣша варязи хрестеяни», возникла, думаем, под влиянием повествования о варягах-христианах, отце и сыне, которые мученически погибли, сопротивляясь попытке принести младшего из них в жертву в новосозданном Владимиром киевском языческом (условно «Перуновом») капище (статья под 6491 (983) г.)³⁷. Из данного рассказа церковный писатель, создававший ПВЛ, мог вывести (ретроспективно экстраполируя) заключение о киевском местожительстве многих варягов-христиан уже при деде Владимира.

Все сказанное заставляет не согласиться с высказанной Я. Малингуди идеей относительно нотиции — для данного случая. Поскольку «рассказы-конструкции» / летописные «обрамления» являлись в древнерусском летописании одним из ординарных приемов, то использование его в разобранном на составляющие частном случае делает ее предположение избыточным, т. е. отсекаемым «бритвой Оккама». В статье под 6453 г., считаем, имеем дело со сконструированной сводчиком 1110-х годов виртуальной реальностью, надежно разложимой на ее образующие источниковые «кирпичики»³⁸.

Подчеркнем при этом, что создавший данную виртуальность автор был настолько искусен, что по сей день вышедший из-под его

пера текст нередко воспринимается как едва ли не «моментальный снимок» реально бывшего.

Вернемся от *отвлечения* к основному изложению. Из сказанного вытекает то, что речь может идти *только о константинопольском, и ни о каком ином*, этапе переговорного процесса, отразившемся в разбираемом документе. Данное независимо полученное заключение полностью согласуется с пространственным примечанием Я. Малингуди к основному тексту работы:

«Здесь необходимо особо подчеркнуть, что русские послы приносили свою клятву *в Константинополе*. Об этом свидетельствуют не только данные разбиравшихся нами посреднических грамот и указания в императорских хрисовулах, но и прошедшее время глагола “клясться” в клятвенной формуле русских посредников». Далее Я. Малингуди указывала на то, что легко можно спутать *посредническую* клятву с *ратификационной*, а это приводило некоторых исследователей к неверному мнению о том, что речь в данном случае идет о клятве, принесенной *в Киеве* Игорем и его людьми. «Однако здесь в самой клятвенной формуле называется церковь, где приносили клятву крещенные русские посредники в Константинополе: “Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью свягаго Ильѣ въ сборнѣй церкви”. В Константинополе действительно была церковь во имя Ильи-пророка. Ее построил Василий I (867–886) с северо-восточной стороны императорского дворца. У нее не было своего входа, так как она была пристроена к соборной церкви Богоматери Фаросской, и нужно было сначала войти в нее, чтобы затем, свернув направо, попасть в церковь (или придел) пророка Ильи, чем и объясняется двукратное упоминание в вышеприведенной формуле (*в церкви пророка Ильи — в соборной церкви*). Константин Багрянородный (Я. Малингуди имела в виду трактат середины X в. «О церемониях византийского двора». — М. В.) называет церковь Ильи-пророка как “церковью” (εὐκτήριος οἶκος), так и “приделом” (παρεκκλήσιον)»³⁹ (*пареклѣсия, парэклѣсий, парэклесія, пареклѣсий* — в византийской архитектуре вспомогательная часовня, которая пристраивалась к храму; в русской традиции именуется *приделом*).

Из сказанного следует то, что *константинопольская церковь св. Ильи являлась частью небольшого самостоятельного храмового комплекса, по существу своему, церковью-приделом храма Богоматери Фаросской, что фактически превращало этот храм в «сборную церковь», в собор*. Это обстоятельство **фактографически точно**

и отразил текст договорного документа 944 г. — если только знать стоявшие за ним реалии Второго Рима середины X ст.

Храм Богородицы Фаросской (Ναός Θεοτόκου τοῦ Φάρου; Богородицы Фарской, Богородицы Фара, буквально — «при Маяке»)⁴⁰, до наших дней совершенно не сохранившийся, среди многочисленных христианских культовых сооружений Константинополя, в том числе более чем двадцати известных по письменным источникам храмов и часовен района Большого дворца, занимал место, в некоторых отношениях сопоставимое с рангом собора Св. Софии. И речь идет не просто о блиставшем изысканным великолепием внешнем и внутреннем убранстве этого небольшого по своим масштабам архитектурного шедевра.

Храм был сооружен, вероятно, в середине VIII в. на высокой террасе неподалеку от Фароса — построенного в VI ст. возле дворцовой гавани Вуколеон маяка, от которого получил свое наименование. Церковь вошла в ту часть архитектурного комплекса Большого императорского дворца, которая называлась «священный дворец», часто именовавшийся латинскими паломниками Вуколеон (Вуколеон) (поэтому в одном из документов о ней говорится как о «великом храме, находящемся во дворце»). Она располагалась в южной части Большого дворца, являвшегося сосредоточием политической и общественной жизни Империи, фактически составляя с ним единый ансамбль, неподалеку от Хрисотриклиния (Золотой палаты — главного тронного зала) и жилых императорских покоев дворца Дафна. Особой архитектурной пристройкой храм соединялся с дворцовой сокровищницей.

Храм Богородицы Фаросской располагался между собою примыкавшими к нему маленькими церквями пророка Ильи, св. Климента (построены императором Василием I Македонянином) и церковью св. Димитрия Солунского (воздвигнута на рубеже IX–X вв.) (см. **рис. 1**)⁴¹.

Первое упоминание о церкви Богородицы Фаросской относится к 768 г., когда «в церкви Фары» было освящено обручение Льва (будущего императора Льва IV Хазарина, 775–780), сына императора Константина V Копронима (741–775) (считается, что именно он построил данный храм), и афинской аристократки Ирины. После победы иконопочитания храм был перестроен, исключительно богато оформлен снаружи, роскошно украшен внутри и в 864 г. заново освящен при императоре Михаиле III Пьянице (840–867).

Дворцовый храм Богородицы Фарской с VIII в. (насколько позволяют предполагать немногочисленные источники) и вплоть до XI в. служил *домовой церковью византийских государей*. В X ст. он был предназначен для повседневной литургии в присутствии императора и

его семьи, а кроме того, для торжественных служб в первый день года, 1 мая, в день поминовения пророка Ильи (в присутствии синклита, совета высшей знати при императоре), в Чистый четверг, в Великую субботу и в Великий четверг. Церковь также использовалась в свадебных обрядах (венчание) византийских василевсов и в церемониях их коронации; в ней же хранились различные украшения для убранства Хрисотриклиния в дни приемов иноземных послов.

Помимо сказанного, относящегося, условно, к властно-политическому ракурсу, особо следует акцентировать то, что в IX–XIII вв. храм Богоматери Фаросской являлся местопребыванием многих главнейших святынь христианства.

Вероятно, после своей перестройки и повторного освящения в 864 г. дворцовая церковь Богородицы Фара стала местом хранения важнейших христианских реликвий Византийского государства, *императорским храмом-реликварием* и одним из воплощений победы иконопочитания.

Около 1200 г. Николай Месарит, византийский писатель и церковно-политический деятель, скевофилакс (хранитель имущества) церкви Богоматери Фаросской, оставил подробное свидетельство о хранившихся здесь к его времени наиболее почитаемых *святынях Страстей Господних*: терновый венец, гвоздь распятия, ошейник Христа, гробные пелены, лентион — полотенце, которым Христос вытер ноги апостолам, копие, багряница, посох (трость), сандалии Господни, камень от гроба. Помимо реликвий Страстей, Месарит сообщает о двух важнейших нерукотворных образах Христа: на плате (Мандилионе) и на черепице (Керамионе), также хранившихся в этой дворцовой церкви. Перечень Николая Месарита далеко не полный, даже по разделу главных реликвий.

Здесь также находился сосуд с кровью Христовой. В церкви хранились части мафория, пояса, обуви Богоматери и многое иное. Среди многочисленных мощей святых выделялся комплекс реликвий Иоанна Крестителя — его глава, правая рука (десница; помещена в храм в 956 г.), которую использовали в обряде поставления императоров на царство, а также волосы, части одежды и обуви, железный посох с крестом.

История и хронология формирования этого обширного комплекса святынь плохо освещена источниками, имеется лишь несколько точно датированных фактов. Однако можно быть уверенным в том, что в середине X в. основные реликвии Страстей Христовых уже находились в Фаросской церкви. (А. М. Лидов писал о хронологически несколько более широком интервале, о второй половине X в., но, как следует из

приводимого им документа 958 г., возможно все же говорить о середине этого столетия⁴².) В этой связи (и, может быть, для нашей темы) небезынтересно то обстоятельство, что 16 августа 944 г. в храм Богородицы Фарской торжественно был перенесен Мандилион.

Тот требовавший дешифровки намек, который содержится в клятвенной формуле посреднической грамоты «от рода рускаго сълы и гостъе» князя Игоря относительно места принесения «крещеной русью» клятвы в Константинополе, вкупе с приведенным небольшим компилятивным обзором, относящимся к «сборному» царьградскому храму Богоматери Фаросской, позволяют сделать некоторые предположительные заключения. Причем такие, которые могут существенно обогатить наше видение рассматриваемой дипломатической акции 944 г.

Теперь, опираясь на константинопольские реалии середины X в., мы можем вполне наглядно — хотя и реконструируя, разумеется, но с максимальной вероятностью — представить и частью ощутить тот высочайший, в буквальном смысле императорский, уровень, на котором посредники-христиане (> все посольство) из Руси принимались в Царьграде. И ту подавляюще-величественную и возвышенно-сакральную обстановку, в которой бывшая в посольстве «крещеная русь» приносила в 944 г. посредническую клятву (см. **рис. 1**),

(с) попадая в церковь-придел пророка Ильи

(а) из главного тронного зала, Золотой палаты (Хрисотриклиния) Большого императорского дворца, предназначенной для ежедневных и праздничных приемов, переговоров с послами (вряд ли есть веские основания думать, что русь являла в этом отношении исключение) и других официальных мероприятий высшего государственного уровня,

(b) неизбежно при этом пройдя через архитектурно составлявший единое целое с Большим дворцом дворцовый Фаросский храм, домашний храм «василевсов ромеев» и одновременно — храм-реликварий, полный величайшими святынями тогдашнего христианского мира (и наверняка осмотрев их, при комментариях сопровождавших, можно думать).

А также как бы «осязаемо» представить мощные психологические эффекты дипломатии «ромеев» по одновременно имперско-светскому и имперско-религиозному воздействию на «северных варваров» — прозелитов. И в целом — хотя бы фрагментарно реконструировать, «одев исторической плотью», до сих пор оставшийся весьма смутным эпизод ушедшей реальности более чем тысячелетней давности.

Суммируем. В находившемся в центре анализа фрагменте составленной в Константинополе посреднической грамоты 944 г. речь идет о том, что часть прибывших из Руси послов, выступавших как посредники между своим князем, Игорем, и «василевсами ромеев», «крещеная русь», находясь в царьградской церкви св. Ильи-пророка, являвшейся составной частью (одной из часовен-приделов) «сборного» по факту храма Богоматери Фаросской, клялись этой церковью «не преступити от него (соглашения. — М. В.) ничто же» «в предложении честного креста и хартии этой»⁴³.

Что же касается выбора из нескольких десятков храмовых сооружений константинопольского Большого дворца церкви (часовни, придела) именно св. Ильи-пророка, то он едва ли был случаен. И не только по причине совокупной силы «эффектов воздействия» на «крещеную русь», к которой стремилась, надо думать, византийская дипломатия. В этом выборе, предположительно, могли участвовать сами христиане из Руси либо, во всяком случае, учитываться их предпочтения.

В историографии не раз высказывалось мнение, согласно которому в «народном христианстве» восточных славян на Илью-пророка были распространены многие представления, связанные с общеславянским / древнерусским громовником Перуном⁴⁴. Кроме того, на Руси Перун специально являлся княжеско-дружинным богом-покровителем, и посему именно им в Константинополе достоверно клялись «русские» язычники — вне зависимости от их лингвокультурного лица. Потому есть некоторые основания предполагать, что уже к середине X ст. в сакральном мирозерцании (части) руси самостоятельно сложился определенный синкретический параллелизм образов пророка Ильи и Перуна⁴⁵.

Возвращаясь к теме Ильинского храма в Киеве, считаем возможным полагать следующее.

Летописец начала XII в., выстраивая «рассказ-конструкцию» о ратификации договора 944 г. в Киеве из имевшихся у него «под рукой» информационных «кирпичиков», *по аналогии* с текстом рассматриваемого договорного акта и применительно к Киеву *симметрично* «направил» Игоревых христиан середины X в. приносить присягу в здешнюю церковь св. пророка Ильи, отождествив ее с актуальным для его времени, начала века XII, Ильинским храмом. А также, по своему осмыслив процитированный отрывок договора (можно думать, ему не вполне понятный, как, впрочем, и ученым столетия спустя), *симметрично* же сделал этот храм для времени князя Игоря «сборным», т. е. соборным.

Открытым, однако, остается вопрос: существовал ли киевский храм Ильи-пророка при Игоре вообще? Ответы возможны как положительный, так и отрицательный. Причем в силу состояния источников оба они равно неверифицируемы.

Потому, на наш взгляд, никак нельзя исключать (высокой) вероятности того, что «сборная» Ильинская церковь в Киеве для середины X в. попросту могла быть «реконструктивно измыслена» автором ПВЛ — для создания все той же «*фактографичной*» симметрии с текстом договорного документа.

Во всяком случае, весомым аргументом в пользу того, что перед нами не реалья, относящаяся к середине X в., служит то обстоятельство, что творец «рассказа-конструкции», летописец начала XII в., очевидным образом имел в виду современную ему («яже есть») киевскую Ильинскую церковь, с точной топологической привязкой.

В рамках рассматриваемой темы исследовательское внимание не может не привлечь еще один содержащийся в «Повести временных лет» текст. Из которого с безоговорочной определенностью следует, что храм Богоматери Фаросской фактически упоминается в этом летописном своде не только в статье под 6453 г., но и в статье под 6420 г.

И вновь он фигурирует в ПВЛ анонимным, неявным образом. А само это упоминание вновь оказывается связано с крупной дипломатической акцией Руси и Империи первой половины X в.

В статье под 6420 (912) г. (реально речь должна идти о событиях 911 г.), сразу после текста заключенного при князе Олеге договора между Русью и Византией (вошедшей в ПВЛ договорной грамоты⁴⁶), читается следующий принадлежащий непосредственно летописному своду 1110-х годов пассаж:

Царь же Леонъ (император Лев VI Мудрый, 886–912 гг. — *М. В.*) почти послы рускые дарми, златом, и паволоками, и фофудьями (виды очень дорогих тканей. — *М. В.*), и пристави к ним мужи свои показати им церковную красоту, и полаты златыя и в них сущаа богатество, злата много, и паволоки, и камъне драгое, и страсти Господня и венец, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святых, учаше я к вѣре своей и показующе им истинную вѣру. И тако отпусти а во свою землю с честью великою. Послании же Олгом послы приидоша ко Олгови, и поведаша вся рѣчи обою царю, како сотвориша миръ, и уряд положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не преступити ни греком, ни руси⁴⁷.

Происхождение данного летописного рассказа вызвало недоумение со стороны Д. С. Лихачева: «...откуда мог взять составитель “Повести временных лет” все эти сведения? Их нет в предшествующем Начальном своде, где отсутствует и сам договор... По-видимому, составитель “Повести временных лет”, включая в летопись тексты договоров, стремился конкретно представить заключение договоров и сделал это отчасти по образцу, данному в рассказе 988 г. о пребывании посольства Владимира в Константинополе»⁴⁸.

Речь идет о помещенном в статье под 6495 (987) г. следующем тексте (988 г. в цитате — результат опечатки либо описки).

В ходе «испытания вер», якобы устроенного князем Владимиром, посольство из Руси, посетив исповедовавших мусульманство волжских болгар и затем «нѣмци», у которых «сглыдаваше церковную службу их», прибыло в Константинополь.

Узнав о вероисповедных целях послов, «царь рад бывъ, и честь велику створи имъ въ той же день. Наутрия посла къ патреарху, глаголя сиче: “Придоша Русь, пытающе вѣры наша, да пристрой церковь и клирос, и самъ причинися в святительския ризы, да видять славу Бога нашего”. Си слышавъ патреархъ повелѣ созвати клиросъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде с ними в церковь, и поставиша я на пространѣ мѣстѣ, показующе красоту церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, престоянѣ дьяконъ, сказующе имъ служенѣ Бога своего. Они же во изумѣнни бывше, удивившеса, похвалиша службу ихъ. И призваша я царя Василий и Костянтинъ, рѣста имъ: “Идѣте в землю вашу”, и отпустиша я с дары велики и съ честью. Они же придоша в землю свою»⁴⁹.

Хотя мнение, согласно которому приведенные два рассказа связаны между собой, может быть, не лишено некоторого основания, но все же, думаем, перед нами очень разные повествования, второе из которых затруднительно, хотя бы и «отчасти», посчитать образцом для первого. В том числе потому, что в них идет речь о *двух различных способах церковно-идеологического воздействия* на посольства «северных варваров».

Во втором рассказе (явно сконструированном автором свода начала XII в., на что указывал Д. С. Лихачев) таким способом называется *пышная церковная служба, устроенная* по императорскому указанию *отправлявшим ее «патреархом»*, может быть, в царьградском Софийском соборе. И способ этот, согласно ПВЛ, возымел на посланных Владимиром самое радикальное воздействие⁵⁰.

Однако первый рассказ, и как целое, и в интересной нам части, более чем существенно отличается от второго. Он повествует, во-первых, об обычных в дипломатической практике *материальных «подарках»* «ромеев» послам Руси по случаю успешно заключенного мирного соглашения (ср. приведенный текст, например, с рассказом ПВЛ под 6463 (955) г. о посольском визите княгини Ольги в Царьград: император «дасть ей дары многи, злато и серебро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю...»), а также следующие далее слова послания княгине «царя греческого»: «Много дарихъ тя»⁵¹). Во-вторых, о стремлении византийских властей *наглядно и вещественно продемонстрировать руси богатство и мощь Нового Рима* (объяснимое смешивающее совмещение семантических полей «богатство» и «сильная власть, могущество»).

Наконец, в-третьих, о попытке идеологического воздействия на послов с целью склонить их к христианству, но совершенно иначе, чем в статье под 6495 (987) г.: через *специальную демонстрацию сакральных предметов Страстей Господних*, а также мощей святых.

И здесь просматривается возможная непосредственная связь событий 944 г. и 911 г., имеющих отношение к заключению соответствующих договоров Руси и Империи. Потому что, как можно было видеть из приведенного компилятивного обзора, высоко ценимые в христианском мире святыни, связанные со Страстями Христовыми, в том числе названные в летописной статье под 6420 г., а также многие иные, хранились именно в храме-реликварии, «сборной» церкви Богоматери Фаросской; немало в ней было и сакральных останков.

И если первые два из указанных выше компонентов рассказа под 6420 г., а также концовка рассматриваемого летописного фрагмента могут — *в принципе* — быть отнесены на счет конструирования автора ПВЛ, чему никаких непреодолимых препятствий мы не усматриваем, то третий в схему «рассказа-конструкции» очевидным образом не укладывается. Пользуясь оборотом Д. С. Лихачева, уместно спросить: откуда мог взять составитель «Повести временных лет» эти сведения? Ведь никаким явным материалом для реконструирования специальной демонстрации руси в 911 г. страстных объектов он не обладал: нет такого материала ни в текстах соответствующих договоров X в., ни в тексте Начального свода, являвшегося одной из важнейших составляющих ПВЛ.

С неочевидной стороны коснулся летописного миниповествования под 6420 г. А. В. Назаренко. В статье, посвященной «истокам русского паломничества», исследовать писал: «В “Повести временных

лет” под 911 г. сообщается о том, что византийский император Лев VI после заключения мирного договора с Русью показывал русским послам “церковную красоту, и полаты златыа и в них сушаа богатество [...] и страсти Господня, и венець, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святых, и учаще я к вѣре своей”. Сравнение этого характерного перечня святынь с одним латинским описанием паломничества середины XII в., а также с рядом других свидетельств дает основание утверждать, что речь идет о святынях дворцовой церкви Пресвятой Богоматери Фаросской в Константинополе, и предполагать, что летописное сообщение отражает реальность не 911 г., а начала XII в., времени создания в киевском Печерском монастыре “Повести временных лет”. Иными словами, перед нами скорее всего неявное свидетельство о каком-то киево-печерском паломничестве в Царьград этого времени — паломничестве, по другим источникам неизвестном⁵².

Нельзя не согласиться с А. В. Назаренко в том, что в летописном тексте речь идет о святынях Страстей Христовых, хранившихся в Фаросском храме. Также нельзя считать не допустимой предложенную ученым трактовку относительно паломничества начала XII в. В таком случае рассматриваемое летописное «обрамление» могло бы быть представлено как «рассказ-конструкция», создавая который автор ПВЛ частью воспроизвел тот же образец, шаблон, что и в статье под 6495 (987) г. (как полагал Д. С. Лихачев), а также привлек сведения, ему современные, для придания рассказу дополнительной краски.

Указанное решение, однако, не кажется нам в должной мере убеждающим. Например, остаются недоуменные сомнения: по каким причинам летописец поместил сведения паломников начала XII ст., если уж хотел их учесть, именно в «обрамление» к мирному договору, заключенному примерно двумя столетиями ранее? И почему не поместил их, скажем, в тот же летописный сегмент под 6495 (987) г., где они так же могли играть значимо-возвышающую роль? или в начало «рассказа-конструкции» о событиях 944 г.? либо в статью под 6463 (955) г., повествующую о визите княгини Ольги в Константинополь и о том, что ее крестили здесь «царь съ патреархом»⁵³? Причем поместил даже не отдельно, а растворив, как бы обезличив, в составе семантически многокомпонентного повествования о «милости» василевса Льва VI к послам Руси («дипломатическое одаривание»; политическое, по сути своей, воздействие; религиозное воздействие)?

Не говоря уже о том, что два приведенные небольшие повествования (под 6495 г. и под 6420 г.) в существе своем разнятся все же слишком значительно.

Как отмечал А. М. Лидов, выделенное место для реликвий Страстей Христовых первоначально существовало в Иерусалиме, в галереях комплекса Гроба Господня; о нем сообщали паломники VII–IX вв. Например, «византийский паломник IX в. Епифаний указывал, что священное пространство (*to hieron*) для реликвий расположено над воротами базилики Константина: “А между темницей и распятием есть двери святого Константина, там находятся три креста. Над дверью есть святилище, где лежит Чаша, из которой Христос Бог наш пил уксус и желчь; она из зеленого камня, окованного серебром. На том месте стоит Лохань, в ней Христос омыл ноги ученикам, она из мрамора. Здесь же лежат Копие, и Губка, и Трость, и Венец, и Плащаница чистая по образу плащаницы, которую видел Апостол Петр с небес сходящую...” С IX в. (иерусалимский. — М. В.) придел-реликварий более не упоминается паломниками, вероятно, в связи с тем, что сами реликвии Страстей перевозятся в Константинополь, где помещаются в церковь Богородицы Фаросской»⁵⁴.

И далее, в примечании: «Если мы готовы поверить Повести временных лет (т. е. рассматриваемому “обрамлению”. — М. В.), то уже в правление Льва Мудрого (886–912) эти святыни находились в Большом дворце, где демонстрировались русским послам»⁵⁵. Таким образом, А. М. Лидову вероятность нахождения реликвий Страстей в Фаросском храме в начале X в. не представлялась невозможной.

Кроме того, в «демонстрировании русским послам» в начале X в. святынь Страстей, взятом самом по себе, заметим, нет ничего невероятного. Тем более если византийская сторона действительно хотела (а это более чем допустимо) подобным «эффектом воздействия» склонить дипломатических представителей Руси к крещению, как о том говорится в ПВЛ.

То обстоятельство, что в договоре (посреднической грамоте) 944 г. косвенно *фактически* упомянут храм Богородицы Фаросской, и то обстоятельство, что на него же косвенно *фактически* указывается в летописном «обрамлении» к договору 911 г., позволяют эти факты, относящиеся к дипломатической активности Руси в Византии — и Империи по отношению к «сламу» из Руси, поставить во взаимосвязь. И искать ей возможное объяснение, отличное от мнения А. В. Назаренко, которое предполагало *произвольный характер* помещения вычленяемого нами третьего компонента в миниповествовании под 6420 г.

Предварительно отметим внешне выразительно выглядящие, как предполагаем, точки схождения с высокой вероятностью реконструированного маршрута послов-христиан из Руси к церкви-приделу пророка Ильи в 944 г. и изложения порядка демонстраций «русским» послам в «обрамлении» к договору 911 г. (см. **рис. 1**).

Сначала роскошнейшим образом убранный главный тронный зал, Золотая палата (Хрисотриклиния) Большого императорского дворца (944 г.) (в частности, напомним, предназначавшаяся для приема иноземных послов) — «пристави к ним мужи свои показати им церковную красоту, и полаты златыя и в них сушаа богатство, злата много, и паволокы, и камъне драгое» (911 г.).

Затем примыкавший к палате и дворцу храм-реликварий, церковь Богородицы Фарской (944 г.) — «пристави к ним мужи свои показати им церковную красоту [...] и страсти Господня и венець, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святых...» (911 г.).

Как кажется, возможный ключ к объяснению не исключено найти в предложенной Я. Малингуди гипотезе. Согласно ей, напомним, существовали книги, ведшиеся при императорской канцелярии, в которых, в том числе, находились копии договорных грамот с Русью, но в которые также вносились всевозможные исторические справки (нотиции) или рассказы о происшедших событиях, связанных с данными копиями. Соответствующие записи, вместе с текстами самих договорных грамот X в., могли оказаться в распоряжении составителя ПВЛ и им использоваться при создании соответствующих текстов, в нашем понимании — «рассказов-конструкций» (летописных «обрамлений»).

Речь идет о том, следовательно, что в связи с посольством Руси в Константинополь при князе Олеге и окончательным заключением договора между двумя сторонами могла быть — предположительно — составлена соответствующая нотиция, в которой справочно описывались сопровождавшие данный дипломатический акт обстоятельства, а также действия (см. приведенное сравнение пути входившей в Игорево посольство «крещеной руси» в часовню-придел св. Ильи в 944 г., реконструированного на основе договорного документа, со сведениями относящегося к событиям 911 г. «обрамления», которое дает основания предполагать высокую точность последних).

В отличие от рассмотренного выше случая с летописным «обрамлением» под 6453 г., когда гипотеза Я. Малингуди о соответствующей нотиции, с нашей точки зрения, не является удовлетворительной, ее применение к рассматриваемому летописному фрагменту могло бы снять недоумения, высказывавшиеся Д. С. Лихачевым и (в более обоб-

щенной форме, см. выше) самой Я. Малингуди. И органично, то есть целостно и без внутренних противоречий (чего, как кажется, несколько недостает предложенной А. В. Назаренко трактовке), объяснить происхождение либо всех выделенных выше трех компонентов рассказа под 6420 г., либо, по крайней мере, той части, которая относится к сакральным объектам Страстей Христовых, вероятно, уже к началу X в. концентрировавшимся в «сборной» церкви Богородицы Фара.

А также — если принимать предлагаемое выше и с учетом сделанных наблюдений, вытекающих из договорного документа 944 г., — высветить некоторые возможные актуальные для дипломатии «Империи ромеев» в первой половине X ст. *повторявшиеся и непосредственно связанные с константинопольским храмом Богоматери Фаросской приемы («эффекты») политического и религиозного идеологического воздействия* на верхушку некоторых окружавших ее «варварских» обществ.

Выдвинутое предположение находится для данного случая в генеральном согласии с гипотезой Я. Малингуди, хотя сама она, как говорилось, возводила к соответствующей нотиции не повествование под 6420 (912) г., но «рассказ о принесении клятвы Олегом в 907 г.»⁵⁶.

Вместе с тем вполне несомненно, что вопросы, связанные с разбиравшимся фрагментом статьи «Повести временных лет» под 6420 г., подлежат дальнейшим разысканиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 23 (далее — ПВЛ).

2 См.: Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 21–22; *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 15.

3 *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 312.

4 ПВЛ. С. 23.

5 Там же. С. 26.

6 Там же.

7 В этой связи см., например, посвященную начальному летописанию обзорную работу: *Гиппиус А. А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 40–49.

8 См., например: *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // Труды Отдела древнерусской литературы (Пушкинский Дом). Л., 1976. Т. XXX; *Каиштанов С. М.* К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров в составе Повести временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1996. С. 40; *Мухеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011 (Славяно-германские исследования. Т. 6). С. 73, 140, 156 и др.

9 См.: *Горский А. А.* К вопросу о русско-византийском договоре 907 г. // Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы к конференции. М., 1997.

10 ПВЛ. С. 26.

11 Несколько иначе переведено: Там же. С. 162.

12 Одна из первых, по крайней мере, специальных работ, за которую автор, тогда студент Киевской Духовной академии, был удостоен премии графа Н. П. Румянцева, принадлежит Е. А. Оstromысленскому. В ней доказывалось, что «церковь Св. Ильи была та же самая, которая упоминается в Договоре, и что она была в Киеве, а не в Константинополе...» (*Оstromысленский Е.* Исследование о древнейшей Киевской Церкви Св. Ильи, упоминаемой в Договоре Великого Князя Киевского Игоря Святославича с Греками 945 года, сохраненном в Летописи Преподобного Нестора. Киев, 1830. С. 17; солидарное мнение см.: *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 58) и что «вероятно, Церковь сия названа сборную потому, что в нее собирались Христиане Киевские из всего города... и... потому, что в нее собирались для Богослужения не одни только Христиане Киевские, но и приезжие различных наций Христиане; ибо известно, что Киев издревле был город торговый» (*Оstromысленский Е.* Исследование о древнейшей Киевской Церкви Св. Ильи... С. 15; развитие этой мысли см.: *Свердлов М. Б.* Распространение христианства на Руси IX–XI вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. П. Пашуто. Москва, 20–22 февраля 1995 г. Тезисы докладов. М., 1995. С. 74–75).

13 Такого рода подходы см., например: *Полевой Н. А.* История русского народа. М., 1829. Т. I. С. 149; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней

Руси, IX — первая половина XI в. М., 1980. С. 256; *Толочко П. П.* Древний Киев. С. 39, 228; *Она же.* Язычество и христианство на Руси // *Толочко П. П.* Ранняя Русь: история и археология. СПб., 2013. С. 154–155; *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 364

14 *Малингуди Я.* Русско-византийские связи в X веке с точки зрения дипломатики // *Византийский временник.* М., 1995. Т. 56 (81); *Она же.* Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики // *Византийский временник.* М., 1997. Т. 57 (82).

15 Подробнее см.: *Малингуди Я.* Русско-византийские связи в X веке... С. 70–71.

16 Там же. С. 71.

17 Там же. С. 72.

18 Там же.

19 См.: Там же. С. 73.

20 Там же. С. 84.

21 Подробнее см.: Там же. С. 84–87.

22 При написании термина «русь» с начальной строчной подразумевается этноним. Подробнее в целом разделяемое нами обоснование необходимости терминологических корректировок в сфере истории начальной руси / Руси см.: *Назаренко А. В.* Русь IX века: обзор письменных источников // *Русь в IX–XI веках: археологическая панорама.* С. 13, прим. 1.

23 Об инсертe и его содержании см.: *Малингуди Я.* Русско-византийские связи в X веке... С. 87–90.

24 ПВЛ. С. 26. См.: *Малингуди Я.* Русско-византийские связи в X веке... С. 90–91; *Она же.* Русско-византийские договоры в X в... С. 60.

25 См.: *Малингуди Я.* Русско-византийские договоры в X в... С. 82–85 и след.

26 Там же. С. 83–84.

27 *Васильев М. А.* Степень достоверности известия «Повести временных лет» о процедуре ратификации русско-византийского договора 944 года в Киеве // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН Анатолия Петровича Новосельцева. М., 2000.

28 См.: *Малингуди Я.* Русско-византийские связи в X веке... С. 90.

29 Обоснование данной конъектуры см.: Там же. С. 90, прим. 93.

30 ПВЛ. С. 26.

31 См.: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.* М.; Л., 1950. С. 128 (далее — НЛЛ).

32 Наше понимание ее существа см.: *Васильев М. А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологиче-

ское взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999. С. 201 и след.

33 ПВЛ. С. 37.

34 См.: НЛ. С. 128, 130–131, 156–157; ПВЛ. С. 37, 38–39, 52–53.

35 ПВЛ. С. 18.

36 Там же. С. 34–35.

37 НЛ. С. 130–131; ПВЛ. С. 38–39.

38 Обстоятельства объема вынуждают оставить без развития существенный аргумент против идеи Я. Малингуди о нотиции. В рассматриваемом «обрамлении» вовсе отсутствует тема договорной грамоты («харатьи»), которая должна была бы *обязательно* иметься при «нотиционном» описании византийцами ратификационной акции в Киеве — если исходить из текста (см. в пункте первом) договора 944 г.

39 *Малингуди Я.* Русско-византийские договоры в X в. . . С. 90, прим. 95.

40 Подробно о храме см: *Попов И. Н.* Большой дворец в Константинополе // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 5; Храм Богоматери Фаросской (храм Богородицы при маяке; храм Владычицы Икокиры) // Византийский словарь. СПб., 2011. Т. 2; *Лидов А. М.* Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // Византийский мир. Искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999): Сб. статей. М., 2005; *Он же.* Реликвии Константинополя // Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники. М., 2006; *Он же.* О константинопольском прототипе царского храма // Царский храм. Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры. М., 2008 (Федеральное государственное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”»). Материалы и исследования. Вып. XIX); *Klein H. A.* Sacred Relics and Imperial Ceremonies at the Great Palace of Constantinople // BYZAS / F. A. Bauer (Hrsg.). 2006. Vol. 5.

41 См.: *Лидов А. М.* Церковь Богоматери Фаросской. . . С. 80.

42 См.: Там же. С. 81–82.

43 И не более того мы хотели сказать ранее (*Васильев М. А.* Степень достоверности известия «Повести временных лет»... С. 66) и теперь. Что делает критику С. Н. Азбелевым наших построений (*Азбелев С. Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. С. 59) безосновательной.

44 См., например: *Аничков Е. В.* Язычество и древняя Русь. СПб., 1914. С. 311; *Свердлов М. Б.* Распространение христианства на Руси IX–XI вв. С. 75; и др.

45 Резко противоположная приведенной позиция развивалась в работе: *Иванов С. А.* Когда в Киеве появился первый христианский храм? // *Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем.* М., 2004. Вып. 11. Эта статья, однако, как кажется, не лишена уязвимостей.

46 Подробнее см.: *Малингуди Я.* Русско-византийские договоры в X в. ... С. 61 и след.

47 ПВЛ. С. 20.

48 *Лихачев Д. С.* Комментарии // ПВЛ. С. 425.

49 ПВЛ. С. 49.

50 См.: Там же.

51 Там же. С. 30.

52 *Назаренко А. В.* У истоков русского паломничества (исторические, богословские, дисциплинарные и правовые аспекты) // *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 284–285 (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год).

53 См.: ПВЛ. С. 29–30.

54 *Лидов А. М.* О константинопольском прототипе царского храма. С. 20.

55 Там же. Прим. 76.

56 Текст см.: ПВЛ. С. 17. Миниповествование также должно быть отнесено к разряду «рассказов-конструкций», в принципиальном плане не отличным от имеющегося под 6453 г.

M. A. Vasiliev.

Church of the Virgin of the Pharos in Constantinople in the diplomatic actions of the Rus' and the Byzantine in the first half of the 10th century.

The article deals with the role of the Church of the Virgin of the Pharos in Constantinople in the diplomatic activities of the Byzantine Empire towards the Ancient Rus during the rule of Princes Oleg and Igor. In this respect the author analyses the data presented in the articles of the Tale of Past Years dated 6420 (912) and 6453 (945).

Key words: *Rus', Byzantine Empire, treaties between the Rus' and the Byzantine, Church of the Virgin of the Pharos, Constantinople, Prince Igor, Prince Oleg, the Tale of Past Years.*

Б. Н. Флоря
(Москва)

Бернард Ваповский о древней истории славян и Польши

В статье показано, как Б. Ваповский способствовал изменению традиционных представлений польской исторической мысли XVI в. о древней истории славян, времени и путях их миграций, а также о начальном периоде польско-германских отношений.

Ключевые слова: *древние славяне, время и пути их миграций, польско-германские отношения.*

На рубеже XV–XVI вв. в польской исторической мысли господствовало представление, тесно связанное с библейской легендой о «разделении языков», произошедшем в древние времена на территории Месопотамии. Оттуда в древние времена славяне мигрировали на Дунай, а затем заселили все земли на юг и на север от этой реки, не занятые другими народами. В дальнейшем они никуда не переселялись. В изданной в 1519 г. «Хронике» Матвея Меховского говорилось о том, что славяне появились в Македонии уже в древние времена, и ее правители — Филипп и его сын Александр — были славянами¹. В «Трактате о двух Сарматиях» тот же автор подчеркивал, что славяне живут на занимаемых ими землях со времени Потопа².

Однако еще до появления этих сочинений М. Меховского можно отметить появление в печатном тексте высказываний, излагающих иной взгляд на древнюю историю славян и возникновение Польского государства.

Появление этих идей было связано с поездкой в Рим в 1513–1514 гг. главы польской церкви гнезненского архиепископа Яна Лаского. В Италии Лаский познакомился с историческими сочинениями Энея Сильвия Пикколомини (папы Пия II) и некоторых других авторов, вызвавших его неудовольствие, и у него появился план написания исторического труда, который показал бы европейскому читателю «правильную» картину славянского (и польского) прошлого. Труд такой, по-видимому, должен был написать находившийся в окружении архиепископа далматинец Андроник Транквилл³. Сохранилось письмо, в котором архиепископ определял некоторые задачи, которые должен был решить будущий автор. Так, следовало

опровергать утверждения, что славяне пришли из Азии и являются потомками скифов. Другой важной задачей должен был стать показ древней связи между Польшей и землями Поморья. По мнению Лаского, жители Поморья с самого начала входили в состав Польского государства и отделились, только когда поляки приняли христианскую религию⁴. С Андроником Транквиллом договориться не удалось, и выполнение работы было возложено архиепископом на его земляка Бернарда Ваповского, человека широких и разнообразных интересов (в частности, известного картографа), который с 1505 г. проживал в Италии⁵.

Первые плоды занятий Ваповского древней историей славян нашли отражение в весьма своеобразном тексте — посвящении королю Сигизмунду I, которым открывался сборник стихотворений, прославлявших победу литовского войска под Оршей. Он был напечатан в Риме в 1515 г.⁶ Текст этот образуют всего несколько фраз⁷, но изображение в них древней истории славян существенно отличается от построений Длугоша — Меховского. Здесь говорится, что славяне появились из Азии (в данном случае Ваповский явно не почитался с пожеланиями заказчика), пройдя через Гиперборейские горы, а предки поляков пришли на места своего обитания в Европе в годы правления императора Юстиниана (середина VI в. н. э.). Другие же славяне, перейдя Дунай, заселили земли вплоть до Истрии, образовав разные государства. Таким образом, прародиной славян оказывалась территория Восточной Европы, и тем самым построения Длугоша о «русском» народе как некогда отделившемся от польского и составляющем его часть теряли почву. В тексте русские (Rus-sis) перечисляются в одном ряду с другими пришедшими из Азии славянскими народами — чехами, болгарами, сербами, хорватами, боснийцами. Соответственно больше не могло быть речи и об автохтонности южных славян. Единственной уступкой традиции было утверждение, что предки поляков поселились в местах, где раньше обитали вандалы. Очевидно, Ваповский считался со свидетельствами, что Висла в древности называлась Vandalus. При всей краткости текста в нем читается объяснение того, что позволило автору нарисовать такую картину миграции славян, — свидетельства латинских и греческих авторов.

Уезжая из Италии, Ян Лаский забрал Ваповского с собой. В 1522 г. Ваповский стал королевским историографом и приступил к написанию труда, посвященного древнему прошлому славян и истории Польши. Он умер 22 ноября 1535 г., не завершив своей рабо-

ты⁸. Ссылки на несохранившуюся рукопись начальной части труда встречаются в целом ряде исторических сочинений второй половины XVI в. С. Грыгель в своем исследовании убедительно показал, что рукопись Ваповского была использована М. Бельским в его издании «Хроники всего света» 1551 г. и в первом издании «Хроники» М. Кромера⁹. Другие писатели заимствовали сведения Ваповского у этих авторов. Важно отметить, что, хотя оба автора придерживались разных взглядов, их ссылки на Ваповского совпадают по содержанию. Анализ этих ссылок позволяет реконструировать взгляды хрониста на древнейшую историю славян и Польши (в последующих разделах трудов обоих авторов не выделяются какие-либо особые утверждения Ваповского)¹⁰.

Эти отсылки позволяют уточнить представление Ваповского о прародине славян. Предки славян, по его мнению, обитали в районе Великого Новгорода близ озера «Slowionego», от которого получили свое название¹¹. Тем самым прародина славян на территории Восточной Европы находилась в рамках географической терминологии того времени в «Европейской», а не в «Азиатской» Сарматии. Текст, приведенный у Бельского, включает в себя указание, что славяне поклонялись единому Богу — владыке молний. Это — прямая цитата из рассказа о славянах Прокопия Кесарийского, византийского историка VI в.¹² Очевидно, именно знакомство с его сочинениями побудило Ваповского решительно пересмотреть традиционные представления. Прокопий, современник императора Юстиниана, пишет о славянах как о новом, ранее неизвестном народе¹³. Историк постоянно отмечает, что славяне живут к северу от Дуная (Истра), переходят его, нападая на земли Византийской империи, но там не остаются¹⁴. Очевидно, что прародина славян могла находиться только на север от Дуная. Такой вывод Бернارد Ваповский и сделал.

Важной частью польской исторической традиции был рассказ о Лехе и Чехе, которые привели своих соплеменников — предков поляков и чехов — на земли будущих Чехии и Польши. Сам этот рассказ не противоречил свидетельствам античных авторов, но взгляды Б. Ваповского требовали дать ему другую предысторию. Согласно повествованию Ваповского, Лех и Чех пришли на земли будущих Чехии и Польши не с юга, из Далмации или Хорватии, как утверждала историческая традиция, а с востока. Ни Длугош, ни Меховский не указали точно времени, когда это переселение произошло. Согласно ссылкам Бельского и Кромера, Б. Ваповский указывал точную дату — 550 г.¹⁵ Как представляется, к установлению

этой даты Б. Ваповского также привело чтение текстов Прокопия. Хотя, судя по сообщениям византийского историка, славяне переходили Дунай, чтобы напасть на земли Византийской империи, еще в начале правления Юстиниана¹⁶, именно в середине VI в. нападения славян усилились и приобрели широкий размах. В это время, как отметил Прокопий, славяне «взяли осадой множество крепостей, хотя раньше они не штурмовали стен и опасались спускаться на равнину»¹⁷. Далее он сообщает о попытках славянского войска взять Фессалонику — один из главных городов империи¹⁸, и что, разбив ромейское войско, славяне дошли до Длинных стен, окружавших Константинополь¹⁹. Очевидно, для Ваповского эти рассказы служили свидетельством того, что к середине VI в. миграция славян из прародины на запад усилилась. Часть этого потока образовывали Лех и Чех со своими соплеменниками. Поскольку прародина славян лежала, по мнению хрониста, в Восточной Европе, предполагаемый предок русских — Рус в его рассказе закономерно не фигурирует.

В других отношениях Ваповский следовал за исторической традицией, созданной Длугошем. Лех в его повествовании — основатель Польского государства. Его потомки правили в течение 150 лет²⁰. Остается неясным, как Ваповский оценивал их правление.

Если Длугош записал, что о потомках Леха и их деяниях ничего не известно²¹, то в хронике Ваповского, судя по отсылкам Кромера и Бельского, читался рассказ о деяниях Леха и его потомке Вышомире, который есть все основания расценивать как вымысел хрониста²². Характерно, что единственные деяния Леха, которые он отмечает, это его войны «*cum germanis*» и основание им города Бремена²³. Ваповский явно отталкивался от рассказа Великопольской хроники (гл. XI) о походах Болеслава Храброго на Запад и основании им города Бремена, который должен был нести бремя защиты западных границ Польши. Это событие Ваповский переносит в гораздо более древние времена, к самому моменту основания Польского государства. Хронист явно шел навстречу пожеланиям заказчика — архиепископа гнезненского — показать изначальную связь Поморья и земель полабских славян с Польским государством. Важно, что все это происходило в результате победоносных войн с немцами и датчанами. По свидетельству Бельского, эти земли Лех «добыл мечом и рыцарскими победами», а противостоявшего ему немецкого «кролика» он «убил... забрал его державу и владел всем без соседей до самого Сарматского моря»²⁴. Кромер, ссылаясь на

рассказ Ваповского, говорит о войнах с датчанами, когда поляки заняли Ругию и другие острова на Балтийском море. Далее у Ваповского читался рассказ об одном из преемников Леха — Вышомире. Он одержал победу в морской битве над датским правителем Сигвардом, который подчинился его власти, обязался платить дань, уступил ряд важных территорий. В знак победы Вышомир основал два морских города — Висмар (по его имени) и Гданьск — в знак победы над датчанами («Gdanum a Danis devictis») ²⁵. Как отметил в своей «Хронике» М. Кроммер, Ваповский не пишет, когда датчане освободились от «польского ига».

Толчком к созданию этого повествования послужил рассказ В. Кадлубека о завоевании лехитами Дании в древние времена (Кадлубек, I.3) и рассказ Великопольской хроники (гл. 8) о члене польской княжеской династии Вышомире, который основал град на берегу моря и назвал его своим именем. Завоевания «лехитов» были предприняты в какие-то очень древние времена, а Вышомир был, согласно «Хронике», членом третьей княжеской династии правителей в Польше. Ваповский отнес свое повествование к самому началу существования Польского государства, подчеркивая не только изначальную связь Польского государства с землями Поморья и полабских славян ²⁶, но и роль Польши как «великой державы» в балтийском регионе.

Особого внимания заслуживает появление Гданьска в повествовании о древних временах. Характерно, что этот город не упоминается ни в «Хронике» Кадлубека, ни в повествовании Великопольской хроники, где говорится об основании градов князьями — членами польской династии, правившими в разных славянских землях (гл. 8). В раннем XVI в., когда Ваповский писал свою «Хронику», Гданьск приобрел такую роль в жизни Польши, что для Ваповского стало необходимым особо показать его связь с Польским государством с самых древних времен.

Оценивая сохранившуюся вторую часть «Хроники» Ваповского (описание событий после 1480 г.), современный исследователь отмечает, что для его повествования характерна «сильная неприязнь к крестоносцам» ²⁷. Эта неприязнь вполне естественна в устах человека, близкого к главному противнику Тевтонского Ордена из числа польской политической элиты, помогавшему примасу в его борьбе с крестоносцами во время его пребывания в Риме.

Вместе с тем в рассказе Ваповского есть основания видеть полемический отклик на современные немецкие исторические труды.

Так, в «Вандалии» Альберта Кранца (1519 г.) говорилось об огромном государстве, основанном прародителем древних германцев Туисконом, которое простиралось от Дона до Рейна. Славяне были потомками второго сына Туискона — Вандала²⁸. На польскую почву такие взгляды перенес выходец из Эльзаса Иодокус Людвиг Деций в напечатанном в 1521 г. труде «De vetustatibus Polonorum». В нем повторялось положение Кранца о государстве Туискона, располагавшемся между Рейном и Доном. В этом государстве жили вместе, связанные братскими отношениями, «сарматы» — предки славянских народов и «тевтоны» — предки германцев²⁹.

Включая в описание древнейшего периода польской истории рассказы о войнах Леха и Вышомира, Ваповский, как представляется, хотел разорвать эту связь между славянскими и германскими народами, показать, что с самого момента его возникновения Польское государство было не союзником, а врагом германцев и побеждало их.

Нить особых известий, которые можно возвести к труду Ваповского, обрывается на сообщении, что после пресечения рода Леха, правившего 150 лет, поляки в 700 г. избрали своим правителем Крака³⁰. Это завершало установление новой хронологии истории Древнепольского государства, которая локализовалась в рамках эпохи Великого переселения народов. Если Кадлубек говорил о войнах «лехитов» с древними галлами, о римском происхождении Крака — Гракха, о войнах поляков с Александром Македонским и Цезарем, а более осторожный Длугош, тем не менее, тоже предполагал римское происхождение Крака³¹, то Ваповский построил свою хронологию, последовательно отталкиваясь от положения, что миграция западных и южных славян на новые места жительства произошла в эпоху падения Западной Римской империи, когда на историческую арену выходили новые народы.

Оценивая труд Ваповского на основании тех сведений, которыми мы располагаем, есть основание говорить о нем как о произведении переходной эпохи. С одной стороны, мы имеем дело с очевидной попыткой дать реконструкцию событий прошлого, опираясь на сведения более ранних достоверных источников, и это позволяет искать в этом труде проявления зарождающейся научной мысли. С другой стороны, подобно ряду своих средневековых предшественников, там, где нет очевидной конфронтации со свидетельствами античных авторов, он также прибегает к вымыслам для создания желательного образа прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVII вв. СПб., 1996. С. 87, 257–259.
- 2 Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. Л., 1938. С. 157–158.
- 3 Barycz H. Szlakami dziejopisarstwa staropolskiego: studia nad historiografią w. XVI–XVIII. Wrocław etc., 1981. S. 24, 27–29.
- 4 Ibid. S. 25–26.
- 5 Ibid. S. 29–30.
- 6 О принадлежности текста Б. Ваповскому см.: Grygiel S. Próba rekonstrukcji zaginionej części kronik Bernarda Wapowskiego // Studia źródłoznawcze. Warszawa; Poznań, 1964. T. 9. S. 111.
- 7 Воспроизведение текста см.: Ibid. S. 112.
- 8 Barycz H. Szlakami... S. 37–38.
- 9 Grygiel S. Próba rekonstrukcji... S. 106–109.
- 10 Ibid. S. 107. Автором извлечения из этих текстов собраны в приложении к статье.
- 11 Ibid. S. 113.
- 12 Свод древнейших письменных известий о славянах / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1994. Т. 1 (I–VI вв.). С. 182–183.
- 13 Как отмечено в комментариях к «Своду», из описаний разных народов в труде Прокопия рассказ о славянах — самый обширный (Свод... Т. 1. С. 219).
- 14 Там же. С. 178–180, 188–189, 192–193 и др.
- 15 Grygiel S. Próba rekonstrukcji... S. 115.
- 16 Свод... Т. 1. С. 178–180.
- 17 Там же. С. 192–193.
- 18 Там же. С. 194–195.
- 19 Там же. С. 198–199.
- 20 Grygiel S. Próba rekonstrukcji... S. 116.
- 21 Joannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Varsaviae, 1964. Lib. I–II. S. 118–119.
- 22 См. замечание М. Кромера, что он не знает, из какого источника Ваповский почерпнул эти сведения (Grygiel S. Próba rekonstrukcji... S. 115).
- 23 Ibid.
- 24 Мыльников А. С. Картина славянского мира... С. 155–156.
- 25 Grygiel S. Próba rekonstrukcji... S. 115.

26 Историческая традиция (Великопольская хроника, В. Кадлубек) говорила о связи этих земель с Польшей только со времени третьей княжеской династии.

27 *Barycz H. Szlakami...* S. 38.

28 *Мыльников А. С. Картина...* С. 39–40.

29 *Ulewicz T. Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków, 1950. S. 72–73.*

30 *Grygiel S. Próba rekonstrukcji...* S. 116.

31 *Długosz J. Annales...* Lib. I–II. S. 127.

B. N. Florya

Bernard Wapowski about ancient history of the Slavs and Poland

The article shows the role of B. Wapowski in changing of traditional thinking in the Polish historical science of the 16th century, history of the ancient Slavs, the time and the ways of their migration, and also early period of the German-Polish relations.

Key words: *ancient Slavs, time and ways of migration, German-Polish relations.*

О. Б. Неменский
(Москва)

Восточное путешествие Мелетия Смотрицкого

Статья посвящена жанровым особенностям и содержательному своеобразию сочинения «Апология странствия в восточные страны», написанного Мелетием Смотрицким в 1628 г. Особое внимание уделено выявлению общих и особенных черт его сочинения в сравнении с русской традицией «хождений» на Святую землю.

Ключевые слова: *Мелетий Смотрицкий, православно-униатская полемика, Брестская уния, Константинополь, Иерусалим, Святая земля, униатство, паломничество, древнерусские «хождения», Восточная церковь, Кирилл Лукарис.*

Мелетий Смотрицкий¹ (1578–1633) был одним из наиболее ярких участников православно-униатской полемики, вспыхнувшей после заключения Брестской унии Киевской митрополии с Римом (1596 г.). Оставив после себя многочисленные сочинения, он особенно интересен тем, что вначале был активным защитником православной стороны, а потом униатской. Эти два периода его деятельности разделяет совершенная им в 1624–1625 гг. поездка в Константинополь и на Святую землю. Он отправился туда в качестве архиепископа Полоцкого и одного из лидеров новопоставленной в 1620 г. православной иерархии. Опыт этого путешествия Мелетий Смотрицкий описал в книге «Апология странствования в восточные страны», вышедшей в 1628 г. и вскоре осужденной на православном соборе в Киеве. Выступая в ней с откровенно проуниатских позиций, он, тем не менее, по разрешению Рима временно скрывал свой переход в унию. Годом ранее им было написано обширное письмо патриарху Константинопольскому Кириллу Лукарису, в котором также описываются обстоятельства его путешествия. Это письмо поначалу расходилось в рукописных копиях и было напечатано в 1629 г. в качестве приложения к уже открыто униатскому сочинению Смотрицкого «Paganesis».

«Апология» — очень оригинальное для своего времени сочинение. Впечатления от путешествия являются в нем лишь основанием для разбора богословских вопросов, так что собственно описанием

увиденного его вряд ли можно назвать. Очень богатая к тому времени литература русских «хождений», традиционно основанных на паломническом опыте, вряд ли оказала на него сильное влияние. Здесь мы имеем дело с полемической литературой, публицистикой и одновременно богословским трактатом. Можно сказать, что подобный жанровый синкретизм был свойственен и «хождениям» того времени и являлся развитием старой и весьма своеобразной местной традиции. Однако здесь мы не видим основных характеристик таких сочинений: в первую очередь, «Апология» не следует пространственно-топографическому принципу в изложении материала. Нет здесь и подробного описания святынь, измерения расстояний между ними и т. п. Об отдельных фактах паломнической поездки Смотрицкий вспоминает тогда, когда они нужны ему в качестве обоснования или же иллюстрации к его богословским идеям и историческим концепциям.

Своеобразна и цель поездки Смотрицкого: он видит себя не просто паломником, но и духовным посланцем от «народа Русского»² к восточным патриархам. Соответственно, опорными точками его путешествия становятся факты общения, контактов с основными лицами Восточной Церкви, причем как случившиеся, так и не состоявшие. Смотрицкий пишет, что «к Отцу нашему и к старшим нашим Церкви Восточной ходил, чтобы... о том их спросить, та ли у нас вера теперь, которая при предках наших была, которая от них по воле Божьей к нам была занесена» (с. 2)³.

Впрочем, была у него и иная цель, церковно-политическая. Это время раскола западнорусского общества на два конфессиональных лагеря, и Смотрицкий искал пути возможного воссоединения своего народа. После ряда попыток убедить униатов путем полемики и добиться совместного собора, трудных поисков компромиссных оснований для такого объединения, он решился заручиться поддержкой патриархов и попробовать разрешить этот вопрос на общецерковном уровне. «Поскольку дома я того, что искал, не нашел, поехал искать это у своих же на Востоке» (с. 89). И поехал не с пустыми руками: его целью было предложить на суд старших иерархов написанный им в 1621–1623 гг. катехизис (с. 106). Еще в своем письме Кириллу Лукарису он пишет об этом катехизисе: «Видя, что в отличие от всех других христианских сект, которые только в нашей отчизне имеются, только наша Русская церковь восточного послушания, порядочного вероисповедания, описанного в катехизисный способ, не имела и не имеет, и хотя полагал, что это мне не по силам, но доверившись Тому,

Который и слепых делает мудрецами, и ослицам говорить позволяет, решил и написал русским языком катехизис, который взял с собой в Константинополь» (Письмо Лукарису, с. 78)⁴.

При этом Смотрицкий раскрывает, что уже почти восемь лет как склонялся к унии (с. 89), отвергнув еще в 1621 г. свое главное православное полемическое сочинение «Тренос, или Плач Восточной церкви» (1610 г.) (с. 105). Так что вполне очевидно, что этот не дошедший до нас катехизис был написан им с умеренно проримских позиций. И все же главным побуждающим мотивом, как следует из его текста, был не столько поиск истинной веры, сколько поиск способа объединения народа, что тогда было тождественно восстановлению церковного единства: «делаю это от искренней любви к церкви народа нашего русского, которую увидел находящейся уже при печальном, смертельном упадке, и молчать более не мог» (с. 107).

У Смотрицкого были основания надеяться на благосклонность к его унионистским устремлениям со стороны Константинопольского патриарха. Кирилл Лукарис не раз прежде приезжал на Русь и был ему хорошо знаком. В распоряжении Смотрицкого было старое письмо от 24 января 1601 г. Кирилла Лукариса ко львовскому католическому архиепископу Яну Дмитрию Соликовскому, одному из организаторов Брестской унии, в котором он выражал явно благосклонное отношение к Римской церкви. В нем он вроде бы признает, что «мы, русь, одну с римлянами веру имеем» (с. 187)⁵, и призывает русь к принятию унии: «Вот и патриарх это для нас признает, что мы, не желая согласиться с отцами и братьями униатами, с еретическими ошибками соглашаемся. Это письмо, благородный народ русский, полностью набожное, любовь к нам, руси, мир и согласие, и единство с Римской церковью утверждающее» (с. 188). Это давало Смотрицкому надежду на преодоление раскола в Западнорусской церкви через Константинополь.

Именно об объединении своего народа он молился на Святой земле. Описание паломничества традиционно (так в «хождениях») предполагало некоторые указания на содержание молитв, возносимых в святых местах, и в этом Смотрицкий верен традиции. Он пишет, что русский народ «теперь раздвоен и сам себя грызет» (с. 4 Посвящения Заславскому), ведь «дом народа нашего русского на две части развален» (с. 4 Предисловия к читателю), и «в одной части против другой враждебно против себя стоящий» (с. 1 Предисловия к читателю). И молитва его была о том, чтобы Господь «дал нам то единство⁶, чтобы мы в Церкви его Св. как одним сердцем

вместе верили, ради справедливости одними устами одно исповедовали» (с. 8). «Я просил, чтобы раздвоенный наш народ русский весь был един, как Он с Отцом своим небесным един есть, и чтобы все там были, где Он есть» (с. 5–6).

Более того, здесь у него проявляется не только русская, но и общеславянская идентичность, и он молится за то, чтобы «все славянские народы... были едины» и славилы Бога одними устами и одним сердцем (с. 7). «Дай же, чтобы мы, русь, и все славянского языка народы то искомое единство нашли... и всем одной с нами веры народам то же искомое нами и найденное единство дай найти» (с. 8). Впрочем, его понимание такого объединения славян могло сильно отличаться от нынешнего восприятия: привычное той эпохе определение славянства не по языку бытового общения, а по языку богослужения предполагает за этой молитвой скорее надежду на присоединение именно православных славян к Римской церкви. Однако здесь также сказывается и характерная особенно для православных полемистов той эпохи склонность видеть славян как исторически единую духовную общность, лишь позднее расколовшуюся из-за церковной схизмы⁷.

Поездка на православный Восток принесла Смотрицкому полное разочарование. Патриарх Кирилл дал ему на прочтение катехизис своего сочинения⁸, в котором Смотрицкий нашел «кальвинистскую ересь». Большое впечатление на него произвел и рассказ о том, что Мелетий Пигас, патриарх Александрийский, все свои четыре книги о догматах веры перед смертью приказал спалить в знак отречения от их содержания: «Когда в Константинополе я от отца патриарха был проинформирован о том, что во время своего ухода из этого мира патриарх Мелетий приказал спалить перед собой все эти свои четыре книги о догматах веры, я с немалым сожалением понял, что уже одного цензора (своего катехизиса. — *О. Н.*) я потерял» (с. 105). Будучи в Иерусалиме, Смотрицкий услышал, что патриарх Мелетий решился на это ввиду того, что изменил свое отношение к римской вере (*Paraenesis*⁹, s. 85). Об этом же он нашел упоминание и в письме Мелетия Александрийского к Ипатии Потюю 1600 г. (Письмо Лукарису, с. 85).

Надо сказать, что сближение с протестантизмом Смотрицкий видит и в умонастроениях в Киевской митрополии, свидетельством чему для него служат и его собственные прежние труды. «Из-за принятого старшими нашими с Римской церковью единства, как от римлян, так и от своих, с которыми не хотели входить в ссору, но и переубедить их не могли, мы пошли за помощью и спасением к лютера-

нам и кальвинистам, от которых их ошибок и ересей набравшись, супротив противной стороны выставили, а потом и самих себя теми же их ошибками и ересями заразили. В результате мы теперь свою природную веру забыли, и то, что у них взяли, почитаем за веру Св. Восточной церкви» (с. 95).

Смотрицкий надеялся найти взаимопонимание с патриархом Константинопольским Кириллом, с которым был давно знаком. «Осталась у меня еще надежда на другого цензора, самого отца патриарха, которого я об этом просил, но он дал мне для чтения катехизис своего сочинения. В нем я увидел то, чего менее всего ожидал, и, начитавшись его, я со своим катехизисом уже объявиться не решился» (с. 105–106). Он боялся того, что его катехизис будет исправлен по образцу изданного в 1622 г. в Виттенберге катехизиса митрополита Навпактского и Артского Захарии Гергана, который предпринял попытку совместить православное вероучение с протестантскими идеями: «Я опасался, как бы мой катехизис не был исправлен по образцу катехизиса, изданного недавно в 1622 г. по-гречески неким греком Захарием Герганом, который везде по всей Греции распространяется и здесь у нас имеется» (с. 106). Надо сказать, что всего в ходе поездки бесед с патриархом Кириллом у него было очень мало: на пути в Палестину толком не поговорили из-за болезни самого Смотрицкого, а на пути оттуда не смогли пообщаться из-за эпидемии чумы в Константинополе (Письмо Лукарису, с. 76; также см.: *Paraenesis*, s. 76).

Также на Смотрицкого произвели впечатление проповеди архимандрита Ватопедского монастыря на Афоне Венедикта, который учил, что молитвы за умерших бесполезны. Патриарх Кирилл указал, что подобный подход — единственный способ опровергнуть учение о Чистилище (с. 120–121). «И это от престола, от которого мы православную веру в предках наших приняли, такая безбожность распространяется, и могла бы и нам и нашей церкви вред нанести!» — сетует Смотрицкий по этому поводу (с. 121). Он отмечает, что в катехизисе, который патриарх Кирилл ему дал, «с охотой внимательно читая, неожиданно и с немалым удивлением нашел вещи, противные выше упомянутому письму твоего преподобия (патриарха Кирилла Д. Соликовскому. — *О. Н.*)» (Письмо Лукарису, с. 74). Пишет он и о спалении трактата «Об исхождении Святого Духа» Геннадия Схолария (*Paraenesis*, s. 74), и о сожжении сочинений митрополита Мирского Матвея, который ему сам объяснил в Иерусалиме, почему так поступил (*Paraenesis*, s. 83–84).

Не менее значительное влияние на Смотрицкого оказало известие, что архиепископ Филадельфийский Гавриил исповедовался перед смертью латинскому монаху.

И еще одно сообщение, на котором Смотрицкий особенно останавливается: что благодатный огонь, выносимый на Пасху из храма Гроба Господня, на самом деле не сам загорается: якобы и патриарх Кирилл ему сказал, что будь такое чудо, все турки уже стали бы христианами, и потом сам патриарх Иерусалимский Феофан самолично подтвердил ему это (Paraenesis, s. 83, 86). В письме Лукарису Смотрицкий в связи с этим указал: «Наши православные в той вещи, которая когда-то была, а теперь уже из-за грехов наших перестала, объединяться скорее хотят с еретиками» (Письмо Лукарису, с. 86). Впечатлен был он и общей картиной упадка православной жизни на Святой земле, отмечая, что в Иерусалимской патриархии найдется от силы три тысячи христиан: «Все сожрал Магомет» (с. 102–103).

Радикальный поворот к униатству становится личной драмой Смотрицкого, он прокликает свои старые сочинения. Называя себя, написавшего «Тренос» под псевдонимом Ортолога, теперь «Кривологом» или «Суесловом» («Krzywolog» и «Matheolog», см., напр., с. 23 и др.), он разбирает свои прежние «ереси», доходя до откровенных проклятий и оскорблений в свой адрес (например, называя себя «смердным пометом» — с. 62) и даже до признания, что его стоило бы сжечь: «сам разум указывает, что одной своей ошибкой, одной ересью... того в церкви нашей заслужил, чтобы... огню на исправление был отдан!» (с. 75).

Важнейшим смысловым рефреном у Смотрицкого проходит утверждение, что он прежде не знал, во что верил: «Я епископ, да и архиепископ в церкви народа моего русского, не знал, во что верил. Неподобная это вещь, когда епископ не знает, как верит, когда мастер иных учить должен, и учит тому, чего сам не умеет... я более в ошибки и ереси, чем в истинную веру Христову, с Востока к нам пришедшую, верил» (с. 11). «Было время, когда и я безмерно преследовал Церковь Божью, и разрушал ее, и продвигался в российстве»¹⁰ (с. 103).

Примечательно, что нынешнее печальное состояние православных народов он теперь объясняет карами Господними. В этом он не оригинален, просто повторяя уже привычные к тому времени униатские и католические суждения об «отнятии» реликвий, науки Христовой, прав и свобод у православных в наказание за схизму и

ереси (с. 128–129, 181–186). «Пришла Восточная церковь в упадок и свободы и учения... Утратила любовь и верить меньше стала, а за тем была покарана» (с. 5 Посвящения А. Заславскому). Он ставит перед своим народом задачу вначале очиститься от ересей, а потом преодолеть схизму, и специально указывает, что русский народ уже не должен слушаться своего патриарха, поскольку тот еретик (Paraenesis, s. 52).

Карой Господней Смотрицкий объясняет и ущемленное правовое положение своего народа и православной церкви в Речи Посполитой. Он описывает прекрасный образ будущего, которое наступит, если его народ повернется к единству с Римом: тогда вернутся все утраченные духовные и светские блага, возродится церковь, а русскому народу вернутся все его старинные льготы и права¹¹, дворянству откроется дорога к земским урядам и в Сенат, а мещанам к городскому самоуправлению, устроятся школы, восстановится убранство церквей и т. д. «В конце концов, по этой самой причине у несчастно замученного народа русского по городам и селам ежедневные слезы с очей [Господь Бог] вытрет. Мира небесного еще на земле вкушать даст. И другими неисчисляемыми благами [Господь] одарит нас... И то сделаем, чтобы в этом великолепном королевстве русь, поляки и литва имя Бога в Троице Единого все как одними устами и одним сердцем хвалили и воспевали» (с. 128–129). Принятие унии вновь, как и у тех, кто готовил Брестскую унию, видится избавлением от всех проблем западнорусской светской и церковной жизни. Это главное понимание, которое Смотрицкий привез из своего путешествия на Восток и которым он теперь желает поделиться со всем своим народом.

Так, в своей описательной части сочинение Смотрицкого резко порывает с традицией паломнических сочинений, причем как русских, так и западных. У него это путешествие свелось к лишению Востока священности, к разочарованию в нем. Конечно, это не касается общехристианских моментов, но вместо обычного для таких рассказов описания чудес (или легенд о чудесах) Смотрицкий их развенчивает, сама Святая земля оказывается почти без христиан, а привычные для православных «хождений» XVI–XVII вв. сожаления о бедственном положении Восточной церкви превращаются у него в доказательства кары Божьей. При этом он вообще не дает отстраненных описаний святых мест, рассказывая только о своих личных переживаниях от их посещения и от общения с местными иерархами.

Повышенное внимание к личности паломника вообще характерно для сочинений этой эпохи (напр., ср. «Хождение» Трифона Коробейникова), однако нигде его чувства и мысли не ставятся в центр всего повествования. В «Апологии» же сакральная география полностью связана с изменениями во взглядах автора. «Карта» морально-религиозных координат Смотрицкого постепенно сдвигается по мере его перемещения. Он ехал на Восток за истинной верой, но вернулся с убеждением, что в настоящее время ее надо искать совсем не там.

Однако можно усмотреть и некоторые общие черты его сочинения и русской традиции «хождений». Придя в Святую землю, Смотрицкий молится за весь «русский народ» и видит себя представителем сразу всей Руси. Можно вспомнить, что даже в самом древнем русском «Житии и хождении игумена Даниила из Русской земли»¹² автор видит себя примерно так же — как вообще представителя всей Руси, «Русьскыя земли игумена», и ставит он «свое кандило на Гробе Святем от всея Русьскыя земля», поминая в молитвах всех ее князей, духовных и знатных людей, и «всех христиан» в ней. Мелетий Смотрицкий, чувствуя себя так же ответственным в своих молитвах за весь народ свой, подробно описывает моление за его единство и возвращается домой с четким осознанием своей миссии. В письме к патриарху Кириллу он пишет: «Просим, хотя бы короткими словами нам посоветуй, чего держаться должны мы: ведь не только один я, но и вся наша русь во всем этом пилигримами является» (Paganesis, s. 80). Так личное паломничество в его восприятии предстает путешествием «за верой» всего народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См. о нем: *Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1883. Т. 1; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. VI; *Засадкевич Н.* Мелетий Смотрицкий как филолог. Одесса, 1883; *Прокошина Е. С.* Мелетий Смотрицкий. Минск, 1966; *Соловй М. М.* Мелетій Смотрицький як письменник. Rome; Toronto, 1977–1978. Т. 1–2; *Яременко П. К.* Мелетій Смотрицький: Життя і творчість. Киев, 1986; *Короткий В. Г.* Творческий путь Мелетия Смотрицкого. Минск, 1987; *Frick D. A.* Meletij Smotryc'kyj. Cambridge, 1995.

2 «Naród Ruski». См.: *Неменский О. Б.* Формы русской идентичности у Мелетия Смотрицкого // *Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. Славяне и их соседи.* Вып. 12. М., 2008. С. 305–316.

3 Ссылки в тексте по изданию: *Smotrzycki M.* Apologia peregrinatyeu do Kraiow Wschodnych. Dermań, 1628. При ссылке на те части книги, которые являются особыми сочинениями (как, например, публикация письма Смотрицкого Кириллу Лукарису) или не имеют нумерации (как посвящения) их наименование специально указывается.

4 Этот катехизис Мелетия Смотрицкого так и не был опубликован, и текст его утрачен.

5 Письмо было впервые опубликовано в полемическом сочинении авторства Петра Скарги, направленном против «Треноса» М. Смотрицкого и оставленного им без ответа: *Skarga P.* Na threny i lament Theofila Ortologa, do Rusi greckiego naboženstwa przestroga / *Skarga Piotr.* Kraków, 1610. S. 108–113. Подлинность этого письма является в историографии спорной. Аутентичность послания оспаривали, например, В. З. Завитневич и К. В. Харлампович. См.: *Завитневич В. З.* Палинодия Захарии Копыстенского и ее место в истории западно-русской полемики XVI и XVII веков. Варшава, 1883. С. 221–228; *Харлампович К. В.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века. Казань, 1896. С. 267. Также см.: *Малышевский И. И.* Александрийский патриарх Мелетий Пигас. Т. 2. Приложение 1. № 48. С. 159–163.

6 «Единство» пишется им всегда в этих текстах прописными буквами: по-польски как «IEDNO», на латыни (в письме к К. Лукарису) как «VNUM».

7 См. об этом: *Неменский О. Б.* Славянская идентичность и ее осмысление в текстах западнорусских полемистов начала XVII века // *Историки-слависты МГУ.* Сб. ст. М., 2011. Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности. С. 154–166.

8 Этот катехизис («Восточное исповедание христианской веры» патриарха Кирилла) впервые был опубликован в Женеве в 1629 г. на латинском языке, а по-гречески только в 1633 г. Некоторыми учеными авторство Лукариса оспаривается.

9 Ссылки на это сочинение в тексте по изданию: *Smotrzycki M.* Paraenesis abo Napomnienie. Kraków, 1629.

10 Дословно: «Był ten czas iżem nad miarę prześladował Cerkiew Bożą u burzelem ią u postępowałem w Rossystwie».

11 См. об этом: *Неменский О. Б.* Право народа в православной мысли Речи Посполитой конца XVI — первой половины XVII века // *Славяноведение.* 2012. № 4. С. 3–11.

12 См.: Хождение игумена Даниила (подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова) // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 26–117.

O. B. Nemensky

Eastern travel of Meletius Smotrytsky

The article is devoted to the genre and content peculiarities of the work “Apologia of the travels to the Eastern countries” written by Meletius Smotrytsky in 1628. Special attention is given to the exposure of general and peculiar features of his work in comparison to the Russian tradition of “walk” to the Holy Land.

Key words: *Meletius Smotrytsky, Orthodox and Uniate dispute, the Union of Brest, Constantinople, Jerusalem, Holy Land, Uniate church, pilgrimage, Ancient Rus’ “walks”, Greek Church, hieromartyr Cyril Lucaris.*

Я. А. Лазарев
(Екатеринбург)

Проект экономических преобразований на Гетманской Украине генерала И. Б. Вейсбаха 1733 г.

В статье разбирается проект экономических преобразований на Гетманской Украине И. Б. Вейсбаха 1733 г. Рассказывается о положении автора проекта в российской правящей элите и его взглядах на социально-политическое и экономическое положение Гетманской Украины. Показаны особенности культурного (религиозного) восприятия местного населения немцем на русской службе. Подробно описаны рекомендации Вейсбаха по улучшению благосостояния региона и пополнению казны Российской империи. Особое внимание уделено роли немецких колонистов в экономических преобразованиях на Гетманской Украине. Анализируется место проекта в контексте политики российского правительства в 1730-е гг.

Ключевые слова: *Гетманская Украина, Российская империя, казаки, экономические преобразования, немецкая колонизация, И. Б. Вейсбах.*

Гетманская Украина как автономное образование существовала в составе Российского государства немногим более 100 лет (1654–1764 гг.). Это, впрочем, не повлияло на то, что регион занял особое место среди прочих окраин России. При анализе истории Гетманской Украины господствует подход, согласно которому ее социально-политическая структура не вписывалась в государственную систему Российского царства / империи и подлежала безоговорочной ликвидации. Этот подход, начав свое формирование в середине XIX в.¹, успешно развивался на протяжении XX–XXI вв., особенно в украинской диаспорной историографии, оказав влияние на западные историческую науку и историческую социологию². В полной мере он представлен и в работах современных украинских историков. Например, В. А. Смолий и В. С. Степанков в работе 2014 г., осмысляя развитие украинской государственности, отме-

Статья подготовлена в рамках реализации исследований по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых. Договор № 14.Y30.15.3188-МК от 16.02.2015 г.

чали, что появление в 1654 г. «в украинском властном пространстве нового политического игрока — российского самодержца, представленного рядом управленческих институций... существенно скорректировало правила игры». Следствиями этой «корректировки» стали «разрастание деструктивных настроений в среде украинской элиты, нескрываемое вмешательство во внутренние украинские дела, попытки внедрения в национальное сознание русских ценностей, корреляция назначений на управленческие должности в Гетманщине, наконец, насильственное разрушение основ национального института власти»³. Схожим образом рассуждают Т. В. Чухлиб, О. А. Бачинська, В. О. Щербак в работе 2015 г. Для них история Гетманской Украины — свидетельство того, как «постепенно правительство Российской империи ликвидировало не только политическую, экономическую и социальную особенность Украинской казацкой державы, но и созданное на национальной основе казацкое войско», а также способствовало утрате последних казацких традиций⁴.

Отмеченный подход разделяется не только представителями современной украинской историографии, но и частью российских исследователей. В качестве примера укажем на работы Т. Г. Таировой-Яковлевой. В монографии 2011 г., посвященной гетману И. С. Мазепе, исследователь рассуждает о том, что гетман стал своеобразным заложником петровской «идеи империи»: «Сокращение автономии Украины совершенно естественно вписывалось в идею создания империи, с общими законами и структурами. Идею, которую Петр активно воплощал в жизнь в начале XVIII века, во многом следуя по пути своих предшественников»⁵. На «чужеродности» Гетманской Украины акцентирует свое внимание Т. Г. Таирова-Яковлева в коллективной монографии «История Украины» (2015 г.)⁶. На наш взгляд, следование такому методологическому подходу не обусловлено ни профессиональной специализацией, ни теоретическими предпочтениями. В этой связи обратимся к тексту исторического курса «Новая имперская история Северной Евразии» (2014–2015 гг.), представленного редколлегией журнала «Ab imperio»⁷. Согласно учебнику, губителем автономии Гетманской Украины («Малороссии») выступал проект «регулярного (камералистского) государства» Петра I, который не оставлял региону никакой «перспективы сохранить независимость»⁸.

Однако, по нашему мнению, такой подход страдает излишней телеологичностью, которая отрицает наличие вариативности разви-

тия автономии Гетманской Украины в составе Российского государства. Чтобы избежать этого, необходима детальная реконструкция представлений российской правящей элиты относительно возможных преобразований Гетманской Украины, а также причин актуализации или забвения предлагаемых ее представителями тех или иных стратегий и тактик.

В этой связи большой удачей для историка является выявление и работа с источниками, в которых отразились представления правящих элит империи об освоении и управлении Гетманской Украиной, мотивы их возможных и/или последующих действий в отношении автономного статуса региона. Введение в научный оборот таких документов позволяет понять, как «на самом деле» эволюционировала автономия Гетманской Украины. К числу документов подобной тематики относится проект экономических преобразований на Гетманской Украине 1733 г. Его автором являлся киевский генерал-губернатор И. Б. Вейсбах (ок. 1665–1735 гг.). На основании анализа этого проекта и его истории, по нашему мнению, возможно реконструировать мыслимые границы допустимого в представлениях крупного администратора первой половины 1730-х годов, а также понять, насколько проект вписывался в политику российского правительства Анны Иоанновны (1730–1740 гг.).

Возникновение проекта Вейсбаха пришлось на самый конец гетманства Д. П. Апостола (1727–1734 гг.). По истории экономических отношений на Украине в данный период был написан ряд важных работ, однако они концентрируют внимание по преимуществу на особенностях внутреннего рынка, местных откупных сборов, внешней торговли, социально-экономических отношений и т. д.⁹ Таким образом, актуализация содержания проекта И. Б. Вейсбаха способствует ликвидации важной историографической лакуны. Эта лакуна возникла из-за того, что до сих пор в украинской и российской историографии за редким исключением¹⁰ не проводилась детальная и критическая реконструкция механизмов выработки российским правительством экономического курса в отношении Гетманской Украины, проектов экономических преобразований или более тесной экономической интеграции региона.

В научный оборот проект И. Б. Вейсбаха впервые был введен Н. Н. Петрухинцевым, уделившим ему немного места в своей фундаментальной монографии. Историк обратил внимание, что при создании проекта основной мотивацией для Вейсбаха служили его негативные оценки местного населения и казацкой элиты, погрязших

в лени, пьянстве и коррупции. Все это являлось несомненным указанием на то, что без немецкой колонизации невозможно повышение доходности украинских земель¹¹. По мнению Петрухинцева, «текст проекта показывает, что Вейсбах не очень хорошо представлял себе подлинные основы русской политики на Украине, поскольку настаивал фактически на серьезных изменениях внутривластного курса»¹². На этом основании историк оценивал предложения Вейсбаха как «самый радикальный проект “русской колонизаторской политики”»¹³. На наш взгляд, такая оценка слишком сгущает краски в отношении деятельности Вейсбаха, а также оставляет за скобками немало интересных аспектов проекта, что является дополнительным поводом для обращения к данному источнику.

Военная и гражданская служба И. Б. Вейсбаха в значительной мере связана с Гетманской и Слободской Украиной. Будучи выходцем из Силезии, весной 1707 г. он был принят на русскую службу. С 1713 г. Вейсбах командовал квартировавшими там полками¹⁴. В 1731 г. он был назначен на высший пост в своей карьере — киевского генерал-губернатора. Это назначение сделало Вейсбаха ключевой фигурой для российской внешней политики на южных рубежах вплоть до самой смерти в 1735 г. Неслучайно без консультаций с ним не проходило ни одно совещание Кабинета министров Анны Иоанновны по поводу возможной войны с Турцией в 1733 г., а его предложения оказали большее влияние на итоговые решения по этому вопросу, чем мнения Б. Х. Миниха¹⁵. Помимо этого, Вейсбах курировал создание Украинской линии, занимался организацией ландмилицийских полков, обустроивал полк из сербских иммигрантов, вел активную переписку с русскими резидентами в Турции¹⁶.

По долгу своей службы И. Б. Вейсбах контактировал с правителями Гетманской Украины. Отношения с ними складывались по-разному. С гетманами И. И. Скоропадским (1708–1722 гг.) и П. Л. Полуботком (1722–1723 гг.) у него возникали частые трения по поводу размещения и снабжения российских войск¹⁷. Столь же натянутыми были отношения и с родней И. И. Скоропадского. Например, в 1725–1726 гг. Вейсбах уступил в земельном споре с вдовой последнего, так как за ней стояла влиятельная фигура свекра — П. А. Толстого (главы Тайной канцелярии)¹⁸. Такой формат отношений контрастировал с тем, как впоследствии Вейсбах выстроил неформальные отношения с гетманом Д. П. Апостолом (1727–1734 гг.).

Вполне возможно, начало их взаимоотношениям было положено благодаря знакомству И. Б. Вейсбаха с Петром Апостолом — сыном

будущего гетмана — в 1725–1727 гг.¹⁹ Сложившиеся связи гетман Д. П. Апостол активно использовал в личных целях, рассчитывая на протекцию Вейсбаха в сфере, выходящей за рамки собственного влияния, — прежде всего в не подчинявшейся гетману Слободской Украине. Например, весной 1732 г. Апостол пытался через Вейсбаха содействовать служебному продвижению своих родственников, и в частности, использовать конфликт старшины Сумского полка со своим полковником В. Осиповым для назначения на его место гетманского племянника И. И. Кондратьева²⁰. Почти в то же время Вейсбах обещал гетману ходатайствовать о назначении на полковничий уряд в Харьковском слободском полку внука гетмана — И. Г. Квитки на место его отца Г. С. Квитки, просившего «за ево старостию, ранами и ножною болезнею» об отставке²¹. Однако в обоих случаях протекция Вейсбаха не дала результата.

Неформальные связи между И. Б. Вейсбахом и Д. П. Апостолом имели и своего рода «гендерный аспект» — переписку вели и представители «женской половины» семейств. В письме 15 февраля 1732 г. графиня Вейсбах обещала супруге гетмана Ульяне заступничество за ее «свойственника» — гетманского племянника В. Искрицкого, влезшего в серьезные долги, заверяя, что «ежели в чем возможность будет, я и сожитель мой от сердца нашего служить готови»²². Вероятно, не без влияния супруги появилось и письмо Вейсбаха к гетману от 21 марта 1732 г. с сожалениями о невозможности немедленно помочь Искрицкому, давшему на себя письменную кабалу, но с уверениями, что «в оном деле, також и впредь случившиеся возможности, всякое спаможение ему, Искрицкому, учинить готов»²³.

Таким образом, И. Б. Вейсбах имел заметный политический вес как в российской правящей верхушке, так и в среде украинской казацкой элиты, а продолжительная служба в регионе сформировала у генерала свое видение специфики управления Гетманской Украиной. Однако не следует преувеличивать и идеализировать профессиональные качества Вейсбаха. Например, в своих «записках» испанский посол в России (1727–1730 гг.) герцог де Лирия давал генералу следующую характеристику: «Генерал Вейсбах, немец, недалежного ума. Он считал себя величайшим полководцем, но другие не только не говорили о сем, а напротив, имели дурное мнение как о его храбрости, так и о его опытности. Он был скуп и тяжел в обращении, а впрочем, честный человек»²⁴. На наш взгляд, характеристику, данную современником, о «недалнем уме» Вейсбаха следует уточнить, обратившись к проектам, которые он подготовил в

конце своей жизни. Именно они стали своеобразным политическим завещанием, в которое Вейсбах вложил весь свой накопленный административный и политический опыт. Эти проекты, написанные в оригинале на немецком языке, были поданы на рассмотрение Кабинета министров Анны Иоанновны в августе 1733 г. Первый из них представлял собой план создания легкого конного корпуса для проведения быстрой и победоносной кампании против Османской империи²⁵. Однако наибольший интерес для нас имеет второй проект, касавшийся возможных экономических преобразований на Гетманской Украине.

В русском переводе название проекта звучало следующим образом: «О плодородной земле Украинской, о жителях той земли, о состоянии, порядках, экономии, не в указ предложение, каким образом Ее императорскому величеству доходов поправить, и оные земли в лутчее состояние привести можно»²⁶. Самим Вейсбахом проект рассматривался как возможность повысить благосостояние местного населения и пополнить казну Российской империи. Отдельного внимания заслуживает употребляемое Вейсбахом понятие «Украина», которое в его понимании охватывает территории, отошедшие от Речи Посполитой, то есть Гетманскую Украину (Малороссию), но в некоторых случаях включает и территорию Слободской Украины.

Проект можно условно разделить на четыре части. В первой части описывается природно-географическое положение Гетманской Украины (климат, водные артерии, уровень сельского хозяйства). Во второй части проекта анализируется экономическая активность местного населения, социальная структура украинского общества и господствующие модели поведения, которые мешают хозяйственному развитию региона. В третьей части Вейсбах давал практические рекомендации по решению существующей проблемы, делая акцент на пользе переселения туда немецких семей. В четвертой (последней) части документа автор выделял те сферы производства в Гетманской Украине, которые ощутят на себе положительный рост от немецкой колонизации.

Первая часть проекта И. Б. Вейсбаха начиналась с небольшого рассуждения о том, как территория Гетманской Украины вошла в состав Российского государства в качестве «вечного потомственного владения», полагая, что основную роль сыграли гонения со стороны католического духовенства²⁷. Далее Вейсбах переходил к описанию территории Гетманской Украины. По мнению автора, земля в реги-

оне «так плодородна и обширна, что во многих местах великие луга и пазбы скота находетца», «она (земля. — Я. Л.) несравненно плодородна, родит всяко хлеб преизобилно, так же и преизрядные овощи, а которья и в лесех находятца и оные так изрядит как и в хороших садах. А садовые овощи совершенно созревают и весма крупные как в Галандии и без великаго труда с тою земли в надлежащее состояние привести можно»²⁸. Это разительно отличало Гетманскую Украину от других известных Вейсбаху земель, где можно «великий труд положить, и всякие убытки понести, так же и многово времени требует пока такие земли во употребленное состояние приведутца»²⁹. Это позволило Вейсбаху заключить, что «по справедливости оную землю по ея изобилному плодородию» можно сравнить с землей обетованной³⁰. Отметив положительные стороны природно-географического положения Гетманской Украины, Вейсбах переходил к выяснению причин, мешавших максимизировать прибыли, получаемые от ее освоения. Этому была посвящена вторая часть проекта.

В числе первых причин, мешавших пополнению государственной казны, Вейсбах указывал на слабую заселенность региона. По его мнению, «едва третья часть той земли заселена»³¹. Это выражалось в большом расстоянии между городами и деревнями, что усложняло управление и оборону Гетманской Украины. Траты на обеспечение безопасности региона перекрывали доходы, получаемые казной. Уже в этой части документа Вейсбах обозначает необходимость заселения пустующих земель неместным населением, даже вопреки тому, что это «жителям той земли сперва весма дико покажется, и будто б в противности к их привилегиям, которыми они по своей натуре весма гордо похваляются»³².

С позиции Вейсбаха, культурные и социальные особенности населения Гетманской Украины относились к числу ключевых причин, определивших слабое экономическое развитие территории края. С точки зрения автора проекта, здешний «народ генерално ленив к работе. К тому же и весма неприменно с другими народами свою экономию так беспорядочно отправляет, что в монаршую казну не много ли весма ни почему не приходит»³³. В таком же состоянии находилась местная «комерция» («душа всякого народа»). От этого «общее благополучие и поныне лежит, как мертвое сокровища в земли скрыта»³⁴.

Усугубляли ситуацию корыстные интересы украинской казацкой элиты. Так, «началники или управители тоя земли великия чинят предерзости в противности своей присяжной должности и гре-

шат явно против своей всевысочайшей монархии и против своей братии казаков (как они себя называют)» тем, что «свои маетности... от всяких податей и налогов увольняют (выделено мной. — Я. Л.)»³⁵. Помимо этого, представители казацкой элиты старались перевести в личное владение то крестьянское население, что жаловалось им на время исполнения войсковых должностей³⁶. Служебное положение также использовалось верхушкой украинских полков для принуждения к работе на своих землях рядовых казаков («мужиков»): «которые мужики [в] тех полках по своей должности в каждую неделю два дни на помянутых своих начальников и офицеров работают и повинны»³⁷. Равным образом обогащалась казацкая верхушка Слободской Украины («пяти полков [что] малороссийскими именуется»). Таких «мужиков», по мнению Вейсбаха, в 10 «полках гетманских» и 5 полках Слободской Украины можно набрать более 100 тыс. Следует отметить, что наблюдения иностранца на русской службе подтверждаются не только специальными исследованиями, но и наблюдениями других современников, например, резидентов при гетманском дворе³⁸. Помимо светской верхушки украинского общества, критических замечаний удостоились и местные церковные иерархи: «духовные чины без сумнения великие маетности имеют, дома и дворы присовокупили, и под свое владение подчинили» и, подобно казацким элитам, также стремились избежать уплаты налогов³⁹. Общее уклонение от налоговых обязательств создавало атмосферу, из-за которой владельцы, получившие по императорскому указу «в той Украине» вотчины, «от всяких тягостей и податей хотят быть уволены»⁴⁰. Завершалась характеристика украинской казацкой элиты констатацией наличия прочных социальных связей, обеспечивавших более эффективный социальный лифтинг в сравнении с «рядовым казаком»⁴¹. В правильности данного наблюдения можно убедиться, если обратиться к исследованиям по истории украинской казацкой элиты⁴². После этого автор проекта переходил к описанию недостатков остального населения, объясняя, почему здешний «народ генерално ленив к работе».

Несмотря на потенциальные возможности украинской земли, местное крестьянское население «ползоватца всем не могут», поэтому «они с тех земель весма мало или ничего не платят»⁴³. Всему виной, по мнению И. Б. Вейсбаха, неумеренность в распитии алкогольных напитков: «по празнеством жизнь свою препровождают» и «почти всегда в кабаках или в гостях упражняютца едят. Поют, танцуют, певают и скачут к чему случай всегда бывает». «Таких пьян-

ственных дней весьма много», — сожалеет автор проекта. От этого сельчане имеют некоторую склонность лишь к «малому какому торгу или к звериной ловле и к рыбной»⁴⁴. Усугубляли ситуацию такие важные социокультурные практики, как свадьбы, крещения, похороны и поминки, «от чего весьма много золотого времени во многодении и пьянстве» проходит, а «домашняя экономия напрасно пропадет»⁴⁵. Кроме того, согласно наблюдениям Вейсбаха, местные женщины потакают мужчинам «во всех таких злых поступках и мерзких», особенно в распитии алкоголя. Он критиковал способ ведения домашнего хозяйства местными женщинами, в частности — обычай узорного вышивания: «вышивают простыни и наволочки для украшения своих перин и подушек, потому что у них многоцветие [в] украшении к не малой чести и похвале потребны»⁴⁶. Следовательно, представительницы слабого пола в силу устоявшихся культурных практик исключаются из «правильной» экономической жизни региона. На этом основании Вейсбах позволил себе вынести довольно жесткий вердикт: «надобно признаться, что нигде такой ленивой к работе и к пакостным делам склонной нации не сыщется <...> От чего их собственная и вся земли гибел произвести может»⁴⁷.

И. Б. Вейсбах негативно оценивал методы ведения сельского хозяйства украинским населением. Скот, разводимый местными жителями, содержится в плохих условиях и лишен качественного корма, что приводит к высокому падежу молодняка⁴⁸. Подобную же халатность Вейсбах наблюдал при уборке хлеба, который должен был находиться «в сухих анбарах и в хорошее время обмолочен». Однако «почти во всей той стране... от недостатку гумеников кладут на поле в скирды», из-за чего хлеб по большей части гнивает, а оставшийся же плохо обмолачивается⁴⁹. Неудовлетворительные условия хранения хлеба провоцируют частые случаи голода. Однако даже это, со слов Вейсбаха, не подталкивает местное население совершенствовать технологии хранения и обработки зерна, особенно в урожайные годы.

Таким образом, описание сельского хозяйства на Гетманской Украине укрепляло автора проекта в мысли, что для «порядку повелевает и способ показать, как оное все пресечи, оную землю в лутчее состояние» привести⁵⁰. Практические советы по повышению экономического потенциала Гетманской Украины составляют третью часть проекта. В чем они заключаются?

По мнению И. Б. Вейсбаха, сложившийся клубок социально-политических и экономических проблем возможно было бы распутать

только с привлечением иностранных колонистов. В качестве источника человеческих ресурсов Вейсбах указывал на немецкие семьи из «лютеранов, калвинистов и манистов⁵¹». В их отношении рекомендовалось строго соблюдать политику веротерпимости (в том числе строить церкви, школы, молитвенные дома), а также предоставить налоговый иммунитет⁵².

Отмеченная практика не была чем-то новым в европейской истории. В этой связи Вейсбах для пушей убедительности ссылался на опыт Пруссии и Голландии. Так, прусский король сумел привлечь в свои владения преследуемых во Франции протестантов (гугенотов), которые, в свою очередь, смогли освоить и заселить земли Померании, а когда «начали в состояние приходить, многие фабрики от них произошли, от чего и коммерция в лутчее состояние приведена. И государственные доходы несравненно умножились»⁵³. В этом случае Вейсбах, вероятно, ссылался на опыт первого прусского короля Фридриха I (1701–1713), который продолжил политику своего отца, активно приглашавшего гугенотов с 1685 г.⁵⁴ В отношении Голландии автор проекта лишь констатировал, что благосостояние этого государства стало результатом усилий «всяких вер народа»⁵⁵. Приводимые Вейсбахом примеры должны были наглядно продемонстрировать Анне Иоанновне и ее окружению всю пользу от приглашения немцев-протестантов, особенно тех, кто «на таких землях весьма плоше украинской и с великою нуждою свое пропитание имеют»⁵⁶.

Естественно, возникает вопрос: какие земли Гетманской Украины планировалось заселить? С точки зрения И. Б. Вейсбаха, колонистов изначально следовало направлять «на пустые земли и степные»⁵⁷. Для освоения таких участков правительству рекомендовалось выделить несколько сотен тысяч рублей «на первой случай», которые «в малые годы» с лихвою окупятся⁵⁸. Немцев-протестантов предлагалось рекрутировать с территории Саксонии, Силезии и Великой Польши (историческая область на западе современной Польши). Из отмеченных областей могли выйти отменные скотоводы, виноградари, садоводы, земледельцы, кровельщики и каменщики, а также знатоки ткацкого дела, способные изготавливать качественную парусину, полотна скатерти, чулки и т. д.⁵⁹ Словом, все, кто мог способствовать решению насущных проблем сельского хозяйства Гетманской Украины, а также повысить доходы государственной казны. Среди потенциальных колонистов Вейсбах особо выделял немцев-меннонитов, так как для их семей была характерна многодетность, «живут [они] смирно», «работящи, трезвы, и умны, воинской службы

никогда не принимают, так же и в работу ни где не нанимаютца», «положенной на них оклад исправно платят, в строении весьма искусны и как колодези делают, в навигации також де некоторое искусство имеют разделять земли, а в экономии так искусны, что они всякую землю из фундамента добрую и худую на языке узнавают: годну и негодную под пашню»⁶⁰. В чем-то эти рекомендации окажутся пророческими. Именно семьи меннонитов из Западной Пруссии с 1789 г. будут осваивать дикие земли Новороссии⁶¹.

После похвальных слов в адрес меннонитов перечислялись меры по государственному стимулированию и поддержке колонистов, обозначалась необходимость введения системы жестких штрафов и наказаний для поддержания порядка на осваиваемых землях, а также строительства сети тюрем («цухтгаузов»). В число правонарушителей следовало включать нищих, цыган и «лентяев». В систему мер поддержания правопорядка также входило создание полиции⁶². Для обеспечения лучшей адаптации и акклиматизации колонистов в проект был включен пункт о строительстве госпиталей и больниц, которые обезопасили бы здоровье и местных жителей⁶³. Размышлял Вейсбах и о необходимости обеспечения и социализации детей-сирот, рекомендуя строить сиротские дома, способные приобщать их к профессиям, востребованным в государстве. Такой мерой экономический рост отчасти был бы обеспечен за счет местных кадров. Завершает третью часть проекта подробное описание логистики переселения и снабжения немецких колонистов⁶⁴.

В следующей части автор пытался спрогнозировать, в каких отраслях экономики Гетманской Украины можно ожидать быстрых и ощутимых выгод от немецкой колонизации. На первое место для украинского и имперского хозяйства Вейсбах поставил развитие конских заводов. Возможно, это было желание угодить царскому фавориту Э. И. Бирону, известному своей страстью к лошадям⁶⁵. В то же время сам Вейсбах полагал, что стимулирование местного коневодства позволит конкурировать на внешнем рынке, не уступая лошадям из Датского королевства⁶⁶. Следующие его предложения касались разведения «рогатой скотины», что также должно было пополнить государственную казну. Реализация его предусматривала не только простое увеличение поголовья (особенно волов), но и технологические инновации, особенно в сфере производства молочной продукции (например сыра). С позиции Вейсбаха, местные жители «из молока ныне весьма ничего сделать не знают», но при условии привлечения технологий, аналогичных голландским, и приложения

соответствующих усилий «в Галандии такого масла и сыру лутче не сыщется», а также вырастет товарооборот⁶⁷. Увеличение поголовья мелкого рогатого скота (коз, овец) и модернизация производства возвели бы Гетманскую Украину в число важных центров производства качественных кож и шерстяных тканей на нужды армии и на экспорт⁶⁸. На этом фоне необходимость заведения овчарных заводов объяснялась лишь тем, что для «добррой экономии» «без того никак обойтись не можно»⁶⁹.

Не меньших выгод от привлечения немецких колонистов следовало ожидать в области земледелия. Правда, Вейсбах оговаривался, что это вынужденная необходимость, поскольку местные жители «прежнюю свою леность оставят, и ревностне к работе прилежат будут, всегда полза быть может, разве что Всевышний Бог особливо ту страну посетить изволит»⁷⁰. В отличие от местного населения протеже Вейсбаха не требовали, по мнению автора проекта, значительных издержек на их содержание и питание. Зато «в малые годы» смогли бы наладить и увеличить производство качественной пеньки, льна, меда, пиломатериалов и винограда⁷¹. Вложения в виноградарство, культивируемое саксонскими немцами, стали бы важным шагом в вытеснении популярных венгерских вин собственным продуктом; «денги, которые ныне за волоскиея вина из государства идут, дома останутца, а со временем такая вина и в торгу в другия места отпускатца будут»⁷².

Таким образом, реализация предложений И. Б. Вейсбаха позволила бы «Благославленную Украинскую Землю в лутчее состояние производить»⁷³. При этом, по его мысли, экономические преобразования на Гетманской Украине не мыслились без организации обороны от «турецких татар». В проекте эта важная обязанность ложилась не только на регулярные части, но и на местное население («мужиков»), из которого предполагалось набирать полки, аналогичные ландмилицим⁷⁴. Следовательно, несмотря на ярко выраженный скепсис в отношении потенциала социальных групп Гетманской Украины Вейсбах полагал, что без их посильного участия невозможно проведение модернизации экономики региона и увеличение конкурентоспособности местных товаров. Это отразилось бы в лучшую сторону и на благосостоянии украинского населения.

И. Б. Вейсбах надеялся, что проект получит поддержку со стороны императрицы Анны Иоанновны. Неслучайно план поселения немецких семей киевский генерал-губернатор конкретизировал в специальном рассуждении — «Не в указ мнении, которое всемерно

к подданному об Украине приложить за потребнейша разсуждени»⁷⁵. Из его содержания следует, что Вейсбах детально просчитывал риски от возможной неприязни со стороны местного населения и православной церкви в адрес колонистов. С этой целью предполагалось в случае одобрения проекта поселить немецкие семьи только в пустынных и болотистых районах. Также предполагалось предоставить колонистам налоговый иммунитет сроком на 3 года⁷⁶.

Однако надежды так и остались надеждами: проект остался без какой-либо «апробации». О причинах этого нам остается только гадать. Возможно, правительство больше было сосредоточено на внешнеполитических проблемах, обусловленных геополитической конкуренцией с Францией (война за польское наследство, возможный конфликт с Турцией), и поэтому потенциальные логистические трудности с перемещением, снабжением и охраной колонистов отодвинули обсуждение и реализацию проекта на дальнюю перспективу. Насколько далекой она оказалась?

Историк немецкой колонизации в России И. Р. Плеве утверждает, что в разгар Семилетней войны (1756–1763 гг.) подобный проект правительству Елизаветы Петровны предложил некий саксонский генерал Вейсбах. Последний полагал, что привлечение немецких колонистов на территорию Гетманской Украины позволит ослабить прусского короля⁷⁷. К сожалению, Плеве ссылается только на книгу Я. Дитца, в которой отсутствуют какие-либо ссылки на источники⁷⁸. По этой причине не представляется возможным прояснить подлинность этого проекта и возможную его связь с проектом И. Б. Вейсбаха.

Возвращаясь к содержанию упомянутого документа, нельзя не отметить, что в нем сложно увидеть «самый радикальный проект “русской колонизаторской политики”». В тексте проекта ключевым моментом являлся учет мнения и согласие местного общества (особенно казацкой элиты) и православной церкви, без которых трудно было бы осуществить планируемые государственные инициативы. Вейсбах, как представитель имперской элиты, изображал Гетманскую Украину не просто как ресурсную базу российской экономики, а как территорию с особым статусом и целым набором социальных и экономических проблем, мешавших повышению уровня жизни основной части населения и росту доходов имперской казны.

Социокультурный облик Гетманской Украины вызывал у И. Б. Вейсбаха заметную антипатию. Как можно это объяснить? Наблюдениями за повседневностью местных жителей или ярким проявлением «протестантской этики» (М. Вебер), провоцировавшей

культурную аллергию и направленной на поддержку преследуемых единоверцев? Вопрос остается открытым. Со своей стороны подчеркнем, что теоретический подход М. Вебера прекрасно ложится на ту идеологию труда и накопления богатств, которую последовательно развивал в своем проекте Вейсбах.

Проект Вейсбаха в итоге не получил государственной поддержки, хотя, вероятно, был рассмотрен А. И. Остерманом⁷⁹. Тем не менее, это не снимает ряд вопросов о том, почему Вейсбах акцентировал внимание на особых правах Гетманской Украины, необходимости договариваться с местной элитой, которая, казалось бы, погрязла в коррупции. Почему в своих предложениях Вейсбах обозначал эти препятствия?

На наш взгляд, в проекте экономических преобразований И. Б. Вейсбаха можно увидеть ряд тонкостей, характерных для российско-украинских межэлитарных отношений и отразившихся на содержании и судьбе проекта. Они заключались в политической и экономической поддержке лояльной части элиты со стороны российского правительства. Последняя рассматривалась Петербургом как равноправная сторона в выстраивании неформальных отношений с российскими правящими кругами с целью лоббирования собственных интересов. В обмен на эту лояльность не подвергался кардинальной ревизии автономный статус Гетманской Украины.

Для подтверждения наших слов сравним проект И. Б. Вейсбаха с другими планами преобразований на Гетманской Украине, возникшими в среде российской элиты. Предварительно заметим, что серьезный отпечаток на них наложил переход гетмана И. С. Мазепы на сторону шведского короля (октябрь 1708 г.). Это видно, например, по письму киевского воеводы князя Д. М. Голицына канцлеру Г. И. Головкину (февраль 1710 г.). В нем Голицын, пересказывая слухи о возможных репрессиях на Гетманской Украине, считал вполне обоснованным предложить Головкину, что «для нашей безопасности на Украине надобно прежде всего посеять несогласие между полковниками и гетманом»: поощрять и продвигать по карьерной лестнице только тех, кто «хотя малую службу к государю показывали». По мысли Голицына, это должно было ослабить власть гетмана и способствовать тому, что украинцы «будут приходить с доносами», доносчикам же не следовало «показывать суровость: если двое придут с ложью, а суровости им не будет показано, то третий и с правдой придет, а гетман и старшина будут опасаться»⁸⁰. В конце письма киевский воевода еще раз подчеркивал, что «необходимо,

чтоб во всех порубежных городах были полковники, несогласные с гетманом; если будут несогласные, то дела их все будут нам открыты»⁸¹. Схожие мысли излагались в проектах Ф. С. Салтыкова (ум. 1715 г.), созданных в 1712–1713 гг. Среди них содержались предложения «О содержании Украйны Черкасской», в которых отмечалось, что в регионе сохранялось собственное самоуправление и из «российских господ» или «российского народа» никого не назначали, отчего «та пристяжная провинция российскому государству не наследственна прилучилась» и «всегда исполнена была бурной безпутной польской обыкности и безпутной такой воли их»⁸². Такое положение дел наносило вред обоим народам и послужило одним из оснований для измены И. С. Мазепы. В целях предотвращения проявлений «старых несостоятельств их мыслимая воли» Салтыков рекомендовал царю указать при гетмане «быть одной роте от кавалерии под образом вида гвардии его, будто в честь его», состоявшей из неженатых дворянских детей и кадетов, которые надежнее всего могли «осматривать их злыя замышления и измены». Их следовало продвигать в местные чины на «умершие места» и женить на дочерях казацкой элиты, «чтоб той народ смешался с российским народом чинами, нравом и свойством, отчего будет сохранение обоих народов от раззорений и убытков»⁸³. Помимо укрепления единства двух народов описанные меры позволили бы исподволь отнять «волю их правления» и употреблять российских «начальных» людей. По мысли Салтыкова, подобные действия всего лишь повторяли английский опыт управления в отношении Ирландии, Уэльса и Шотландии⁸⁴.

Следовательно, по сравнению с проектом И. Б. Вейсбаха, предложения Д. М. Голицына и Ф. С. Салтыкова значительно раздвигали границы допустимого в отношении автономии Гетманской Украины. Подозрительность, отмеченная во взглядах Д. М. Голицына и Ф. С. Салтыкова, нашла свое отражение в изменении формата российско-украинских отношений после 1708 г. Например, при гетмане появились российские резиденты, долженствующие следить за ним и казацкой элитой, с 1715 г. вводился новый порядок назначений полковников (только при одобрении правительства). В 1722–1727 гг. функционировала Малороссийская коллегия, которая контролировала все налоговые сборы, а с 1726 г. отвечала за отбор кандидатур на старшинские должности. Однако при изучении реализации отмеченных нововведений мы сталкиваемся с несколько иным положением дел. Например, отчеты резидентов свидетельствовали о

том, что гетман сохранял независимую позицию, при назначении на войсковые уряды и распределении земельных ресурсов царили семейственность и кумовство, на которые закрывало глаза российское правительство; новый порядок назначений на должности носил формальный характер, а введение Малороссийской коллегии не предполагало отмену казацкого самоуправления и судопроизводства, так как без местной администрации учреждение не могло эффективно выполнять свои функции⁸⁵. Кроме того, родственники сторонников Мазепы, оставшиеся верными российскому престолу, могли без особых преград служить монарху, а впоследствии получить обратно конфискованные у изменников земли⁸⁶.

Сохранение подобного статуса казацкой элиты в качестве основы для управления Гетманской Украиной способствовало интенсификации ее неформальных связей с российской элитой. Благодаря этому казацкая верхушка окончательно превратилась в самостоятельную силу, независимо от гетмана выстраивавшую отношения с российским престолом⁸⁷. Это мы можем наблюдать в правление Анны Иоанновны (1730–1740 гг.). Например, летом 1733 г. правящая элита Гетманской Украины планировала коллективно управлять регионом, ориентируясь на опыт времен наказного гетманства П. Л. Полуботка и желая, «с примеру того, как по смерти гетмана Скоропадского... иметь правление». Со своей стороны российское правительство не подвергло никого репрессиям, а, наоборот, учло политические амбиции и самостоятельность местной элиты, создав после смерти гетмана в начале 1734 г. Правление гетманского уряда, половину из шести членов которого должны были составлять представители казацкой старшины⁸⁸. Несколько позднее, в 1736 г., кабинет-министр А. И. Остерман отмечал, что адаптировать местную элиту к российским практикам удастся лишь благодаря стимулированию их собственного желания участвовать в подобной инкорпорации⁸⁹. В остальном же в годы правления Анны Иоанновны российское правительство без каких-либо подозрений относилось к стремлениям казацкой элиты стать российскими дворянами⁹⁰ либо ассоциировать себя со шляхтой польского времени при составлении Свода «малороссийских прав», в котором ей отводилось исключительное место. Вероятно, таким контекстом российско-украинских межэлитарных отношений на 1733 г. возможно объяснить неудачу проекта Вейсбаха. Неслучайно в том же 1733 г. Коллегия иностранных дел отвергла проект нового таможенного тарифа для Гетманской Украины, который ликвидировал бы внутренние та-

моженные границы⁹¹. В этом свете реализация проекта Вейсбаха могла нарушить определенный баланс в российско-украинских отношениях.

На примере истории проекта Вейсбаха можно понять, что этот баланс был выстроен на серьезных компромиссах, когда аргументы, обличавшие казацкую элиту и описывавшие выгоды от экономических преобразований, не становились толчком для кардинального пересмотра автономии Гетманской Украины. В истории российско-украинских отношений Вейсбах был не единственным представителем российской элиты, кто допускал преобразования на Гетманской Украине или изменение ее политического статуса. В правление Анны Иоанновны в правящих кругах были и те (например, А. И. Шаховской и А. И. Остерман), кто в качестве политических изменений допускал лишь создание совместного коллективного органа управления (Правление гетманского уряда), но не ликвидацию казацкой администрации и/или имущественных и политических прав казацкой старшины. Со своей стороны предположим, что комбинация неформальных взаимоотношений между российской и казацкими элитами и представлений части российской правящей верхушки об особом статусе региона не позволила осуществиться проекту И. Б. Вейсбаха. В российском правительстве могли вырабатываться разнообразные политические сценарии для Гетманской Украины, которые не сводились к постоянному поиску способов ликвидировать автономию региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В данном случае имеется в виду «Книга бытия украинского народа» (автор Н. И. Костомаров) — программное произведение «Кирило-Мефодиевского братства». Главные концептуальные положения этого произведения сводились к тому, что для Украины московский царь был «идол и деспот», за свободу не имеет «ни царя, ни пана» Украина сражалась и с Польшей, и с «Московщиной», а потеряв силы, левобережная часть попала в полную неволю к последнему царю московскому / петербургскому императору Петру I, который «на костях их (украинцев. — Я. Л.) построил себе столицу», а затем «немка» Екатерина II (распутница и безбожница) «кончила казачество» (Список «Книги буття українського народу» М. І. Костомарова, що був вилучений у М. І. Гулака під час обшуку в Олексіївському рavelіні 2 квітня 1847 р. // Кирило-

Мефодіївське товариство: у трьох томах / упор. І. І. Глизь, М. І. Бутич, О. О. Франко. Київ, 1990. Т. 1. С. 164–167).

2 *Грушевський М. С.* Иллюстрированная история Украины. СПб., 1913; *Василенко М. П.* Вибрані твори у трьох томах. Київ, 2006. Т. 1. С. 239–269, 279–309; *Оглоблин О. П.* Гетьман Іван Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто, 2001; *Плохий С.* Походження слов'янських націй: домодерні ідентичності в Україні, Росії, та Білорусі / авт. переклад з англ. М. Климчука, Т. Цимбала. Київ, 2015. Особого внимания заслуживает книга З. Е. Когута «Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate, 1760s–1830s» (1988 г., укр. перевод 1996 г.), которая оказала заметное влияние на интерпретацию российско-украинских отношений XVIII в. в западной историографии (*Алексюн Н., Бовуа Д., Дюкрё М.-Э. и др.* История Центрально-Восточной Европы. СПб., 2009. С. 660–661; *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Пер. с англ. Т. Б. Менской. М., 2009. С. 208).

3 *Смолій В., Степанков С.* Влада в Українській державі: сутнісний зміст та вектори позиціонування // Українська держава другої половини XVII–XVIII ст.: політика, суспільство, культура. Київ, 2014. С. 85.

4 *Бачинська О., Чухліб Т., Щербак В.* Українське козацтво. Київ, 2015. С. 227, 228.

5 *Таурова-Яковлева Т. Г.* Иван Мазепа и Российская империя: история «предательства». М., 2011. С. 317.

6 *Таурова-Яковлева Т. Г.* Украинские земли в Новое время (середина XVI–XIX вв.) // История Украины. СПб., 2015. С. 164.

7 Глава 7. Долгий XVIII век и становление модернизационной империи. Ч. 1 // *Ab imperio*. 2015. № 1. С. 360–382.

8 Глава 7. Долгий XVIII век... С. 364.

9 См., напр.: *Мякотин В. А.* Очерки социальной истории Украины. Прага, 1924. Т. 1. Вып. III; *Тищенко М.* Нариси з історії зовнішньої торгівлі України в XVIII в. Біла Церква, 2010; *Пришляк В. В.* «Коротка передишка часів Апостола»: Гетьманщина у 1727–1734 роках // Україна крізь віки: Збірник наукових праць на пошану академіка НАН України професора Валерія Смолія. Київ, 2010. С. 568–591; *Пришляк В. В.* Козацький Гетьманат часів Данила Апостола: протиріччя між гетьманською та імперською системами влади // Соціум. Альманах соціальної історії. 2010. № 9. С. 159–173; Історія українського селянства: нариси в 2-х томах / Відп. ред. В. А. Смолій. Київ, 2006. С. 245–310; *Морозов О.* Становлення фінансово-податкової та митної системи в Гетьманській Україні // Українська держава другої половини XVII–XVIII ст.: політика, суспільство, культура. Київ, 2014. С. 203–230.

10 *Петрухинцев Н. Н.* Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014. С. 116, 249–324.

11 Там же. С. 321–322.

12 Там же. С. 321.

13 Там же. С. 322.

14 *Киселев М. А., Лазарев Я. А.* Историографический призрак «Украинской дивизии»: к вопросу о реалиях российско-украинских отношений накануне измены гетмана И. С. Мазепы (1706–1708) // *Славяноведение*. 2013. № 2. С. 47.

15 Сборник Императорского российского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1899. Т. 106. С. 384, 388–389; Российский государственный архив древних актов, г. Москва (РГАДА). Ф. 177. Оп. 1. 1733. Д. 4. Л. 52–54 об.

16 См.: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1249. Л. 79 об.; *Шульман Е. Б.* О позиции России в конфликте с Турцией в 1735–1736 гг. // *Балканский исторический сборник*. Кишинев, 1973. Вып. 3. С. 30–34; *Цвиркун В. И.* Молдавские формирования в Русской Армии в 1-й половине XVIII века: Дис. ... кандидата истор. наук. Кишинев, 1987. С. 123–124; *Петрухинцев Н. Н.* Внутренняя политика... С. 151–160, 313–323, 639–649.

17 Материалы для отечественной истории / Под ред. М. Судиенко. Киев, 1855. С. 501; Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, г. Москва. Ф. 159. Д. 839, 3073, 5280.

18 *Лазарев Я. А.* «К вашей ясновелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е — первой половине 30-х гг. XVIII в. // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*. М., 2013. С. 422.

19 *Дневник Петра Даниловича Апостола* // *Киевская старина*. 1895. № 7–8. С. 100–155.

20 *Лазарев Я. А.* «К вашей ясновелможности охочий слуга». С. 429.

21 Там же.

22 Там же. С. 430.

23 Там же. С. 431.

24 *Герцог Лирийский*. Записки о пребывании при императорском российском дворе в качестве посла короля испанского // *Россия XVIII в. глазами иностранцев*. Л., 1989. С. 253.

25 Перевод: «Предложение генерала аншефа графа Вейцбаха каким образом паки новой к походу готовой корпус учредить, с которым

ежечасно туда идти можно когда ЕИВ всемилостивейше повелит» — РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1733. Д. 4. Л. 140–155 об.

26 Там же. Л. 170–199.

27 Там же. Л. 170.

28 Там же. Л. 170 об.

29 Там же. Л. 170–170 об.

30 Там же. Л. 171.

31 Там же.

32 Там же. Л. 172.

33 Там же. Л. 172–172 об.

34 Там же. Л. 172 об.

35 Там же. Л. 172 об.–173.

36 Там же. Л. 173.

37 Там же. Л. 174.

38 *Василенко Н. П.* Прикрепление крестьян в Малороссии // Великая реформа 19 февраля (1861–1911) / Под ред. А. К. Дживилегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичеты. М., 1911. Т. 1. С. 108–126; *Мякотин В. А.* Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. Прага, 1924–1926. Т. 1. Вып. I–III. ; *Лазарев Я. А.* «К вашей ясневелможности охочий слуга». С. 106–107.

39 РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1733. Д. 4. Л. 174.

40 Там же. Л. 174 об.

41 Там же. Л. 175.

42 *Окиншевич Л.* Генеральна рада на Україні-Гетьманщині XVII–XVIII ст. // Праці комісії для виучування історії західньо-руського та українського права / За ред. Н. П. Василенка. Київ, 1929. Вип. 6. С. 253–411; *Окиншевич Л.* Значне військове товариство в Україні-Гетьманщині XVII–XVIII ст. Мюнхен, 1948.

43 РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1733. Д. 4. Л. 175 об.–176.

44 Там же. Л. 176–176 об.

45 Там же. Л. 177.

46 Там же. Л. 177 об.

47 Там же.

48 Там же. Л. 179, 180 об.–181.

49 Там же. Л. 179 об.–180.

50 Там же. Л. 181–181 об.

51 Вероятно, здесь речь идет о меннонитах.

52 РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1733. Д. 4. Л. 181 об.

53 Там же. Л. 182.

54 История Европы. Т. 4. Европа нового времени. М., 1994. С. 169, 171.

55 РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1733. Д. 4. Л. 182 об.

56 Там же. Л. 183.

57 Там же.

58 Там же.

59 Там же. Л. 183 об.–184.

60 Там же. Л. 184 об.–185.

61 *Багале́й Д. И.* Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Киев, 1889. С. 88–89; *Дружинина Е. И.* Южная Украина в 1800–1825 гг. М., 1970. С. 281; *Кабузан В. М.* Народы России в XVIII веке: численность и этнический состав. М., 1990. С. 221.

62 РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1733. Д. 4. Л. 186–188 об.

63 Там же. Л. 188 об.–189.

64 Там же. Л. 190–192.

65 *Курукин И. В.* Бирон. М., 2006. С. 126–127.

66 РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1733. Д. 4. Л. 192 об.

67 Там же. Л. 193.

68 Там же. Л. 193 об.–195.

69 Там же. Л. 193 об.

70 Там же. Л. 195.

71 Там же. Л. 195 об.–197 об.

72 Там же. Л. 196 об.

73 Там же. Л. 198 об.

74 Там же. Л. 199.

75 Там же. Л. 204–207.

76 Там же. Л. 185 об., 186 об.

77 *Плеве И. Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 1997. С. 55.

78 *Дитц Я.* История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. С. 33.

79 Копия проекта И. Б. Вейсбаха значилась в бумагах А. И. Остермана, которые были собраны Г. Ф. Миллером (РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 244. Ч. 1).

80 В данном случае Д. М. Голицын, со слов чигиринского сотника Невенчанного, передавал разговор с неким гетманским посланцем. Последний полагал, что царь хотел «украинских всех людей перевести за Москву и на Украине поселить русских людей», а также сокрушался, что И. С. Мазепа в свои планы не посвятил «всю старшину и посполитых людей», так как от «Москвы вся Украина пропала» (*Соловьев С. М.* Сочинения: в 20 кн. М., 1993. Кн. 8. История России с древнейших времен. Т. 15–16. С. 336).

81 *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 8. С. 337.

82 Проекты. Изъявления прибыточные государству, Федора Салтыкова, 1714 г. // *Павлов-Сильванский Н.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого: опыт изучения русских проектов, неизвестные их тексты. СПб., 1897. С. 18.

83 Там же. С. 18–19.

84 Там же. С. 19.

85 *Лазарев Я. А.* «Глаза и руки ли государевы?»: роль резидентов при гетманском дворе в контексте российско-украинских отношений в 10-е гг. XVIII в. // Исторический вестник. 2013. Т. 6 (153). С. 82–111; *Лазарев Я. А.* Малороссия. Послемазепинское десятилетие глазами резидентов при гетманском дворе // Родина. 2014. № 12. С. 46–48; *Панашенко В. В.* Соціальна еліта Гетьманщини (друга половина XVII–XVIII ст.). Київ, 1995; *Лазарев Я. А.* Российское правительство и украинская казачья элита: особенности взаимоотношений в период функционирования Малороссийской коллегии (1722–1727 гг.) // Славяноведение. 2016. № 4. С. 45–47.

86 *Сень Д. В., Швайба Н. И.* «Извещал письменно на бунчуковых Семена Лизогуба да Андрея Горленка...»: случай из истории казачьей старшины Гетманщины 1720-х гг. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2015. Вип. 43. С. 31–37.

87 *Лазарев Я. А.* «К вашей ясневелможности охочий слуга». С. 420–431.

88 Там же. С. 431–432.

89 В данном случае речь шла о малороссиянах, стремившихся определить своих детей на великороссийскую военную службу. А. И. Остерман указывал «правителю» Гетманской Украины князю И. Ф. Барятинскому, что таких надлежит «приводить и наклонять искусным порядком, чтоб они сами о том просили, и сие содержать в крайнейшем секрете, чтоб они не дознавались, что их к исполнению российских регулов и указов по малу привлекают, и не подать-бы чрез то причины к противному от них толкованию» (Сб. РИО. Т. 117. С. 567).

90 РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1144. Л. 271 об.; Там же. Оп. 29. Д. 1827. Л. 765–765 об.

91 *Петрухинцев Н. Н.* Внутренняя политика... С. 116.

Y. A. Lazarev

«Land of itself throughout Ukraine on divine goodness is so fertile and extensive»: project of economic transformation in the Hetmanate by general I. B. Weisbach in 1733

The paper is devoted to the project of economic reforms in the Hetmanat by I. B. Weisbach (1733). It is told about the position of the author's project among the Russian ruling elite, and his views on the socio-political and economic situation of the Hetmanat. The features of cultural (religious) perception of the local population of German in the Russian are investigated. Weisbach's recommendations to improve the welfare of the region and replenish the treasury of the Russian Empire are described. Special attention is paid to the role of German colonists in the economic transformation in the Hetmanat. The location of the project in the context of the policy of the Russian government is analyzed too.

Keywords: *Hetmanat, Russian Empire, Cossacks, economic reforms, the German colonization, I. B. Weisbach.*

М. М. Фролова
(Москва)

К истории бегства в Россию архиепископа болгарской униатской церкви Иосифа Сокольского (1861)

В статье на основе введения в научный оборот неизвестного в историографии письма российского дипломата Н. Герова от 4 (16) июля 1861 г. и критического изучения других источников воссоздается картина бегства архиепископа болгарской униатской церкви Иосифа Сокольского в Одессу в 1861 г., полностью опровергается версия его насильственного похищения, а также освещаются некоторые моменты его пребывания в России. Ключевые слова: *архиепископ Иосиф Сокольский, Н. Геров, русская миссия в Константинополе, князь А. Б. Лобанов-Ростовский, митрополит Московский и Коломенский Филарет, вселенский патриарх Иоаким II.*

Хатт-и хумайюн 1856 г., объявивший свободу вероисповедания в Османской империи, позволил католическим миссионерам существенно расширить и активизировать свою деятельность на Балканском полуострове, что привело к провозглашению 18 (30) декабря 1860 г. болгарской унии в епископальной церкви в Константинополе. Главой болгарской униатской церкви выбрали 74-летнего Иосифа Сокольского (около 1786–1879), архимандрита Сокольского монастыря. Он был торжественно рукоположен папой римским Пием IX в сан архиепископа и апостолического (апостольского) vicaria болгар-униатов в Сикстинской капелле 2 (14) апреля 1861 г. По возвращении в Константинополь Иосиф Сокольский был признан Высокой Портой миллет-баши болгаро-униатской общины, которая получала самые благоприятные перспективы для своего бытия и развития в структуре Османской империи. Но уже 6 (18) июня 1861 г. Сокольский неожиданно пропал, а объявился затем в Одессе, откуда он перебрался в Киево-Печерскую лавру, где провел 18 лет и где был похоронен. Внезапное исчезновение главы униатской болгарской церкви нанесло ей сильнейший удар, породило длительные организационные неурядицы и свертывание поступательного развития униатского движения.

С 1889 г., когда вышла в свет первая научная работа, основанная на архивных документах, — известная студия В. А. Тепло-

ва¹, прошло более века, но ясности в «деле Сокольского» так и не появилось, хотя было опубликовано достаточное количество исследований, в которых историки стремились выяснить обстоятельства отъезда архиепископа Иосифа в Россию, чтобы понять, как квалифицировать его действия. Скудость информации породила множество мнений практически по каждому сюжету. В зависимости от интерпретации действительно мизерного набора фактов и при их избирательности в историографии сложились три версии: 1) добровольное и продуманное со стороны Сокольского бегство; 2) бегство, совершенное Сокольским в результате обмана, посуловили хитрости; 3) насильственное похищение. Соответственно разнятся оценки историков этого события: спокойная констатация факта бегства Сокольского, согласованного с российской миссией в Константинополе², «бесцеремонная, но крайне эффективная афера русской дипломатии»³, «брутальные» действия российского посланника в Константинополе князя А. Б. Лобанова-Ростовского⁴, похищение, совершенное методами Н. Макиавелли⁵. Под пером болгарских публицистов Сокольский, против которого Лобанов-Ростовский якобы организовал «репрессии», и вовсе превратился в «жертву русской антиболгарской политики», умершую одинокой и мучительной смертью далеко от Родины⁶.

Необходимы поэтому новые архивные документы, чтобы «дело Иосифа Сокольского» прояснилось и перестало трактоваться в зависимости от конфессиональной принадлежности историков или политической конъюнктуры.

Нам посчастливилось работать с архивным фондом директора Азиатского департамента МИД Е. П. Ковалевского (1856–1861), находящимся в Отделе рукописей при Российской национальной библиотеке, где сохранилось письмо вице-консула в Филиппополе (Пловдиве) Н. Герова (1860–1877) бывшему генеральному консулу в Адрианополе (Эдирне) Н. Д. Ступину (1856 — февраль 1861) от 4 (16) июля 1861 г., неизвестное в историографии. Ценнейшая информация в сочетании с внимательным и критическим изучением опубликованных источников позволяет восстановить события 1860-х гг.

Но прежде следует уточнить положение русской миссии в Константинополе после окончания Крымской войны: опытный дипломат А. П. Бутенев (1787–1866), который хорошо знал особенности Османской империи, поскольку был здесь посланником с 1830 по 1843 гг., и на которого поэтому была возложена непростая задача возобновления с ней дипломатических отношений, встретил враж-

дебность и подозрительность Высокой Порты, холодность Вселенского патриарха, отчужденность константинопольских болгар. Бутенев занял позицию «дальновидного ожидания», уклоняясь от всякого непосредственного участия в греко-болгарском церковном вопросе⁷. Кроме того, первый драгоман миссии Э. Я. Аргиропуло (1856–1863), грек по национальности, не благоволил домогательствам болгар в церковном споре, стараясь выставлять их требования в неблагоприятном свете⁸.

После Бутенева русским посланником стал 35-летний князь А. Б. Лобанов-Ростовский (1859–1863). Однако и ему не удалось достичь доверительности в отношениях с константинопольскими болгарскими. Они, по словам секретаря посольства Е. П. Новикова (1856–1862), все так же продолжали считать чиновников императорской миссии «людьми запоздалыми, жертвами обольщения ненавистного им Фанара»⁹. 6 марта 1861 г. из Одессы П. Н. Стремоухов, высокопоставленный чиновник МИД, с декабря 1861 по 1864 г. вице-директор Азиатского департамента, писал Е. П. Ковалевскому: «Вы, верно, знаете, что в Царьграде дела идут все хуже и хуже, но еще грустнее то, что наша миссия играет при этом самую жалкую роль. Все согласны в том, что одной из причин дурного хода болгаро-греческого дела то, что наши драгоманов или враждебны, или совсем равнодушны к болгарам и что нескромность нашей миссии до того велика, что никто из болгар не смеет и не хочет быть откровенным, и все они принуждены искать совета и поддержки в других местах»¹⁰.

В русской миссии поэтому не могли и предвидеть дальнейшего разворота греко-болгарского конфликта, вылившегося, с одной стороны, в самочинное провозглашение отделения болгарской церкви от Константинопольской патриархии (в пасхальную ночь 3 (15) апреля 1860 г.), о котором заранее была поставлена в известность Порта, а с другой — объявление о болгарской унии 18 (30) декабря 1860 г. Через три дня, 21 декабря 1860 г. (2 января 1861 г.), Лобанов-Ростовский, сообщая в Петербург о своих безуспешных попытках предотвратить унию, признавался: «Я потерпел поражение... В первый раз я полностью теряю надежду на улучшение в состоянии нашей несчастной Восточной церкви». 2 (14) января 1861 г. Александр II поставил на этом документе резолюцию: «Все это печально, но это все же не причина, чтобы поддаваться отчаянию»¹¹. Приходится с сожалением констатировать, что болгарский писатель и историк Т. Жечев ошибался, считая, что русская миссия в Константинополе «была хорошо информирована о состоянии

униатской общины и знала, где толкнуть, чтобы карточный домик католической пропаганды развалился»¹².

3 (15) января 1861 г. Азиатский департамент МИД издал секретный циркуляр для консулов в европейских провинциях в Турции, в котором предписывалось «следить с неусыпным вниманием за действиями иноверных пропаганд и всеми мерами стараться о поддержании в славянах чувств преданности их к православной церкви»¹³. Однако деятельность российских консулов не могла быть действительно эффективной из-за простой причины — малочисленности консульского корпуса: на начало 1861 г. дипломатические представительства России имелись в Адрианополе, Видине, Варне, Пловдиве, Салониках. К тому же в Салониках (с 1830 г.) служил 80-летний А. А. Мустоксиди (1780–1861), русскоподданный, грек по национальности, который, по словам консула в Битоле М. А. Хитрово (1861–1864), был «совсем чужд» славянскому делу¹⁴. Сам Хитрово прибыл к своему дипломатическому посту в Битоле только в середине марта 1861 г.

В Пловдиве маятник настроений болгарского населения резко качнулся в сторону присоединения к унии в связи с тем, что пловдивский митрополит Паисий, признавший независимую болгарскую церковь в результате апрельской пасхальной акции, был отстранен Константинопольской патриархией от должности, отлучен и сослан на Афон¹⁵. 21 апреля (2 мая) 1861 г. Геров с тревогой сообщал Лобанову-Ростовскому о том, что уния страшна в Пловдиве тем, «что если она начнется, то это будет не людьми, не пользующимися хорошей репутацией, и банкротами, подкупленными пропагандой как в Константинополе, а лучшими из граждан, за которыми если не разом, то исподволь последует весь народ»¹⁶. Геров, как и многие деятели болгарского возрождения, воспринимал униатское движение как вполне реальную угрозу разделения болгарского народа на несколько исповеданий. Утрата целостности, нанося «большой ущерб церкви», негативно отразится на болгарском народе и лишит его «почвы для ожидания лучшего будущего»¹⁷, — писал Т. Бурмов, и круг сторонников этого суждения был очень широк.

Геров видел, что решение церковного греко-болгарского вопроса затягивается, что в тот период императорская миссия была бессильна как предотвратить расправу Вселенского патриарха Иоакима II (1860–1863) с непокорными митрополитами Илларионом Макариопольским, Авксентием Велесским и Паисием Пловдивским, так и вызволить их из ссылки. Геров прекрасно понимал, что все его уси-

лия по борьбе с униатскими настроениями болгар Пловдива носят паллиативный характер, пока константинопольская уния торжествует победу и не решен кардинальным образом болгарский церковный вопрос. Кто подсказал российскому консулу идею уговорить главу болгарской униатской церкви архиепископа Иосифа бежать в Россию — неизвестно. Очень вероятно, что Геров, будучи креативной личностью, сам пришел к этой мысли, поскольку тонко чувствовал своих соплеменников, а также знал, что переход священника в другую конфессию неминуемо влечет переход и всей его паствы, чем широко пользовались и католические миссионеры, и русские консулы. К тому же возникновению этой идеи могло способствовать близкое знакомство Герова с Сокольским и знание его характера.

Дело в том, что в 1858 г. настоятель Сокольского монастыря архимандрит Иосиф прислал в Петербург прошение на высочайшее имя, в котором от себя и от имени братии отдавал монастырь в распоряжение Императорского двора, ходатайствуя о выдаче ему на то Высочайшей грамоты. Он также просил, чтобы при монастыре была устроена Духовная академия, а в городах России (С.-Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Тифлисе) — подворья монастыря, которые бы приносили монастырю доход и где могли бы останавливаться молодые болгары, приехавшие в Россию для учебы. Но по международному праву ни частное лицо, ни какое-либо общество не могло без согласия своего правительства «уступить себя и свою недвижимую собственность чужому правительству». Впрочем, министр иностранных дел А. М. Горчаков находил полезным обратить внимание Бутенева на эту обитель с целью оказывать ей покровительство¹⁸.

Полученное от императорской миссии (16 (28) июня 1858 г.) через Ступина «весьма секретное» задание выяснить все подробности о монастыре и его настоятеле Геров выполнил просто блестяще¹⁹. Следуя совету Ступина «посетить лично» Сокольский монастырь «под каким-либо благовидным предлогом: поклонения святыне, свидания с коммерческими людьми по частным делам и тому подобное»²⁰, Геров «заблаговременно разгласил», что отправляется в отпуск в Рущук для свидания с одним из своих родственников, живущим в Бухаресте, и рассчитал время так, чтобы оказаться накануне храмового праздника Сокольского монастыря — 15 (27) августа — на дороге из Казанлыка в Габрово среди паломников, едущих по той же дороге в монастырь. Российский дипломат не мог не заехать «мимоходом на час» в монастырь, чтобы его видеть, но «под предлогом болезни» ему

пришлось остаться там «столько времени, сколько нужно для собрания требуемых сведений». Затем, чтобы не возбуждать подозрений, Геров, не заезжая в Габрово, двинулся далее. Требуемую информацию он представил 29 августа (10 сентября) 1858 г. лично Ступину, возвращаясь из поездки в Пловдив через Адрианополь.

Оказалось, что в 1833 г. Иосиф Сокольский основал монастырь в 9 км от Габрово в очень живописной местности. Однако он более заботился об удобстве помещений для гостей, которые приезд в монастырь расценивали скорее как загородную прогулку. Церковь же оставалась в пренебрежении, она не только не имела никаких украшений, но и стояла не отштукатуренной внутри, не имела храмовой иконы Успения. Герова поразила бедность церкви, невиданная им прежде нигде в Болгарии. Российский дипломат советовал поэтому устроить духовное учебное заведение в монастыре Св. Иоанна Рильского, который был более известен болгарам и имел большее значение, чем Сокольский монастырь. Об архимандрите Иосифе Геров отзывался как о предприимчивом, но «нисколько не образованном» и легковверном человеке с «неровным характером», «он готов на все, о чем бы только сказали ему, что полезно монастырю, и не думает о последствиях»²¹. Думается, что Геров не мог не заметить у настоятеля монастыря непомерного тщеславия. Впоследствии, в 1860 г., Сокольского, снedaемого честолюбивым желанием получить архиерейский сан²², как свидетельствовал Т. Бурмов, вовлекли в унию.

Геров был уверен, что ему «удастся склонить Иосифа возвратиться в православие», поэтому он, никому ничего не говоря о своем «плане», «вызвал предписание князя Лобанова приехать в Константинополь»²³. Понятно, что российский вице-консул не мог сам являться к Сокольскому, за которым так или иначе осуществлялся контроль со стороны католических миссионеров. Теплов указывал, что «иезуиты охраняли вернувшегося из Рима в Константинополь Сокольского с особым тщанием и берегли как зеницу ока»²⁴. Геров привлек к реализации своего замысла своих соотечественников П. Славейкова и Апостола Конкова: они убедили архиепископа «удалиться из униатской церкви». Позднее Геров хлопотал о возмещении им их издержек, которые появились при выполнении этого поручения, и о вознаграждении обоих исполнителей, которое он им обещал²⁵.

Аббат Е. Боре, руководитель ордена лазаристов и его миссий на Востоке, в одном из докладов признавал свою ошибку в том, что Со-

кольского, отличавшегося, по его словам, наивностью, вовремя не оградили от посещений сомнительных светских личностей и священников, преданных русским, которые «обрабатывали его в духовном отношении»²⁶.

Согласно депешам Лобанова-Ростовского, архиепископа Иосифа не пришлось долго уговаривать: «мучаясь угрызениями совести и утомясь зависимостью от латинян», он «желал почетно уединиться» в своем Сокольском монастыре, но понимал, что «за его отступничество» его не приняли бы ни монахи, ни народ. К Вселенскому патриарху Сокольский идти боялся, так как «опасался со стороны латинских миссионеров взыскания денег, на него употребленных». «Из всех сих затруднений нашел он себе единственный исход — удаление в Одессу»²⁷, — писал российский посланник. Кирилл, патриарх болгарский, среди причин, подвигнувших Сокольского на бегство в Россию, выделил следующие: болгары-униаты обманулись в своей надежде на обретение самостоятельной церкви, так как миссионеры католического ордена Св. Лазаря, апостолический викарий в Константинополе П. Брунони, армяно-католический архиепископ Хассун, а также польские эмигранты стремились полностью их подчинить. Кроме того, католики посягали на восточно-православный литургический обряд и вероучение Восточной церкви, что в совокупности рождало внутренние конфликты и усиление раздоров в болгарской униатской общине. Сокольский, проявивший свое несогласие с некоторыми правилами католической обрядности еще в Риме, также был недоволен унией: он понял, что его обморочили, и, по свидетельству униатского дьякона, впоследствии видного политического деятеля Т. Икономова, даже подумывал бежать в Сербию²⁸.

Когда Сокольский в результате «хлопот» Герова «склонился уехать в Россию», последний отправился в Буюк-дере, летнюю резиденцию русской миссии, чтобы узнать у посланника, позволят ли болгарскому униатскому архиепископу въехать в Россию. На пароходе Геров встретил первого драгомана миссии Аргиропуло, которому сообщил о своем намерении. Аргиропуло стал уговаривать дипломата «удержать Иосифа в унии до решения болгарского вопроса, потому что с расстройством унии патриарх уверится в том, что болгары не переменят своей религии, и делается еще упрямее и неуступчивее». Но Геров был непреклонен. В миссии он первым встретил секретаря Новикова, который сразу побежал к Лобанову-Ростовскому с новостью о том, что Геров «склонил Иосифа отказаться от унии». Князь при Герове написал депешу министру иностранных

дел А. М. Горчакову, испрашивая разрешение послать архиепископа Иосифа в Одессу. Но при этом посланник предупредил вице-консула, что в случае неудачи тот «должен взять на свою ответственность все», «то есть, что я обманываю министерство»²⁹, — пояснял Геров слова Лобанова-Ростовского.

По дате в докладе Горчакова Александру II, где он спрашивал приказа императора дозволить графу А. Г. Строганову, новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору (1855–1862), дать убежище в Одессе как Сокольскому, так и другим болгарским священникам-униатам, которые пожелали бы его сопровождать, можно установить день, когда имели место вышеописанные события в Буюк-дере, — 1 (13) июня 1861 г. Царь написал на докладе министра: «Очень любопытно, лишь бы только мы смогли этим воспользоваться, чтобы заставить их вернуться в лоно православия», и добавил свою резолюцию «Согласен»³⁰.

Болгарская исследовательница З. Маркова, работавшая в архивах Москвы и Ленинграда, обнаружила секретные телеграммы, которыми обменялись с 1 (13) по 7 (19) июня 1861 г. А. М. Горчаков, А. Г. Строганов и А. Б. Лобанов-Ростовский. К сожалению, она не раскрыла их содержание, а только подчеркнула, что акция с Сокольским была организована строго секретно: о ней знали правительство, лично император и Горчаков³¹. Болгарский ученый Н. Генчев ошибочно считал, что период внимательного обсуждения в высших сферах России «идеи похищения» Сокольского растянулся на целых 17 дней — с 1 июня (упоминавшийся доклад Горчакова императору) до 18 июня 1861 г.³² К сожалению, болгарский историк не принял во внимание тот факт, что в России использовался юлианский календарь, а день бегства Сокольского — 18 июня 1861 г. — дан по григорианскому календарю, употребляемому в Западной Европе.

А тем временем Геров, убедившись в положительном ответе начальства, составил дальнейший «план»: «Иосиф бежал из униатской церкви, поехал в Буюк-дере, просидел тут целый день на стассионере “Инкерман”»³³ до прихода одесского парохода, на котором отправлен в Одессу»³⁴. Геров в письме к Ступину не сообщал многих деталей побега Сокольского, которые впоследствии стали известны

* Стассионер (стационер, станционер — *statinnaire*) — военное судно, несущее сторожевую службу в портах колоний, полуколоний. «Инкерман» — пароход, железный в 90 л. сил, спущен на воду в 1857 г., имел 4 орудия, длина — 150 ф., ширина — 20 ф. 6 д.

в историографии и которые с учетом критического прочтения соответствующих источников весомо дополняют картину происшедшего. Из исследования В. А. Теплова следовало, что Сокольский бежал из-под почетной стражи и на простом трехпарном каике* прибыл в Буюк-дере. Здесь он встретился с русским посланником князем Лобановым-Ростовским, перед которым «упал на колени и, изъясняя горькое свое раскаяние во всем прошлом, умолял князя спасти его от иезуитов». Посланник потребовал от Сокольского, который был облачен как католический прелат, переменить фиолетовую одежду и такие же чулки «на подобающую бывшему православному духовному». Вторично принятый князем Сокольский, переодетый в «платье дьякона посольской церкви Акакия», который был одного с ним роста, вновь повторил свою просьбу «спасти его из когтей католического духовенства». Лобанов-Ростовский предложил ему сесть на парход, который через час отходил в Одессу, так как тот день был почтовым. После минутного размышления Сокольский решил следовать совету князя³⁵. Теплов, сообщая о «неожиданном» приходе Сокольского в миссию, или действительно не знал всех подробностей, или лукавил. Без сомнения, Лобанов-Ростовский разыграл перед архиепископом Иосифом спектакль, в котором мастерски «исполнил роль человека, только что узнавшего о случившемся»³⁶, что совершенно верно подметил Т. Жечев.

Впрочем, иеромонах Гавриил в письме от 24 июня (6 июля) 1861 г. архимандриту Петру (П. А. Троицкому), настоятелю посольской церкви в Константинополе (1858–1860) и в Афинах (с августа 1860), сообщал, что Сокольский «просил у посланника позволения и средств поехать в Россию, и просьба его немедленно была исполнена среди общего изумления и радости русских»³⁷. Для иеромонаха Гавриила появление Сокольского в русской миссии явилось полной неожиданностью, но он подчеркнул, что это событие точно так же восприняли и другие ее сотрудники. Таким образом, можно с уверенностью предположить, что «план» Герова действительно держался в тайне: о нем знали только несколько посвященных лиц.

Важно, что и доклад австрийского посланника в Константинополе барона А. Прокеша фон Остена от (30 июня) 12 июля 1861 г. подтверждает информацию Герова, Теплова и иеромонаха Гавриила

* Каик — (*тур.* kayik) небольшая легкая узкая гребная лодка длиной 12–15 м, использовавшаяся в проливе Босфор. Трехпарный каик — это судно с тремя парами весел, то есть с шестью гребцами.

о состоявшемся «долгом разговоре» Сокольского с Лобановым-Ростовским в летней резиденции, после чего униатский архиепископ сел на корабль, стоявший перед виллой посланника (стассионер), который, по сведениям Прокеша, отвез его до входа в Черное море, где ждал пассажирский пароход, направлявшийся в Одессу³⁸.

Из письма Герова Ступину выявляется очень важное обстоятельство — ожидание Сокольским в течение целого дня русского корабля, а не наоборот. Название парохода — «Эльбрус» (двухпалубный товаро-пассажирский пароход «Эльборус». — М. Ф.), на борт которого поднялся Сокольский в сопровождении Славейкова, установил И. Софранов из обнаруженного им письма генерального папского консула в Одессе Гупписича (J. Guppisich) государственному секретарю папы Пия IX кардиналу Антонели. Пароход принадлежал акционерному «Русскому обществу пароходства и торговли». Пассажиры не имели паспортов, но капитан корабля, как докладывал Гупписич, их принял по требованию русского посланника в Константинополе. В Одессе, также по письму Лобанова-Ростовского к генерал-губернатору, Сокольский был размещен в доме соотечественника и купца Н. М. Тоскова (Н. М. Тошкова), чтобы затем следовать в Москву. Славейков же тотчас отправился назад в Турцию³⁹.

Известно, что за навигацию в 1861 г. на Константинопольско-Одесской линии кораблями «Русского общества пароходства и торговли» было произведено 50½ рейсов⁴⁰. Геров, зная расписание регулярных рейсов на Одессу, приурочил побег Сокольского к приходу парохода «Эльборус», которого, впрочем, в течение многих часов ожидали, находясь на военном корабле «Инкерман». Сокольского не оставили в летней резиденции русской миссии ждать «Эльборуса» скорее всего из-за обычной предосторожности — чтобы раньше времени случайные посетители не увидели униатского архиепископа в не подобающих для него облачениях и месте. Переодевание Сокольского было произведено также с соблюдением тайны: за другой одеждой не посылали в Константинополь, а воспользовались платьем дьякона. И паспорт не был оформлен из тех же соображений конспирации.

Таким образом, благодаря сведениям из письма Герова от 4 (16) июля 1861 г., которые вполне подкреплены докладом барона Прокеша, мы теперь знаем, что из-за Сокольского русское правительство не стало посылать специальное судно в Константинополь, которое, как следовало из трудов многих болгарских ученых, «под парами» только ожидало появления архиепископа, чтобы тут же

взять курс на Одессу⁴¹. При этом болгарские историки, придерживающиеся, как правило, версии похищения, пропускают в событийной канве такой важный сюжет, как приезд Сокольского в летнюю резиденцию русской миссии: архиепископ Иосиф якобы сразу пересаживается с турецкого судна на русский пароход, не встречаясь с Лобановым-Ростовским.

Следовательно, информация М. Радивоева, которому так доверяли многие болгарские историки, указывая на то, что с ним сведениями поделился сам Славейков в период их совместной работы в редакции газеты «Македония» (1867–1868)⁴², оказывается неверной. Радивоев писал в 1912 г., что Славейков убедил Сокольского в том, что все болгары, включая митрополитов Иллариона Макариопольского и Авксентия, осознали, что осталась единственная возможность отделиться от Вселенской патриархии, признав Сокольского патриархом всего народа. А поскольку провозглашение должно было состояться в Буюк-дере, где уже ожидали все народные представители от болгарских провинций (30 человек) и первые лица константинопольской болгарской общины, то необходимо было с собой взять грамоту от папы римского и берат от султана. 6 июня 1861 г. на катере, заранее приготовленном русской миссией в Константинополе, они добрались до Буюк-дере, где «их ждал пароход по предварительной договоренности с ним через Н. Герова и некоторых видных болгар»⁴³. Именно эти сведения дали повод некоторым историкам считать, что Сокольского обманули, что «сладкоречивый» Славейков применил к Сокольскому хитрость и обманом заманил на русский корабль, который якобы внезапно повернул на Одессу. На самом же деле все происходило гораздо прозаичнее, без вероломства и «шпионских страстей».

В документах Филарета, митрополита Московского и Коломенского, сохранилась копия с зашифрованной депеши Лобанова-Ростовского от 7 (19) июня 1861 г., в которой князь сообщал, что архиепископ Иосиф отправился 6 июня в Одессу с намерением отречься от католицизма. Лобанов-Ростовский также просил Горчакова «рекомендацию его оказать содействие радушному приему духовными властями в Одессе и к доставлению ему средств существования»⁴⁴.

Российский посланник в Константинополе «удостоился лестным отзывом» Александра II «о его образе действий и звезды Св. Анны» (то есть ордена Св. Анны 1-й степени), присланной ему с первой же почтой, пришедшей после этих происшествий из России в Константинополь⁴⁵. Геров был уязвлен: он писал Ступину с

обидой о том, что «начальство так справедливо», что приписывало себе эту заслугу, вместо того чтобы хлопотать о его вознаграждении, и «этим научит» его, «как надобно вперед служить». Однако Геров издержал около 250 руб. серебром, и его главный агент, которому он обещал за труды и расходы 300 руб. сер., также потратился. Вице-консул надеялся на Ступина, находившегося в Петербурге, чтобы, по крайней мере, «не терпеть убытка»⁴⁶. Ступин передал письмо Герова Ковалевскому, который сохранил этот документ в своих бумагах. А Геров получил заслуженную награду и возмещение материальных затрат. Деньги по его ходатайству были заплачены Славейкову и Конкову.

«Прибытие архиепископа Иосифа в Россию приносит с собой вопрос: что с ним делать?»⁴⁷, — откровенно писал 1 (13) июля 1861 г. Горчакову Филарет, митрополит Московский и Коломенский, мнением которого чрезвычайно дорожили в министерстве иностранных дел России. Покидая униатскую церковь в Константинополе, Сокольский помимо апостолического бреве и султанского берата прихватил с собой «много великолепных подарков, крестов, митр, пастьерских жезлов, мощей, денег и скрылся как вор», сообщала газета «Le Journal de Constantinople». Аббат Боре утешался лишь тем, что Сокольский не смог взять с собой чашу, подаренную папой римским, поскольку ее доставили позже⁴⁸. Данный факт также убедительно свидетельствует о том, что Сокольский готовился бежать в Россию и заблаговременно уложил и упаковал все упоминаемые ценности. Новости прессы вызвали закономерное беспокойство у митрополита Филарета: «не может ли случиться, что здесь поспешно будут ему (Сокольскому. — М. Ф.) оказаны почести, а потом по судебному преследованию потребуют выдачи его?» Митрополит Филарет предложил «из предосторожности» разместить Сокольского в Киеве, «доколе обстоятельства лучше уяснятся»⁴⁹.

Согласно распоряжению новороссийского и бессарабского генерал-губернатора от 30 июня (12 июля) 1861 г. Сокольскому и его сопровождающему была выдана подорожная до Киева на 4 почтовые лошади⁵⁰. Количество лошадей нам указывает на то, что Сокольского в России принимали не как архиепископа униатской болгарской церкви, а как архимандрита монастыря 3-го класса (чиновника 8 класса).

Сокольский, поселившийся в Киево-Печерской лавре, «был принят в общение православной церкви», поскольку дважды вместе с митрополитом Киевским и Галицким Арсением совершал боже-

ственную литургию. Он подписал в Киеве акт, в котором «признавал свою погрешность» и просил прощения у Константинопольского патриарха Иоакима II. Сокольский также просил Св. Синод, чтобы тот «изрек ему прощение» от патриарха и «разрешение от всякого отлучения». Он признавался, что не явился к патриарху из опасения «подвергнуть опасности свою жизнь или, по крайней мере, свободу». Однако он не может возвратиться теперь, «чтобы не быть невольной виной новым волнениям народным». Кроме того, он опасался, что в случае возвращения в Турцию «западная пропаганда может схватить его, держать в плену и действовать его именем ко вреду православия»⁵¹. Этот документ был прислан митрополиту Филарету Горчаковым при отношении от 6 (18) ноября 1861 г. Митрополит Московский и Коломенский, имея сведения из письма настоятеля церкви при русской миссии в Константинополе архимандрита Антонина от 7 (19) октября 1861 г. «о строгом суждении» Иоакима II о Сокольском, считал, что «российской иерархии потребна великая осторожность и проницательная предусмотрительность в отношении к иерархии константинопольской и именно к нынешнему Вселенскому патриарху, весьма своеобразно и исключительно мудрствующему»⁵². «Единство церковей требует, чтобы Св. Синод действовал единообразно со святейшим патриархом, но это не всегда удобно»⁵³, — писал митрополит Московский и Коломенский.

Филарет не рекомендовал Св. Синоду напрямую обращаться к Иоакиму II, так как в случае отказа «дело пришло бы в неразрешимое положение и обнаружило бы важное нарушение согласия церковей, не без опасности дальнейшего вреда». Филарет предложил два варианта сношения со Вселенским патриархом. Русская миссия в Константинополе «доверенным словесным представлением патриарху» выяснила бы, позволит ли он Св. Синоду ходатайствовать перед ним о прощении Иосифу. «Такая почтительная скромность не только не угрожала бы раздором, но и располагала бы патриарха к дружелюбному снисходительному ответу». Или поручить архимандриту Антонину «смирно довести до сведения Вселенского патриарха, что российское духовенство находит полезным для православной церкви, чтобы Иосифу оказано было снисхождение и чтобы Св. Синод решился бы ходатайствовать пред патриархом о прощении Иосифу, если бы имел надежду благосклонного принятия сего ходатайства»⁵⁴.

Следует подчеркнуть, что Сокольский надеялся на то, что Россия ему поможет вернуться назад в Османскую империю с признани-

ем Патриархией его епископского звания и «получением кафедры»⁵⁵. Именно это важное, на наш взгляд, обстоятельство, объясняющее пребывание Иосифа в России, упускают из виду многие болгарские историки. Архимандрит Порфирий (К. А. Успенский), ученый-востоковед, византолог, организатор Русской духовной миссии в Иерусалиме, в своем дневнике от 14 (26) декабря 1861 г. записал, что Вселенский патриарх Иоаким принимал раскаяния Сокольского, но с тем условием, чтобы «он как простой монах жил на Афоне и там оплакивал бы свой грех; однако изменник вере отцов и римскому папе не захотел спастись на Афоне»⁵⁶.

30 марта 1862 г. во время приема Константинопольский патриарх отвечал архимандриту Антонину, что готов принять Сокольского в лоно православия, «снисходя виновному до того, что признает его в том же священном сане, какой имел до объявления себя униатом, в уважении его раскаяния». Архимандрит Антонин попытался переменить позицию Иоакима II, с тем чтобы тот утвердил архиерейский сан Иосифа. Патриарх был тверд в своем решении: он считал, что это «подействует на болгар пагубно», поскольку пропаганда, «опираясь на пример Иосифа, будет уверять совращаемых, что существующей разницы между двумя церквями нет, так как таинства одной принимаются и признаются другой, а последние в надежде незаконного производства в церковные чины и достоинства будут с охотой склоняться на унию, зная, что оставив ее потом, они удержат за собой ту или другую полученную в ней степень священничества»⁵⁷.

В 1867 г. похожий сценарий бегства в Россию едва не был разыгран по отношению к болгарскому униатскому епископу Рафаилу Попову (1865–1876). В доверительном отношении от 14 (26) января 1867 г. обер-прокурор Св. Синода граф Д. А. Толстой сообщил Филарету, что посланник в Константинополе Н. П. Игнатьев (1864–1877) «от доверенных лиц получил уведомление» о высказанном будто бы болгарским униатским епископом Рафаилом «намерении возвратиться в православную веру и бежать в Россию впредь до решения болгарского вопроса, то есть до того времени, когда ему возможно будет получить одну из болгарских епархий». Филарет недоумевал, как мог Рафаил питать надежду получить болгарскую кафедру, если патриарх не признал Иосифа, что «сделало на болгар неприятное впечатление». «Надобно ли открывать путь другому, подобному делу, и еще худшему по качествам Рафаилу?» Филарет считал, что Рафаила следовало предупредить, что если он обратится в православие и приедет в Россию, то «по единоверию и любви к болгарам» ему

будет доставлено пребывание и содержание, но без обнадеживания, что будет признано его епископство и получена кафедра⁵⁸.

С 25 февраля 1862 г. Сокольскому было назначено значительное пособие — 60 руб. ежемесячно (720 руб. в год), в 1868 г. ежегодная сумма была увеличена на 1000 руб.⁵⁹ Ст. Станимиров, племянник Сокольского, вспоминая свое общение с ним в 1875–1879 гг. (во время учебы в Киевской духовной семинарии), писал, что тот ни в чем не нуждался, получая от Лавры продукты в изобилии, имея в собственном распоряжении «отличный фаэтон». Он даже мог оказывать материальную поддержку болгарским студентам, учившимся в Киеве. Летом Сокольский проживал на «Болгарском хуторе» в Китаевской пустыни, где выращивал виноград, в июле 1876 г. ездил в Одессу, чтобы купаться в Черном море⁶⁰.

Из мемуаров Станимирова явствует, что за Сокольским в Киеве отнюдь не осуществлялся жесткий контроль, и он был вполне самостоятелен в своих действиях, хотя Н. Геров еще в сентябре 1861 г. требовал надлежащего за ним надзора. Дипломат предупреждал, что «агенты римской пропаганды» намерены войти с Сокольским в контакт, чтобы он подписал прошение на имя французского посланника в Петербурге о покровительстве и возвращении в Константинополь. Геров предсказывал, что Сокольский, заскучав в Киеве, «рано или поздно, но непременно возымеет желание возвратиться в здешний край и, выжив из ума, легко соблазнится лъстивыми обещаниями католиков и подпишет» прошение «точно так же, как делал здесь, пока был с униатами»⁶¹. Но тогда тревога дипломата оказалась ложной: агенты римской пропаганды «не смели или не находили возможности обращаться» к Сокольскому «со своими обольстительными убеждениями принять снова унию», да и сам Сокольский «не вошел и не расположен войти в сношения» с поляками⁶², — сообщал митрополит Арсений в октябре 1861 г.

Сокольский тосковал по своей родине, но он не желал возвращаться туда в прежнем статусе архимандрита. Его положение в Киево-Печерской лавре также оставалось двойственным и неопределенным: не получивший официального прощения от Константинопольского патриарха униатский архиепископ молился и служил в православном монастыре при снисхождении Св. Синода, который, соблюдая мир между российской и греческой церквями, также не пошел на официальное признание Иосифа. Один только киевский митрополит «вошел в общение» с Сокольским. Сокольский был похоронен как архимандрит, а не как архиепископ.

Таким образом, письмо Н. Герова от 4 (16) июля 1861 г. в комплексе с другими источниками убедительно свидетельствует о том, что «дело Иосифа Сокольского» было разработано и осуществлено именно представителями болгарского народа при довольно пассивной роли российской миссии в Константинополе. В данном случае, как, впрочем, и во многих других, Н. Геров руководствовался прежде всего чувством ответственности болгарского патриота за свой народ, за его интересы и его будущее. Должность российского вице-консула только облегчала ему выполнение поставленной задачи. Рассмотренные документы также доказывают, что Сокольский совершил побег в Россию вполне добровольно и осознанно (прихватив с собой значительные ценности). Он искренне раскаялся в содеянном переходе в униатство, но чрезмерное честолюбие не позволяло ему возвратиться в Турцию в прежнем сане. Выгоды материальной обеспеченности в России также были весьма для него привлекательны, и их не стоит упускать из виду. Сокольского не следует поэтому представлять как жертву коварного похищения русской дипломатии и как несчастного мученика, оставшегося «в неволе» верным униатству.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Теплов В. А.* Греко-болгарский вопрос по неизданным источникам. СПб., 1889.

2 *Кирил, патриарх Български.* Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX век. София, 1962. Т. 1. (1859–1865). С. 276.

3 *Маркова З.* Българският църковен въпрос в руската историческа литература // Избрани съчинения: в 2 т. София, 2008. Т. 2. С. 207.

4 *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. София, 1979. С. 168.

5 *Софранов И.* История на българското движение за единение с католическата църква през XIX век. София, 2009. С. 115; *Узунова М.* Учредяването на католическата църква от източен обряд в България през възраждането. София, 2006. С. 60.

6 *Радев М.* Архиепископ Йосиф Соколски и една несбъдната българска мечта // de-zorata.de/blog/2015/10/05/imalo-edno-vereme-...

7 *Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876.* София, 1987. Т. 1. Ч. 1. С. 134.

- 8 Там же. С. 138.
- 9 Там же. С. 390.
- 10 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 356. Оп. 1. Д. 336. Л. 12–12 об.
- 11 Русия... С. 513–514.
- 12 *Жечев Т.* Българският Великден или страстите български. София, 1976. С. 205.
- 13 Архив на Найден Геров. София, 1931. Т. 1 (далее — АНГ). С. 189–190.
- 14 ОР РНБ. Ф. 356. Д. 362. Л. 6.
- 15 АНГ. С. 190–191, 222–223, 249.
- 16 Там же. С. 251.
- 17 *Стоянов-Бурмов Ф.* Греко-болгарская распря // *Русский вестник*. 1886. Т. 181. № 1. С. 149.
- 18 Русия... С. 206–208.
- 19 АНГ. С. 64.
- 20 Там же. С. 61.
- 21 Там же. С. 64–66.
- 22 Русия... С. 504.
- 23 ОР РНБ. Ф. 356. Д. 439. Л. 1.
- 24 *Теплов В. А.* Греко-болгарский вопрос... С. 48.
- 25 АНГ. С. 256–257.
- 26 *Софранов И.* История на българското движение... С. 101.
- 27 Филарет. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по делам православной церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 284–285.
- 28 *Кирил, патриарх Български.* Католическата пропаганда... С. 266–271.
- 29 ОР РНБ. Ф. 356. Д. 439. Л. 1.
- 30 Русия... Т. 1. Ч. 2. С. 119.
- 31 Там же. С. 207.
- 32 *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. С. 164.
- 33 *Веселаго Ф. Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. С. 502.
- 34 ОР РНБ. Ф. 356. Д. 439. Л. 1–2.
- 35 *Теплов В. А.* Греко-болгарский вопрос... С. 48–49.
- 36 *Жечев Т.* Българският Великден или страстите български. С. 205–206.
- 37 *Петров Н. П.* Начало греко-болгарской распри и возрождения болгарского народа. Киев, 1886. С. 100.

- 38 *Кирил, патриарх Български*. Католическата пропаганда... С. 272–273.
- 39 Там же. С. 104–105.
- 40 *Скальковский К.* Русский торговый флот и срочное пароходство на Черном и Азовском морях. СПб., 1887. С. 541.
- 41 *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. С. 165; История на българите: В 8 т. София, 2004. Т. 2. Късно средновековие и възраждане / Под ред. на Г. Марков. С. 593–594; *Узунова М.* Учредяването на католическата църква... С. 60.
- 42 *Каравълчев В.* Някои бележки върху личността на първия униатски архиепископ Йосиф Сококолски // Христианство и култура. 2011. № 64. С. 139–140. http://www.dveri.bg/component/com_content/Itemid,321/id,14087/view,article/
- 43 *Радивоев М.* Време и живот на Търновския митрополит Илариона (Макариополски). София, 1912. С. 184–185.
- 44 *Филарет*. Собрание мнений и отзывов... С. 282.
- 45 *Теплов В. А.* Греко-болгарский вопрос... С. 48–49.
- 46 ОР РНБ. Ф. 356. Д. 439. Л. 2.
- 47 *Филарет*. Собрание мнений и отзывов... С. 284.
- 48 *Кирил, патриарх Български*. Католическата пропаганда... С. 275.
- 49 *Филарет*. Собрание мнений и отзывов... С. 287.
- 50 *Каравълчев В.* Някои бележки... .
- 51 *Филарет*. Собрание мнений и отзывов... С. 310.
- 52 Там же. С. 309.
- 53 Там же. С. 282.
- 54 Там же. С. 311.
- 55 Там же. С. 366.
- 56 *Порфирий (Успенский К. А.)* Книга бытия моего. СПб., 1902. Т. 8. С. 5.
- 57 *Филарет*. Собрание мнений и отзывов... С. 329.
- 58 Там же. С. 365–366.
- 59 *Каравълчев В.* Холмската миссия на Йосиф Сококолски и краят на Брест-литовската уния // Христианството и култура. № 65. 2011. http://www.dveri.bg/component/com_content/Itemid,321/id,14597/view,article/
- 60 *Станимиров Ст.* Спомените ми за архиепископа Йосифа Сококолски // Известия на Историческото дружество в София. Кн. V. 1922. С. 134, 141, 144.
- 61 Из архивата на Найдено Геров. София, 1911. Т. 1. С. 998.
- 62 *Филарет*. Собрание мнений и отзывов... С. 306.

M. M. Frolova

To the history of escape to Russia of Archbishop of the Bulgarian Uniate Church Joseph Sokolsky (1861)

In the article based on the unknown in the historiography letter of the Russian diplomat N. Gerov [4 (16) July 1861] and on the critical study of other sources a picture of escape of Archbishop of the Bulgarian Uniate Church Joseph Sokolsky to Odessa in 1861 is reconstructed. It is completely refuted version of his abduction, and some moments of his stay in Russia are considered.

Keywords: Archbishop Joseph Sokolsky, N. Gerov, Russian Mission in Constantinople, Prince A. B. Lobanov-Rostovsky, Metropolitan of Moscow and Kolomna Filaret, Patriarch of Constantinople Joachim II.

Д. В. Вязовцева
(Москва)

Становление чешского прогрессистского движения по материалам «Журнала чешского студенчества»

В статье на материале «Журнала чешского студенчества» — практически единственного источника для изучения начального периода истории прогрессизма — показан процесс его возникновения, политизации и дальнейшей трансформации из студенческого движения в самостоятельную политическую силу.

Ключевые слова: *чешский прогрессизм, чешское национальное движение XIX в., Национальная партия свободомыслящих, студенческое движение, радикализм.*

В конце 1880-х — начале 1890-х гг. в чешской общественной жизни появилось новое течение — прогрессизм, истоки которого лежали в пражской студенческой среде. Прогрессизм представлял собой радикальное течение в чешской национальной, государственно-правовой и социальной мысли. Основной целью прогрессистов было добиться федеративного устройства Австрии, что позволило бы чехам пользоваться теми же правами, какими обладали немцы и венгры. Центральным их требованием было восстановление чешского государственного исторического права во всей полноте, то есть объединение Чешских земель и возвращение им автономного государственно-правового статуса в рамках империи Габсбургов, как в момент их включения в ее состав в 1526 г. Прогрессисты хотели жить в государстве, в котором не было бы места национальному неравноправию. При этом они не выступали за выход из состава Австро-Венгрии. Радикализм движения заключался в том, что оно определяло себя в качестве оппозиции не только по отношению к правительству, не считая возможным, в отличие, например, от младочехов, идти с ним на компромисс и сотрудничество, но и по отношению к сложившейся в Чехии политической системе.

На данный момент как в чешской, так и в отечественной историографии прогрессизм рассматривался лишь в контексте его взаимоотношений с более крупными игроками политической сцены Чешских земель, такими как младочехи и реалисты. Начальный период истории этого движения, до временного слияния с младочешской парти-

ей в 1891 г., изучен крайне мало. Освещались лишь события, связанные с процессом 1894 г. над так называемой «Омладиной» (речь о котором пойдет ниже). В связи с этим введение в научный оборот и подробное изучение материалов «Журнала чешского студенчества» представляется важным и необходимым.

Будущие лидеры прогрессизма впервые организовались в одну группу еще во время обучения в гимназии. Постепенно идея создания политического объединения чешской учащейся молодежи получила распространение в большинстве пражских чешских гимназий. К середине 1887 г. подобные кружки были созданы уже практически во всех учебных заведениях Чехии и Моравии¹.

Осенью 1887 г. первое поколение прогрессистов стало студентами пражских университетов. Основная их масса была сконцентрирована в Чешском университете Карла-Фердинанда. Сразу несколько сотен студентов из этой группы вступило в «Академический читательский союз»². Благодаря своей многочисленности они смогли составить большинство на общих собраниях этого общества. Здесь познакомились будущие видные чешские политики: Алоиз Рашин, Карел Бакса, Антонин и Алоиз Гайны, Антонин Дутка, Вацлав Ярослав Клофач, Ярослав Прейсс, Ян Тршебицкий и др.

Численный перевес в «Академическом читательском союзе» позволил студентам-прогрессистам иметь легальную базу своей деятельности. Так у них появилась возможность продвигать свои проекты, подготовленные еще во время обучения в средней школе³. Одним из таких проектов стало создание собственного печатного органа. Больше года ушло на решение организационных и финансовых вопросов, и первый номер «Журнала чешского студенчества» увидел свет 3 мая 1889 г.

Данное издание просуществовало чуть менее 4 лет (последний номер вышел 17 декабря 1892 г.). Оно сыграло ключевую роль в становлении прогрессистского движения. На его страницах студенты-прогрессисты оттачивали свои агитационные навыки, учились доносить свои идеи до общественности и делали наброски будущих программ своих партий, выросших из этого движения. В 1892 г. старшее поколение прогрессистов закончило обучение в университете и вступило в общественную жизнь в качестве молодых политиков, уже не ограничивавших круг своих интересов студенческими вопросами. На смену «Журналу чешского студенчества» пришел политический еженедельник «Независимость» (Neodvislost), главным редактором которого стал Ант. Гайн, а председателем правления из-

дательства — А. Рашин. «Журнал чешского студенчества» за время своего существования прошел серьезную трансформацию от чисто студенческого печатного органа до издания, отражавшего позицию молодых чешских политиков и представлявшего интересы не столько конкретной социальной группы, сколько всего поколения молодых интеллигентов.

В первых статьях журнала молодые прогрессисты объясняют причины, по которым они решили приступить к учреждению студенческого журнала. По их мнению, студенчество в тот период переживало далеко не лучшие времена в своей истории, требовал решения ряд серьезных проблем. Прогрессисты считали, что «вместе с застоем в общественной и национальной жизни Чешских земель наблюдается и упадок в жизни академической. Причем именно в последнее время он приобрел угрожающие размеры»⁴. Основную причину такого состояния они видели в равнодушии и пассивности студенчества. Образцом для подражания могли стать прежние славные годы, в первую очередь период революции 1848–1849 гг., когда чешское студенчество оказалось наиболее активной политической силой.

На данном этапе студенчество не имело своего голоса в общественной жизни Чешских земель, а значит, не могло отстаивать интересы чешского народа в империи. Одной из самых главных задач чешских политических деятелей рубежа XIX–XX вв. стало образование и просвещение народа. Для того чтобы претендовать на автономию в рамках империи, необходимо было воспитать всесторонне развитых чешских граждан, способных собственной активностью во всех сферах жизни доказать готовность чешского общества к самостоятельному развитию. В этой ситуации студенты как молодые представители интеллигенции, самой образованной и активной части общества, чувствовали себя обязанными вести эту просветительскую работу и всячески содействовать повышению культурного развития своего народа⁵.

Однако перед студенчеством стоял ряд преград, затруднявших его общественную деятельность. Оно как особая социальная группа не имело возможности в рамках правового поля отстаивать свои интересы. Консервативный и устаревший, не менявшийся с 1851 г. дисциплинарный устав университета с чисто юридической точки зрения существенно ограничивал права студентов на собрания в сравнении с другими гражданами империи. Согласно этому документу студентам запрещалось создавать какие-либо собственные объединения и корпорации, организовывать регулярные встречи⁶.

Невозможность публично, вне стен университета, высказывать свою точку зрения исключала студентов из общественной жизни, связывала им руки. Фактически студенты оказывались в изоляции. Ни одно политическое движение того времени не уделяло этой социальной группе должного внимания. В своем журнале они сетовали, что «жизнь, судьба, недостатки и сильные стороны нашего студенчества безразличны чешской общественности»⁷.

В подобной ситуации для студенчества было очень опасно сохранять прежнюю бездеятельность. Нужно было уповать только на себя, собственной активностью отстаивать свои гражданские права. Рупором этого деятельного студенчества должен был стать новый «Журнал чешского студенчества».

Как уже говорилось, главным организационным центром и местом общения для учащейся молодежи Праги в конце 80-х — начале 90-х гг. XIX в. был «Академический читательский союз» — старейшее в Чехии объединение студентов⁸. До вступления в него большого количества прогрессивно настроенной молодежи он был достаточно консервативной организацией, симпатизировавшей старочешской партии и не занимавшейся решением насущных студенческих проблем. Молодые студенты-прогрессисты с их желанием менять окружающую действительность в лучшую сторону привнесли в него новую струю. «Академический читательский союз» превратился в центр студенческой жизни, в рамках которого можно было заявить о себе как о самостоятельной силе в чешском обществе. В некоторой степени это объединение стало ареной для противостояния двух крупнейших чешских политических партий того периода: старочехов и младочехов. Новая волна студентов, вступавших в союз, во многом находилась под влиянием последних, открыто заявляя им о своей лояльности⁹.

Но обновленному «Академическому читательскому союзу» не суждено было просуществовать долго. 24 августа 1889 г. это общество было распущено по распоряжению пражского наместника¹⁰. Поводом послужило поздравительное письмо союза, направленное парижским студентам по случаю открытия нового здания Сорбонны в рамках празднования сотой годовщины Великой французской революции¹¹. Формальной причиной роспуска «Академического читательского союза», согласно официальному постановлению, послужило превышение обществом своих полномочий. Пражские власти сочли адрес, направленный в Сорбонну, проявлением политической активности, выходящей за допустимые рамки деятельности академического общества.

Столь резкая мера властей вызвала негодование среди чешских студентов: они были разочарованы тем, что остались непонятыми. Все имущество «Академического читательского союза», включая обширную и ценную библиотеку, было конфисковано. Студенты в течение долгого времени пытались обжаловать это решение и вернуть себе хотя бы книжный фонд организации, но Высший имперский суд оставил его без изменений¹².

В этой ситуации пражское студенчество было вынуждено искать для себя новый центр. Им стало ораторское и литературное общество «Славия», функции которого ранее были ограничены лишь литературными вопросами и распространением идеи славянской взаимности среди студентов. «Славия», до этого состоявшая из 50 человек, к началу 1890 г. насчитывала уже около 1000 членов¹³. Это была очень внушительная цифра, учитывая, что в текущем учебном году общее количество чешских студентов высших школ Праги составляло 2491 человек¹⁴.

Противодействие властей ничуть не успокоило чешских студентов. Напротив, оно возымело обратный эффект. События вокруг роспуска общества, отказ власти вести диалог и считаться с мнением студенчества вынуждали искать более радикальные пути для отстаивания своих интересов. Еще сильнее сблизившись с младочехами, в сложной ситуации оказавшими ему реальную поддержку, студенческое движение постепенно начало приобретать черты движения политического.

На рубеже 1889–1890 гг. произошел ряд событий, существенно повысивших градус студенческого радикализма. 7 марта 1889 г. прогрессист Карел Станислав Сокол был отчислен из университета «за оскорбление академических ведомств и профессоров»¹⁵. По мнению руководства университета, это оскорбление было представлено на страницах «Журнала чешского студенчества», главным редактором которого Сокол на тот момент являлся. Многие статьи, публиковавшиеся в этом печатном органе, были конфискованы за критику сложившейся ситуации. Все это вынудило разгневанное и выведенное из себя студенчество выразить свой протест публично.

В течение нескольких дней рассерженная молодежь (по данным Ант. Гайна, около 300 человек) выражала свое возмущение действиями некоторых чешских профессоров, а также ректора чешского университета¹⁶. 11 марта 1889 г. должно было состояться тайное собрание представителей чешских высших школ, на котором планировалось присутствие примерно 800 учащихся. Гайн в своих воспоми-

нениях пишет, что целью этой встречи было обсудить возможные способы ослабления студенческих волнений, выработать манифест к студенчеству. Таким образом, его лидеры были готовы мирным и достойным способом прекратить демонстрации¹⁷. Но полиция, оцепив здание, в котором должно было состояться собрание, воспрепятствовала их замыслам.

Студенчество, которому в этой накаленной атмосфере не позволяли собираться ни в здании университета, ни где-либо еще в Праге, вынуждено было отойти в пригород Подгоржи. Там на общем собрании была подготовлена резолюция, содержание которой свидетельствовало о тогдашних настроениях и требованиях студентов, степени их радикализма.

Прежде всего, ими осуждались строгие меры, принятые по отношению к К. С. Соколу, как противоречащие уставу университета. Ситуацию, когда одни коллеги (старочешской ориентации) доносили на других, они считали неприемлемой. Во-вторых, выдвигался ряд требований по решению студенческого вопроса: следовало сменить прежний неприемлемый и устаревший дисциплинарный кодекс университета на новый, более либеральный и отвечающий требованиям времени. От чешских депутатов в сейме ожидалось содействие в этом вопросе и заступничество по отношению к наказанным студентам. От ректора требовали созыва студенческого собрания, а прежние его запреты на проведение студенческих мирных встреч расценивались как преднамеренное провоцирование студентов¹⁸. Кроме того, собрание назвало «Журнал чешского студенчества» своим печатным органом. Отмечалось, что его цель состояла в оказании поддержки студенческим объединениям и группам, а также в аккумуляции всех сил для слаженной совместной деятельности студенчества как единого целого. Все обвинения в политизированности учащейся молодежи со стороны некоторых журналов назывались «бесполезными и умышленно провокационными»¹⁹. В заключение в документе выражалась надежда, что академическая коллегия, увидев плоды своих запретов, в дальнейшем будет более внимательна к требованиям студенчества и начнет сотрудничать с ним. Лишь такой подход представлялся авторам резолюции возможным условием для дальнейшей здоровой и спокойной университетской жизни.

Мартовские студенческие демонстрации всколыхнули общественность, поскольку были первым проявлением недовольства чешских студентов по отношению к чешским же профессорам. Ка-

залось, что с открытием чешского университета в Праге в 1882 г., борьба за языковое равноправие в высшей школе закончилась и конфронтации между учащимися и профессурой остались в прошлом. Однако неравноправие и отсутствие академической свободы, царившие в университете, подавленность студентов и невозможность какой-либо критики с их стороны в адрес профессоров и руководства, ограничения в свободе собраний и слова вызывали резкий протест у учащейся молодежи.

На этапе становления прогрессизма как самостоятельной политической силы большое влияние на чешских студентов оказали молодые политики Галиции, вдохновлявшие их на борьбу за свои права. Уличные демонстрации студентов Львова и Кракова, произошедшие в марте 1889 г. и январе 1890 г. соответственно, стали для чехов наглядным примером поведения в ситуации, когда они были не согласны с руководством университета. Солидарность чехов со славянской молодежью проявлялась в том, что «Журнал чешского студенчества» начиная с первых выпусков освещал события университетской жизни Кракова и Львова, затем активно следил за волнениями студентов в этих городах и выражал им всяческую поддержку.

Общение и обмен идеями с политиками из Галиции способствовали обогащению программных наработок чешских прогрессистов. В первую очередь заимствования касались сферы социальных идей, почерпнутых у «Русско-украинской радикальной партии» Галиции, возглавляемой писателем и поэтом Иваном Франко. В 1890 г. прогрессисты в своем журнале полностью опубликовали программу этой партии. Сопоставление их программных установок позволяет сделать вывод о том, что пример этой уже сформировавшейся политической силы впоследствии вдохновил чешских студентов на создание собственных партийных организаций.

Прогрессисты очень высоко ценили партию И. Франко за ее попытку найти решение рабочего, женского, крестьянского вопросов. Идеи, заложенные в программе «Русско-украинской радикальной партии», нашли отражение в более поздних публикациях прогрессистов. Они вылились в требования всеобщего избирательного права для представителей обоих полов, отмены куриальной системы, ликвидации регулярной армии и отказа от вооруженных действий как способа решения международных конфликтов. Большое внимание уделялось культурному развитию народов империи, повышению уровня образования народных масс, росту националь-

ного самосознания, разработке подробного проекта школьной реформы²⁰.

Съезды славянского прогрессивного студенчества, прошедшие в Праге (15–19 мая 1891 г.) и в Вене (5–7 июня 1892 г.), проекты совместной программы, основанной на общих идейных принципах, свидетельствуют о тесных контактах молодых славянских политиков и подтверждают, что прогрессизм был не только чешским, но интернациональным явлением и проявлением славянского радикализма в Австро-Венгрии. Положение студентов в различных частях Австро-Венгрии было примерно одинаковым: разобщенность образованной молодежи, нерешенность многих социальных вопросов, стоявших достаточно остро, отсутствие возможности в рамках правового поля содействовать всестороннему развитию своих стран — все это сближало их. Общим был и процесс радикализации настроений молодежи, их готовность отстаивать собственные интересы и взгляды на политической сцене.

Прогрессистское движение, являясь выразителем убеждений активно настроенного студенчества, не могло остаться в стороне от выборов в рейхсрат 1891 г. Во время избирательной кампании они поддерживали младочехов, однако не были готовы слепо во всем соглашаться с ними как с гораздо более крупной политической силой. Прогрессисты требовали, чтобы младочехи, которым они отдадут свои голоса, в рейхсрате встали в оппозицию по отношению к правительству²¹. Они хотели, чтобы младочехи последовательно добивались введения всеобщего избирательного права, учитывали интересы рабочих, а главное — боролись за восстановление государственного исторического права земель Чешской короны. В сущности, молодые чешские студенты выдвигали собственную программу действий и были готовы на равных вести дискуссию с лидерами Национальной партии свободомыслящих.

С середины 1890 г. в «Журнале чешского студенчества» публикуются достаточно зрелые в политическом отношении программные статьи лидеров прогрессизма Ант. Гайна, К. С. Сокола, Фр. Шкабы, В. Я. Клофача. Здесь уже отчетливо звучат заявления о том, что прогрессисты готовы вести просветительскую работу и рассказывать людям о том, что такое гражданские свободы, государственное право народов, всеобщее избирательное право, милитаризм, равноправие полов. Свою главную задачу на данном этапе прогрессисты видели в просвещении народных масс, в повышении уровня их образования, самосознания. Все это было необходи-

мо для того, чтобы подготовить народ к всеобщим выборам, чтобы простой человек стал полноправным гражданином общества, осознающим свою ответственность перед родиной и способным пользоваться всеми гражданскими правами и свободами. Таким образом, авторы «Журнала чешского студенчества» в этой просветительской работе видели собственную нишу в политическом спектре Чешских земель рубежа XIX–XX вв.²²

В сущности, к 1891 г. прогрессистское движение представляло собой вполне независимое течение в чешской общественной жизни, почувствовавшее в себе силы вступить в политическую борьбу. Усиливающаяся политизация движения привела к тому, что оно быстро вышло за рамки университетской и студенческой среды.

Необходимо заметить, что после встречи лидеров прогрессистов, состоявшейся в Праге 6 января 1891 г., в печати они начали называть себя самостоятельной «прогрессистской партией», хотя в истинном смысле слова ею на тот момент не являлись²³. Участники встречи полагали, что на мартовских выборах прогрессисты поддержат младочехов и войдут в Национальную партию свободомыслящих в качестве самостоятельного звена или фракции. Очевидно, что прогрессизм еще не стал независимым игроком на чешской политической сцене того времени.

В 1891 г. старшее поколение прогрессистов определилось со своей политической ориентацией. Вступив в Национальную партию свободомыслящих, оно открыто поддержало ее в предвыборной борьбе. На тот момент эта самая большая чешская партия представляла собой некий конгломерат фракций, групп, объединений, в котором прогрессисты были одной из составных частей. Позиционируя себя как радикальное крыло младочешской партии, прогрессисты рассматривали ее как инструмент, с помощью которого они смогут эффективно действовать в сфере политики и культуры, пропагандируя свои взгляды и громко заявляя о своих требованиях.

Таким образом, можно заключить, что в конце 80-х гг. XIX в. в Чешских землях, особенно в Праге, шел процесс формирования студенческого общественного движения, весьма радикального по своим лозунгам. Оно выдвинуло из своей среды новое поколение политиков, которые видели опасность в стихийности и анархизме молодежных уличных волнений. Прогрессисты добивались автономного развития Чехии в рамках Габсбургской монархии и равных прав с немецким и венгерским населением. Они понимали, что, раз-

вивая образование на своем языке, формируя собственную литературу, искусство, интеллигенцию, политическую элиту, чешская нация становилась автономной еще не де-юре, но де-факто. Чешский университет, за который деятели национального движения так долго боролись, в скором времени после своего учреждения дал плоды. Именно из университетской среды вышла новая генерация молодых активных чешских граждан, требовавших от власти считаться с их мнением и с интересами своего народа.

Лидеры прогрессистов придали неорганизованному и подчас спонтанному недовольству существующим порядком вещей у молодежи форму легальной политической борьбы. Целью начинающих политиков было преодолеть стихийность и радикализм уличного студенческого протеста и направить бурлящую энергию чешских учащихся в конструктивное русло: на преобразование окружающей действительности в рамках правового поля.

Этот процесс не всегда проходил с одинаковым успехом, и реакция властей на действия молодых политиков порой была достаточно жесткой. Так, после ряда студенческих демонстраций 1893 г. в Праге было введено чрезвычайное положение и последовали репрессии против участников уличных волнений. В феврале 1894 г. был организован показательный процесс, известный как процесс над так называемой «Омладиной». К тюремному заключению за антигосударственный заговор было приговорено в целом 68 предполагаемых виновных, в том числе и прогрессисты: Ант. Гайн, К. С. Сокол, Й. Шкаба и А. Рашин, А. П. Веселы, Ф. Модрачек, С. К. Нейман²⁴.

Тем не менее дальнейшая политическая карьера лидеров прогрессистского движения сложилась удачно: в 1895 г. все они были амнистированы и в будущем смогли реализовать свои политические амбиции и проекты. Из некогда студенческого прогрессистского движения вышли такие самостоятельные политические партии, как Партия прогрессивных социалистов (1896), Чешская радикально-прогрессистская партия (1897), Чешская государственно-правовая партия (1899) и Чешская государственно-правовая прогрессистская партия (1908), сыгравшие свою роль в формировании чешского политического спектра и подготовке чешской общественности к независимому от Австро-Венгрии существованию. В связи с этим молодежную политику прогрессистов можно назвать успешной, механизмы легализации студенческих протестов — эффективными, а их опыт — актуальным и достойным внимательного рассмотрения современного исследователя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Kučera M.* Kulturně politická aktivita pokrokářského hnutí // Český časopis historický. 1994. Č. 1. S. 65.
- 2 *Hajn A.* Studentstvo a veřejnost u nás // Výbor prací. Praha, 1912. Díl. 1. S. 13.
- 3 *Ibid.*
- 4 Časopis českého studentstva (ČČSt.). Roč. 1. Č. 1 (Květen 1889). S. 1.
- 5 *Ibid.*
- 6 O akademické svobodě // ČČSt. Roč. 2. Č. 6 (17.04.1890). S. 103–104.
- 7 Studentstvo a veřejnost u nás // ČČSt. Roč. 1. Č. 1. S. 10.
- 8 *Wolf R.* České studentstvo v době prvního třicetiletí české university (1882–1912). Praha, 1912. S. 9.
- 9 *Hajn A.* Studentstvo a veřejnost u nás... S. 16.
- 10 ČČSt. Roč. 1. Č. 4. S. 109.
- 11 Adresa české mládeže akademické zaslaná francouzskému studentstvu po rozpuštění AČS // ČČSt. Roč. 1. Č. 4. S. 110.
- 12 *Hajn A.* Rozpuštění AČS před říšským soudem // Výbor prací. Praha, 1912. Díl. 1. S. 74.
- 13 *Kučera M.* Pokrokářské hnutí, jeho programy, organizace a rozklad. Kand. disertace. Praha, 1990. S. 29.
- 14 *Havránek J.* Počátky a kořeny pokrokového hnutí studentského na počátku 90. let 19. století // Acta Universitatis Carolinae. Historia Universitatis. Praha, 1961. T. 2. Fasc. 1. S. 16.
- 15 *Hajn A.* Hnutí studentnské ve příčinách a významu svém // Výbor prací. Praha, 1912. Díl. 1. S. 86.
- 16 *Ibid.* S. 88.
- 17 *Ibid.* S. 89.
- 18 *Ibid.* S. 102.
- 19 *Ibid.*
- 20 Program «Ruské ukrajinské radikální strany» v Haliči // ČČSt. Roč. 2. Č. 17. S. 309–312.
- 21 Co očekáváme od strany svobodomyšlné? // ČČSt. Roč. 3. Č. 4. S. 55.
- 22 Slavnost Mickiewiczova v Krakově // ČČSt. Roč. 2. Č. 12. S. 221.
- 23 *Kučera M.* Pokrokáři // Politické strany / Malíř J. (ed.). Brno, 2005. Díl. 1. S. 317.
- 24 *Ibid.* S. 320.

D. V. Vyazovtseva

Formation of the Czech progressionist movement following «Czech student community magazine»

The article referring to the materials of the «Czech student community magazine» (the only source helpful in studying the initial period in the history of progressivism) shows the process of birth, politization and further transformation from the student movement to a self-sufficient political power.

Key words: *Czech progressivism, Czech nationalist movement of the 19th century, The Young Czech Party, student movement, radicalism.*

Е. С. Сергеевко
(Москва)

Помощь Сербии школам Косово в конце XIX — начале XX в.

Статья посвящена проблеме финансовой поддержки Сербии школам в Косово в конце XIX — начале XX в. Автор обращает особое внимание на роль сербских консульств, существовавших в Османской империи, в этот период.

Ключевые слова: *Сербия, Косово, сербские школы, финансовая поддержка, сербское консульство в Приштине, сербская пропаганда.*

Период, последовавший за Берлинским конгрессом (1878 г.) и длившийся около 30 лет, можно смело назвать важнейшим в подготовке Сербии к присоединению косовских земель. С середины XIX в. сербские руководители мечтали о создании нового сербского государства, территория которого включала бы «все населенные сербами области», от Боснии до Косово. Соответствующие программы в целом базировались на сочинении Илии Гарашанина «Начертание», впервые опубликованном в 1844 г. и ставшем, по сути, «основой развития сербской государственной идеи»¹.

Однако определить с границами будущего государства (как и воплотить мечту в жизнь) удалось не сразу. Современный сербский историк Биляна Вучетич считает, что начало было положено правительством напредняков в 1884 г., когда Сербия официально и «легально» приступила к пропагандистской деятельности в Старой Сербии, о чем свидетельствуют донесения главы Призренской духовной семинарии Петра Костица². Другой сербский историк, Душан Батакович, полагает, что окончательно в своих планах по присоединению Косово Сербия утвердилась в 1885 г. — после поражения в войне с Болгарией и вынужденного отказа от продвижения в направлении Македонии. В целом современные историки сходятся во мнении, что на активность Сербии в Косово повлияло несколько факторов. Первый из них — болгарская пропаганда в спорных ма-

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФГФ (проект № 15-31-01003а1 «Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной и Юго-Восточной Европе, XVIII–XX вв.»).

кедонских землях (в том числе через школы), а также споры Сербии и Болгарии в церковных вопросах. Активность болгар на жизненно важных для сербов территориях, а именно в Старой Сербии, отмечал еще сербский историк Милош Милоевич, который «предложил Милутину Гарашанину (будущему министру внутренних дел и главе правительства. — *Е. С.*) начать распространение сербской национальной идеи, а также и защиты старых сербских земель от болгарской пропаганды»³. После судьбоносного 1878 г. соперничество сербов и болгар в Косовском вилайете перешло на новый уровень. В подтверждение можно привести слова сербского консула в Приштине, который писал 7 января 1890 г. о том, что «болгары с помощью подкупа местных (в Скопье. — *Е. С.*) турецких властей мешают работе сербских учителей, а также способствуют закрытию сербских школ»⁴. Ко второму фактору часто относят невозможность действовать в западном направлении, где находилась более сильная Австро-Венгрия⁵.

Документальное подтверждение намерений Сербии появилось в 1885 г., когда глава правительства Милутин Гарашанин составил документ под названием «Руководство по сохранению влияния Сербии в Македонии и Старой Сербии» (серб. «Упутства за државане утицаја Србије у Македонији и Старој Србији»). В соответствии с документом, нужно было усилить работу в школах и церквях данной области и тем самым оказать поддержку сербскому населению⁶. Что касается финансовой стороны, то, по мнению автора плана, Сербии требовалось от 100 до 150 тыс. дин. (по другим данным от 100 до 25 тыс. дин.⁷) на успешное проведение пропагандистской работы. В эту сумму входило финансирование школ и учителей. Незамедлительно на выплаты учителям в бюджете было выделено 15 000 дин. Современный сербский историк С. Неделькович считает эту сумму недостаточной, так как на 40 дин. в год (а по его подсчетам именно столько в среднем получал учитель в Косово от сербского правительства) должна была существовать вся семья учителя⁸. Однако больше по экономическим причинам (траты на войну с Болгарией, частые закрытия границы Венгрии для ввоза сербского скота и т. д.) сербское правительство выделить не могло. Также следует отметить, что эти выплаты осуществлялись непрерывно, вне зависимости от финансовых трудностей, испытываемых Сербией. Документ, составленный М. Гарашанином, по сути оставался руководством, по которому велась работа в Османской империи вплоть до начала XX в.⁹

Состояние сербских школ в Косово в XIX в., а также условия существования их «персонала» и впрямь были незавидными. Из-за постоянного недостатка средств на выплату зарплаты учителям и книг школы не имели возможность качественно обучать детей. Зачастую занятия в школах часто проводили не квалифицированные учителя, а просто грамотные торговцы¹⁰.

Первую крупную финансовую помощь школы получили еще в ноябре 1852 г., когда Министерство просвещения приняло решение отправить школам Приштины и Вучитрна «по 432 учебника и денежную помощь в размере 100 талеров, которая была направлена на содержание учителей». Еще через три года подобную помощь получили школы в Пече. В конце 1852 г. сербское правительство учредило постоянную сумму помощи школам в Косово, которая составила 600 талеров; а уже в 1853 г. она была увеличена до 710 талеров (талер или союзный талер был денежной единицей, использовавшейся на территории Германской империи и Австро-Венгрии вплоть до конца XIX в.)¹¹.

После получения независимости в 1878 г. Сербия не перестала уделять внимание образовательному процессу в старосербских землях, так как «культурно-просветительская деятельность (Сербии. — Е. С.) представляла собой основное оружие» в воплощении в жизнь сербской национальной политики¹². Однако война за независимость сильно отразилась на финансовом положении княжества, поэтому в годы Восточного кризиса (1875–1878) и сразу после него оно не имело возможности помогать школам. По этой причине и по причине нехватки средств на оплату работы учителей многие школы в Косово и Метохии были закрыты¹³.

За работой косовских школ и их обеспечением следили сразу несколько структур. В первую очередь Министерство иностранных дел, в котором с 1889 г. существовал Политико-просветительский отдел, отвечавший за пропагандистскую и просветительскую деятельность в Старой Сербии и Македонии и финансирующийся из бюджета Королевства Сербия. Министерство просвещения и церковных дел также участвовало в финансировании косовских школ, а в период с 1887 по 1889 г. в нем существовал Отдел по сербским школам и церквям вне Сербии. Третьим, менее официальным органом было Общество Святого Саввы, существовавшее, в том числе, за счет средств, выделяемых МИД Сербии¹⁴. В ведении общества, основанного в 1886 г., к 1888 г. находились 12 школ вне Сербии, на содержание которых Общество затрачивало сумму в 2600 дин., не за-

бывая при этом выделить средства на зарплату учителям (в размере 1700 дин.), направленным на работу в эти школы. Средства Общество Св. Саввы получало из добровольных пожертвований, которые делали как сербские официальные, так и простые граждане, имевшие возможность сделать взнос через специальные ящики, установленные в церквях¹⁵.

Важная роль в осуществлении образовательного процесса в Косово отводилась сербским консульствам, которые должны были осуществлять сбор данных о школах, сообщать об их нуждах, поддерживать контакты с учителями и местными жителями, а также передавать деньги на содержание школ. Еще М. Гарашанин в своем «Руководстве...» 1885 г. указывал на расширение консульской сети в Османской империи как на важный фактор развития школ в Косово¹⁶. После заключения консульской конвенции с Портой в 1886 г. Сербия получила возможность открыть несколько консульств в европейской Турции: в Битоле, Скопье (с 1888 г. административный центр Косовского вилайета), Салониках и с 1889 г. в Приштине. Но были попытки открыть еще одно консульство: в Призрене, где особенно активизировались албанские националисты, а также «из-за претензий Черногории на Призрен»¹⁷. Однако договориться с османскими властями так и не удалось, а без фирмана консульство открыто быть не могло. Сербии пришлось активизировать свою деятельность в Скопье и Приштине.

Работа приштинского консульства представляется наиболее значимой. В 1891 г. министр иностранных дел Михаило Джорджевич созвал специальную консульскую конференцию, на которой были определены задачи консулов. Помимо стандартного сбора данных и обеспечения школ книгами и учителями, консульства должны были определять места, где требовалось открыть школы, а также составлять проект бюджета для осуществления вышеперечисленных задач. Кроме того, за каждым консульством закреплялась определенная территория, проблемами которой оно должно было весть. Помимо Косовского вилайета в сферу работы консульств вошли Битольский и Салоникский вилайеты¹⁸, где проживали сербы и, следовательно, существовала нужда в школах.

В разное время в консульстве Приштины работали выдающиеся сербские политики, общественные деятели и дипломаты. Первыми консулами были Лука К. Маринкович (с ноября 1889 по июнь 1890 г.) и Тодор Станкович (с июня 1890 по декабрь 1892 г.), которые первыми выявили проблемы косовских школ. В своем донесе-

нии от 5 ноября 1890 г. Т. Станкович сообщает о закрытии школ в Приштине и Добротине, а также о немногочисленности учеников в уже существующих школах. Так, в школах Приштины имелось 108 учеников, в Гнилане 195 (150 мальчиков и 45 девочек), в Вучитрне 83 (78 мальчиков и 5 девочек), в Грачанице, Добротине, Гуштерице, Неродимле и Штрпце в среднем было по 30 учеников, преимущественно мальчиков. Столь скудное число учеников Станкович связывает с тем, что общины и церкви не всегда помогают школам финансово и груз финансирования ложится на плечи родителей, и, следовательно, дети из малоимущих семей не имеют возможности ходить в школу¹⁹.

Среди приштинских консулов был сербский писатель и дипломат Бранислав Нушич (консул с 1893 по 1897 г.). После завершения службы он издал отдельный труд под названием «Косово. Описание страны и народа» (Нови Сад, 1902), в котором он также сообщает, что «учительские зарплаты очень малы, так как приходским общинам не хватает средств на содержание школ». Зарплата же учителей в деревнях часто «натуральная», и «сельский учитель вместо зарплаты получает пшено, куриц, яйца, ягнят, брюки и т. д.». Самая же большая зарплата, которую платят общины в городах, варьируется «от 250 до 300 грошей в месяц, но есть и сельские учителя, которые, помимо пшена, не получают деньгами больше 400–500 грошей в год»²⁰.

Таким образом, было выявлено несколько ключевых проблем, с которыми сталкивались ученики и учителя в школах Косово: сравнительно небольшое количество школ и их периодическое закрытие, нехватка учебной литературы и средств для выплаты зарплаты учителям, а также недостаток квалифицированных педагогов.

Итак, первостепенной задачей сербских властей в конце XIX в. была подготовка кадров для проведения занятий. Таким образом, отдельной статьей расходов Министерства просвещения было обучение будущих учителей, на которое в 1880 г. министерство выделило из своего бюджета 15 243 дин.²¹ Содержание учителей в общинах соседних Османской империи и Черногории также не оставалось без внимания. Так, несмотря на финансовые трудности, вызванные Восточным кризисом 1875–1878 гг., в бюджете Министерства просвещения Сербии на 1878 г. на их содержание значилась сумма в 12 000 грошей (тур. куруш). Такую же сумму выделили на 1879 г., а в период с 1880 по 1883 г. финансовая помощь составила 5052 дин.²²

Особое место в бюджете Министерства просвещения занимала Призренская духовная семинария, которая в годы Восточного кризиса и после него играла роль не только посредника между Сербией и учебными заведениями Косово, но и духовно-просветительского центра. На содержание семинарии ежегодно выделялась сумма в 660 талеров²³.

Со временем для учителей, преподававших в школах Косово, были утверждены несколько категорий с соответствующей зарплатой. Так, уже в начале XX в. годовая заработная плата варьировалась от 840 дин. (для начинающих учителей) до 3440 дин. (для учителей со стажем свыше 27 лет)²⁴.

Помимо трат на обучение и зарплаты учителей выделялись средства на выплату стипендий способным ученикам. Сохранившиеся данные сообщают, что на 1883/1884 учебный год 25 стипендиатам из Призренской духовной семинарии было выплачено 4800 золотых динаров²⁵. Позднее, в 90-е годы XIX в., выплаты правительства Сербии ученикам-стипендиатам стали регулярными и варьировались от 30 до 50 динаров в месяц. В качестве мотивирующего элемента использовался своеобразный метод «кнута и пряника»: если оценки за 2 или 3 месяца обучения были низкими, но все еще положительными, то стипендия уменьшалась на 5 динаров, а в случае получения учеником отрицательной оценки его стипендия урезалась на 10 динаров²⁶.

Отдельной статьёй расходов на так называемое «просвещение» в Косово можно считать расходы на печать книг и учебников для косовских школ. Несмотря на различные трудности, связанные с получением разрешения от османских властей на ввоз книг из Сербии, учебная и другая литература попадала в старосербские школы. Уже в 1878 г. бюджет Министерства просвещения выделил на книги, посылаемые в Косово, 33 000 грошей. Книги получили Призренская духовная семинария, а также обычные школы в городах Призрен и Печ²⁷.

Однако привозить книги из Сербии было невыгодно и неудобно, так как сначала они должны были пройти экспертизу в Стамбуле. Препятствия чинили и местные власти Косовского вилайета, которые требовали дополнительные документы, доказывающие правомерность ввоза книг из Сербии на его территорию. В 1885 г. Порта разрешила ввоз некоторых сербских книг для школ. В Государственной типографии Сербии было напечатано 143 тыс. книг стоимостью 68 846 дин. и 60 пара²⁸.

Тем не менее через некоторое время снова появились трудности при ввозе книг, поэтому конечной целью сербских правящих кругов стало открытие типографий на территории Османской империи. В этой связи правительство Сербии в 1885 г. поставило своему посланнику в Стамбуле, Саве Груичу, задачу договориться об открытии типографий в Стамбуле, Салониках, а также в Скопье и Призрене. Став консулом в Приштине, Бранислав Нушич также поддержал идею открытия там типографии на средства из бюджета Сербии²⁹. В январе 1890 г. он писал министру иностранных дел С. Груичу, что есть ряд причин важности открытия собственной типографии в Косово, а именно тот факт, что «в Приштине уже около 20 лет работает школа и среди сербского населения наблюдается высокий уровень грамотности», а также и то, что местные жители охотно берут читать газеты и литературу в консульстве. Более того, железная дорога, связывающая Приштину с Качаником и Митровицей, могла бы способствовать распространению книг в других районах, где также есть школы³⁰. В итоге первая типография на территории Косово была открыта в Приштине 1 марта 1890 г. Чуть позднее аналогичную типографию открыли в Призрене³¹. По плану Нушича, который одобрил министр иностранных дел, в типографии учреждалась должность распространителя книг, в обязанности которого входила продажа книг (как сербских, так и турецких и даже «католических») в удаленных районах Косово. На эту должность был устроен Стеван Маркович, учитель и типограф из Приштины, пользовавшийся доверием сербского консульства и лично консула Нушича. Марковичу была назначена зарплата в 500 дин. в год, а также единовременная выплата в 200 дин. «на открытие типографии»³².

В целом на помощь типографиям в Приштине и Призрене Министерство просвещения Сербии выделило 4000 дин., что было равнозначно ежемесячной сумме от 80 до 120 дин.³³

Безусловно, типографии не могли принести значительную прибыль, так как покупательная способность сербского населения в Косово была невысока. Однако от их существования была польза для ведения пропагандистской (или, как ее принято было называть, «просветительской») деятельности.

Для реализации своих внешнеполитических замыслов сербские руководители использовали разные методы. Со стороны Сербского государства оказывалась помощь школам Косово, где учились сербские дети. Специально для косовских школ сербские типографии печатали книги, а руководство страны добивалось

разрешений от Порты на ввоз книг и учебников; учителя, работавшие в косовских школах, получали зарплату за счет сербской финансовой помощи, а если учителей не хватало или их квалификации было недостаточно для проведения занятий, их присылали из Сербии; были среди учителей и добровольцы, которые ехали обучать сербских учителей и детей в Османскую империю по собственному желанию.

Однако было бы ошибочным считать, что все вышеперечисленные акции носили исключительно благотворительный характер. Своими действиями Сербия пыталась не только, как она заявляла, «защитить» своих собратьев и исторически и духовно значимые для сербов объекты, но и проводить пропагандистскую работу среди сербского населения Косово. Не стоит забывать и о том, как мало учеников реально получало полное школьное образование. По свидетельствам Б. Нушича, число учеников в сельских школах было непостоянным и часто в одной и той же школе разнилось в течение года, так как «сельские дети, с удовольствием посещающие школу зимой, с наступлением весны чаще идут работать в поле». По подсчетам дипломата, «от общего числа учеников, записавшихся в школу в начале учебного года, до экзаменов доходит меньше трети». В селах же число учеников уменьшается от класса к классу. Из данных, которыми располагал Нушич, следует, что «в начале учебного года 1895–96 в первый класс средней школы записалось 223 ученика, а четвертый (последний. — *Е. С.*) класс окончили 75, и это обычное дело; можно сказать, что едва ли 35 человек из 100 записавшихся в школу оканчивают ее»³⁴. Сохранились данные и по школе в Призрене. Так, в 1906/1907 учебном году в первый класс записалось 32 ученика, 9 из которых бросили учебу в течение года, а продолжили обучение лишь 14 из них. Во второй же класс записались всего 10 учеников, и один из них так и не дошел до экзаменов³⁵.

Примечательно и то, что в самой Сербии на рубеже XIX–XX вв. число грамотного населения не превышало отметки в 30%³⁶; это лишний раз доказывает, что образование сербского населения Косово как таковое не играло решающей роли в «благотворительной» деятельности Сербии в регионе и способствовало осуществлению совершенно иных задач.

Тем не менее помощь Сербии школам Косово в конце XIX — начале XX в. выступала в качестве одного из способов расширения влияния Белграда в регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Никифоров К. В.* Историография программы «Начертание» // Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии. М., 2015. С. 46.
- 2 *Вучетић Б.* Наша ствар у Османском царству. Београд, 2012. С. 25.
- 3 *Недельковић С.* Косово и Метохија у плановима бугарске пропаганде (1870–1878) // Српске студије. Београд, 2012. IV. С. 64.
- 4 *Перуничкић Б.* Писма српских конзула из Приштини (1890–1900). Београд, 1985. С. 39.
- 5 По мнению историков Д. Батаковича, П. А. Искендерова и других, Сербия окончательно отказалась от планов «завоевания» Боснии и Герцеговины и сосредоточила внимание на Косово в 1881 г., когда заключила с Австро-Венгрией Тайную конвенцию, в которой и был задокументирован ее отказ. См.: *Батаковић Д. Т.* Стара Србија (Косовски вилајет) у српској дипломатији (1878–1912) // Два века модерне српске дипломатије. Београд, 2013. С. 177; *Искендеров П. А.* Сербия при Обреновичах // В «покроховом погребу» Европы. 1878–1914. Москва, 2003. С. 166.
- 6 *Батаковић Д. Т.* Косово и Метохија. Историја и идеологија. Београд; Ваљево; Србиње, 1998. С. 68–69.
- 7 *Тимофеев А.* Крест, кинжал и книга: Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912). СПб., 2007. С. 40.
- 8 *Недельковић С.* Србија и Косово и Метохија (1856–1897). Ниш, 2012. С. 253–254.
- 9 *Тимофеев А.* Крест, кинжал и книга... С. 40.
- 10 *Недельковић С.* Србија и Косово и Метохија... С. 36–37.
- 11 Там же. С. 37–38.
- 12 Там же. С. 10.
- 13 Там же. С. 209, 211.
- 14 *Вучетић Б.* Наша ствар у Османском... С. 28.
- 15 *Тимофеев А.* Крест, кинжал и книга... С. 93.
- 16 Там же. С. 41.
- 17 *Батаковић Д.* Косово и Метохија у српско-арбанашким односима. Београд, 2006. С. 129.
- 18 *Вучетић Б.* Наша ствар у Османском... С. 29–30.
- 19 *Перуничкић Б.* Писма српских конзула... С. 103–104.
- 20 *Нушић Б.* Косово. Опис земље и народа. Нови Сад, 1902. Св. 1. С. 116–117.
- 21 *Недельковић С.* Србија и Косово и Метохија... С. 221.

- 22 Там же. С. 212.
- 23 Там же. С. 213.
- 24 *Стијовић М.* Српско школство на Косово и Метохији према извештајима српског конзулата у Приштини // Косовско-метохијски зборник 4. Београд, 2011. С. 107–108.
- 25 *Недељковић С.* Србија и Косово и Метохија... С. 221.
- 26 Там же. С. 388.
- 27 Там же. С. 219–220.
- 28 Там же. С. 251.
- 29 *Стијовић М.* Српско школство на Косово... С. 103.
- 30 *Перуничкић Б.* Писма српских конзула... С. 83.
- 31 *Зарковић В.* Отварање прве српске књижаре у Приштини 1890. године // Баштина. Приштина; Лепосавић, 2010. Св. 28. С. 169, 170.
- 32 *Перуничкић Б.* Писма српских конзула из Приштини... С. 84–86.
- 33 *Зарковић В.* Отварање прве српске књижаре... С. 169, 175.
- 34 *Нушић Б.* Косово. Опис земље и народа. С. 120.
- 35 *Симић М.* Школство у Призрену у периоду од 1906. до 1909. године // Баштина. Приштина; Лепосавић, 2013. Св. 35. С. 271.
- 36 *Шемякин А. Л.* Србија и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 132.

E. S. Sergeenko

Serbia's financial help to the schools in Kosovo at the end of the 19th — the beginning of the 20th century

The article is devoted to the problem of financial support of schools in Kosovo provided by Serbia at the end of the 19th — the beginning of the 20th century. The author pays special attention to the role of Serbian consulates operating in the Ottoman Empire at that period. Key words: *Serbia, Kosovo, Serbian schools, financial support, Serbian consulate in Pristina, Serbian propaganda.*

Р. Р. Субаев
(Москва)

**Идеология греческого национального движения
в Младотурецкой революции:
ирредентизм и имперско-федералистский эллинизм**

В статье рассматриваются проблемы эволюции греческой политической мысли под влиянием Младотурецкой революции 1908 г., в частности возникновение в ней течения, стремящегося поставить достижения революции на службу делу эллинизму, — имперско-федералистского варианта эллинизма. Греческое правительство продолжало, однако, руководствоваться в своей политике идеологией традиционного ирредентизма, который под влиянием событий в Турции и Греции приобрел новые черты и явился весомым фактором Балканских войн 1912–1913 гг.

Ключевые слова: *эллинизм, ирредента, Великая идея, Восточный идеал, Великая восточная федерация, А. Сулиотис-Николаидис, И. Драгумис.*

Младотурецкая революция и эллинизм. Из соседних с Турцией балканских стран наибольшее влияние Младотурецкая революция 1908 г. оказала на Грецию. Влияние это проявилось и в политике, и в идеологии. В сфере идеологии воздействие младотурецкой революции отразилось двояко: с одной стороны, вслед за политическими переменами оно привело к пересмотру и радикализации официальной государственной идеологии королевства — ирредентизма, наиболее полно сформулированной в концепции «Великой идеи» 1844 г.; с другой — вызвало к жизни новую идеологическую доктрину имперского федерализма, воплощенную в лозунге «Восточного идеала», основной идеей которой было сохранение Османской империи для целей эллинизма.

Младотурецкая революция вызвала хаос и смуту в политической жизни королевства Греция¹. Разочарование внутренней и внешней политикой правительства Теотокиса, мечта о воплощении «Великой идеи», смена поколений политиков — все это сошлось в резонансе осенью 1908 г. Осмотрительная политика Теотокиса в отношении

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00145а.

Турции подвергалась критике националистов. Они указывали на решительность, проявленную Австро-Венгрией при аннексии Боснии и Герцеговины и Болгарией при объединении с Восточной Румелией. Попытки же греков решить в том же году критский вопрос в очередной раз провалились.

В мае 1909 г. группа молодых офицеров в Афинах создала по примеру младотурок собственную Военную лигу, требуя проведения военных и политических реформ, которые, по их мнению, были необходимы для ведения более агрессивной внешней политики. В августе они разместились в лагере Гуди, в пригороде Афин, требуя смены правительства и прибегнув к прямому военному давлению на парламент. Затяжной кризис разрешился в 1910 г. приходом к власти Э. Венизелоса, лидера критского национального движения, реформой конституции и полной реорганизацией всего политического устройства Греции, как и полной сменой политической элиты страны².

Греческое национальное движение в Македонии на раннем этапе революции было наиболее враждебно младотуркам. Султан Абдул-Хамид II хотел использовать греческие банды, взявшие верх в партизанской войне с болгаро-македонскими четами, чтобы задушить в зародыше революционное движение в 3-й армии. Для этой цели в Афины со специальной миссией был послан Мунир-паша, бывший посол Порты в Париже, для координации враждебных действий против младотурок. Греческим бандам, пополненным мусульманскими наемными убийцами, ставилась задача захватить в плен или уничтожить майора Ниази-бея и других руководителей восстания³. Но в ближайшие несколько недель после победы революции греческие банды практически прекратили свою деятельность в Македонии. Царству террора здесь пришел конец. Пусть ненадолго, но и христианский, и мусульманский крестьянин в Македонии, наконец, вздохнули свободно.

Отношение Греции к младотурецкой революции представляет собой ничуть не меньшую, если не большую, проблему, нежели отношение к ней других соседей империи, в частности Болгарии. «Ранг» игроков был отнюдь не ниже, но ставки в игре были при этом гораздо выше. Если болгарам нужна была Македония и большая часть Восточной Фракии, а там — Турция может убираться в Азию или в ад, то для греков на каком-то этапе на кону стояла сама империя. Она нужна была им вся целиком и в силу этого должна была быть «эллинизирована». Снова, уже третий раз в истории, великая

греческая нация вплотную подошла к возможности ее «переиграть» и вернуться к ситуации «до 29 мая 1453 года»*.

На первом этапе революции эллинизм был представлен тремя, если не четырьмя, различными направлениями: 1) официальной линией греческого правительства, искавшего компромисса и соглашения с младотурками; 2) позицией Патриархии, отстаивавшей старые привилегии миллетов и приверженной духу традиционного эллинизма (что не исключало, однако, готовности при благоприятном развитии событий распространить структуры миллета Рум на большую часть империи, т. е. осуществить все ту же пресловутую «эллинизацию» последней в виде возрожденной Византии); 3) новым течением имперских федералистов, представленным Тайной константинопольской организацией и большей частью греческих депутатов парламента, порожденным революцией 1908 г.; 4) наконец, особняком в этот период стояло лидировавшее в недавнем прошлом, но временно отошедшее на задний план ирредентистское крыло в армии и политике, представленное организацией «Этники Этерия» и выступавшее за консолидацию греческого этноса в рамках объединенного национального государства на территориях его проживания, которые должны быть отторгнуты у Турции в результате ее будущего расчленения.

Необходимо отметить, что ни одно из этих четырех направлений эллинизма не противоречило другим в принципе, каждое из них включало в себя известную долю идеологических постулатов других, и центристские тенденции во всех ветвях эллинизма в целом значительно превалировали над центробежными. Консолидация эллинизма в единую политическую доктрину была вполне предсказуемой при изменении внешних обстоятельств. Поскольку имперским федералистам не удалось распространить свою идеологию в Греции, ее внешняя политика по-прежнему основывалась на идеалах ирреденты. Выступить в ходе назревавшей Балканской войны на стороне Турции против болгаро-сербско-черногорской коалиции было для Греции неприемлемо. Невозможно было и остаться в стороне от конфликта из опасения торжества болгарского великодержавия.

* В первый раз в ходе Революции 1821–1830 гг. и русско-турецкой войны 1828–1829 гг.; во второй — в ходе экономического и демографического подъема миллета Рум после реформ Танзимата в 40–60-е гг. XIX в.; в третий раз — в начале Младотурецкой революции в 1908–1910 гг.

Политика правительства королевства Греции. В первые месяцы революции (до октября 1908 г.) правительство Греции, так и не составив до конца представления о том, является ли она для греческого элемента в империи благом или злом, тем не менее, активно поддерживало младотурок, видя в них разрушителя «ужасной», с точки зрения Афин, англо-русской «Ревельской программы», ведущей к форсированной автономизации Македонии, назначению в ней болгарского генерал-губернатора и повторению ею судьбы Восточной Румелии в 1885 г. с «фатальными для дела эллинизма» последствиями⁴.

Правительство в Афинах считало наилучшим способом обеспечения интересов эллинизма достижение политического соглашения с новым режимом. В отличие от болгарского, оно не испытывало опасения перед возрождающейся Османской империей. С его точки зрения, союз Афин и Константинополя мог содействовать делу эллинизма двояко: во-первых, новый режим рассматривался в качестве гаранта обеспечения прав и положения греков в империи; а во-вторых, от подобного союза правительство Теотокиса, являвшееся наследником модернистских традиций Трикуписа и скептически относившееся к оголтелому ирредентизму, ожидало благоприятного для себя разрешения критского вопроса, а особенно — вопроса соединения греческих и турецких железных дорог, что обеспечило бы прямую связь Греции с Европой посуху и являлось давней целью Афин, в которой им упорно отказывал Абдул-Хамид при всей поддержке, оказываемой им грекам в Македонии.

Исходя из этого, а также побуждаемое призывами македонских греков, уставших от многолетних жестоких партизанских войн, греческое правительство решилось на прекращение в Македонии вооруженной пропаганды ради мирной, основанной на сотрудничестве с младотурками. Оппозиция воинствующих ирредентистов в армейских и особенно консульских кругах была преодолена, и греческие банды получили указание вернуться на территорию Греции.

Ирредентисты отмечали в этой связи возникшие проблемы: 1) сомнения консулов в лояльности македонских греков делу эллинизма после столь резкого прекращения вооруженных акций (что свидетельствовало о в значительной степени искусственном характере греческих претензий и о чисто силовом методе достигнутых ими успехов. — *Р. С.*⁵); 2) уход греческих банд привел к оживлению деятельности болгаро-македонских и курце-валашских банд, как и к новому витку греко-болгарского конфликта из-за «спорных школ

и церквей», эллинизированных было победоносными андартами; 3) в связи с общим затуханием боевых действий болгаро-македонское население спускалось с гор и вновь расселялось в плодородной «греческой зоне», привлеченное более благоприятными условиями хозяйствования, в частности на македонском побережье от Салоник до Дедеагача.

Греческое правительство в своей новой политике опиралось главным образом на компактные массы греческого населения, проживающие в городах. Здесь были созданы новые политические ассоциации (не находящиеся, в отличие от прежних отделений Внутренней греческой организации, в прямом подчинении консульств), которые были призваны работать в тесном контакте с младотурецкими клубами. Среди этих слоев не наблюдалось крайностей шовинизма, свойственных ирредентистам в самой Греции*. Так, в частности, большинство греческих купцов и предпринимателей не считали новую болгарскую иммиграцию угрозой эллинизму, а, наоборот, видели в ней дешевую и удобную рабочую силу, приносящую экономическую выгоду. Уставшие от многолетней разрушительной борьбы греческие общины считали главной целью не возобновление вооруженной пропаганды, а восстановление своего экономического положения. Ради этого привлекались работники-болгары и даже создавались совместные предприятия с болгаро-македонским капиталом, невзирая на ярые протесты политических эmissаров из Афин. Главным же своим соперником греческая община Салоник считала не болгар, а евреев и не в политическом, а в экономическом плане⁶.

Однако, как показали ближайшие события, пацифизм Афин оставался глубоко неискренним (изменились лишь формы и тактические приемы ирреденты, но не ее суть), что очень скоро стало достоянием гласности.

Имперский федерализм как ветвь эллинизма. Младотурецкая революция и свертывание вооруженной борьбы в Македонии оживили в греческом национальном движении идеологию имперского федерализма. Ее главной целью было не территориальное приращение Греции за счет Европейской Турции или создание предпосылок

* В этой связи отметим еще раз принципиальное отличие греческого и сербского национальных движений от болгарского, албанского и курце-влашского как движений по преимуществу инспирированных и организованных своими материнскими государствами.

к ее будущему разделу, а превращение «османского эллинизма» в главный политический фактор новой конституционной либеральной империи. Точка зрения ее адептов состояла в том, что в условиях младотурецкого режима межнациональная борьба, ведшаяся ранее военно-политическими и дипломатическими средствами, сместится в сферу «цивилизованной» экономической и политической конкуренции, в чем греки, проживающие в Османской империи, традиционно считались намного сильнее своих потенциальных или реальных конкурентов: мусульман, прочих православных христиан, армян и евреев.

В этих условиях федералисты полагали главными задачами дипломатии Афин сохранение территориальной целостности Европейской Турции (во избежание ее раздела и утраты, таким образом, для дела эллинизма) и установление тесного политического союза с новым правительством в Константинополе⁷. Задачу же «эллинизации» империи должны были осуществить не Вселенская патриархия и не разветвленная сеть агентуры греческих консульств, а многочисленные преуспевающие греческие общины путем проникновения во все звенья административного аппарата и общественных структур⁸.

Весьма важным для становления доктрины имперского федерализма в идеологии и политике эллинизма нам представляется переход на ее платформу с позиций ирредентизма двух видных представителей последней: А. Сулиотиса и И. Драгумиса. Сулиотис много лет был активным участником македонского движения, являясь одновременно специальным советником МИД и офицером армии. В 1906–1908 гг. он под именем купца А. Николаидиса принимал самое активное участие в террористической деятельности греческих банд в Македонии в качестве руководителя тайной организации греков в Салониках. В историю эллинизма он так и вошел под двумя именами: Сулиотис-Николаидис. В 1908 г. он возглавил Константинопольскую организацию, созданную для борьбы с болгарскими фракийцами. Драгумис также был сотрудником греческого МИД, служил консулом в различных македонских городах, советником в Константинополе, Вене, Берлине и Петербурге.

Проблемы греческой идеологии, альтернативной ирредентизму, затрагивались в работах Д. Ксаналатоса и А. Панайотопулоса⁹. Монографическая статья Ксаналатоса имеет особую ценность в силу того, что автор привлек и ввел в оборот обширные выдержки из неопубликованных политических документов, дневников и переписки двух главных деятелей федерализма: Сулиотиса и Драгумиса,

хранящихся в греческих архивах. Однако оба автора, и Ксаналатос и Панайотопулос, увлекшись масштабностью их идей, подпали под их обаяние. Недавняя работа И. Зелепоса в этом отношении гораздо взвешеннее и рациональнее¹⁰.

По нашему мнению, несмотря на свой «геополитический глобализм», имперский федерализм оставался хотя и ярким, но в целом маргинальным срезом греческой политической мысли, уделом достаточно ограниченного круга экзальтированных личностей. И ни о какой эволюции греческой национальной идеи от ирредентизма в панэллинизм, воплощенный на высшем этапе своего развития в идее Великой восточной федерации, как полагает Панайотопулос, не может быть и речи¹¹. Ирредентизм оставался господствующей идеологией Греческого королевства, федерализм — идеологией диаспоры, прежде всего греков Османской империи. Фантом имперского федерализма был всего лишь романтической фантазией, полетом мысли, рухнувшим подобно Икару на землю при первом же реальном столкновении с действительностью в 1910 г.

Отечественный исследователь О. Е. Петрунина также затронула в своей монографии проблему взглядов Сулиотиса и Драгумиса¹². В целом верно осветив новое направление в эллинизме и справедливо противопоставляя ирредентизм «Великой идеи» доктрине «органической работы», восходящей к 60-м гг. XIX в. и связанной в основном с деятельностью иерархов патриархии, Петрунина, однако, полагает именно ее основой взглядов Сулиотиса и Драгумиса. С этим нельзя согласиться полностью.

Политическая идеология имперского федерализма не была простым продолжением эллинизма патриархии, основанным на оптимистическом видении перспектив греческой общины в условиях реформ Танзимата. Концепцию «Восточного идеала» вызвала к жизни младотурецкая революция, явление намного масштабнее Танзимата, и те несбывшиеся в итоге надежды, которые она породила поначалу в сердцах политиков самого разного толка. В «Восточном идеале» противоречиво соединились как ожидания модернизации и либерализации империи в интересах всех населявших ее народов, так и глубокое разочарование греков в традиционной ирреденте 1897 г., ставшее новым толчком к «неприятно Западу» (следующим после борьбы с тезисом Фалмерайера) и обращению «лицом к Востоку»*.

* Монография О. Е. Петруниной масштабна и многопланова, поэтому заслугой историка-неоэллиниста является уже само

Вернее полагать началом генезиса имперского федерализма деятельность видного эллиниста Н. Николаидиса в Париже в качестве редактора-издателя газеты «Ориент» в конце XIX в. Будучи естественным продолжением политической традиции «органической работы» 60-х гг. XIX в., она приобрела и новые отличительные черты: полную лояльность к османскому государству вкупе с тенденцией к созданию дуалистической греко-турецкой империи (в отличие от упора именно на *эллинизацию* империи)¹³.

На формирование взглядов Сулиотиса и Драгумиса в немалой степени повлиял глубокий кризис традиционного ирредентизма после разгрома Греции в войне с Турцией 1897 г. В своей концепции они обособили понятия нации и государства (единство которых было одним из постулатов традиционного эллинизма), отделив таким образом свое видение будущего Греции от ее слабого нынешнего государства. Поражение 1897 г., по мнению Драгумиса, освободило нацию от обязательств перед государством и, более того, лишило последнее права представлять нацию, которая отныне должна была сама определять свое будущее. Сбросив с себя змеиную кожу государства в форме королевства Греция, нация должна была искать новых форм самоидентификации. Поэтому «Восточный идеал» Сулиотиса и Драгумиса не вполне соответствовал «Великой идее» И. Коллетиса и его эпигонов.

Географически их планы различались лишь глубиной Западной Анатолии. Но важнее было другое: Коллетис требовал присоединения территорий, населенных греками, силой, а Драгумис и Сулиотис — мирной эллинизации всей территории Османской империи.

Они разделяли всех греков на «внутренних», жителей Греции, и «внешних», проживавших вне ее. Обе ветви должны быть объединены в границах большого общего государства. Внешние должны были обеспечить как можно более тесную экономическую и культурную интеграцию с королевством, оставаясь при этом подданными Османской империи, но и сохраняя свою греческую идентичность.

Организационной формой государства будущего должна была стать, по мысли Сулиотиса и Драгумиса, «Великая восточная федерация» на основе либеральной реформированной Османской империи, с которой позже объединится королевство Греция. Политиче-

ознакомление научной общественности с данным направлением в эллинизме.

ские же предпосылки реализации своих идей федералисты видели в Младотурецкой революции, провозгласившей восстановление конституции и равенство всех граждан империи перед законом без различия национальности и веры¹⁴.

Имперско-федералистское течение выдвинуло наиболее масштабный проект политической реализации идеологии эллинизма. Он стремился охватить те части империи Александра Великого, которые к началу XX в. находились под османским сюзеренитетом. В сущности, идеология *панэллинизма* была во многом подобна идеологии русского славянофильства-панславизма — те же мессианские трансцендентальные идеи, то же противоречивое сочетание духовного и материального начал, и та же невнятность и непоследовательность. Но и в таком виде «идеал», к которому стремились федералисты, впечатлял. «Прежде всего, — писал Сулиотис, — мы пророки идеала. Мы называем его “Восточный идеал”. Он охватывает ту часть земного шара, где человек впервые создал свою религию, свою философию, свои города. Там лежат Вавилон, Александрия, Мекка, Иерусалим, Афины, Константинополь... Вместо ненависти и подозрений, которые разделяют и разрушают элементы общей культуры, мы применим впечатляющие восточные идеи... мы изменим политические теории... мы внедрим наших собственных политиков в самой Греции, все мы, верующие в это, приведем дело эллинизма в движение нашей политикой...»¹⁵

Взгляды федералистов были не лишены экзальтации. Типичными для их представлений о будущем союзе греков и турок были слова Сулиотиса, обращенные к Драгумису: «Я представляю себя восседающим на прекрасном коне с серебряной сбруей, со сверкающим мечом в руке, въезжающим во дворец Долма Бахче, чтобы посадить там греческого царя, женить его на самой красивой турецкой даме и напоить допьяна... Александр Великий стал настоящим царем Востока, только когда он женился на дочери Дария и завоевал Восток»¹⁶.

Особенностью стратегии федералистов была попытка вынести проблемы эллинизма за рамки македонского вопроса и решать их в масштабах всей империи. Болгары, считали они, находясь в явном меньшинстве по отношению ко всем грекам в империи, но при этом располагая компактным большинством в Македонии, будут пытаться расшатывать османское государство, что может привести в конечном итоге к болгаро-турецкой войне. В этом случае, полагал Сулиотис, в интересах греков было бы оказать поддержку младотуркам,

с тем чтобы эллинизм получил позже возможность принять на себя руководящую роль. Ради этих целей греки должны «выражать всеми силами свою любовь и преданность османскому государству и приверженность принципам братства всех населяющих ее народов». В этом случае они смогут с наибольшей эффективностью использовать в своих целях опасность, которую славяне представляют для всех. В тактическом плане это обеспечит грекам поддержку других народов империи, прежде всего армян, а в стратегической перспективе поставит перед эллинизмом верные цели и не даст ему сбиться на решение локальных задач *ad hoc* под влиянием кажущихся благоприятными обстоятельств в ущерб главным целям.

В циркуляре Константинопольской организации своим членам говорилось: «Все должны участвовать в укреплении сотрудничества. Все нации должны сплотиться, чтобы сохранить это государство... В случае турецко-болгарской войны Греция может прирастить часть территории, однако основная часть эллинского мира останется такой, как есть сейчас, или, что более вероятно, будет разделена между другими могущественными государствами»¹⁷. Драгумис писал в своем памфлете «Обращение к порабощенным и к освобожденным грекам»: «Многие народы готовы первыми заграбастать земли, которые турки оставят после себя. Нашими наихудшими врагами являются славяне»¹⁸.

В программных документах эллинистов часто трудно различить, где речь идет о России, а где о Болгарии, настолько доминирующей в их идеологии является общая ненависть к славянам вообще. Провозглашение Болгарией независимости в форме царства (и воссоединение княжества и Восточной Румелии) они считали «деянием панславянизма».

Убедительные подтверждения антиславянской и протурецкой направленности политики эллинизма содержат отчеты заседаний османского парламента, ставшие доступными европейским исследователям после их перевода на современный турецкий язык, в особенности — выступления греческих депутатов.

Греческий депутат парламента Бусиос говорил 10 января 1909 г., обращаясь к туркам: «Если вы будете в хороших отношениях с нами, греками, мы просто обязаны будем быть вместе с вами. Османское государство — это наша мать, Греция же — наша сестра»¹⁹.

Столь же программной по сути и не менее эмоциональной по форме была речь греческого депутата от Галлиполи Налиса 30 января. Обращаясь к истории болгарской схизмы, к деятельности бывше-

го русского посла графа Игнатьева и к Сан-Стефанскому договору, поставившему империю на грань краха, он указывал, что проблемы славянских меньшинств напрямую связаны с российским панславизмом и, следовательно, несут в себе прямую угрозу территориальной целостности империи в отличие от эллинизма, напротив, выступающего за ее сохранение.

Но Налис пошел еще дальше. Акцентируя важность греческой общины для империи, он утверждал, что когда греки взялись за оружие в Македонии, они не только защищали самих себя от болгар, но и сражались за целостность империи как ее лояльные и верные подданные. Касаясь далее придания Мехмедом II Завоевателем греческой патриархии руководящей роли в православном миллете, Налис призывал к возрождению этой традиции в новую эпоху в целях борьбы со славянским (прежде всего болгарским) национализмом²⁰.

Эллинисты беззастенчиво спекулировали на исторической мифологии, пытаясь установить прямую связь между событиями 1453 г. и современной ситуацией в Османской империи. При этом в официальных выступлениях они деликатно обходили собственные намерения добиваться возрождения былой славы и мощи именно Византийской (т. е. греческой) империи.

Хотя имперский федерализм не стал господствующим течением в эллинизме, на первом этапе он, казалось, был способен подчинить себе греческое национальное движение. В самой Греции ему активно противостояли ирредентисты, особенно в политических структурах и в армии, отстаивающие старый агрессивный курс в отношении Турции. Их идеалом оставалось расчленение Османской империи ради объединения греческого этноса в рамках единого национального государства.

Насколько утопичным был проект многонациональной и мультиконфессиональной Великой восточной федерации, основанной на идеологическом синтезе древнегреческой философии и основных мировых религий, показали Балканские и Первая мировая войны, нарезавшие Балканы и Ближний Восток на дюжину отдельных государств.

Эллинизм Вселенской патриархии. Откровенно антимладотурецкую позицию занимала Вселенская патриархия. Патриарх Иоахим III с самого начала считал, что турецкая революция противоречит интересам эллинизма. В новой либеральной империи, где каждый гражданин будет обладать равными религиозными и политическими правами, система миллетов, на которой столетиями осно-

вывался эллинизм патриархии, сойдет на нет²¹. Фактически, так оно и произошло.

На практике оппозиция патриархии младотуркам основывалась не только на особом автономном статусе миллета как элемента государственного устройства империи, но и на привилегиях и полномочиях, которыми располагало руководство миллетов в сферах образования, отправления культа и местного административного самоуправления внутри миллетов. Всему этому теперь угрожала опасность.

Но не меньше внимания патриархия уделяла борьбе со своим старым противником — Болгарским экзархатом. Оставаясь в представлениях прошлого, а именно — практики «истилямов», голосований церковных приходов в Македонии по поводу принадлежности к патриархии или экзархату, патриархия и результаты выборов в османский парламент в ноябре 1908 г. была склонна интерпретировать в этом же ключе. В пределах выделенных квот распределение депутатских мест между греками и болгарами было следующим: в Македонии: греки — 11, болгары — 4; во Фракии: греки — 3, болгары — 1. Основываясь на факте освящения результатов выборов патриархией и экзархатом, греки трактовали его как официальное признание болгарами их численного превосходства в регионах в данных пропорциях²².

В конце декабря младотурецкая газета «Иттихат ве Терраки» напечатала статью, осуждающую македонскую политику греческого клира. В ней говорилось, что «епархии стали центрами анархии и смут. Церковные власти, действуя в качестве инструментов греческих консулов и армейских офицеров, засылаемых греческим генеральным штабом, несут главную ответственность за бедствия в македонских провинциях»²³.

Летом 1910 г. возобновились боевые действия греческих и болгарских чет в связи с принятием Закона о спорных зданиях церквей и школ. Болгары получили более 150 из 256 спорных зданий. Еще на стадии прохождения законопроекта греческие депутаты прибегли к обструкции, а позже пытались включить в него пункт о передаче вопросов о спорных церковных зданиях на рассмотрение судов шариата²⁴. Воистину, диалектика эллинизма не знала никаких пределов и ограничений!

Ирредентизм и его противоречия. Один вопрос превалировал над всеми в греческой политике. Это была «Великая идея», мечта о территориальной экспансии ради включения греческой диаспоры в состав королевства. В результате ее воплощения королевство должно было стать Великой Грецией, не уступающей могуществом и сла-

вой Византийской империи. Как выразился один американский обозреватель, «это ирредентистское видение пропитало собой все слои общества — беззубый младенец впитывал его с молоком матери, а беззубый старик, шамкая, произносил тост за него, смакуя местное вино, приправленное камедью»²⁵.

Однако ирредентизм, родившийся в 1844 г., также во многом оставался эмоциональным порывом, мечтой, в чем-то даже миражем, химерой, нежели рациональной политической доктриной. Где и как далеко от нынешних, куцых, должны пролечь законные, истинные границы государства? Об этом горячо спорили в кулуарах парламента и в избирательных округах. Единого мнения не было. Сходились только в одном — новое государство должно включать в себя Константинополь, столицу Византийской империи, колыбель «Второй эллинской цивилизации» (после Древней Греции). Расширение же государства «по всем азимутам» предполагало включение в его состав Эпира, Македонии, Восточной Румелии, Малой Азии, островов и т. д. Но на какой основе должны были быть реализованы такие цели? Лингвистической, религиозной или размытого понятия «национального чувства»? И как быть в случае, если этнос, ощущающий себя греками, оказывается в меньшинстве в данном регионе? На все эти острые вопросы ирредентизм не сумел дать ответа, увязнув в многолетних церковных спорах и вооруженной борьбе в Македонии, Эпире и на Крите.

Применительно к Греции признанный примат внутренней политики над внешней заключается в том, что ирредентизм как основной стержень внешней политики в течение всего XIX в. не может быть адекватно осмыслен без предварительного рассмотрения и анализа социальных отношений внутри страны, как и ее отношений с международным сообществом. В этой связи заслуживает внимания мысль Дж. Андреопулоса о том, что те изменения, которые греческий ирредентизм претерпел после военного переворота 1909 г., являются отражением коренных преобразований, проведенных в обществе и государстве с приходом к власти Э. Венизелоса²⁶.

Возобновление революционной борьбы в Македонии. Панэллинская организация. Греческий историк Х. Псилос, посвятивший вопросам отношений младотурок с национальными движениями обстоятельное исследование, полагает, что «именно усиление болгаро-македонской активности и первые явные националистические тенденции младотурок в конце концов вынудили умеренное греческое правительство поддаться давлению (ирредентистов. — Р. С.). В сентябре

1908 г. (!!!) греческий МИД уполномочил полковника Данглиса создать и развернуть новую революционную структуру под названием «Панэллинская организация» (*Πανελληνιος Οργανωση*)»²⁷.

Но в сентябре 1908 г., всего через несколько недель после победы революции, еще не было и не могло быть никакой активизации болгарского национального движения и никаких проявлений младотурецкого национализма! К первым проявлениям последнего можно отнести результаты выборов в новый парламент, ставшие известными в ноябре, а первые значимые рецидивы вооруженной пропаганды болгар проявились не ранее весны 1909 г. Так что греческая историография лукавит, выгораживая «своих».

Панэллинская организация (ПО) не ограничивала свою деятельность подготовкой к возобновлению вооруженной борьбы в Македонии как против болгар, так и против турок. Она готовила подпольную инфраструктуру и на островах, и в малоазиатских вилайетах империи, где проживало греческое население. И активное участие в создании арсеналов и подготовке агентуры принимали как раз идеалисты-романтики имперского федерализма Драгумис и Сулиотис²⁸.

Главной заботой ПО было объединение под своим твердым руководством всех сил внутри страны и вне ее для воплощения греческой национальной программы во всех районах проживания своих «неискупленных братьев» в Османской империи. Численность этих «братьев», особенно в Македонии, всегда была предметом ожесточенной полемики, войной цифр, часто переходившей в войну погромов и убийств для коррекции неблагоприятных результатов. Все же некоторое общее представление в масштабах всей империи могут дать данные французского демографа М. Сенвэ на 1878 г. Согласно им, на территории Европейской Турции, островов и Малой Азии проживало 4,3 млн греков²⁹. Скомпенсировав взаимно спорные данные по Македонии с естественным приростом населения других регионов за 30 лет, можно считать численность греческого населения империи к 1908 г. около 4,5 млн чел. (что почти вдвое превышало население королевства). Такова была материальная основа и духовная надежда панэллинизма.

С января по июнь 1909 г. ПО развернула активную подпольную деятельность по вооружению греческого населения, формированию мелких банд, организации разведки, сбору информации об османских военных объектах и стратегических целях. В случае греко-турецкой войны план действий ПО предусматривал пре-

рывание и разрушение турецких коммуникаций и систем связи. С этой целью генеральный штаб инструктировал своих военных агентов во всех крупных македонских городах принять все необходимые меры для того, чтобы быть готовыми атаковать и вывести из строя такие турецкие цели, как железнодорожные линии, туннели, дороги и мосты.

Однако полковник Данглис был убежден, что пока греческое правительство будет рассматривать ПО только как подпольную организацию, которой официальные власти могут оказывать лишь ограниченную финансовую и военную помощь, она не сможет развернуться в подлинно «панэллинистское революционное движение». Данглис всегда рассматривал ПО не как политическую или общественную организацию, действующую независимо от греческого правительства, а как законспирированную официальную структуру, служащую целям греческой внешней политики там, где органы МИД сами действовать не могли.

В мае 1909 г. Данглис представил греческому правительству свой проект создания Особого департамента в структуре греческого МИД. Департамент должен был снабжать ПО людьми, деньгами, оружием, разведывательной информацией и действовать в качестве секретного канала связи между организацией и греческим правительством. В его составе должны были быть два управления: Управление неисккупленного эллинизма и Управление греческой диаспоры. Первое рассматривалось как более важное, поскольку отвечало за разработку и осуществление греческой национальной программы в Турции. Оно включало бы в себя четыре отдела: османского эллинизма; по делам церкви и образования; прессы и экономического развития³⁰. Проект Данглиса представлял собой попытку синтезировать ирредентизм и имперский федерализм не только в идеологическом (на базе агрессивного панэллинизма), но и в организационном плане.

«Возрождение» Венизелоса и новый ирредентизм. Либеральная модель государственного устройства, внедренная Венизелосом в 1911 г., ни в малейшей степени не предполагала отказа от идеологии ирредентизма. Она лишь углубила и расширила его понимание. Вместо прежнего восприятия государства как простого инструмента ирредентистской политики либеральная доктрина предложила его новое видение. С одной стороны, государство теперь обращалось лицом к нации, отдавая приоритет внутренним реформам и росту народного благосостояния, с другой — оно по-прежнему оставалось

«национальным государством» и в качестве такового проводило активную политику расширения своей территории³¹.

Этот последний период греческой истории перед Балканскими войнами, короткий, но очень эффективный, связанный с именем Венизелоса и с его комплексом реформ, получил название «Возрождение» или «Воскрешение» (*Αναγεννησεως*). Этот своего рода спурт, социальный и экономический, военный и политический, оказался просмотренным соседями Греции. Они по-прежнему полагали лидером регионального развития Сербию, взявшую мощный старт в 1906 г. после начала таможенной войны с Австро-Венгрией, но реальным фаворитом уже стала Греция (и оставалась таковым до 1915 г.). На этой основе и сложился новый рациональный и прагматичный ирредентизм Венизелоса, в отличие от ирредентизма «с хилыми мускулами» 1897 г., который увенчался победой Греции в двух Балканских войнах, приведшей к удвоению ее территории и населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Mazower M.* The Messiah and the Bourgeoisie: Venizelos and Politics in Greece, 1909–1912 // *The Historical Journal*. 1992. Vol. 4. № 35. P. 886.

2 *Нукитина Т. В.* Администрация Э. Венизелоса и модернизация Греции (первая треть XX в.) // *Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в.* М., 2002. С. 120–129.

3 *Knight E. F.* The Awakening of Turkey. The Turkish revolution of 1908. Boston and Tokyo, 1910. P. 179, 181–182.

4 *Psilos Ch.* The Young Turk Revolution and the Macedonian Question 1908–1912. Leeds, 2000. P. 111.

5 Канелопулос, секретарь генерального консульства в Салониках и один из самых активных агентов эллинизма, писал в Афины в августе 1908 г.: «Вслед за роспуском банд нет никаких гарантий, что македонская земля и македонское население, приобретенные за эти годы затратами сил, крови и денег, останутся лояльными к Греции». Цит. по: *Psilos Ch.* The Young Turk Revolution... P. 113.

6 *Psilos Ch.* The Young Turk Revolution... P. 114, 116.

7 *Ahmad F.* Unionist Relations with the Greek, Armenian and Jewish Communities of the Ottoman Empire 1908–1914 // *Braude B. and Lewis B.* (eds.). *Cristians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society.* N. Y., 1982. P. 405–406.

8 *Ponayotopoulos A. J.* The «Great Idea» and the Vision of Eastern Federation: A Propos of the Views of I. Dragoumis and A. Souliotis-Nicolaidis // *Balkan Studies*. Vol. 21. 1980. № 2. P. 337–343.

9 *Xanalatos D.* The Greek sand the Turks on the Eve of the Balkan Wars // *Balkan Studies*. 1962. Vol. 3. № 2. P. 227–296; *Panayotopoulos A. J.* The «Great Idea» and the Vision of Eastern Federation: A Propos of the Views of I. Dragoumis and A. Souliotis-Nicolaidis // *Balkan Studies*. 1980. Vol. 21. № 2. P. 335–355.

10 *Zeleps I.* Redefining the «Great Idea»: The Impact of the Macedonian Struggle 1904–1908 on the Formation of Athanasios Souliotis-Nikolaidis' «Oriental Ideal» // *Neograeca Bohemia*. 2015. № 15. P. 13–31.

11 *Panayotopoulos A. J.* The «Great Idea»... P. 345.

12 *Петрунина О. Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития. М., 2010. С. 447–453.

13 См. *L'Orient*. 1888–1912. Особенно программную статью: A ses lecteurs // *L'Orient*. 8 Janvier 1891, — в защиту интересов эллинизма в империи и против действий греческого МИД и консульств в Македонии.

14 *Balogh A.* The Role of Nationalism in Greek Foreign Policy Thinking, 1897–1912. Theses of doctoral dissertation. Szeged, 2006. Ch. 5; *Panayotopoulos A. J.* The «Great Idea»... P. 346.

15 *Xanalatos D.* The Greeks and the Turks... P. 287.

16 *Ibid.* P. 282.

17 *Ibid.* P. 284.

18 *Δραγούμης Ιων.* Προκήρυξη στους σκλαβωμένους και στους ἐλευθερωμένους Ἑλληνας. (б. м.). 1908, Σ. 4–5.

19 *Meclisi Mebusan Zabıt Ceridesi*. Ankara, 1982. Cilt 1. S. 285.

20 *Ibid.* S. 381, 383.

21 *Clogg R.* The Greek Millet in the Ottoman Empire // *Cristians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society*. New York, 1982. P. 199.

22 *Forster E. S.* A Short History of Modern Greece 1821–1956. London, 1958. P. 42.

23 Перепечатано греческой салоницкой газетой «Правда». См.: «*Αληθεια*», 16/29 Δεκέμβριος 1908. Σ.1.

24 F.O. 371/1245/6167. Turkey. Annual Report 1910 / Lowther to Grey, Constantinople, 11 February 1911.

25 *Tuckerman C.* The Greeks of today. New York, 1878. P. 120.

26 *Andreopoulos G.* State and Irredentism: Some Reflexions on the Case of Greece // *The Historical Journal*. 1981. Vol. 4. № 24. P. 950, 955, 957–958.

- 27 *Psilos Ch.* The Young Turk Revolution... P. 139.
- 28 См. Материалы исторического архива греческого МИД, приводимые Псилосом: *Psilos Ch.* The Young Turk Revolution... P. 140.
- 29 *Synvet M.* Les Grecs de l'Empire Ottoman, étude statistique et ethnographique. Constantinople, 1878. P. 76–77.
- 30 *Psilos Ch.* The Young Turk Revolution... P. 140–142.
- 31 *Andreopoulos G. J.* Liberalism and the Formation of the Nation State // Journal of the Modern Greek Studies. 1989. Vol. 7. P. 209.

R. R. Subayev

Ideology of the Greek nationalist movement in the Young Turk Revolution:
irredentism and imperial and federalist Hellenism

The article deals with the evolution of the Greek political thought under the influence of the Young Turk Revolution of 1908, especially the birth of the stream seeking to use the achievements of the revolution for the benefit of Hellenism, or its imperial and federalist variant. However, Greek government continued to follow the ideology of traditional irredentism in its policy, which being under the influence of the vents in Turkey and Greece obtained new features and became a weighty factor in the Balkan Wars of 1912–1913.

Key words: *Hellenism, irredentism, the Megali Idea, the Eastern Ideal, the Great Eastern Federation, A. Souliotis-Nikolaidis, I. Dragoumis.*

М. В. Ведерников
(Москва)

Становление политических организаций русских чехов во время Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1915 гг.)

В статье предпринята попытка определить характер и выделить основные направления деятельности русских чехов на начальном этапе Мировой войны. Обозначены причины, выявлены факторы, которые привели к сегментации чешского лагеря на военное и политическое течения.

Ключевые слова: *русские чехи, Первая мировая война, чешский вопрос.*

Движение сопротивления русских чехов против Австро-Венгрии, зародившееся после первых известий об объявлении Мировой войны, было составной частью зарубежной акции. Однако поначалу события на территории империи Романовых развивались столь стремительно, а результаты от проделанной чехами работы были настолько впечатляющими, что можно говорить о временном лидирующем положении чешского земляческого сообщества в России в иерархии народных организаций соотечественников за границей. Однако по прошествии времени организация русских чехов потеряла лидирующие позиции, уступив место филиалу ЧСНС в России в руководстве чехословацким движением, где большую роль стали играть военнопленные. В этой связи встает необходимость выявления сущности процессов, которые привели к подобному развитию событий. Это становится возможным благодаря введению в оборот документов чешских архивов, недавно вышедшим публикациям источников и ранее не изученному пласту чешской периодической печати.

Несмотря на тревожные сигналы, поступающие из конфликтных зон Европы, начало мирового столкновения стало полной неожиданностью как для многих представителей общественности, так и для политиков и высших военных чинов. Жители старого континента жили в уверенности, что война пройдет стороной. В своих воспоминаниях российский историк А. А. Кизеветтер писал: «Никто не подозревал, что мир находился накануне великой войны. Правда, Балканы кипели как накаленный котел, из которого горячий пар валит клубами. Но как-то никому не думалось, что это прелюдия к всесветному пожару. И объявление войны налетело, как внезапный смерч»¹.

В предвоенные годы в царской России проживали многочисленные колонии чешских поселенцев, прежде всего на Волыни, Кавказе и в больших промышленных городах: Киеве, Петрограде, Москве, Варшаве, Одессе, Харькове, Ростове-на-Дону. По разным данным их численность колеблется от 60 до 100* тыс. человек². До начала войны чехи не являлись сплоченным социумом, прочные связи внутри чешского общества разных регионов страны не были налажены. Тесные контакты между соотечественниками существовали только в пределах отдельных организаций, которые действовали в нескольких крупных российских городах. Попытки представителей землячества расширить и углубить взаимодействие между чехами до войны не привели к заметным результатам. Необходимо подчеркнуть, что перед ними, за редким исключением, не ставились задачи политического представления чехов в рамках российского государства. Круг интересов ограничивался культурно-просветительскими вопросами.

Поэтому обращает на себя внимание тот факт, что после опубликования манифестов Николая II, сначала от 20 июля / 2 августа об объявлении войны Германии, а затем от 26 июля / 8 августа — Австро-Венгрии, русские чехи удивительным образом активизировали свою общественно-политическую деятельность. Они заявили о полной готовности биться до последней капли крови против династии Габсбургов. Так, В. Вондрак, известный организатор чешской культурной и политической жизни в России, относительно настроений, царивших среди чехов, в своих воспоминаниях писал: «Пока еще русские надеялись, что война пройдет стороной, и не верили в ее возможность, мы в Киеве читали в газетах сообщения, что московские, а с ними и петроградские чехи провозгласили революцию против Австрии. В первые минуты мирового столкновения к нам пришла мысль о необходимости создания чешских гуситских дружин»³. Слова царя о том, что «Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно»⁴, после объявления войны Австро-Венгрии, многие чехи восприняли как намерение освободить Чешские земли.

* Однако согласно результатам Всероссийской переписи 1897 г. на территории всей империи проживало всего 50 385 чехов, в том числе 27 760 в Волынской губернии. См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения обоего пола по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и некоторым занятиям. СПб., 1905. С. 4–6.

Чехи — подданные Австро-Венгрии четко сделали свой выбор в пользу славянской России и не желали возвращения на историческую родину до тех пор, пока там существовал прежний режим. Так, на предложение австрийского консула в Киеве вернуться в Габсбургскую империю, с последующей целью вступить там в ряды вооруженных сил, они ответили единогласным отказом. Задачи войны, провозглашаемые немецким командованием, были для них чужды, не соответствовали их интересам⁵.

Расположение чешских земляческих центров в крупных городах обеспечило возможность с первых дней мирового конфликта развернуться на значительном фронте работы. При этом чехи активизировались в двух направлениях. *Первое* было ориентировано на расширение политического внимания к чехам со стороны русских высших кругов, что было возможно при постоянном контакте с чиновниками. Так, представители Чешского вспомогательного общества (ЧВО) в Петрограде, ввиду нахождения в политическом центре империи, смогли организовать встречи с видными государственными деятелями России, во время которых указывали на необходимость правовой защиты чехов и словаков. На аудиенции у министра иностранных дел С. Д. Сазонова была озвучена просьба о рассмотрении на самом высоком уровне вопроса создания независимого чешско-словацкого государства*.

Вторая линия работы включала разработку концепции военного участия чехов в рядах российской армии⁶. Так, на заседании московского Чешского комитета было высказано предложение о формировании самостоятельных чешских воинских отрядов⁷. Эта идея получила всеобщее одобрение. Главным пропагандистом этого замысла стал Л. Тучек, руководитель филиала фирмы «Лаурин и Кле-

* Аудиенция состоялась 2 августа 1914 г. Чехи рассказали министру иностранных дел о положении славянских народов в монархии. Министр внимательно выслушал доклад и предложил чехам оформить свою программу освобождения в письменном виде. Высказанные на этой встрече пожелания чехов были сформулированы Й. Клецандой в «Докладной записке о чешско-словацком вопросе». Этот документ был передан императору и Совету министров. Автор указывал на исключительное значение Чешских земель для всего славянства как «западного стража», который на протяжении многих столетий боролся с агрессивной экспансией германизма на восток. В нем говорилось о важности предоставления Чешским землям политической самостоятельности, обретение которой должно было проходить при координации действий с чешскими политиками в Праге.

мент» в Москве. В речи, произнесенной на собрании сторонников комитета, он говорил: «Чехи! Новости, которые неудержимо приходят к нам, свидетельствуют, что приближается бой между двумя расами: славянской и германской. Наш народ в XV и XVII вв. жертвовал все ради свободы совести и сознания, мы также должны принести наши блага и все до последней капли крови для победы славянства. Чехи, следуйте зову крови!»⁸ Российские военные круги, получив ходатайство об организации особых чешских войсковых частей, 12 августа 1914 г. приняли решение об одобрении этого проекта. Спустя неделю был согласован план организации Чешской дружины. Необходимо отметить, что среди чешских колоний «главным по своим функциям» должно было считаться Киевское общество⁹. Это объяснялось положением Киева как центрального и ближайшего к фронту пункта, важнейшего на театре войны округа, являвшегося базой для многочисленных армий¹⁰.

Намерение создать чешское подразделение как гарантию проявления независимости Чехии было озвучено практически одновременно как в Москве, так и в Петрограде и Киеве. Однако инициативы в первые недели войны возникали в лихорадочной спешке, неорганизованно, без намеченного плана. Как отмечал Вит Штыбнар, член ЧВО, отдельные группы лиц функционировали независимо, «пробивая дорогу собственными кулаками»¹¹. Свои действия по отношению к царскому правительству они не координировали, наоборот, каждый отдельно пытался договориться с ним, установить непосредственные контакты. Это было обусловлено тем, что каждая чешская колония прилагала усилия к тому, чтобы встать во главе движения чехов и словаков в России¹². Также важно отметить, что по начальным представлениям война должна была продлиться два или три месяца, поэтому общественные деятели боялись, что «промешкают и не успеют». В этой связи они подчас мчались сломя голову, не задумываясь о последствиях, ставя чешское общество перед фактом.

Первые недели после начала мирового конфликта показали, что сплочения в чешском лагере не произошло. Наоборот, началась дифференциация внутри самих земляческих обществ. Так, киевские чехи в связи с близким расположением военных учреждений сделали упор на взаимодействие с ними. Л. Грунд отмечал, что «мировая война четко показала, что военные имели большую заинтересованность в чешском движении сопротивления, нежели политические и дипломатические круги»¹³. Известно, что последнее слово в деле

формирования Чешской дружины было за Верховным Главнокомандующим, великим князем Николаем Николаевичем.

В свою очередь петроградское и московское общество ввиду отдаленного месторасположения от фронта имели бóльшую возможность, нежели киевляне, вести переговоры с гражданскими представителями российских высших кругов. Однако МИД не было уверено в необходимости создания национального подразделения, состоящего из чехов. Сомнения в потребности данного шага были вызваны тем, что накануне Великой войны чешская проблема не рассматривалась российскими дипломатами как самостоятельный и международный вопрос. Западнославянское направление в политике занимало весьма специфическое место. Оно строилось, как отмечает З. С. Ненашева, исключительно на прагматичном фундаменте и исходило из решения практических задач¹⁴. Кроме того, применение силы в виде национальных подразделений в дальнейшем при проведении мирных переговоров могло привести к осложнениям. Таким образом, можно заключить, что чешский вопрос для царского дипломатического ведомства получил значение «самодовлеющей политической проблемы» только во время мировой войны¹⁵. В обстановке столкновения мировых держав в функционировании государственного механизма на первое место были поставлены потребности фронта. Впрочем, позиция МИД оставалась весьма весомой.

В таких обстоятельствах чехи, проживавшие в Петрограде и Москве, чтобы сохранить авторитет в глазах соотечественников, пытались распространить свое влияние на происходившие процессы. Не желая упускать возможность встать во главе освободительного движения, московские чехи (С. Коничек, Л. Тучек), обратившись к бывшему консулу в Праге В. Г. Жуковскому, выступили с просьбой об организации чешско-словацкого съезда в Петрограде. Ввиду своего «истинного русофильства» им казалось, что они имели большее доверие в высших кругах, нежели остальные чехи. Московские чехи осознавали, что на первой аудиенции у императора 8 августа они выступали самостоятельно и не представляли всех русских чехов, поскольку не имели на это полномочий. В этот раз они решили преподнести царю меморандум, касающийся будущего Чешских земель, в присутствии всего земляческого сообщества*.

* Необходимо отметить, что в начале войны словаки также заявили о желании бороться против Австро-Венгрии. Несмотря на отсутствие точного представления о будущей государственно-правовой организации словацких земель, словацкая политическая репре-

Встреча в Петрограде в начале сентября 1914 г. представителей Киева (О. Червены, Ф. Дедина, Ф. Пауль), Петрограда (Й. Клецанда, Б. Чермак), Москвы (Св. Коничек, Л. Тучек) и Варшавы (Я. Гамил, Я. Генк, В. Громадко, словак Й. Орсаг) еще сильнее обозначила противоречия внутри чешского лагеря. Так, помимо назревавшего противостояния по вопросу о приоритете гражданской и военной властей в деле решения чешского вопроса, очевидным стал конфликт между московскими и петроградскими чехами. Он проявился на почве разного понимания будущего государственно-правового статуса Чешских земель. В этой связи исследователь И. Савицкий отмечает, что разлад на начальных этапах формирования национальных движений является нормой. Он считает, что сложно найти аналогичную организацию, где бы такие настроения не царили и не были лейтмотивом ее политической жизни¹⁶.

В случае с чешским движением основные причины находились на поверхности: с одной стороны, конфликты, с другой — слабости. Прежде всего, почти каждый деятель имел свое представление о механизмах, с помощью которых он хотел добиться освобождения родины от «немецкого присутствия». Немаловажным основанием для создания конкурирующей атмосферы были личные амбиции русских чехов. Участие в столь грандиозном проекте давало отличную возможность для взлета по карьерной лестнице. Предприниматели и юристы, которые до начала войны смутно представляли свое место в политической жизни Чешских земель, уже в первые дни мирового столкновения увидели шанс приложить руку к созданию нового государства. В условиях, когда в их среде отсутствовала традиция жесткой общественной иерархии, человек с конструктивной жизненной позицией мог строить грандиозные планы и верить, что они могут претвориться в жизнь*.

зентация приняла решение выступить совместно с чехами. Обсуждалось несколько вариантов устройства Словакии: ориентация на самостоятельную Словакию в федеративном Венгерском государстве, ориентация словацко-польская, словацко-русская и словацко-чешская. См.: *Даниш М.* Словакия и Россия. Политические концепции и планы в 1900–1917 гг. // *Русский сборник: исследования по истории России.* М., 2006. Т. III. С. 49.

* Как отмечает И. Савицкий, деятельность чехов в России отличалась от обычного политического процесса, где политики отчитываются перед своими избирателями и пытаются понравиться, поскольку от голоса последних зависит их судьба. В работе, которой занимались землячества, все внимание было направлено на внутренние проблемы

Помимо деятельности, касающейся разработки проектов формирования Чешского войска и пополнения рядов Дружины, перед русскими чехами встали задачи, при решении которых чрезвычайно важна была поддержка гражданских институтов, прежде всего МИД, МВД. Этот комплекс проблем предстояло решить созданному Союзу чешских обществ. Утверждение его устава произошло 10 декабря 1914 г. Организация создавалась для сплочения всех проживающих в России чехов «в чувстве любви и преданности к России». После окончания мирового конфликта Союз должен был содействовать культурному и экономическому развитию и объединению славян с Россией во главе¹⁷.

С самого начала в рядах центральной чешской организации появились разногласия. Они свидетельствовали об углублении дуализма в чешских политических структурах. Одна группа чехов придавала большее значение ведению дел, которые подпадали под компетенцию гражданских институтов власти. В противовес ей другая отдавала приоритет решению вопросов, связанных с военной сферой. Необходимо отметить, что в представлении всех чехов создание Чешского войска было «путеводной звездой» движения сопротивления. Разногласия возникали в связи с разным пониманием степени необходимого участия гражданских властей в формировании чешских воинских частей. Ярким примером расхождения во взглядах стали события в начале 1915 г.

Поводом для конфликта стал доклад О. Червеного. На собрании Чешского комитета в Киеве 20 января 1915 г. председатель Совета чехов, органа, который представлял интересы земляческого сообщества до созыва съезда Союза чешских обществ (22–26 февраля 1915 г.), просил назначить Л. Тучека и З. Реймана, организаторов Чешской дружины, уполномоченными Союза в Дружину. По его мнению, они пользовались необходимым доверием. Именно поэтому они могли считаться «представителями всех чехов, как ранее назначенные Й. Орсаг и В. Вондрак», также инициаторы создания Дружины¹⁸. Однако против этого предложения выступили члены Совета чехов Ф. Зуман, Ф. Пауль и Ф. Дедина, так как полагали, что вопрос о доверии Тучеку и Рейману следовало решить на съезде чешских обществ в феврале 1915 г. Эта группа высказалась против агрессивного поведения выдвинутцев Червеного, которые достигли «недо-

жизни колонистов, не затрагивая действовавшего государственного механизма. См.: *Savický I. Osudová setkání...* S. 26–28.

стижимого уровня в искусстве агитации» в рядах Чешской дружины и среди чешских обществ. Ответом на их навязчивые инициативы стала негативная реакция внутри чешского военного формирования. Об этом свидетельствовали письма от добровольцев, адресованные Совету чехов. В то же время часть корреспондентов требовала предоставления широких полномочий Л. Тучеку¹⁹.

В результате голосования Тучек и Рейман были избраны представителями Союза при Дружине. Противники подобной резолюции предприняли попытку умалить значение решения. С этой целью Й. Йиндржишек, председатель Общества Я. А. Коменского, обратился к членам Чешского вспомогательного общества²⁰. В письме от 26 января 1915 г. директор бельгийской фабрики «Гаванера» в Петрограде Б. Чермак, член ЧВО, в сдержанном тоне комментировал данное событие: «Мы считаем лишним и неправильным выдавать Л. Тучеку полномочия». Далее он отмечал, что подобный шаг можно было воспринимать не как проявление доверия Тучеку, а как согласие на его особое место в будущем. Письмо он заканчивал словами, что «дело такой сложности должно быть решено Союзом, да и после согласования с правительством»²¹.

Необходимо отметить, что конфликт, возникший в виду назначения Л. Тучека и З. Реймана уполномоченными от Союза, выходил за рамки личного противостояния. В нем были заложены глубокие основания противоборства между Москвой, Петроградом и Киевом. Столкновение чешских политиков было также следствием углублявшегося дуализма между двумя формирующимися направлениями среди политически активных чехов — теми, кто ориентировался преимущественно на гражданскую власть, и теми, кто считал более действенными военные структуры. Осознавая значимость войска для общенационального дела, Ф. Дедина и его сторонники все же выступали за приоритет использования гражданских инструментов при решении вопросов, касающихся будущего чешского государства. Отсюда исходило их требование обязательного подтверждения назначения Л. Тучека и З. Реймана со стороны Союза. Сторонники приоритетной позиции военного блока в первую очередь видели необходимость обращения к военным институтам, пренебрегая подчас авторитетом гражданских властей. При этом на данном этапе конфликт еще не приобрел четкие очертания, находился на начальной стадии. Это обстоятельство объясняется отсутствием сформированных структур, представляющих эти ветви управления. Его обострение началось после Московского съезда

представителей чешских обществ в феврале 1915 г., когда произошла институционализация органов, объединяющих представителей земляческого сообщества.

На съезд, открывшийся 22 февраля 1915 г. в Москве, съехались 32 делегата, которые представляли 1343 членов из 6 обществ и 3 комитетов*. Первый день работы был посвящен торжественным мероприятиям, во время которых произносились благодарственные речи, делались заверения в преданности славянскому делу, подтверждалась готовность воевать до последней капли крови за славянских братьев. По случаю открытия съезда была отправлена телеграмма Николаю II. В ней участники учредительного собрания говорили о любви к «державному хозяину русской земли» и близком часе, когда «русская рать сокрушит исконного врага славянства», после чего будут восстановлены государственные права чешско-словацкого народа²².

Острая дискуссия между участниками съезда, сделавшая еще более очевидным конфликт между двумя группировками чешских активистов, возникла во время прений о месте нахождения Правления. Согласно уставу Союза члены центрального органа должны были избираться из «лиц, живущих в одном городе»²³. Б. Чермак, сторонник использования гражданских рычагов в решении чешского вопроса, объяснял необходимость размещения Правления в столице тем, что Петроград являлся местом сосредоточения центральных ведомств. Киев он характеризовал лишь как «самую большую чешскую колонию».

В свою очередь В. Вондрак, поборник приоритетного использования военного фактора, выступал против города на Неве именно по причине наличия там министерств и других высших государственных учреждений. Он говорил, что в столице должны находиться только представители Союза, решающее же слово должно «иметь Правление мимо Петрограда». Так Вондрак признавал, что речь шла

* Москва: Чешский комитет в Москве — 256 членов (6 делегатов), Общество Я. Гуса — 68 (1), Общество Лумир — 45 (1); Киев: Общество Я. А. Коменского — 328 (7), Чешский комитет вспомоществования жертвам войны — 16 (1); Петроград: Чешское вспомогательное общество — 360 (8); Варшава — Чешско-словацкое благотворительное общество «Беседа» — 219 (5); Ростов-на-Дону: Чешский комитет — 5 (1); Одесса: Чешский комитет — 4 (1); Зубов: Вольно-пожарное общество (председатель В. Швиговский) — 42 (1). См.: ВНА (<http://www.vuapraha.cz/archiv-historicky>). F. SČSNr. K. 6. Protokoly I. sjezdu 1915. 22 февраля 1915.

не столько о месте, сколько о том, кто возглавит движение. Он отмечал, что в случае его избрания он начал бы проводить «политику крепкой руки» по отношению к имперским политическим учреждениям. Такой курс подразумевал «сохранение независимости» от российской стороны при ведении чешских дел. Он убеждал присутствующих в том, что представители Петрограда не смогут справиться со всей «тяжестью и ответственностью работы». Л. Тучек поддерживал эту точку зрения и отмечал, что значение главного органа чешского движения «потускнеет в лучах высшего света города Петра». По его мнению, от выбора места расположения Правления зависело направление развития чешского движения. Б. Павлу, член ЧВО, указывал на недопустимость говорить в оппозиционном тоне по отношению к российскому правительству, с которым чехи могли бы «успешно работать только в любовном соглашении»²⁴.

Увещевания В. Вондрака не были убедительными для большинства присутствующих. Со значительным перевесом (20 против 11 голосов) в качестве места размещения Правления Союза был выбран Петроград. Тогда же был избран его руководящий состав. Председателем стал Б. Чермак, заместителем председателя — И. Моравец, секретарем — Й. Клецанда, членами Правления — Х. Вельц, Ф. Рейф. В качестве компенсации В. Вондрак был поставлен во главу Военной (военно-технической) комиссии в Киеве²⁵. Помимо него в ее состав вошли К. Гержман, Й. Орсаг, М. Пучалка, Л. Тучек и З. Рейман. В. Швиговский, владелец «Славянской типографии» в Киеве, объясняя причины, которые вынудили его выступить против киевлян, писал: «Я и Вондрак в первые дни войны натолкнулись на недоразумения и споры, что привело меня на сторону Петрограда в ущерб Киеву. Последствием этого было то, что я — всем нутром местный патриот — соединился на некоторое время с петроградцами и поддержал их кандидатуру на председательское место в Союзе, что было прямым ударом против Вондрака, хотя он был мне ближе как волынский чех»¹⁵. Таким образом, необходимо отметить, что и личные конфликты также оставались одной из причин разлада внутри чешского движения.

Анализируя ход съезда и итоги его работы, можно отметить, что разделение полномочий нарушало единство чешского движения. Вначале перед его участниками и самим Союзом была поставлена цель приложить усилия к объединению всех чехов. Вместо этого наблюдалась дестабилизация, которая вела к появлению дуумвирата, где киевская и петроградская группировки имели собственное пред-

ставление о методах ведения работы и механизмах взаимодействия с властью и военными структурами. Раздвоение и разделение стремившейся встать во главе движения элиты не могло благоприятным образом сказаться на будущем чешской акции.

Результаты февральского съезда были двойными. С одной стороны, удалось окончательно оформить общий чешско-словацкий орган, лейтмотивом деятельности которого стало создание независимого государства. Но, с другой, с самого начала своего существования руководство этой организации состояло из двух частей — Военной комиссии и Правления. Сложность заключалась в том, что их лидеры, несмотря на то, что видели конечную цель одинаково, по-разному представляли путь, который должен был преодолеть Союз для ее достижения.

В Москве были заложены глубокие основы для последующих конфликтов. На этом фоне меркли предшествующие разногласия. Их можно было списать на политическую неопытность участников процесса. Ф. Дедина, возмутитель спокойствия чешского общества в Киеве, первые 8 месяцев чешского освободительного движения (с июля 1914 по конец февраля 1915 г.) оценивал как время «сплоченной деятельности»²⁷. Несмотря на наличие острых противоречий, постоянных скандалов, за это время был сделан громадный шаг вперед. Так, была создана Чешская дружина, основан Фонд для поддержки семей добровольцев, принят устав Союза чешских обществ, а затем созван и сам съезд в Москве. Чехи дважды удостоились аудиенции у российского императора, ознакомили царя с сутью чешского вопроса, с положением народа в Австро-Венгрии. Вплоть до марта 1915 г. чехам сопутствовала удача. Русские войска продвигались на Запад, и их успехи предвещали скорое вступление армии в пределы монархии Габсбургов. Подобные настроения распространились и на чешское общество. Так, обсуждая вопрос о созыве очередного съезда Союза на Пасху 1916 г., чехи высказали пожелание, чтобы Правление созвало внеочередной съезд, но не позже окончания военных действий²⁸.

Из сказанного следует, что чехи не были подготовлены к началу Великой войны. За годы, предшествующие мировому конфликту, земляческое сообщество не сумело наладить связь между разрозненными чешскими организациями. Актуализация чешского вопроса летом — осенью 1914 г. привела к тому, что политически активные чехи начали действовать спонтанно, ситуативно и разрозненно. Это вело к обострению обстановки из-за личных амбиций представителей земляческого сообщества, разного видения будущего государ-

ственно-правового положения Чешских земель. Также можно говорить о зарождении дуалистической ориентации в выборе между политической и военной властями в формировавшихся общенациональных организациях. Подобное разделение было обусловлено разным представлением о приоритетности использования гражданских и военных инструментов для обретения политической независимости Чешских земель. Киевский центр, ввиду близкого расположения фронта, при решении чешского вопроса отдавал приоритет работе с военными кругами. Петроградцы, в связи с нахождением в столице империи и отдаленностью от театра военных действий, искали удовлетворение чешских требований в МИД и МВД. Возникновение Совета чехов, а затем Союза чешских обществ было значительным достижением русских чехов. Однако необходимо иметь в виду, что эти успехи были в первую очередь обусловлены продвижением русской армии на Юго-Западном фронте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881–1894). Прага, 1929. С. 523.

2 *Ненашева З. С.* Введение // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. М., 2013. Т. 1. Чешско-словацкие формирования в России. 1914–1917 гг. С. 7.

3 *Vondrák V.* Z doby bojů o samostatné čl. vojsko na Rusi. Praha, 1925. S. 9.

4 Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. М., 2013. Т. 1. Чешско-словацкие формирования в России. 1914–1917 гг. № 2. С. 50.

5 *Pavlík J.* Otakar Červený. Mecenáš československých legií v Rusku. Praha, 2014. S. 66. См. также: *Муратов А., Муратова Д.* Судьбы чехов в России, XX в. Путь от Киева до Владивостока. Прага, 2012.

6 *Grund L.* Češi a Slováci v Rusku v boji za státní samostatnost // Češi a Slováci v Rusku v boji za státní samostatnost (1914–1917). Sborník projevů a statí vydaný u příležitosti 20. výročí politického vystoupení Čechů a Slováků v Rusku. Praha, 1934. S. 24.

7 *Татаров Б.* Чешская (Киевская) дружина. Август 1914 — декабрь 1915. Б. м., 2009. С. 4.

8 *Zuman F.* Svatopluk Koníček // Věstník Ustředního sdružení Čechů a Slováků z Ruska. 1931. Č. 5. S. 54.

- 9 Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус (1914–1920)... № 5. С. 55.
- 10 *Ходорович Н. А.* Великое историческое событие // *Češi a Slováci v Rusku...* S. 3.
- 11 *Štýbnar V.* Krajané na Rusi v prvých dňoch války // Příloha Věstníku Ustředního sdružení Čechů a Slováků z Ruska. 1930. Č. 5. S. 22.
- 12 Ibid. S. 22–23.
- 13 *Grund L.* Češi a Slováci v Rusku.. S. 25. Эту точку зрения поддерживают многие исследователи. См., например: *Papoušek J.* Carské Rusko a naše osvobození. Praha, 1927. S. 27; *Savický I.* Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechach. 1914–1918. Praha, 1999.
- 14 *Ненашева З. С.* Идеино-политические аспекты чешского национального движения в России в 1914–1915 гг. // Науковий вісник ужгородського університету. Серія: історія. Ужгород, 2011. Випуск № 27. С. 17.
- 15 *Попов А.* Чехословацкий вопрос и царская дипломатия // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 3.
- 16 *Savický I.* Osudová setkání... S. 25.
- 17 Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус (1914–1920)... № 42. С. 109.
- 18 Там же. № 57. С. 144.
- 19 VHA. F. SČSnR. K. 5. Факты, внесшие разлад в Киевском комитете и среди 3-х членов Правления. С. 10.
- 20 Ibid. K. 15. České spolky v Rusku. Český výbor pro pomoc obětem vojny Petrohradskému českému výpomocnému spolku. 21.01.1915.
- 21 В. Čermak — О. Červený z 26.01.1915 // *Pavlík J.* Otakar Červený... S. 88.
- 22 VHA. F. SČSnR. K. 6. Protokoly I. sjezdu 1915. 22 февраля 1915.
- 23 Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус... № 42. С. 111.
- 24 VHA. F. SČSnR. K. 6. Protokoly I. sjezdu 1915. 25 февраля 1916.
- 25 *Серапионова Е. П.* Союз чешско-словацких обществ и политика России в годы Первой мировой войны // Acta historica Posoniensia XXV. Ruská politika na euroázijskom kontinente v moderných dejinách. Bratislava, 2014. S. 68.
- 26 Knihovna Náprstkova muzea. F. SSSR. 1/7. V. Švihovský L. Grundovi z 26.2.1955. Цит. по: *Vaculík J.* Příspěvek ruských Čechů ke vzniku ČSR // Demokratické principy vzniku Československa. Sborník referátů z vědecko-osvětové konference k 80. výročí vzniku ČSR pořádané Českým svazem bojovníků za svobodu dne 22. 10.1998 v Brně. Brno, 1998. S. 66.
- 27 *Dědina F.* Pravda o českém odboji. Praha, 1920. S. 18.
- 28 VHA. F. SČSnR. K. 6. Protokoly I. sjezdu 1915. 25 февраля 1915.

M. V. Vedernikov

Establishment of political organizations of the Russian Czechs
during World War I (July 1914 — February 1915)

The article attempts to identify and outline the main directions of the Russian Czechs activity at the beginning of World War I. The author reveals the reasons and factors which led to the segmentation of the Czech camp into the military and political streams.

Key words: *Russian Czechs, World War I, Czech issue.*

Н. И. Нечаева
(Москва)

Словацкий вопрос в межвоенной Чехословакии

В статье освещается положение Словакии в межвоенной Чехословакии. Исследуются пути решения Прагой словацкого вопроса. Затронуты темы чехословакизма, урегулирования отношений с национальными меньшинствами в рамках «первой республики», словацкого автономистского движения, роли в нем католической церкви.

Ключевые слова: *словацкий вопрос, «первая республика», чехословакизм, Чехословацкая республика, национальное меньшинство, автономистское движение*

На протяжении всего XX века словацкий вопрос был вопросом комплексным¹, структурным, поэтому его нельзя понимать только как вопрос национальный. Словацкий вопрос в рамках межвоенной Чехословацкой республики (далее — ЧСР) — это государствообразующая нация с одной стороны и национальное меньшинство — с другой, чехословацкий прогрессизм — с одной стороны и словацкий провинциализм — с другой², «остров демократии в океане авторитаризма»³ — с одной стороны и клерикализм — с другой. «Первая республика» была государством нестандартным: в некоторой степени феномен Чехословакии беспрецедентен. Таким образом, куда более нестандартным было положение народностей, проживавших внутри этого государственного образования.

«Первая» ЧСР имела недолгую историю, однако за неполные двадцать лет данное государство смогло коренным образом изменить лицо словацкого политикума. Сами словацкие авторы отмечают: «Демократическое политическое устройство, развитие многопартийной системы и гражданского общества, открытие небывалых до тех пор возможностей для реализации национальных устремлений словаков, функционирования системы образования и просвещения на национальном языке, расцвет культурной жизни, экономический прогресс, соблюдение прав граждан независимо от их национальности, вероисповедания и политических убеждений — все это стало переломным моментом в жизни словацкого общества, создававшим предпосылки для лучшего будущего»⁴.

До переворота в октябре 1918 г. словаки не надеялись на получение независимости, более того, независимость никогда не стояла на повестке дня в словацком вопросе. В первую очередь словакам необходимо было реализовать себя как нацию в государстве венгерском — получить территориальную автономию, а для этого следовало заявить о себе как о политической нации⁵. Ситуация была критической: о словаках за рубежом мало что знали, их привыкли воспринимать в качестве «венгерских славян»⁶, поэтому словацкий вопрос вплоть до образования Чехословакии оставался вопросом внутренней политики Венгрии. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что сами словаки, анализируя свое положение, объективно понимали свою слабость: у них практически не было политических кадров, а национальная интеллигенция была слишком малочисленной.

Однако, несмотря на малочисленность, интеллигенция смогла выдвинуть два альтернативных пути решения словацкого вопроса помимо автономии в рамках Венгрии. Мы имеем в виду гласистов и мартинчан, которые впоследствии эволюционировали в унитаристов и автономистов или, если смотреть шире, в активистов и негативистов⁷. Эти два пути отличались друг от друга своим отношением к чехам: в то время как гласисты, разделявшие мнение Томаша Гаррига Масарика, ратовали за объединение с чехами в единое государство, мартинчане не хотели «утонуть в чешском болоте»*. В итоге гласизм одержал верх: представители более прогрессивной словацкой интеллигенции, проживавшие в США (так называемая «Словацкая лига» во главе с Альбертом Маматеем), решили активно поддержать проект Масарика по созданию единого государства чехов и словаков. Отцы-основатели Чехословакии — Т. Г. Масарик, чех Эдвард Бенеш и словак Милан Ростислав Штефаник — понимали: в то время как в Чехии проживало почти 3,5 млн. немцев, два родственных славянских народа только посредством объединения смогут иметь количественный перевес над чешскими немцами, что позволит рассматривать последних в качестве национального меньшинства; вместе с тем для противо-

* Унитаристы — иначе чехословакисты или централисты — выступали за унитарное Чехословацкое государство, автономисты — за словацкую автономию внутри Чехословакии, активисты — партии, взаимодействовавшие с центральным чешским правительством, негативисты — партии, находившиеся в оппозиции к государству и выступавшие за отмену чехословакизма как идейного базиса ЧСР (сюда можно отнести и тех, кто желал распада республики).

стояния венграм — по той же причине — словакам были необходимы чехи.

Для того чтобы привлечь словаков к своему проекту, чехословакистам пришлось пойти на многие уступки. Первое соглашение было подписано в Кливленде еще в 1915 г. По этому соглашению словакам в рамках будущего Чехословацкого государства была обещана широчайшая автономия, с той поправкой, что в дальнейшем, уже после создания Чехословакии, чехи и словаки будут иметь право на обоюдный пересмотр данного соглашения. Те же самые оговорки были и в Питтсбургском соглашении 1918 г., под которым стоит подпись самого Масарика. Питтсбург, таким образом, стал «агитационной карточкой» словацких автономистов, так и не дождавшихся обещанной автономии. Масарик откровенно признавался в своих воспоминаниях, что подписывал Питтсбургское соглашение с целью получить согласие словаков любой ценой⁸ и что данное соглашение (которое, к слову, не являлось договором) в принципе не имело в новом Чехословацком государстве никакой легитимности, поскольку осенью 1918 г. словаки, остававшиеся на родине, сами признали свою «полугосударственность» и отказ от автономии — подписав 30 октября 1918 г. «Декларацию словацкой нации»⁹. Таким образом, как верно констатирует словацкий историк Милан Земко, «Кливлендский договор, подписанный в 1915 г., и Питтсбургский договор, подписанный в 1918 г., направленные на общее будущее словаков и чехов в едином государстве, в котором Словакия бы располагала широкой степенью самоуправления, были документами, подготовленными зарубежной Словацкой лигой (а не представителями отечественной элиты), и в момент возникновения республики не повлияли на внутреннее развитие страны»¹⁰. Все это верно, но это не успокаивало словацких автономистов и не лишало их права чувствовать себя обманутыми.

Эта проблема довлела над Чехословакией на протяжении всего межвоенного периода. С момента возникновения «первой» ЧСР словаки не оставляли надежд на то, что в будущем им предоставят автономию. Словаки понимали, что для этого должно пройти определенное время, что словацкая нация должна стать политически грамотной, достигнуть экономического и культурного уровня чехов. Проблема заключалась в том, что чехи и словаки по-разному понимали понятие «нация» в рамках Чехословакии, поскольку в то время как словаки говорили о словацкой нации, чехи говорили о нации чехословацкой. Вопрос чехословакизма стал одним из камней пре-

ткновения между чехами и словаками и одним из главных компонентов широкого словацкого вопроса. Таким образом, словаки, будучи, с одной стороны, государствообразующей нацией, с другой стороны, ощутили себя в качестве национального меньшинства, причем даже не самого крупного.

В конце 1930-х годов карта Центрально-Восточной Европы начала перекраиваться в связи с реваншистскими настроениями Германии, где был установлен авторитарный нацистский режим. Чехословакия не осталась в стороне от происходивших событий. После Мюнхенского соглашения в конце сентября 1938 г. она территориально уменьшилась, а в середине марта 1939 г. исчезла с карты мира. 14 марта Словакия была провозглашена независимым государством. Впервые за свою историю Словакия обрела независимость, более того — уберегла себя от раздела между Польшей и Венгрией, претендовавшими на северные и южные словацкие земли. Экономические и культурные показатели страны стали на порядок выше¹¹. Однако при формальной независимости самостоятельным государством Словакия не стала — это было марионеточное государство, являвшееся сателлитом Германии. Полностью зависимое от диктата Берлина, оно скомпрометировало себя репрессивным режимом, участием во Второй мировой войне на стороне Гитлера, а также антисемитизмом, приведшим к геноциду еврейского населения¹².

Соглашаясь с мнением большинства словацких исследователей, мы считаем, что катализатором случившейся трагедии стала сложная ситуация внутри государства, а именно — не решенный Прагой национальный вопрос. Он, как известно, состоял не только из немецкого вопроса, который, по словам Масарика, был «самой серьезной проблемой»¹³ для «первой республики», но и из словацкого вопроса. Возмущенные невыполнением Масариком обещаний, данных в Питтсбурге, так и не дождавшиеся желанной автономии, словаки быстро оправались после эйфории от построения славянского демократического государства. Популярная в Словакии партия католического священника Андрея Глинки, клерикальная по своей сути, с самого начала встала в оппозицию к чехословацким властям, заняв автономистскую позицию, которая эволюционировала в негативистскую. В 1921 г. «людаки» отделились от чешской католической партии, а в 1922 г. внесли в парламент первое предложение об автономии Словакии¹⁴. Вплоть до Мюнхена это требование было для «глинковцев» своеобразным «символом веры». Это, а также акцентирование внимания своего электората на националь-

ном вопросе, подогревало в Словакии не только автономистские, но и сепаратистские настроения, вплоть до выхода из состава ЧСР. Впрочем, последнее было скорее исключением из правил, нежели нормой: негативисты были не против Чехословацкого государства как такового, а в первую очередь против чехословацкой политической нации¹⁵. Однако уже сам факт существования в Словакии таких настроений говорит о том, что в подчеркнута демократической ЧСР не все было так гладко, как это пыталась показать тогдашняя панегирическая чешская публицистика.

Следствием нерешенности словацкого вопроса стала актуализация экономических, социальных, культурных проблем. Поэтому впоследствии этот вопрос перерос из внутривнутриполитического во внешнеполитический¹⁶.

В государстве чувствовалась явная асимметрия. Словаки заметно уступали чехам по многим показателям, в том числе и экономическим: Словакия была страной преимущественно аграрной, тогда как Чехия — промышленно-индустриальной. Однако создание Чехословацкого государства и для чехов, и для словаков было положительным явлением, хотя бы потому, что ЧСР позиционировала себя как славянское государство¹⁷. В Конституции, официально закрепившей в стране идеологию чехословакизма, говорилось о «чехословацком языке», представленном в чешской и словацкой формах, которые считались равноправными¹⁸. В результате этого в Словакии, спустя века, смело заговорили на родном словацком языке.

В администрации, однако, вместо венгров теперь господствовали чехи. С самого начала 1920-х годов здесь происходила чехословакизация / чехизация, с которой словаки поначалу мирились, искренне полагая, что чехи стараются помочь своему менее приспособленному к политической жизни славянскому брату¹⁹. Но уже к концу 1920-х годов это начало словаков откровенно раздражать²⁰. Следует отметить, что идеологию чехословакизма среди словацких партий поддерживали лишь аграрии и социал-демократы. Почва для подобной идеологии в ЧСР была подогрета в основном немецким вопросом, поскольку, как уже было отмечено, чехи без словаков не составляли необходимого большинства²¹. Именно на этом и сыграл Гитлер, провоцируя в Словакии националистические настроения. Здесь же стоит упомянуть и о венгерском реваншизме, который шел рука об руку с германским: в 1929 г. один из новых лидеров Глинковой партии — Войтех Тука — был осужден за шпионаж в пользу Венгрии²².

Нужно сказать, что правое крыло глинковцев к тому времени уже состояло из новых одиозных лидеров, стоявших на ультранационалистических позициях. Тука был одним из них. Это отличает его и от самого Глинки, и от пришедшего на смену последнему Йозефа Тисо — будущего президента Словакии, которые занимали в партии центристскую позицию²³. Центристы в меньшей мере выказывали свою нетерпимость к чехам, евреям и коммунистам, подчеркивая свою якобы христианскую позицию. Это можно проследить по их официальному журналу «Nástup» («Начало»). В свою очередь, коммунистическая партия, к слову, довольно многочисленная, отвечала глинковцам тем же в своем офицозе «Dav» («Массы»).

Несмотря на всю искусственность чехословакизма, и чешские и словацкие исследователи отмечают необходимость этой идеологии в первые годы существования государства. В противном случае ЧСР могла бы никогда не возникнуть²⁴. Главное отличие позиций чехов и словаков — в том, что первые действительно верили в идею Масарика о единой политической нации²⁵, а вторые считали ее лишь временной конструкцией, которая после реализации всех возложенных на нее задач потеряет свою необходимость²⁶. Однако задачи не были реализованы: словаки развивались не так быстро, как бы хотелось, а чехи уже не могли остановить пущенную в ход чехизацию. Проблему усложнил закон 1928 г., по которому Чехословакия была превращена в унитарное государство: Словакия стала одной из государственных областей наряду с Чехией, Моравией и Силезией и Подкарпатской Русью²⁷.

То, что это произошло накануне международного кризиса 1930-х годов, усилило недовольство внутри Чехословакии. Именно в это время в Чехии активизировались немецкие силы во главе со сторонником Гитлера Конрадом Генлейном, стоявшим во главе Судето-немецкой партии²⁸. В полный голос зазвучали призывы немцев к немецкой автономии внутри ЧСР, а в дальнейшем — к полному выходу из состава республики для того, чтобы присоединиться к Германии²⁹.

Было положено начало открытым националистическим акциям. В Словакии в связи с этим радикализировалось венгерское меньшинство, в Подкарпатской Руси остро встал украинский вопрос. Однако сокрушительным ударом для пражской власти стали не их действия, а прогерманские шаги именно словацких политиков, которые были не удовлетворены тем, как чехи в течение двух десятилетий решали словацкий вопрос.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Хмел Р.* Словацкий вопрос в XX в. // Опыт демократических преобразований в Словакии. Братислава, 2007. С. 9.
- 2 *Земко М.* Традиции словацкой политики: демократия, авторитаризм, тоталитаризм // Опыт демократических преобразований в Словакии. С. 25.
- 3 *Klítek A.* Вој о Hrad. 1. Praha, 1996. S. 103.
- 4 *Бутора М., Месежников Г., Коллар М.* Предисловие // Опыт демократических преобразований в Словакии. С. 4.
- 5 *Хмел Р.* Словацкий вопрос в XX в. ... С. 12.
- 6 *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Воспоминания / Авторизованный перевод Н. Ф. Мельниковой-Попоушек. Прага, 1927. Т. II. С. 21.
- 7 Цит. по: *Хмел Р.* Словацкий вопрос в XX в. ... С. 12.
- 8 *Масарик Т. Г.* Мировая революция... С. 20.
- 9 *Хмел Р.* Словацкий вопрос в XX в. ... С. 13.
- 10 *Земко М.* Традиции словацкой политики... С. 27.
- 11 *Платошкин Н. Н.* Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг. М., 2016. Ч. 1. Весна чехословацкого социализма. 1938–1948. С. 25.
- 12 Там же. С. 25; *Бутора М., Месежников Г., Коллар М.* Предисловие // Опыт демократических преобразований в Словакии... С. 4.
- 13 *Бобраков-Тимошкин А.* Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008. С. 160; Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2 кн. М., 2005. Кн. 1. С. 162.
- 14 *Липтак Л.* Словакия в XX в. // История Словакии. М., 2003. С. 305.
- 15 *Хмел Р.* Словацкий вопрос в XX в. ... С. 17.
- 16 Там же. С. 9.
- 17 *Липтак Л.* Словакия в XX в. ... С. 301.
- 18 Чехия и Словакия в XX веке... С. 107; *Бобраков-Тимошкин А.* Проект «Чехословакия»... С. 178; *Липтак Л.* Словакия в XX в. ... С. 304.
- 19 *Хмел Р.* Словацкий вопрос в XX в. ... С. 9.
- 20 *Липтак Л.* Словакия в XX в. ... С. 303.
- 21 Там же.
- 22 *Бобраков-Тимошкин А.* Проект «Чехословакия»... С. 148–149.
- 23 Там же. С. 160–161.
- 24 *Kovač D.* Československá štatnosť v kontexte slovenských dejín. Otázka kontinuity a diskontinuity Československo 1918–1938. Osudy demokracie ve střední Evropě. Praha, 1999. Sv. 1. S. 28.

25 Масарик Т. Г. Мировая революция... С. 21; Бобраков-Тимошкин А. Проект «Чехословакия»... С. 36–40.

26 Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1914–1945. Bratislava, 1997. S. 54–55.

27 Лунтак Л. Словакия в XX в. ... С. 304.

28 Бобраков-Тимошкин А. Проект «Чехословакия»... С. 179.

29 Brugel J. W. Češi a Němci 1918–1938. Praha, 2006. S. 350.

N. I. Nechayeva

Slovak issue in interwar Czechoslovakia

The article gives coverage to the position of Slovakia in interwar Czechoslovakia. The author studies the ways Prague used to manage the Slovak issue. She also touches upon the topics of Czechoslovakism, reconciliation with the national minorities within the framework of the “first republic”, Slovak autonomist movement and the role of the Catholic Church in it.

Key words: *Slovak issue*, «*first republic*», *Czechoslovakism*, *Czechoslovak Republic*, *national minority*, *autonomist movement*.

Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская
(Москва)

Ф. М. Верниковский — деятель белорусского национального движения в межвоенной Польше

Статья посвящена одному из малоизвестных деятелей белорусского национального движения Ф. М. Верниковскому. В основу статьи легла общая оценка его деятельности, которую дали ближайшие соратники Верниковского и отчасти он сам. При подготовке настоящей статьи были использованы также различные документальные источники.

Ключевые слова: *Белорусское национальное движение, Федор Верниковский, Православная Церковь, Вторая Речь Посполитая.*

Судьба белорусского национального движения во всей его совокупности, необычайно усложненная событиями распада Российской империи и возникновением на ее огромных территориях новых государств, продолжает оставаться terra incognita на карте восточноевропейской истории. По сей день не изучены даже биографии абсолютного большинства его идеологов и главнейших практиков. Так, например, случилось с такой персоной, как Р. Земкевич, представлявшейся многим почти на протяжении целого столетия одной из видных фигур в среде белорусского национального движения, что оказалось полнейшей фикцией. Р. Земкевич в действительности не только тайно занимался сбором данных о белорусском движении по заданию польских спецслужб, но и, являясь «фальшивым белорусом», т. е. самозванным, был замешан во многих подлогах и криминальных делах¹.

Федор Михайлович Верниковский относится к числу весьма заметных деятелей белорусского движения, о которых мы по сей день знаем немного. Даже точная дата его кончины стала известна совсем недавно², а до последнего времени она определялась так: «1930-я гады»³, «кон. 30-х гг. XX в.»⁴ или «около 1935 года»⁵. Имя Верниковского часто упоминается в различного рода современных ему документах, в том числе в известном аналитическом обзоре II отдела Польского генерального штаба «Краткий очерк белорусского вопроса» («Krótki zarys zagadnienia białoruskiego»), подготовленном в Варшаве в 1928 г. «только для служебного пользования»⁶.

Впрочем, общая более или менее детальная оценка его деяний принадлежит лишь ближайшим соратникам Верниковского и отчасти ему самому. Именно эти материалы в основном и послужили нам путеводной нитью для подготовки настоящей статьи, использованы также и всевозможные архивные источники, связанные с Ф. Верниковским и его ближайшим окружением в разные годы, включая семейные.

В своей машинописной автобиографии «работника по Белорусскому движению», составленной Ф. Верниковским в 1919 г. в Гродно, он, «Член Рады Белорусской Народной Республики и Сябр Национального Комитета в Минске», сообщал, что «родился в 1861 году в Белоруссии — м. Дудичах, Игуменского уезда, Минской губ. Женат на белорусинке, православной. Под судом и следствием никогда не был. Отец и мать, деды и прадеды и прапрадеды были белорусами и принадлежали к духовному званию. Состояли на службе то псаломщиками, то священниками при разных церквях, но все только в одном Игуменском уезде, Минской губ. (это сердце Белоруссии) в следующих селах: Поречье, Погорелом, Турине, Дудичах, Гребене, в последнее время отец был псаломщиком Полянской церкви (м. Узляны) Игуменского уезда. Мать, рожденная Занцевич, дочь протоиерея Поречской церкви, Игуменского уезда. Род “Верниковских” “Занцевичей” (по матери) издревле православный, чисто белорусский, тянется он более трехсот лет; одно можно только предположить, что деды или прадеды могли быть униатскими священниками, но в 1839 году, когда было воссоединение Унии с православною церковью, то были причислены к таковой. Детство свое провел в деревне, среди селян, в сильной нужде и бедности и в очень суровой жизни и школе»⁷. Народная школа в знаменитых ныне Дудичах, родине многих известных представителей дворянского семейства Ельских, рядом с бывшим имением которых располагается современный Музей старинных народных ремесел и технологий «Дудутки», стала для юного Федора первой образовательной ступенью и, так же как и местный церковный хор Покровской церкви, в которой он пел с юных лет, во многом определила дальнейший выбор его жизненного пути.

В десятилетнем возрасте отец привозит Федора в Минск и отдает в Минское духовное училище: «Воспитывался в Минском 4-х класном Духовном Училище, после чего окончил Минскую Духовную Семинарию, кроме богословских наук. Был вольнослушателем СПбургского Технологического Института, где выдержал экзамен

на звание старшего Гидротехника по осушению болот. Окончил СПбургские курсы сельско-хозяйственные, садоводства и огородничества. Служил в Крестьянском Поземельном Банке, в Западной Экспедиции по осушению болот Полесья и орошения Юга и в Отделе Земельных Улучшений Министерства Земледелия и Государственных имуществ б. Российской Империи. Управлял в разных местах Западного края, Украины и Польши 17-ю имениями, более 150.000 десят. земли с лесами. В имениях этих было 9 винокуренных заводов, 4 лесопилки, 5 паровых и водяных мельниц, при них были круподерки и маслобойки и до 26 смолокуренных и скипидарных заводов. Все время служил и работал для Белорусского народа и все эти имения на самых льготных условиях продал крестьянам при содействии Крестьянского Поземельного Банка. Был командирован в I-ю Государственную Думу в Комиссию по земельному улучшению хозяйства в России. Работал и находился в командировках — России: в тайгах далекой Сибири (устраивал переселенцев), Манджурии (так в тексте. — Ю. Л., Л. Щ.), в центре России, Прибалтийском крае, на Кавказе и Закавказье, работал на берегах Черного, Балтийского, Средиземного и Каспийского морей, Крыме, Семипалатинской и Семиреченской областях; За границей: в Германии, Австрии, Бельгии, Италии, Сицилии, Швейцарии, Франции, Англии, в части Азии, Египте, Персии, Турции и в Америке; был в самых крупных центрах и столицах. Прослужил на Государственной службе 34 года»⁸.

К моменту начала Первой мировой войны Ф. Верниковский становится очень состоятельным человеком: «Получал жалованья в последнее время службы до 18.000 руб. в год, а начал службу с 75 руб. в месяц. Свою собственность всего лишь имел в Минском уезде 84 дес. земли и по наследству от жены — дома в г. Минске»⁹. Последующие несколько военно-революционных лет привели к тому, что из «всего этого имущества в настоящее время осталось в Минском уезде только шесть десятин земли и один дом — дача с садом и огородом это 4 дес., вблизи гор. Минска, при станции Минск, Брест. ж. д. (Куратовщина), а остальное же все имущество мною спешно продано, за бесценок, во время отечественной войны 1914–1919 гг. при наступлении на Минск немцев. На деньги эти мною куплены были займы: военный и свободы, которые в настоящее время аннулированы. Вот все и мое богатство, за всю свою жизнь нажитое»¹⁰.

Тогда же наступает и совершенно новый этап в жизни почти шестидесятилетнего Ф. Верниковского: «По выходе же в отставку и

поселившись в Минске, как экономист, землевладелец, коммерсант и финансист приглашен был в Минске во все Торгово-Промышленные и Коммерческие Банки, Общества, Канторы, Ссудосберегательные Товарищества, Кооперативы, потребительские лавки — быть членом и ближайшим их сотрудником и Советником, а при крупных Банках, в том числе и Государственном, состоял Членом Учетного Комитета по выдаче денег в кредит, удостоверяя их кредитоспособность или наоборот. Был Гласным Городской Думы и Почетным Судьею и состоял Председателем и членом разных общественных и благотворительных Учреждений и клубов. До 1918 г. хотя и принимал участие в Белорусском движении, но таковое тогда не было заметным и реальным. В 1918 г. посвятил всю свою жизнь и всецело отдался для Белорусского движения и начал участвовать в Минском Белорусском Представительстве, был избран членом Рады Белорусской Народной Республики, состоял Казначеем Представительства и Белорусского Детского приюта в Минске; приютом этим некоторое время и заведовал, был избран Казначеем Культурно-Просветительного Общества “Заранка”, состоял учредителем и Председателем Общественного Собрания “Белорусская Хата”. Был приглашен в кабинет Министерства п. Воронки по Беженским делам, но Белорусское Представительство во главе с п. Алексюком на принятие мною должности и Главноуполномоченного не согласилось — и я отказался. В Кабинете п. Скимунта я был назначен Государственным Казначеем; в Кабинет п. Середы. Белорусское Представительство с фракцией Эс-эров и часть социалистов делегировало меня в Народные Секретари (Министры) Белорусской Народной Республики и по постановлению Кабинета Министров п. Середы я нес службу Народного Секретаря (Министра): Торговли и Промышленности, Государственного Контролера и Народного Хозяйства. Был командирован Радою по очень важным политическим и экономическим делам и на ревизию всех Белорусских Организаций на Украине, за что получил от Министерства благодарность. Вышел в отставку в Ноябре месяце 1918 г. из состава Белорусских Министров, по случаю замены Кабинета Социалистом Луцкевичем. В настоящее время по Белорусскому движению СОСТОЮ: членом Рады Белорусской Народной Республики и принадлежу к беспартийной фракции, избран Радою Белорусской Народной Республики и таковым остаюсь — в Экономическую, Финансовую и Контрольную Комиссии, где состою Председателем и Наместником, состою в Совете “Старейших” Белорусской Народной Республики, Товари-

щем Национального Комитета в Минске, Казначеем и Наместником Культурно-Просветительного Белорусского Общества “Заранка” в Минске, Председателем Общественного Собрания “Белорусская Хата” в Минске, Казначеем Белорусского детского приюта бедных детей, Членом Белорусского Национального Комитета, в Гродно и Гродненской Центральной Рады, Председателем Беженского Комитета в Белоруссии в Гродно и Минске, Старшиною Общественного Собрания “Белорусская Хата” в Гродно и Старшиною-Распорядителем и Наместником Белорусского Клуба “Бацькаўшчына” в Гродно; Служу в Войсковой Белорусской Комиссии заведующим хозяйством и Кассовым Отделом Б. В. К.

Всегда считаю себя и весь свой старейший род “Верниковских”, а по матери “Занцевичей” более 300-х лет и таковым остаюсь истинно белорусским и православным»¹¹.

Необходимо заметить, что в дальнейшем, дабы усилить и подчеркнуть свою роль в белорусском движении, Ф. Верниковский и его сторонники начинают относить начало его участия в нем к 1905 г., а это вызывает многие вопросы. Так, в основанном при прямом участии Ф. Верниковского журнале «Светоч Беларусі» («Съветач Беларусі») утверждалось в 1931 г., что он с «1905 г. принимает деятельное участие в белорусско-возрожденческом движении, сталкиваясь с уже действующими Карским, Эпимах-Шипилой, Зайцем, Бурбулисом и др. С этого времени Ф. В. уже не оставляет работы на возрожденческой ниве»¹². Пожалуй, первое точно документированное какое-то участие Верниковского в определенной политической фазе этого движения относится лишь к весне 1917 г., когда в Минске была основана Белорусская народная партия социалистов (БНПС)¹³. Непросто позднее складывались взаимоотношения Верниковского внутри Рады БНР (Белорусской Народной Республики), после того как он стал ее членом. Так, в подготовленной в июне 1918 г. хронике для газет приводилась «“История” с б. Юбилейным домом»: «Вот уже целый месяц, как Рада Б. Н. Р. и Народный Секретариат не могут перейти в отремонтированный б. Юбилейный Дом, приготовленный для Рады и Народного Секретариата. Причиной этого является “поступок” членов Рады из фракции, так называемого “Белорусского Минского Представительства” — г. г. Алексюка, Верниковского и др., которые, как оказалось, сняли в аренду дом не для Рады, а для какого-то ими организованного клуба и ни под каким предлогом не соглашаются “уступить” здания Народному Секретариату. Эта “пи-

кантная”, с точки зрения членов Народного Секретариата, история привела Народный Секретариат к мысли снять помещение для Народного Секретариата самостоятельно при посредстве Германских Властей, которые обещали Народному Секретариату свое полное содействие при отводе помещения»¹⁴.

После переезда в начале 1920-х гг. в Вильно Ф. Верниковский еще более укрепляется в идее, которую В. Пигулевский в своем донесении В. Ластовскому от 11 апреля 1921 г. охарактеризовал так: «автономия белор[усов] на территории, оккупированной Польшей, протекторат Польши над восточной Белоруссией, тесный контакт с Кресовцами, “признание кресовых поляков постоянными белорусскими жителями”»¹⁵. Подобная позиция сразу же сталкивалась с неприятием огромного большинства белорусского общества, и несколько последующих лет для Верниковского и его молодого коллеги и политического лидера полонофильского направления П. Алексюка оказались тяжелым временем своеобразного социального бойкота.

Зимой 1926 г. в Вильно Ф. Верниковский начинает издавать еженедельник «Белорусское слово» («Беларускае слова»), который сразу же включается в полемику с целым рядом белорусских организаций и отдельных белорусских политиков. По сложнейшему польскому вопросу программа еженедельника предлагает такой подход: «В результате военных действий часть белорусской земли оказалась в границах Польского государства. Имея здесь широкую западноевропейскую конституцию, мы признаем польскую государственность. Однако же считаем, что белорусские земли имеют столько индивидуальных особенностей в характере и составе своего населения, а также этнографических и географических, что они должны быть автономными»¹⁶. Первоначально «Белорусское слово» издает и специальное приложение, озаглавленное «Наш Сатырыкон», в котором, в частности, публикуется довольно много достаточно язвительных карикатур и стихотворных пародий на западнобелорусских деятелей. Так, например, в стихотворных строках, помещенных под карикатурным портретом такого выдающегося белорусского политического и церковного деятеля, как сенатор Вячеслав Богданович, непростой жизни которого мы посвятили ряд различных работ¹⁷, сенатор представлен как сомнительный сторонник «белорусского дела» («беларускай справы»)»¹⁸.

Давние разногласия с А. Луцкевичем, несомненно, во многом стали причиной серьезных политических обвинений в его адрес

со стороны Ф. Верниковского, очень масштабно отображенных на страницах «Белорусского слова». Во 2-м его номере за 1926 г. были помещены фотографии документов, «показывающих истинное лицо агента-профессионала — А. Луцкевича», а в 4-м номере еженедельника за тот же год — письмо одного из старых деятелей белорусского движения, который прямо обвинял Луцкевича в том, что в период немецкой оккупации тот работал «в немецкой оффензиве за постоянную оплату», вел «отвратительную и подлую борьбу с п. Ластовским, в результате чего последний решается на самоубийство»¹⁹. Наконец, «А. Луцкевич как немецкий агент» ведет сложную политическую игру с литовской стороной, едет в Париж, где «дает информационный материал французской оффензиве», затем после растраты огромной суммы денег получает «вотум недоверия», но ускользает от назначенной ревизии «и при помощи уже польской дефензивы арестовывает руководителей оппозиции п.п. Гриба, Мамоньку, Бодуну и других»²⁰. Все эти факты, по мнению Ф. Верниковского, делают А. Луцкевича «политическим мертвецом», а опубликованное письмо «является уже осиновым колом» для «этого белорусского Азефа»²¹. Злая стихотворная сатира на А. Луцкевича, к написанию которой так или иначе был причастен Ф. Верниковский, явившийся главным инициатором ее широкой публикации, наглядно иллюстрирует характер многолетних враждебных отношений этих деятелей²².

Употребивший много сил и средств на весеннюю кампанию 1928 г. по выборам в Сенат Второй Речи Посполитой, Ф. Верниковский так характеризовал себя перед избирателями: «По своим убеждениям — националист-белорус и сторонник Запада. Теперь, после выхода из нашей организации А. Павлюкевича, принял на себя руководство политической и культурно-просветительской работой на Виленщине»²³. Выборы Верниковский полностью проиграл, и одновременно с прекращением выпуска его «Белорусского слова» он приступает в марте 1928 г. к изданию в Вильно еженедельника «Гражданин» («Грамадзянін») — «органа независимой демократической мысли». В передовой статье первого номера нового еженедельника Ф. Верниковский призывает белорусское общество к «моральной санации», «национальному единству, культурной и хозяйственной работе на пользу своему Народу и Краю», и в этом подспорьем станет его «Гражданин», «свободный от политиканства и политики в том плохом смысле, как она понимается у нас, — взаимная ругань и шельмование»²⁴.

Более того, Ф. Верниковский как бы признает свои собственные политические грехи в качестве белорусского деятеля и прекращает «дальнейшее издание “Белорусского слова”, которое, так же как и другие белорусские журналы, часто грешило в общем руководстве политикой и принимало участие в общем хоре взаимной белорусской грызни и брани»²⁵. Потому Верниковский и его сподвижники выступают «на гражданскую арену с новым органом под названием “Гражданин”», стоящим «на почве польской государственности», призывающим «своих читателей прежде всего к лояльному и добросовестному исполнению своих гражданских обязанностей как в отношении к Государству, так и к своему многострадальному Народу»²⁶.

Своеобразным политическим покаянием самого Ф. Верниковского, хотя и высказанным анонимно от лица «Старого Белоруса», можно считать слова из статьи «Накануне 10-й годовщины независимости Беларуси», опубликованной в первом номере «Гражданина»: «В 1921, 1922 и 23 годах, когда на политическое руководство “патентованных” белорусов еще никто не претендовал, наше виленское белорусское общество жило одной семьей, сплоченной единым духом национальности, несмотря даже на то, что уже тогда политические мысли двигались в трех направлениях — западном, восточном и литовском. В Общественном Собрании на Бискупяй, 12 рядом с Антоном Луцкевичем, Тарашкевичем, Рак-Михайловским, Смоличем, Терещенко, Прокулевичем и другими можно было тогда видеть и ксендза Станкевича, и Алексюка, Яремича и Верниковского, и Кохановича, и Алехновича и Л. Родзевича, и Жилку и множество других, кого судьба забрасывала в нашу Вильню, где они всегда находили в своей белорусской семье и гостеприимность и поддержку. Это было тогда, до 1924 г. Последнее торжественное, общее, дружное празднование годовщины независимости Беларуси состоялось в 1923 г. в том же Общественном Собрании, организованное под грифом Посольского Клуба послом Яремичем и Руководством Общественного собрания. Это была лебединая песня репрезентации единодушия, силы и сплоченности нашей возродившейся интеллигенции. С 1924 года уже начались отдельные споры и ругань некоторых деятелей в борьбе за руководство. Эти споры с каждым годом все увеличивались, втягивали все больше и больше людей, пока наконец в 1926–7 годах, как с прорвавшейся плотины в паводок, — не залили всю нашу белорусскую прессу руганью, грызнней, грязью и разными инсинуациями. Стало невы-

носимо. Не выдержать. Не щадили ни возраст, ни заслуги перед Отечеством, ни должности, ни тех, кто за Отечество страдает в тюрьмах, ни выражений, ни терминов. А в деревнях крестьяне хватались за голову и на подошедших выборах в Сейм не знали, что делать. Некоторые плакали. И как результат всего — вместо 20–30 послов в Сейм попало только 9. И это в то самое время, когда самосознание деревни дошло почти что до нормы... Но выборы прошли... Может, уже страсти поостыли. Пусть те, кто прошел в Сейм и Сенат, успокоятся на своих посольских лаврах. Пусть же наша интеллигенция оглянется на пройденное и грустно покачает головой. Пусть же она теперь опомнится и влияет в будущем на своих руководителей. А приближающаяся 10-я годовщина Независимости Беларуси при своем праздновании пусть остановит наконец вредную, никому не нужную братоубийственную грызню и как когда-то — объединит всех, независимо от партий и политических направлений, в единую, сильную национальным духом семью! Отзовись, интеллигенция! Оздоровляй душную атмосферу и исполняй свои обязанности! «Гражданин» зовет, а деревня ждет...»²⁷

Финансовые и иные обстоятельства явились причиной закрытия «Гражданина», последний номер которого вышел 30 апреля 1929 г., всего лишь через год после выпуска первого. Ф. Верниковский все чаще ощущал маргинализацию своего общественного положения; сделанные ранее многочисленные политические ошибки, жесткие выпады против многих участников белорусского движения, недавние настоящие войны, объявленные некоторым из них, почти исключали не только примирение, но хотя бы временное перемирие. Обвинение в том, что «наше общество занималось только политиканством и взаимной грызней, пока не очутилось перед разбитым корытом»²⁸, полностью относится к самому Ф. Верниковскому и его соратникам. Более того, и на ниве собственно культурной деятельности, которую провозглашал «Гражданин», объединение с иными белорусскими организациями оказалось невозможным: «Даже на культурно-просветительском поприще мы не могли обойтись без взаимной ненависти. Три культурно-просветительских общества — Товарищество Белорусской Школы, Институт Хозяйства и Культуры и Т[оварищес]тво «Прасвета», — соответствующие как раз трем главным политическим направлениям в белорусском обществе и находящиеся под влиянием соответствующих политических начал, также принимают участие во взаимной грызне во вред бедной белорусской культуре и Народу. И если только это состоя-

ние дел не остановится, если белорусское общество не вылечится от партийно-политической отравы, то мы потеряем и остатки того, что имеем теперь. С нами совсем перестанут считаться как с народом, способным на творческий труд»²⁹.

Основанное еще в 1924 г. белорусское культурно-просветительское общество «Прасвета» («Просвещение»), где Ф. Верниковский играл одну из главных ролей, собирает в начале 1930 г. специальную, правда, весьма и весьма малочисленную, конференцию, на которой организуется общественный Центральный белорусский православный комитет (ЦБПК), призванный способствовать белорусизации православной церкви. Ф. Верниковский явился в этом, в общем-то весьма скромном по результатам деятельности, Комитете очень заметной фигурой, его председателем, всячески восхваляемым соратниками. Так, печатный орган Комитета «Светоч Беларуси», начавший выходить весной 1930 г., посвящает Верниковскому несколько особых материалов, в том числе целиком специальный третий номер за 1931 г. Подробных обобщающих работ о процессе белорусизации православной церкви во Второй Речи Посполитой, а тем более о деятельности ЦБПК, к сожалению, не существует, и даже весьма краткие содержат немало путаницы и неточностей³⁰. Впрочем, практически во всех из них общий вывод о малой результативности ЦБПК однозначен. При этом стоит помнить, что в направлении белорусизации православной церкви на тот период подвизалось еще несколько иных белорусских общественных организаций, оказавшихся в данной социально-религиозной сфере довольно жесткими идейно-политическими конкурентами ЦБПК. Еще не начав какую-либо деятельность и даже не организовавшись формально, Комитет сразу же вступил в конфронтацию с местной православной иерархией, консисторией и многими клириками, вскоре переросшую в настоящую жестокую словесную войну с множеством обвинений и действий с обеих сторон. Так, в июне 1930 г. секретарь ЦБПК С. Сорока, взгляды которого полностью разделяли все члены Комитета, в широко распространенной печатной анонимной листовке «Прочь с лихазельем. Ответ консисторско-нашажизневской черной сотне» («Проч з ліхазельем! Адказ для кансысторска-нашажизненскай чорнай сотні») констатировал: «В последнее время наконец проявилось истинное лицо тех, кто стоит во главе Православной Церкви в Беларуси, кто должен укреплять ее, быть духовным поводырем народу и быть примером христианской жизни и морали. Отцы духовные, засевающие в Виленской Духовной

Консistorии, с архиепископом во главе... повели акцию против белорусизации Церкви». В той же листовке С. Сорока призывал: «Мы не испугаемся ради блага Нашей Родины, ради блага Православной Церкви на Беларуси выступить открыто против... Мы скажем смело и открыто, без всяких запинок и заминок (как делает сегодня “Светоч Беларуси”), что Церковь на Беларуси должна быть белорусской... Пусть каждый и везде кричит: “Мы хотим иметь свою Белорусскую Церковь! Мы хотим быть людьми!”»

Естественно, подобная и весьма неожиданная активность в отношении православной церкви группы лиц, которые до той поры занимались почти исключительно политическими и внутривнутриполитическими светскими белорусскими проблемами, вызвала немало критических откликов со стороны не только религиозных деятелей всех рангов, но и многих светских. ЦБПК по существу выступил единым, хотя очень и очень немногочисленным, если не сказать малозаметным, фронтом в период очень сложного положения православной церкви во Второй Речи Посполитой и своими действиями явно не способствовал хрупкому церковному равновесию, постоянно попираемому со стороны государственных властей. Все программные документы и решения ЦБПК подготавливались небольшой группой, состоящей из его председателя Ф. Верниковского, вице-председателя В. Бильдюкевича и секретаря С. Сороки, для которых это стало новой формой общественно-политической деятельности с попыткой привлечения на свою сторону не только представителей польского государственного руководства, но и православного митрополита Дионисия. В известном смысле это была последняя собственная попытка Ф. Верниковского выступить на широкой общественной арене, которая оказалась неудачной и малозаметной, к тому же болезненно затрагивающей сложнейшие и порой неразрешимые не только для тогдашнего белорусского общества межвоенной Польши вероисповедные проблемы³¹.

Постоянные политические неудачи, обвинения с разных сторон в предательстве и полонофильстве приводили Ф. Верниковского к необходимости оправдываться даже перед своими ближайшими сподвижниками. Он признавался С. Сороке:

«Не верь, братец, тому, что я запродаюся недоброжелателям нашего Народа! Люди... врут, ибо за это берут деньги, а я от врага денег не брал и не буду брать. Если же я, братец, сблизился с поляками, то чтобы таким образом помочь своему Народу... Я же со своим “полонофильством” ни перед кем не скрываюсь, может, я это

нехорошо делаю, однако каждый по-своему понимает дело и способности помощи Народу. И наконец, почему же никто мне не протянул руки, чтобы идти другой дорогой, а только каждый ругал и травил меня? Ты вот... слушаешь всех тех, что меня ругают, и смотришь на меня как на некоего провокатора. А ты присмотрелся ли к тем, кто, истинное свое обличье прикрыв белорусскостью и ругая меня, народ наш продают воистину за иудины сребреники. Я никому еще жизнь не сломал, я всегда был для белоруса защитником, а у них на совести много жертв, и никто этого не видит и считает их хорошими людьми. Про свой путь я говорю открыто, и если вижу, что он не хороший и не дает мне возможности помочь народу или я найду другой, лучший путь, то я всегда его сменяю, ибо меня с ним ничего не связывает. Меня хоть и ругают, но если случается с кем беда, так сразу ко мне летят, и я никому и никогда в своей помощи не отказывал. Правда, меня и мое имя часто и много кто провоцировал и использовал, да что ж я могу поделаться, не было у меня заступников, никто меня не хотел понять. Тут, братец, пусть себе люди меня ругают. На то они цуцики, когда-то, может, кто и поймет мою работу, а не поймет — тоже хорошо. Я перед своей совестью чист и никакого осуждения не боюсь. Вот если бы кто мог заглянуть мне в душу, то наверняка увидел бы, как на самом деле выглядит дядька и о чем он мечтает. Я что, я, наверное, слабый и не смог идти напролом, но уж меня таким воспитали, и в конце концов я уже старый, братец»³².

Почти заглохшую к 1933 г. деятельность ЦБПК попытался продолжить В. Бильдюкевич, взявший на себя и основную заботу по возобновлению в 1936 г. выпуска переставшего выходить «Светоча Беларуси». Впрочем, на этот раз в предпринятой попытке Ф. Верниковскому отводилась лишь сугубо почетная роль старого заслуженного деятеля, который своим присутствием и исконной прочной связью с православием имиджево поддерживал данное начинание. В самом последнем из всех вышедших в свет номеров журнала «Светоч Беларуси» (10-м), приуроченном к празднованию 75-летия со дня рождения Ф. Верниковского (24 ноября 1936 г.), который «от 14 марта 1930 г. и по сей день является председателем Президиума Центрального Белорусского Православного Комитета в Вильно, целью которого есть сближение духовенства и народа и углубление религиозного самосознания этого последнего», делается масштабная попытка представить всю его жизнь как целостное служение православной церкви³³. При этом приводятся сведения о тесных

связях Ф. Верниковского не только с его родственником епископом Климентом (К. Верниковским), но и с митрополитом Антонием (Храповицким) и Мельхиседеком (Паевским), а также другими видными православными деятелями. Примечательно, что в подобной биограмме Ф. Верниковского, опубликованной в том же журнале в 1931 г. к его семидесятилетию, нет и намека на подобные факты из жизни председателя ЦБПК³⁴. Потому кажутся совсем не случайными слова из последнего номера «Светоча Беларуси» о Ф. Верниковском — председателе ЦБПК:

«Не может здесь быть речи об использовании Церкви в политических целях. Ф. Верниковский был и есть человек православный и на такой нечестный путь никогда не пошел бы, и вообще никогда не пойдет. Ф. Верниковский, который всегда жил в атмосфере искренней привязанности к Церкви, стремился всегда к одному — содействовать в меру своих сил и возможностей укреплению Церкви. Национальное чувство Ф. Верниковского этим стремлениям не противоречило. Наоборот, Ф. Верниковский правильно понимал — а это подтверждается и сегодня, — что кровно связанные с собой Церковь и Народ является такой стихией, которую «не одолеют и адовы врата». Церковь и Народ — вот те импульсы, что вынудили Ф. Верниковского, человека уже очень немолодого, отдать свои силы и энергию работе Центр[ального] Бел[орусского] Прав[ославного] Комитета»³⁵.

Реанимация деятельности ЦБПК В. Бильдюкевичем в 1936 г. столкнулась со многими трудностями, политическими, финансовыми, кадровыми. С. Сорока, ставший к тому моменту одним из лидеров молодых белорусских националистов, объединенных обществом «Белорусское Националистическое Товарищество» («Беларуская Нацыяналістычная Сябрына»), все более сближался с Ф. Акинчицем и его Белорусской Национал-Социалистической Партией (БНСП). Даже в редакцию «Светоча Беларуси» в 1936 г. пришлось взять одного немолодого римо-католика, Б. Курчевского. А 14 июля 1938 г. умер и сам председатель ЦБПК — Федор Верниковский, похороненный в Вильно на Спасо-Евфросиньевском кладбище.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Michaluk D.* «Jestem przyjacielem Białorusinów...» — raporty wywiadowcze Romualda Ziemkiewicza do II Oddziału Sztabu Generalnego

WP z lat 1922–1923 // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2006. № 25. S. 209–258; № 26. S. 236–280.

2 *Стэх В.* Знойдзена магіла Тодара Вярнікоўскага // Беларус. 2011. № 580. С. 11.

3 *Сідарэвіч А. М.* Вярнікоўскі Фёдар (Тодар) Міхайлавіч // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Мінск, 1994. Т. 2. С. 247.

4 *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Верниковский Федор Михайлович // Православная энциклопедия. Москва, 2004. Т. 7. С. 719.

5 *Горный А.* Слово о Федоре Верниковском // Гродненские епархиальные ведомости. 2011. № 9. С. 16.

6 *Krótki zarys zagadnienia białoruskiego.* Warszawa, 1928. (Мы пользуемся копией этого документа, находящейся в нашем архиве.) Этот документ был подготовлен и даже размножен в ограниченном числе экземпляров в 1928 г. в Варшаве Вторым отделом Генерального штаба Польши, польской военной разведкой, носившей обиходное название Экспозитура (Ekspozitura). Любопытно, что в 1980-е — начале 1990-х гг. он был издан белорусами Польши в переводе на белорусский язык, но это почему-то осталось неизвестным современным публикаторам данного объемного документа А. Пашкевичу, А. Вашкевичу и А. Чернекевичу. См.: *Arche.* 2007. № 11. С. 93–421; *Кароткі нарыс беларускага пытання.* Мінск, 2009.

7 *Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. Rankraščių skyrius.* F-21, vnt. 723, lap. 1. Цитаты из этого архивного документа приведены в современной орфографии.

8 Там же. Lap. 1.

9 Там же. Lap. 1–2.

10 Там же. Lap. 2.

11 Там же. Lap. 2–3.

12 *Съветач Беларусі.* 1931. № 3. С. 4.

13 *Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі.* Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага, 1998. Т. 1. Кн. 1. С. 5.

14 Там же. С. 189.

15 *Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі.* Т. 1. Кн. 2. С. 1079.

16 *Наша праграма* // Беларускае слова. 1926. № 1. С. 1.

17 *Лабынцев Ю. А.* Белорусско-русская идея во II Речи Посполитой: Церковная, политическая и литературная деятельность сенатора В. Богдановича // *Поляки и русские в глазах друг друга.* Москва, 2000. С. 252–263; *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Литературные труды ректора Литовской духовной семинарии Вячеслава Богдановича // *Vilniaus kultūrinis gyvenimas: dvasininkų vaidmuo 1900–1945.* Vilnius, 2006.

S. 115–133; *Они же*. Беларуский сенатор, литератор, издатель Вячеслав Богданович — современник Янки Купалы и Якуба Коласа // Янка Купала і Якуб Колас у сістэме дзяржаўна-культурных і духоўна-эстэтычных прыярытэтаў XXI стагоддзя. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 26–27 верасня 2007 г.). Мінск, 2007. С. 202–207; и др.

18 Наш Сатырыкон. № 1 // Беларускаяе слова. 1926. № 1. С. 4.

19 Новы дакумэнт аб А. Луцкевічу // Беларускаяе слова. 1926. № 4. С. 3.

20 Там же.

21 Ад рэдакцыі // Беларускаяе слова. 1926. № 4. С. 3.

22 Наш Сатырыкон. № 4 // Беларускаяе слова. 1926. № 4. С. 4.

23 Тодар Вернікоўскі // Беларускаяе слова. 1928. № 5. С. 2.

24 Новы шлях // Грамадзянін. 1928. № 1. С. 2.

25 Там же.

26 Там же.

27 *Стары Беларус*. На напярэдня 10-х угодкаў Незалежнасці Беларусі // Грамадзянін. 1928. № 1. С. 3–4.

28 Новы шлях // Грамадзянін. 1928. № 1. С. 1.

29 Там же.

30 См., например: *Давідзюк М.* Справа беларусізацыі Праваслаўнай царквы у светле палітыкі польскіх дзяржаўных улад 1919–1939 // Беларускі каляндар на 1990 г. Беласток, 1989. С. 67–92; *Papierzyńska-Turek M.* Między tradycją a rzeczywistością: Państwo wobec prawosławia. 1918–1939. Warszawa, 1989. S. 222–228.

31 См., например: *Виталий Железнякович, священник.* Открытое письмо братьям пастырям Виленской, Гродненской и Полесской епархий // Воскресное чтение. 1930. № 30. С. 472.

32 *Сарока С.* Успаміны // Съветач Беларусі. 1931. № 3 (6). С. 5–7.

33 *Малевіч А.* Тодар Вернікоўскі // Съветач Беларусі. 1936. № 2 (10). С. 5–7.

34 *Б. Вас.* Тодар Вернікоўскі // Съветач Беларусі. 1931. № 3 (6). С. 3–4.

35 *Малевіч А.* Тодар Вернікоўскі. С. 7.

J. A. Labyncev, L. L. Ščavinskaja

F. M. Vernikovski — leader of the Belarusian national movement
in interwar Poland

The article is devoted to one of the leaders of the Belarusian national movement Fyodor Vernikovski, which up to the present time little is known. Overall, more or less detailed evaluation of his deeds, which gave close associates Vernikovski and partly he, formed the basis of our article. In preparing this publication, we also used various other documentary sources related to Vernikovsky and its immediate environment in different years.

Key words: Belarusian national movement, Fyodor Vernikovski, Orthodox Church, II Rzeczpospolita.

О. Г. Казак
(Минск)

Русинский вопрос в оценках прешовской газеты «Словацкая свобода» (1939–1944 гг.)

В статье анализируется освещение положения русинов Словакии и Венгрии в период Второй мировой войны на страницах прешовской газеты «Словацкая свобода». Данное издание рассматривается как один из действенных инструментов национальной политики властей Словакии в северо-восточной части страны.

Ключевые слова: *Словакия, русины, греко-католики, «Словацкая свобода», общественное мнение.*

В период Второй мировой войны отношения между Венгрией и Словакией, получившей независимость в марте 1939 г., оставались крайне напряженными. Обе стороны использовали факт нечеткой национальной самоидентификации славянского населения южных склонов Карпат в качестве обоснования своих территориальных претензий. Власти Венгрии, добившись поэтапного включения в свой состав Подкарпатской Руси (ноябрь 1938 г., март 1939 г.), различными средствами поддерживали в общественном сознании мысль о необходимости «воссоединения с русинскими братьями» северо-востока Словакии. Так, известный общественный деятель региона И. В. Каминский уже в первые месяцы нового режима в одной из своих аналитических статей призывал венгерские власти «прийти на помощь около 200 тысячам русинов, которые все еще томятся под жестоким ярмом шовинистической Словакии»¹. Влиятельный политик Подкарпатской Руси А. И. Бродий был включен в состав венгерской делегации для переговоров со Словакией об установлении границы. В ходе обсуждений данного вопроса Бродий указывал на необходимость присоединения к Венгрии «русинских территорий» до Попрада. Этот проект, однако, не был реализован². Еще один лидер русофильского лагеря — С. А. Фенцик — 28 ноября 1940 г. с трибуны венгерского парламента демагогически заявлял, что «карпаторосы в Венгрии имели на 600% больше прав, чем в Словакии», и также призывал к «воссоединению» русинов в рамках венгерского государства³. Статьи о «ждущих освобождения» русинах Словакии периодически появлялись в прессе Подкарпатской Руси⁴.

Естественно, в такой ситуации словацкая сторона была вынуждена принимать ответные меры, освещая русинский вопрос в выгодном для себя свете. Одним из инструментов такой практики стала прешовская газета «Словацкая свобода» («Slovenská sloboda»), выходящая ежедневно (кроме понедельника) в период 1938–1944 гг. под редакцией Й. Г. Брезы⁵.

Важной задачей авторов «Словацкой свободы» стала дискредитация политики венгерских властей в русинском вопросе. В одной из статей предлагалась следующая характеристика положения восточнославянского населения Подкарпатской Руси: «Русинская политика не приготовила никакой почвы для сотрудничества русинов и венгров. Народ не дал себя обмануть русинским политическим спекулянтам и на каждое начинание отвечал пассивным сопротивлением». Другой пассаж анонимного автора этой статьи свидетельствует о его хорошем понимании тонкостей общественно-политического ландшафта Подкарпатской Руси: «Своей оппозиционностью Бродий давно стал невыгодным партнером для правительства, но он ранее оказал венгерским политикам слишком большую услугу, чтобы быть загнанным в политическое подполье»⁶. Действительно, один из лидеров русофильского крыла интеллигенции Подкарпатской Руси последовательно добивался включения региона в состав Венгрии, но затем активно критиковал венгерские власти за пропаганду в среде местного населения локальной русинской формы идентичности. Обвинениям автора другой заметки прешовского издания подвергся мукачевский греко-католический епископ А. Стойка. Его рождественская речь в Ужгороде характеризовалась как «аргументация ревизионистской венгерской пропаганды». При этом отмечалось, что Стойка, провозглашавший идеи верности всех русинов венгерской государственности, еще в недалеком прошлом выражал полную лояльность чехословацкому режиму и «уничижал все венгерское»⁷. Вообще же политики Подкарпатской Руси авторами «Словацкой свободы» изображались крайне беспринципными людьми, готовыми ловко изменять свои политические и национально-культурные пристрастия в зависимости от текущей конъюнктуры. Например, депутат нижней палаты парламента Ю. Фельдеши обвинялся в слепом служении интересам Венгрии. Однако, по мнению автора газетной статьи, политик при этом «симулировал русинизм», пытаясь завоевать симпатии местного населения⁸.

На страницах «Словацкой свободы» освещалось и положение русинского населения непосредственно в северо-восточной Слова-

кии. При анализе статей издания можно проследить основные векторы политики словацких властей в русинском вопросе, которые довольно точно описал в своей аналитической записке министру иностранных дел Венгрии И. Чаки сотрудник Венгерской дипломатической миссии в Братиславе: «В традиционном для словацкого национализма духе утверждается, что восточнословацкие греко-католики русского обряда являются частью словацкого народа, так как словацкий язык является для них родным, а русинский дух пропагандируют только выпускники духовных семинарий. Они пытаются заставить население идентифицировать себя с русинами... Кроме этого спорного этнического элемента говорят о незначительном русинском меньшинстве, которое, по мнению властей, живет только в деревнях в окрестностях Медзилаборце и имеет все необходимые национальные права»⁹.

Действительно, значительная часть статей в «Словацкой свободе» была посвящена разоблачению ошибочного, по утверждению официальной Братиславы, тезиса «каждый греко-католик является русином». Всплеск публикаций подобного характера наблюдался накануне переписи населения в декабре 1940 г., когда несколько греко-католических священников были на короткое время интернированы за «прорусинскую агитацию»¹⁰. Например, 6 декабря 1940 г. в газете было опубликовано обращение Комиссии просвещения в Прешове, содержавшее следующий призыв: «Жители Шариша и Земплина! Не забывайте, что вы словаки! Почему? Потому что язык, на котором вы говорите, — словацкий! Потому что вы поете словацкие песни. Потому что детей вы учите словацкому языку! И если некоторые из вас являются греко-католиками и говорят на словацком языке, они словаки точно так же, как и римо-католики и евангелики словацкого происхождения! Потому что религия и язык — это разные вещи!»¹¹ Автор другой статьи считал, что отождествление религии и национальности является орудием венгерской ирреденты: «Словакам на основе религии не может быть навязана русинская национальность... Это только приманка, на которую должны попасться честные словаки восточного обряда. Настоящих греко-католиков такая ситуация оскорбляет, ибо они не понимают, как может кто-то осмелиться такое утверждать и прививать словакам на почве религии русинскую национальность... Знаем, что это замышляют “фенциковцы”. Их девиз — “русины от Тисы до Попрада”. А что за этим девизом? Святостефанская идея»¹². На страницах «Словацкой свободы» освещалась также пропагандистская поездка министра

внутренних дел Словакии А. Маха по восточным регионам страны накануне переписи населения. В одном из номеров приводился отрывок из его выступления, в котором в очередной раз подчеркивалась ошибочность представления о греко-католиках Словакии исключительно как о русинах, а вина за пропаганду подобных утверждений возлагалась на отдельных представителей духовенства: «Вопрос идентификации не может решаться греко-католическим священником, который дома говорит по-венгерски и хочет, чтобы каждый его верующий, который не считает себя венгром, называл себя русином»¹³. Атмосфера визита А. Маха далеко не всегда была столь благоприятная, как это изображалось официальной прессой. Интересная информация о выступлении министра в Медзилаборце содержится в уже упомянутой аналитической записке сотрудника Венгерской дипломатической миссии в Братиславе: «Когда Мах назвал население словаками, начались крики. Люди кричали: “Мы русины”. Дальнейшая речь Маха была встречена тишиной, некоторые даже бросали камни в его автомобиль»¹⁴.

Авторы «Словацкой свободы» постоянно подчеркивали добрососедские отношения между русинами и словаками, заботу официальной Братиславы о национальных меньшинствах. При этом использование русинского вопроса в политических целях объявлялось вредным для государства, сама политическая деятельность позиционировалась как чуждая традициям и природе восточнославянского населения страны: «Русинской проблемы в Шаришско-Земплинской жупе нет. Добрый русинский народ живет с шарийскими и земплинскими словаками в наилучшем братском согласии, находится с ним в самых добросердечных взаимоотношениях. Это отношения искреннего доверия, уважения и взаимной приязни, которые существуют между государственным аппаратом, партией, гвардией и русинским народом. Некоторые запутавшиеся интеллигенты смущают народ и вместо того, чтобы заботиться об улучшении его положения в хозяйственной, культурной и социальной отраслях, занимаются внутренней и внешней политикой. Эти запутавшиеся люди злоупотребляют политикой и используют спокойный и добросердечный народ в своих ложных целях. Все они — генералы без солдат. Русинский народ живет в спокойствии и преданности Словакии»¹⁵.

«Словацкая свобода» широко освещала различные акции, которые были задуманы как демонстрация сотрудничества русинов и словаков. В качестве примера можно привести заметку о начале еженедельного выпуска радиостанцией Прешова русинской передачи.

Этот факт позиционировался как «успешное продолжение русинско-словацкого сотрудничества на востоке государства»¹⁶. Издание поместило большую статью о праздновании масленицы в Медзилаборце, на котором присутствовали жупан Шаришско-Земплинской жупы А. Дудаш, депутаты парламента, активисты общественных организаций. Дудаш выступил с речью «об основании словацкого государства и словацкого национал-социализма», отметив, что «на этой платформе словаков должен быть в союзе с русинским братом»¹⁷.

Для формирования образа «братства словаков и русинов» осуществлялась попытка включения «русинских национальных героев» в общесловацкий «пантеон». Показательной в этом плане является статья депутата парламента Словакии М. Бонько о личности А. И. Добрянского. Бонько отмечал, что знаменитый «русинский будитель» « всю жизнь боролся за права не только русинов, но и словацкого народа»; автор статьи подчеркивал контакты Добрянского с деятелями словацкого национального возрождения, участие в основании «Матицы Словацкой». Бонько указывал на близость фигур Добрянского и А. Глинки, «который также всю жизнь работал на благо словацкой нации». Венчал статью типичный вывод в духе «русинско-словацкого взаимопонимания»: «Нас, русинов на востоке Словакии, не тянет никакая тоска ни на юг, ни на север, мы счастливы, что исполнился идеал Добрянского и мы можем совместно жить в свободном государстве той нации, за которую боролся еще Добрянский. Все попытки отделить русинов от словаков, вбить между нами клин недоверия и несогласия всегда заканчивались провалом. Когда нашлись несколько последователей подобных идей из числа интеллигенции, нация сама их осудила; никто и никогда не хотел иметь с ними ничего общего. Мы смотрим в будущее с наилучшими надеждами, ибо личность нашего президента Й. Тисо является для нас гарантией, что мы, русины, будем иметь возможность культурного и хозяйственного развития, что нас будут рассматривать как элемент, способный начать быструю созидательную работу на благо государства и светлого будущего Словакии»¹⁸. Символом сближения словаков и русинов должно было стать посещение Тисо могилы Добрянского в селе Чертежное¹⁹.

Таким образом, прешовская газета «Словацкая свобода» стала одним из действенных инструментов формирования выгодного для официальной Братиславы общественного мнения в русинском вопросе. Авторы издания пытались доказать, что абсолютное большинство греко-католического населения востока страны являлось

словаками, а не русинами. Крайне малочисленный, по мнению сотрудников «Словацкой свободы», русинский этнический элемент изображался в качестве дружественного словакам народа, верного идеям словацкой государственности. Власти соседней Венгрии обвинялись в попытках «разыграть русинскую карту», то есть навязать населению Восточной Словакии ложное видение русинской проблемы. Столь стереотипная картина, безусловно, не раскрывала всей сложности русинского вопроса в Словакии и Венгрии в период Второй мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Kaminszky József felsőházi tag a ruszin önkorm (Budapest, 1939) // *Iratok a Kárpátaljai Magyarság Történetéhez, 1918–1944. Törvények, rendeletek, kisebbségi programok, nyilatkozatok.* Budapest, 2001. 563 old.

2 *Brenzovics L. Nemzetiségi politika a visszacsatolt Kárpátalján (1939–1944).* Ungvár, 2010. 62 old.

3 *Képviselőházi napló (1940. november 20 — 1940. december 3).* Budapest, 1941. VIII. kötet. 1024 old.

4 Безотрадное положение русского народа в Словакии // Русское слово. 1940. 27 ноября. С. 2; На Пряшевской Руси // Русское слово. 1940. 4 декабря. С. 1; Голгофа русинов в Словакии // Русское слово. 1941. 5 января. С. 7.

5 *Džujko J. Noviny a časopisy HSLŠ vychádzajúce na východnom Slovensku v rokoch 1918–1938 // 2. študentská vedecká konferencia, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.* Prešov, 2006. S. 234.

6 *Spoločnými silami za právo a spravodlivosť // Slovenská sloboda.* 1940. 28. apríla. S. 2.

7 *Hutka M. Quo vadis, pán biskup Stojka? // Slovenská sloboda.* 1940. 9. januára. S. 4.

8 *Fedorinko-Foldesi v Užhorode — veľký Madár // Slovenská sloboda.* 1940. 6 marca. S. 2.

9 *Magyar Országos Levéltár (MOL).* F. K. 63. Cs. 458. Tetel 65.4. 90 old.

10 *Letz R. Postavenie gréckokatolíkov slovenskej národnosti v rokoch 1918–1950 // Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy od obrodzenia po súčasnosť.* Bratislava, 2000. S. 114.

11 *Odpoveď rozvratníkom. Slovo Slovákom-gréckokatolíkom // Slovenská sloboda.* 1940. 6. decembra. S. 2.

- 12 Slováci-gréckokatolíci vedia svoju povinnosť // Slovenská sloboda. 1940. 13. decembra. S. 2.
- 13 Minister Mach o chystanom sčítaní ľudu: Nedovolíme využívať ľudu na znepokojovanie a rozoštvávanie verejnosti // Slovenská sloboda. 1940. 10. novembra. S. 2.
- 14 MOL. Op. cit. 91 old.
- 15 Strana reprezentuje národ // Slovenská sloboda. 1942. 22. februára. S. 3.
- 16 Rusínske vysielanie z Prešova // Slovenská sloboda. 1941. 25. februára. S. 1.
- 17 Fašiangový večerok Rusínov v Medzilaborciach // Slovenská sloboda. 1941. 4. marca. S. 2.
- 18 *Boňko M.* Spolupráca Rusínov // Slovenská sloboda. 1942. 17. júna. S. 1.
- 19 *Konečný S.* Rusíni / Ukrajinci ako fenomén slovenskej politiky // Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy... S. 141.

O. G. Kazak

Rusyn issue by estimate of the Prešov newspaper «Slovak liberty»
(1939–1944)

The article analyzes the position of the Rusyn community in Slovakia and Hungary during World War II covered by the Prešov newspaper «Slovak liberty». This paper is considered as one of the effective tools of national policy exercised by the Slovak authorities in the north-eastern part of the country.

Key words: *Slovakia, Rusyn, Greek-Catholics, «Slovak liberty», public opinion.*

Т. А. Покивайлова, А. С. Стыкалин
(Москва)

Из истории советско-румынских отношений в эпоху социализма

Вниманию читателя предлагаются заметки на полях монографического исследования румынского автора, посвященного истории взаимоотношений СССР и Румынии начиная от прихода к руководству своих партий Л. И. Брежнева и Н. Чаушеску в 1964–1965 гг. и кончая декабрьской революцией 1989 г. в Румынии.

Ключевые слова: *Советский Союз, Румыния, Н. Чаушеску, Л. И. Брежнев, М. С. Горбачев, перестройка, 1989 год в Восточной Европе.*

Румынский историк профессор Василе Буга, чья недавняя монография привлекла наше внимание¹, совмещает в себе исследователя и свидетеля описываемых в его книге событий. Около четверти века, вплоть до конца 1989 г., работая в качестве референта в аппарате ЦК Румынской компартии, он выступал в роли переводчика в ходе официальных и неофициальных бесед Н. Чаушеску с советскими лидерами, сопровождал его в поездках по СССР. Позже, после падения коммунистического режима в Румынии, В. Буга находился на дипломатической работе в Москве и Праге в качестве советника-посланника, одна из его неоспоримых заслуг состоит в возобновлении работы совместной советско-румынской комиссии историков в 1992 г. уже в новом качестве — российско-румынской комиссии, одним из руководителей которой (зампредом с румынской стороны) он является по сегодняшний день. Ценные личные свидетельства, несомненно, обогатили труды известного историка, уже долгие годы возглавляющего центр по изучению России и СССР в одном из румынских академических институтов, однако не заменили, конечно же, обращения к архивным документам. Вышедшие на румынском языке монографии и фундаментальные документальные публикации В. Буги «Закат империи. СССР в эпоху Горбачева. 1985–1991» (Бухарест, 2007); «Холодное лето в советско-румынских отношениях. Переговоры в Москве в июле 1964 г.» (Бухарест, 2012), «Г. Георгиу-Деж и Сталин. 1944–1952». Бухарест, 2012 (в соавторстве с Д. Кэтэнушем), а также коллективные труды

под его редакцией (например, «Власть и общество. Коммунистический лагерь под знаком десталинизации. 1956 г.». Бухарест, 2006) основаны на глубоком знании историографии, но прежде всего на тщательной проработке материалов румынских и российских архивов (в первую очередь партийной и дипломатической документации).

В центре внимания вышеупомянутой монографии В. Буги — сложный и неоднозначный по содержанию период в истории советско-румынских отношений с 1965 по 1989 гг., приходящийся на время правления в Румынии Н. Чаушеску. Ничуть не идеализируя Чаушеску как политика, Буга вместе с тем не склонен к весьма широко распространенным как в Румынии, так и особенно за ее пределами эмоциональным характеристикам этого экстравагантного коммунистического лидера, навешиванию ярлыков, обвинениям в сталинизме, природной русофобии и т. д. По мнению автора, он прежде всего был национально ориентированным политиком, пытавшимся отстаивать в отношениях с СССР принципы равноправия и национального суверенитета, так, как он их понимал, и совершавшим при этом немалые ошибки (Р. 405).

Истоки дистанцирования социалистической Румынии от Москвы восходят, согласно В. Буге, к первым годам после смерти Сталина. Важным фактором, повлиявшим на формирование более самостоятельного внешнеполитического курса румынского руководства, стало сделанное в дни драматических венгерских событий осени 1956 г. программное заявление Советского правительства от 30 октября, которое провозгласило, по крайней мере формально, принципы новых отношений между СССР и странами, находившимися в его сфере влияния (в первую очередь принцип большего равноправия). Известно, что Г. Георгиу-Деж оказался среди тех коммунистических лидеров сталинской формации, которым удалось удержаться у власти и после XX съезда КПСС. При этом важно заметить, что он с опасениями воспринял решения съезда, а тем более события осени 1956 г. в соседней Венгрии и принял меры по ограждению Румынии от веяний извне, способных ослабить коммунистическое правление. Изменения курса не ограничились, таким образом, внешней политикой. В. Буга по сути признаёт, что боязнь потери коммунистами власти, что фактически произошло в октябре 1956 г. в Венгрии, вела к определенной автономии и во внутренней политике румынского руководства, созданию некоторых преград на пути советского влияния (Р. 17), а также к отказу от следования по пути реформ. Вместе с

тем бурная осень 1956 г. подтвердила прочность коммунистической власти в Румынии, что дало основания Москве уже в 1958 г. санкционировать вывод советских войск из этой страны. Прекращение советского военного присутствия в свою очередь стало новым фактором, ускорившим формирование более независимой внешнеполитической линии.

В. Буга показывает, что первые признаки напряженности в отношениях между руководителями КПСС и Румынской компартии (до 1965 г. Румынской рабочей партии) проявились уже в 1962 г., а в ходе краткосрочной июньской 1963 г. поездки Н. С. Хрущева в Бухарест обозначились еще сильнее. Во время встреч и бесед с представителями румынской компартии и правительства первый секретарь ЦК КПСС подчас вел себя грубо и бесцеремонно, что не могло не вызвать негативную реакцию его собеседников. Это заметили и соратники Хрущева, подвергнутого критике на пленуме ЦК КПСС в октябре 1964 г. при отстранении в том числе за неумение правильно выстраивать отношения с лидерами «братских» партий социалистических стран, что особенно проявилось в размолвке с румынами. Как бы то ни было, главная причина взаимного охлаждения крылась, разумеется, не в недопустимой манере поведения Хрущева, а в принципиальных разногласиях по вопросам экономического сотрудничества социалистических стран. Именно эти расхождения, собственно говоря, и вызвали неудовольствие лидера СССР. Румынская сторона увидела в советских предложениях по совершенствованию планирования и кооперации в рамках СЭВ определенное поприще своего национального суверенитета, стремление превратить Румынию вопреки ее интересам в аграрно-сырьевой придаток более развитых стран. Надо сказать, что приведенный в книге материал (независимо от оценок самого автора, разумеется, не склонного идти наперекор устоявшимся в румынской историографии точкам зрения) дает основания отметить некоторую односторонность румынской позиции, занятой в те годы на сессиях СЭВ. Ведь в выступлениях Н. Хрущева и других членов советского руководства постоянно указывалось, что речь идет отнюдь не о слиянии плановых органов разных стран, стирании государственных границ, создании наднациональных экономических структур с большими полномочиями, установлении приоритета за общим планированием в ущерб суверенитету и специфическим интересам каждой отдельно взятой страны (Р. 18–19). В ходе дискуссий в рамках СЭВ выискивались пути налаживания взаимовыгодного сотрудничества на основе более рационального со-

четания потребностей той или иной страны с ее реальными экономическими возможностями.

Из материала, представленного в монографии, выясняется, что именно румынское, а не советское руководство инициировало меры, направленные на свертывание многообразных связей между двумя странами (отзыв до тех пор остававшихся, уже немногочисленных, советских советников при ряде румынских ведомств, ограничение деятельности общества культурных связей с СССР, резкое сокращение масштабов обучения советских студентов в Румынии и румынских — в СССР). Было отдано негласное распоряжение об усилении работы по выявлению советских агентов и информаторов. Советских женщин, вышедших замуж и постоянно проживавших в Румынии, румынское МВД фактически принуждало к смене гражданства. Сводятся к минимуму публикации на русском языке (что в принципе не отвечало задачам пропаганды румынской культуры перед зарубежной публикой), значительно сокращаются объемы преподавания русского языка в начальных и средних школах, ликвидируется или преобразуется ряд университетских кафедр русской филологии. С целью ослабления советского влияния переименовывались улицы, институты, предприятия и прочие объекты, названные ранее в честь русских и советских государственных деятелей и деятелей культуры. Правда, это не коснулось тех, чей позитивный вклад в румынскую историю был неоспорим, например, графа П. Д. Киселева, в 1830-е годы осуществлявшего конституционные реформы в Дунайских княжествах.

В. Буга не мог обойти стороной известного скандала в советско-румынских отношениях, связанного с публикацией в «Вестнике МГУ» в 1964 г. статьи специалиста по экономической географии социалистических стран Э. Б. Валева с конкретными предложениями относительно перспектив экономического сотрудничества придунайских районов Румынии, Болгарии и СССР в интересах роста производительных сил, более эффективного и рационального использования вод Дуная. Надо сразу сказать, что беспристрастное ознакомление с этой статьей не оставляет сомнений в некорректности некоторых высокопоставленных румынских критиков, обвинявших советского экономо-географа в выработке планов вмешательства через наднациональные и межгосударственные экономические структуры во внутренние дела Румынии, а значит, ущемления ее суверенитета. Бескомпромиссность румынской стороны в нашумевшей истории с «планом Валева», несмотря на усилия Москвы по смягчению проти-

воречий, не способствовала преодолению наслоений в двусторонних отношениях. С другой стороны, как показывает В. Буга, в ряде случаев, например в случае со строительством гидроэлектростанции у Железных ворот на Дунае (совместный румыно-югославский проект при участии СЭВ), румынское руководство добилось при осуществлении международного проекта принципиальной корректировки первоначальных планов с учетом требований Бухареста.

Политика внешнеполитического дистанцирования Румынии от СССР нашла концептуальное выражение в известном партийном документе — вызвавшей раздражение в Москве апрельской Декларации 1964 г. Акцент в ней делался на равноправии компартий и социалистических стран, осуществляющих между собой взаимовыгодное сотрудничество, невмешательстве во внутренние дела, утверждении приоритета национальных интересов и ценностей перед интернациональными. Называя Декларацию кульминационным пунктом в процессе формирования особого курса Румынии, В. Буга справедливо указывает, что на принятии этого документа сказалось международное положение, и прежде всего ситуация в мировом коммунистическом движении, где румынская компартия пыталась отстаивать свою относительно независимую линию, все более балансируя на противоречиях между двумя великими державами — СССР и Китаем, претендовавшими на доминирующую роль в мировом социализме. И при этом надеясь, что более самостоятельная политика в рамках социалистического лагеря позитивно скажется и на отношениях страны с Западом, в частности на получении преференций в экономическом сотрудничестве с развитыми странами (Р. 181–182).

После отставки Хрущева в октябре 1964 г. и кончины Георгиу-Дежа в марте 1965 г., руководство КПСС, преувеличивая роль субъективных моментов в ухудшении отношений, понадеялось на возможность их серьезной перезагрузки. Многолетняя работа в партаппарате, участие в неофициальных беседах, не нашедших отражения в прессе, позволили В. Буге создать свой портрет преемника Георгиу-Дежа Н. Чаушеску, как отмечалось, в общем расходящийся с представлениями о нем как о политике, чья ослепленность национализмом соседствовала с русофобией. По свидетельствам автора (Р. 56–59), все было сложнее. Чаушеску действительно ценил помощь, оказанную Румынии Советским Союзом в засушливые послевоенные годы, отмечал серьезную поддержку официальной Москвой позиции Бухареста на Парижской мирной

конференции 1946 г. в венгеро-румынском территориальном споре по трансильванскому вопросу. Он готов был также признать, что снижение советским правительством объема репараций, которые Румынии предстояло выплачивать СССР в наказание за ее участие на стороне нацистской Германии в войне на восточном фронте, благоприятно сказалось на румынской экономике. Как бы то ни было, никакого прорыва в двусторонних отношениях с приходом Чаушеску не случилось², более того, внешнеполитическая концепция, нашедшая выражение в упомянутой апрельской Декларации 1964 г., получила свое дальнейшее развитие и практическое воплощение, Румыния с еще большей последовательностью отстаивала право на самостоятельный курс, дистанцируясь от Москвы по все более широкому кругу конкретных вопросов. На заседаниях Политического Консультативного Комитета (ПКК) ОВД румынские делегации то и дело выдвигали перед СССР требование о реальном приобщении союзников к выработке принципиальных планов и принятию важнейших решений, особенно связанных с использованием стратегического оружия.

Конечно, диалог между элитами двух партий продолжался, происходил систематический обмен визитами (в том числе и на высшем уровне), что, по справедливому мнению В. Буги, до некоторой степени способствовало снижению напряженности в двусторонних отношениях. Особое внимание в работе уделено анализу сентябрьской встречи 1965 г., на которую в Москве возлагались немалые надежды, впрочем, не оправдавшиеся — напротив, встреча высветила всю глубину расхождений по целому ряду принципиальных вопросов. Более того, на переговорах не обошлось без настоящего скандала, когда с румынской стороны был неожиданно поставлен весьма чувствительный для нее вопрос о полном возвращении социалистической Румынии золотого запаса Национального банка королевской Румынии, эвакуированного по просьбе ее правительства в годы первой мировой войны (начиная с конца 1916 г., т. е. в условиях, когда существовала реальная угроза оккупации всей страны армиями центральных держав) в Россию, в кладовые Московского Кремля, и удержанного уже Советской властью после того, как Румыния аннексировала в 1918 г. Бессарабию, входившую с 1812 г. в Российскую империю³. Надо сказать, что транспортировка производилась в 1916–1917 гг., в месяцы войны, а затем и начавшейся революции, в условиях дезорганизации власти, развала на фронтах, грабежей и насилия, поэтому можно усомниться в со-

хранности всего груза. Советское правительство начиная с 1918 г. увязывало возвращение Румынии золота (а также эвакуированных вместе с ним в Россию королевских фамильных драгоценностей, национальных историко-культурных, архивных, художественных ценностей, монастырского имущества, банковских бумаг и т. д.) с выводом ее войск из Бессарабии и отказом от притязаний на этот край. А также с проблемой взаиморасчетов между Румынией и Россией, связанных с долгами, накопившимися за годы Первой мировой войны⁴. Тем не менее уже в 1935 г., в условиях кратковременного улучшения советско-румынских отношений, часть ценностей и золотого запаса была возвращена в качестве жеста доброй воли. Еще одна часть была передана в 1956 г. социалистической Румынии (Р. 373). Таким образом, в Москве считали проблему «румынского золота» давно закрытой. В Бухаресте смотрели на это дело совершенно иначе, дав понять в ходе сентябрьских московских переговоров 1965 г., что возвращение оставшегося золотого запаса (оцененного румынской стороной в 150 млн. долларов) будет иметь, помимо экономического, и особое политическое значение, т. е., иными словами, поспособствует сближению позиций двух партий по принципиальным политическим вопросам. Не будет преувеличением сказать, что неожиданно предъявленные требования вызвали в кремлевских стенах эффект разорвавшейся бомбы. Л. И. Брежнев выразил недоумение уже тем, что коммунистами через 50 лет выносятся на поверхность вопрос отношений царской России и королевской Румынии, не имеющий никакой связи «с братскими, дружественными отношениями между двумя социалистическими странами». С советской стороны напомнили о стоимости в 300 млн. долларов поставок Румынии вооружения в годы первой мировой войны. Более того, было указано на гипотетическую возможность предъявить-таки Румынии новый (едва ли не стократно превосходящий весь королевский золотой запас) счет за все разрушения и мародерство, чинившиеся армией маршала Антонеску не только в оккупированной ею на долгие месяцы в годы второй мировой войны Бессарабии, Одессе и Юго-Восточной Украине, но вплоть до окрестностей Сталинграда, где эта армия участвовала в боевых действиях. Ведь репарации, которые Румыния выплатила СССР, имели, по оценке Брежнева, чисто символический характер. Не соглашаясь с этим, румынское руководство еще несколько раз поднимало этот вопрос, в том числе в ноте своего МИДа от 28 июня 1968 г. Проблема была унаследована посткоммунистическими правительствами России и

Румынии; так, при подписании в июне 2003 г. российско-румынского договора было предложено создать двустороннюю историческую комиссию, которая представила бы свои выводы по проблеме королевского золота.

В своей работе В. Буга рассматривает как положительные стороны двусторонних отношений, так и сохранявшиеся разногласия по целому ряду международных вопросов. Так, Румыния опередила другие социалистические страны в вопросе о налаживании дипломатических отношений с ФРГ, еще до того, как в Бонне возобладала «новая восточная политика», связанная с В. Брандтом. Это вызывало поначалу неудовольствие в Кремле, где потом были все же вынуждены с оговорками признать первопроходческую роль Румынии на западногерманском направлении. Румынская сторона предлагала также внести в предложенный проект договора о нераспространении ядерного оружия поправки, с которыми не было согласно руководство СССР (за этим стояло обоснованное стремление уберечь себя от неспровоцированного ядерного удара в случае конфликта, за развязывание которого руководство страны не несло никакой ответственности). Румыния заняла также особую среди европейских социалистических стран позицию во время «шестидневной войны» на Ближнем Востоке в июне 1967 г., не поддержав однозначно арабские государства в их конфликте с Израилем и сохранив с ним дипломатические отношения. Это вызвало настолько острую критику на совещании коммунистических и рабочих партий в Будапеште в феврале — марте 1968 г., что после выступления представителя сирийской компартии делегация РКП демонстративно покинула совещание. Одним из жестов, явно не благоприятствовавших позитивной динамике в развитии советско-румынских отношений, явилось возложение румынской делегацией во главе с премьер-министром И. Г. Маурером цветов к памятнику маршалу Маннергейму при посещении ею Финляндии в марте 1968 г. (в ознаменование заслуг Маннергейма перед Румынией как генерала русской армии времен первой мировой войны).

Известно, что низшей точки в процессе своего охлаждения советско-румынские отношения достигли в августе 1968 г., когда Румыния решительно выступила против интервенции СССР и ряда его союзниц по ОВД в Чехословакии (анализу двусторонних отношений в контексте чехословацкого кризиса В. Буга посвятил отдельную главу)⁵. По сути, В. Буга солидаризируется с мнением тех исследователей, которые считают, что Чаушеску мало заботила проблема

демократизации и идейного плюрализма в Чехословакии. Ему импонировало в Пражской весне лишь стремление к большому суверенитету в отношениях с Москвой, и деятельность чехословацких коммунистов-реформаторов он воспринимал под этим углом зрения, видя в них потенциальных внешнеполитических союзников Румынии. В Москве, разумеется, знали об особой позиции Румынии в оценке внутривосточных процессов, происходивших в Чехословакии, и уже с весны 1968 г. представители румынской компартии не приглашались на совещания лидеров соцстран, посвященные обсуждению чехословацкого вопроса, фактически они были с самого начала полностью устранены от принятия решений в рамках советского блока по Чехословакии. Известно, что через считанные часы после военной акции Чаушеску выступил в центре Бухареста на многотысячном митинге румынских трудящихся с осуждением ввода войск в Чехословакию. Имели место дипломатические демарши с обвинениями друг друга в недружественной политике. В. Буга доказывает, что в связи с особой позицией Румынии возникла даже реальная угроза ее выхода из ОВД (Р. 69–70). Рассматривая реакцию советского руководства на позицию официального Бухареста, автор не мог уйти от дискутируемого в литературе вопроса о том, создавала ли сложившаяся ситуация непосредственную военную угрозу для Румынии. Он отмечает, что накануне и в первые дни после вступления войск ОВД в Чехословакию Чаушеску и его окружение получали информацию о передвижении советских войск вблизи границы двух стран. Определенные передвижения были замечены также близ румыно-болгарской и румыно-венгерской границ (Р. 78–81). Однако, по мнению В. Буги, развитие дальнейших событий показало, что речь могла идти в данном случае лишь о политическом давлении и запугивании румынского руководства, но отнюдь не о планах ввода войск в Румынию (Р. 82).

Анализируя советско-румынские отношения в контексте масштабного чехословацкого кризиса, В. Буга уделяет немалое внимание международному контексту. В то время как Москва негативно реагировала на позицию румынского руководства, на Западе ему аплодировали и обещали экономическую помощь, но не более того. Было очевидно, что Запад был не намерен активно вмешиваться в события, развернувшиеся в сфере влияния СССР. Лидер соседней неприсоединившейся Югославии И. Броз Тито (также публично осудивший акцию ОВД в отношении Чехословакии) также при встрече с Чаушеску дал понять, что в случае советско-румынского воору-

женного конфликта совершенно не намерен оказывать военную поддержку Румынии и, более того, даже прикажет разоружить румынские войска, отступившие в Югославию, поскольку совершенно не заинтересован в военной конфронтации своей страны с СССР. В этих условиях у Чаушеску не было иной альтернативы, кроме поисков путей улучшения отношений с Москвой. По-прежнему заботясь об укреплении своих позиций во главе партии и страны и ни в коей мере не отказываясь от основных принципов своей внешней политики, он в то же время предостерегал свое окружение от дальнейшего обострения отношений с СССР и его союзниками по ОВД (Р. 91, 105). Можно говорить о том, что уже осенью 1968 г. и в Бухаресте, и в Москве были предприняты серьезные усилия в целях снижения градуса конфронтационности.

Из работы В. Буги, кстати говоря, получаем представление о неоднозначности отношения в румынском обществе к политике своего руководства в условиях чехословацкого кризиса. Поддержка народом независимого внешнеполитического курса не была тотальной, существовали настроения и в пользу более компромиссной линии. Более того, у советского посольства в Бухаресте был определенный круг информаторов, выражавших неудовольствие тем, что Чаушеску окружил себя «чуждыми социализму» элементами, и даже призывавших Москву предпринять в отношении Румынии акцию, «аналогичную той, которая была предпринята в Чехословакии, с тем чтобы очистить от них ряды партии и заменить тогдашнее партийное и государственное руководство на представителей рабочего класса» (Р. 107–108).

Отдельная глава в работе В. Буги посвящена бессарабскому вопросу, с середины 1960-х годов в немалой мере осложнявшему советско-румынские отношения. Автор показывает, что провозглашенный руководством румынской компартии тезис о приоритетности национальных ценностей перед интернациональными стал находить проявление и в области исторической науки, в первую очередь в трактовках историками Румынии прошлого российско-румынских взаимоотношений. Это коснулось прежде всего бессарабского вопроса. Румынская партийно-политическая элита, а вслед за ней и историки в новых условиях ни в коей мере не выражали готовности солидаризироваться с официальной советской точкой зрения о справедливом характере присоединения междуречья Днестра и Прута (в том числе восточной половины Молдавского княжества) к Российской империи в 1812 г. и ее возвращения СССР в 1940 г. Более того, в

подтверждение своей правоты они апеллировали к наследию самого Карла Маркса: его высказывания с критикой имперской политики России в отношении Дунайских княжеств, и в том числе присоединения Бессарабии в 1812 г., активно тиражировались начиная с 1964 г. в партийной прессе. Несомненно, это вносило дополнительную напряженность в двусторонние советско-румынские отношения. Вместе с тем официальные лица в Бухаресте всегда подчеркивали, что обращение к бессарабскому вопросу, во всей его исторической динамике (переход края в лоно иной государственности в 1812 г., 1918 г., 1940 г.), они считают не только уделом, но и обязанностью историков, стремящихся к выявлению объективной истины. Какая бы то ни было актуально-политическая подоплека при этом отрицалась. В руководстве СССР смотрели на дело иначе, полагая, что территориальных споров между двумя соседними социалистическими странами (тем более союзническими) не может быть по определению, а потому любое муссирование в исторической литературе бессарабской проблемы (не в духе официальной советской точки зрения) вносит ненужную нервозность во взаимоотношения двух народов.

Плохо завуалированное стремление румынской партийно-государственной элиты заявить свое историческое право на Бессарабию вызывало в Москве тем большее раздражение, что было нередко связано с попытками ревизовать оценки роли СССР на ранних этапах второй мировой войны. Когда дело касалось трактовки определенных страниц истории второй мировой войны, румынская позиция воспринималась уже не просто как нарушение джентльменской договоренности не ворошить прошлое, муссируя старые обиды. Даже частичный пересмотр исторической роли СССР в войне расценивался как святотатство. Разногласия в этом плане постепенно поднялись до уровня фактора, реально способствовавшего ухудшению межгосударственных отношений.

Раздел книги, посвященный развитию советско-румынских отношений после прихода к руководству КПСС М. С. Горбачева, в основном перекликается с известной профессиональному российскому читателю статьей В. Буги «Декабрьская революция 1989 г. в Румынии в контексте советско-румынских отношений», опубликованной в сборнике Института славяноведения РАН «Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя» (М., 2011). Встав во главе партии, Горбачев сразу дал понять лидерам Румынии, что КПСС выступает за равноправные отношения, уважение суверенитета каждой страны,

взаимовыгодное сотрудничество во всех сферах, подчеркнув вместе с тем, что признание этих принципов одновременно означает полную ответственность каждой партии за положение в своей стране. Справиться с проблемами, стоявшими перед страной, румынское руководство, однако, не могло. Отрыв от реалий и склонность к волюнтаристским акциям с непродуманными последствиями (показательны в этом смысле планы по ликвидации многочисленных сельских населенных пунктов, признанных бесперспективными), глухота к социальным требованиям масс, неготовность идти даже на самые минимальные реформы — все это привело к закономерному краху режима Чаушеску. Горбачев и его окружение хорошо осознавали, что при отсутствии радикальных мер по реорганизации экономического механизма ситуация в Румынии приведет рано или поздно к социальному взрыву. Конечно, советское руководство не могло предвидеть, когда это случится, а потому не вмешивалось, не торопило события, занимая до последнего момента довольно осторожную, выжидательную позицию. Автору чужда встречающаяся в румынской (да и западной) литературе точка зрения о якобы вовлеченности Москвы в процесс устранения Чаушеску в интересах сохранения у власти в Румынии приемлемых для руководства СССР представителей старой коммунистической элиты.

Подводя итоги, следует заметить: в современной румынской историографии намечаются в последнее время новые тенденции в осмыслении специфики взаимоотношений СССР с «диссидентом» в социалистическом содружестве — Румынией эпохи Чаушеску. Об этом наглядно свидетельствует, в частности, книга историка и дипломата В. Буги, заслуживающая, на наш взгляд, даже перевода на русский язык, для того чтобы с ней могли ознакомиться не только малочисленные российские румынисты, но и более широкий круг специалистов по истории советского блока.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Buga V. Pe muchie de cuțit. Relațiile româno-sovietice. 1965–1989. București: Institutul Național pentru Studiul Totalitarismului, 2013. 423 p. (Буга В. На острие ножа. Советско-румынские отношения. 1965–1989 гг. Бухарест: Институт по изучению истории тоталитаризма, 2013. 423 с.).*

При цитировании книги отсылка к конкретным страницам производится в скобках в тексте рецензии.

2 См.: *Покивайлова Т. А.* От Г. Георгиу-Дежа к Н Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. М., 2013.

3 См. подробнее: *Покивайлова Т. А.* Первая мировая война и проблемы советско-румынских взаиморасчетов // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2015.

4 См.: Там же.

5 См. также: *Покивайлова Т. А.* В августе 68-го... Реакция румынского руководства на события в Чехословакии // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. М., 2010.

T. A. Pokivaylova, A. S. Stykalin

Glimpses of the Soviet-Romanian history in the socialist period

The authors draw reader's attention to the notes in the margin of the monograph of the Romanian author devoted to the history of the Soviet-Romanian relations starting from the period when L. I. Brezhnev and N. Ceaușescu became General Secretaries of their parties in 1964–1965 and ending with the December revolution in Romania in 1989.

Key words: *Soviet Union, Romania, N. Ceaușescu, L. I. Brezhnev, M. S. Gorbachev, Perestroika, 1989 in Eastern Europe.*

С. Тердик
(Будапешт)

Иосиф II и греко-католики

Правление Марии Терезии (1740–1780) было отмечено повышенным вниманием императрицы-королевы к греко-католикам, которые проживали в Трансильвании и на северо-востоке Венгерского королевства. Иосиф II имел личный опыт общения с ними во время путешествия по стране в 1770 г. Не исключено, что Иосиф II искренне интересовался их положением и мог повлиять на принятие касавшихся их решений в последнее десятилетие правления своей матери. В то же время нет оснований утверждать, что после 1780 г. он продолжил бы по-отечески опекать греко-католиков, имитируя материнскую заботу о них покойной императрицы. Для него гарантирование равного статуса для других христианских конфессий было столь же, если не более, важно, чем положение отдельно взятых греко-католиков.

Ключевые слова: *Мария Терезия, Иосиф II, Венгерское королевство, Трансильвания, XVIII век, греко-католики, Мункач (Мункачево), Унгар (Ужгород), Балажфалва (Блаж), Надьварад (Орадя).*

За годы своего правления императрица Мария Терезия (1740–1780) использовала разные методы обращения с греко-католиками. В Трансильвании и венгерском комитате Бихар прошло несколько десятилетий, прежде чем в среде признавших унию румын удалось хоть как-то обеспечить и расширить деятельность греко-католической церкви¹. Император Карл VI (как венгерский король Карл III, 1711–1740) еще в 1721 г. основал Фогарашскую епархию, центр которой определил в Балажфалве (Блаж, Румыния). Год спустя там началось возведение епископской резиденции, растянувшееся на несколько десятилетий, и только благодаря Марии Терезии стройка наконец была завершена². В 1773 г. во время путешествия по Трансильвании императору Священной Римской империи и наследнику австрийского престола Иосифу II (1765/1780–1790) представлялась возможность побывать в Балажфалфе, но губернатор барон Самуэль Брукенталь (1721–1803) избрал для государя иной маршрут передвижения³.

В расположенной на северо-востоке Венгрии Мункачской (Мукачевской) епархии, где русины составляли большинство, подчинение с конца XVII в. униатского епископа эгерскому католическому епископу создавало немалые неудобства. Будучи епископским викарием, униатский иерарх не мог принимать самостоятельных решений, что затрудняло управление вверенными ему территориями. В 50-е годы XVIII в. конфликт между католическим епископом и его униатским викарием обострился настолько, что на поиск взаимно приемлемого решения ушли годы. К 1766 г. Мария Терезия уже была полна решимости, несмотря на противодействие эгерского епископа Карла Эстерхази (1762–1799) и негативное предубеждение Святого престола, сделать так, чтобы по имеющемуся у венгерских королей праву верховного патроната основать Мункачское епископство и добиться от Рима его признания. Так и произошло, но не раньше 1771 г.⁴ Весьма вероятно, что императрицу в ее решимости укрепили личные наблюдения и выводы, сделанные Иосифом II в ходе его путешествия 1770 г.

Во время своей второй поездки в Венгрию Иосиф II все-таки побывал в Мункаче (Мукачево, Украина). Там он встретился с престарелым греко-католическим епископом Иоанном Брадачем (1768–1772), который не таясь поведал государю о тех непростых отношениях, которые сложились у него с эгерским епископом, и попросил, чтобы греко-католические священники имели возможность обучаться в Венском университете⁵. В начале того же года молодой архидиакон Андрей Бачинский (1732–1809) был отправлен Брадачем в Вену, где рассказывал императрице о тех же проблемах⁶. 3 июня 1770 г., в Троицын день, Иосиф II присутствовал⁷ на мессе в соседнем базилианском монастыре св. Николая на Чернечьей горе. Спустя тридцать лет об этих событиях писал базилианин Иоанн Базилевич (1742–1821), мункачский настоятель. Он упомянул, что во время божественной литургии будущий мункачский епископ Бачинский выполнял при императоре роль переводчика⁸. На приезд Иосифа II епископский секретарь Алексей Илькович (1730–1779) сочинил длинную латинскую поэму, в которой приветствовал государя как спасителя отсталого русинского народа. Свидетельств о том, что она была зачитана в ходе визита императора, нет⁹.

Путешествие Иосифа II в 1771 г. повлияло не только на учреждение Мункачского епископства, но и на судьбы греко-католиков в Трансильвании. Этим обстоятельством воспользовался Григоре Майор (1715–1785) — монах-базилианин из Балажфалвы, когда по-

просил государыню вернуться к рассмотрению, казалось бы, забытого вопроса. Шесть лет жил он в изгнании в мункачском монастыре, потому что его дважды избирали главой Фогарашского епископства, но двор всякий раз отдавал предпочтение другой кандидатуре. В ответ Майор организовал акцию неповиновения, но проиграл: императрица сослала его в Мункач. В ходе визита в этот город Иосиф II принял у изгнанника его прошение, и того вскоре реабилитировали. В том же году в Вене была основана специализировавшаяся на издании литургической литературы типография Курцбёка, где Майор получил должность цензора, а год спустя его избрали и вскоре назначили фогарашским епископом¹⁰.

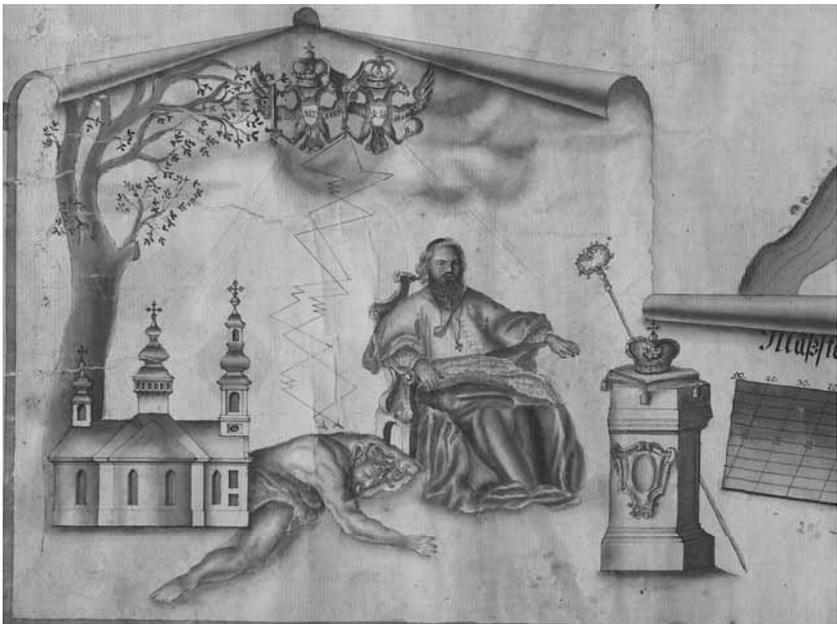
Между тем освободилась епископская кафедра в Мункаче: 4 июля 1772 г. скончался Иоанн Брадач. Не прошло и двух недель, как Мария Терезия назначила преемника — Андрея Бачинского¹¹. Для рукоположения обоих вновь назначенных греко-католических иерархов — Майора и Бачинского — весной 1773 г. в Вену вызвали греко-католического кёрёшского¹² епископа, и пока ожидалось согласие Святого престола, 25 февраля Мария Терезия созвала в имперской столице синод венгерских греко-католических епископов. На форуме предстояло прийти к согласию по касавшимся греко-католиков и заботившим императрицу-королеву вопросам: издание букварей и литургических книг, текстовые расхождения в них, сокращение числа праздников и пр. Мункачскую и Фогарашскую епархии представляли только что избранные, но еще не назначенные Григоре Майор и Андрей Бачинский. Весной 1773 г. синод завершился тем, что 4 мая в придворной часовне Г. Майора в присутствии Марии Терезии и Иосифа II рукоположили в епископы¹³. Через день, 6 мая, также на глазах у обеих государей, был рукоположен в епископы А. Бачинский¹⁴.

На епископский престол в Мункаче он торжественно вступил 10 июля; вернувшегося из Вены иерарха приветствовал Алексей Илькович¹⁵. Десять дней спустя в Мункач с визитом вновь прибыл Иосиф II. Судя по путевым заметкам императора, он говорил с епископом о подготовке русинского духовенства¹⁶. В Мункачской епархии большой проблемой было отсутствие соответствующих церковных институтов. Начавшееся в 1750 г. в Мункаче строительство епископской резиденции оказалось приостановлено, не имелось предписанной решениями Тридентского собора семинарии, а здание кафедрального собора было слишком мало. Решение нашлось при содействии императрицы: сначала замок Другетов в Унгваре (Ужго-

род, Украина), затем в 1773 г. высвободившуюся после роспуска Общества Иисуса недвижимость передали в распоряжение мункачского епископа. Процесс начался в 1775 г.: в крепости разместились семинария, здания, принадлежавшие иезуитам, отдали под епископскую резиденцию, а иезуитскую церковь переделали в собор. Реконструкция, потребовавшая вложения немалых средств, велась под наблюдением Венской придворной казенной палаты и Венгерской казенной палаты. Символическим окончанием работ в 1780 г. стало освящение собора, когда в знак благодарности императрице был выбран день св. Терезы Авильской. В проповеди епископ особо подчеркнул, что всем этим прихожане обязаны государыне.

В Мункачской епархии сохранилось несколько памятников, в которых нашла выражение эта благодарность. Ниже о них будет рассказано подробнее.

В современной экспозиции музея «Ужгородский замок» можно видеть земельный план, выполненный Андреем Орачком в 1777 г., где изображены все объекты, переданные мункачскому епископу (Илл. 1). В левом нижнем углу этого изящного чертежа изображена интересная композиция. Рядом с таблицей масштабов нарисован

А. Орачек. Фрагмент земельного плана Унгарского замка и окрестностей, ок. 1780 г. Фото: А. Мурак.

постамент, на котором на подушке покоится греческая епископская митра, рядом стоит епископский жезл. Слева от постамента в кресле сидит епископ Андрей Бачинский, его взгляд направлен на знаки епископской власти, правая рука словно тянется к ним. Слева изображен простертый на земле, ползущий к епископу торс облаченного в шкуру мужчины, волосы на его голове — клубок змей. Фигура как бы появляется из-за здания церкви, стоящей под ветвистым деревом. В небесах среди облаков парят двуглавые орлы, которые держат гербовые щиты, украшенные общей монограммой Марии Терезии и Иосифа II. Из облаков, от щитов на мужчину низвергаются молнии. Нет сомнений, что стрелы Господни, направленные на аллегорическую фигуру мужчины, разят врагов епископа, епархии, унии или врагов духа времени, а может быть, все вместе взятое. Змеевидная «шевелюра» в системе аллегорий эпохи барокко символизировала зависть. Храм со всей очевидностью указывает на греко-католическую церковь, руководить которой призван епископ, государь же ее должен охранять. Изображенная на рисунке церковь, по всей вероятности, — это храм мункачского монастыря, напоминающий о первой епископской резиденции.

В конце концов в замке разместились семинария. Здесь же хранился поясной портрет Марии Терезии, на котором она была изображена как основательница епархии. В правой руке у нее был скипетр, левая покоилась на свитке, где, по всей вероятности, изображался план крепости. Перед монархиней на столе возлежала венгерская корона св. Стефана (Иштвана). Со временем картина либо пропала, либо была похищена¹⁷.

Перестройка иезуитского монастыря в Унгваре в епископскую резиденцию началась около 1780 г. Проект разработал архитектор венской Придворной казенной палаты Лоренц Ландер. Совсем недавно начались работы по детальному изучению интерьеров резиденции. Выяснилось, что декоративная роспись в комнатах второго этажа была сделана еще в эпоху барокко¹⁸. В сводчатом зале, расположенном как раз над входом в здание, львовские реставраторы обнаружили интересную настенную живопись (Илл. 2). Здесь, скорее всего, находился епископский парадный зал, попасть в который можно было по парадной лестнице, минуя еще одну комнату. Маленькая дверь в северной стене вела в размещавшийся над ризницей ораторий — епископскую часовню; двери в южной стене вели в соседние покои¹⁹. Стены зала покрывала живопись в стиле гризайль, создававшая впечатление рельефных поверхностей, на потолке изо-

Парадный зал епископского дворца в Унгваре / Ужгороде после реставрации. Фото: Г. Ковач.

бразался небесный свод. В числе архитектурных деталей следует назвать ионические колонны с каннелюрами, поддерживавшие своды зала, между дверями в торцевых стенах и обращенными на улицу окнами в длинной стене художник изобразительными средствами создал оптический эффект ниш, в которых стояли богато украшенные вазы. Под потолком тянулась покоящаяся на ионических колоннах галерея, подпираемая колоннами с композитными капителями, а над ее балюстрадой нависал не потолок, а расписное голубое небо. В центре сероватого, покрытого рваными облаками свода путти держали светло-серый медальон с портретом Марии Терезии. К изображению императрицы летел еще один, более крупный путто, державший в руке возлежавшие на бордовой подушке регалии, из другого угла плафона летел трубящий в трубу ангел, к музыкальному инструменту крепился штандарт с надписью: «VIVAT MARIA THERESIA».

Над тремя окнами размещались медальоны с монументальными портретами Иосифа II, Марии Терезии и Франца I Лотарингского. Если смотреть на окна из центра зала, в середине располагался портрет императрицы-королевы, справа — ее супруга и слева — сына. Взоры Марии Терезии и Франца обращены друг на друга, Иосиф

смотрит на мать. Все три медальона выполнены в стиле *all'antica*, так, как было принято чеканить на монетах, куда помещались бюсты правителей, обрамленные ветками лавра. Подписи помогают установить, с каких монет художник позаимствовал изображения, хотя сами портреты не являются точным воспроизведением той монеты, откуда происходит подпись²⁰. Медальоны обрамлены рамами в форме раковин, вокруг которых вьются венки, написанные в стиле гризайль, из-за раковин виднеются лавровые и пальмовые ветви²¹.

Нет сомнений, что живописные полотна воплощали благодарность правителям из Габсбургского дома, в особенности — Марии Терезии, ее материнской заботе, без которой Мункачская епархия никогда не достигла бы того процветания, которое наблюдалось в конце XVIII в. К сожалению, ни имени художника, ни точного времени создания портретов мы не знаем²². Живопись в стиле гризайль и элементы прославления государей (портрет в медальоне, ангел, трубящий в трубу) указывают на тесное родство с декоративной росписью залов первого этажа в замке графов Чаки в Хомонне (Гуменне, Словакия). Там на потолке одного из залов изображен триумф государей, где Мария Терезия и Иосиф II, сидя в одной колеснице, движутся к триумфальной арке, над ними парит ангел, держащий в левой руке над их головами лавровый венок и трубящий в трубу, которая находится в правой руке. Музыкальный инструмент украшен штандартом, где, учитывая ограниченность пространства, читается сходная по характеру надпись: «VIVAT I. II.», иными словами: «Да здравствуют Мария Терезия I и Иосиф II».

В другом зале гомоннайского дворца, посвященном почетному ордену св. Стефана (Иштвана), стены украшены изображениями венгерских королей, выполненными в стиле гризайль. Здесь, правда, речь уже идет не только о портретах в медальонах, как в Ужгороде, но о вписанных в настенную живопись изображениях скульптурных бюстов, что в случае видного аристократического семейства говорит о более серьезных претензиях на символическую репрезентацию, чем те, которыми руководствовался мункачский епископ. Искусствоведам известны и другие портретные галереи, где в медальонах представлены монархи или иные славные соотечественники²³.

Имя автора настенной росписи в Хомонне неизвестно, время создания — предположительно между 1770 и 1780 гг.²⁴ Для росписи алтаря унгарского собора епископ Андрей Бачинский пригласил художника, работавшего у графа Иштвана Чаки, — Себастьяна Хиршлингера. Именно он мог стать автором росписи парадного

зала в епископской резиденции. В любом случае представляется, что между автором росписи в Хомонне и мастером, работавшим в Унгваре, прослеживаются композиционные и стилистические переключки, но из-за позднейших наслоений²⁵ доказать это можно только в случае, если в распоряжении ученых окажутся подтверждающие эту гипотезу архивные материалы.

Назвать точную дату завершения работ в парадном зале епископского дворца в Унгваре не представляется возможным; скорее всего, речь может идти о 1780 г.²⁶ Судя по одной сводной платежной ведомости, в период между декабрем 1779 и октябрем 1780 г. мастерам, трудившимся в епископской резиденции, было дополнительно выплачено 3 149 рейнских гульденов. Так, 24 мая 1780 г. тот самый автор фресок, который известен под именем *Pictor Freskó*, получил 110, а в августе еще 100 рейнских гульденов²⁷. К сожалению, в документе не названо его имя и не указан характер выполненных работ, а упомянутая в нем квитанция пропала или ее местонахождение неизвестно. Вероятнее всего, художник получил гонорар за роспись алтаря, но не исключено, что за роспись епископской резиденции. Опираясь на письмо придворного священника Иоанна Кутки, можно предположить, что первая сумма была выплачена за работы в парадном зале дворца. В любом случае представляется, что используемое в нескольких источниках имя *Pictor Freskó* относится к Себастьяну Хиршлингеру, и тогда гипотеза о том, что он расписал стены в епископской резиденции, верна.

В Венгерской национальной галерее хранится икона Покрова Богородицы, происходящая из прихода Алшоункоц (Хоньковце, Словакия) Мункачской епархии. Икона не подписана, ее автор, предположительно, — Михаил Шпалинский, зато стоит точная дата: 1781 год. Икона интересна тем, что очевидцев чуда, свершившегося в Константинополе, художник заменил портретами своих современников: хорошо узнаваемы фигуры епископа Андрея Бачинского, Марии Терезии и Иосифа II. К моменту создания изображения императрица-королева уже отошла в мир иной, а ее сын превратился из соправителя в единоличного царствующего монарха. Не исключено, что икону начали писать, когда государыня еще была жива. Впрочем, чувства благодарности и любви к ней никуда не исчезли и после ее кончины. Заказчиком необычной иконы мог выступать младший брат епископа — приходской священник Георгий Бачинский²⁸.

Судьба Надьварадской епархии оказалась очень похожа на судьбу Мункачской. Здесь тоже не сразу удалось освободиться от латин-

ского ординария, и, наконец, в 1777 г. произошло каноническое учреждение самостоятельного епископства²⁹. Между прочим, Иосиф II еще в мае 1770 г. побывал в Надьвараде (Орадя-Маре, Румыния). Там он ознакомился с положением униатов, поскольку в городе жил викарый Мелетий Ковач, бывший в 1748–1775 гг. епископом бихарских греко-католиков. Император отметил, что у того в ведении находится очень мало приходов³⁰.

Нет сомнений, что две кованные железные подставки, недавно переделанные в подсвечники, на которых закреплено по изображению в овальной раме, попали в Надьварадский собор после учреждения там греко-католического епископства. Подставки, выполненные искусным кузнецом, украшены листьями аканта, но в декоре также фигурируют ветви лавра и четки. Еще более удивительно, что у подножия каждого подсвечника сидит путто, держащий в руках розу, над изображением в раме помещена закрытая корона с крестом наверху, а над композицией восседает птица с одним приподнятым крылом (возможно, феникс) и веткой аканта в клюве. В один из медальонов помещено поясное изображение Девы Марии, в другом — Иисуса Христа. За этими написанными по металлу образами скрываются еще два — портреты Марии Терезии и Иосифа II. Императрица одета в черное, то есть в трауре по скончавшемуся в 1765 г. Францу Лотарингскому. Скорее всего, портреты призваны увековечить события 1777 г., или же они символизируют постоянное, пусть даже скрытое, присутствие государя в епископском храме. Овальная форма портретов и устройство, позволяющее за одним изображением обнаружить другое, напоминают технику изготовления кулонов. Часто в кулонах на цепочках носили на шее скрытый от чужих глаз портрет близкого, любимого человека. Как если бы создатель подставок хотел подчеркнуть преданность изображенным государям. К тому же Надьварадское епископство многим было обязано Габсбургам, ведь не создай его Мария Терезия, уния не просуществовала бы долго в преимущественно румынской среде. Появление в Надьвараде подставок с портретами как в научной литературе, так и в устной традиции нередко называется подарком императрицы³¹. Однако, вероятнее всего, мы имеем дело с инициативой снизу: трудно представить, чтобы Мария Терезия и особенно Иосиф II в рамках официальной придворной репрезентации захотели провести параллель между собой и Девой Марией и Иисусом Христом. Мы полагаем, что тут проявилась изобретательность жителей города. Ковка выполнена весьма искусно, но все-таки яв-

ляется работой местного мастера, о чем косвенно свидетельствует отсутствие официальных монарших символов — двуглавого орла и Святой венгерской короны; отсюда — фигура феникса, содержащая намек на то, что униатство после упадка пережило в Бихаре свое второе рождение по милости государя.

Представляется, что Иосиф II действительно живо интересовался положением греко-католиков, и, очевидно, в последние годы правления Марии Терезии имел влияние на принятие некоторых решений. Однако нет оснований говорить, что после кончины государыни в 1780 г. он продолжил бы, подобно своей матери, проявлять отеческую заботу о греко-католиках, ведь для него все христианские конфессии были равны, а их равенство — еще важнее.

Перевод с венгерского О. В. Хавановой

ПРИМЕЧАНИЯ

1 На сегодняшний день лучшим синтетическим трудом можно считать: *Tóth I. Z. Az erdélyi román nacionalizmus első százada. Csíkszereda, 1998². 73–262. old. (Múltunk Könyvek).*

2 О строительстве епископской резиденции см.: *Terdik Sz. Görögkatolikus püspöki központok Magyarországon a 18. században. Művészet és reprezentáció. Nyíregyháza, 2014. 131–157. old. (Collectanea Athanasiana VI/1).*

3 *Kulcsár K. II. József utazásai Magyarországon, Erdélyben, Szlavóniában és a Temesi Bánságban 1768–1778. Budapest, 2004, 105, 282. old.*

4 О взаимоотношении мункачских епископов с эгерскими епископами см.: *Hodinka A. A munkácsi görög katolikus püspökség története (далее — Püspökség története). Budapest, 1909. 566–596. old. Детали борьбы за самостоятельное Мункачское епископство см.: Nilles N. Symbolae ad illustrandam Historiae Ecclesiae Orientalis in Terris Coronae S. Stephani. Oeniponte, 1885. I–II. köt. 902–906. old.; Hodinka A. Püspökség története. 597–621. old.; Pekár B. De erectione canonica eparchiae Mucacoviensis. Romae, 1956. P. 93–127 (Analecta Ordo Sacri Basilii Magni II. Sectio I). Документальные свидетельства см.: Monumenta Ucrainae Historica XIII. De processibus canonicis Ecclesiae Catholicae Ucrainorum in Transcarpathia / Collegit A. Baran. Romae, 1973 (Editiones Universitatis Catholicae Ucrainorum S. Clementis Papae). Те же документы в переводе на венгерский язык см.: *Vanyó T. A. A bécsi pápai követség levéltárának iratai Magyarországról 1611–1786. Budapest, 1986. 107–113. old. (Magyarország újabbkori történetének forrásai).**

5 *Kulcsár K. II. József utazásai.* 282. old.

6 *Baán I. Bacsinszky András munkácsi püspökké történő kinevezése // Bacsinszky András munkácsi püspök (1772–1809). A Bacsinszky András munkácsi püspök halálának 200. évfordulóján rendezett konferencia tanulmányai / Szerk. T. Véghseő. Nyíregyháza, 2014. 62. old. (Collectanea Athanasiana. Vol. I/6).*

7 *Kulcsár K. II. József utazásai.* 105. old.; *Basilovits J. Brevis notitia foundationis Theodori Koriathovits. Kassa, 1799. Pars III. P. 115–117.*

8 *Basilovits J. Brevis notitia. Pars III. P. 115–117.*

9 *János I. Ruszinok latin nyelvű panegyricusa II. Józsefhez, Nyíregyháza, 2003.*

10 *Tóth I. Z. Az erdélyi román nacionalizmus.* 220–222, 229–230. old. *George Майор в частном письме графу Анталу Каройи подробно описал содержание своей беседы на итальянском языке с императором Иосифом II, в ходе которой он сравнил себя с библейским Иосифом Прекрасным, которого братья продали за двадцать серебренников: Г. Майор — А. Каройи, Мункач, 10.V.1770, см.: Magyar Nemzeti levéltár Országos Levéltára (далее — MNL OL). Családi levéltárak. Károlyi család levéltára. P. 398. Missiles. 45767. sz.*

11 *Baán I. Bacsinszky András.* 61. old.

12 *Këřëš — ныне Крижевцы в Хорватии.*

13 *Lacko M. Synodus episcoporum ritus byzantini catholicorum ex antiqua Hungaria a. 1773 celebrata. Roma, 1975. P. 13 (Orientalia Christiana Analecta. Vol. 199).* По мнению З. И. Тота, освещение храма состоялось 12 августа. См.: *Tóth I. Z. Az erdélyi román nacionalizmus.* 231. old.

14 *Lacko M. Synodus episcoporum. P. 13, Baán I. Bacsinszky András.* 65. old.

15 *János I. Ruszinok.* 2003. 51–62. old.

16 *Kulcsár K. II. József utazásai.* 266. old.

17 В 1941 г. Элемер Кëсеги описал и сфотографировал картину, которая тогда находилась в Ужгородской семинарии. Художник неизвестен, время изготовления — около 1780 г. Холст, масло, рама из дерева грецкого ореха, размеры вместе с рамой 128,5×108 см. См.: *Iparművészeti Múzeum Adattára, Budapest. Kőszeghy Elemér ingóságeltára.*

18 В одном из писем Иоанна Кутки говорится, что в феврале 1780 г. потолок обеденного зала расписывал мастер фресковой живописи (*Pictor Fresko*) в соответствии с инструкциями, полученными от епископа: «*Pictor Fresko cupulam refectorii strenui pingendo, jam effective et hactenus (ubi spero) ad contentum Excellentiae Vestrae absolvit, nihil enim praeter quod adhuc in gratiosa praesentia incoeperat, nam incipiendum habuit, sed*

nunc ad latera se demittere necessum habebit). Датировано 26 февраля 1780 г. См.: Державний архів Закарпатської області (далее — ДАЗО). Ф. 151. Оп. 1. Д. 2886. Л. 73.

19 Из фотоархива, сформированного в ходе описания стен зала, явствует, что проступившие из-под побелки барочные композиции неоднократно подправлялись и даже переписывались в XIX и начале XX в. Благодарю Михаила Приймича, любезно познакомившего меня с этими изображениями.

20 Надпись на медальоне с портретом Иосифа II гласит: «IOS. II.D.G.R.I.S.A.GER.IER.REX», что означает «*Iosephus II. Dei gratia Romanorum imperator semper augustus Germaniae, Ierusalimae rex*» («Иосиф II Божией милостью священный император римлян, король Германии, Иерусалима»). Такая надпись фигурировала на крейцерах, отчеканенных в 1773–1777 гг. См.: *Unger E. Magyar éremhatározó III. Ungarischer Münzbestimmer* Вр., 2001. Bd. 3. Kat. 1309, 1311–1312. На портрете Марии Терезии: «M.THERES.D.G.R.I. G.H.B.R.A.AUST», что означает «*Maria Theresia Dei gratia Romanorum imperatrix, Germaniae, Hungariae, Bohemiae regina, archidux Austriae*» («Мария Терезия Божией милостью императрица римлян, королева Германии, Венгрии, Богемии, эрцгерцогиня Австрии»). Эта надпись встречается на медных крейцерах, выпущенных в 1761–1763 гг. См.: *Unger E. Magyar éremhatározó. Kat. 1272*. На портрете Франца: «FRANC.D.G.R.I.S.A.G.IER.REX», что значит «*Franciscus Dei gratia imperator semper augustus Germaniae, Ierusalimae rex*» («Франц Божией милостью священный император римлян, король Германии, Иерусалима»). Такие надписи встречались на дукатах, отчеканенных в 1749–1765 гг. См.: *Unger E. Magyar éremhatározó. Kat. 1283–1285*.

21 Впервые опубликовано в: *Prijmics M. Az ungvári Szent Kereszt görögkatolikus székesegyház és a püspöki palota konzisztórium termének falképei // Középkori templomok a Tiszától a Kárpátokig. Középkori templomok útja Szabolcsban, Beregben és Kárpátalján / Szerk. T. Kollár. Nyíregyháza, 2013. 2. köt. 405–407. old.*

22 Михай Шпалинский тоже составил калькуляцию выполнения работ по росписи епископской резиденции, однако, по всей вероятности, не он выполнил эти работы. См.: ДАЗО. Ф. 151. Оп. 25. Д. 203. Л. 8.

23 О дворце графов Радаи в Пецеле и так называемой придворной картинной галерее и похожих памятниках см.: *Lángi J. A péceli Ráday-kastély falképei // Aranyidők a péceli Ráday-kastélyban / Szerk. A. Berecz, J. Lángi. Вр., 2003. 100–104. old. (21–23. kép)*. Дворец в Фелшэхетвеге (в разные годы принадлежал семействам Химеров и Есенских) украшен портретной галереей венгерских королевских наместников (надоров).

См.: *Lővei P.* «...az akkori divat követelményeinek behódolva...» A feshídvégi Hiemer–Jeszenszky-kastély és falképeinek sorsa // *Ars Hungarica*. 2013. XXXIX. köt. Supplementum. 141–150. old.

24 *Petrová–Pleskotová A.* Maliarstvo 18. storočia na Slovensku. Bratislava, 1983. S. 85. В мае 1772 г. в Хомонне также работал художник Дёрдь Шолнаи из Надьмихая (Михаловце, Словакия), но сведений о том, что он написал, нет. См.: *Granasztói O.* Francia könyvek magyar olvasói. A tiltott irodalom fogadtatása Magyarországon 1770–1780. Bp., 2009. 126–127. old. (Res Libraria. Vol. III).

25 Фрески реставрировал Игор Жуха. См.: *Spaleková E.* 30 rokov Oblastného reštaurátorského areliéru v Levoči 1983–2013. Katalóg realizovaných reštaurátorských prác. Levoča, 2013. S. 27.

26 Несомненно, что зимой и весной 1780 г. в залах дворца работал некий живописец, о чем нам известно из письма И. Кутки. В другом письме он, в частности, писал, что через несколько дней роспись одного из залов будет завершена: «[Pictor] Fresko his diebus salam terminabit...» И. Кутка — епископу А. Бачинскому, из Унгвара в Мункач, 8.VIII.1780. См.: ДАЗО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 2886. Л. 71.

27 Там же. Л. 58.

28 *Puskás B.* Bacsinszky András püspöki reprezentációjának emlékei // Bacsinszky András munkácsi püspök. 186–187. old.

29 *Janka Gy.* A bécsi udvar lépései a nagyváradi és a körösi görög katolikus egyházmegyék felállításában (1775–1777) // *Athanasiana*. 1996. 2. köt. 107–115. old.

30 *Kulcsár K.* II. József utazásai. 282. old.

31 *Radu J.* Istoria diecezei române-unite a Orășii-Mari. Scrisă cu prilejul aniversării de 150 ani dela înfițarea aceleia 1777–1927. Oradea, 1930; *Sabău N.* Metamorfoze ale Barocului Transilvan. Vol. 2. Pictura. Cluj-Napoca, 2005. 60., 341., 307., 308. kép.

Terdik Sz.

Joseph II and the Greek Catholics

Maria Theresa's reign (1740–1780) was throughout marked by her care for the Greek Catholics, who were present in Transylvania and in the Northeast of the Kingdom of Hungary. Joseph II has acquired personal experience about them during his travels in 1770. It seems to be likely that Joseph II did indeed show interest in the Greek Catholics and could obviously exert influence even on specific decisions in this regards during the final decade of the reign of

Maria Theresa. It cannot be claimed though that after 1780 he would continue to act as a father imitating the motherly care demonstrated by the empress previously. To him, granting the other Christian confessions equal status was equally if not more important than guaranteeing it to the Greek Catholics alone.

Keywords: *Maria Theresa, Joseph II, Hungarian Kingdom, Transylvania, eighteenth century, Greek Catholics, Munkács / Mukacheve, Ungvár / Uzhorod, Balazsfalva/Blaj, Nagyvárad / Oradea.*

В. И. Косик
(Москва)

Актер, сцена, власть

В статье освещается тема национализма в искусстве стран бывшей Югославии, прежде всего Сербии и Хорватии. Достаточно подробно прослежены судьбы актеров, режиссеров, спектаклей во время наступления национализма, а также реакция общества и власти на сцену и ее героев.

Ключевые слова: *Сербия, Хорватия, Косово, театр, сцена, пьеса, культура, национализм.*

«Это все кино, пропаганда» — может сказать тот, кто «добру и злу внимает равнодушно». Но хорошо, что таких историков мало. Всегда больше тех, кто пристрастен в любви к своей стране, своему народу, исконным традициям, кто стремится быть хранителем своей истории.

Это легко, когда речь идет о мононациональном государстве. Однако в случае с Югославией — этой «ошибки Сербии», по выражению деятеля сербской политической жизни Томислава Николича, — все выглядит сложнее, чем в кино. Пожалуй, больше всего страстей разгорелось именно в Сербии — «агрессоре» и «жертве».

Национализм, патриотизм, Сербия, лучше всего «Великая» — вот три кита, на которых держались ее жители, проникшиеся не без помощи СМИ национальным самосознанием. Это были «свои». Однако действовали и «другие», имевшие свой взгляд на югославский костер.

Пожалуй, лучше всего на роль «другого» подойдет легендарная личность Борки Павичевич (Borka Pavičević), бросившей вызов власти, воюющей в Вуковаре, бомбившей Дубровник...

История Борки Павичевич, ее борьбы отчетливо прослежена в ее обширном интервью Тамаре Никчевич (T. Nikčević), помещенном 19 декабря 2013 г. в журнале «Vreme» за № 1198, под заголовком «Краткая история отравления культуры» («Kratka istorija kulturnog trovanja»). Этот информативный источник оказал неоценимую помощь в обрисовке интереснейшей ситуации, складывавшейся на поле культуры и национализма.

Кто она? Главная фигура в образованном 1 января 1995 г. Центре культурной деконтаминации, точнее, очищения культуры от

всех «инфекций», загрязняющих страну и ее жителей. В их числе была и война. Именно из антивоенного движения в Белграде, точнее из «Белградского круга», и возник Центр, сплотивший тех, кто в атмосфере «националистического мятежа» выступал против развала Югославии, войн в Хорватии, Боснии и Герцеговине, осады Сараево.

Любопытно отметить, что свою работу новая институция начала в морге Клинического центра Сербии, потом, правда, перебралась в другое место. По словам Б. Павичевич, морг стал своеобразным символом «отчаяния и немоги остановить сербские силы, стрелявшие три с половиной года по Сараево». Были даже мысли огородить Центр колючей проволокой или воздвигнуть перед зданием памятник дезертиру.

За два десятилетия в нем, по словам Павичевич, были организованы различные театральные представления, он служил трибуной и местом проведения протестов против насилия и нетолерантности. Но, к сожалению, подчеркивает она, мало что изменилось, хотя после 2000 г. «инфекция “мало-мальски” остановлена»; но после «ремиссии болезнь вернулась» по мере прихода к власти правых сил.

В отличие от левых сил, которые «образовывают и размышляют», правые всегда «рекрутируют, репродуцируют». И поэтому, убеждена Павичевич, они сейчас имеют «одного и того же размноженного человека: один язык, одна мимика». И те же лица, и та же атмосфера «национализма, ксенофобии, нетолерантности, ненависти к другим, провинциализации... организованного и неорганизованного насилия». Именно в этой атмосфере в мае 1991 г. в Югославянском драматическом театре была прервана премьера представления Синише Ковачевича «Святой Савва» («Sveti Sava») в режиссуре Владимира Милчина (Vladimir Milčín).

Вот как вспоминает то время Б. Павичевич, для которой националисты и фашисты неразделимы: «Когда я той ночью подходила к зданию Югославянского драматического театра... в котором игрался спектакль Зеничского народного театра, я увидела огромное число полицейских машин, перекрашенных в “военные”, на которых были написаны четыре “S”. Слова смотрелись как разломанные ножи. Рядом стояли люди с транспарантами с теми же разломанными словами... Мы вошли в театр, сели; поднялся занавес... И тут поднялся крик: “Пошли вон!...” ..именно так той ночью вели себя те, которые прервали премьеру, так вели себя и в 90-е годы, так ведут и сейчас.

Все! Видела, каким способом мобилизуют, как эта национальная волна поднимается и готовится; как их легко охватывает то сладкое ощущение нации...»

Чем же этот спектакль не угодил сербским патриотам из Святосавского общества? Может быть, нецензурной лексикой? Не уверен. Языком пьесы? Но, как утверждал сам автор, «в языке нет стыда», «в искусстве нет препятствий». Пошлостью в современном понимании? Не думаю. Высказыванием Растко о том, что «народ вшив», и прочими резкими оценками состояния народа? Уже ближе к истине. Именно в резких оценках времени, двора Неманичей, да и самого будущего святого Саввы следует искать причины неприятия спектакля. Председатель Святосавского общества церковнослужитель Жарко Гаврилович назвал пьесу «издевательством» над сербским народом, который показан как «нецивилизованный»¹. Недоумение о Жарко Гавриловича вызвало и то обстоятельство, что многие актеры, задействованные в пьесе, были хорватами и мусульманами². Кстати, всю истину своих оценок он увидел в последовавшем пожаре театра, воспринятом как Божья кара. Х. С. Чатович в своей статье, опубликованной в 2012 г., пишет, что автор «не нарушает ни культурное, ни религиозное состояние, лишь показывая только политическое состояние в Сербии между Византией и Венецией». И что еще важно: автор, как подчеркивает Чатович, показывает своего героя как человека, «которого несет через пустыню ренессансный дух»³.

Итак, повторяю, одни говорили, что пьеса имеет все права быть поставленной на театральной сцене и в ней нет никакого принижения личности св. Саввы.

Другие утверждали, что спектакль «Sveti Sava» — вульгарное, ложное, хотя бы с исторической точки зрения, полное хулы «сочинение», которое оскорбляет самые глубокие, самые святыи религиозные и национальные чувства. «За этим заявлением, — подчеркивает дальше Х. С. Чатович, — скрывались не только “новые сербские демократы” под водительством группы членов Сербской святосавской партии, но и примкнувшие к ним студенты Богословского факультета в Белграде, а также некоторые сторонники Сербского движения обновления и другие оппозиционеры»⁴.

Это громкое заявление было опубликовано в старейшей и авторитетной сербской газете «Политика». Глава святосавской партии там писал, что в спектакле «недостойным образом показывается жизнь сербского святого»⁵. Однако каких-либо фактов им не было приведено.

Но, тем не менее, сербские патриоты, подогретые национально-политическими чувствами, были убеждены, что он оскорбляет: «1) величайшую сербскую святыню... 2) национальные чувства, 3) религиозные чувства, 4) историю народа». Культура, искусство, религия, нация и традиция — все было брошено «под ноги» этим спектаклем⁶.

Другие полагали, что пьеса тем хороша, что показывает то жестокое время, в котором жил и действовал, боролся, достигал своих целей Растко, будущий св. Савва, вынужденный в определенных ситуациях применять способы, не особо сочетающиеся с моралью, но бывшие для тогдашнего времени обычными.

Победили патриоты, для которых житие св. Саввы одерживало верх над бытием⁷.

Для самой Б. Павичевич «новые времена под новыми небесами», под флагом набирающего силы национализма, стали временем борьбы.

Времена братства и единства кончились. Наступало время «исправления ошибок», допущенных историей. «Свое» больше не хотело «чужого». В начале 1990-х годов, когда в Белградский драматический театр пришла Борка Павичевич, началась забастовка, вызванная отказом властей в утверждении предложенного ею репертуара, в котором значились имена Мирослава Крлежи с его «Овчаркой» и Ивана Цанкара. Хорват и словенец стали «чужими» в Сербии. Ответ Павичевич не заставил себя ждать: она разместила на здании театра «Крест» (точнее, «Черный крест») Казимира Малевича.

В своем интервью, которое можно назвать своеобразной исповедью, Павичевич подчеркивала, что в «новом времени» действовали различные «патриотические элементы», которые на дух не переносили идеи югославянской культуры. Причем больше всего «их» irritировал Мирослав Крлежа, воспринимавший Югославию как «величайшее достижение югославянских народов».

Б. Павичевич изменила бы себе, если бы сдалась на милость тех, кто будет называть ее предательницей. С 2012 г. в Центре «культурной дезинфекции» играют пьесу Крлежи «Поездка в Россию».

Но это было потом. После отказа в постановках Крлежи и Цанкара театр оставили без телефонной связи, на доске объявлений писалось — «предатели». Впрочем, иного и трудно было ожидать, учитывая многонациональную труппу. Там играли Энвер Петровци, Азра Ченгич, Розалия Левай, Уликс Фехмиу, Харис Бурина... (Enver Petrovci, Azra Čengić, Rozalia Levaj, Uliks Fehmiu, Haris Buřina...)

И как горько и зло вспоминает Б. Павичевич, что когда бы она ни позвала Энвера Петровци, косовского албанца, в театре говорили: «Хей, шиптар, зовет тебя директор!»

Начались угрозы артистам Харису Бурине, Раде Шербеджии, которому «советовали» вернуться в Загреб, запугивая его тем, что дети могут пострадать... На основе поступавших в адрес театра соответствующих писем Борка Павичевич в конце 1990-х годов поставила спектакль «Projekat K.» («Проект К»).

И что власти? Реакции министра культуры Наде Попович-Перишич на ее слова о преследовании в театре людей другой национальности не последовало под предлогом, что она все не так описывает.

Примерно в 1993 г. в Париже Борка Павичевич вместе со своими единомышленниками по «Белградскому кругу» во время встречи с видным деятелем культуры Жаком Лангом и его коллегой Роланом Димом требовали от имени гражданского общества в Югославии (Гражданское движение сопротивления) остановки войны в Боснии и Герцеговине, признания мультигражданства, чтобы отклонить последствия этнических чисток. С этой программой они пошли в Совет Европы в Страсбурге... Но, как говорит она в интервью, тогдашний председатель Совета, Катрин Лалимьер (Katrin Lalimijer), «спустя десять лет сказала мне, что только в 2002 году поняла, о чем мы тогда говорили». Небольшое добавление: участница парижской поездки Мирьяна Миочинович (Mirjana Miočinović) во время своего выступления в одной из библиотек заявила, что в Белграде «к власти пришел фашистский режим».

Война продолжалась.

Белград встретил участников этой поездки жестокой кампанией, называя их «предателями». Даже началась полемика о национальности матери Борки Павичевич: была ли она хорватка или словачка, чешка... Тогдашний министр культуры Сербии Джукич (Đukić) назвал их «надреалистической клоакой» («nadrealističkom kloakom»), «крысами из парижской канализации» («racovima iz pariske kanalizacije»), что было вполне закономерно и отвечало «новым сербским небесам». И как итог — уход из театра.

И еще одна судьба не прижившегося при патриотах новой Сербии — замечательного актера Энвера Петровци, «шиптара», о котором упоминалось ранее. (Посвященный ему текст построен на интервью, данном «Радио Свобода».)

«Взрыв национализма» обусловил возвращение актера в Приштину, где он потратил все свои деньги на создание, в частности,

своего небольшого театра, занимался педагогической деятельностью, среди его студентов были и сербы.

В 1998 г. американская ассоциация Арт Слинг провозгласила Энвера Петровци лучшим актером юго-восточной Европы.

Но, как он подчеркивал в интервью: «Я чувствую себя актером, который как артист умер. Умерли мои амбиции быть лучшим актером в мире. Мы слишком долго жили в Косово как в гетто, и все еще так живем»⁸.

В то же время, по его же словам, его по-прежнему приглашают в Белград. Так, на юбилее знаменитого театра «Ателье 212» ему достались «самые большие аплодисменты». президент Борис Тадич тогда сказал ему: «Какого черта ты сидишь в Косово, видишь, как тебя публика любит, твое место здесь!» Энвер Петровци вспоминал, что Борис Тадич «сразу пригласил управителя Национального театра и попросил выполнить все мои пожелания касательно ролей... Но когда я разговаривал со своими белградскими друзьями, они мне искренне сказали, что то время, когда я бы мог вернуться, еще не пришло, что это проблема не театра, а моей личной жизни. Белград уже не такой, каким он был. Пришли какие-то новые люди. Они говорят по-сербски, а я их совершенно не понимаю — не понимаю их образ мыслей, не понимаю их темы разговора... Может быть, действительно, рано мне возвращаться. Ведь у меня цель не только вернуться, чтобы играть новые роли, я хочу быть любимым, как я был любимым раньше... я хочу себя чувствовать красиво»⁹.

Нетрудно понять Энвера Петровци: действительно, вновь стать любимцем белградской публики было в то время практически невозможно. Прежняя многонациональная Югославия, в которой он «не чувствовал себя отличным от других», ушла в прошлое, новая же стала «другой», пролившей албанскую кровь.

Многое переменилось, в том числе и в искусстве. Актер, педагог, автор известной драмы «Проклятые» о братьях из смешанного сербско-албанского брака Энвер Петровци горько говорил: «Я спрашиваю молодежь, почему вы не ходите в театр? Они отвечают, что это не входит в список их интересов... Я думаю, что сейчас зрителей в Приштине не интересует хорошее искусство. наших людей не интересует театр, их интересует политика. Они с большим интересом посмотрят разговор двух-трех политиков по телевидению, чем лучший спектакль в мире, я уверен! Мою профессию украли политики, они стали актерами лучше, чем мы. Политики воспользовались временем, в котором мы живем. Они создают спектакли, интересные для

народа. И я их поздравляю с тем, что они стали хорошими актерами. Они нас победили»¹⁰.

И все же Энвер Петровци уверен в том, что в будущем балканские народы будут вновь вместе. Приведя китайскую мудрость, гласящую, что «люди воюют, чтобы после войны начать с того, где остановились», актер говорил: «То, что Югославия раньше объединилась, не случайно, как и не случайно то, что она разделилась. Но мы все-таки осуждены на то, чтобы жить вместе. Ведь мы не можем только самолетами летать. Мы из Косово должны проезжать через Сербию, Боснию, Черногорию, через Македонию, Албанию, Грецию, Румынию. И нет смысла жить одним. Я думаю, что когда-то мы снова объединимся. Будет ли это каким-то балканским союзом, или Европейским союзом, не знаю. Но если объединились немцы и французы, французы и англичане, которые веками воевали друг с другом, то почему бы и нам это не сделать. А уважение друг к другу мы должны снова построить. Может быть, из-за того, что на небольшом пространстве Балкан проживает так много народов, наши отношения и наша история были столь сложными. Мы к тому же еще и темпераментнее остальных. Более того, мы, к сожалению, никогда не умели выбирать своих вождей. Редко у нас был лидер, который помогал нам развиваться. Мы носим в себе какое-то упрямство, какую-то нездоровую гордость. Поэтому нас и представляют лидеры, которые умеют только драться, кричать и грозиться, загоняя народ в безвыходные ситуации, вплоть до войны»¹¹.

Несколько слов о белградском театре «Индекс» («Indexovo pozorište»). Откуда название? Просто студенческий «индекс» — это зачетка. Именно этот театр позволял показать в шаржированном виде югославскую политику «в разрезе» и в лицах, легко узнаваемых зрителями. В общем, по моему мнению, все же это больше театр сатиры, причем язвительной, ироничной, я бы даже сказал площадной.

Итак, спектакль «Не оставляйте меня одного, пока звучит гимн» («Ne ostavljajte me samog dok himna sviri»). Сценарист Саша Ковачевич (Saša Kovačević).

Время — довоенное. Действующие лица — лучшие сыны народов, которых легко или почти легко можно узнать, как, например, лидера косовских албанцев Ибрахима Ругову, главу Хорватии Франьо Туджмана (выведенного под именем Сраньо), блестяще показанных актерами.

Сам спектакль можно условно разделить на две части.

Первая в основном связана с сербско-хорватской темой, вторая — с воскресшей на сцене фигурой Тито.

Причем «ситуация тем тяжелее, что в жилах персонажей пьесы течет общая кровь по матери» — эти закадровые слова можно понимать и как надежду на лучшее будущее или — напоминание о прошлом. Все они «господа-братья», что подчеркивает всю неординарность времени, в котором они «живут и действуют».

Здесь «Ругова» представлен как «охотник» на сербов и черногорцев. «Сраньо» показан «господином-братом» косовского албанца в борьбе против «гнусных сербов».

Но главный персонаж — серб, для которого нет ни македонцев, ни черногорцев: все они сербы, даже словенцы и те из «сербского племени». Последних отличает, по его утверждению, немного только язык и религия, но вся их земля точь-в-точь «чистая Шумадия».

Все же основное внимание в разыгрывающихся сценах направлено на хорватов. Именно они, утверждает серб, должны принести самые нижайшие извинения за то, что они причинили сербам. Но слышит: «За что?» Ответ следует незамедлительно: «Ясеновац — вот что». «Вы мелкие люди», — заявляет хорват.

Было отчего взбеситься сербу, мгновенно перечислившему хорвату несколько мест гибели сербов только на букву «Я». Но даже это грозное напоминание не смутило хорвата, свалившего все на войну, на невозможность отличить мирного крестьянина от повстанца.

Однако сербское наступление на сцене продолжается. Границы Сербии должны быть расширены: туда отойдут Босния, Македония, Черногория, хорватские города Дубровник, Сплит, Приедор, Преполье, Беловар, Книн с Истрой.

Короче говоря, хорватам останется только Загреб, но уже без Слеме, Максимира, Дубравы, Трешневки.

Албанцам может быть предоставлен только Голи оток (Голый остров, на котором во времена титовской Югославии был размещен печально известный лагерь для «неприятелей» Тито).

Свое мнение высказывают и другие участники пьесы.

Хорват выступал за включение Боснии и Герцеговины в границы своей страны.

Косовский албанец смотрел на передел границ глобальнее. По его запальчивому пророчеству, через некоторое время «вся Европа будет великой Албанией!».

В общем, здесь представлена «охота» за территорией, главное — стремление к Великой Сербии, полагаю. Во всяком случае, не только

актеры, но и весь сербский зал жил на сцене, реагируя на каждое острое словцо, на острые вопросы и ответы, затрагивающие не только историю, но и современность.

Вторая, условно говоря, часть посвящена Тито и его «разбору полетов» со своими «наследниками». Причем зал в восторге: аплодисменты Тито, что говорит о многом.

Все закономерно: Тито заставляет хорвата петь песню «Сербия моя» («Србија моја») и в то же время принуждает серба целовать хорвата.

В общем, он «издевается» над ними, заставляя зал хохотать.

Занавес следует после «исчезновения духа Тито» и показа опустевшей сцены, где остается только один персонаж.

Играет гимн.

Заключительные слова: «Не оставляйте меня одного, пока звучит гимн».

И что в итоге?

Тут может быть несколько вариантов: например, здесь и сатира на власти и одновременно мечта о Великой Сербии, процесс распада страны и призыв к единению, пока от страны не остался один гимн.

Главное: зал был в восторге.

Возможно, что какой-нибудь эстет может, презрительно сморщив губы, произнести «дешевка», но, судя по бурной реакции зрителей, спектакль воспринимался совсем иначе.

В сущности, спектакль наполнен антихорватизмом, не забыты и мечты о расширении жизненного пространства той же Сербии.

И еще: пьеса написана, соткана, сотворена из реалий жизни, политической, культурной, общественной. Она радикальна до пошлости, смела в своих обличениях, национальна до гротеска, клиширована в суждениях...

И как небольшой вывод: актер и театр не всегда едины. Их может объединить власть. И, разумеется, нельзя забывать, что «колесо фортуны» или «судеб» крутят верха. Причем, как ни парадоксально, «выгодно» быть жертвой «другого»: Хорватия жертва Сербии, Сербия жертва Хорватии...

А что же хорватская драматургия?

Вначале небольшая зарисовка, связанная с катарсисом. Я говорю о спектакле под названием «Картины Марии» («Slike Marijine») (1992) Лидии Шеуерман Ходак (Lydiija Scheuerman Hodak). В ней главная героиня, в конце пьесы принимает истину о зачатии

своей внучки после того, как простит врагам, насилловавшим ее и дочь... Именно «прощение, которым Просперо в “Буре” Шекспира прерывает великий механизм зла и освобождается от ненависти, и здесь, — заключает свой обзор Франк Франчешевич (Franka Frančević), — открывает двери надежды на возможность лучшей жизни».

Но все же это текст, сотворенный еще во время войны, когда верилось в лучшее¹².

Продолжая театральную тему, нельзя не назвать знаменитого хорватского режиссера, руководителя театра «Ivan Zajc» в Риеке Оливера Фрлича (Oliver Frlić) и его спектакль «Александра Зец» («Aleksandra Zec») по пьесе Марина Блажевича (Marin Blažević).

Это спектакль о том, как хорват трактует сербскую «чужую» тему о драме убийства 7 декабря 1991 г. в Загребе двенадцатилетней сербской девочки Александры Зец и ее родителей, погибших от рук резервистов Министерства внутренних дел Хорватии.

На 48-м Белградском интернациональном театральном фестивале эта пьеса получила Гран-при «Мира Траилович». Это театр.

В жизни участники этого преступления после признательных показаний были выпущены на свободу, один из них в 1995 г. был награжден главой Хорватии Ф. Туджманом орденом «Reda Nikole Šubića Zrinskog». Это реальность.

Содержание пьесы, как пишет Анна Тасич (Ana Tasić) в статье «Войны без конца» («Ратови без краја»), призвано к тому, чтобы не канула в забвение трагика этого события и были осуждены «оправданные законом военные преступления». На сцене, пишет она, предстает смесь документального и драматического, реального и нереального, мира живых с миром мертвых, разговоры Александры с девочками о преступлениях, войнах, политике, национальных разделениях и о «невинных буднях жизни». В завершающую часть спектакля включено возвращение Александры из мира мертвых. Четверка девочек выкапывает ее тело, символизируя тем самым необходимость сохранения памяти о трагическом конце¹³.

Гробовое молчание, последовавшее после спектакля в Риеке, заменило собой аплодисменты. Публика всхлипывала или молчала. И нет катарсиса, а только «оплакивание жертв»... Сам спектакль, выстроенный как «поэтическая партитура эмоций и фактов, — пишет Татьяна Мандич Ригонат (Tatjana Mandić Rigonat), — ...рождает эмоциональную связь невероятной густоты» и то ужасное чувство, что среди публики «может сидеть и кто-то из убийц, и смотрит»¹⁴.

К этому стоит добавить, что у театра перед началом пьесы собралась группа хорватских добровольцев с плакатами. На некоторых из них было написано: «Кому преступление над Александрой Зец было только на руку, чтобы очернить всю Хорватию», «86 мертвых вуковарцев», «Когда хорватские жертвы получают свою пьесу?», «402 хорватских ребенка пострадали от четников»¹⁵.

В книге «Александра Зец» режиссер пишет: «После двадцати с лишним лет имя Александры Зец все еще служит демаркационной линией в хорватском обществе. С одной стороны это те, которые lamentируют над судебным фарсом, который убийц без учета их признаний и материальных доказательств оставил на свободе. С другой стороны, те, которым Александра Зец служит исключительно для установления различия между «нашими» и «их» жертвами. В такой виктимологической дихотомии «наши жертвы» получают места особого пиетета и «мрамор их помнит», в то время как «их» оставляем медийским стервятникам, постоянному новому пережевыванию того, что национально лоботомированное сознание никак не может переварить»¹⁶.

Пожалуй, лучше не скажешь. Сама 55-минутная постановка подтверждает, что искусство может быть талантливым и просто правдивым, даже если оно рождено «чужим».

Если говорить подробнее о постановках Фрлича, то можно назвать такой политический спектакль, как «Зоран Джинджич» (Zoran Đinđić). По своей сути постановка имела право называться политическим памфлетом, поставленным в белградском театре «Ателье 212». Здесь подчеркнут только три момента.

Первый — окуная руки в бочку с «кровью», на которой выделяются слова «новая сербская история», очередной персонаж пьесы зачитывает со сцены разнообразные «обвинения», относящиеся к различным темам, от чисто бытовых до проблем сербской новейшей истории времени премьерства Зорана Джинджича, убитого в 2003 г. Например, «Из-за вас мы напали на Словению в 1991», «Из-за вас мы ушли из Словении», «Из-за вас мы стали аллергичны на слово “Косово”», «Из-за вас мы убили Зорана Джинджича», «Из-за вас мы смотрели, как убивают жену, детей, семью». Вопрос только в том: кто «мы» и кто «вы», кому предназначены эти обвинения? Джинджичу? Или всему обществу? Обоим. Но все же полагаю, что больше — обществу, власти. Если быть еще точнее: виноваты все.

Второй: талантливая игра со словом «демократија», из которого «выскакивают» новые слова — «рат» («война»), «рај» («рай»),

«крај» («конец»), «комедија» («комедия»), «крадемо» («воруем»). Все завершается опять появлением слова «демократија»¹⁷. Я бы сказал, что здесь высвечены основные принципы государственной «философии» многих стран, и даже великих держав.

Третий: это спектакль для тех, кто хочет увидеть себя, иными словами, для сербского общества, только вопрос, есть ли оно? Во всяком случае, со сцены требуют ответственности от всех, и никто не может остаться наблюдателем. Одновременно ставится вопрос, может ли общество называться таковым, если оно политически «необразованно»?

Однако главное в спектакле, в режиссуре — свобода игры, свобода слова, отсутствие всех рамок, свобода провокации, когда зритель мог увидеть на сцене лозунг или эпитафия ко всей новой истории Сербии: «руке су нам кржаве, али нама је савест чиста» («наши руки в крови, но совесть чиста»). По крайней мере, пьеса должна была «пробудить» сербов, заставить работать их мысль.

И еще, спектакль может быть назван антинационалистическим, но в то же время само «правление» Джинджича можно трактовать как многозначное, критиковать и «слева» и «справа».

И последнее: кредо режиссера Оливера Фрлича — «вывести театр за пределы безопасности».

И завершающая ремарка: стало обычным называть Оливера Фрлича хорватским режиссером. Это определение использовано и мною уже на основании того, что он руководит театром в Риеке. Но в своем выступлении, помещенном на YouTube, 16 октября 2015 г. в Нови-Саде сам Оливер Фрлич заявил, что он не хорватский режиссер уже вследствие того, что работает на культурном поле, которое шире национальных рамок. Высказывая благодарность Хорватии, Фрлич подчеркнул, что его работа связана с разрушением национальных перегородок, которые конструированы за прошедшие 20 лет. Более того, по его мнению, «понятие Югославия» в будущем обретет свою настоящую ценность. И, может быть, главное, насколько я понял его слова на YouTube, что политическая система не может быть изменена ненасильственным путем¹⁸.

Свидетельством этому может служить демонстрация нескольких сот риекских граждан, участников «домовинского рата» (Отечественной войны), славящих День Победы и одновременно протестующих против Оливера Фрлича, поставившего в августе 2015 г. в риекском ХНТ (Хорватский народный театр) в сотрудничестве с Сербским народным вечем (Srpsko narodno vijeće) документальный

спектакль «Другая война» («*Drugi rat*»), в котором пять женщин различной национальности проговорили свои рассказы о прошедшей войне¹⁹.

Перед спектаклем было прочитано слово Бояна Главашевича (Bojan Glavašević), помощника министра обороны Республики Хорватия: «Война — это самое ужасное, что может встретить человек. Ширится смерть. Уничтожает имущество. Сжигает дома. Но это не самое худшее. Худшее в том, что человек теряет человечность... По прошествии некоторого времени мы перестанем воспринимать свидетельства жертв... Судим прежде, чем слышим. Закрываемся и как отдельные лица, и как общество... О войне необходимо говорить, и нужно помнить войну. Это нужно делать из-за нас, которые пережили войну, из-за украденного детства, школьных лет, проведенных в убежищах, и студенческих дней, проведенных в окопах. Мы должны это делать из-за тех, которые не дождалась окончания войны и новой жизни, так как таким образом сохраняем их от забвения.

В конце концов, и самое важное, мы должны это делать для тех, которых война не затронула и они не имеют собственных воспоминаний о страданиях и боли. И хорошо, что не имеют, — таким образом, в их сердцах остается больше места для любви, неиспорченной... Только такие люди могут построить мир без войны... В войне нет ничего хорошего. Хорошее есть только в людях. Поэтому, в сущности, помним людей, а не войну»²⁰.

Хорватские добровольцы увидели в этом спектакле оскорбление Хорватии, пролившей кровь за свободу, и требовали отставки Фрлича. Демонстрация сопровождалась столкновениями хорватов и сербов. Так искусство превращается в политику, кровь...

Граффити «Смерть Оливеру Фрличу» появилось 3 февраля 2016 г. в центре г. Винковци на стене трехэтажного дома, что на улице Ивана Гундулича. В сообщении местного отделения Социал-демократической партии Хорватии расценили это граффити как «растущий тренд ненависти и дискриминации»²¹. В свою очередь, сам режиссер в своем прогнозе для «Новой газеты» («*Novi list*») заявил, что «угроз смертью всем, кто не соглашается с государственной ложью, которой HDZ (Христианско-демократическое объединение. — В. К.) за 25 лет промыли мозги гражданам этой страны, будет все больше и больше». Одновременно прославленный режиссер открыто подверг критике нынешнее руководство Хорватии и HDZ за потворство криминальным типам, отрицание ценностей антифашистской борьбы, насильственное навязывание своей правды. Поэтому,

предупреждает режиссер, совершенно не случайна схожесть с Германией 1930-х гг.²²

В другом спектакле, поставленном Оливером Фрlichem, под названием «Трусость» («Kukavičluk»), Срджан Секулич (Srdjan Sekulić) в завершающей сцене обращается к публике следующими словами: «Сцена, которую мы представим вам в конце пьесы, очень проста. В ней мы перечислим имена 505 убитых и идентифицированных жертв из Сребреницы... Мы не хотим никого обвинять. Мы не будем пытаться дать точные и неточные числа. Все, что произойдет, если что-то произойдет, произойдет и в вас. Вы услышите имена, которые для вас ничего не значат, которые тяжело произносятся, которые мы выучили наизусть. Вы услышите имена, которые не можете связать с каким-либо ликом, так как коллективные смерти всегда безличны. Для прочтения этих 505 имен потребуется какое-то время, около восьми-девяти минут. Это время будет гораздо короче того времени, которое было нужно для убийства 505 человек»²³.

Именно к этой сцене весьма приложимо определение «террор памяти».

И еще. В то время, когда югославские Балканы объявляются «Югосферой», а в сербской элите живут идеи евросербства, идет тихий процесс анационализации, можно сказать, уничтожения национальной памяти. Это весьма ярко прослеживается в театре, где действует «террор памяти», но с обратным знаком. Этот процесс идет медленно, но движется. Европе не нужна «балканская дикость», которую выдают, например, в Сербии за культуру. Следовательно, людям необходима «промывка мозгов» через демонстрацию антикультуры. И на сцене начинают ставиться такие спектакли, как «Падение» («Pad») (2000 г.), автор Бильяна Срблянович (Бильяна Србляновић).

Концентрация идеи пьесы содержится в десятой сцене. Главный герой этой драмы, пишет Слободан Антонич, разумеется, «скверный» владыка Николай Велимирович, как бы выведенный Б. Срблянович под именем попа Николая Стратимировича. Стоит добавить, что, по ее же признанию, она много раз цитировала в пьесе «целые пассажи» тогда еще не канонизированного владыки Николая.

Он предстает в пьесе неким фанатиком. Его объяснения матери о причинах смерти над телом ребенка звучат грозно: «Европа, колыбель греха, несчастье в этот дом принесла! Водопровод, водопровод, водопровод! Канализация, канализация, канализация! Это все

те блага, которые нам сошедшая с ума Европа принесла. А зачем это порядочному человеку? Зачем ему чесма (облицованный источник воды. — В. К.), когда чист изнутри... Во что веруешь? В науку. Чему удивляешься? Культуре. Э, тогда узнай, мамочка, наука и культура твоего ребенка убили!» И дальше: «И что такое культура? Клочок бумаги и гипсовая колонна. Что есть наука? Гора лжи и еврейской клеветы»²⁴. Зритель может узнать, что все причины сербских мучений владыка Николай видит в словах на букву «П»: «пентиум», «пенициллин», «петтинг», «педерастия»... Его лозунг в том, чтобы всем сказать «НЕТ Цивилизации!» И в бой! Если же война будет проиграна, народ должен умножаться. «Когда в избранном народе родится мальчик, его земное существование есть только путь к вечной и блаженной смерти... Жизнь есть человеческая выдумка, медицина — опасный порок, образование — чужое, иностранное чудище, а мир — неприродное состояние, в которое человек через грех попадает!» После этих филиппик владыка Стратимирович отказывает в утешении матери умершего ребенка, даже когда она заявляет, что мальчик его сын. И когда отчаявшаяся женщина спрашивает Николая Стратимировича: «Какой же ты, божий человек?!», то слышит веселый ответ: «Фальшивый. Разве не видно?»

Слободан Антонич, размышляя о ненависти драматурга к своему главному герою, приходит к выводу, что «Николай — типичная пропагандистская карикатура, психологически неглубокая и сомнительная». Агитпроп. И если раньше такая пропаганда велась во имя «лучшего будущего и социализма», то теперь, пишет Антонич, «вероятно, во имя лучшего будущего и евроатлантической интеграции». Здесь и далее можно согласиться с автором статьи, что отношение писательницы к умершему старцу следует искать в 1990-х годах, когда многие из сербской элиты пережили болезненное потрясение умов. Здесь не только обретение нового сознания, но и внешнее давление, причем не только политическое, но и культурное, идеологическое и материальное. На одной стороне «авторитарный национализм Милошевича и материальное и духовное унижение... На другой стороне находились американские и западноевропейские культурные ценности», которыми элита еще и раньше, во времена коммунизма, «искренно восторгалась». Поэтому выбор был без выбора: только Запад. Однако «элитный мир» был потрясен бомбардировками тех, кто был идеалом²⁵.

Возможно, во всем этом и следует искать «выплескивание» «личного» на сцену? Было ли это «вывертывание себя» или «игра» — не знаю.

Но если учесть, что успех может быть обеспечен, когда в пьесе будут царить негативные стереотипы о Сербии и сербах, то становится понятным обращение автора к подобного рода постановкам. Именно об этом пишет С. Антониц, подчеркивая, что негативы о Сербии «стали частью системы ценностей и в мировой, и в местной элитах». Сербы для элиты стали мечены знаком «неудачника», того, кто проигрывает. И отсюда зрители приходили к одному выводу, к «спасению» себя, думая: «Нет, я не серб, никоим образом. Я элита, так как мне все это нравится. Мне это должно нравиться... Как прекрасно быть элитой!»⁶

И что дальше? Путь один: только Европа, европейский дух может преобразовать серба в европейца. Только в космополитической элите можно найти себя и свое будущее. Отсюда и «бег в Европу».

И последнее. Провокация в искусстве, на сцене не является чем-то необыкновенным: она всегда связана с вызовами обществу, если оно есть, государственным институтам, традициям, с ломкой если не фундамента, то надстройки, с попыткой разрушить остывшую в условностях человеческую психику, разум, в конце концов. Но здесь есть опасность того, что критика «сербского зла» превратится в клевету на историю и культуру Сербии.

И синтез — национализм перестает быть товаром со знаком плюс, только минус.

Возможно и слияние всех трех названных феноменов. Решать будет Европа, которая, как ни странно, сама находится на перепутье дорог национализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Intervju: Dr Žarko Gavrilović. Prekid predstave «Sv. Sava», 22. g. posle // <http://www.youtube.com/watch?v=UpZqUrHrFU0>

2 Ibid.

3 *Ćatović Haris S.* Drama Siniše Kovačevića // scribd.com > doc...
Drama Siniše Kovačevića

4 Ibid.

5 Ibid.

6 Ibid.

7 Ibid.

8 Svoboda.org. Радио «Свобода», 10 января 2016 г. Судьба актера. Завершение цикла репортажей из столицы Косово Приштины. Интервью Айя Куге с Энвером Петровци.

9 Ibid.

10 Ibid.

11 Ibid.

12 *Frančesević F.* Tko će nam vratiti katarzu? Antologija hrvatske poratne drame 1996.–2011., ur. Sanja Nikčević, Alfa, Zagreb, 2014 // Kazalište. hr, 7. siječnja 2015. <http://kazaliste.hr/index.php&p=article&id=2184>

13 *Tacuћ A.* Рагови без краја // Teatron — časopis za pozorišnu umetnost, № 168/169, 2014, Београд. С. 79.

14 *Mandić Rigonat T.* Pogledi sa strane. Aleksandra Zec // <http://www.politika.rs/search/searchEngineLanding/a/Aleksandra-Zec>

15 Ibid.

16 Ibid.

17 <https://www.youtube.com/watch?v=VaUOC1YAO1g>

18 <http://www.portaloko.hr/clanak/to-sto-je-frljic-2013-godine-govorio-u-novom-sadu-zapravo-jestav-sdpa-video/0/79504>

19 Ubij Srbina: Ovo su Frljiću u Rijeci uzvikivali zbog performansa o Oluji // <http://www.newsweek.rs/kultura/54064-ubij-srbina-ovo-su-frljicu-u-rijeci-uzvikivali-zbog-performansa-o-oluji.html>

20 *Glavašević B.* Sudimo prije nego što čujemo, 6 kolovoza 2015 // Hrvatsko glumiste h / <http://hnk-zajc.hr/u-ratu-samome-nema-niceg-dobrog-dobrote-ima-samo-u-ljudima-zato-se-u-bitu-i-ne-sjecamo-rata-nego-ljudi/>

21 Osuda grafita usmjerenoga protiv Olivera Frljića // <http://www.vecernji.hr/hrvatska/osuda-grafita-usmjerenoga-protiv-olivera-frljica-1057116>

22 *Breber M.* Frljićeva reakcija na prijeteći grafit u Vinkovcima: ‘To je Hrvatska o kojoj Karamarko sanja’ // <http://www.vijesti.rtl.hr/novosti/hrvatska/1924328/frljiceva-reakcija-na-prijeteci-grafit-u-vinkovcima-to-je-hrvatska-o-kojoj-karamarko-sanja/>

23 *Tasić A.* Kritička kultura sećanja — političnost dokumentarnog pozorišta u Srbiji. 2010–2011 // Teatron. N 156/157. S. 24, 25.

24 Цит. по: *Antonić S.* Ideološki I kulturni rat u Srbiji za promenu svesti naroda i evropeizaciju // <http://www.bastabalkana.com/2014/04/ideoloski-kulturni-rat-u-srbiji-za-promenu-svesti-naroda-evropeizaciju>

25 Ibid.

26 Ibid.

V. I. Kosik

Actor, stage, power

The text covers the topic of nationalism in the art of the countries of the former Yugoslavia, primarily Serbia and Croatia. Enough traced in detail as the fate of the actors, Actresses during the onset of nationalism, and performances of themselves and their Directors, as well as the reaction of the society, authorities on the scene and its heroes.

Keywords: *Serbia, Croatia, Kosovo, theatre, stage, play, culture, nationalism.*

А. Алипиева
(Шумен)

Первая мировая война и болгарский пораженческий роман «Багровая звезда, кровавая» Константина Петканова

Тема Первой мировой войны получила широкое распространение в болгарской литературе, но драматические последствия войны почти всегда освещались сквозь призму национальных мифов или посредством эстетических или экзистенциальных обобщений. Константин Петканов — автор, который оспаривает болгарский национализм как миф и представляет войну не как национальное явление, а как жестокое насилие над маленьким человеком.

Ключевые слова: *Первая мировая война, национализм, национальные мифы, демифологизация.*

В болгарской литературе одним из романов со сложной судьбой является «Багровая звезда, кровавая» (1934) Константина Петканова¹. Описывая участие Болгарии в Первой мировой войне, Петканов, в сущности, выходит за рамки своего традиционного амплуа. Автор патриотических романов и рассказов, книг, раскрывающих психологию народа, он придерживается одного из самых популярных в Болгарии видов национализма — романтического пафоса народного созидания, связанного с понятиями земли и крови. Как правило, в XX веке государство (как единая территория²) придерживалось неоспоримой, т. е. официальной трактовки национализма, где все отдельные группы подчинены официальному этносу.

Так, утраченные Болгарией земли Фракии, Македонии или Добруджи в литературе продолжают неофициально восприниматься как болгарские территории, о которых создаются рассказы и мифы и с которыми связаны культурные и социальные практики. В литературе официальные и «неофициальные» территории Отечества охватывают сюжеты об истории, прадедах, языке, создавая единый образ «священной земли». Еще в 20–30-е гг. XX в. критика назвала Константина Петканова «живописцем патриархального быта фракийского крестьянина»³, автором, «тема которого — болгарская деревня»⁴, писателем «из народа, посвятившим этому народу свое перо»⁵. Неудивительно, что появившийся в 1934 году роман «Багровая звезда, кровавая» разрушает устойчивые коды героико-романтического

пафоса этнического национализма и вызывает крайне негативный отклик в обществе.

Очередная национальная катастрофа, произошедшая после Первой мировой войны, не является объектом пристального внимания болгарской литературы. Боль и упадок продолжают излечиваться моралистическим пафосом национального объединения и сверхсилой национального идеала. Образцом в этом отношении может служить поэтический сборник Ивана Вазова «Не погибнет» (1919), где нация воспринимается как идейная общность. В это время разрухи и скорби национальная идеология отказывается от деструктивной тональности и предпочитает патетику патриархальной жизни. После крушения «национальных идеалов» в 1930-е гг. в Болгарии проводится большое количество памятных мероприятий, связанных с великими событиями болгарской истории. Подобные проявления национализма сохраняются вплоть до последнего десятилетия XX в., когда различные виды национализма приобретают различные общественные функции, но редко прибегают к деструктивизации и демифологизации. И вдруг в 1934 г. появляется роман, который отказывается от морализаторства и ни в коей мере не пытается выдать произошедшую трагедию за самопожертвование во имя Отечества. Родина, вместо того чтобы объединить людей и оправдать пережитые ими ужасы, порождает крики: «Хватит уже носиться с этой Болгарией! Мне опротивело, что все вокруг мне на нее указывают. Болгария да Болгария! Мне с горя на все хочется плюнуть!»⁶ За несколькими положительными отзывами, где подчеркивалось в основном «реалистическое» в романе, и в первую очередь образ болгарки и ее героизм (поскольку женщина оставалась в деревне и, ожидая мужа с фронта, работала вместо него, она «сильнее мужа испытывала чувство долга, с трудом поддавалась чужому влиянию, все делая по-своему, сохраняя этой силой нравственные устои от похитителей рода»⁷), последовали яркие изобличительные статьи, продиктованные концепцией этнического национализма. В 1930-е гг. этнический национализм допускал «провинциальный» национализм, но не либеральный, рассматривающий национальное вариативно — и конструктивно, и деструктивно. Очередная национальная катастрофа обернулась такой трагедией, что потеря национального идеала переживалась как духовная смерть. Бунт дезертиров в болгарской армии, известный как Владайское восстание, — часть сюжета «Багровой звезды, кровавой». Жестокость деревенской жизни в тылу, которая была наполнена страданиями не меньше, чем на фронте, — тоже. На

самом фронте бессмысленность героизма и насилие над маленьким человеком порождают звериную философию взбунтовавшихся солдат: «Я враг офицеров. Они воры и убийцы народа! В том, что нас прихлопнут, как мух, виноваты они. Они получают зарплату, а мы хлеб из гнилой соломы и пули»⁸.

Несмотря на то, что роман был воспринят как «реалистиче-ский», очень скоро он оказался неудобным для этнического национализма, базирующегося на идеях «земли», «родной крови» и «предков». Петканова обвинили в том, что «в страданиях всех, кто вынес ужасы войны, автор потерял чувство меры и создал гиперболизированные ситуации»⁹. Критике подверглись «наступающее и усиливающееся разложение среди бойцов-крестьян на фронте и в самой деревне. [...] эти настроения по большей части слишком преувеличены, “сгущены”, “усилены”»¹⁰. Особенно острой реакция была у военных. В статье редакции газеты «Отечество»¹¹ Петканов был обвинен в «чудовищном незнании быта армии и лица болгарского офицера». Роман был запрещен и конфискован. В личном архиве Петканова найден документ, озаглавленный им как «Выдержки из доклада военному министру, послужившего поводом для конфискации романа “Багровая звезда, кровавая”»¹². В этом документе роман назван «ядом», «уничтожающим самопожертвование», «подготавливающим новый погром в будущем», «для автора не существуют героизм, долг, родина», произведение сравнивается с большевистской и фашистской литературой¹³. Национальный миф, ставший главным пафосом нашей прозы, не терпит натуралистического взгляда на войну. Национальная утопия не желает, чтобы увидели истинное лицо войны. Идеология деятелей национального возрождения все еще слишком сильна, и, согласно ей, документальная сущность истории должна превратиться в устойчивый миф о страдании и героизме во имя Родины. В том же 1934 г. в журнале «Златорог» появляется важное для общего контекста эссе — «Философия Родины» Янко Янева. Там «Родина превыше всего», «Отечество — это подвиг»¹⁴. В противоположность такому общепринятому толкованию родины роман «Багровая звезда, кровавая» несет в себе разочарование в политике Отечества, роман находится вне мифологии и метафизики, вне «провинциального» патернализма. В этом произведении воплощается идея приближения к либеральному национализму, который прокладывает свой трудный путь через «дух места», «местечковый», «провинциальный», «коммунистический» и другие виды национализма, гораздо более

популярные вплоть до 1990-х гг. Появившиеся в 1930-е гг. исторические романы Стояна Загорчинова и Фани Поповой-Мутафовой, посвященные древним болгарским царям и средневековым подвигам, стали доминантой в жанре исторического романа, подпитывая болгарское культурное сознание героической романтикой великого прошлого. В современном болгарском литературоведении этот вид национализма называется «национальным экзотизмом», согласно которому «болгарский национальный проект основан на вымысле о потерянном рае, первоначальной природно-общественной гармонии, идиллическом состоянии “природного”, органичного, дополитического общества»¹⁵. Именно с позиций болгарской идиллии роман «Багровая звезда, кровавая» подвергся нападкам критики, был запрещен и конфискован. Даже когда его автор опубликовал другой исторический роман — «Переселенцы» (1937), в котором основное внимание уделено любви к земле, родным и дому у адрианопольских* македонцев, то и он был недооценен критикой.

На войне, с точки зрения Петканова, Родина не разделяет мир на болгар и врагов. Сражаясь, болгары «завладевают чужими землями»¹⁶, посланный на фронт «народ [...] мужественно сражался с турками, сербами и греками, румынами и англо-французами и другими. Все, что берет себе, у него отбирают. Взял всю Фракию до Чаталджи — у него ее отобрали. Освободил Македонию — и ее отобрали. Помяни мое слово, у нас и это отберут. Поэтому солдаты больше не хотят воевать. Оставь их, раз уж стали уходить, пусть уходят»¹⁷. Действия повстанцев были лишены идеологии и представляли собой бунт спонтанно-человеческого против геополитического. Родина также переставала быть категорией политической, в сущности, вообще какой бы то ни было категорией. Она нашла воплощение в простых человеческих желаниях: «Он не был предателем, он просто хотел скорее вернуться домой»¹⁸. В межвоенный период моралистический пафос болгарской прозы о войне, как правило, был связан с поиском идеала — патриотического, военного, эстетического. Для Петканова ни один из них не является значимым, поскольку он на стороне маленького человека и его дегероизированного бытия. С точки зрения автора, жестокость стала обыденностью.

Сама биография Константина Петканова была сложной, в ней были и взлеты, и падения. В период между двумя мировыми война-

* Адрианополь (болг. Одрин, тур. Edirne) — нынешний Эдирне, город и район в Северо-Западной Турции (*прим. пер.*).

ми писатель явно находился в числе «полевевших» интеллигентов, что было одной из мощных культурных и политических тенденций того времени. Исполненный утопических идей, он приветствует коммунистический режим, но вскоре оказывается чуждым ему и подвергается преследованиям и репрессиям. Таким же образом характеризует Петканова и Пламен Дойнов: «Константин Петканов: альтернатива»¹⁹. Участь автора постигла и самый известный его роман — «Багровая звезда, кровавая» — и отраженное в нем видение Первой мировой войны. До установления коммунистического режима критика искала в художественном воплощении войны не истину о поражении и гибели «маленького человека», она искала что-то, к чему давно привыкла: смерть на поле боя со словом «Родина» на устах, стойкость болгарской деревни, превращенной в символ изолированной и сохраненной нравственной чистоты, в источник подобных добродетелей. Вот хорошее культурологическое объяснение такой позиции: «Крестьянин остается фигурой дополитической жизни, персонажем анималистической утопии (пастораль и фольклор), которая, как и любая идиллия, как любой пасторальный миф, является результатом политического в своей основе проекта, поскольку создан субъектами — участниками обозначенного политического режима. Проще говоря, идиллический миф — это не просто идеологическая репрезентация природной субстанции (каковой он кажется), а продукт *творчества* представителей культуры — высокообразованных филологов, поэтов, философов»²⁰.

После установления коммунистического режима, несмотря на то, что в учебниках по литературе Первая мировая война освещалась сквозь призму «аморальности буржуазии» и «гибели обыкновенных людей, которые ненавидят войну», роман «Багровая звезда, кровавая» снова не вошел в ни в школьную, ни в университетскую программу по литературе. Предпочтение было отдано историческим романам Загорчинова, а военная тематика была представлена стихотворениями Димчо Дебелянова, пронизанными экзистенциальным антивоенным пафосом, и крайне эстетизированными военными рассказами Йордана Йовкова, которые превращают реальность в метафизику красоты и мечтаний. Коммунистический режим присвоил себе национальную мифологию через ее собирательные сюжеты и образы, призванные подчеркнуть, что «болгарское» является зрелым и добродетельным для того, чтобы выстроить на его основе политическую идеологию коммунизма. Первая мировая война — это «вина буржуазии», и это могла бы использовать тогдашняя критика.

Но, с ее точки зрения, война не может деморализовать и разрушать идиллический образ болгарского солдата и крестьянина. Вот почему «Багровая звезда, кровавая» продолжает оставаться на задворках литературы.

Образ России в романе является эпизодическим, но важным. Благодаря ему раскрывается текущая политическая действительность и грядущая история. Для людей существует не родина, а государство. Общество резко делит их на «бедных и богатых». «Богатые отмечены. У них красные лица, потому что они пьют народную кровь. Народ стал нищим, потому что никто за него не радеет, а всякий думает, как бы его обобрать. [...] Так было и в России. Но сейчас, говорят, там дела совсем другие — народные. Большевики порядок навели. Всех тунеядцев, лентяев и воров расстреляли. Власть в руках рабочих и народа. Нет богатых, нет бедных»²¹. Антиобщественная политика Европы привела к коммунистической утопии, поглощающей национальную идею за счет интернационализма. В романе «Багровая звезда, кровавая» эта идея представлена как изоляционистская, но именно в 1930-е гг. она получила широкую поддержку не только у представителей рабочего класса, но и у значительной части болгарской интеллигенции. Первая мировая война буквально спровоцировала создание последующих социальных и идеологических утопий, базирующихся на идее справедливости и равенства. Недостатки и неудачи списываются на политику, а человеческое стремление к спасению и гармонии создает другие политические утопические модели, самая активная из которых — победивший в России коммунизм. Для Константина Петканова Россия — «внешняя» социальная утопия. То, что ты не знаешь, но любишь. То, что тобой не пережито, известно лишь понаслышке.

Россия, в сущности, — единственная утопия в романе, но этого оказалось недостаточно, чтобы произведение стало частью литературного канона. После падения коммунистического режима статус романа не изменился. Ни автор «Багровой звезды, кровавой», ни его роман никогда и никем не были признаны «своими», это произведение не стало событием, достойным восхищения или же отречения. В 1990-е гг., когда в посткоммунистическую эпоху на государственном уровне начал пересматриваться литературный канон, роман Петканова снова не вошел в какой бы то ни было список национальной литературы. Превалирующий механизм видения войн XX века как проявления героизма и понимание страдания как пути для достижения национального идеала и в конце прошлого века остались

непоколебимы. Несмотря на то, что последнее десятилетие пытается заявить о себе как об эпохе постмодернизма, правда в том, что это десятилетие в духовном плане подчинено системе контролируемого хаоса. Сквозь призму этого хаоса болгарская литературная практика фиксирует «симптомы», а не их «исключения». А роман «Багровая звезда, кровавая» — «исключение», поскольку война (вопреки существованию «военной прозы») — не самая основная тема для болгарской литературы, которая априори базируется на родовых корнях или социальных проблемах. В 90-е гг. прошлого века национальный идеал девальвируется, однако при этом болгарская литература снова занимается национальными проблемами, понимаемыми как проблемы внутри страны, на которые каждый реагирует по-своему. Роман Петканова вновь оказывается вне поля зрения критики, поскольку мировые войны уступают по значению только что завершившейся эпохе социализма, которая стала огромной добычей для писателей, культурологов и политологов. Именно в это время распространяется идея «самоколонизирующихся литератур», согласно которой болгарская литература не смогла развить универсальный язык культуры. Очевидно, что болгарское художественное сознание не воспринимает Первую и Вторую мировые войны в генеральном русле национальной литературы, несмотря на их жестокие последствия.

Национальная идеология и ее различные вариации, господствующие в болгарском культурном сознании и в настоящее время, но особенно в XIX и XX столетиях, не идентифицируют «Багровую звезду, кровавую» как «свой» роман, поскольку Первая мировая война является темой, которая фактически не разработана в болгарской литературе. Беллетристов больше волнуют Первая (1912–1913) и Вторая (1913) Балканские войны, поскольку они связаны именно с Болгарией, тогда как Первая мировая война — это общеевропейский конфликт. Если для самого панорамного болгарского повествования — о турецком рабстве — разработано множество механизмов переформатирования страдания и унижения в героизм и бессмертие, то мировые войны в этом отношении не столь «масштабны». В контексте национального болгарского культурного сознания роман Петканова — пораженческий. Коммунистическая же идеология, несмотря на возможность использования романа как оружия против, как она выражалась, «подлой буржуазии», также не включила его в литературный канон, с одной стороны, из-за демократических убеждений писателя, левого либерала, с другой — из-за того, что из все-

го идеологического спектра она предпочитала сами мифы, а не их развенчание. Однако сейчас активно пропагандируется философия «обнаружения» множества тенденций и фактов, ранее замалчиваемых, маргинальных или запрещенных, и это надежда для одного из прекрасных болгарских романов — «Багровой звезды, кровавой» Константина Петканова.

(Перевод с болгарского Н. А. Луньковой)

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подробнее о судьбе романа см.: *Каменов Й.* Как преследваха едка книга: 60 години на конфискуването на романа «Морава звезда кървава» // Тракия. LXXV. 6 (23 марта 1995). С. 4; *Дечев Б.* За конфискуването на първото издание на «Морава звезда кървава» // Константин Петканов. Морава звезда кървава. София, 2003. С. 293–328; *Попова А.* Инкриминираният роман «Морава звезда кървава» от Константин Петканов // Известия на Националния литературен музей. 2006. Кн. 4. С. 55–58.

2 Здесь имеется в виду концепция Ст. Гросби («Национализмът». София, 2008, пер. Ж. Тотевой), согласно которой границы территории никогда не были только географическими. Они обозначают пространственный охват многих традиций, которые передаются из поколения в поколение.

3 *Николов М.* Морава звезда кървава, роман К. Петканова // Злато-рог. 1935. Кн. 1. Год. XVI, януари. С. 136.

4 *Станчев Ст.* Българката в един роман // Българска мисъл. 1936. Кн. 1. С. 64.

5 *Първанова А.* Константин Петканов // Родна реч. 1991. Кн. 7–8. С. 31.

6 *Петканов К.* Морава звезда кървава. София, 1983. С. 224.

7 *Станчев Ст.* Българката в един роман. С. 65.

8 *Петканов К.* Морава звезда кървава. С. 220.

9 *Николов М.* Морава звезда кървава, роман К. Петканова. С. 136.

10 Там же. С. 137.

11 От 8 июня 1935, № 686.

12 Цит. по: *Дечев Б.* За конфискуването на първото издание на «Морава звезда кървава». С. 305.

13 Там же. С. 306–307.

14 *Янев Я.* Философия на Родината // Злато-рог. 1934. 15/6. С. 263–266.

15 Манчев Б. Модерност и антимодерност. Българският национал-екзотизъм // Култура и критика. Ч. III: Краят на модерността? Съст.: Албена Вачева, Георги Чобанов. LiterNet, 2003, Електронно издателство LiterNet, 19.04.2003 <http://litenet.bg/publish2/bmanchev/modernost1.html>

16 Петканов К. Морава звезда кървава. С. 200.

17 Там же. С. 200–201.

18 Там же. С. 217.

19 Дойнов Пл. Алтернативата Константин Петканов (1994/1948), Предговор // Петканов К. Опасно знание. Публицистика 1944–1949. София, 2014. С. 11–50.

20 Манчев Б. Модерност и антимодерност. Българският национал-екзотизъм. <http://litenet.bg/publish2/bmanchev/modernost1.html>

21 Петканов К. Морава звезда кървава. С. 238.

A. Alipiyeva

World War I and the Bulgarian defeatist novel «Bloody purple star»
by Konstantin Petkanov

The topic of World War I was widely covered in the Bulgarian literature, but the dramatic consequences of the war have always been shown through the prism of national myths or esthetic or existential generalization. Konstantin Petkanov was the author who argues Bulgarian nationalism as a myth and shows the war not as a national event, but as violence against a little man.

Key words: *World War I, nationalism, national myths, demythologization.*

А. Г. Машкова
(Москва)

К истории словацкого постмодернизма: проза Павла Виликовского

В статье представлен сквозной анализ творчества Я. Виликовского, начиная с первых произведений и заканчивая последними книгами, обозначены основные мотивы, характеры героев. Особое внимание уделено поэтике, в частности, различным видам взаимодействия текстов, специфике хронотопа, а также появлению в последних произведениях постреалистических тенденций.

Ключевые слова: *словацкий постмодернизм, «вертикальное» рассмотрение книг, мотивы, герои, поэтика, постреализм.*

В разных странах и регионах литературный постмодернизм имеет свою специфику. Так, одной из отличительных особенностей славянского постмодернизма является его политизированный характер, который обусловлен стремлением писателей расчитаться со своим коммунистическим прошлым, преодолеть идеологический диктат, схематизм литературы первых послевоенных десятилетий. Не случайно некоторые критики именуют славянский вариант постмодернизма «посткоммунистической идеологией», «синонимом демократии» и т. п.

Политическая окраска присуща и словацкому постмодернизму, первые признаки которого критики обычно связывают с публикацией аллегорического памфлета Д. Татарки «Демон согласия» (1956 г. — журнальный вариант, книга вышла в 1965 г.), а также с ранним творчеством писателей поколения «Млада творба», которое носило ярко выраженный экспериментаторский характер. Представители этого поколения, заявившие о себе в атмосфере «оттепели» 60-х годов, активно использовали опыт западноевропейских литератур, стремились отойти от идеологизации художественного творчества, заданных социалистическим реализмом устоявшихся схем.

Так называемый период нормализации (1970-е — начало 1980-х гг.), который последовал после трагических событий августа 1968 г., хотя и не был периодом полного возврата к прошлому, к насильственному насаждению одномерной модели художественного

творчества — социалистическому реализму 1950-х гг., — однако тяга к творческому эксперименту, свободному авторскому самовыражению резко пресекалась властями. Примерами тому могут служить дискуссия вокруг романа Р. Слободы «Разум», запрет на публикацию произведений Д. Татарки, Л. Мнячко, П. Виликовского, П. Груза, романа В. Шикеры «Орнамент» и т. д. В это время постмодернистские тенденции дают о себе знать лишь в использовании писателями отдельных приемов постмодернистской техники, которые, в частности, присутствуют в романах П. Яроша «Тысячелетняя пчела», Л. Баллека «Акации», в прозе Р. Слободы, Я. Йоганидеса и др.

Только после «бархатной» революции 1989 г. постмодернизм как художественное течение в словацкой литературе заявляет о себе в полную силу. Фактически рубеж веков стал периодом расцвета словацкого постмодернизма. Причем несмотря на то, что к этому времени многие писатели-экспериментаторы уже ушли из жизни (Р. Слобода, В. Шикера), другие отошли от активного литературного творчества (П. Ярош, Л. Баллек, Д. Душек). К поэтике постмодернизма обращаются представители разных поколений: это те, кто дебютировал в 1960–1970-е гг. (С. Ракус, Я. Йоганидес, П. Голка, Д. Митана, Д. Гевьер), и те, кто в то время еще только родился (П. Карпинский, В. Климачек, П. Ранков, П. Криштуфек, В. Балла, В. Панковчин, Д. Тарагел и др.).

Некоторые словацкие критики (Т. Жилка) пишут о наличии в словацкой прозе двух течений постмодернизма. Это так называемое «экзистенциальное» течение, которое берет свое начало от Сартра и в основном ориентировано на национальные традиции (Р. Слобода, Я. Йоганидес, а из более молодых — П. Пиештянек, П. Криштуфек, В. Климачек и др.), и течение, представленное писателями, образцом литературного творчества для которых являются достижения западных литератур. В основе произведений последних лежат принципы палимпсеста, интертекстуальности, межтекстовых отношений, пародии. Данный вид постмодернизма ассоциируется с симулякральной формой. К нему, на наш взгляд, можно отнести творчество Виликовского. Обозначенные течения отличаются философским осмыслением человека и реалий бытия. Это отличие обусловлено онтологической разницей между философскими концепциями, на которые опирается каждое из них, то есть разницей между философией экзистенциализма и постмодернизма. Так называемое экзистенциальное течение предполагает изображение не виртуального, а реального су-

ществования человека. Повествование в произведениях, написанных в этом русле, обычно носит личностный характер, который в итоге рождает осмысление метафизических проблем бытия. К примеру, в произведениях Слободы, представляющих собой некий гипертекст, описывается повседневная жизнь героя, протекающая в обществе психически больной жены, в конфликте с собственным «я», в состоянии духовного кризиса и выбора, который предстоит сделать, чтобы выйти из этого кризиса. Таким образом, писатель выводит читателя на глобальное осмысление проблем жизни и смерти, смысла человеческого существования.

Что касается течения, ассоциирующегося с симулякральной формой, то здесь мы видим лишь виртуальную реальность, то есть реальность, которая не имеет своего оригинала. Отсюда — отказ от изображения экзистенциального существования человека, от всего естественного, что присуще ему. В произведениях подобного рода нет места человеческим чувствам. В итоге мы становимся свидетелями отторжения личностного, духовного начала от телесного. При этом смерть обычно рассматривается как освобождение от тела, от материальной субстанции. Приоритет телесного в свою очередь предопределяет и гипертрофированный интерес к сексу, то есть к фактичности человека.

Существенные отличия между постмодернизмом экзистенциальным и симулякральным существуют и в плане поэтологическом. К примеру, если следовать классификации различных типов взаимодействия текстов, предложенной французским исследователем Ж. Жанеттом, то в романе Р. Слободы «Разум» доминирующим является один тип — интертекстуальность как таковая, то есть конструкция «текст в тексте» (изложение киносценария, который пишет главный герой, дневник отца). В отличие от Слободы, в произведениях Виликовского в соответствии с той же теорией присутствуют практически все типы взаимодействия текстов (интертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность, архитекстуальность).

Признанным писателем-постмодернистом в словацкой литературе является Павел Виликовский (род. 1941). Его произведения пользуются большой популярностью не только в Словакии, но и за ее пределами. Большинство из них переведено на языки мира. Хронология выхода в свет книг Виликовского весьма условна: часть из того, что было написано им в 60–80-е годы, увидело свет только в последующие десятилетия, ибо в условиях так называемой нормали-

зации писатель в основном работал «в стол». Поэтому восстановить последовательность написания им книг весьма сложно. Тем более что к созданным ранее произведениям Виликовский обращался позже, многое дописывал и переделывал. Поэтому более правомерным представляется не «горизонтальное» рассмотрение его творчества, которое предполагает анализ произведений в хронологическом порядке, а их «вертикальное», сквозное исследование, включая тематику, мотивы, поэтику. Многие мотивы, сюжетные линии переходят из книги в книгу, вследствие чего, несмотря на появление в них новых героев и повествователей, они нередко воспринимаются как одно произведение, как единый гипертекст.

Творчество Виликовского 1960–1980-х гг. представлено такими произведениями, как «Воспитание чувств в марте» (1961), «Первая фаза сна» (1983), «Эскалация чувства» (1989), «Конь на лестнице, слепой во Врablyах» (1989). В этапной книге «Вечнозелен...» (1989) автор обращается к проблеме истории и роли личности в историческом процессе, иронизирует по поводу различных сторон жизни словацкого общества. Именно в связи с ее публикацией можно говорить о политизированном характере постмодернизма Виликовского. Совершенствуются и получают свое дальнейшее развитие основные средства художественной изобразительности, использованные прежде. Последующие книги, опубликованные в 1990-е гг. («Словацкий Казанова» — совместно с Л. Гренделем, 1991, «Пешая история», 1992, «Жестокий машинист», 1992), вполне вписываются в контекст предыдущего творчества писателя, продолжают тенденции, заявленные ранее. Их политизированный характер выражается в показе несостоятельности социалистической системы общественных отношений, ритуалов тоталитаризма. При этом авторский протест обретает обобщенный характер, становится отрицанием любой схемы жизни общества. Удостоенный Государственной премии роман «Последний конь Помпеи» (2001) открывает новый, еще более плодотворный и интересный, этап в творчестве Виликовского, который органично вписывается в общую картину словацкой прозы последних лет. Практически все произведения награждены словацкими и зарубежными премиями: «Волшебный попугай и другие химеры», 2005, «Зильберпутцен. Полировка старого серебра», 2006, «Автобиография зла», 2009, «Собака на дороге», 2010, «Первая и последняя любовь», 2013, «Мимолетный снег», 2014, «Повесть о настоящем человеке», 2015, «Ромео из эпохи социалистического реализма», 2015.

Как и многие современники, Виликовский создает свои книги на основе собственного жизненного опыта, который складывался в условиях социалистической и постсоциалистической действительности, а посему исключает наличие каких-либо иллюзий. Отсюда — определенная жесткость или даже жестокость изображаемого. При этом то, о чем автор хочет рассказать, старательно зашифровано в тексте. Для того чтобы расшифровать этот текст, нужно найти к нему ключ, разгадать шифр. А сделать это, как правило, не просто. Поэтому его произведения предназначены в основном для подготовленного читателя.

Практически во всех книгах Виликовский затрагивает проблемы, вполне согласующиеся с идеями постмодернизма, с постмодернистским мироощущением (самоидентификация личности, язык и коммуникация, писатель и творческий процесс, соотношение духовного и телесного, освобождение от иллюзий, Бог и его утрата в современном обществе, смерть и преступление и др.).

Герои Виликовского — типичные персонажи постмодернистской литературы. Они лишены индивидуальных черт, обезличены. Это писатель, журналист, следователь, преступник, шпион, путник, девушка-жертва, коварная соблазнительница и т. п. Все они — своего рода маски, что вполне отвечает постмодернистской концепции утраты индивидуальности в современном обществе. Причем подобное обезличивание, стирание всяческих рамок и границ касается не только отдельного человека, но и целых народов, что является способом реализации одной из типично постмодернистских идей: «мир как хаос». Именно в этом ключе автор раскрывает проблему национального, и в частности, понятие «среднеевропейства» («Вечнозелен...»), «Все, что я знаю о среднеевропействе»). Герои Виликовского отвергают идею национальной самобытности. Поэтому Словакия в их понимании — это всего лишь горы, долины и Яношик. Иначе говоря, то, что сохранилось в генетической памяти народа. А в романе «Последний конь Помпеев» повествователь, работая над трудом о славянской душе, не обнаруживает в данной субстанции никаких отличительных свойств.

Раскрытию идеи «мира как хаоса» подчинена и присутствующая во многих книгах проблема коммуникации. В мире, где царит хаос, герои разобщены, они не понимают друг друга, не могут ни с кем договориться. Подобное состояние Виликовский обычно передает как с помощью лексических средств (инверсии, незаконченные конструкции, эллипсы, многоточия, передающие

недоговоренность, и т. п.), так и с помощью «многоязычия». В частности, в его произведениях присутствует латынь, чешская, немецкая, венгерская, английская речь. Одновременно, с точки зрения автора, владение иностранными языками расширяет умственные возможности человека, формирует его мировосприятие. С этим неразрывно связана и проблема способности субъекта высказаться. Так, в повести «Конь на лестнице, слепой во Врablyах» присутствует типичная для постмодернизма концепция власти языка над сознанием человека. Автор пишет: «Если слова имеют какой-либо смысл, мы должны уметь представить, вообразить что-либо за ними»¹. Поэтому пустая, ничего не значащая болтовня, говорение ради говорения, которым занимается, например, герой книги «Вечнозелен...», становится олицетворением бессмысленности человеческого существования, что вполне совпадает с постмодернистским представлением о мире как хаосе. Нередко эта болтовня служит средством разрушения традиционных представлений, снижения канонических образов. В частности, проводя мысль о непродвинутом отношении к истории («Вечнозелен...»), повествователь как бы мимоходом упоминает о неприятном запахе, исходящем от вспотевшего Наполеона, о справляющем нужду Колумбе, всуе вспоминает венгерского короля Белу IV, славянских просветителей Кирилла и Мефодия, предводителя народных волнений в Словакии Яна Искру и т. п.

С темой коммуникации неразрывно связана и тема литературы, писателя, творческого процесса, которая присутствует во многих книгах Виликовского. Не случайно он часто пользуется маской писателя, литературного критика, журналиста («Конь на лестнице, слепой во Врablyах», «Жестокий машинист», «Последний конь Помпеев», «Волшебный попугай и другие химеры» и др.). Автора интересует как вопрос статуса словесности, так и сам процесс творения текста. При этом проблема словотворчества реализуется им в русле одного из основных постулатов постмодернизма: «мир как текст». Иначе говоря, литература создает лишь иллюзию жизни, она является своеобразной заменой бытия, ее симулякром. «Книги готовят нас к иной жизни», — пишет он в книге «Первая фаза сна». В результате дискурс как бы обретает способность определять бытие, а само устройство мира сравнивается то с порядком слов в предложении («Первая фаза сна»), то с сюжетом («Вечнозелен...», где он пишет: «...жизнь... — это сюжет, рассказчиками которого являемся мы»).

Одна из излюбленных тем Виликовского, звучащая практически в каждой книге, — типично постмодернистская тема противопоставления духовного и телесного начал. В русле этой темы автор как бы препарирует поступки людей, их мотивировку. С темой души и тела неразрывно связаны мотивы преступления, смерти («Первая фаза сна», «Конь на лестнице, слепой во Враблях», «Пешая история», «Последний конь Помпеев», «Волшебный попугай и другие химеры» и др.). При этом смерть обычно рассматривается как освобождение от тела, от материальной субстанции, что перекликается с постмодернистской художественной установкой. Герои Виликовского редко уходят из жизни естественным путем: они либо становятся жертвами преступления, либо заканчивают жизнь самоубийством. Причем физическое страдание, пребывание на грани небытия, переход в мир иной, в иную субстанцию для них — это, как правило, возможность духовного прозрения, способ приближения к истине. В книге «Конь на лестнице, слепой во Враблях» мотив смерти реализуется трижды: в истории выбросившейся из окна девушки, затем в воспоминаниях о соседке, которая, не желая мириться со старостью, в ванне с цветами перерезает себе вены, и, наконец, в описании убийства матери, воспринимаемого нарратором как освобождение человека от бремени тела. Повествователь признается: «...смерть примиряет меня с мыслью, что я лишь на экскурсии и что, наконец-то, вернусь домой. Везде хорошо, а дома лучше». Таким образом, смерть трактуется здесь как способ возвращения в вечность. Подобная трактовка ухода человека из жизни получает наибольшее развитие в произведениях 2000-х гг., в частности, в книге «Волшебный попугай и другие химеры». Вместе с тем тема физического и духовного, тема смерти наделены в них глубоким философским осмыслением. В частности, в новелле «Телохранильница», которая на первый взгляд выглядит как философская химера, трактовка этой темы обогащается за счет размышлений о Боге и его деяниях, о взаимоотношении Бога и человека, об испытании и наказании, о взаимоотношениях между людьми. Иначе говоря, если в ранних книгах («Первая фаза сна», «Вечнозелен...», «Последний конь Помпеев» и др.) мотив Бога звучал абстрактно, а порой и просто как некая языковая конструкция («...Бог — это лишь отвлеченная метафора...»²), то в прозе 2000-х гг. писатель, как бы раздвигая рамки постмодернистской трактовки проблемы телесного и духовного, придает мотиву Бога глубокий философский смысл. В одной из последних на сегодняшний день книг — «Ми-

молетный снег» (2014), основу которой составляют размышления писателя о различных сторонах человеческого бытия, проблемы «тела», «души», «Бога» являются лейтмотивом всего повествования. Он даже обозначает различные модификации понятия «душа» (среднеевропейская, русская, серийная), пытается представить его трактовку с точки зрения религиозной, медицинской и лингвистической. В частности, о лингвистической составляющей он пишет: «...большое значение в производимом душой впечатлении имеет женский род самого слова, и свою роль в этом, конечно же, играет мягкое “ш”, расположенное между двумя гласными, — вот почему мы подсознательно приписываем душе добросердечный, ласковый, материнский характер»³. В итоге нарратор приходит к выводу о том, что «только один Бог всемогущ, он управляет всей Вселенной и всеми сферами жизни, и беда, коль скоро мы в своем неверии дали маху»⁴.

Еще один аспект темы духовного и телесного — это обращение к проблеме секса, полового влечения, сексуальных извращений, эротических фантазий. Автор относит секс исключительно к сфере телесного, предполагающего насилие, за которым не стоят какие-либо чувства («Воспитание чувств в марте», «Эскалация чувств», «Первая фаза сна», «Конь на лестнице, слепой во Врablyах», «Вечнозелен...», «Последний конь Помпеев», «Телохранительница»). Подобное восприятие передает типично постмодернистское мироощущение, для которого характерно отсутствие духовной связи между людьми, кризисное состояние общества.

Что касается художественного мира книг Виликовского, то их отличает децентрирование дискурса, а отсюда — монтажная, коллажная композиция, призванная передать раздробленность, хаотичность мира. На страницах его произведений вроде бы ничего не происходит. Перед читателем разворачиваются скорее не события, а ощущения от них, их эмоциональное восприятие. Однако при более пристальном прочтении книг становится очевидной глубинная связь между этими ощущениями, которая и формирует сюжет. Так, в повести «Конь на лестнице, слепой во Врablyах» представлены многочисленные ситуации, обрывки мыслей, воспоминания, ассоциации, формально объединенные поездкой героя в автобусе. Однако между ними все же существует определенная связь: это болезнь и смерть матери героя. С подобным способом повествования мы встречаемся и в книге «Мимолетный снег», где отдельные размышления и воспоминания героя сцементированы историей его взаимоотношений с

женщиной. Иначе говоря, за тем, что лежит на поверхности, всегда сокрыт глубинный смысл, и этот смысл предстоит разгадать читателю. Автор как бы провоцирует его на домысливание, а затем разрушает устоявшиеся сюжеты и образы. Подобная активизация читательского внимания, отношение к нему как к со-творцу являются важнейшими правилами постмодернистской концепции.

Нередко подобный призыв к сотрудничеству содержит момент игры. Смыслом этой игры является демифологизация действительности или разрушение сложившихся историко-культурных клише об известных фигурах или сюжетах, которые пародируются при помощи использования гипертекстуальности. Примером тому может служить подача в ироническом ключе легенд о словацком справедливом разбойнике Яношике («Баллада о Яношике») и русском богатыре Илье Муромце («Сказание об Илье Муромце»). Ироническое переосмысление культурных и литературных артефактов как способ переосмысления определенных явлений и создания на их основе собственных сюжетов свидетельствует о типично постмодернистском отношении Виликовского к литературному материалу прошлого. В частности, ключом к пониманию повести «Конь на лестнице, слепой во Враблях» служит шекспировский «Гамлет». Здесь и несчастная любовь дочери повествователя Офелии, покончившей жизнь самоубийством, и мотив убийства матери, и гамлетовская фраза «Слова, слова, слова...», которая могла бы стать эпиграфом к книге. Или сближение героини новеллы «Спящая лагуна» с персонажами романтических поэм Я. Коллара и А. Сладковича Миной и Мариной, которое является способом выражения авторской иронии по поводу романтического восприятия жизни. Иными словами, используемый автором принцип палимпсеста помогает ему передать постмодернистское мироощущение разорванности бытия, его диффузности.

Хаотичность, неупорядоченность мира раскрывается автором и с помощью эрозии жанров, смешения жанровых форм, что позволяет говорить об использовании Виликовским приема архитектурности. Порой те или иные жанровые признаки, присутствующие в одном произведении, служат лишь «приманкой» для привлечения внимания читателей, наполняются непривычным для них содержанием, становятся предпосылкой для разговора о чем-то ином. Иначе говоря, законы жанра, как правило, не соблюдаются, семантика формы разрушается, а порой и просто пародируется. Так, интимно-лирический жанр письма обретает характер официальных полити-

ческих лозунгов, фраз и противоречит изначальному назначению жанра («Словацкий Казанова»), детектив превращается в повод для психологического эксперимента, исследования мотивации совершения преступления, для изучения мотивации зла и агрессивного поведения человека («Пешая история», «Общий взгляд на Марию Б.», «Телохранилище») и т. п. По сути, свойственный постмодернизму «гул текстов» является доминантой поэтики Виликовского. Включение в произведение различных стилевых дискурсов (газетные статьи, письма, путевые заметки, всякого рода инструкции, выдержки из художественных произведений и т. п.) позволяет определить его книги как вариант постмодернистского пастиша. Взяв на вооружение модель паратекстуальности, которая проясняет отношение текста произведения к заглавию, эпиграфу, автор нередко намеренно неправильно цитирует известные произведения, отсылает к литературным аллюзиям. Так, в книге «Словацкий Казанова» эпиграф заимствован из стихотворения классика словацкой литературы рубежа XIX–XX веков П. Осага Гведослава «Словацкий Прометей»: «*Slovenský Prometej — či možný je?... // A ako možný! — Znáť ho bezprostredne*»⁵. («Словацкий Прометей — возможно ли это?... / И еще как возможно! — Я лично знаком с ним!»). При этом, отступив от оригинала в плане написания текста и заменив Прометея на Казанову («*Slovenský Kabanova! Možný je? // A ako možný! — Znáť ho bezprostredne*»⁶) — «Словацкий **Казанова!** Возможно ли это? И еще как возможно! — Я лично знаком с ним!»), писатель сразу же обозначает его пародийный характер. Одновременно подпись «Артуш Виллани», которая завершает три из четырех писем в романе, является напоминанием о персонаже поэмы П. Осага Гведослава «Жена лесника» и тем самым «прокидывает» изначальный смысл образа (у Виликовского одноименный герой из соблазнителя превращается в жертву). «Прокидывает» содержание и название романа Виликовского «Повесть о настоящем человеке». Позаимствовав из советской литературы аналогичное название книги Б. Полевого⁷, повествующей о героическом подвиге летчика Алексея Маресьева в период Второй мировой войны, Виликовский в одноименном произведении воссоздает судьбу маленького человека — безымянного контролера, живущего в условиях периода «нормализации» 70-х годов. Дневниковые записки персонажа, рассказывающие о никчемной, пустой жизни приспособленца, показывают трагикомическую абсурдность не только конкретной человеческой жизни, но и словацкой действительности тех лет и никак не согласуются

с заголовком книги. В итоге уже само название романа, вызывающее у читателя ассоциации с произведением Б. Полевого, выглядит комически. Примерами использования паратекстуальности могут служить и рассказы «Зигмунд Фрейд Юсуфу Бриару», «Ромео эпохи социалистического реализма» из книги «Жестокий машинист» и др. В романе «Последний конь Помпеев» можно встретить как прямое цитирование (Сенека, Й. Конрад, выдержки из газет, фрагменты личной переписки и т. п.), так и косвенные отсылки к чужому тексту (перефразирование высказываний М. Кукучина, Д. Свифта, О. Уайльда, тибетских мудрецов и проч.).

Отсутствие целостной картины жизни, диффузность бытия писатель передает с помощью особой пространственно-временной организации произведений. В частности, важным моментом хронологического устройства текстов является доминирующее положение настоящего в нем, то есть момент говорения, относительно которого расположены все события. Остальные же временные пласты могут смешиваться, накладываться друг на друга. Так, введение в текст различных временных пластов может осуществляться различными способами: при помощи наречия «одновременно», которое объединяет различные по времени истории в единый сюжет («Конь на лестнице...»), включения в текст беседы, происходящей на глазах у читателя, обрывков воспоминаний («Вечнозелен...», «Последний конь Помпеев», «Мимолетный снег») и т. п. Подобные приемы позволяют расширить временные и пространственные рамки произведений. Например, в романе «Вечнозелен...» нарратор совершает мысленное путешествие по Чехии, России, Швейцарии, Румынии, Сирии и др., начиная со времен Великой Моравии, турецкого нашествия, первой Чехословацкой республики и до наших дней. При этом мотив пути, дороги становится одной из возможных, если не единственной, формой существования персонажей, ибо они вынуждены скитаться, так как не могут найти своего места в жизни. Так, в новелле «Ромео из эпохи социалистического реализма» герой едет в другой город, чтобы предаться воспоминаниям. В повести «Пешая история» персонажи передвигаются, чтобы обрести жизненный опыт. В романе «Вечнозелен...» персонаж, подобно своему литературному предшественнику Рене (роман словацкого писателя Й. И. Байзы «Юноши Рене приключения и испытания», конец XVIII в.), совершает путешествие за познанием и т. п.

Таким образом, в произведениях 2000-х гг. Виликовский продолжает активно экспериментировать с постмодернизмом. Многие

мотивы и приемы художественного изображения, характерные для его книг 1990-х гг., получают в них свое дальнейшее развитие; от некоторых он отказывается. При этом в поэтике все более отчетливо проступают черты постреализма, которые порой перекрывают постмодернистскую поэтику («Автобиография зла», «Первая и последняя любовь», «Повесть о настоящем человеке»). Заметим, что сегодняшний словацкий постреализм, представляющий собой одну из «мутаций» традиционного, классического реализма, активно «подпитывается» постмодернистскими открытиями, как бы стремясь восполнить то, от чего отказался его предшественник. В частности, если постмодернисты в хаосе бытия потеряли конкретного живого человека, то постреалисты ставят во главу угла человеческую личность, стараясь через нее постичь этот хаос. Не случайно мироздание словацких героев постреалистической прозы нередко ограничивается кругом семьи и собственным «я», что обусловило, в частности, популярность биографической прозы (Я. Юранёва — «Защитницы», 2006) Л. Добровода — «Я — маленький», 2005, «Я — большой», 2008, М. Компаникова — «Пятый корабль», 2010, И. Брежна — «На куриных крыльях», 2007, М. Гворецкий — «По памяти», 2013 и др.). Поместив своих персонажей в центр повествования, раскрыв их характеры с помощью психологического автобиографизма, писатели, по сути, показали процесс превращения личного бытия в общественное, а в итоге — трансформацию истории в литературу. Все эти произведения фактически являются книгами о жизни поколения, к которому они принадлежат, о жизни словацкого, а подчас и не только словацкого, общества второй половины XX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Vilikovský P.* Kôň na poschodí, slepec vo Vrábľoch. Bratislava, 2005. S. 23.
- 2 *Vilikovský P.* Prvá veta spánku. Bratislava, 1983. S. 53.
- 3 *Vilikovský P.* Letmý sneh. Bratislava, 2014. S. 114.
- 4 *Ibidem.* S. 36.
- 5 *Orszagh-Hviezdoslav P.* Slovenský Prometej. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Zlatyfond.sme.sk-dielo/1696/Orszagh.Hviezdoslav-Stesky — 4/21.
- 6 *Vilikovský P.* Slovenský Casanova. Bratislava, 1991.

7 Это произведение было переведено в Словакии под названием «Príbeh ozajského človeka» — именно так и назвал свой роман П. Виликовский, хотя более точным его переводом на русский язык был бы «История настоящего человека».

A. G. Mashkova

To the history of Slovak postmodernism: Pavel Vilikovský's prose

The article represents the analysis of the works by P. Vilikovský, starting from his first and ending with his last books. The author designates the main motives of the characters as well. Special attention is given to poetics, different types of texts' interaction, special features of the chronotope, and to the emergence of post-realistic tendencies in his last texts.

Key words: Slovak postmodernism, «vertical» consideration of books, motives, characters, poetics, post-realism.

Х. Огура
(Токио)

О восточном мышлении в творчестве Ольги Токарчук

Атмосфера в творчестве писательницы Ольги Токарчук, известного польского автора, кажется знакомой «восточному» человеку. Особенно это характерно для ее ранних произведений. В данной статье будет предложено новое прочтение романа «Дом дневной, дом ночной» (1999) с точки зрения присутствия в нем «восточных» мотивов.

Ключевые слова: *польская литература, Ольга Токарчук, сравнительная литература, восточное мышление, буддизм, дуализм.*

Фрагментарный мир. И критики, и читатели уже давно называют Ольгу Токарчук любимым писателем. Люди, которые обычно читали газетные статьи, благодаря простому и понятному слогу этой писательницы начинают читать и ее романы, что является неотъемлемым доказательством привлекательности Токарчук как писателя, ее книги не только просты, но и глубоко интеллектуальны.

В данной статье мы обратимся к четвертому роману Токарчук «Дом дневной, дом ночной» (1999). Роман представляет собой цепь отдельных эпизодов — это мысли самой рассказчицы, записи событий повседневной жизни, диалоги между рассказчицей и ее соседями, истории из жизни соседей, записи снов рассказчицы и соседей, рецепты приготовления блюд из грибов, агиография, местные легенды и другие истории. Каждый эпизод имеет свое название, поэтому создается впечатление, что роман состоит из отдельных фрагментов.

Автор проявляет себя в романе и обычной польской женщиной, размышляющей на его страницах над тем, кто она такая, то есть фиксирующей в тексте поиск собственной идентичности. Эта тема — важнейшая в ее творчестве. В рассматриваемом произведении практически отсутствуют причинно-следственные связи и сюжет в общепринятом смысле. Из этого, однако, не следует, что идентичность людей, которые живут в изображаемом Токарчук фрагментарном мире, также не целостна. Как можно увидеть ниже, фрагментарный

мир, по мнению писательницы, является всего лишь частью «большого мира».

В статье мы рассмотрим зеркальную функцию «фрагментарности», отображающей мир и связанной с понятием «нестабильности». Такой мир, очевидно, обусловлен восточным восприятием жизни, и мы будем искать доказательства, подтверждающие необходимость существования такого видения мира.

Неустойчивость, неопределенность (государственные границы, люди, космос). Действие романа происходит в юго-западной части Силезского воеводства в небольшом, ничем не примечательном городке Нова-Руда. Этот город вошел в состав Польши после 1945 г., до этого он был частью Германии, а еще раньше входил в состав Габсбургской империи. В каком-то смысле этот город является уменьшенной копией Польши. «Город времени, лежавшего в дрейфе, запоздалых новостей, названий, вводящих в заблуждение. Нет в нем ничего нового, и если бы даже оно появилось, тотчас потемнеет, покроется тусклым налетом, созреет и замрет на грани существования»¹.

Само существование города Нова-Руда «на краю мира» переводит рассказ в мифологическую плоскость, в его образе сочетаются фрагментарная составляющая, когда он называется городом-крохой («miasto-okruch»), с элементами пограничья, когда он называется городом-окраиной («miasto-peryferie»). Такая метафоричность и пространственная аллюзивность романа позволяют рассматривать Токарчук как серьезного писателя, не ищущего легких путей.

После падения коммунистического режима в 1989 г. польская литература вступает в новый этап развития. При активном расширении рыночных отношений возникает опасность «облегчения» литературной продукции. Существует мнение, что молодые писатели, родившиеся после 1960 г., быстрыми темпами завоевывавшие литературное пространство, в своих произведениях выбирали легкий и интересный слог, отдаляясь при этом от традиционной польской литературы, которая описывала «историю своей родины»². В этом смысле роман «Дом дневной, дом ночной» является ответом Токарчук на упреки старшего поколения. В нем в историческом и политическом ракурсе рассматривается «немецкая» проблема. Силезское воеводство, которое в зависимости от изменения границы переходило от одной власти к другой, олицетворяет всю родную страну. Токарчук показала, что новое поколение так называемых

постмодернистов не убегает от истории, но имеет свой собственный подход к ней.

С другой стороны, «перемещение границы», «изменение принадлежности территории» и всего в ней существующего, включая людей, имеет «неопределенность», что является стимулом для развития в романе еще одной темы. Приведем следующий эпизод, имеющий символическое значение. Петер Дитер — немец по национальности, путешествуя по Польше, умер при пересечении границы между Польшей и Чехией. «Петер сел под пограничным столбом с конфетой во рту. Его взгляд медленно скользил по далекому кругу горизонта. Одной ногой Петер был в Чехии, второй — в Польше. Он просидел так около часа и секунда за секундой умирал. [...] Он и не узнал даже, когда умер, потому что это произошло не вмиг, а постепенно [...]. Когда начало темнеть, его нашли чешские пограничники. Один еще пытался нащупать пульс на руке старика, а второй, помоложе, в ужасе смотрел на коричневую шоколадную струйку, сползающую изо рта на шею. [...] Подумали, наверное, об ужине, на который опоздают. О рапорте, который придется написать. А потом, в полном единодушии, переложили ногу Петера с чешской стороны на польскую. Но и этого им, видно, показалось мало, потому что они осторожно перетащили все тело к северу — в Польшу. [...] Спустя полчаса тело Петера обнаружили лучики фонарей польского пограничного патруля. [...] Поляки взглянули на лицо Петера, пошептались. Затем в торжественном молчании подхватили его за руки и за ноги и перенесли на чешскую сторону. Именно так Петер Дитер запомнил свою смерть, прежде чем его душа отошла навечно, — как механическое движение то в одну, то в другую сторону, как балансирование на краю, стояние на мосту» (107–108).

Читая, как пограничники продолжают переносить тело Петера через границу — прямую горизонтальную линию между двумя странами, мы задумываемся над сущностью явлений. Не только Силезское воеводство, но и сам человек и его сущность являются неустойчивыми. В финале в сознании постепенно умирающего Петера всплывает некогда увиденный им вертеп. Он был деревянный и очень похож на ситуацию с Петером, которого в этот момент все еще переносили с одной стороны на другую пограничники. Умирающий Петер, видя этот спектакль с деревянными куклами, как бы разрывает сам себя. Ведь «покидает тело» только «душа». Таким образом, разрываемое одновременно в разных направлениях и пло-

скостях тело указывает на парадокс этого одновременно фрагментарного и глобального мира.

Состояние «неустойчивости», «неопределенности» присуще всему произведению. Соседи главной героини романа зовутся непонятными именами (Taki-a-Taki, Имярек), передающими неопределенность сущности человека. Так, если ранее любившие друг друга супруги начинают любить кого-то другого, значит, они стали «другими людьми». «Они настолько были теперь другими людьми, что могли бы поменять фамилии и имена; пойти в паспортный стол и написать заявление: “Мы уже не те, кем были. Просим внести изменения в наши паспортные данные”, или что-то вроде того. Как реагируют отделы учета населения на то, что люди преобразуются, меняются? Почему ребенок носит то же самое имя, что и взрослый? Почему любимую женщину называют так же и потом, когда ей изменили и ее бросили?» (298).

Люди «прогрессируют», «проходит время», даже «изменяются чувства супругов», но герои не меняют своих фамилий. Фамилия не является отображением «сущности человека», это всего лишь поверхностная классификация человека. Сама рассказчица скрывает свое сходство с автором и не называет своего имени. У супруга также нет имени, его называют просто «Р». Странные имена соседей Taki-a-Taki, Agni, AMOS и других персонажей не связаны с какими-нибудь их особенностями, сама процедура именованья имеет произвольное и поверхностное значение. Это же касается и лесных грибов, носителей важного мотива в романе. Рассказчица предлагает гостям отведать грибы: «В последний момент они спросили, что это за грибы, а услышав мой ответ — не стали есть» (190). «Вот, например, свинушка, прежде чем в современных справочниках была признана ядовитым грибом, всегда считалась вкусной. Питались ею из поколения в поколение, потому что она растет повсюду. В пору моего детства свинушки собирали в отдельную корзину, чтобы потом долго варить, а воду слить. Теперь говорят, что этот гриб убивает постепенно: поражает почки, накапливается в каких-то внутренних органах и разрушает их. Поэтому, употребляя в пищу свинушки, человек одновременно живет и вместе с тем умирает. На сколько-то процентов жив, на сколько-то мертв. Трудно сказать, когда одно состояние переходит в другое. Непонятно, почему люди придают такое значение этому столь короткому мгновению: или — или» (190–191).

Рассказчица даже сомневается в правильности обычной классификации грибов. «Ни одна книжка о грибах не делит их на красивые и уродливые, на душистые и зловонные, на приятные на ощупь и противные, на греховодные и грехи отпускающие» (240).

Каким же образом можно классифицировать предметы и людей? К примеру, будет ли наше рождение идентифицировать нас? Действительно, Марта, соседка рассказчицы, полагала, что человек становится похожим на то место, где он родился. «Там, где почва легкая, песчаная, рождаются невысокие, щуплые люди со светлой и сухой кожей. На первый взгляд они вроде бы никакие, вяловатые, но на самом деле напористые, как песок, умеют так же крепко цепляться за жизнь, как сосны держатся в песке, на котором растут» (208). Вместе с тем подобная классификация не является существенной. Рассказчица говорит: «Они [люди] не могут жить в отрыве от места. А значит, люди — это слова» (193). Именно поэтому люди, живущие на территории с «плавающей» границей, находятся в гомеостазе. Даже страна не определяет идентичность человека. «Имярек сказал, что немцев можно узнать по ботинкам, они у них белые и чистые. Мы за обувь не следим, относимся к ней без почтения. Наши ботинки топорные, всегда из темной кожи. А то и резиновые сапоги, боты, в которые Стасек Бахледа стряхивает пепел с сигарет. Наши ботинки — из материалов, лишь похожих на кожу, аляповатое черно-белое подражание Моде, Спорту, Улицам Европы. Наши ботинки вечно запачканы красноватой размокшей землей, скособоченные, замороженные и пересушенные» (101). Немцев и поляков различают по обуви, которую они носят. Без этого различить их было бы невозможно. Идентичность, которую государство нам гарантирует, это та обувь, которую мы носим, и другие такого же незначительного уровня признаки различия.

Соседка Марта является воплощением «плавающей» идентичности. В романе ее героиня является наиболее загадочным и неопределенным персонажем. «Уже третий год я задаюсь вопросом, кто такая Марта. О себе она всегда рассказывает по-разному. Каждый раз называет другой год рождения. Для меня и для Р. Марта существовала только летом, зимой выпадала из поля зрения, как и все здешнее» (9). Рассказчица говорит: «О Марте я знала немного. Только то, что она мне сама поведала», но как результат для нас является неопределенным, что сказала Марта или что она не сказала. «Я никогда не была уверена, существует ли грань между тем, что

говорит Марта, и тем, что я слышу. Поскольку не могла отделить это от нее, от себя, от того, что нам обоим известно, а что нет, от того, что утром передавало радио “Нова-Руда”, о чем писали газеты в воскресных выпусках с телевизионной программой, от времени суток и даже от того, как солнце освещает в долинах деревни, мимо которых мы проезжаем» (33). Рассказчица, говоря о словах Марты, возможно, только думает, что Марта так сказала. При этом она понимает, что невозможно ничего поделать с этой неопределенностью, невозможно ничего сделать. «Все приходилось домысливать, и я понимала, что даю волю воображению» (10).

Нам не понять слов, о чем в действительности думает человек, об этом мы можем лишь догадываться. С другой стороны, знаем ли мы самих себя? Ответ будет отрицательным. Как наш дом, который в дневное и ночное время видится нам по-разному, так и человеческая жизнь, ее половина «проходит в темноте» (234), а половина недоступна зрению.

В мире нет ничего устойчивого, все находится в постоянном движении. Рассказчица и Марта часто смотрят на небо и звезды, ибо человек может только наблюдать за Вселенной. Однажды, когда Франц Фрост услышал по радио новость о том, что была обнаружена новая планета, он расстроился. «А коли прежде ее не было, а теперь она есть, значит, меняется даже то, что должно оставаться неизменным. Какова же польза от мира, который так меняется, неужели в нем можно жить спокойно?» (139). Этот эпизод, связывая состояние Франца Фроста с людьми из средних веков, которые узнали о гелиоцентрической системе мира, ясно показывает всеобщее беспокойство, нашу собственную обеспокоенность тем, как быстро изменяется мир.

Таким образом, и границы, и земля, и люди представляют собой неустойчивую и легко изменяющуюся материю. Каждый несет в себе скрытый от окружающих мир. На этом Токарчук постоянно заостряет внимание, и это связано с ее биографией. Она изучала психологию в Варшавском университете, после его окончания работала психотерапевтом. С позиции специалиста-психолога она проводит параллель между людьми и их жилищем, местом, в котором они живут. Начиная с мечты «взглянуть на дома в долине с высоты птичьего полета», в романе часто появляются изображения жилых домов, церквей, храмов и других строений, но эти здания являются не чем иным, как метафорой человека. Само словосочетание «Дом дневной» обозначает сознание чело-

века, а «дом ночной» указывает на мечты и глубину подсознания. Также если первое словосочетание соотносится с реальным миром и его видимой частью, то второе указывает на невидимую часть, которая является таинством, надежно скрывающимся от людских глаз в повседневной жизни. «Многоэтажная постройка внутри меня. Форма ее, однако, непостоянна, непредсказуема. Это значит, что дворец живой, что он меняется вместе со мною. Мы живем друг в друге. Он во мне, я — в нем, хотя иногда я чувствую себя в нем гостьей, а порой знаю, что это я — его владелица. [...] я сказала Марте, что у каждого из нас есть два дома — один конкретный, локализованный во времени и пространстве; второй — бесконечный, без адреса, не надеющийся быть увековеченным в архитектурных формах. И что в обоих живем мы одновременно» (219–222). Невозможно выделить достоинства и недостатки каждого из этих двух локусов.

Токарчук и ее восточный взгляд на мир. Фрагментарное существо невозможно ни классифицировать, ни идентифицировать. Все трансформируется, жизнь в меняющемся мире мимолетна и полна пессимизма. Жизнь в таком нестабильном, похожем на сон мире представляется невозможной. В самом сне нет ничего определенного, как нет никаких доказательств даже нашего собственного существования. Мы приходим в замешательство, чувствуем безнадежность, возможно, впадаем в отчаяние. Даже событиям из прошлого бывает трудно придать смысл. «Когда сны повторяют события прошлого, когда его пережевывают, превращают в картины, просеивают через сито значений, мне начинает казаться, что прошлое так же, как и будущее, навечно останется неразгаданным и непознанным. То, что я нечто пережила, вовсе не значит, что я поняла его смысл. Поэтому я в равной мере боюсь за прошлое, как и за будущее» (99).

Тем не менее, в противоположность словам рассказчицы, атмосфера романа не пронизана страхом. Напротив, в ней чувствуются спокойствие и умиротворение. Неустойчивость мира последовательно акцентируется. Но на самом деле рассказчица не полностью отрицает постоянство и неизменность. Она уверена, что как противовес нестабильности и неопределенности в мире существует принцип «постоянства». Просто оно находится где-то далеко и неподвластно пониманию человека.

Рассказчица в сопровождении няни, немки по национальности (Гертруда Ницше), вспоминает, как впервые посетила фотостудию,

чтобы сфотографироваться. Это было ярким впечатлением — она впервые увидела «себя со стороны беспристрастным взглядом стороннего человека. Этот взгляд — место вне меня, с которого я наблюдаю, — с тех пор будет появляться все чаще и, в конце концов, начнет менять и меня, потому что я потеряю уверенность, кто я, где моя сердцевина, точка, вокруг которой выстраивается все остальное. Одни и те же вещи я буду видеть всякий раз иначе. Сначала я запутаюсь в этом, ужаснусь. Отчаянно буду искать постоянства. Наконец пойму, что постоянство на самом деле есть, но где-то далеко, вне меня» (261).

Постоянство существует где-то за гранью человеческого разума. Что дало рассказчице возможность постичь таинство жизни? Она проводит параллель между собою и «течением реки». «[...] я — ручеек, та речка в Нова-Руде, которая то и дело меняет цвет, и единственное, что я могу сказать о себе, так это что я сама себя обнаруживаю, проплываю через некое место в пространстве и времени, что я — сумма примет этого места и времени, ничего более» (261).

Рассказчица признает существование определенности, но определенность существует на недостижимом удалении, с другой стороны, себя она считает изменчивым, трудным для идентификации существом, связанным с пространственно-временными причинно-следственными отношениями. Не указывает ли такая позиция на ее восточный взгляд на проблему существования человека в мире? Ментальное состояние, которое принимает неопределенный мир таким, каков он есть, заставляет задуматься о новых границах мирного «просветления». Таким образом, неустойчивость мира, описанного в романе, можно обозначать как непостоянство всех феноменов мира.

О мимолетной изменчивости людей и их жилищ в этом мире сокрушается средневековый японский писатель Камо-но Тёмэй и пишет следующее: «Течение реки постоянно, без остановок, вода в реке также различна, люди и их жилища в этом мире совершенно похожи на течение реки»³. Таково начало его известного эссе «Записки из кельи» (1212). Тёмэй был довольно знатного происхождения и уже с детства был вхож в императорский двор, однако, проиграв в борьбе за власть, удалился от большого света, стал буддийским монахом и переехал в окрестности столицы Киото. По этому поводу одинокий и бедный автор-монах выражает свое огорчение с помощью слов «изменчивый мир, похожий на течение реки». Мотив «течения реки» как метафора неустойчивости

и изменчивости в этом эссе встречается несколько раз, и именно в этом выражении заключена основная мысль буддийской философии Махаяны, распространившейся из древней Индии в другие восточные страны. В первой сутре Махаяны «Сутра сердца» (яп. *Ханья сингё*) описано учение «пустота» (яп. *ку*), которое является основополагающим в буддистской философии. По этому учению, все явления — всего лишь звенья в длинном ряду причинных связей. Они находятся в отношениях взаимозависимого возникновения, содержатся уже в своих причинах и продолжают действовать в своих следствиях. Значит, все явления не имеют субстанции, они пусты. Другими словами, в этом мире не существует ничего неизменного и вечного⁴.

Согласно философии буддизма, непостоянство мира является естественным, поиск определенности для него нехарактерен. Все сущее непостоянно и эфемерно. Привязанность к любому сущему является по своей природе главной причиной ошибочности и несчастья. Токарчук в каком-то смысле следует буддистскому видению мира. Жизнь в радужном мире и его восприятие, стремление избежать того, что может нарушить душевное равновесие, воспринимается как нечто постоянное: «Миры, на которые смотрят с разных точек, это уже разные миры. А значит, я могу жить в стольких мирах, сколько в состоянии увидеть» (261).

В этом плане точка зрения восточного мироощущения не совсем совпадает с философией буддизма, и оба этих взгляда должны быть разграничены, но так как последняя оказывает сильное влияние на первое, в контексте нашей интерпретации они могут во многом совпадать.

Судзуки Дайсэцу (1870–1966) написал эссе «Восточный взгляд» о вопросе «основ восточной культуры». Сделавший дзэн-буддизм популярным в мире, Судзуки являлся воплощением интеграции восточной и западной культур. Он полагал, что, возможно, не существует четкого определения, разграничивающего культуру по географическому признаку, и одновременно размышлял об особенностях восточного и западного мышления и культуры. В его эссе особенности западного мышления определяются как «классификация и контроль». Разделение является характером интеллекта, и разделяется всё на хозяина и гостя, себя и чужого, одушевленное и неодушевленное, темное и светлое. В противоположность этому психология восточного человека стремится к точке возникновения интеллекта и универсальной логической теории. В западной психо-

логии бога обозначают светом. События характеризуются появлением света, субъективное и объективное, свет и тьма, не поддающиеся классификации, «блаженство — Лао-цзы» и «хаос — Чжуан-цзы» отображают восточное мышление и вызывают определенный интерес⁵. В вышеназванном эссе ключевым словом становится «восточный», Сузуки считает «восточный» эквивалентом «неразделимый». Другими словами, то, что две вещи, кажущиеся противостоящими и противоположными друг другу, в действительности, в основе своей, представляют собой единое целое, указывает на восточное видение мира.

В европейской позиции традиционно присутствует классификация и анализ, на это указывал Сузуки, и к ней надо относиться как к естественному в этом смысле европейскому видению мира. Далее четко прослеживается стремление к классификации, которая имеет место с древности, это стало отправной точкой современной философии — дуализм души и тела по Декарту. Известное изречение Декарта «Мыслю, значит, существую — *cogito ergo sum*» показывает, что западные люди отождествляют собственную идентичность, синтезируя «дух» и «разум». Дуализм души и тела означает полный отказ от интеграции разума и тела, в результате этого человек попадает в ситуацию, когда он отделяет себя от души. Несмотря на то, что человек является существом органическим, он отделяет разум от тела, и первое (разум) контролирует второе (тело), формируются иерархические отношения. Такое внутреннее разделение порождает конфликт. Теория Декарта завоевывает признание, но не может дать ответа, где находится четкое разделение разума и тела, этот вопрос волнует человечество до сих пор. Иными словами, существует мир, в котором материальное отделено от духовного, и мы, современные люди, живущие в подобном фрагментарном и разделенном мире, находимся в замешательстве, в положении дестабилизации. С другой стороны, издавна на Востоке единство и многообразие мира не считались проблемой. По учению буддизма «все суета», то есть у вещей нет бытия, а есть только связь. Следовательно, с точки зрения буддизма мир не делится на части, но рассматривается как цельное и органическое явление. Мир изначально многообразен, изменчив, эфемерен, поэтому идентификацию провести невозможно. Таков восточный взгляд на мир.

Рассказчица, благодаря своей няне по имени Ницше, преодолела период замешательства и дезориентации и пришла к принятию многообразия мира. Возможно, это проекция личного опыта самой

писательницы. Западная философия навязывала ей так называемое «очевидное», то есть явную классификацию субъективного и объективного, которая ее не устраивала.

Отношение Токарчук к западной философии отчетливо прослеживается в рассказе «Эрго Сум». Эрго Сум — поляк по национальности, арестованный и сосланный в Сибирь советской властью, выживший и спустя годы осевший в Нова-Руде. Ранней весной 1943 г. он был вынужден приобрести необычный жизненный опыт — попробовал человеческое мясо, иначе не смог бы живым вернуться на родину.

У Эрго Сума, названного так по декартовскому изречению «*cogito, ergo sum*», отсутствует «*cogito*», то есть «мыслью». Однако даже он должен был выжить, существовать. Поэтому Эрго Сум не задумался и попробовал человеческое мясо, и выжил. В подобном случае человек не думает. Потому что в таких жестоких обстоятельствах «мыслить», анализировать, изучать значит вести себя самонадеянно.

Рассказчица спрашивает у соседки, мастерицы париков Марты: «А как же те люди, которые надевают на голову парик из чужих волос?» Ответ парадоксален: «Для этого нужна смелость, — ответила Марта, — приходится принимать мысли того, кому принадлежали волосы. Надо быть готовым к чужим мыслям, надо самому быть сильным и стойким» (78). Метафора Токарчук соединяет реальное и абстрактное, существенное и несущественное, рациональное и иррациональное. Акцентируя роль мышления и духа, она выражает скептицизм по отношению к классическому западному рационализму. Ответ Марты ироничен: чтобы носить парик, не надо смелости. Людям свойственно считать собственные размышления особенно важными. На самом деле им-то, скорее всего, не стоит верить. Потому что человек часто использует свои мысли, чтобы пустить пыль в глаза другим.

В романе Токарчук много метафор, создающих запоминающиеся образы. Ей интересны не столько форма или интрига, сколько череда образов. Писательница сказала в одном интервью, что выражать образы словами, то есть прибегать к метафоре, для нее является важным инструментом⁶. Слог данного романа можно назвать поэтическим, Токарчук по этому поводу высказалась так: «Я полагаю, что стихотворная форма более парадоксальна, а следовательно, эффективна»⁷. Она считает, что разница между поэзией и прозой заключается в том, что поэзия — это внутренняя поверхность, которая переливается цветом как цепочка, и что хорошая

проза содержит в себе элементы поэзии. Токарчук интересуется поэзией не потому, что хочет играть словами. Когда речь идет о внутренней поверхности человека, нужен наглядный яркий образ. «Я чувствую поэзию в глубине своей души, там находится источник поэзии». «Для меня поэзия это скорее не поиск в отчаянии помощи, она похожа на гностическую чувствительность. Гностик для меня — это инструмент для расширения своего сознания. К примеру, представим, что эту сознательную составляющую трудно выразить словами»⁸.

Здесь «гностик», о котором говорит автор, находится внутри человека, пытаясь достичь высшей божественности, что расценивается как христианская ересь. Мы чувствуем божественность, сошедшую с небес, и следуем за ней. Учение об отделении тела с первородным грехом от личности несовместимо с традиционной христианской метафизикой. Метафора гностика, по Токарчук, несет образ божества — личности из совершенно другого измерения, образ поглощения и уменьшения гетерогенных границ и других миров, образ, который стремится к конечной глубине в своем познании. Такой подход можно назвать соответствующим психоанализу, где упор сделан не на поверхностное сознание, а на бессознательное.

В романе такой гностический образ представляют собой грибы. Для Токарчук грибы являются символом открытого мира. Эти странные существа живут на других существах, не являются ни животными, ни растениями, разрушают границы мира и приспосабливаются к жизни в любом пространстве. «Если бы я не была человеком, то была бы грибом. [...] Я бы росла на поваленных деревьях, мрачно и зловеще, всегда в тишине, растопыренными грибными пальцами высасывая из них остатки солнечного тепла. Росла бы, питаясь тем, что умерло. Впивалась бы в эту мертвечину до самой земли — там бы мои грибные пальцы останавливались. [...] Не отличала бы дня от ночи, да и зачем? [...] Я бы щедро привлекала всяких жучков и козявок; отдавала бы свое тело слизням и личинкам букашек. Никогда не испытывала бы страха, не боялась смерти. Да и что такое смерть, думала бы я, — единственное, что с тобой могут сделать, так это выдернуть тебя из земли, порезать на кусочки, пожарить и съесть» (57–58).

День и ночь, жизнь и смерть и даже время проникают в грибы, в них содержится надежда на возможность восстановления мира органического. Метемпсихоз (переселение душ), проповедуемый в

буддизме, считает смерть не концом, а всего лишь одной из форм существования. Поэтому смерть не страшна. Марта также говорит: «Если бы смерть была так плоха, люди совсем перестали бы умирать» (249). Грибы соединяют безграничные нелинейные связи путем распространения спор и мицелия. Грибы, которые живут не в прямом, но в обратном кольцевом порядке и времени, противостоят патриархальным отношениям отца и ребенка, принятым в христианстве. В таком смысле грибы можно назвать существом женским, следовательно, по Токарчук, взгляды которой совпадают с представлениями восточного мира, они являются олицетворением неортодоксальности христианства.

Восточная мысль, идентичность и дуализм души и тела.

Ранее, опираясь на фрагментарную структуру романа, мы рассматривали особенности восточного ракурса в поэтике Токарчук. Почему мы говорим именно о восточном мышлении? Ответ на этот вопрос дает психолог Юаса Ясуо (1925–2005). В своей книге о различиях во взглядах Востока и Запада на душу и тело он указывает на то, что западные психологи не имеют существенного интереса к восточной мысли⁹. Дальше идет перечисление тех, кто интересовался, то есть нарушена логика изложения. К примеру, Юнг, которым интересуется Токарчук, увлекался мандалой, йогой, китайскими гаданиями, в его собственных взглядах прослеживается сильное влияние восточной мысли. Э. Фромм изучал дзен-буддизм и его корреляцию с психоанализом, М. Босс занимался иудаизмом, другие ученые интересовались Востоком. Однако среди философов практически нет таких, кто бы интересовался людьми Востока. В этом философия Запада и Востока, имеющая разные исторические традиции, показывает различие в способах мышления. Юаса обращает внимание на то, что упомянутые психологи принадлежат в широком смысле к фрейдизму, а способ познания этой школы отошел от традиционных взглядов современной ей академической мысли. Для эмпирического опыта науки он слишком идеологический и философский, для философии, наоборот, не может отделиться от основ эмпирической демонстрации. То есть фрейдизм находится в промежуточном положении, неслучайно он стал объектом критики. В свою очередь, Юнг, высказывая сомнения, пытается ясно разделить философию и эмпирическую науку, понять позицию современной эпистемологии, которая начинается у Канта. В исторической традиционной мысли Востока метафизика и психология изначально разделены, это разделение будет яв-

ляться определяющим в критической философии Канта. Юнг был глубоко привержен восточной мысли, он также полагал, что метафизика и психология традиционно неразделимы¹⁰.

Следовательно, как литературный феномен восточное мышление является для Токарчук достаточно привлекательным, но здесь мы хотели бы обратить внимание на главную составляющую: если отбросить вопросы души и тела, ключевой темой для нее является поиск идентичности. В романе «Дом дневной, дом ночной» особенно привлекает внимание упоминание о теле. Люди чувствуют свое тело, обращают внимание на свое несоответствие с ним. Например; «Внутри у Марека жила птица — так он чувствовал» (23). Писатель-агиограф Пасхалис чувствует, что не может жить в своем теле («Кто написал житие святых и как обо всем узнал»). Некоторые лица (Имярек) видят призраков, потому что их тела пусты («Почему Имярек видит духов»). Даже рассказчица говорит, что внутри нее находится дом. Сам факт разделения души и тела напоминает нам дуализм Декарта. Однако пока существует интеграция души и тела, этот факт имеет смысл. Токарчук уверена, что разделение души и тела непосредственно связано с потерей идентичности. Но преодоление дуализма души и тела, так же как интеграция души и тела, не восстанавливает идентичность.

Глядя на крестный ход через окно, Марта говорит: «Не стоит принимать близко к сердцу то, что видишь» (153). Рассказчица делает следующие выводы из сказанного Мартой: «Человек видит в пейзаже собственный, внутренний, преходящий момент. Повсюду видишь лишь себя самого. Точка. Вот о чем мне хотела сказать Марта» (154). Эти слова рассказчицы будоражат воображение читателя. Роман поднимает проблемы исторические и политические: чаще всего из своего окна рассказчица видит государственную границу и пограничников. Однако в этой границе она не находит онтологического смысла, то есть начинает осознавать бессмысленность любого разделения.

Как было сказано выше, в буддизме мир изменчив и эфемерен, его составляющие тесно связаны между собой. Такой взгляд на мир ярко отображен в йогочаре — учении о сознании как реальности, которое считает мир результатом его осознания человеком¹¹. Другими словами, явление, которое видно человеческому глазу, является лишь отображением внутренней поверхности человека. Йогочара, которая считает внешний мир тождественным внутреннему миру человека, является основой точки зрения рас-

сказчицы и в то же время указывает, что Токарчук еще не решила для себя проблему дуализма души и тела по Декарту. Восточный взгляд для Токарчук — возможность выйти за рамки дуализма. Как уже было отмечено, по Юаса, в восточной мысли интеграция души и тела не является существенной связью, а рассматривается как цель для достижения¹². Важными становятся не только способы познания мира, но и проблема человеческого бытия в мире. В романе Токарчук душа и тело, сознательное и бессознательное интегрируются, а идентичность скрыта в изменяющихся отношениях людей.

В финале романа в день отъезда из Нова-Руды рассказчица пришла в дом Марты, чтобы попрощаться с ней, и, ожидая ее, вспоминает: («Мы уезжаем, сказала я, завтра день всех святых»). «Я вошла в дом, но он был пуст. [...] он как губка, которая всасывает мысль прежде, чем та возникнет. И ничего не дает взамен, ничего не обещает, не обманывает, в нем нет будущего, а прошлое он превращает в предметы. Дом Марты похож на нее: как и она, он ничего не знает — ни Бога, ни его творений, ни даже самого себя, знать ничего не желает о мире. Живет настоящей минутой, одним “сейчас”, но огромным, растянутым во все стороны, гнетущим, неподходящим для человека» (317). Из этой цитаты мы узнаем, что Марта — это внутреннее «я» автора, ее alter ego. И еще необходимо обратить внимание на то, что Марта (дом Марты) живет мгновением: «Живет настоящей минутой, одним “сейчас”» (317). Кажется, что Марта является воплощением самой идеи непостоянства.

Также в эпизоде «Горох», когда рассказчица вместе с Мартой чистит горох перед подъездом, Марта говорит: «Не надо вовсе из дома выходить, чтобы узнать мир» (46). Согласно теории йогачары, внешний мир является отображением внутреннего мира, и это является естественным аргументом. Мир находится внутри человека. Несмотря на это, люди в поиске своей идентичности стремятся куда-то далеко. Марта опровергает это стремление, находя в маленьких горошинах возможность познать себя. Так, Мёэ Сенин*, найдя в лесу Козандзи одну фиалку, пытался разгадать тайну вселенной. Рассказчица в подробностях видит прошлое и будущее в свете звезд и луны, отражающемся от тарелки на столе в доме Марты (276). В микроскопических вещах содержится величие, этот

* Японский монах школ Кэгон и Сингон (1173–1232).

подход в буддизме называют *иссокута* или смешение, оно заключено в философии цветочной композиции и чайной церемонии, этот взгляд на мир прочно устоялся в японском сознании. Стремление увидеть бесконечность в мгновении характерно и для автора романа.

Выводы. В романе Ольги Токарчук «Дом дневной, дом ночной», с одной стороны, есть фрагменты, содержащие политический смысл, фрагменты, связанные с концепцией неопределенности и размытости, с другой стороны, в нем нашло отражение восточное видение автора. Восточная мысль и особенно буддистская философия, в значительной степени способствовавшие привлекательности романа, стали стимулом к решению проблемы идентичности, дуализма души и тела, которые затрагиваются в произведении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Токарчук О. Дом дневной, дом ночной. М., 2005. С. 311. В дальнейшем цитируется это же издание, страницы указаны в тексте статьи.

2 Например: Paczoska E. Czekając na perłę (na marginesach książki Olgi Tokarczuk o Lalce) // Dojrzewanie, dojrzałość i niedojrzałość. Od Bolesława Prusa do Olgi Tokarczuk. Warszawa, 2004. S. 347–361.

3 Камо-но Тёмэй. Записки из кельи. Токио, 1989. С. 1.

4 Кино К. Сутра сердца, алмазная сутра. Токио, 1960. С. 12–13.

5 Сузуки Дайсею. Восточный взгляд на мир. Токио, 1997. С. 10–12.

6 Интервью с Ким Ястремски. [Электронный ресурс] Режим доступа: [<https://web.archive.org/web/20120728104751/http://www.polishwriting.net/index.php?id=39>] Web. 01. 08. 2015

7 Там же.

8 Там же.

9 Юаса Ясуо. Размышление о теле. Токио, 1990. С. 94–95.

10 Там же. С. 96–98.

11 Камата Сигэо. Мысли Хуаянь. Токио, 1998. С. 100–101.

12 Юаса Ясуо. Размышление о теле. С. 101.

H. Ogura

Eastern thinking in the works by Olga Tokarczuk

The atmosphere created in the works a famous Polish author Olga Tokarczuk seems familiar to the «eastern» person. This is true, when we speak about her early works. This article presents new interpretation of her novel «House of Day, House of Night» (1999) from the perspective of its «eastern» themes.

Key words: *Polish literature, Olga Tokarczuk, comparative literature, eastern thinking, Buddhism, dualism.*

Г. Я. Ильина
(Москва)

Хорватская литература XX века как традиция

В статье намечены некоторые тенденции изучения хорватского литературного процесса, которые легли в основу монографии Г. Я. Ильиной «Литература XX века».

Ключевые слова: *хорватская литература, XX век, литературный процесс, литературоведческая кроатистика, модерн, реализм, постмодернизм, романы-свидетельства.*

В далеком 1970-м году вышла моя статья «Проблематика экспрессионизма в югославском литературоведении». В Хорватии, как и во всей Югославии, тогда уже шел начавшийся с середины 1950-х гг. процесс расширения эстетических границ, реабилитации модернистских и авангардистских течений, возвращения ранее запрещенных писателей. В России он начался позднее, с «оттепелью» 1960-х, касался как отечественной литературы, так и восприятия зарубежных литератур, однако в то время он не получил такого размаха, как в Югославии. Работа над этой статьей помогла мне в выработке методологических подходов к изучаемой национальной литературе в двух аспектах — текущей практики и теории и истории прошлого, востребованного задачами настоящего. Прежде всего это был опыт модерна и авангарда, обновленного психологического реализма, а также и социального реализма, восходящего к советскому социалистическому реализму, но отличавшегося от него существенной особенностью — он был лишен апологетической составляющей и был сосредоточен на критике буржуазного общества. Главным достижением культуры первой половины XX в., на мой взгляд, стало утверждение многообразия художественного творчества и включенность хорватской литературы в европейский литературный контекст, при сохранении, однако, основного ее тренда — защиты национального языка и культуры. Именно это завоевание, хотя не без борьбы и с большими ограничениями идеологического характера, постепенно возвращалось в литературу и науку Югославии. Не менее важно, что с восстановлением преемственности национальных традиций шло также и восприятие новых западноевропейских тенденций. Так, молодым поколением, объединившимся вокруг журнала «Кругови»

(1953–1955), было начато возвращение опыта хорватского модерна и сделаны первые шаги по пропаганде современной западноевропейской и американской литературы; поколение фантастов в 1970-е синтезировало зарубежный опыт Кафки, Гоголя, Шульца с традицией Антуана Гюстава Матюса и Франа Галовича; поэзия использовала традиции импрессионизма и авангарда, дойдя до лингвистического стиха; в литературу все шире проникает модифицированный по национальным лекалам постмодернизм; под влиянием экзистенциализма существенно обновляется реализм, углубляется психологический анализ, этический императив и в 1980-е гг. — социальный критицизм.

Важнейшую роль в этом процессе сыграли теоретики и историки литературы, что было поучительно и для русских филологов. Основы новых подходов к восприятию и анализу художественного текста были заложены возникшей во второй половине 1950-х гг. Загребской стилистической школой, у истоков которой стояли романисты кроатист Иво Франгеш, русист Александр Флакер, германисты Зденко Шкроб и Виктор Жмегач. Они не только знакомили с достижениями зарубежной науки, но и на практике раскрывали результаты собственных исследований. В частности, Александр Флакер стал пропагандистом русской формальной школы и русской художественной литературы 1920-х гг., а позднее, шире — русского авангардизма в разных видах искусства. Оба эти потока встречались на протяжении всей второй половины XX в., так или иначе проявляясь в разные периоды, в разных масштабах и в хорватской, и в русской науке.

Истории хорватской литературы, включающие XX в., создаются позднее, когда возникает временная дистанция и условия для более или менее объективного освещения литературного процесса. В конце 1980-х гг. вышла, по сути, первая, полная история хорватской литературы И. Франгеша¹, а с конца 1990-х, уже в новом государстве, за одно десятилетие появилось три истории хорватской литературы ученых разных поколений и эстетических позиций: Дубравко Елчица (1997)², Слободана Просперова-Новака (2004)³ и итоговая для этого ученого пятитомная история Мирослава Шицела (2009)⁴. Тогда же, уже в независимой Хорватской республике, начинается углубленное исследование отдельных литературных периодов, течений, истории важных для развития общей культуры журналов и творчества отдельных писателей. Привлекаются новые материалы, а главное, осваиваются новые научные методологии. Упомяну лишь некоторые из работ: К. Немец «История хорватского романа с 1900

до 1945» (1988) и «...с 1945 до 2000» (2003), В. Жмегач «Историческая поэтика романа» (1991) и «Дух импрессионизма» (1993), Ц. Миланя «Хорватский роман 1945–1995» (1996), Д. Ораич-Толич «Парадигмы 20 столетия: Авангардизм и постмодернизм» (1996), А. Златар «Автобиографизм в Хорватии. Очерк истории повествовательных жанров и типология прозаических форм» (1996), Х. Саблич-Томич «Интимное и явное. Современная хорватская автобиографическая проза» (2002)⁵ и многие другие. И у нас в стране появляются монографии Н. Яковлевой о современном югославском романе, Н. Вагаповой о югославском театре 1920-х — 1930-х гг., компаративистские исследования А. Шешкен⁶. Выходят многочисленные статьи в журналах и сборниках, в том числе по разным проблемам хорватской литературы XX в., а также предисловия к издававшимся на русском языке произведениям хорватской прозы, поэзии и драмы. Публикуется также немало количество рецензий на научные труды и не переведенные у нас художественные произведения хорватских авторов в таких журналах, как «Вопросы литературы», «Иностранная литература» и «Современная художественная литература за рубежом» (издание Библиотеки иностранной литературы). Таким образом, на рубеже веков в России складывается та научная база, на которой стало возможным создание обобщающих коллективных трудов: двухтомной «Истории литератур Восточной Европы после Второй мировой войны» (1995–2001), трехтомной «Истории литератур западных и южных славян» (1997–2001), «Истории культур славянских народов» (тт. 1–3, 2003–2008), затем, в 2012, — «Лексикона южнославянских литератур», в котором были представлены портреты более пятидесяти хорватских писателей⁷.

Без этих исследований невозможно было бы появление и моей книги «Хорватская литература XX века»⁸, вышедшей в серии «Литература XX века»⁹, над которой работает Отдел современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения, вслед за аналогичными историями польской, словацкой и словенской литератур. Будучи, как и эти монографии, ориентирована на русского читателя — студентов, преподавателей-славистов и вообще зарубежных, а также интересующихся славянскими литературами и конкретно хорватской литературой, — эта книга имеет свою специфику. Кроме общего предисловия, в каждом разделе возникала необходимость исторического и общественно-культурного введения. Основное внимание в подаче собственно литературного процесса сосредотачивалось на характеристике ведущих на-

правлений, что, к сожалению, иногда шло в ущерб целостности характеристики творческого пути писателей и вело к его разделению на отдельные периоды. Для анализа отбирались главным образом наиболее значительные творческие личности и наиболее значительные и значимые их произведения, важные как для их собственной эволюции, так и для литературы в целом. Я также считала необходимым обратить внимание на хорватско-русские связи, на весьма показательный в отдельные периоды интерес к разным русским и советским писателям. Например, к Л. Толстому и М. Горькому в начале XX в., Ф. Достоевскому в 1920–1930-е гг., С. Есенину в 1950-е, к литературе, выходящей в нашей стране в годы перестройки, в 1980-е. В то же время приведенная в книге библиография переводов на русский язык произведений хорватских писателей рассматриваемого времени отражает переводческую и издательскую практику в нашей стране. Первая составленная мной библиография, включавшая произведения разных эпох, была опубликована в 1982 г. в Загребе в журнале «Кроника»¹⁰. Теперь, в монографии, она дополнена переводами последних трех десятилетий, но, к сожалению, куда более скудными количественно.

Обратиться к опыту литературы XX в. меня побудило не только стремление обобщить наработанное ранее, но и понимание того, что многие процессы сегодняшнего дня невозможно оценить без учета недавнего прошлого. В новом веке, как и ранее, встретились авторы разных поколений, разного мировоззрения и эстетического опыта. Корпус новой литературы составили маститые писатели: Ранко Маринкович, Слободан Новак и Антун Шолян, Весна Парун, Славко Михалич и Миливой Славичек, Павао Павличич и Горан Трибусон, Дубравка Угрешич, Ирена Врклиан и Слободан Шнайдер, и представители среднего и совсем молодого поколений: Анте Томич и Зоран Ферич, Миленко Ергович и Лада Каштелан, Сибила Петлевская, Юлиана Матанович и Татьяна Громача и многие другие. То есть хорватская литература сохранила свое художественное многообразие. Однако 1990–2000-е гг., справедливо названные хорватской критикой «годами жестокой действительности», повлекли за собой существенные изменения в общественном и художественном сознании. Они возродили патриотическую традицию и «будительскую» миссию искусства. Тяга к литературе с жизненной основой, аутентичными свидетельствами, подлинными именами и событиями приводит к переструктурированию художественного творчества, заострению в нем и ранее присущих ему автобиографического и документаль-

ного начал. Примеров можно назвать много: к этому типу прозы обратились писатели разных поколений — Г. Трибусон, П. Павличич, С. Новак, Д. Угрешич, И. Врклян, С. Дракулич, Ю. Матанович, А. Миркович и Р. Цветнич. Их произведения приобрели широкую известность и в Хорватии, и за ее пределами. Возникая на существующей художественной почве реализма и постмодернизма, эта проза синтезировала разные жанры, смешивала разные стили: документализм и вымысел, факт и его субъективную интерпретацию, натурализм и мифологическую обобщенность. Различен был и уровень литературизации текста.

К этим тенденциям, на мой взгляд, особенно в 2000-е, добавляется еще одна существенная жанрово-стилевая тенденция — от господствующего жанра рассказа литература возвращается к роману разных видов, в том числе, после большого перерыва, и к роману крупных форм. Она возвращается и к пониманию гражданской своей функции, к социально-критическому взгляду на историю и современные явления, хотя и не декларирует это громогласно. И здесь можно обнаружить как преемственность, так и новизну. Мне, например, кажутся неслучайными многолетние баталии вокруг творческого наследия и общественных позиций крупнейшего хорватского писателя XX в. Мирослава Крлежи. Сошлюсь на статью 2014 г. Сани Никчевич «Война крлежепоклонников и крлежефобов, притом что крлежефилов никто не любит»¹¹. Она права, что те, кто искренне ценят писателя и не используют его имя в политических целях, до сих пор активно ставят на сцене его раннюю, бунтарскую по тематике и эстетическим воззрениям драматургию. Но не менее привлекают и граждански заостренные против капиталистических устоев его глембаевские драмы. В 2014 г. поэт и прозаик, вступившая в литературу уже после смерти Крлежи, Сибила Петлевская пишет: «Крлежа не предлагает решения проблем, он их ставит. Их значение возрастает со временем, и в этом величие Крлежи». И далее поясняет: «Он, как и Т. Берхард, неудобный писатель. К его глембаевщине сегодня надо подходить по-новому, она позволяет взглянуть на проблемы нынешнего капитализма. Ведь именно Крлежа первым ввел в хорватскую литературу эту проблему»¹².

Но еще более интересным мне представляется обращение к опыту Крлежи-романиста, и в первую очередь к его опыту создания масштабного полотна в «Знаменах» (тт. 1–5, 1962–1976). В нем он синтезирует разные жанровые структуры семейного, исторического, автобиографического, общественно-политического и интел-

лектуального повествования, многособытийность и многонаселенность персонажами, концентричность построения, неоднократное возвращение к ключевым моментам повествования, интертекстуальность, сочетание разных стилевых потоков, переплетение голоса автора и голосов героев. Я вижу продолжение этой традиции в ином историко-литературном контексте и с иным содержательным наполнением, например, в произведениях типа романов Дрндич «Sonnenschein», Ерговича «Род» или Шнайдера «Медный век». Это, соответственно, 2007, 2013 и конец 2015 года. Дело не в том, что Шнайдер давно слывет крлежианцем, Ергович многократно упоминает Крлежу в своем романе, а в том, что все эти авторы, опираясь на твердые нравственные основы, обращаются к общественно важным вопросам, волновавшим Крлежу еще в прошлом веке, и используют технику создания больших, синтезирующих разные жанровые структуры полотен. Среди этих вопросов тоталитаризм, насилие над личностью, судьбы частных людей в переломные эпохи, кем бы они ни были — активными участниками событий, жертвами, палачами или представляли нейтральное большинство, просто выживающее в трудные, трагические времена. В этих романах охвачены большие временные пласты XX в. и частично XXI в., особенно у Ерговича. Дрндич и Шнайдер сосредотачиваются на Второй мировой войне, Холокосте и времени господства диктаторских идеологий. Не менее важной оказывается и отнюдь не новая, но получающая современное звучание проблема национальной идентификации народа и отдельного человека. Кровавый опыт XX века оказался очень поучителен. Героиня Дрндич — еврейка католического вероисповедания, что ее и спасает от гибели, но не спасает от кражи ее сына, отданного сначала в созданный по проекту Гимmlера детский дом для детей, рожденных от немецких офицеров и неарийских матерей, а затем на воспитание в немецкую семью. Герои Ерговича и Шнайдера — потомки немецких переселенцев на Балканы, заключавшие браки с хорватами и словенцами. Они вступают в острый диалог со временем в поисках своих национальных корней и до сих пор ощущают себя в постоянной эмиграции. Этому помогают используемые ими собственные семейные саги. В семье Штублеров, предков Ерговича, во время Второй мировой войны основатель династии, используя свое положение фольксдойче, спасал в своем доме сербов от усташских погромов, а они спасли его в 1945 г. в социалистической Югославии от депортации в Германию. Его зять, дед писателя, словенец, оказывал помощь итальянским

и словенским антифашистам, а его сын (дядя автора), по настоянию бабушки, был отправлен, тоже как фольскдойче, в немецкую армию, где, как она считала, он был в большей безопасности, чем у партизан и усташей. Там он и погиб. Его боевые товарищи, которые начинали войну в немецкой армии, закончили ее в партизанах. Другой дядя автора, младший брат его матери, стал солдатом добранской армии в Независимом государстве Хорватия, но и он, и отец автора после освобождения Сараево народно-освободительной армией были в нее призваны и оканчивали гимназию как демобилизованные партизаны. А мать и сестра отца писателя были активистками усташского движения и после войны попали под суд. «Эту книгу, — пишет Ергович от себя, — я воспринимаю как часть собственной идентификации, хотя я никогда не ощущал немства своего прадеда Карло, как и словенства своего деда Франа». Поэтому он, боснийский хорват, в чье «хорватство включались словенство, немство, итальянство и еще какие-то нации бывшей монархии», признает, что «чувствует себя в большей степени тем, кем я не был. Может быть, даже больше, чем тем, кем я был»¹³. И в то же время Ергович становится одним из самых известных у себя на родине и за ее пределами писателей современной Хорватии.

Реальная история героев Шнайдера, прототипами которых стали его родители, выглядит фантастической, но, как мы знаем, по красноречивости ситуаций реальность часто превосходит любой вымысел. Его отец не военный преступник, как возлюбленный героини Дрндич, но он, как фольскдойче, был призван в войска ваффен-СС и отправлен в Польшу. Георг Кемпф (в частях книги, относящихся к службе в немецкой армии), или Джюка (в тех частях, где речь идет о доме и Хорватии), пытается не участвовать в карательных операциях, в конце концов дезертирует и прибивается к польско-советскому партизанскому отряду, с которым провоевал до конца войны, разумеется, скрыв свое эсэсовское прошлое. После войны на родине от спецслужб и депортации в Германию его спасала «бумажка», подтверждающая его пребывание в отряде. Ее он показал и своей будущей жене, связной партизанского отряда, прошедшей подполье и концентрационный лагерь. Вера была из другой социальной среды, она и ее брат «возлагали свои надежды на советскую звезду»¹⁴. Она сознательно и искренне оказалась среди победителей и осталась верна сделанному выбору до конца своих дней. Поэтому, встретиться Георг и Вера раньше, комментирует писатель, они без колебания выстрелили бы друг в друга. В отличие от своего мужа, «она была

субъектом революции», тогда как он «был только объектом многих революций от Муссолини и Гитлера до Ленина, Сталина и Тито. В этом и заключалось несходство между теми, кого, как щепку, несло ветром, и теми, кто управлял своей волей даже в лагере»¹⁵. Такая семья не могла просуществовать долго и распалась вскоре после рождения сына. С отцом, признается автор, у него сложились сложные отношения. Однако «бумажка-выручалочка» не могла спасти Кемпфа от косых взглядов сограждан, она не спасала его от необходимости прибегать к полуправде в анкетах и даже, до поры до времени, приспособливаться в своем поэтическом творчестве. Вскоре он вынужден был признаться себе, что из «товарища с легким правым уклоном он превратился в неприятеля коммунизма»¹⁶. В одном из интервью Шнайдер говорит: «Я не хотел быть судьей, но считал необходимым обозначить черту и защищать ее как линию фронта между тем, кто без вины стал объектом истории, и той, которая в ней сознательно активно участвовала. А я — и то и другое»¹⁷.

Так это было, и об этом надо знать. Это знание дает литература. Отталкиваясь от библейской легенды о медном змие, выплавленном Моисеем по велению Бога и водруженном на Т-образный шест, взглянув на который люди спасались от смертельных укусов змей и, что еще важнее, освобождались от малодушия и сомнений, в романе «Медный век» писатель открыто выступает против власти над человеком и народами тоталитарных идеологий. Время их господства автор и называет «медным». «Со временем, — пишет он, — много разных имен и разных идей возносилось на пьедестал, который когда-то обвивал медный змий... Во имя идей в медные времена начались непостижимые ужасы. Самые страшные из них были те, что силой принуждали приносить сами жертвы. Но еще страшнее были те, которые совершались по собственной воле и самостоятельному решению»¹⁸. Медный век сохранился и в социалистическую эпоху, когда люди должны были понимать, чего они стоят в сравнении с теми, кто стоял наверху, на трибуне. По мнению властителей, осознание этого было прекрасным средством против зараженных сомнениями, но в не меньшей мере и лекарством против собственных сомнений»¹⁹.

Я выбрала эту группу хорватских романов еще и потому, что они, на мой взгляд, находятся в русле общей тенденции развития современной прозы. Их невольно сопоставляешь с некоторыми произведениями русских писателей последних лет. Это книги Светланы Алексиевич, роман Людмилы Улицкой «Лестница Якова», построен-

ный на письмах ее дедушки и бабушки и их жизни в XX веке. Это и сборники рассказов Дины Рубиной «Медная шкатулка» и «Войлочный век» Татьяны Толстой, представляющие собой своеобразный коллаж из историй разных персонажей. Даже переключки названий привлекает внимание. Но не только она. Я вижу в подобных произведениях проявление некоторых общих закономерностей. Они также построены как семейные, личные рассказы, окруженные многочисленными историями говорящих о себе и своем времени героев, которые и слагаются в общую картину «медного» или «войлочного» времени, то есть времени диктата одной идеологии, утверждающей себя принуждением и насилием.

Литература, опирающаяся на реальные события и судьбы реальных людей, пограничная между документальной и художественной прозой, имеет свою традицию. В русской литературе вспоминаются имена В. Шкловского, Л. Гинзбург, В. Шаламова, А. Адамовича, Д. Гранина. В хорватской литературе — С. Дракулич, Д. Угрешич, П. Павличича, Г. Трибусона. Эту прозу отличает откровенная авторская позиция, отбор и структурирование текста, склонность к технике «сцена за сценой», коллажа, внутреннего пересечения историй многих людей и одновременное внимание к их психологии, говоря словами Алексиевич, «истории души. Быту души», тому, что «большая история пропускает...»²⁰. «Невозможно отбросить последствия события былых лет, — говорит Шнайдер, — но можно ясно сказать о том, кто есть кто в эти страшные времена»²¹. «Всякая написанная история, — это говорит Ергович, — переселяясь в легенду и фантазию, перестает быть реальностью, даже если она вся списана с действительности. Не существует рассказов, которые обрабатывают так называемые настоящие события, и рассказов, сочиненных писателем. Есть только правдивые и ложные рассказы, истинные и надуманные»²².

Это литература свидетельства, открытого призыва к человеческой памяти. И мне кажется, что названные мною романы хорватских писателей написаны именно в этой традиции. И надо сказать, популярность этой литературы растет. В Хорватии они отмечены национальными и международными премиями. В России упомянутые книги долго не сходили с первых мест по продажам.

Между тем сохранить культурную память помогают не только рассказы о пережитом, но и истории литературы, обобщающие воплощение этой памяти своих народов в художественных текстах. В этом я вижу смысл создания истории литературы каждого народа.

Взгляд стороннего наблюдателя на историю другой национальной литературы выполняет свою научную и общественную функцию. Внутреннее соотнесение ее с общим литературным процессом, в частности с родной литературой исследователя, помогает оттенить специфику национального литературного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Frangeli I. Povijest hrvatske književnosti. Zagreb, 1987.*
- 2 *Jelčić D. Povijest hrvatske književnosti. Zagreb, 1997.*
- 3 *Prosperov Novak S. Povijest hrvatske književnosti. Split, 2004. Knj I–IV.*
- 4 *Šicel M. Povijest hrvatske književnosti. Zagreb, 2005–2009. Knj I–IV.*
- 5 *Žmegač V. Povijesna poetika pomana. Zagreb, 1991; Duh umpresionizma. Zagreb, 1993; Milanja C. Hrvatski roman 1945–1990. Zagreb, 1996; Nemeš K. Povijest hrvatskog romana. 1900–1945. Zagreb, 1988; Povijest hrvatskog romana. 1945–2000. Zagreb, 2003; Zlatar A. Autobiografizam u Hrvatskoj. Nacrt povijesti žanra i tipologija narativnog oblika. Zagreb, 1998; Oraić-Tolić D. Paradigme 20 stoljeća. Avangarda i postmoderna. Zagreb, 1996; Sablić-Tomić H. Intimno i javno. Suvremena hrvatska autobiografska proza. Zagreb, 2002.*
- 6 *Яковлева Н. Б. Современный роман Югославии. М., 1980; Ваганова Н. М. Формирование реализма в сценическом искусстве Югославии. М., 1983; Шешкен А. Г. Русская и югославянские литературы в свете компаративистики. М., 2003.*
- 7 *История литератур Восточной Европы: в 2-х т. М., 1995–2001; История литератур западных и южных литератур: в 3-х т. М., 1997–2001; История культур славянских народов: в 3-х т. М., 2003–2008; Лексикон южнославянских литератур. М., 2012.*
- 8 *Ильина Г. Я. Хорватская литература XX века. М., 2015.*
- 9 *Хорев В. А. Польская литература XX века. М., 2009; Богданов Ю. Очерки истории словацкой литературы XX века. М., 2013; Словенская литература XX века. М., 2014.*
- 10 *Pijina G. Hrvatski pisci u ruskim prijevodima. Poseban otisak iz Kronicke Zavoda za književnost i teatrologiju JAZU, broj 22–23–24. Zagreb, 1982.*
- 11 *Nikčević S. Krležoduli i krležoklasti u ratu, a krležofile nitko ne voli // Kolo 413. Zagreb, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.matica.hr/kolo*

- 12 Цит. по: *Hrgović M.* Sjećanje na Krležu: uvjerljiv i neugodan kritičar kapitalizma // *Novi list*. 14.12.2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.novolist.hr/kultura/Književnost/Sjećanje-na-Krležu
- 13 *Jergović M.* *Rod*. Zagreb, 2013. S. 13.
- 14 *Šnajder S.* *Doba mjedi*. Zagreb, 2015. S. 39.
- 15 *Ibid.* S. 309.
- 16 *Ibid.* S. 300.
- 17 *Šnajder S.* Zavičaj je bolno mjesto // *Politika online*. 13.10. 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.politika.rs/clanak/3406886/specijalni-dodaci/zavicaj-je-bolno-mjesto
- 18 *Šnajder S.* *Doba mjedi*. S. 169.
- 19 *Ibid.* S. 276.
- 20 *Алексиевич С.* Всем мужества и идеализма // *Новая газета*. 25.12.2015. № 143–144.
- 21 *Šnajder S.* O autobiografskom romanu «Doba mjedi». *Večerni list*. Zagreb. 9.11.2015. 143–144.
- 22 *Jergović M.* *Rod*. S. 264.

G. Ya. Ilyna

Croatian literature of the 20th century as a tradition

The article designates some tendencies in studying Croatian literature, which were used by G. Ya. Ilyna in her monograph «Literature of the 20th century».

Key words: *Croatian literature, 20th century, literature, literary Croaticistics, modernism, realism, postmodernism, illustrative novel.*

Д. Ораич-Толич
(Загреб)

Современный хорватский роман: жанровые вариации и инновации

В статье рассмотрено пять типов современного хорватского романа — военный, автобиографический, виртуальный, общественный и юмористический, большой. Намечены связи и различия между ранним и поздним постмодернизмом.

Ключевые слова: *постмодернизм, пост-постмодернизм, военный, автобиографический, виртуальный, общественный и юмористический, большой роман.*

Поздний постмодернизм, переходный или глобальный период.

Как известно, существует несколько способов терминологического обозначения периода современности в культуре и литературе. Употребляя термины «постмодерн» (в смысле культуры) и «постмодернизм» (для литературы и искусства в культуре постмодерна) как самые широкие «технические термины» для современной эпохи, в нескольких своих работах я различала две фазы во внутренней диахронии хорватской культуры постмодерна: первая — «ранний», «легкий», «эстетический», «игривый» постмодерн (1970-е и 1980-е годы) и вторая — «поздний», «тяжелый», «политический», «симулякральный» постмодерн (после 1990-х годов). Кроме того, вторую фазу постмодерна в литературе, возникшую в специфических условиях после пост-югославских войн и формирования самостоятельных национальных государств на территории бывшей Югославии, я обозначила как «вызов действительности» и «пост-постмодернизм»¹. По временным рамкам это период на рубеже XX и XXI в., точнее говоря, от начала Отечественной войны 1991 года до настоящего времени.

В первом десятилетии этого периода преобладают различные виды автобиографической и мемуарной прозы, патриотическая лирика, эссеистские и публицистические жанры. Разделительную черту, открывающую путь к возрождению романа, образует 2000 год, когда на литературной сцене появилась группа авторов под названием ФАК (*Festival alternativne ili A književnosti*), многие из которых в настоящее время являются выдающимися писателями. Они провозгласили программу популяризации литературы и установили связи с рынком и маркетинговыми стратегиями. Однако особым сюрпри-

зом не только для отечественной, но и для иностранной общественности стало количественное и жанровое разнообразие романов, появившихся после 2000 г. Это был общий вызов действительности, которая требовала больших форм общественной критики, поворота от элитной к популярной культуре. На современной литературной сцене переплетаются многочисленные типы романов — от политического и общественного до детективного, фантастического, любовного, романа ужасов, триллера, антиутопии, порнографических и гомосексуальных произведений².

Из огромного материала, который постоянно пополняется новыми названиями, в данной статье я выделю пять типов романа, которые по-разному ответили на вызовы действительности.

Военный роман. Военный роман стал первой романной формой позднего постмодернизма. В процессе возникновения и развития военного романа можно выделить два его основных типа: травматический и посттравматический. Травматические военные романы возникают при непосредственном контакте с войной, независимо от того, писали ли их свидетели, видевшие военные действия своими собственными глазами, или же люди, соприкоснувшиеся с войной через рассказы реальных свидетелей или СМИ. Страх перед большими идеологиями и черно-белой техникой, являвшийся характерной чертой таких произведений, приводил авторов к поиску эстетических стратегий, с помощью которых можно было без внешней идеологизации провести различие между жертвой и агрессором.

Известный писатель Неделько Фабрио, автор первого военного романа «Смерть Вронского: Девятая глава Анны Карениной; *Romanzetto alla Russa*» (1994), — опосредованный свидетель войны. Автор стремится осудить войну и агрессию против Хорватии, но делает это не открыто, от себя, а посредством заимствованного героя, с помощью приема цитатности и интертекстуальности. Он переносит его из времени сербско-турецкой войны конца XIX в. в конец XX в., в период сербско-хорватской войны во время осады Вуковара. В конце романа Вронский осознает характер этой войны и в знак протеста добровольно совершает самоубийство, подорвавшись на хорватском минном поле. Прием цитатности воспользовался и Стиепан Томаш в вуковарском романе «Сербский бог Марс» (1995). Изменив название известного сборника военных новелл «Хорватский бог Марс» Мiroслава Крлежи, он показал войну с обратной, сербской перспективы.

К совершенно иным эстетическим стратегиям прибегли непосредственные участники войны. Вуковарская журналистка Аленка

Миркович, пережившая осаду родного города, написала личную хронику об ужасах войны в романе «Голосом против пушек: 91,6 МНЗ» (1997). Автор следит за событиями в Вуковаре начиная с первых столкновений весной 1991 г. вплоть до падения города 18 ноября того же года, соединяя в своем повествовании документализм и военное бытописание. В документальном слое произведения появляются реальные люди с именами и фамилиями, военные, руководившие обороной города, и его жители, в «бытовом» слое изображен военный быт с точки зрения слабой женщины: автора интересуют не причины войны, не великие идеи, во имя которых гибнут люди, а как помыть голову, когда нет воды, как ее принести во время обстрелов, как в военных условиях отметить день рождения. Роман заканчивается ощущением этической вины, характерной для жертв, перенесших военные травмы: «Война для меня закончилась, и я ее проиграла»³.

У непосредственного участника войны под Дубровником Ратко Цветнича не было идеологических проблем, поскольку, поскольку, как он сам говорит, он надел военные сапоги и отправился защищать Дубровник «по личным причинам». Его роман «Короткая прогулка: Записки Отечественной войны» (1997) состоит из трех слоев: из гротескных и абсурдных документальных «анекдотов», из лирических пассажей о красотах далматинского побережья и из эссеистических отрывков с резкой критикой актуальной хорватской власти. Благодаря своей трехслойной структуре роман стал поворотом от травматической военной прозы к посттравматической.

В то время как травматическое искусство, возникшее в период военных ужасов, сохраняет различие между жертвой и агрессором и вызывает катарсис верой в мир и свободу, в посттравматическом искусстве теряется различие между жертвой и агрессором, все стороны конфликта уравниваются и катарсис отсутствует: военная травма не преодолевается или даже усугубляется. Первый моделирующий посттравматический роман был опубликован в том же году, когда вышла книга Цветнича «Короткая прогулка». Им стал роман Юрицы Павичича «Гипсовые овцы» (1997). Он имел жанровую форму городского триллера с акцентом на депрессивной общественной атмосфере и утрате всех ценностей как следствия войны. В нем были показаны мрачные моменты Отечественной войны: военные преступления хорватской стороны. Действие романа разворачивается в Сплите в 1992 г., а стержнем фабулы является подлинное событие — убийство сербского торговца, свидетелем которого ока-

заявила его малолетняя дочь. По этому роману Винко Брешан в 2003 г. снял фильм «Свидетели», получивший несколько отечественных и международных наград. По изображению мрачных сторон военной и переходной действительности, морального кризиса и спирали зла роман Юрицы Павичича считается началом новой стратегии в хорватской прозе, которая отметит первое десятилетие XXI в. Для ее обозначения устоялось название «реальная проза» (термин Миленко Ерговича). Это новый критический миметизм: разоблачение темных сторон военного, переходного и постпереходного времени, психологических проблем и трагических судеб отставных ополченцев и беженцев, преступности, коррумпированных СМИ и моральной деградации общества.

Вершины нового миметизма военная тема достигает в романах хорватского и боснийско-герцеговинского писателя Йосипа Млакича. Здесь нельзя говорить о критической форме миметизма, но можно — об универсальном осуждении войны посредством натуралистических средств. В опусе Млакича, состоящем из ряда романов и повестей, выделяются два его первых произведения с военной тематикой: «Когда туманы остановятся» (2000) и «Живые и мертвые» (2002). В первом из них повествование, обрамленное рассказом в третьем лице, соединено с исповедями главного героя от первого лица. Произведение пронизано интертекстуальными ассоциациями, в них герой раскрывается как интеллеktуал своего поколения, описывающий собственную судьбу и опыт цитатами и парафразами из «Мастера и Маргариты» Булгакова, романов Иво Андрича, Милана Кундеры, фильма «Полет над гнездом кукушки», стрипов Макса Бункера, детектива Чандлера Филиппа Марлоу и т. п. Герой иронически сравнивает боснийскую цивилизацию с нарративной структурой «мыльной оперы», главная тема которой — «бойня», а эпизоды можно прерывать и добавлять до бесконечности: «ни одна боснийская бойня не дожидается своей развязки, любая просто растворяется в амнезии, она вдруг пропадает в каком-то следующем эпизоде и служит лишь поводом для новой бойни»⁴. Трагизм войны раскрывается на примере истории дружбы главного героя и его друга детства мусульманина Мирсада. Если накануне войны они не знали, в какое кафе пойти — «их» или «наше», то теперь оказались на противоположных сторонах. Война в романе определяется гротескной метафорой: «она как дождь, ждешь, когда перестанет, и стараешься не промокнуть»⁵. И наконец, сквозной мотив мистических «туманов» символизирует непроницаемость боснийской

цивилизации, иррациональность и абсурдность войны как универсального зла. Сходная ситуация и в романе «Живые и мертвые», в нем Млакич сопоставляет домобранский опыт деда 1941 года и опыт внука последней хорватско-боснийской войны. В фантастическом финале произведения герои новой хорватско-боснийской войны встречаются с тенями всех умерших всех противостоящих друг другу армий прошлого и настоящего на мистическом Могильном поле, где находятся памятные знаки трех боснийско-герцеговинских религий: католиков, православных и мусульман. Герой современного хорватско-боснийского конфликта приходит к выводу: «Мы все мертвы»⁶. Роман заканчивается без надежды и катарсиса: война — это универсальное зло и абсурдная константа боснийско-герцеговинской цивилизации.

Военная тема приобретает фантазмагорические размеры в авангардистско-инновационном, идейно-протестном и полифонически структурированном романе одного из самых оригинальных драматургов, Иваны Сайко, «Рио бар» (2006). Писательница изучает нанесенные войной травмы в осколках внутренних монологов и потоке сознания восьми женщин в подвенечных платьях. А заключают роман документальные «Записки о войне» с данными из энциклопедий и цитатами из газет, обнажающими подлинную историческую действительность, преломившуюся в сознании героинь. Небольшим радостно-гротескным интермеццо в мрачной посттравматической прозе стал роман молодого кроатиста и писательницы Маши Коланович «Слобоштина Барби» (2008). С одной стороны, это инфантильный рассказ, из перспективы ребенка фиксирующий подлинные отголоски войны в Загребе осенью 1991 г., с другой, на фоне военных событий — он о взрослении девочки в игре с популярной куклой Мателло — Барби. Детская игра в соединении с серьезностью войны приводит к гротеску, а война видится как абсурдная неразбериха бессвязных картин, подаваемых СМИ.

В том же году, когда появился в свет детский взгляд на войну Маши Коланович, вышли еще два коротких романа, написанные в духе стратегии мрачного посттравматического критического миметизма, — «Род привидений» (2008) Сладжаны Буковац и «Продаю награды из первых рук» (2008) Роберта Меджуречана. В них обоих речь идет о переходной послевоенной действительности, в которой обесценены все ценности, а на общественной арене доминируют коррупция, аморальность и частые самоубийства бывших солдат. «Война, — резюмирует Меджуречан, — это коллективный

переход границы [...]. Невинных нет, а вина зависит лишь от тонкости души»⁷.

В корпусе военных романов не могла остаться не затронутой и тема насилия над женщинами. Так возникли два романа со сходной темой насилия: «Меня словно нет» (1999) о массовых насилиях мусульманок во время войны в Боснии Славенки Дракулич и «Голова цела» (2012) Юлии Бушич о насилиях над женщинами во время оккупации Вуковара. Обе писательницы пользуются техникой документальности, обе тематизируют положение сексуальных рабынь, которые не противятся насилию, чтобы сохранить жизнь и перехитрить врага. Но ряд мрачной послевоенной прозы без надежды и катарсиса прерывается романом Иваны Шоят-Кучи «Йом Киппур» (2014). Целью автора было, избегая черно-белой техники, показать возможность преодоления военной травмы посредством памяти и прощения, идея о целебной силе которых заключена в самом названии романа — еврейском празднике покаяния и отпущения грехов. Книга построена как исповедь страдающего психическим заболеванием вуковарского ополченца Йосипа Матиевича о военных ужасах и пытках в сербском лагере Стаичево. Вспоминая тяжелые события, герой признается в своей ненависти и одновременно от нее освобождается:

...Я уже сказал Вам, что десять лет ненавидел всех сербов, всех подряд. Все для меня были виноваты. Все сербы.

— И больше так не думаете?

— Нет, проще всего загнать людей в вагоны и отправить их в ненависть. Из-за сорняков сжечь поле, засеянное пшеницей⁸.

Роман Иваны Шоят-Кучи — новая страница в хорватской военной литературе. Это роман идеи прощения и катарсиса памятью: боль невозможно забыть, но ее можно выразить и, таким образом, облегчить.

Автобиографический роман. Автобиографический роман стал ответом на кризис личной и коллективной идентичности, связанной с опытом военного и послевоенного периода.

Автобиографическую повествовательную технику (автобиографизм) в хорватскую литературу еще в период раннего постмодернизма ввела Ирена Врклян своими романами «Шелк, ножницы» (1984) и «Марина или о биографии» (1987). В романе «Марина или о биографии» появляются многочисленные цитаты из произведений

Цветаевой, Рильке и Пастернака, хотя они и не на первом плане. На первом плане — цитирование чужой жизни: представление себя на фоне биографии Марины Цветаевой как собственного двойника в литературе и судьбе. В эпоху позднего постмодернизма И. Врклян продолжает свой автобиографический дискурс: «Наши влюбленности, наши болезни» (2004), «Сестра, словно за стеклом» (2006), «Шелка нет, остались ножницы» (2008), «Дневник забытой молодости» (2007), «Письмо в письме» в соавторстве с Ясной Хорват (2009), «Протокол одного расставания» (2015), и это позволяет говорить о нем как о самом большом и с художественной точки зрения самом престижном автобиографическом опусе в современной хорватской литературе. Писательница выходит за рамки «женской прозы». Широта охвата жизненных ситуаций и галерея действительных образов — от отца, матери и сестер до художника Миленко Станчича и Мирослава и Белы Крлежи — свидетельствует о том, что ее автобиографические произведения обладают чертами написанного от первого лица семейного и общественного романа.

Доминирующей формой автобиографии и автобиографизма в период войны и в первое послевоенное время был не роман, а автобиографическая эссеистская, дневниковая и мемуарная проза (Ж. Чорак «Осколки», 1991; П. Павличич, тритпих о родном Вуковаре: «Невидимое письмо», «Школа письма», «Диксиленд», 1993–1995, потом: «Вуковарские открытки, 1992, Шапудл», 1995, «Туристический справочник Вуковара», 1997; Ю. Матанович «Почему я вам лгала», 1997; Горан Трибусон «Ранние дни», 1997, «Трава и сорняк», 1999, «Натюрморт», 2003).

Особую главу в автобиографической эссеистской прозе первых послевоенных лет представляет Дубравка Угрешич, которая во время войны покинула Хорватию. Ее книги — «Музей безоговорочной капитуляции» (1998), «Министерство боли» (2004) и др. — принесли ей мировую известность. Они представляют собой жанровую смесь эссеистических отрывков, критики действующей власти, воспоминаний о детстве, опыта жизни в изгнании и ностальгии по югославской культуре. Интересно, что в автобиографический дискурс включился даже один ученый. Свои последние годы жизни русист, кроатист и славист Александр Флакер посвятил мемуарным воспоминаниям о детстве в Польше, жизни на избранной им родине — в Хорватии и о «путешествиях» по мировым университетам. Мемуарные воспоминания приобрели форму фрагментарных автобиографических романов на большом временном и пространственном поле: «Авто-

топография I: 1924–1946» и «Автотопография II: Мои университеты; 1946–2010» (2009 и 2010).

Автобиографический дискурс и далее остается в центре внимания современных писателей. Книга Миленко Ерговича «Мама Леоне» (1999) обладает двойной жанровой структурой. Первая ее часть — ностальгическая автобиография детства в Хорватии и Боснии и Герцеговине — написана в светлых тонах («Мы жили от праздника до праздника в радостном и упорядоченном мире»⁹). Во второй части преобладает стиль черного юмора, с которым описана абсурдная судьба жителей Сараево, разбросанных во время войны по всему миру. В этом романе — как и в дальнейшем творчестве — Ергович в типичной для второго, «политического», постмодерна манере не скрывает свою идеологическую принадлежность. Прибегая к эффектным художественным образам, он, например, подчеркивает, что лицо его деда во время «Хорватской весны» 1971 года было красным «как партийное знамя».

В огромном корпусе современной хорватской автобиографической прозы выделяется роман «Симург» Станко Андрича (2005), лирическая автобиография о детстве и юности в Славонии, связанных с растительным и животным миром, временами года, людьми и книгами. Картины родного края предстают словно «затонувшая цивилизация»¹⁰, но с таким количеством отпечатков ног на земле, что никто на нее не может уже ступить впервые. Представляя автобиографический дискурс, книга Андрича в то же время является контрастом мрачной части литературной «славоники» в романах «Дрене» (2011) и «Вилево» (2013) Луко Бекаваца.

Виртуальный роман. Виртуальный роман стал ответом на вызовы новой виртуальной действительности. Этот термин относится к такому типу произведений, в котором доминирующей темой являются виртуальные миры: телевизионные передачи, видеозаписи, компьютерные и мобильные технологии, а также новые генные технологии наподобие клонирования. Наиболее частая техника таких романов — виртуальный реализм, мимесис виртуальных миров¹¹.

В хорватской литературе появились две очень ранних формы виртуального романа. Первой стало произведение Томислава Заеца «Вход в черный ящик» (2001). Оно представляло собой литературный симулякр нового электронного жанра — реалити-шоу, в котором вместо описаний реального мира преобладают написанные методом потока сознания гиперреалистические описания фиктивного мира фильма, телепередач, видеоклипов, страничек интернета. Главный персонаж,

первокурсник Философского факультета в Загребе Филипп, делая все по заранее разработанному сценарию, приходит к критическому выводу, что телевизионный жанр, который должен был бы показывать чистую правду, полностью срежиссирован и манипулирован: в нем «ложь выглядит как совершеннейшая правда»¹².

Второй виртуальный роман — первенец Елены Чарлия «Клонированная» (2003). Его главная героиня, шестилетняя девочка, — клон Мерилин Монро, которую по заказу голливудского магната для его педофилических оргий создали из волос мертвой кинозвезды. Книга Е. Чарлия невольно вызывает ассоциацию с «Лолитой» Набокова. Но в то время как у Набокова действует реальная девочка-подросток, которая соблазняет своего отчима, в романе Чарлия повествуется о виртуальной девочке, произведенной для педофилии с помощью генных технологий. И если в первом случае речь идет о грехе и искуплении, о выборе между добром и злом, то во втором — о насилии по ту сторону добра и зла, о новой онтологии тела и злоупотреблении им в виртуальную ультракапиталистическую эпоху.

Общественный и юмористический роман. Главной формой нового миметизма начала 2000-х годов стали различные варианты общественного и юмористического романа. Они были первым популярным ответом на вызовы послевоенной переходной действительности. Такие романы характерны для сплитского литературного круга (Ренато Баретич, Юрица Павичич, Анте Томич, Роберт Перишич и др.). В качестве примеров приведу самый популярный роман и роман, получивший наибольшее число наград.

Самым популярным романом в хорватской литературе переходного периода стал юмористический роман Анте Томича «Что за мужчина без усов» (2000). Он завоевал огромную популярность благодаря искрометному юмору на всех уровнях повествования, а также потребности в трудное время в смехе и катарсисе. Книга имела десять изданий, ее адаптировали для сцены, а в 2005 г. режиссер Х. Хрибар снял по ней одноименный фильм, имевший огромное число просмотров. Действие романа происходит в воображаемой деревне Смилево в Далматинской Загоре. Главные герои — отнюдь не традиционные крестьяне, а люди переходного периода: влюбленная в священника вдова, получившая в наследство миллион марок, священник, который свою склонность к вдове лечит алкоголем, брат священника — генерал, в конце концов женившийся на вдове, бывший эмигрант, вернувшийся в родные места с дочерью, не говорящей по-хорватски, местный интеллигент, сочиняющий стихи в

стиле хайку и ставший мужем дочери эмигранта, а также ряд эпизодических персонажей — они способствуют живости повествования и возникновению юмористических эффектов. Например, комизм на языковом уровне создают народные песни «ганги» (двустипийные из десятисложных строк) на эротические и политические темы, ломанный хорватский язык дочери эмигранта, а также изысканная форма хайку стихов ее кавалера в сочетании с приземленным содержанием. Критики подчеркивали, что юмор Томича принадлежит к типу добродушного чешского юмора, как, например, у Б. Грабала, а также опирается на юмористическую традицию С. Матавуля и И. Раоса с его романом «Нищие и сыновья» (1971).

Наибольшее число наград в современной хорватской литературе получил многожанровый роман Рената Баретича «Восьмой уполномоченный» (2003). Его действие происходит на несуществующем хорватском острове Третич, который находится за фиктивным островом Вторич и реальным островом Первич вблизи Шибеника. На острове коротают свои дни вернувшиеся в родные края пенсионеры — переселенцы из Австралии. Они живут как полные аутисты, не имея контактов с внешним миром, не имея администрации и основных благ цивилизации — электричества, воды, сигналов сотовых телефонов связи. Единственная их связь с миром — итальянская мафия, которая раз в неделю доставляет им продукты. Островитяне не говорят ни на литературном языке, ни на диалекте — они общаются на вымышленном языке, составленном из далматинских итальянизмов и австралийских англицизмов с хорватской морфологией и синтаксисом. Хорватское правительство прислало на экзотический остров восьмого по счету поверенного, подающего надежды политика Синишу Месняка, для проведения выборов и установления легальной власти, что до сих пор не удавалось его предшественникам. Роман читается одновременно на нескольких жанрово-стилевых уровнях: как сатира на современное переходное общество с якобы демократическими выборами, как антиутопия глобальной эпохи, в которой теряются национальные языки, так что люди общаются на оруэлловском поликультурном новоязе, как пародия на культ личности (у островитян на стене висит портрет их благодетеля, бывшего работодателя в Австралии), как юмористический роман с необычными топонимами и языком и как нетронутая идиллия средиземноморского живописного пейзажа.

Большой роман. Термин «большой роман» относится к произведениям, имеющим количественно большой объем, охватывающим

большой временной период, включающим большую галерею образов, объединяющим различные жанровые характеристики и использующим классическую линейную наррацию или технику коллажа и лабиринтного переплетения фрагментов и эпизодов. Разница между монументальными романами классического реализма XIX в. и большими романами начала XXI в. состоит в том, что предшественники верили в подлинность глобального мимесиса, в то время как поздние постмодернисты осознают сконструированность своих нарративов и миметических представлений мира. Современные большие романы отличаются от модернистских романов, таких как, например, «Будденброки» и «Волшебная гора» Т. Манна, «Человек без свойств» Р. Музиля или «Знамена» М. Крлежи. Модернисты, ставя эпистемологические вопросы об индивидууме и мире, часто встают перед неразрешимой амбивалентностью, а поздние постмодернисты ставят онтологические вопросы о судьбах людей в период конца больших идеологий и расшатанной идентичности в глобальную эпоху.

Остановимся на некоторых произведениях. Роман Ерговича «Ореховый дворик» (2003, 687 стр.) охватывает огромный временной период в целое столетие, множество удаленных мест и включает около пятидесяти персонажей. Центральный жанровый слой романа представляет собой разветвленный семейный рассказ об отдельных судьбах на фоне крупных исторических событий и идеологий, войн, эмиграции и других исторических трагедий XX века. Другой большой роман Ерговича «Gloria in excelsis» (2006, 538 стр.) включает три рассказа и три судьбы: боснийского францисканца XVIII в., pilota английской армии, который после бомбежек Сараево в 1945 году четыре месяца провел в Загребе, и ключника бомбоубежища во время обстрелов Сараево во время Второй мировой войны. Мегароман Ерговича «Род» (2013, 1008 стр.) — жанровый гибрид, состоящий из различных типов текста — документов и прозаических фрагментов, фикции и фактографии, повествования от первого и третьего лица. Это одновременно семейная сага о прадеде автора Карле Штублере, автобиографический роман, роман идентичности и роман эпохи. Проследившая историю жизни прадеда родом из румынского Баната, но жившего в Боснии, Ергович ищет свои собственные корни, описывает судьбы людей в контексте различных государств (Австро-Венгерской монархии, королевской и социалистической Югославии), войн и идеологий и в итоге создает картину XX в. на широком пространстве Балкан и Центральной Европы. Благодаря своим крупным романам Ергович вслед за И. Андричем заслужил признание как

эпический повествователь¹³ и по объему опубликованных текстов примыкает к М. Крлеже¹⁴.

Роман Даши Дрдич «Sonnenschein» (2007, 478 стр.) определен автором как «документальный роман». Это особый тип большого романа, в котором в соединении с подлинной исторической реальностью и фикцией в повествовании участвуют и документы. Например, в него с помощью техники коллажа включена особая документальная глава под названием «За каждым именем скрывается рассказ», содержащая список из 9000 имен итальянских евреев, депортированных из Италии и оккупированных ею стран.

Тематически и стилистически совершенно иной является деревенская сага Ивана Аралицы «Жизнь, населенная теньями» (2009, 990 стр.), книга с автобиографическими и мемуарными воспоминаниями о людях, обычаях, событиях и культуре родного края автора в Далматинской Загоре. В том же году, когда был опубликован роман классика постмодернизма Ивана Аралицы, вышел и роман молодой писательницы Иваны Шоят-Кучи «Unterstadt» (2009, 399 стр.). В нем описываются судьбы четырех поколений женщин из семьи немецкого происхождения в Осиеке — прабабки, бабушки, матери и внучки на протяжении всего XX века. В центре книги — комплекс замалчиваемых исторических проблем и собственной идентичности. Так, главная героиня узнает о своих немецких корнях лишь в школе, когда дети начинают ее дразнить «швабка» (уничжительное название немцев в Славонии и Придунайской области). Этот роман был отмечен литературными премиями, поставлен в театре и заслужил название классического произведения постмодернизма эпохи глобализма, когда вопрос идентичности становится одним из главных. Большие темы истории и немецкого комплекса идентичности в хорватской культуре второй половины XX в. интересуют и Людвигу Бауэра. В романе «Родной край, забвение» (2010, 430 стр.) автор, балансируя на грани между автобиографией и фикцией, ностальгически вспоминает об опыте взросления и скитаний вдали от родных мест, проверки германофобии, приверженности левым убеждениям.

Зоран Ферич, известный шокирующей поэтикой эроса и танатоса, в большом романе «Календарь мая» (2011, 603 стр.) развернул все свои темы и приемы. Он отслеживает судьбы двенадцати оставшихся в живых выпускников школы на пороге седьмого десятка лет. Они повторяют на катере свое школьное путешествие по северным далматинским островам. Фабульные рамки позволили писателю включить в центральный любовный рассказ о гинекологе Тихоми-

ре свои излюбленные темы о болезни и смерти, любви, эротических приключениях и извращенном сексе, воплощенные в поэтику гротеска и абсурда, соединить высокое и низкое, семантическое и языковое остранение (к примеру, неологизм «сыномертвые» о женщинах, потерявших на войне сыновей). «Календарь мая» — также роман о детстве и юности золотой молодежи пятидесятых и шестидесятых годов прошлого века, о политической и бытовой атмосфере времени, одновременно это и эротический роман, и семейная сага, роман о Загребе и роман об эпохе перехода от социализма к постсоциалистическому обществу.

И, наконец, самый обширный роман периода позднего постмодернизма — «Искусственные слезы» Милко Валента» (2013, 1401 стр.). Своим выходом в многочисленных журналах, в виде книги и в интернет-облике роман Валента мог бы составить конкуренцию романам с продолжением популярной писательницы эпохи модерна Марии Юрнич-Загорки. Но тогда как Загорка в своих произведениях конструирует ценности современной национальной культуры, Валент деконструирует современную глобальную цивилизацию. В предисловии к своему мегароману автор определяет собственный роман как «психологический реализм»¹⁵, а в послесловии характеризует его как «экзистенциальный диагноз начала двадцать первого века»¹⁶. Это антиглобалистский номадистский роман, в котором рассказчик с группой журналистов передвигается по европейским пространствам и пишет репортажи для передачи хорватской радиостанции «Европа на ладони». В поисках несуществующего Грааля объединения Европы он исследует царство повседневных банальностей, тайны сексуальности, переходный период по-хорватски, новый кодекс ценностей постмодерна наподобие «политической корректности» и мрачные стороны только что воцарившейся глобальной цивилизации.

Связи и различия между ранним и поздним постмодернизмом и пост-постмодернизмом. Связующими звеньями между ранним и поздним постмодернизмом были приемы интертекстуальности и цитатности, лудизм, чувство жанра, склонность к фантастике, устранение и переформатирование границы между элитной и популярной культурой, а также ориентация на публику, которая в позднем постмодернизме стремилась к узнаванию, катарсису или развлечению. Возник своеобразный парадокс: в период потери литературой своего привилегированного места в обществе роман стал популярнее, чем когда бы то ни было. Возникли новые вопросы в соприкосновении с

военной, переходной и глобальной действительностью, а также эстетические стратегии, которыми литература на рубеже XX и XXI в. отвечала на ее вызовы. Среди них можно выделить:

1. автобиографизм (ностальгические воспоминания, реконструкции и конструкции коллективной и личной идентичности);
2. документализм (действительность, увиденная собственными глазами или ожившая в исторических документах);
3. виртуальный реализм (мимесис в виртуальных мирах новых массмедиа и технологий);
4. новый миметизм (так называемая реальная проза, критическое описание послевоенной и переходной действительности, общественные и семейные саги, экзистенциальные проблемы и проблемы идентичности на больших временных отрезках);
5. «психологический реализм» (номадистское блуждание по глобальной цивилизации).

Ответ на вопрос, в чем состоит секрет богатства и успешности современного хорватского романа и литературы на рубеже XX и XXI веков, — невероятно простой: чем хуже была действительность, тем лучше становилась литература.

Перевод Наталии Видмарович

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Oraić-Tolić D.* Književnost i sudbina. Zagreb, 1995; *Suvremena hrvatska proza // Republika.* Zagreb, 2001. № 5–6. S. 39–51; *Virtualni realizam — hrvatski postmodernizam // Muška moderna i ženska postmoderna.* Zagreb, 2005.

2 *Pogačnik Ja.* Novi hrvatski roman (Jedno moguće skeniranje stanja. Sarajevske sveske 13. 2006. S. 75–96.

3 *Mirković A.* Glasom protiv topova: 91,6 MHz. Zagreb, 1997. S. 326.

4 *Mlakić J.* Kad magle stanu. Zagreb, 2000. S. 64.

5 *Ibid.* S. 93.

6 *Mlakić J.* Živi i mrtvi. Zagreb, 2002. S. 208.

7 *Mepureuan R.* Prodajem odličja, prvi vlasnik. Zagreb, 2008. S. 134–135.

8 *Šojat-Kučić I.* Jom Kipur. Zagreb, 2014. S. 229.

9 *Jergović M.* Mama Leone. Zagreb, 1999. S. 57.

10 *Andrić S.* Simurg. Zagreb, 2005. S. 85.

11 *Oraić-Tolić D.* Virtualni realizam — hrvatski postmodernizam // *Muška moderna I ženska postmoderna.* Zagreb, 2005.

-
- 12 *Zajec T.* Ulaz u crnu kutiju. Zagreb, 2001. S. 310.
 - 13 *Nemec K.* Rückkehr zur Erzählung und zum Erzählen: Die kroatische Prosa vom Zerfall Jugoslawiens bis heute. Die Horen. 2008. LIII. B.1, N 229. S. 53–66.
 - 14 *Pogačnik Ja.* Novi hrvatski roman...
 - 15 *Valent M.* Umjetne suze. Zagreb, 2013. S. 7.
 - 16 Ibid. S. 1399.

D. Oraić-Tolić

Modern Croatian novel: genre variations and innovations

The article considers five types of modern Croatian novel: military, autobiographical, virtual, social and humorous, and grand. The author envisages connections and differences between early and late postmodernism.

Key words: *postmodernism, post-postmodernism, military, autobiographical, virtual, social and humorous, and grand novel.*

Н. Н. Старикова
(Москва)

Словенский роман 2000–2010 гг. как отражение политических и социокультурных трансформаций

В статье рассматриваются два словенских романа начала XXI в.: «Король грохочущих духов» М. Маццини и «Югославия, моя страна» Г. Войновича, содержание и проблематика которых свидетельствуют о возобновлении интереса прозаиков к таким общественно значимым, резонансным явлениям национальной истории, как эпоха Й. Б. Тито и последствия распада его империи.

Ключевые слова: *словенский роман, общественно-политические трансформации, социокультурный контекст, аутентичность.*

Первое десятилетие нынешнего тысячелетия стало для Словении важным этапом развития. Страна пережила несколько смен правительств, экономический кризис, вышла на международную арену, стала членом Евросоюза. И, естественно, столкнулась с целым рядом проблем, вызванных коренными изменениями в политической, общественной и социокультурной жизни. Отмена цензуры, давление законов рынка, перестройка отношений государства, общества и культуры, столкновение стремления к национальному самоутверждению с процессами глобализации — все это сказалось как на социокультурной ситуации, так и на бытовании литературы и всей литературной инфраструктуры Словении.

Обретению государственной самостоятельности словенцев предшествовал почти тысячелетний путь, на протяжении которого языку и литературе как главным средствам конституирования национального самосознания придавалось особое значение. После провозглашения независимости в Словении сложилась парадоксальная ситуация: новоиспеченное государство перестало рассматривать художественную печатную продукцию как инструмент национальной самоидентификации и переадресовало эту обязанность частному издателю. Политические и экономические трансформации запустили механизм саморегуляции национальной литературной системы, движимой необходимостью приспособиться к новым условиям, «встро-

иться» в глобализированную западную культуру, что способствовало возникновению в стране новой литературной ситуации, развивающейся по законам рынка. Утверждение в общественной жизни принципа плюрализма привело к сосуществованию в словенском культурном пространстве множества эстетических систем. В результате для современной литературной практики Словении характерен небывалый эклектизм, в ней сочетаются самые разнообразные поэтики и дискурсы. При этом литература, с одной стороны, внутренне «демократизировалась», открылась для нового уровня развития, существенно расширила свой репертуар. С другой — в определенной степени утратила свой некогда привилегированный общественный статус и энергетический заряд.

Важные изменения коснулись романного жанра. В XX в. в словенском литературоведении сформировалось представление о художественном каноне словенского романа, в основе которого были две главные составляющие — национальная идея и лиризм — и действовал «канонизированный» тип героя, тоскующего по недостижимому. Накануне провозглашения государственности видный литературовед Я. Кос высказал гипотезу о том, что с изменением «социокультурных основ словенства можно ожидать и изменения типичных образцов словенского романа»¹, которая оказалась пророческой. Как отмечает в своих работах 2000-х гг. профессор Люблянского университета А. Зупан-Сосич, едва ли не главной особенностью современного словенского романа становится жанровый синкретизм, сочетание разных стилевых потоков, наличие разнообразных жанровых структур внутри отдельного произведения².

Другой знаковой для словенского романа 2000–2010-х гг. приметой становится возобновление интереса к общественно значимым, резонансным явлениям национальной истории, например, к эпохе Й. Б. Тито и последствий распада его империи, причем с привлечением автобиографического и документального материала. Попытки осмыслить это время делают М. Маццини в романах «Король грохочущих духов» (2001) и «Вычеркнутая» (2014), Г. Войнович в романах «Чефуры — вон!» (2008) и «Югославия, моя страна» (2011), М. Кресе в романе «Страшно ли мне...?» (2012).

Самым популярным у читателя стал, о чем свидетельствует его неоднократное переиздание (2001, 2008, 2011), автобиографический роман Михи Маццини (род. 1961) «Король грохочущих духов». В основу этой книги лег созданный Маццини сценарий фильма «Сладкие сны», удостоенный «Золотой пальмы» на XXII кинофестивале

в Валенсии в 2001 г. Роман получил известность за рубежом, он переведен на английский, хорватский, чешский, итальянский и польский языки. Название произведения отсылает к альбому английской глэм-рок-группы «T.Rex» «King of the Rumbling Spires», пик славы которой пришелся на конец 1960-х — начало 1970-х гг. Быт и реалии социалистической эпохи СФРЮ представлены автором с помощью детской перспективы, одного из традиционных для современных словенских прозаиков художественных приемов, — глазами двенадцатилетнего школьника Эгона Виттори, живущего в Есеницах, в описываемое время крупнейшем центре металлургической промышленности Словении и страны в целом. Выбор повествователя обуславливает юмористическую интонацию повествования, лишённого трагизма и патетики. «Как мы жили при коммунизме и даже смеялись» — именно это заглавие нашумевшей книги 1991 г. хорватской писательницы и публицистки С. Дракулич (род. 1949), по мнению критика Г. Трохи, отражает главную мысль романа Маццини³. Однако сам автор не вполне с ним согласен: в статье «Словению может спасти только смех» он изменяет смысловой акцент приведенного высказывания: «Мы пережили коммунизм, потому что смеялись»⁴. Такая формулировка более точно передает авторский замысел. Благодаря комизму характеров и ситуаций многие проблемы, с которыми герой сталкивается в семье и школе, выглядят менее устрашающе. Хотя проблемы эти весьма серьезны. Не случайно в качестве эпиграфа к роману выбраны известные строки британского поэта Ф. Ларкина «Они тебя затрахали, твои отец и мать». Мальчик из неполной семьи (в графе «отец» стоит прочерк) испытывает серьезное давление со стороны властной и одновременно инфантильной матери, страстной поклонницы звезд Голливуда Ланы Тёрнер и Пола Ньюмана, и бабушки, из которой страх пережитого в Первую мировую войну сделал религиозную фанатичку. Мать и дочь не слишком ладят между собой, американские фильмы для одной и Священное писание для другой — единственный способ уйти от безысходной и нищей повседневности. Настоящим ударом для госпожи Виттори становится на первый взгляд смешной случай: на уроке биологии ее сын, сидящий дома на одной картошке, нечаянно съедает учебное пособие — кусочки мяса из чашки Петри. Впрочем, не слишком сытое детство не мешает Эгону жить нормальной жизнью подростка: он влюбляется в одноклассницу Майю и пытается, как может, защитить ее от грязных посягательств учителя физкультуры. Как у многих тинейджеров, главным его увлечением становятся пластин-

ки, а главной мечтой — настоящий проигрыватель. Днем парнишка читает газету «Коммунист», а ночью слушает «радио Люксембург» и восхищается рок-группами «T.Rex», «Slade», «Steppenwolf», «Pentagle», «Incredible Sting Band». Атмосферу 1970-х в романе создает широко представленный визуальный ряд — фотографии из семейного альбома, рекламные плакаты кинофильмов и эстрадных исполнителей, обложки пластинок, выдержки из газетных статей, фотографии Й. Б. Тито («Тито после охоты», «Тито читает прессу», «Тито с фотоаппаратом», «Тито за станком», «Тито за роялем» и т. д.), вырезки из популярного эротического журнала «Адам и Ева», снимки ставшего символом своего времени югославского малолитражного автомобиля «Застава 750» и т. д. Металлургический комбинат в Есеницах — градообразующее предприятие, на котором работают выходцы из всех республик и краев федерации, звуку его фабричного гудка подчинен весь уклад жизни горожан. Обстановка многонационального города для мальчика, увлеченного рок-музыкой, ярче всего проявляется в том, какой музыкальный фон сопровождает его каждый день, — пестрая «мешанина из севдалинок*, сербского коло и словенской польки»⁵. Растиражированный образ «отца нации» — неперемный атрибут тогдашней югославской жизни: Тито смотрит на своих подданных с многочисленных плакатов, кино- и телеэкранов, газетных страниц, напоминает о себе огромными надписями «НАШ ТИТО», выложенными вдоль железнодорожного полотна. Впрочем, первая ассоциация с лидером Движения неприсоединения связана у героя с фразой его дядюшки Винко, бывшего партизана, после войны ставшего дальнобойщиком, который хвалился, что у него «по бабе в каждом городе — столько у самого Тито нет»⁶. У самого Тито! У того, кто «построил столько больших домов и взял столько больших кредитов»⁷. Поэтому маленький Эгон, глядя на властное бритое лицо, каждый раз с чувством гордости вспоминает своего дядюшку. Еще герою очень нравилось, что глава государства, находясь с официальными визитами на Кубе, в Корее, Нигерии или Мозамбике, никогда не забывал о своих гражданах — на кадрах кинохроники «он всегда оборачивался и махал нам рукой»⁸. Правда, даже после школьных политинформаций, посвященных двум главным завоеваниям югославского социализма: самоуправлению и Движению неприсоединения, обуславливающим особое положение Югославии на мировой арене, пытливому мальчику не был до конца ясен внеш-

* Севдалинка — традиционная боснийская любовная песня.

неполитический курс, избранный Тито: «Я обратил внимание, что неприсоединение делало нас похожими на африканские и латиноамериканские страны, не зря же Тито так нравилось носить белые костюмы и соломенные шляпы»⁹. Однако титовская Югославия и правда отличалась от большинства других стран социалистического содружества, в частности тем, что ее гражданам разрешалось ездить в соседнюю капиталистическую Италию за покупками. Даже школьникам. Эти поездки всем классом, напоминавшие «легендарные партизанские походы, которые мы проходили на уроках, только без снега и мороза»¹⁰, оставили в памяти мальчика неизгладимый след. Заграницы он побаивался. Сразу после войны сестра матери, тетка Юлия, работавшая на вокзале уборщицей, нечаянно оказалась в Западной Германии (не успела вовремя выйти из вагона, который убирала). Через три дня ее благополучно депортировали обратно, но на родине она тут же угодила в объятия тайной полиции и едва не была посажена в тюрьму за шпионаж. Но в итальянской Горице в маленьком магазинчике «Old Swan» можно было найти пластинку «Pentagle» и с помощью друга Фрица, ибо своих сбережений не хватало, купить ее. И это пересилило страх. Вообще же сценарий шоппинга был продуман до мелочей. Одноклассники Эгона, счастливые обладатели полноценных карманных денег, одетые в разваливающиеся сандалии, допотопные юбки и заштопанные штаны, благополучно миновав таможенно, устремлялись в центральный универсам. Посетив первым делом туалет, где из укромных мест извлекалась тщательно спрятанная заначка, молодежь бросалась покупать джинсы, майки и кроссовки, тут же все это надевала, оставляя свои обноски «загнивающим капиталистам». Апофеозом счастья и главным доказательством пребывания гражданина СФРЮ за границей становился пакет с бананами, «чудесными, тающими во рту плодами, которые, к сожалению, не растут при социализме»¹¹.

В финале герой все же становится счастливым обладателем проигрывателя, этого «символа самостоятельности и взрослости»¹². И никакие появившиеся позднее кассетные магнитофоны и CD-плееры с ним сравниться не смогут. Успех книги Маццини во многом обусловлен интонацией — одновременно эмпатической и ироничной, — с которой автор рассказывает не только о юности своего героя, но и о стране, в которой эта юность проходила и которой больше нет на карте.

Иной, более трагический взгляд на крах СФРЮ и его последствия характерен для Горана Войновича (род. 1980), выпустившего в 2011 г. свой второй роман «Югославия, моя страна». В прошлом ба-

скетболист, ныне дипломированный кино- и телережиссер боснийского происхождения, снявший несколько документальных фильмов, журналист и кинокритик, в 2008 г. он буквально ворвался в словенскую литературу с острозлободневным романом «Чефуры — вон!». В «Югославии...» едва ли не первым в словенской прозе Войнович обращается к самой «болевой» точке недавней истории — распаду многонациональной империи Тито, сопровождавшемуся военными конфликтами. Уже в самом названии содержится некий провокационный элемент — словосочетание «моя страна» взято автором из словенского рекламного слогана, популярного в 1980-е гг. Желтый рекламный плакат с изображением липового листа — устойчивого архетипа словенской культуры — и словами «Словения, моя страна» служил тогда средством привлечения внимания к туристическим красотам самой северной республики СФРЮ. Прототипами героя романа стали, по признанию автора¹³, дети военных Югославской народной армии, с которыми он подружился, отдыхая на побережье Хорватии. В июне 1991 г. их семьи внезапно покинули Пулу.

Действие романа развивается в двух временных пластах — в 1991 и 2008 г. Владан Бороевич, живущий в Любляне, из Интернета неожиданно узнает, что его отец, бывший офицер ЮНА, 17 лет считавшийся погибшим, жив и в настоящее время разыскивается гагским трибуналом как военный преступник. Именно он, Неделько Бороевич, 13 ноября 1991 г. отдал Третьему корпусу приказ уничтожить боснийскую деревню Вишничичи со всеми ее жителями. Бороевич-младший устремляется на поиски отца. Это путешествие по бывшим республикам СФРЮ, ныне независимым государствам, невольно возвращает его к воспоминаниям детства. До июня 1991 г. семья Бороевич была типичной благополучной югославской семьей — серб из Нови-Сада и словенка из Любляны жили в курортной Пуле в хорошей квартире, отец неплохо зарабатывал, пользовался уважением сослуживцев. Когда внутривосточная ситуация в стране обострилась, всех кадровых военных срочно вызвали в Белград. Жить там было негде (номер 211 в белградском отеле «Бристоль», хорошо запомнившийся одиннадцатилетнему мальчику, был оплачен командованием только на неделю), и глава семьи отправил жену с сыном к своей дальней родне в Сербию. В тесной новисадской квартире уже толпились другие беженцы, и Душа Бороевич приняла решение вернуться к родителям в Люблян. Югославия распалась, мать и сын стали гражданами независимой Словении, контакты с отцом прервались. Потом ребенку сказали, что он погиб. Одиночество в чу-

жом городе, непонимание и нечувственность матери, которая устраивала свою судьбу, психологическая травма, нанесенная известием о смерти отца, — все это заставило мальчика замкнуться, возвести стену между собой и реальностью. И главные вехи его жизненного пути — учеба на философском факультете Люблянского университета, роман с девушкой Надей — лишь формально привязывают Владана к окружающей действительности, не нарушая его глубокой душевной апатии. Известие об отце застаёт его врасплох и одновременно выводит из анабиоза.

Странствие по Балканам становится для героя чередой встреч с теми, кто был свидетелем и участником трагических событий первой половины 1990-х гг., обитающими ныне на периферии некогда единого югославского пространства — в боснийской деревне, новисадской многоэтажке, словенской глубинке. Время для многих из этих людей остановилось: они, плоть от плоти 20-миллионной страны, не могут смириться не столько с самой ее гибелью, сколько с ужасающими подробностями ее трагической агонии, унесшей в братоубийственных конфликтах тысячи жизней. Герой находит своего отца — в Вене он встречается с генералом Бороевичем, скрывающимся там, как и многие другие военные преступники, под чужим именем. Немолодой человек, живущий прошлым («Армия была моей жизнью. Я сам был армия. Я верил в нее, как другие верят в Бога... верил в эту страну...»¹⁴), ничем не напоминает Владану того сильного и обаятельного мужчину, который обещал покатать их с мамой на лодке до Бриони, часто напевал хиты Томы Здравковича и покупал сыну бонусные машинки в универмаге. Разговор мучителен для обоих, спасением в этой ситуации становится алкоголь. Выпив, Владан уходит, не оборачиваясь. Через несколько месяцев ему сообщают, что его отец в венской квартире покончил с собой.

В ответе ли сыновья за грехи своих отцов? Внутренний монолог, в котором герой вновь переживает детали последнего свидания, свидетельствует о том, что у Войновича, как и у многих других, начиная с авторов античных трагедий, на этот вопрос нет однозначного ответа. «Генерал Бороевич не защищался от моих нападков, не отвечал ударом на удар. Он играл роль слабой, невинной жертвы, стремясь вызвать у меня незаслуженную жалость [...] Он впивался в меня своими, так похожими на мои, глазами, и в них был немой вопрос: почему я, его сын, не на его стороне, почему не хочу выслушать его версию. Его проклятую, лживую, грёбаную, манипуляторскую версию [...] А мне было стыдно, потому что втайне я желал, чтобы эта версия от перво-

го до последнего слова оказалась правдой, ибо с самого начала мое подсознание стремилось понять и оправдать моего отца»¹⁵. Неделько Борович, ставший палачом, вырос в семье жертвы — вся семья его отца — 11 человек — была вырезана усташами в 1942 г. Владан Борович, сын палача и внук жертвы, не может избавиться от чувства, что он причастен к тому, что случилось с его предками и с его отцом.

Ностальгия героя Войновича по Югославии — ностальгия не по стране, а по детству и его счастливой безмятежности. В этом детстве были веселые размахивания триколорами и титовками в День республики и азартные спортивные эстафеты в День молодежи, были увлекательные игры не знавших национальных различий пацанов из смешанных семей на пляже югославской Адриатики, была атмосфера братства и дружелюбия. Один из персонажей романа, автомеханик Энес, вспоминая былые времена, с юмором рассуждает о «чистоте» расы: «В бывшей Юге* мы, боснийцы, в основном вставляли [...] Вы-то молодые, и понятия не имеете, что половину всех этих янезов, иванов и йованов, что сейчас шляются по Балканам, настрогали какие-нибудь Муйо или Сульо»¹⁶. Для передачи колорита речи «балканских» персонажей автор использует легкий «грим» — отдельные сербские, хорватские и боснийские слова, иногда грамматические конструкции и глагольные связки. Ритм и динамика развития сюжета, как и в дебютном произведении, напоминают стилистику киносценария.

В произведении Войновича распад Югославии и распад семьи Борович не просто взаимосвязаны, эта параллель показывает, как политические и националистические амбиции ломали жизни простых людей, лишали их родины.

Два представленных выше романа дают некоторую надежду на то, что литература Словении, прошедшая вместе с независимым государством через период преобразований, в XXI века вновь возвращается к осознанию своей гражданской функции, к критическому взгляду на историю и современность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Kos J. Teze o slovenskem romanu // Literatura. 1991. № 13. S. 50.*
- 2 *См.: Zupan Sosič A. Zavetje zgodbe. Ljubljana, 2003.*

* Юга (разг. словен., серб., хорв.) — Югославия.

- 3 *Troha G.* Uvod // *Mazzini M.* Kralj ropotajočih duhov. Ljubljana, 2001. S. 2.
- 4 Цит. по: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.siol.net/priloge/kolumne/miha_mazzini/2013/12/slovenijo_lahko_resi_le_smeh.aspx.
- 5 *Mazzini M.* Kralj ropotajočih duhov. S. 46.
- 6 Ibidem. S. 23.
- 7 Ibidem. S. 41.
- 8 Ibidem. S. 94.
- 9 Ibidem. S. 191.
- 10 Ibidem. S. 193.
- 11 Ibidem. S. 261.
- 12 *Zupan Sosič A.* Na pomolu sodobnosti ali o književnosti in romanu. Maribor, 2011. S. 176.
- 13 Bukla. № 72–73. 23.11.2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bukla.si/?action=clanki&article_id=1642&cat_id=1&limit=12&page=3
- 14 *Vojnović G.* Jugoslavija, moja dežela. Ljubljana, 2012. S. 261.
- 15 Ibidem. S. 264.
- 16 Ibidem. S. 21.

N. N. Starikova

Slovenian novel of 2000–2010 as reflection of political and socio-cultural transformations

The article deals with two Slovenian novels of the beginning of the 21st century, namely «The king of rumbling ghosts» by M. Mazzini and «Yugoslavia, My Fatherland» by G. Vojnovic, the content and problematics of which indicate rebirth of the novelists' interest to such important and headline-making events as the epoch of J. B. Tito and the consequences of the break-up of his empire.

Key words: *Slovenian novel, socio-political transformations, socio-cultural context, authenticity.*

Т. А. Агапкина
(Москва)

Трепетание осины в этиологических сюжетах славянского фольклора

В статье рассматриваются мотивы трепетания осины в славянском фольклоре (этиологические легенды, колядки, предания и др.). Эти мотивы восходят к событиям христианской истории, однако в разных жанрах фольклора они оказываются переосмыслены в соответствии с установками и прагматикой того или иного жанра.

Ключевые слова: *славянский фольклор, осина, Иуда, жанр, этиологическая легенда.*

Происхождение объектов природы, в том числе деревьев и кустарников, нельзя назвать самым разработанным фрагментом славянской мифологии, хотя появляющиеся в последние годы материалы (как старые, архивные, так и новые полевые) несколько расширяют представление о нем. Предметом наших разысканий в данном случае станут славянские этиологические мотивы, объясняющие появление не самой осины как дерева, а ее наиболее примечательного свойства — дрожания листьев и ветвей, мотивы, имеющие хождение во всем славянском мире, а также у германских народов. Эти мотивы разрабатываются прежде всего в этиологических легендах, а также в колядках, апокрифических рассказах и некоторых других жанрах. Нам уже приходилось бегло касаться этой темы¹; позже к ней обращались и другие исследователи².

В ряде славянских языков упомянутое свойство осины (дрожание ее листьев и ветвей) нашло отражение в соответствующих фитонимах (литературных, диалектных и фольклорных), которые одновременно восходят к ее латинскому названию (осина обыкновенная, или, иначе, тополь дрожащий, лат. *Populus tremula*), см. названия осины, мотивированные глаголами со значением ‘дрожать’, ‘трепетать’: серб. *трепетљика*, *трепетуша*, *трепола*, *трептика*, болг. *треперака*, *трепетлика*, словен. *trepetlika*, пол. *trzepiecina*, укр. *трепета*, *трепота*, *трепетина* и др.

Основной корпус текстов, объясняющих трепетание осины, базируется на событиях, относящихся к христианской истории. Славянский фольклор предлагает несколько мотиваций этой особенности дерева, которые и будут рассмотрены ниже.

I. Первую группу сюжетов и мотивов можно объединить темой предательства осины. Они восходят главным образом к евангельскому эпизоду, связанному с бегством Св. Семейства вместе с новорожденным Христом в Египет от царя Ирода (Мф 2:13–14). Однако вопреки евангельскому рассказу, в котором Св. Семейство благополучно скрывается от Ирода в Египте, фольклорные легенды единодушны в том, что осина выдает Св. Семейство преследователям. Подобные сюжеты известны в разных славянских традициях, однако создается впечатление, что основной очаг их распространения — Польша, Белоруссия и Украина.

— Осина (по разным причинам) не пустила к себе Св. Семейство или отказала им в укрытии (от Ирода или непогоды): «Когда Богородица убежала в Египет, там дождь шел или там было слишком жарко, вот она и хотела спрятаться под осиной. Это от Ирода и хотела спрятаться под осиной, а осина не хотела дать ей своей тени. И в наказание за это она и дрожит всегда» (польское поверье)³. Богородица с новорожденным Христом бежала и спряталась в лесной чаще (от Ирода или от дождя). Но осина подняла листья кверху, и укрыться было нельзя. За это Богородица прокляла дерево, сказав: «Трепала до века, ни од ветра, ни од кише, већ од страха божјега и на томе остане» [Чтобы ты трепала вечно, не от ветра, не от дождя, а от страха Божьего, и пусть будет так] (сербское предание)⁴.

— Осина сильно испугалась и шевелением ветвей невольно выдала место, где пряталось Св. Семейство: «Раньшы говорылы, такэ што... Як Буг народыса и яго шукалы яўрэи, хотели ўбиць, этого Бога, а ўон буў маленький шчэ. И Маци яго заховала пуд осиною, дак они стали шукаць, эта осина задрыжала, лысточкы. И ўот оны нашлы под тую ўосиною. А Божа маць, гавораць, сказала, *штоб ты ўсё сваё ўремья дрыжала*» (полесское поверье)⁵. Осина — самое слабое дерево и проклято Богом за то, что, когда Иисус пытался скрыться от своих преследователей и влез на осину, она начала трясти своими листьями, как и до сих пор трясется, так что преследователи поняли, что на ней кто-то сидит, и нашли Иисуса (боснийская легенда)⁶.

Таким образом, предательство осины оказывается как намеренным, так и случайным; последнее, однако, не отменяет последовавшего за этим проклятия осины Богородицей. Это проклятие является

кульминацией сюжета, его итоговой сценой, а кроме того, оно часто оформлено в виде прямой речи и формулы проклятия, вкладываемой в уста Богородицы, ср. польскую формулу: «Skoro mnie nie chcesz ukryć, będziesz się trzęsła całe życie» [Раз ты не хочешь спрятать меня, будешь трястись всю жизнь]⁷ с русинской: «Осико, осико, бодай ес ся трясла од віка вічного до суда страшного» (колядка)⁸.

Помимо осины, в рассматриваемых этиологических сюжетах «принимают участие» и другие растения, которые либо разделяют судьбу осины, точнее, ее проклятие, либо, напротив, лишь оттеняют ее предательство своим благородным поведением. Такой принцип построения этиологических текстов широко известен и выходит далеко за рамки описываемых сюжетов.

В песенном фольклоре, прежде всего в колядках, известны сюжеты о проклятии Богородицей одновременно нескольких растений. В лемковской колядке это крапива, бузина и осина, которые выдали Богородицу с младенцем их преследователям⁹. В македонской песне («Исповедь Богородицы») Богоматерь признается в том, что во время бегства с младенцем Христом она прокляла три растения, которые мешали ей в дороге: плющ, ель и осину, однако осина получает здесь иное, нетипичное наказание: «Тонка ясика тонка да бидит... сенка да немаг» [Тонкая осина тонкой пусть будет... пусть у нее не будет тени]¹⁰. В лемковской колядке та же судьба постигает терновник и осину, хотя и по другой причине: «Стала ёна [Богородица во время бегства], стала Хвильку спочивати... сына повивати; Стало ёй ся, стало галузья кланяти, Бучья и корёнья и всяке створёнья, Лем ся не клонила проклята й осика... и прокляте терня. Проклята й осика, Бодай ес ся трясла До суду судного, до вьку вьчьного! А прокляте терня Бодай ес кололо, До суду судного, до вьку вьчьного!»¹¹

Напротив, среди польских, белорусских, севернорусских и ряда других легенд о проклятии осины находится немало таких, которые основаны на противопоставлении хорошего и плохого деревьев. Это противопоставление, с одной стороны, объясняет различие в их природных свойствах, а с другой — создает «интригу» легенды. «Благородной» парой осине выступают чаще других лещина, береза и ель, которые Богородица или Христос благословляют, наделяя какими-нибудь полезными качествами и способностями.

— Св. Семейство, спасаясь от погони, спряталось под осинной, но кукушка закуковала, осина испугалась, задрожала, за что

и была проклята формулой «Шоб ты век траслася»; после этого беглецы спрятались под орешником, и хотя кукушка вновь закуковала, но орешник опустил ветки, и преследователи их не заметили (белорусская легенда)¹². Богородица с Младенцем, убегая от царя Ирода, спрятались под осиной, но она не смогла их скрыть, так как дрожала от страха, что царь Ирод ее срубит. Тогда Мария перебежала под лещину, которая, как могла, укутала ее своими ветвями, и Ироду пришлось вернуться ни с чем. Поэтому Христос сделал так, что осина дрожит даже при хорошей погоде, а под лещиной можно укрыться даже в грозу, поскольку гром туда не бьет (польская легенда)¹³.

В южнославянской фольклорной традиции такие легенды о бегстве Св. Семейства в Египет и участии в этом событии разных деревьев развиваются по-другому. Сербь и хорваты иногда переносят эти сюжеты на тополь (*Populus alba*), в этом случае также называемый *трепетлика*, проклиная его за то, что он не спрятал Богородицу во время бегства Св. Семейства¹⁴.

— Мария бежала от своих преследователей с младенцем Иисусом и просила тополь спустить ветви и скрыть ее, но тополь не сделал этого: «Oj topolo, topolo, Savi grane do zemlje, Sakri sinka i mene, Nek židovi ne vidu, Pa neka nas obidu, Da mi sinka ne otmu... A topola ni 'tila, Proklela je Marija: Oj topolo, topolo, Lelala se, lelala U pol lita bez vitra, U pol zime bez sniga» [Ой тополя, тополя, спусти ветви до земли, Скрой сыночка и меня, Пусть евреи не видят, И нас пусть обойдут, У меня сыночка не отнимут... А тополя не хотела, Прокляла ее Мария: Ой тополя, тополя, [чтоб ты] Колыхалась, колыхалась, В середине лета без ветра, В середине зимы без снега] (хорватская песня)¹⁵.

Хорватская этиологическая легенда рассказывает о бегстве следующим образом: «Kad je Rodeš kralj dal decu hbijati, onda je f snu rekel Bog svetomu Jožefu, da naj beži z Jezušekom, da ne bi i ņega Rodeš kralj dal zaklati... Jožef i Marija f strahu, da je ne bi stigli neprijateļi. Listek na topole trepeče i klepeče, pak veli Marija: „Môči, topola, navek boš trepetala”. Tak još i dendenes, ake je kak ged tihe vreme, topola trepeče» [Когда Родеш царь (царь Ирод) велел перебить детей, тогда во сне Бог сказал святому Иосифу, чтобы тот бежал с Иисусиком, чтобы и его Родеш царь не мог убить... Иосиф и Мария боялись, как бы их враги не догнали. Листик на тополе дрожит и шелестит, по-

этому Мария и сказала: «Тополя, ты всегда будешь дрожать». Так и до сих пор, какая бы ни была тихая погода, тополя дрожит]¹⁶.

Рассказы о предательстве осины в рамках темы бегства сакральных персонажей от преследователей не ограничиваются сюжетом об уходе Св. Семейства в Египет после рождения Христа. Небольшой корпус легенд относится к апокрифическому эпизоду, повествующему о попытках самого Христа спрятаться от своих преследователей накануне суда над ним и последующего распятия. Такие легенды, основным действующим лицом которых становится не Богородица, а именно Христос, проклинаящий в итоге дерево, известны преимущественно по восточнославянским записям:

— «Он [Иисус] спрятался под осиной, а задрожал лист. Кинулись, а он там» (кубанское поверье)¹⁷. Осина своим шумом и трепетом выдала Христа, который, спасаясь от преследования «жидов», прятался на ней (украинская легенда)¹⁸. Осину проклял сам Бог за то, что отдала Христа сатане или евреям (сербская легенда)¹⁹.

II. Сюжеты, объединяемые нами во вторую группу, также базируются преимущественно на событиях христианской истории (в их апокрифических версиях), однако трактуются несколько мягче — не как предательство, а лишь как непочтительность осины по отношению к персонажам священного предания. Польская легенда гласит, что во время творения Всевышний очень просил соблюдать тишину, но осина не услышала этого призыва и начала двигаться и громко шелестеть. Бог наказал ее, и с тех пор несчастная трясется как в лихорадке даже тогда, когда на земле затихает ветер и царит полная неподвижность²⁰.

В большинстве же случаев осину наказывают за неуважение к Христу в переломные моменты его земной и последующей жизни (во время рождения, крещения, распятия, смерти, вознесения, сошествия на землю и т. д.):

— При крещении Иисуса св. Иоанн обращается к воде и к лесу: «Застой, горо, застой, водо, Кое чюе, да застане, Да си кръстим млада Бога!» [Замри, лес, замри, вода, Кто это услышит, пусть замрет, Чтобы мы крестили молодого Бога!]; осина не услышала его призыва и не замерла, в наказание за что св. Иоанн проклял ее: «...трепетлиё, Да треперешь и день, и ночь, И сос ветер, и без ветер» [ты,

осина, будешь трепетать и днем, и ночью, и от ветра, и без ветра] (болгарская песня)²¹.

О непочтительности к Христу, проявленной в момент его смерти, чаще речь заходит в легендах из Западной Славии:

— Осина наказана за то, что приняла на себя воробья, который, сидя на ней, растущей возле места Распятия, громко кричал «Сієрр, сієрр, сієрр!» [Терпи, терпи]; за это воробей наказан тем, что он такой маленький и серый, а осина постоянно трясется (*dygocze*) от ужаса (польская легенда)²².

Иногда об этих эпизодах говорят и южнославянские источники; в частности, о том, что осина трепетала во время вознесения Христа, упоминается в основном именно в них²³.

Особый подраздел этой темы составляют легенды, в которых осине вменяется в вину то, что она не поклонилась Богу во время его хождения по земле. Отличительной чертой этих легенд — независимо от того, где именно они были зафиксированы, — является упоминание о том, что непочтительность осины противопоставляет ее всем остальным деревьям:

— «Дяду Господ» сошел на землю и странствовал по миру, *все деревья поклонились ему*, кроме осины, после чего последовал приговор: «Да са ражда треперика дърво, дето есен слана пада, пролет да са топи и с вятър и без вятър се да трепери» [Пусть там родится осина-дерево, где осенью иней падает, весной пусть мокнет, и с ветром, и без ветра пусть трясется] (болгарская легенда)²⁴. «Осина трепещет листьями в наказание за то, что она не захотела поклониться Богу, когда *все остальные деревья поклонились*» (словенская легенда)²⁵.

В этих и других эпизодах легендарной христианской истории могут фигурировать также и иные деревья, которые «награждаются» не столько негативными качествами, сколько «ограничением в правах» — их не сажают около домов и не используют в хозяйственных и бытовых целях.

Отдельную группу текстов в рамках рассматриваемой темы составляют болгарские, македонские и сербские песни (преимущественно колядки), где речь идет о сакральном пении, к которому

должно проявлять уважение и почтение. Осина такого почтения не выказывает, не прекращая шелестеть во время пения, за что и бывает проклята. В песнях на этот сюжет действующими лицами, теми, кто поет, выступают как люди (колядники в основном), так и божественные персонажи (св. Георгий, ангелы и др.). Этому сюжету в южнославянском песенном фольклоре посвящена специальная статья²⁶, что избавляет нас от необходимости рассматривать его подробно. Приведем лишь несколько примеров.

— Богородица наказывает осину за то, что та не остановилась и продолжала трепетать в тот момент, когда колядники своей песней оповестили мир о рождении Христа; завершает песню традиционная для болгарских песен формула проклятия: «Ой те тебе дърво, дърво трепетлика, да трепериш заман, и без вятър, и със вятър» [Ой, это тебе дерево, дерево осина, пусть ты трепещешь всегда, и без ветра, и с ветром] (болгарская колядка)²⁷. Три ангела поют райскую песню в церкви, стоящей посреди неба; Богородица призывает всех — горы, воды, людей и детей — слушать эту песню; все останавливаются и слушают песню ангелов, только *трепетлика* не слушает их: «Благослови Божја мајка: Што слушало, род родило, Трепетлика не родила, Узаман ми трепећала, Од данаске за довека» [Богородица благословляет: Что слушало, то пусть будет плодоносить, Осина не будет плодоносить, Всегда будет трепетать, От нынешнего дня и до века] (сербская колядка)²⁸.

Помимо дрожания ветвей, осина наделяется и другими неприятными качествами, прежде всего бесплодием (типичный мотив этиологических сюжетов), см. формулы проклятия из такого рода колядок:

— «Йой та, тебе, идно дърво, Цвет да цѣфниш, да ни вържиш. . .» [Вот это тебе, дерево, Цвети пусть цветешь, но не завязываешь плодов. . .]²⁹; «Треперила не престала, свака гора род имала, а ти рода не родила» [Чтобы бы трепетала, не останавливалась, каждое дерево плодоносило, а ты не имела плодов]³⁰ и др.

III. Третья тема объединяет многочисленные фольклорные тексты, в которых осину наказывают за то, что ее древесина была использована во время крестных мук и распятия Христа: она позволила мучителям Христа сделать из своей древесины

крест, на котором его распяли, гвозди, которыми он был прибит к кресту, реже — его гроб, а также «спицы», что загоняли Христу под ногти; Богородица либо сам Христос прокляли осину и наказали ее тем, что она постоянно дрожит. Помимо легенд и апокрифических рассказов, эта тема представлена в духовных стихах.

Рассматриваемые здесь тексты разительно отличаются от двух предыдущих групп, в которых именно действия осины приводят ее к наказанию, — в данном же случае осина оказывается пассивным соучастником крестных мук и наказывается именно за эту свою пассивность.

Итак, вот основные мотивы, разрабатываемые в рамках темы «Осина и крестные муки Христа».

— «Спицы», или «иглы», которые во время мучений втыкали под ногти Христу: «Кажуть, што то колысь-то матэрь Божья заклынала. Колысь йик Господа Иисуса Хрыста мучылы, тэй дэрэю за ныхты загонялы, а Матэрь Божья стояла под осикою и заклынала, казала: “Ой, бо дайтэ осэчыну, Од витройку трыпытила, Од витройку буйнэйкого, Од сонэйка яснэйкого!”» (украинская легенда)³¹.

— Гвозди, которыми Христос был прибит к кресту: «Осу ненавидаць, потому шо она, бачтэ... Значыць так. Як Хрыста мучылы, то прыбывалы яго гвоздзямы до крэста и няыкым дэрэвом нэ могли прыбыты, тилькы осовэ дэрэво пушло у тыи ладоны, у тыи руки, ногы. И Хрыстос, як помираў, сказаў, и вин затрэпытыў и сказаў: “Будэш ты, — кажэ, — трэпытыты до Божого суда!” И вот вона, вы бачтэ, хош як тыхо, а оса вэгда трэсется» (белорусская легенда)³².

— Прутья, ветки, которыми избивали Христа: «Кажуць, там галіну ламалі: бярозу ламалі — не зламалі, дуба ламалі — не зламалі, а яе зламалі. І галінкаю таей білі Іісуса Хрыста. І вот яна за тым і трасецца. Што яна атламалася» (белорусская легенда)³³.

— Крест, на котором распяли Христа: нельзя украшать хату на Троицу ветками осины, так как когда искали дерево, чтобы делать крест для Христа, то все деревья не приняли гвоздей, кроме осины (карпатское поверье)³⁴.

— Гроб, в который положили Христа: «З осины був гроб Христа, нельзя ее садить, она боится и трясется» (белорусское поверье)³⁵.

— Огонь, которым мучили Христа / пророка. Согласно боснийской легенде, передающей исламские предания, пророк Ибра-

хим жил в Ираке при царе Нимруде. Ибрахим боролся с идолами и был сторонником единобожия, за что царь Нимруд и его люди пытались сжечь пророка. Мул привозил к костру дрова из вишни, а ящерица разжигала огонь. Однако вишня не хотела гореть, поэтому мул привез осину, которая охотно горела. Бог (аллах) рассердился и проклял мула, ящерицу и осину (которая всегда трепещет), а вишню, наоборот, благословил³⁶.

Заметим, что мотивы, включаемые в эту группу, могут относиться не только к осине, но также и к другим деревьям и кустарникам, особенно к тем, отдельные свойства которых (кривизна ствола или колючесть, например) позволяют оценивать их негативно. Тем не менее на западе Славии, на Украине и в Белоруссии осина занимает первое место в ряду деревьев, «повинных» в крестных страданиях Христа, в то время как в русской и южнославянских традициях эти мотивы, во-первых, известны значительно реже, а во-вторых, место осины в них могут занимать другие деревья (например, кизил у южных славян).

IV. Типологически близка к предыдущей и четвертая тема этиологических сюжетов и мотивов, касающихся трепетания осины: они объясняют это и некоторые другие ее свойства тем, что на осине повесился Иуда. Здесь осина также оказывается наказана за свою безвольность и пассивность.

У восточных славян, а также в Польше эта тема необыкновенно популярна и зафиксирована в целом ряде в основном коротких легенд и даже чаще поверий (отсюда, кстати, происходит одно из русских диалектных названий осины *иудино дерево*³⁷); в то время как итоговая формула проклятья, которой завершаются более пространственные легенды и песни, для них мало характерна.

Чаще всего в поверьях и кратких легендах речь идет о таких свойствах, как трепетание осины:

— «Осина — дерево проклятое. На осине Иуда удавился... С тех пор от страха проклятия трясутся листья на осине» (кубанское поверье)³⁸; осина дрожит с тех пор, как Иуда, испытывая муки совести, повесился на ней (польское поверье)³⁹,

а также горький вкус ее древесины:

— «Осина — дерево проклятое, потому оно горькое и на “скус” (вкус). Когда Иуда повесился, то осина со страху зашумела листья-

ми, так Бог и велел ей всегда шелестеть, инда и ветру нет, а на осине все лист шелестит» (русское поверье)⁴⁰. Белорусы считали, что предатель Иуда «ны осинины зыдавився, а ны олешину кровь пускав»; с тех пор осина горькая, потому что хранит вкус чертовой крови, а сырая ольха кровавого цвета⁴¹.

Чаще поверье о повесившемся на осине Иуде составляет основу не легендарного рассказа, а «этиологического комментария» к бытовому запрету. При этом рассказ об осине строится либо от запрета, который мотивируется соответствующим поверьем, либо, напротив, от поверья, которое предшествует запрету и «иллюстрируется» им. И в этом случае тема трепетания осины отходит на второй план. Среди запретов, связанных с сюжетом о повесившемся на осине Иуде, выделяются три.

— Запрет сажать осину у дома: «Осину не сажали. Бо колысь казали, што то на осынэ чорт вишался, а на ольшыну капало, да ольшына така, шо вона чырвоная, а осына бойиця, так вона трым-тыть, хоч и нымае витру, а всё равно лыст шылыстыть на ей. А то так старые люды казали, шо то на йий чорт вишался да вона так злякалася, да и шылыстила. А ужэ на ольшыну капала кров, то от задыры ольшыну и вонэ тут жэ будэ красная пуд корою» (украинско-полесское поверье)⁴².

— Запрет использовать осину в хозяйстве, например, погонять ею скотину: «А сам Иуда повесиўся на осине, вон осина тресеца. Старики не давали вырезывати такую палку гнать скотину — основу. Дома не кладут из осины» (белорусское поверье)⁴³.

— Запрет прятаться под осинной во время грозы: в осину якобы бьет гром, потому что на ней повесился Иуда (польское поверье)⁴⁴.

Своеобразную оппозицию запретам составляют рекомендации по использованию осины. Тот факт, что на осине повесился Иуда (иногда черт), объясняет «способность» осины отпугивать ночные кошмары и препятствовать хождению нечистых покойников (видимо, в силу действия известного магического механизма *Similia similibus curantur*):

— «Гэта ж чортава дзерава. Гэта грэшнае дзерава. Во калі няспіцца, падлажы пад падушку, дык спаць будзешь. Як Ісуса Хрыста распялі, на гэтым дзераве павесіўся Іўда, учанік яго, ці брат

яго... Гэтае дрэва трасецца пастаянна, гэта грэшнае дзерава» (белорусское поверье)⁴⁵. «У осики от того лист дрожит, что, продавши Христа, Иуда на ней удавился»; этим деревом, затесав из него кол, полезно упырей пробивать, если они выходят из гробов мучить живых (украинское поверье)⁴⁶.

Было бы, впрочем, неверным полагать, что тема повешения Иуды обошла жанр этиологической легенды. Такие легенды широко известны; в основе их сюжета — выбор, который вынуждены совершать разные деревья, позволяя или не позволяя Иуде исполнить задуманное. Дерево либо отказывается помочь Иуде в этом (ломается, сбрасывает его с себя, поднимает ветви, не давая возможности ухватиться за них, и т. д.), либо, как осина, принимает его:

— «Когда Иуду-предателя начала мучить совесть, он пошел в лес, чтобы повеситься, но на каком дереве он ни вешался, оно нагибалось до земли и он не мог повеситься. Наконец он увидел осину, лежавшую чрез глубокий овраг, на ней он и повесился» (украинская легенда)⁴⁷. «Юда прибіг до груші, хотів повіситься да колюча дуже; от він прийшов до осики дай завіснув. За тім то вона й тепер так дріжить, і груша дріжить і трясеться, да тилькі не так» (украинская легенда)⁴⁸.

На юге Славии сюжет об Иуде, повесившемся на осине, встречается реже. Т. Джорджевич приводит его в перечне других сербских сюжетов, относящихся к осине, но самих текстов не указывает⁴⁹; обходит его и вниманием и В. Чайканович. У боснийских сербов легенда также, кажется, неизвестна, однако ее глухим отзвуком можно считать принятое здесь сопоставление Иуды с осиною: полагают, что осина — изгой среди деревьев, так же как Иуда — изгой среди апостолов⁵⁰.

На западе Славии и кое-где на юге сюжет о повесившемся Иуде связывался с другими деревьями. Это могла быть сирень: мораване считали, что Иуда повесился на сирени (*chebza*), и с тех пор она считается ни на что не пригодной⁵¹; бузина (Польша, Украина): жители Подолии называли бузину «проклятым» деревом, подобно осине, и объясняли ее непригодность для строительства именно тем, что на ней повесился Иуда⁵², а также рябина: в Сербии подобным образом объясняли то, что ее ягоды горькие, а древесина непрочная⁵³. На западе Славии сюжет нашел отражение в диалектных названиях ряби-

ны: ю.-вост.-пол. *juda, judaszyna*⁵⁴, см. об этих фитонимах специальную работу⁵⁵. Подобные же поверья, связывающие рябину и Иуду, встречаются также на Русском Севере и Северо-Западе.

V. Иной характер имеют тексты, которые собраны нами в пятой, последней части статьи. События, упоминаемые в них, — те же, что и в предыдущих группах, однако интерпретация этих событий, точнее интерпретация участия в них осины, другая. Трепетание осины — всего лишь результат пережитого ею страха, ужасных событий, свидетелем которых она стала, поэтому если осина и виновна в чем-то, то только в малодушии. Эти легенды затрагивают такие темы, как

— Бегство в Египет: Богородица убежала, несла Младенца и хотела отдохнуть под осиной. Но она ответила, что очень боится, на что Богородица сказала: «*Żebyś całe życie drżała*» [Чтобы ты всю жизнь дрожала] (польская легенда)⁵⁶.

— Самоубийство Иуды: Иуда хотел повеситься на осине, но она уклонилась и не приняла его, поэтому он повесился на рябине, однако осина от того страха трясется и по сей день (малопольское поверье)⁵⁷. В севернорусском духовном стихе «Сон Богородицы», записанном от И. А. Федосовой, есть эпизод о повешении Иуды, в котором осина также выступает жертвой Иудиного поступка: «Иуда же, что продал ли Бога за тридцать монет, Перед своей он совестью не выдержал ответ, И на осине со отчаянья повесился. А лучше было б, как разбойник на кресте, Коли б с прощением припал к Его святой руке, И с той поры осина и без ветрышка трясется»⁵⁸. Иуда, как мы видели выше, может заменяться чертом: «Говоряць, што даўно осина спала, пришоў чорт, на ёё сеў и яна спужалась чорта и затрепетала. И чорт боица эту осину. И на осиновым огне палюць знахари, и пробываюць осиновым колком мертвеца, шоб не ходиў» (белорусское поверье)⁵⁹.

— Распятие Христа: Христа осудили на распятие и пришли рубить дерево для креста: «Як тото увиділо дерево, що будут го рубати, листья що почали з страху трепетати» (карпатское поверье)⁶⁰.

— Спор Бога и дьявола: Дьявол создал волка, но не мог ожить его. Тогда Бог посоветовал ему дунуть волку в морду, и волк закричал: «*Huziu, buziu, wiłku, na Pana Boga!*» [Давай, волче, ради Бога!] Но волк не пошевелился. Тогда он крикнул: «*Huziu, buziu, wiłku, na dyjabła!*» [Давай, волче, иди к черту!] Волк вскочил, а дьявол страшно испугался и бросился прочь. Рядом росла осина, кото-

рая увидела страшный облик дьявола и задрожала так, что трясется до сих пор (польская легенда)⁶¹.

Впрочем, есть сюжеты, в которых осина, как отметила В. В. Усачева⁶², перенимает чувства человека, разделяет тяжесть его душевного напряжения и его страх: листья осины дрожат с того времени, когда Богородица убежала с Иисусом в Египет и ее сердце дрожало от страха за него (польское поверье)⁶³.

Это перенимание чужого страха в некоторых современных легендах служит объяснением широкого использования осины в апотропеических целях и воспринимается скорее позитивно. Белорусская легенда рассказывает о том, что, когда Христос нес свой крест на Голгофу, все, кто сопровождал его, спрятались за осину, которая росла неподалеку, чтобы не видеть происходящего: «Потому это дерево осина помощное людям»⁶⁴. Логика этого рассказа в том, что осина, которая спрятала людей во времена распятия Христа, помогает им и сейчас.

Мы рассмотрели корпус (заведомо неполный) славянских этиологических сюжетов, объясняющих самое характерное свойство осины — дрожание ее ветвей и листьев. Как и любой другой этиологический сюжет, эти сюжеты восходят к событиям христианской истории, по-своему перетолковывая и изменяя последние.

В самих этих сюжетах нет ничего исключительного: славянская фольклорная традиция хорошо знакома с типологически сходными сюжетами и мотивами о деревьях и кустарниках, которые наказаны за непочтительное отношение к сакральному персонажу — Христу, Богу, Богородице⁶⁵. Соответствующие сюжеты, или во всяком случае часть из них, известны также в германской традиции. Согласно «Словарю немецких суеверий», в ней зафиксированы легенды, объясняющие дрожание осины тем, что из нее был сделан крест для распятия Христа; она не склонилась и оставалась неподвижна, когда Христос или Пресвятая Дева бежали через лес и когда Христос возносился на небо; осина предала Бога (или Богородицу), когда он хотел спрятаться, убегая от преследователей; кляп, воткнутый в рот Иисусу, был сделан из осинового дерева; на осине повесился Иуда и некоторые др.⁶⁶

Сами же славянские легенды о трепетании осины довольно разнообразны. В части этих легенд (группы 1 и 2) осине вменяются в вину ее поступки (трактуемые как предательство или непочтительность), в то время как в других сюжетах (группы 3 и 4) осина на-

казана за то, что позволила другим использовать себя в неподобающих целях (сделать из своей древесины гвозди для распятия или позволить Иуде повеситься на себе). Однако в том и другом случае к осине предъявляются требования как к индивиду, наделенному свободой воли, способному и обязанному совершать сознательный моральный выбор. Подобное отношение к деревьям беспрецедентно, особенно если рассматривать его в контексте сюжетов, относящихся к другим объектам неживой природы. Ведь деревья оказываются едва ли не единственными представителями неживой природы, от которых требуется подобный выбор, что и помещает их в ряд индивидов — людей и животных. Именно этим, видимо, можно объяснить тот факт, что в этиологических сюжетах, о которых шла речь, такое важное место отводится «этической проблематике»: вопросам преступления и наказания, вины и невинности, случайности и преднамеренности, а также «эмоциональному миру» дерева, восприимчивого к чувствам других индивидов.

Как уже говорилось, осина редко оказывается единственным деревом на пространстве легенды: сопоставление «поведения» разных деревьев, попадающих в сходную ситуацию, характерно для всего корпуса этиологических сюжетов. Потому осина то противопоставляется другим деревьям, то разделяет их поступки. Эта особенность легендарных сюжетов важна для понимания структуры всего корпуса «фольклорных» деревьев и кустарников, ибо позволяет устанавливать связи между отдельными его представителями — связи как синонимические, так и антонимические. Такие связи и отношения особенно заметны в масштабах славянской традиции в целом, поскольку дают возможность структурировать этот корпус в том числе в географической проекции. Так, например, противопоставление осины, рябины и бузины в сюжете о повешении Иуды соответствует их распределению между Восточной Славией (где в сюжете фигурирует осина), с одной стороны, и Западной и отчасти Южной (где речь идет о рябине или бузине) — с другой; в то же время на пограничных территориях (например, на западе и юго-западе Украины) эти легенды могли относиться как к бузине, так и к осине.

Легендарные рассказы о происхождении свойств осины, как и этиологические тексты вообще, соединяют христианскую историю и повседневность, объясняя сегодняшнее положение дел давно прошедшими событиями. При этом понятно, что круги от этих событий расходятся максимально далеко и затрагивают не только само дерево и его свойства (дрожание ветвей, горечь древесины, бесплодие или

что-то еще), но и человека, который связан с этим деревом в практической плоскости — в ритуале, быту, хозяйственной деятельности и т. д. Неслучайно поэтому, что основным узусом легендарных преданий об осине становится их функционирование в качестве мотивации запретов, касающихся использования осины в тех или иных целях:

— «Осыну нэ садять коло хаты, оса полизла [под ногти] Ису-сови и Бог ее проклял» (белорусское Полесье)⁶⁷; «Каюць, як Суса Христа распинали, то ёму колочки робили з того осового дрэва. Его не садяць, колись и на дрэва не бралі. И як хату робяць, то же не беруць» (украинское Полесье)⁶⁸; «Осику не мож держати коло хаты, бо жыды тым били Христа» (Карпаты)⁶⁹; «Тильки нэ украшалы осыной [дома на Троицу], бо жyd на йий повисыўся, тому вона дрожыць»⁷⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Агапкина Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: осина (опыт системного анализа) // Кодови словенских култура. Београд, 1996. Бр. 1. Бильке. С. 7–22.

2 «Народная Библия»: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой. М., 2004. С. 202–205; У истоков мира. Русские этимологические сказки и легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой, Г. И. Кабаковой. М., 2014; Усачева В. В. Судьба благословенных и проклятых деревьев в традиционной культуре славян // Этноботаника: растения в языке и культуре / Отв. ред. В. Б. Колосова. СПб., 2010. С. 130–163.

3 Niebrzegowska S. Przestrach od przestrachu: Rośliny w ludowych przekazach ustnych. Lublin, 2000. S. 84, В.

4 Главније билье у народном веровању и предању код нас Срба / По Ангелу де Губернатису скупио и саставио Нишевљанин (Павле Софрић). Београд, 1912. С. 129, зап. Сербия.

5 Полесский архив Института славяноведения РАН (далее — ПА), Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл.

6 Dragičević T. Narodne praznovjerice // Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1907. Knj. 19. S. 320.

7 Archiwum Katedry Etnologii i Antropologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego: 0/31, Мазовше.

- 8 *Горбаль М.* Сюжети лемківських різдвяних легенд та переказів // Народознавчі зошити. 2011. № 6. С. 944.
- 9 Там же.
- 10 Български народни песни събрани от братя Миладинови. София, 1981. С. 35, № 36.
- 11 *Головацкий Я. Ф.* Народные песни Галицкой и Угорской Руси. М., 1878. Вып. 2. С. 10, № 13.
- 12 ПА, Мокраны Брестской обл.
- 13 *Starkowski W.* Podania i legendy o zwierzętach, drzewach i roślinach // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Lwów, 1883. Т. 7. S. 117, центр. Польша.
- 14 *Чайкановић В.* Речник српских народних веровања о билькама. Београд, 1985. С. 230.
- 15 *Lovretić J.* Otok. Narodni život i običaji // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb, 1897. Knj. 2. S. 194.
- 16 *Kotarski J.* Lobar // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb, 1918. Knj. 23. Sv. 1. S. 44. Лобор.
- 17 *Бондарь Н. И.* Осина // Очерки традиционной культуры казачеств России / Под общей ред. Н. И. Бондаря. М.; Краснодар, 2005. Т. 2. С. 79. Кубань.
- 18 *Talko-Hryniewicz J.* Zarys lecznictwa ludowego na Rusi południowej. Kraków, 1893. S. 404.
- 19 *Чайкановић В.* Речник српских народних веровања о билькама. С. 122.
- 20 *Marczewska M.* Drzewa w języku i w kulturze. Kielce, 2002. S. 170.
- 21 *Геров Н.* Речник на българския език. Пловдив, 1904/1978. Ч. 5. С. 353–354.
- 22 *Marczewska M.* Drzewa w języku i w kulturze. S. 170.
- 23 *Борђевић Т. Р.* Природа у веровању и предању нашега народа. Београд, 1958. Књ. 1. С. 131.
- 24 Българска народна поезия и проза. София, 1983. Т. 7. С. 206.
- 25 *Rasla je jelka do neba. Zgodbe iz našega ljudskega herbarija / Ur. Z. Šmittek, M. Kropej, R. Darit. Radovljica, 2012. № 32, Словения, Горенско.*
- 26 *Николић И.* Мотив проклињања трепетлике у македонској, српскохрватској и бугарској народној поезији // Македонски фолклор. 1991. Год. 24, бр. 48. С. 9–15.
- 27 *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1914. С. 45.
- 28 *Дебелъковић Д.* Обичаји српског народа на Косову Пољу // Српски етнографски зборник. Београд, 1907. Књ. 7. С. 272, сербы в Косово.

- 29 Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1892. Кн. 7, отд. 2: 6, Ямболско.
- 30 *Borževič T. P.* Природа у веровању и предању нашега народа. С. 131.
- 31 ПА, Пески Волынской обл.
- 32 ПА, Олтуш Брестской обл.
- 33 Беларуская «народная Біблія» ў сучасных запісах / Уступ. артыкул, уклад. і камент. А. М. Боганевай. Мінск, 2010, № 108С.
- 34 Карпатский архив Института славяноведения РАН, Гутисько-Турянске Львовской обл. (далее — КА).
- 35 ПА, Жабчицы Брестской обл.
- 36 *Štovanje trešnje // Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1895. Knj. 3. S. 467–468, мусульмане Боснии.*
- 37 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 2, s.v. *Иуда*. С. 68.
- 38 *Бондарь Н.* Осина. С. 79.
- 39 *Dynowska M.* Polska w zwyczaju i obyczaju. Warszawa; Kraków; Lublin; Łódź; Paryż; Poznań; Zakopane, 1928. S. 284.
- 40 Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб., 2007. С. 415.
- 41 *Никифоровский Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, суевренные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897. С. 130, № 958. Витебская губ.
- 42 ПА, Березичи Волынской обл.; поверье соотносится с легендами об ольхе, см.: *Агапкина Т.А., Усачева В.В.* Ольха // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 546–547.
- 43 ПА, Заболотье Брестской обл.
- 44 *Siarkowski W.* Podania i legendy... S. 118.
- 45 Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння. Ч. 1 / Уклад. У. А. Лобача. Наваполацк, 2011. № 896, Витебская обл.
- 46 *Маркевич Н. А.* Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиан. Киев, 1860. С. 86.
- 47 Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю». Харьков, 1888. Вып. 2. Отд. 2. С. 98.
- 48 *Рогович А.* Опыт словаря народных названий (растений) Юго-Западной России с некоторыми поверьями и рассказами о них // Зап. Юго-Западного отд. РГО. Киев, 1874. С. 24, № 530.

- 49 *Ђорђевић Т. Р.* Природа у веровању и предању нашега народа. С. 131.
- 50 *Dragičević T.* Narodne praznovjerice. S. 320.
- 51 *Bartoš Fr.* Moravský lid. Telč, 1892. S. 305.
- 52 *Свидницький А.* Великдень у подолян // Основа. СПб., 1861, ноябрь—декабрь. С. 53; *Данильченко Н.* Этнографические сведения о Подольской губернии. Каменецк-Подольский, 1869. Вып. 1. С. 16.
- 53 *Чајкановић В.* Речник српских народних веровања о билькама. С. 52, 221.
- 54 *Karwicka T.* Zakazy związane z drzewami i motywujące je wierzenia // Etnografia Polska. 1973. T. 17. Z. 1. S. 137.
- 55 *Янышкова И.* Названия рябины в славянских языках // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж. Ж. Варбот. М., 2006. С. 468.
- 56 *Niebrzegowska S.* Przestrach od przestachu... S. 84, А; Замојское воев.
- 57 *Fischer A.* Drzewa w wierzeniach i obrzędach ludu polskiego // Lud. 1937. T. 35/15. S. 73, Малопольское воев.; см. также: У истоков мира, № 296, Оренбургская обл.
- 58 *Агренева-Славянская О. Х.* Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями. В 3 частях. Тверь, 1889. Ч. 3. С. 89.
- 59 ПА, Замоще Гомельской обл.
- 60 *Сокіл В.* Народні легенди та перекази українців Карпат. Київ, 1995. С. 43.
- 61 *Gustawicz B.* Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody. Cz. 1 // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1882. T. 6. S. 281, Бельско-Бяла, юж. Польша.
- 62 *Усачева В. В.* Судьба благословенных и проклятых деревьев... С. 146.
- 63 *Ciszewski S.* Lud rolniczo-górnicy z okolic Sławkowa w powiecie olkuskim. Cz. II // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1887. T. 11. S. 52, пов. Олкуски.
- 64 Беларуская «народная Біблія» ў сучасных запісах. № 110.
- 65 *Uther H.-J.* The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Parts I–III. Helsinki, 2004. N 779.
- 66 Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens / Hrsg. von H. Bächtold-Stäubli unter Mitwirkung von E. Hoffmann-Krayer. Berlin; Leipzig, 1927–1942. Bd. 2. S. 1021–1022.
- 67 ПА, Радеж Брестской обл.
- 68 ПА, Боровое Ровенской обл.

69 КА, Пилипец Закарпатской обл.

70 ПА, Онисковичи Брестской обл.

T. A. Agapkina

Tremor of aspen in the etiological topics of Slavic folklore

The article deals with the motive of aspen tremor in the Slavic folklore (etiological legends, Yule-songs, tales etc.). These motives date back to the events of Christian history, however, they appear to be reconsidered in different genres of folklore in accordance with orientation and pragmatics of this or that genre.

Key words: *Slavic folklore, aspen, Judah, genre, etiological legend.*

«Заячьи» травы в народной ботанике славян

В статье анализируется группа славянских диалектных фитонимов, образованных от названий зайца. Выявляются признаки растений, которые легли в основу номинации растений. Делаются выводы о распределении тех или иных типов фитонимов по основным группам славянских языков.

Ключевые слова: *этноботаника, этнолингвистика, славистика, фитонимы, славянские диалекты, лингвогеография.*

В данной статье анализируется формально ограниченная группа славянских диалектных фитонимов, образованных от зоонимов, а именно названий растений, образованных от слов *заяц, зайчик, ушкан, zes, wuchaš* и под. В качестве материала использованы фитонимы, извлеченные из славянских этноботанических словарей, а также отдельных публикаций соответствующей тематики. При том, что все они образованы от одного и того же зоонима, мотивации их достаточно разнообразны. На выбор фитонима могли повлиять внешние признаки растения, вызвавшие его метафорическое сравнение с зайцем; фольклорные представления об этом животном; наконец, славянские названия могут быть кальками с других языков.

Среди названий «заячьих» трав (как и многих других отзоонимных фитонимов) одно из ведущих мест занимает **номинация по форме**. Так, ландыш майский *Convallaria majalis* L. получил названия *заячьи уши, заячьи ушки* (Олон., Новг., Нижегород.), *заячий ушок* (Пудож. Олон.) — по форме листьев¹; фитонимы *заячьи ухи / уши / ушки* относятся также к майнику двулистному *Majanthemum bifolium* Schm. (Калуж.), золотарнику обыкновенному *Solidago virga aurea* L. (Костром.), пушице узколистной *Eriophorum angustifolium* Roth. (Волог.), сабельнику болотному *Comarum palustre* L. (Влад.), клеверу гибриднему *Trifolium hybridum* L. (Костром.), а также комнатному растению бегония Бисмарка (Юргин. Кемер.)². Не менее богат ряд украинских фитонимов с той же внутренней формой: *вуха / вушка заячі, вуха заяче, вушко зайчикове / заяче* для растений ветреница дубравная *Anemone nemorosa*, майник двулистный *Majanthemum bifolium*, чистец византийский *Stachys byzantina*, чемерица Лобеля *Ve-*

ratrum lobeliana, шалфей эфиопский *Salvia aethiopsis*, коровяк обыкновенный *Verbascum thapsus*, коровяк метельчатый *Verbascum lychnitis*, живокость полевая *Consolida regalis*, девясил британский *Inula britannica*, девясил высокий *Inula helenium*, ландыш майский *Convallaria majalis*³. Подорожник ланцетолистный также имеет название, обусловленное вытянутой формой листьев: серб. *зечије уши*⁴ — из-за вытянутых, заостренных листьев, как и словен. *zajčja vuha* ‘*Cyclamen europaeum* цикламен европейский’⁵.

Чешский фитоним *zajíčku* ‘львиный зев *Antirrhinum*’ объясняется «сходством цветка с заячьей мордой, т. е. открытой пастью»⁶; вероятно, та же связь лежит в основе србх. *зечица* ‘львиный зев *Antirrhinum majus*’⁷. Хвощ полевой *Equisetum arvense* L., с торчащими в стороны длинными тонкими листьями, получил название болг. *зайчи мустаци* (букв. «заячьи усы») ⁸. В сербскохорватских диалектах с заячьими усами (србх. *зачји брк*) сравниваются василек колючеголовый *Centaurea calcitrapa* и овсяница овечья *Festuca ovina*⁹.

Логично предположить, что этой же причиной обусловлены и более общие названия вышеупомянутых растений: *заячий цвет* (Калуж.), *заячьи ягоды* (Новоторж., Остров. Твер., Волог.) ‘майник двулистный *Majanthemum bifolium* Schm.’¹⁰, словен. *zajček* ‘*Cyclamen europaeum* цикламен европейский’¹¹.

Номинация по цвету. В названиях зверобоя пронзеннолистного *Hypericum perforatum* L. — рус. *заячья кровь* (Дмитр. Орл.), *заячья кровца* (Дон.)¹², бел. *заячча-кроў*¹³, укр. *заяча кривця*¹⁴, пол. *zajęsza krewka*¹⁵ — отражен внешний вид растения (листья некоторых видов усеяны красноватыми пятнышками), а также красный цвет настоя и сока растертых лепестков зверобоя. Данная мотивация хорошо сформулирована в интервью: «Светков у его много-много, желты все, внутри точки красны, растрешь в руках, то пальцы становятся ярко-красны, как кровушка, а у зайца кровь уж красна. Придет папа с хоты, принесет зайца, начнешь его разрезать, так кровь ала так бежит»¹⁶. Логично предположить, что путем сокращения или изменения составных названий именно этого типа образовались такие названия зверобоя, как *зайчик* (Сарат.)¹⁷, *заячье дерево* (Волог.)¹⁸, укр. *заячник*¹⁹. Ср. тж. *заячья кровь* ‘майник двулистный *Majanthemum bifolium* Schm.’ — «алые ягодки этого небольшого растения в осенней пожелтевшей траве очень похожи на мелкие брызги крови» (Опечен., Боров. Новг.; Шольск. Волог.)²⁰.

Номинация по несъедобности. Очень часто зоонимы используются для номинации растений ядовитых или несъедобных для

человека. Заяц, как неопасное животное, не вызывает ассоциации с ядовитыми растениями (за немногочисленными исключениями), но, как животное дикое, все-таки ассоциируется с несъедобными: србх. *зечије жито* ‘трясунка средняя *Briza media*’, србх. *зеџа лубеница* (букв. «заячий арбуз») ‘кирказон ломоносovidный *Aristolochia clematitidis*’, *зеџа салата* ‘горичвет летний *Adonis aestivalis*’²¹. Как видно, в этом случае вторая часть составного фитонима зачастую представляет собой название какой-либо сельскохозяйственной культуры, которой и противопоставляется ее «заячий» аналог: овес и *заячий овес* ‘овес луговой *Avenastrum pratensis* (L.) Jess.’ (Тамб.)²², бел. *авёс заячы* ‘костер ржаной *Bromus secalinus*’²³; бел. *зайчы крон*, пол. *zaj-czy kopär* (Пушча Ружаньска) (букв. «заячий укроп») ‘дягиль лесной *Angelica sylvestris* L.’²⁴; укр. *заячий горох / горошок* ‘астрагал сладколистный *Astragalus glycyphyllos*; сочевичник весенний *Lathyrus vernus*; эспарцет виколистный *Onobrychis viciifolia*’²⁵; укр. *заяча кукурudzка* (Лятич.) ‘купена аптечная *Polygonatum officinale* All.’, *заяча петрушка* (Чаплин.) ‘василистник малый *Thalictrum minus* L.’²⁶; болг. *зайчи ябълки* ‘боярышник однопестичный *Crataegus monogyna* L.’²⁷; чеш. *zaječí řepka* (букв. «заячья сурепка») ‘колючник бесстебельный *Carlina acaulis*’, который «из-за своей бесполезности оставлен на питание животным»²⁸.

В этой группе встречаются также составные фитонимы, включающие названия блюд: укр. *заячі калачики* ‘мальва шток-розовая *Malva alcea*’²⁹, чеш. *zajičí buchta* (букв. «заячья булочка»), *zajičí chléb*, *zajičí chlebiček* ‘кислица *Oxalis*’³⁰, чеш. *zaječí maslo* ‘колючник бесстебельный *Carlina acaulis*’³¹.

Номинация по сниженной ценности, статусу. Эта группа тесно примыкает к предыдущей, при этом входящие в нее растения противопоставляются своим «культурным аналогам» по пищевой, хозяйственной либо культурной ценности — как, например, *капустя* и *зайчиная капуста* ‘трава с продолговатыми листьями и лиловыми цветами, имеющими форму колокольчика’: «дети едят стебель этой травы, очистив его от верхней кожицы» (Судж. Курск.)³²; *щавель* и *заячий щавель* ‘кислица обыкновенная *Oxalis acetosella* L.’ (Ельн. Смол., Курск., Екатеринослав.)³³; русин. Воев. *заяча шалата* ‘кислица обыкновенная *Oxalis acetosella* L.’³⁴; болг. *киселец* ‘щавель’ и *гръзци киселец*, *зайцовъ киселец* ‘кислица *Oxalis*’³⁵. То же касается растения чистяк весенний *Ranunculus ficaria* L., листья и корневы клубеньки которого употреблялись в пищу и которое вследствие этого получило названия *заячий салат* (Курск.), *заячья салатка* (Тавр.)³⁶, укр. *заяча*

*салата / шалата, заячий щавель*³⁷. На салат собирали и осот огородный *Sonchus oleraceus* L. с диалектными названиями *зайчик* (Влад.)³⁸, укр. *заяча капуста*³⁹. Как видим, растения, входящие в эту группу, в принципе съедобны, но употребляются в пищу либо во времена голода, либо в качестве дополнительного пищевого ресурса.

Заметную подгруппу составляют миконимы, относящиеся к грибам невысокой пищевой ценности: *заячья картошка* ‘гриб дождевик’ (Бельк. Ряз.), *заячий козелец* ‘гриб коровяк’ (Костром.), *заячья маслуха* ‘зеленый моховик’ (Сев.-Двин.)⁴⁰ и под. В одной только работе приводится тридцать польских диалектных названий грибов, образованных от слова *zajac*, в основном для родов моховик, масленок, обабок и под.⁴¹ В польской загадке с зайцами сравниваются грибы в целом: *Gdzie jest taki zajac, co przed nami nie zmyka* [Где есть такой заяц, что от нас не убегает] (отгадка — грибы в лесу)⁴².

Полезным сельскохозяйственным культурам противопоставляется ряд не столь значимых «заячьих» трав: укр. *зайців льон* (зап.-укр.) ‘льянка обыкновенная *Linaria vulgaris* Mill.⁴³; словен. *zajčja detelja / deteljica* (букв. «заячий клевер») ‘кислица обыкновенная *Oxalis acetosella* L.⁴⁴, кашуб. *zająci kléver* ‘то же’⁴⁵.

Сочетания фитонимов, обозначающих красивые, высоко ценимые цветы с прилагательным *заячий*, также означают декоративные растения более низкого статуса или просто дикие, полевые цветы: укр. *рожа* ‘роза’ и *заяча рожка* (Подол.) ‘мальва шток-розовая *Malva alcea*⁴⁶; болг. *крем* ‘лилия’ и *зайчи крем* ‘ирис болотный *Iris pseudoacorus* L.⁴⁷; србх. *ружица* ‘розочка’ и *зеџа ружица* ‘ирис *Iris*⁴⁸. У многих славян встречается наименование адониса с помощью составного фитонима, имеющего внутреннюю форму «заячий мак»: *заячий мак* (Оренб.) ‘адонис весенний, горицвет *Adonis vernalis* L.⁴⁹; укр. *заячий мак* ‘то же’⁵⁰; русин. Воев. *заячи мак* ‘горицвет летний *Adonis aestivalis* L.⁵¹; србх. *зеџу турчинак* ‘то же’⁵²; словен. *zajčji mak* ‘то же’⁵³; ст.-пол. *zajęczy mak* ‘то же’⁵⁴.

Суррогат. Польский фитоним *zajęcze mydło* (букв. «заячье мыло»), зафиксированный в Волковысском повете (польско-белорусско-украинское пограничье), относится к грыжнику гладкому *Herpigiа glabra* L., поскольку его корень содержит сапонин — вещество мылящего свойства, заменяющее средства для мытья. В этом регионе это же растение именуется также «заячьим мылом», «собачьим мылом», «утиным мылом»⁵⁵.

Номинация по употреблению в пищу животным. Можно предположить, что в названиях съедобных растений присутствие

притяжательного прилагательного *заячий* обусловлено тем, что эти растения — их плоды, стебли — поедаются зайцами (по крайней мере, с точки зрения носителей диалектов): так, *zaječi / zajiči / zajiči / zajči zeli / zelé, zajči chleba* ‘жарновец *Sarothamnus*’ «служит хорошей пищей зайцам»⁵⁶. Другие «заячьи» растения — *заячий овес* (Тамб.) ‘овсец луговой *Avenastrum pratensis* (L.) Jess.’, *заячий горошек* ‘астрagal сладколистный *Astragalus glycyphyllus* L.»⁵⁷, укр. *заячий горох / горошок* ‘то же’⁵⁸ являются хорошим кормом для скота⁵⁹.

Номинация по использованию животным. Дрок германский *Genista germanica* получил словенское название *zajčji trn* (букв. «заячий шип») «потому, что зайцы любят устраивать лежбища под этим растением»⁶⁰. Возможно, той же причиной мотивировано и название еще одного вида того же рода — луж. *zaječi kerĳ* (букв. «заячий куст») ‘дрок красильный *Genista tinctoria*’⁶¹.

Номинация по размеру. Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что украинский фитоним *сосна заяча*, относящийся к кустарнику раkitник венечный *Cytisus scorpius*⁶², обусловлен именно размером растения — кустарник назван именем дерева как бы в насмешку. Однако, как видно из вышеприведенных примеров, и все остальные «заячьи» названия даны, за несколькими исключениями, невысоким растениям. Таким образом, номинацию по размеру можно назвать фоновой — она присутствует практически во всех рассмотренных фитонимах, не являясь, однако, ведущей. То же самое можно сказать и о **номинации по месту произрастания** — «заячьи» названия даются лишь диким растениям; место их произрастания — чужое и неосвоенное, как и место обитания зайца — противопоставлено культурному, человеческому.

Множественная мотивация. Помимо этих двух признаков — размера и локуса, — которые присутствуют почти в каждом из проанализированных фитонимов в дополнение к основным рассмотренным, могут встречаться и другие сочетания.

Номинация по форме + фактуре поверхности. Сравнением густых, плотно растущих стебельков или пушистых соцветий с заячьим мехом, шерстью обусловлены названия *заячий пух* (Осташк. Твер.), *заячьи пушки* (Волог., Петерб.) ‘пушица узколистная *Eriophorum angustifolium* Roth.»⁶³. Кошачья лапка двудомная *Antennaria dioica* Gaerth. получила названия *заячья лапка* (Петербург.), *заячьи лапки* (Петрозав. Олон.), *заячья трава* (Тотем. Волог.)⁶⁴. Многочисленные фитонимы такого же типа относятся к клеверу луговому *Trifolium pratense* L. и клеверу пашенному *Trifolium arvense* — *заячьи лапки*

(Твер.)⁶⁵, ср. укр. *заяча травка* ‘клевер луговой *Trifolium pratense*⁶⁶, чеш. *zaječí noha* ‘клевер пашенный *Trifolium arvense* L.⁶⁷. У южных славян с заячьей лапкой сравнивается гравилат городской *Geum urbanum*: србх. *зеча стопа*, *зечија стопа*⁶⁸, болг. *зайча стъпка*⁶⁹. В словенских диалектах встречаются *zajčje nožice* ‘кошачья лапка двудомная *Antennaria dioica* (L.) Gaertn.’, *zajčja noga* ‘клевер пашенный *Trifolium arvense*’, *tačice zajčje* ‘снить обыкновенная *Aegopodium podagraria*⁷⁰. Не исключено, что чеш. *zaječí skok* ‘плаун булавовидный *Lycopodium clavatum*’ также назван «по сходству разветвленных стеблей с лапами животных»⁷¹; эта гипотеза может быть подкреплена тем фактом, что во множестве славянских диалектов плаун также сравнивается с волчьими или медвежьими лапами.

К этой же мотивационной группе относятся фитонимы *заячьи мудешки* (Осташк. Твер.), *заячьи яички* (Нижегор., Нерехт. Костром.), *заячники* (Моск.) ‘клевер пашенный *Trifolium arvense* L.’; *заячьи медушки* (Твер.) ‘трава с раздвоенным зерном-плодом⁷². Хорватские названия древесного гриба-трутовика *Polypogus frandosus zečara*, *zec gljiva* (букв. «заяц-гриб») обусловлены тем, что его «плодовое тело состоит из многочисленных стебельков, которые оканчиваются пузырьками веерообразного вида»⁷³.

Номинация по форме + цвету (+ употреблению в пищу животным). Отмеченное на Урале название *заячья осока* для осоки серебристочешуйной *Carex lerošina*, чьи соцветия-колоски по форме напоминают заячьи лапки, толкуется в словарных иллюстрациях: «Это жесткая трава, ее только зайцы, наверно, грызут»; «я знаю заячью осоку и лисехвост, у той рыжи колоски, как хвост у лисы, а у этой таки серы» (Урал)⁷⁴.

Номинация по фольклорному мотиву. Среди «заячьих» фитонимов не удалось найти таких, которые представляли бы собой сжатый вариант какого-либо мифологического мотива или этимологической легенды, как, например, *иван-да-марья* или *петров ключ*. Однако среди составных фитонимов при всем разнообразии второй части очень часто повторяется словосочетание с внутренней формой «заячья капуста». Так, в русских говорах отмечено пять таких названий (*зайчи́кова капуста*, *зайчи́ная капустка*, *зая́чья капуста* (наиболее распространенное), *зая́чья капустка*, *ушканья капуста*), относящиеся к двадцати ботаническим видам, четыре из которых не определены; чаще других встречается кислица обыкновенная⁷⁵. В белорусских говорах таких названий восемь, а обозначаемых ими растений — семь⁷⁶; в украинских говорах это соотношение состав-

ляет шесть к двенадцати⁷⁷. Достаточно разнообразны вариации на тему заячьей капусты в западнославянских диалектах: чеш. *zaječí / zajičí / zajíči / zajčí zeli / zelé* ‘жарновец *Sarothamnus*’, словац. *zajačia kapustička* ‘кислица обыкновенная *Oxalis acetosella* L.’, кашуб. *zajičã kapusta* ‘щавель кислый *Rumex acetosa*’, пол. *kapusta zajęcza* ‘очиток заячья капуста *Sedum telephium* L.’, луж. *wuchačowy kał* ‘очиток едкий *Sedum acre* L.’⁷⁸. Однако у южных славян это словосочетание практически отсутствует: србх. *zечји кунус* относится к четырем растениям — кислице обыкновенной *Oxalis acetosella*, двум видам молодила *Sempervivum patens* и *Sempervivum tectorum* и осоту *Sonchus*⁷⁹, а в болгарских, македонских и словенских диалектах его обнаружить не удалось. Что касается денотатов, чаще всего фитонимы этой группы относятся к кислице обыкновенной у восточных славян и к разным видам очитка — у западных.

В этом контексте следует рассмотреть то место, которое заяц занимает в традиционной славянской культуре. А. В. Гура в своей монографии «Символика животных в славянской народной традиции» пишет: «Заяц — ярко выраженный мужской образ. У южных славян существуют чисто мужские танцы, связанные с зайцем, например, *зечко коло* в Герцеговине. Образ зайца часто фигурирует в свадебных песнях и в самом свадебном обряде»⁸⁰. О внебрачной половой связи на Черниговщине говорят: «Побрались десь в заячому холодку»⁸¹. На данном составном фитониме имеет смысл остановиться подробнее. Укр. *заячий холодок*, *заячий холодец* обозначают несколько растений: спаржу лекарственную *Asparagus officinalis* L., спаржу тонколистную *Asparagus tenuifolius*, донник лекарственный *Melilotus officinalis* Lam., горчичник горный *Peucedanum oreoselinum*⁸². С. Ю. Дубровина полагает, что фитоним *заячий холодок* дан спарже на том основании, что в русских диалектах слова *холод* и *дрожь* семантически связаны, а метелка спаржи, дрожащая на ветру, напоминает дрожь трусливого зайца⁸³. Отвергнуть эту гипотезу полностью нельзя: так, в польских говорах отмечен фитоним *zajęczy chłodek* [букв. «заячий холодок»] ‘*Apargia autumnalis* = *Leontodon autumnalis* кульбаба осенняя’, который дан растению на том основании, что оно «защищает от меланхолии зайца, который является меланхоликом по природе», а также используется от механхолии (*przeciw melancholii*)⁸⁴. Заметим, однако, что 1) данные фитонимы для спаржи отмечены не в русских, а в украинских говорах; 2) другие растения с тем же названием таким свойством не обладают; 3) у русин спаржа лекарственная называется не только *заячий холодок*, но и *вовчячий холодок* [букв. «волчий холо-

док»]⁸⁵; 4) к вышеприведенному списку еще можно добавить болг. *зайчова сенка* [букв. «заячий тенек»] ‘спаржа лекарственная *Asparagus officinalis* L.’, *зайча сенка* ‘спаржа лекарственная *Asparagus officinalis* L.’; спаржа тонколистная *Asparagus tenuifolius* Lam.; гравилат городской *Geum urbanum* L.’⁸⁶. Поэтому представляется, что существительное *холодок* все же относится не только (и не столько) к дрожи растения, но и к тенистым, прохладным местам его обитания вдали от человеческого жилья. Кроме того, выражению *побралысь десь в заячому холодку* имеются семантические соответствия рус. *венчаться вокруг ракитова куста*, укр. *в кропиве шлюб брав* и под., т. е. в диком, некультуренном пространстве, что является синонимом брачных отношений, совершающихся без одобрения социума.

Кроме того, «в восточнославянских песенных текстах [...] заяц воплощает мужское, а капуста — женское начало. [...] В Ущицком у. Подольской губ. в свадебном обряде “перезвы”, в котором участвуют лишь замужние женщины и поют песни нескромного, эротического содержания, исполняется и песня о зайце, который жалуется: “А всі ж бо я города обшустав, / Нигде ж бо я капусти не кушав”»⁸⁷; ср. *капустничек* ‘ребенок, рожденный вне брака’ (Чебокс. Казан.)⁸⁸. Возможно, именно этими представлениями объясняется популярность номинаций типа «заячья капуста» в славянских диалектах.

Кальки. Фитонимы с (частично) идентичными внутренними формами встречаются не только на славянской территории, но и за ее пределами. Вопрос о том, являются ли они заимствованиями из других языков в славянские или наоборот, приходится решать в каждом конкретном случае отдельно. Диалектные, просторечные, литературные и научные фитонимы находятся в сложных отношениях. В России первые лечебники, содержащие описания различных растений, переводились начиная с XVI в. с немецкого и польского, позже — с латыни. С тех пор комплекс книжных естественнонаучных представлений (имеющих античное, византийское и западноевропейское происхождение) и устных, фольклорно-мифологических сосуществовали, а между ними находился корпус письменного фольклора в виде народных травников⁸⁹. Так, луж. *zaječica* находит параллель в чеш. *zajačie zelia* и нем. *Hasensalat* ‘косогорник *Prenanthes*’⁹⁰, а нем. *Hasenlattich* ‘косогорник пурпуровый *Prenanthes purpurea*’, возможно, послужило источником калькирования для луж. *zaječica*, *zaječa solotej*, србх. *зajчица*, *zajčju oslad* ‘то же’⁹¹; то же можно предположить и в отношении пары луж. *zaječi chlěb* — нем. *Hasenbrot* ‘ожика равнинная *Lusula campestris*’⁹².

Возможен и вариант, когда славянский фитоним повторяет — полностью или частично — не только иноязычный фитоним, но и его латинский (иногда средневековый латинский) синоним. Латинские кальки являются важной проблемой в номинации растений. Наиболее примечательными случаями являются названия толокнянки, медвежьего лука, борщевика, первоцвета золотистого, переводы которых проникли в национальные номенклатуры почти всех европейских (и не только) языков⁹³. В данном случае интересными являются такие синонимические ряды, как, например, зафиксированные в средневековых словарях с территории современной Хорватии фитонимы *zajčeva trava*, *zajčeva* / *zajčja noga*, *zečjonoga*, *trava zajčevem nogam spodobna* ‘клевер *Trifolium*’, совпадающие с нем. *Haasen-Pfötlein*, *Hasenfuss* (букв. «заячья лапка») и лат. *lagopus* и *leporinus pes*; и славянские, и немецкие фитонимы, вероятнее всего, являются книжным античным наследием: «В классической латыни название *lagopus*, с синонимами *abundi*, *benedicta*, *caryophylla*, *pes leporis* (< гр. λαγῶπους “заячья лапа”, что ономасиологически оправдано, поскольку трехраздельные листики клевера походят на след заячьей лапки), означало несколько видов клевера: *Trifolium arvense*, *T. lagopus* и самый распространенный вид, *T. pratense*. В долиннеевской номенклатуре *Trifolium arvense* назывался *lagopus major*, *lagopus vulgaris*, *pes leporinus*, *lotus campestris*, *trifolium arvense humile*»⁹⁴. Такая же ситуация наблюдается со словен. *zajčja noga*, нем. *Hasenpfötlin* и лат. *Leporinus pes* ‘кошачья лапка двудомная *Antennaria dioica* (L.) Gaertn.’, чьи названия во всех трех языках имеют внутреннюю форму «заячья лапка»⁹⁵.

Также калькой с лат. *lactuca leporina* являются хорв. *zajčeva šalata* ‘сочот огородный *Sonchus oleraceus*»⁹⁶; с лат. *leporis rapa* — пол. *zajęcza rzęпка* ‘колючник бесстебельный *Carlina acaulis* L.»⁹⁷; возможно, также србх. *zečju pen*, *zečju penuћ* и словац. *zajačї chvost* (букв. «заячий хвост») ‘зайчихвост яйцевидный *Lagurus ovatus*»⁹⁸.

Интересна группа фитонимов с внутренней формой «заячий глаз»: *zаячы глазкї* ‘спаржа лекарственная *Asparagus officinalis* L.»⁹⁹; *заячий глаз трава* ‘гравилат городской *Geum urbanum* L.»¹⁰⁰; чеш. *kořen(i) zaječїho oka*, *zaječї oko* ‘то же»¹⁰¹; словац. *zajačїe oko* ‘то же»¹⁰²; чеш. *zaječї oko* ‘волчец кудрявый *Cnicus benedictus* L.»¹⁰³, не имеющая аналогов в других славянских диалектах. При этом, как отмечают чешские лингвисты, чешские и словацкие названия гравилата являются переводами со ср.-лат. *oculus leporis*, *lagophthalmus* (букв. «заячий глаз»)»¹⁰⁴. Таким образом, упомянутая Н. Анненковым рукопись может оказаться списком с труда¹⁰⁵, где упомянуто растение *zaječї oko*.

Номинация не определена. Поскольку в диалектных словарях мотивации народных названий растений обычно не указываются, некоторые из них крайне трудно проинтерпретировать, как, например, бел. *заячы скок* (Могил. Могил.) ‘молочай’¹⁰⁶, макед. *зajчина* ‘пузырник *Colutea melanocalix*’¹⁰⁷ и многие другие.

Любопытную параллель представляет собой пара фитонимов *заячы вожжи* (Шенк. Арх., Арх.) и чеш. *zajecí opratě* (с той же внутренней формой) ‘плаун булавовидный *Lycopodium clavatum* L.’¹⁰⁸. Являются ли они остатками более крупной группы фитонимов или результатом заимствования, еще предстоит выяснить.

Итак, на основании проанализированного материала можно сделать следующие выводы: основная роль в номинации рассмотренных растений принадлежит их внешним признакам, вызывающим ассоциацию с тем или иным животным и, соответственно, возникновение метафорического наименования-фитонима, причем в наименовании могут играть роль два и более признака; «заячьи» названия даются диким растениям маленького размера, не имеющим большой хозяйственной, пищевой и культурной ценности; чаще всего в сферу «заячьей» номинации попадают кислица, очиток и клевер; немалая доля «заячьих» фитонимов приходится на сочетание *заячья капуста* (за исключением южных славян), которое может относиться к разным растениям, но кислица и очиток также встречаются чаще других.

Данное исследование может послужить отправной точкой для сравнительных исследований других отзоонимных названий растений, а также для изучения славянских «заячьих» фитонимов в более широком европейском контексте.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Анненков Н. И.* Ботанический словарь. СПб., 1878. С. 106.
- 2 *Словарь русских народных говоров.* Л., 1976. Вып. 11. С. 206.
- 3 *Кобів Ю.* Словник українських наукових і народних назв судинних рослин. Київ, 2004. С. 495.
- 4 *Шпис-Ђулум М.* Фитонимија југозападне Бачке (коровска флора) // Српски дијалектолошки зборник. XLI. Београд, 1995. С. 419.
- 5 *Karlin M.* Slovenska imena naših zdravilnih rastlin. Ljubljana, 1964. S. 62.
- 6 *Hladká Z.* Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. Brno, 2000. S. 181.

- 7 *Симоновић Д.* Ботанички речник. Имена билака са именима на руском, енглеском, немачком и француском језику. Српска академија наука. Посебна издања. Књ. СССХVIII. Институт за српскохрватски језик. Књ. 3. Београд, 1959. С. 568.
- 8 *Ахтаров Б.* Материали за български ботаничен речник. Софија, 1939. С. 390.
- 9 *Симоновић Д.* Ботанички речник... С. 568.
- 10 Словарь русских народных говоров. Вып. 11. С. 206.
- 11 *Karlin M.* Slovenska imena naših zdravnih rastlin. Ljubljana, 1964. S. 62.
- 12 Словарь русских народных говоров. Вып. 11. С. 205.
- 13 *Ганчарык М. М.* Беларуска назова расьлін. Ч. 1 // Праца Навуковага таварыства па вывученню Беларусі. 1927. Т. II. Горы-Горкі: С. 194–216. С. 205.
- 14 *Кобів Ю.* Словник українських наукових і народних назв судинних рослин. Київ, 2004. С. 550.
- 15 *Henslowa M. Z badań nad wiedzą ludową o roślinach. I. Hypericum perforatum L. — Dziurawiec zwyczajny // Slavia Antiqua. 1976. T. XXIII. S. 229–251. S. 231.*
- 16 *Арьянова В. Г.* Словарь фитонимов Среднего Приобья. Томск, 2006. Т. 1. С. 92.
- 17 Словарь русских народных говоров. Л., 1974. Вып. 10. С. 110.
- 18 Словарь русских народных говоров. Вып. 11. С. 204.
- 19 *Кобів Ю.* Словник українських наукових... С. 550.
- 20 Словарь русских народных говоров. Вып. 11. С. 205.
- 21 *Симоновић Д.* Ботанички речник... С. 568.
- 22 Словарь русских народных говоров. Вып. 11. С. 205.
- 23 *Szcześniak K.* Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny. Gdańsk, 2008. S. 177.
- 24 *Pastusiak K.* Pogranicze polsko-białorusko-ukraińskie w świetle danych językowych i etnograficznych na podstawie nazw roślin. Warszawa, 2007. S. 162–163.
- 25 *Кобів Ю.* Словник українських наукових... С. 510, 512.
- 26 *Осадча-Яната Н.* Українські народні назви рослин. Нью-Йорк, 1973. С. 54, 66.
- 27 *Ахтаров Б.* Материали за български ботаничен речник. Софија, 1939. С. 390.
- 28 *Machek V.* Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954. S. 259.
- 29 *Кобів Ю.* Словник українських наукових... С. 564.
- 30 *Hladká Z.* Přenesená pojmenování... S. 108, 121.

- 31 *Machek V.* Česká a slovenská... S. 259.
- 32 Словарь русских народных говоров. Вып. 10. С. 110.
- 33 Словарь русских народных говоров. Вып. 11. С. 206.
- 34 *Шовљански Р.* Речник заштите биља и животне средине српско-русиноско-латинско-енглески / *Шовљански Р.* Словник заштите рошљинох и животног стредку сербско-руско-латинско-англијски. Нови Сад, 2010. С. 277.
- 35 *Ахтаров Б.* Материали... С. 136, 222, 226, 319.
- 36 *Анненков Н. И.* Ботанический словарь. С. 144.
- 37 *Кобів Ю.* Словник українських наукових... С. 717, 783, 790.
- 38 *Анненков Н. И.* Ботанический словарь. С. 336.
- 39 *Кобів Ю.* Словник українських наукових... С. 567.
- 40 Словарь русских народных говоров. Вып. 11. С. 206.
- 41 *Bartnicka-Dąbkowska B.* Polskie ludowe nazwy grzybów. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964. S. 92–94, 96, 129.
- 42 *Misiurski Z.* Teksty ludowe z okolic Sulejowa // *Literatura ludowa.* 1962. Z. 3. S. 31–33. S. 33.
- 43 *Pastusiak K.* Pogranicze polsko-białorusko-ukraińskie... S. 215–216.
- 44 *Barlè J.* Prinosi slovenskim nazivima bilja // *Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena.* 1936. Knj. XXX. Sv. 2. S. 181–228. S. 212.
- 45 *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1973. T. 6. S. 174.
- 46 *Кобів Ю.* Словник українських наукових... С. 268.
- 47 *Ахтаров Б.* Материали... С. 390.
- 48 *Симоновић Д.* Ботанички речник. С. 568.
- 49 Словарь русских народных говоров. Вып. 11. С. 205.
- 50 *Кобів Ю.* Словник українських наукових... С. 621.
- 51 *Шовљански Р.* Речник заштите биља... С. 277.
- 52 *Симоновић Д.* Ботанички речник. С. 569.
- 53 *Karlin M.* Slovenska imena naših zdravilnih rastlin. Ljubljana, 1964. S. 62.
- 54 *Machek V.* Česká a slovenská... S. 51.
- 55 *Pastusiak K.* Pogranicze polsko-białorusko-ukraińskie... S. 258–259.
- 56 *Hladká Z.* Přenesená pojmenování... S. 203, 121.
- 57 *Анненков Н. И.* Ботанический словарь. С. 57, 60.
- 58 *Кобів Ю.* Словник українських наукових... С. 510, 512.
- 59 *Дубровина С. Ю.* Заячья капуста, ушки и лапки... // *Русская речь.* 1990. № 6. Ноябрь-декабрь. С. 113–118. С. 115.
- 60 *Barlè J.* Prinosi slovenskim nazivima... S. 132; *Karlin M.* Slovenska imena... S. 62.

- 61 *Radyserb-Wjela J.* Serbske rostlinske mjena w dwěmaj džěłomaj a sedmjoch stawach po abejcejskim rjedže. Budyšin, 1909. S. 63.
- 62 *Кобів Ю.* Словник українських наукових... С. 738.
- 63 Словарь русских народных говоров. Вып. 11. С. 205.
- 64 Там же.
- 65 Там же.
- 66 *Кобів Ю.* Словник українських наукових... С. 550.
- 67 *Rystonová I.* Průvodce lidovými názvy rostlin i jiných léčivých přírodnin a jejich produktů. Praha, 2007. S. 211.
- 68 *Симоновић Д.* Ботанички речник. С. 568.
- 69 *Ахтаров Б.* Материали... С. 390.
- 70 *Barlè J.* Prinosi slovenskim nazivima... S. 213, 248.
- 71 *Hladká Z.* Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektch. Brno, 2000. S. 167.
- 72 Словарь русских народных говоров. Вып. 11. С. 205.
- 73 *Vajs N.* Hrvatska povijesna fitonimija. Zagreb, 2003. S. 388.
- 74 *Коновалова Н. И.* Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000. С. 89.
- 75 Словарь русских народных говоров. Вып. 10. С. 110; Вып. 11. С. 204; *Маак Р. И.* Вилюйский округ Якутской области. СПб., 1886. Ч. 2.
- 76 *Раслінны свет: Тэматычны слоўнік.* Мінск, 2001. С. 58, 136, 150, 152, 153, 167.
- 77 *Кобів Ю.* Словник українських наукових... С. 549–550, 567.
- 78 Подробнее см. *Анненков Н. И.* Ботанический словарь. С. 324; *Čižmárová M.* Ukrajinské názvy rastlín motivované pomenovaniami zvierat // *Slavica Slovaca.* 1994. Ročník 29. Číslo 2. S. 132; *Hladká Z.* Přenesená pojmenování... S. 191, 203; *Budziszewska W.* Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1965. S. 243; *Habovštiak A.* O názvoch kysličky v slovenčine // *Kultúra slova.* 1980. Ročník 14. Číslo 4. S. 108; *Henslowa M.* Z badań nad wiedzą ludową o roślinach. IV. *Sedum* sp. — *Rozchodniki* // *Slavia Antiqua.* 1978. T. XXV. S. 299; *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich. T. 6. S. 174; *Pastusiak K.* Pogranicze polsko-białorusko-ukraińskie... S. 288; *Radyserb-Wjela J.* Serbske rostlinske mjena... S. 63; *Majewski E.* Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich. Warszawa, 1889. T. I. S. 499.
- 79 *Симоновић Д.* Ботанички речник. С. 569.
- 80 *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 180.
- 81 Там же. С. 177, 178, 182.

- 82 Анненков Н. И. Ботанический словарь. С. 52, 213, 391; Кобів Ю. Словник українських наукових... С. 765.
- 83 Дубровина С. Ю. Заячья капуста... С. 117.
- 84 Rostaŋiński J. Zielnik czarodziejski to jest zbiór przesądów o roślinach. Kraków, 1893. S. 13.
- 85 Анненков Н. И. Ботанический словарь. С. 391.
- 86 Ахтаров Б. Материали... С. 389.
- 87 Гура А. В. Символика животных... С. 182–183; Чубинский П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. СПб., 1877. Т. IV. Обряды: родины, крестины, свадьба, похороны. С. 549.
- 88 Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 13. С. 60.
- 89 Инполитова А. Б. Русские рукописные травники XVII–XVIII веков: Исследование фольклора и этноботаники. М., 2008. С. 8.
- 90 Radyserb-Wjela J. Serbske rostlinske mjena... S. 35; Machek V. Česká a slovenská... S. 234.
- 91 Lajnert J. Rostlinske mjena. Serbske. Nemske. Łacánske. Berlin, 1954. S. 103; Radyserb-Wjela J. Serbske rostlinske mjena... S. 63; Симоновић Д. Ботанички речник. С. 377.
- 92 Lajnert J. Rostlinske mjena... S. 31.
- 93 Kolosova V., Svanberg I., Šöukand R., Kalle R., Strecker L., Gençler Özkan A. M., Pieroni A., Cianfaglione K., Molnár Z., Papp N., Luczaj Ł., Dimitrova D., Šeškauskaitė D., Roper J., Hajdari A. The bear in Eurasian plant names: Motivations and models. In print.
- 94 Vajs N. Hrvatska povijesna fitonimija. S. 334.
- 95 Barlè J. Prinosi slovenskim nazivima... S. 213; Karlin M. Slovenska imena... S. 62.
- 96 Vajs N. Hrvatska povijesna fitonimija. S. 287.
- 97 Spółnik A. Nazwy polskich roślin do XVIII wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1990. S. 91.
- 98 Симоновић Д. Ботанички речник. С. 569; Machek V. Česká a slovenská... S. 290–291.
- 99 Анненков Н. И. Ботанический словарь. С. 52.
- 100 Там же. С. 400, с пометой «Стар. Рук. Имп. Публ. Библ.».
- 101 Rystonová I. Průvodce lidovými názvy... S. 274.
- 102 Buffa F. Vznik a vývin slovenskej botanickej nomenklatúry. K histórii slovenského odborného slovníka. Bratislava, 1972. S. 335.
- 103 Rystonová I. Průvodce lidovými názvy... S. 49.
- 104 Machek V. Česká a slovenská... S. 106; Havlová E. Oko v slovanských názvech rostlin // Slavia. 2003. Ročník 72. Sešit 4. S. 391–408. S. 397.

105 Herbář, z něm. jazyku v český přeložený od Adama Hubera z Rysnbachu D. Danyele Adama z Veleslavína. Praha, 1596. S. 347.

106 Раслінны свет... С. 93.

107 *Симоновић Д.* Ботанички речник. С. 698.

108 *Rystonová I.* Průvodce lidovými názvy... S. 414.

V. B. Kolosova

«Hare» herbs in the Slavonic Folk Botany

The article analyses the group of Slavonic dialectal phytonyms formed of the lexemes denoting hare. The key point is the plant features on which nomination is based. The material analysed gives information on spreading phytonym types among the main groups of the Slavonic languages.

Keywords: *ethnobotany, ethnolinguistics, Slavonic studies, phytonyms, Slavonic dialects, linguogeography.*

М. Н. Саенко
(Москва)

О возможном взаимодействии праславянских типов склонения на *-i- и *-ī-

В статье рассматривается проблема нескольких формантов праславянского *-i-склонения, содержащих элемент *-ьj- перед гласным (nom.pl.masc., gen.pl., gen.-loc.du. и ins.sg.fem.). Автор разбирает, в каких случаях этот элемент находится на месте этимологического *eĭ, а в каких в праязыке изначально было *iĭ. Приводятся доводы в пользу того, что здесь нужно видеть не фонетическое изменение, а обобщение аблаута по всей парадигме склонения. В том, что при обобщении было отдано предпочтение нулевой ступени (*-(i)ĭ-), а не полной, как в параллельном склонении на *-u-, автор видит влияние склонения на *-ī-, для которого было характерно наличие элемента *-iĭ- перед окончаниями, начинавшимися на гласный.

Ключевые слова: *праславянский язык, морфология, взаимодействие типов склонения*

Определенную проблему для славистики представляет группа окончаний праславянского *-i-склонения, в которых мы находим сочетание *-ьj- перед гласным (сюда относятся форманты nom.pl.masc. *-ьje, gen.pl. *-ьjъ, gen.-loc.du. *-ьju и ins.sg.fem. *-ьjĭ), причем окончание nom.pl. *-ьje стоит на месте достоверно реконструируемого праиндоевропейского *-eĭ-es (об остальных окончаниях см. ниже).

Данное соответствие пытались объяснить двумя способами: фонетическим и морфологическим. Так, Ю. В. Шевелев с большой долей неуверенности предполагает для данного случая фонетическое изменение, то есть *eĭV (*ajV в записи Шевелева) > *iĭV¹. Помимо окончаний *-i-склонения он приводит следующие примеры: *treĭes > лит. собирательное *trejì*, лтш. *trejì*, п.-сл. *трьє; глаголы типа *witi — *wьjĭ, *riti — *рьjĭ; *k^weĭjos > *сьjъ «чей»; русск. *рьяный*. Версии о ранней монофтонгизации *eĭ придерживались также А. М. Селищев² и А. Лампрехт³.

Однако при ближайшем рассмотрении, эти примеры оказываются недостоверными. Чередование *i / *ьj в глаголах вызвано заполнением хиата после падения ларингалов: *reĭHteĭ «пить» —

*riHoH «пью» > *rejtej — *rijō. Слово «рьяный» также восходит к корню на ларингальный (*geiH-), и здесь, видимо, тот же механизм. Форма *šьь «чей», как отмечает сам Шевелев, может быть собственно славянским новообразованием на базе *šь «что».

Числительное «три» в праславянском полностью изменялось по *-i-склонению, поэтому нет смысла рассматривать его формы отдельно от существительных. Однако именно оно демонстрирует нам, что в данном случае нельзя видеть фонетическое изменение. В литовском в gen.pl. мы находим форму *trijū*, хорошо соответствующую праславянскому *trьь. Однако для литовского нельзя постулировать изменение *eṽ > *iṽ, как показывают приведенные X. Стангом формы *dveji* «два» (множественная форма, м.р.), *žvejys* «рыбак», *žvejóti* «рыбачить», *dejuoti* «охать, стонать»⁴.

Таблица 1. История парадигм *-i-склонения.

	Общеиндо-европейский	Прабалтийский	Ранне-праславянский	Позднепраславянский	
				муж.	жен.
N.sg.	*Hṅgnis	*ungnis	*ognis	*огнь	
G.-Ab.sg.	*Hṅgneis	*ungneis	*ogneis	*ogni	
D.sg.	*Hṅgnejei	*ungnej	*ognej	*ogni	
Acc.sg.	*Hṅgnim	*ungnin	*ognin	*огнь	
I.sg.	*HṅgniH	*ungnimi	*ognimi	*огньмь	*kostьjo
L.sg.	*Hṅgnej	*ungnej	*ognej	*ogni	
V.sg.	*Hṅgnej	*ungnej	*ognej	*ogni	
N.-Acc.du.	*HṅgniH	*ungnī	*ognī	*ogni	
G.-L.du.	*Hṅgnijous		*ognijous	*огньju	
D.-I.-Ab.du.			*ognimā	*огньма	
N.pl.	*Hṅgnejes	*ungneis	*ognejes	*огньje	*kosti
G.pl.	*Hṅgnijom	*ungniōn	*ognijon	*огньь	
D.-Ab. pl.	*Hṅgnejeis*	*ungnimus	*ognimos	*огньтъ	

* Мы реконструируем для dat.-abl.-ins.pl. окончание *-ejs (*-o-ejs > *-ōjs в тематическом типе) на основании ins.pl. *-ōjs в тематическом типе, хорошо соотносимого с *-eĭ (*-o-eĭ > *-ōĭ в тематическом типе) в dat.sg.

Acc.pl	*H ₂ gnins	*ungnins	*ognins	*ogni
L.pl.	=Dat.	*ungnimīs	*ognimīs	*огньми
I.pl.	*H ₂ gnisu	*ungnisu	*ognixu	*огньхъ

Таким образом, объяснение следует искать в сфере морфологии. Ключевым пунктом является окончание gen.pl., где одни ученые реконструируют суффикс на полной ступени (*-e₁-)⁵, другие — на ступени редукции (*-i-): *(i)ǵōm⁶, *-yōn/*-iyōn⁷, *-i-(y)om⁸, *-iom/*-iōm⁹, *-iǵōm¹⁰, *-yom¹¹, а третьи — оба варианта: *-iōm / *-e₁ōm¹², *h₂éwyоHom «овец», *m₁t₁éyoHom «мыслей», *m₁g₁éyoHom «морей»¹³. Т. Олландер для праиндоевропейского реконструирует оба варианта (*-e₁(h)om и *-i(h)om, но праславянский формант выводит только из первого)¹⁴.

Рассмотрим имеющиеся данные индоевропейских языков. В санскрите в типе на *-i-* новое окончание *-īnām* полностью вытеснило старое, однако в авестийском аналогичная инновация не прошла до конца, и наряду с инновативным *-inām* встречается и старое *-iām*: *kaoiīām*, *haśām*¹⁵, его же можно найти у числительного «три»: *θraiiām*, *θriiām*¹⁶. Что касается греческого, в аттическом диалекте представлено окончание *-εων*, а в ионийском *-ιων*, причем форма τριῶν «трех», присутствующая в обоих диалектах, заставляет думать, что первична ионийская форма, а *-ε-* в аттическом носит аналогический характер¹⁷. В латыни старые *-i-*основы имеют окончание *-iūm*. Для прагерманского на основании древнесаксонских и древневерхненемецких форм восстанавливается окончание **-iō̄*¹⁸. Готский ввел на этом месте инновативное *-ē*, однако в форме *Prijē* «трех» видна старая основа¹⁹.

Эти факты позволяют утверждать, что для реконструирования для праиндоевропейского состояния форманта **-e₁-om* в gen.pl. нет особых оснований, и здесь следует видеть форму **-i₂-om**, которая, скорее всего, по закону Зиверса могла иметь вариант **-i₂-om* после «тяжелых» основ. Попытка реконструкции как **-i₂-om*, так и **-e₁-om* для разных аблаутных классов²⁰ или разных родов²¹ не находит подтверждения в имеющемся материале.

* Мы считаем наиболее достоверной реконструкцию **-o-om* > **-ōm* для п.-и.-е. тематического склонения и **-om* для всех остальных с последующим перераспределением в отдельных ветвях и.-е. языков.

Впоследствии в прабалтийском существительные обобщили вариант $*-i\text{-om}$ ($*ow\dot{i}om > *aw\dot{i}ōn >$ лит. *aviū* «овец», $*mṛti\dot{i}om > *mint\dot{i}ōn >$ лит. *minčiū* «мыслей»); долгое $*ō$ появилось по аналогии с типом на $*-o-$), но числительное «три» сохранило вариант $*-i\dot{i}\text{-om}$ (лит. *trijū*). В праславянском, напротив, обобщился вариант $*-i\dot{i}\text{-om}$.

Ведические формы gen.-loc.du. *agnyóh, matyóh*²² и авестийское окончание gen.du. $-iiā < *-i\dot{i}āh$ ²³ говорят о том, что и в случае с gen.-loc.du. следует реконструировать $*-i\dot{i}\text{-o}ūs$.

В таком случае наиболее вероятным объяснением для $*ь$ в окончании $*-ьje$ является обобщение $*-i-$ по всей парадигме множественного числа, причем форма gen.pl. $*-i\dot{i}\text{-om}$ послужила образцом для перестройки $*-e\dot{i}\text{-es} > *-i\dot{i}\text{-es}$ ²⁴.

Тем не менее, в этой ситуации обращает на себя внимание полное отсутствие подобных перестроек в типе склонения на $*-u-$, который очень долго был полностью параллелен типу на $*-i-$. Здесь для исходного состояния можно восстановить окончания nom.pl. $*-o}e\text{-es}$, gen.pl. $*-(u)\dot{u}\text{-om}$ (авест. *pasuuqm* $< *-u\dot{u}ām$ ²⁵; греч. гомер. *δοῦρων* $< *do}u\dot{u}ōm$, лат. *-uum*), gen.-loc.du. $*-(u)\dot{u}\text{-o}ūs$ (ведич. *paśvóh, dhenvóh*²⁶, авест. *pasuuā* $< *-u\dot{u}āh$ ²⁷). Однако в данном случае в праславянском аналогия пошла совсем иным путем, чем в случае с $*-i-$ склонением: во всех падежах обобщилась ступень $*-o}e-$ — nom.pl. $*-owe$, gen.pl. $*-owь$, gen.-loc.du. $*-owu$.

Возникает вопрос, почему упрощение аблаута произошло по-разному: $*-i-//*-e\dot{i}-//*(i)\dot{i}- > *-i-//*-i\dot{i}-$, но $*-u-//*-o}e-//*(u)\dot{u}- > *-u-//*-o}e-?$

Как нам кажется, это объясняется тем, что дополнительным стимулом для данного изменения в $*-i-$ склонении стала ориентация на тип на $*-ī-$, поскольку после падения ларингалов формы этих двух типов стали сильно напоминать друг друга (см. таблицу 2).

При такой трактовке форманты gen.pl. $*-i\dot{i}\text{-om}$ и gen.-loc.du. $*-i\dot{i}\text{-o}ūs$ $*-ī-$ склонения способствовали распространению комбинаторных вариантов $*-i\dot{i}\text{-om}$ и $*-i\dot{i}\text{-o}ūs$ в $*-i-$ склонении, а также описанной выше перестройке в nom.pl., где для $*-ī-$ склонения следует реконструировать формант $*-i\dot{i}\text{-es}$.

Наконец, окончание ins.sg.fem. $*-ьj\dot{o}$ в типе на $*-i-$ можно объяснить влиянием склонения на $*-ā-$: $*kostьj\dot{o}$ как $*ženoj\dot{o}$, однако не менее вероятно влияние $*-ī-$ склонения, где $*-i\dot{i}\text{-ā}(m) > *-ьj\dot{o}$ должно было возникнуть фонетически.

Таблица 2. Сопоставление формантов *-i- и *-ī-склонений.

	Праиндоевропейский		Раннепраславянский	
	*-i-	*-ī-	*-i-	*-ī-
Nom.sg.	*-i-s	*-iH	*-i-s	*-ī
Gen.-Ab.sg.	*-eĭ-s	*-iH-es	*-eĭ-s	*-iĭ-es
Dat.sg.	*-eĭ-eĭ	*-iH-eĭ	*-eĭ	*-iĭ-eĭ
Acc.sg.	*-i-m	*-iH-m	*-i-n	*-ī-n
Voc.sg.	*-eĭ	*-i	*-eĭ	*-i
Ins.sg.	*-i-H	*-iH-oH	*-i-mi	*-iĭ-ā(n)
Loc.sg.	*-eĭ	*-iH-i	*-eĭ	*-iĭ-i
N.-Acc.du.	*-iH	*-iH-iH	*-ī	*-iĭ-ī
G.-L.du.	*-(i)ĭ-oуs	*-iH-oуs	*-(i)ĭ-oуs	*-iĭ-oуs
D.-I.-Ab.du.	?	?	*-i-mā	*-ī-mā
Nom.pl.	*-eĭ-es	*-iH-es	*-eĭ-es	*-iĭ-es
Gen.pl.	*-(i)ĭ-om	*-iH-om	*-(i)ĭ-on	*-iĭ-on
D.-I.-Ab.pl.	*-eĭ-eĭ-s	*-iH-eĭs	*-eĭ-mos	*-ī-mos
Acc.pl.	*-i-ns	*-iH-ns	*-i-ns	*-ī-ns
Loc.pl.	*-i-su	*-iH-su	*-i-xu	*-ī-xu

Несмотря на то, что в позднем праславянском *-ī-основы сохранили исконное окончание только в nom.sg., а затем в большинстве славянских языков полностью влились в тип на *-jā-, в таком взаимодействии нет ничего невозможного. В среднем праславянском тип на *-ī-, вероятно, был довольно продуктивным и экспансивным. Так, окончание nom.sg. *-ī > *-i проникло в активные причастия настоящего и прошедшего времен: *nesoĭī «несущая», *nošŷī «несшая». Его же мы находим в форме сравнительной степени женского рода *wušŷī «более высокая».

Казалось бы, аналогичное взаимодействие могло произойти между типами на *-u- и *-ū-, однако основы на *-ū- очень долго оставались в составе согласного склонения и выделились в отдельный тип*, а также обрели высокую продуктивность лишь непосредственно перед распадом праславянского языка. Поэтому *-i-основы при

* Мы считаем парадигмы существительных относящимися к разным типам склонения при наличии между ними разницы в хотя бы одно окончание.

перестройке аблаута могли ориентироваться на *-ī-основы, а тип на *-u- такого образца не имел.

В прабалтийском, по всей видимости, взаимодействия между *-ī- и *-ī-склонениями не было, поэтому в нем в gen.pl. обобщился вариант *-īōn, а формант nom.pl. сохранил исконную форму: *-eĭes (> *-eĭs).

Резюмируя все вышесказанное, следует сделать следующие выводы: 1) фонетического изменения *eĭV > *iĭV в праславянском не было; 2) реконструкции формантов gen.pl. и gen.-loc.du. *-ī-склонения как *-eĭom и *-eĭoꝛs не имеют под собой основания, данные различных ветвей индоевропейской семьи говорят в пользу реконструкции суффикса на нулевой ступени: *-(i)ĭom и *-(i)ĭoꝛs; 3) перестройка форманта nom.pl. *-eĭes как *-iĭes объясняется обобщением суффикса *-i- по всей парадигме склонения; 4) весьма вероятно, что немаловажным фактором, поддержавшим этот процесс, было взаимодействие со склонением на *-ī-, для которого было характерно наличие элемента *-iĭ- перед окончаниями, начинавшимися на гласный. Это также объясняет, почему в типах склонения на *-ī- и *-u- упрощение исходного аблаута пошло разными путями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Shevelov G. Y.* A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964. P. 359–360.
- 2 *Селищев А. М.* Старославянский язык. М., 1951–1952. Т. 1. С. 125.
- 3 *Lamprecht A.* Praslovanština. Brno, 1987. S. 44.
- 4 *Stang Chr. S.* Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1966. S. 211.
- 5 *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 336; *Селищев А. М.* Старославянский язык. М., 1951–1952. Т. 2. С. 97; *Aitzetmüller R.* Altbulgarische Grammatik. Freiburg, 1978. S. 75; *Beekes R. S. P.* Comparative Indo-European Linguistics: an introduction. Philadelphia; Amsterdam, 2013. P. 203; *Moszyński L.* Wstęp do filologii słowiańskiej. Warszawa, 2006. S. 265; *Długosz-Kurczabowa K., Dubisz S.* Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 2006. S. 186.
- 6 *Brugmann K.* Grundriss der Vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1892. II. Band. S. 693.
- 7 *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. Lyon; Paris, 1958. Т. II. P. 136–137.

- 8 Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 2002. С. 188.
- 9 Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 2003. С. 209.
- 10 Arutaa P. *Urslavische Grammatik*. Heidelberg, 1985. III. Band. S. 128.
- 11 Matasović R. *Kratka poredbenopovijesna gramatika latinskoga jezika*. Zagreb, 1997. S. 153.
- 12 Krahe H. *Indogermanische Sprachwissenschaft*. Berlin, 1943. S. 93.
- 13 Ringe D. *From Proto-Indo-European to Proto-Germanic*. Oxford, 2006. P. 48.
- 14 Ollander Th. *Proto-Slavic Inflectional Morphology*. Leiden; Boston, 2015. P. 259.
- 15 Hoffmann K., Forssman B. *Avestische Laut- und Flexionlehre*. Innsbruck, 2004. S. 135.
- 16 Idem. S. 174.
- 17 Sihler A. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. New York; Oxford, 1995. P. 314–315.
- 18 Сравнительная грамматика германских языков. М., 1963. Т. III. С. 189, 191.
- 19 Там же. С. 394–396.
- 20 Ollander Th. *Proto-Slavic Inflectional Morphology*... P. 259.
- 21 Mažiulis V. *Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai*. Vilnius, 1970. P. 301.
- 22 Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М., 1982. С. 230.
- 23 Hoffmann K., Forssman B. *Avestische Laut- und Flexionlehre*... S. 134.
- 24 Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves*... P. 136; Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание... С. 187–188.
- 25 Hoffmann K., Forssman B. *Avestische Laut- und Flexionlehre*... S. 131–132.
- 26 Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка... С. 231.
- 27 Hoffmann K., Forssman B. *Avestische Laut- und Flexionlehre*... S. 131.

M. N. Sayenko

On the possible interaction of Proto-Slavic *-i- and *-ī- types of declension

This article is an attempt to examine the problem of several forms of Proto-Slavic *-i- declension type, which have the element

*-ъj- preceding a vowel (nom.pl.masc., gen.pl., gen.-loc.du. and ins. sg.fem.). The author determines the cases when this element takes place of the etymological *e₂ as well as the cases when in the proto-language the formant *i₂ had originally been in that position. The author argues that it was an extension of ablaut in the whole paradigm of the declension and should not be considered a phonetic change. The author believes that the influence of *-ī- declension type, of which it was characteristic to have the element *-i₂- in front of ending starting with vowels, might be the reason why zero grade (*-(i)₂-) was preferred in the extension process (as opposed to the parallel *-u- declension type where full grade prevailed).

Keywords: *Proto-Slavic language, morphology, interaction of declensional types.*

Структура удвоения дополнения по модели левой дислокации в болгарском переселенческом диалекте в Румынии

Данная статья посвящена анализу «удвоения дополнения» в болгарском переселенческом диалекте в Румынии. На основе диалектных материалов, собранных автором в с. Брэнешть, рассматривается структурная характеристика конструкций с удвоением дополнения, осуществляемых по модели левой дислокации. При этом также учитываются специфические черты, наблюдаемые при употреблении этих конструкций.

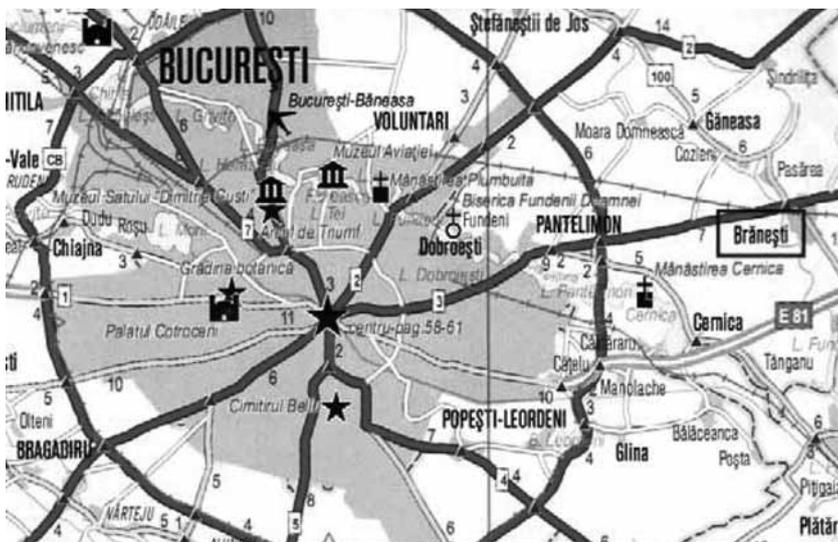
Ключевые слова: *удвоение дополнения, левая дислокация, болгарский переселенческий диалект в Румынии, Брэнешть.*

1. Предмет и цель исследования

Предметом настоящего исследования является один из северо-восточных диалектов болгарского языка, а именно говор села Брэнешть, расположенного в 23 км к востоку от столицы Румынии. На территории Румынии до сих пор существуют населенные пункты, население которых в повседневном общении использует болгарский язык в различных диалектных вариантах. Брэнешть — один из таких населенных пунктов, жители которого — этнические болгары, переселившиеся в данное село около 200 лет назад¹. В этом селе еще живы носители изучаемого нами говора, хотя возраст подавляющего большинства из них превышает 80 лет. Их предки происходят из сел Силистренской области². Полевая работа была проведена в этом селе в 2012, 2013 и 2015 годах. Нам удалось поработать с 14 информантами, в числе которых 7 мужчин и 7 женщин. Интервью с информантами были записаны на диктофон. Таким образом, все материалы, использованные в настоящем исследовании, были собраны и транскрибированы автором данной статьи.

Как известно, в болгарском языке широко употребляется «удвоение дополнения», особенно в его устной форме. Под термином «удвоения дополнения» понимается двойное обозначение дополнения с помощью клитической формы личного местоимения. Данное явление отмечается и в исследованном нами говоре села Брэнешть, но следует отметить, что в этом говоре при осуществлении удвоения наблюдаются некоторые специфические черты³. В нашей статье, та-

ким образом, будут проанализированы случаи удвоения дополнения и выяснены структурные особенности удвоения по модели левой дислокации по сравнению с болгарским разговорным языком.

2. Общая характеристика удвоения дополнения в болгарском языке

В болгарском языке имеются две структурных модели конструкций с удвоением дополнения. Различаются эти два типа конструкций в зависимости от позиции удвоенного дополнения по отношению к глаголу: конструкции с постпозицией дополнения и конструкции с препозицией дополнения. В связи с прагматической функцией перемещение дополнения в предглагольную позицию вызывает его топиализацию. При перемещении, в болгарском языке перемещенное в предглагольную позицию дополнение обязательно дублируется местоименным коррелятом, согласующимся в роде, числе и падеже. Такой морфосинтаксический процесс называется «левой дислокацией»⁴.

В болгарском языке выделяется одна конструкция с удвоением дополнения при препозиции его к глаголу, называемая нами «внешним топиком левой дислокации»⁵. Она отличается от других конструкций с удвоением по модели левой дислокации и характеризуется некото-

рыми специфическими признаками⁶: присутствием паузы между дополнением, выступающим в начале высказывания, и местоименным коррелятом в следующей за ним части высказывания⁷; маркированием существительного именительным падежом и др. Можно отграничить от этих конструкций с внешним топиком и другие конструкции с удвоенным дополнением, выступающим в предглагольной позиции, известные под названием «клитической левой дислокации». Клитическая левая дислокация не характеризуется такими же признаками, как внешний топик левой дислокации.

В связи с этим в болгарском языке выделяются две разных предглагольных позиции: позиция внешнего топика левой дислокации и позиция внутреннего топика клитической левой дислокации. Это подтверждается и тем, что две предглагольных позиции могут быть заняты одновременно кореферентными дополнениями при «утроении» дополнения.

3. Удвоение дополнения по модели левой дислокации в брэнештском говоре

3.1. Общая характеристика левой дислокации

Теперь рассмотрим структурные особенности рассматриваемой конструкции в брэнештском говоре. В исследованном нами говоре также наблюдается удвоение как прямого, так и косвенного дополнения, находящегося в предглагольной позиции.

- (1) а. Пъ мене мь пузнаваѿо мл'огу хорь. (DD2_23.41)
«Меня знают много людей».
- б. Къштътъ тъс той йъ нъпраи. (TM1_1.04.03)
«Он построил этот дом».
- с. Нъ мене ми думь «детту». (BV2_2.52.45)
«Мне говорил “ребенок”».
- д. И нъ мунчету, ас му казѹъм се нъ бългърcki. (TF1_13.05)
«Я все время говорю сыну по-болгарски».

В большинстве случаев удвоенное дополнение, выступающее в препозиции к глаголу, может быть выражено различными именными формами: именами существительными (собственным и нарицательным), различными местоимениями, субстантивированными прилагательными и т. д.⁸ Но оно всегда обозначает определенный предмет. Это свидетельствует о том, что левая дислокация действительно связана с такой прагматической функцией, как топикализация.

Наблюдаются также примеры, в которых осуществляется удвоение дополнения, сочетающегося с неопределенным местоимением *един*, хотя их мало в нашем корпусе. При этом следует подчеркнуть, что дополнение с неопределенным местоимением обозначает индивидуальный предмет, а не абсолютный неопределенный.

(2) а. Дъ ни ть удари мъшинтъ. Пъ ино жина йъ удари тукъ...
(BV3_2.43.03)

«Смотри, чтоб тебя не сбила машина. Одну женщину сбило здесь».

б. Идин рус, тр'абъѹ дъ гу жудикъ тукъ нъ нас. (ГМ2_1.10.19)
«Нужно было судить одного русского (дипломата) здесь у нас».

Кроме того, удвоение косвенного дополнения по модели левой дислокации чаще всего осуществляется при целом ряде глаголов и безлично-предикативных сочетаний, выражающих физические и психические переживания или состояния. При этих сказуемых пропуск удвоения наблюдается очень редко. Здесь речь идет о так называемом грамматикализованном удвоении по термину Краповой и Тишевой⁹. В связи с этим удвоение дополнения, выступающего в препозиции к глаголу, очень часто осуществляется при косвенном дополнении, выраженном полной формой личного местоимения, потому что во многих случаях сказуемые, использованные при грамматикализованном удвоении, требуют косвенного дополнения.

Наряду с этими особенностями следует отметить, что в брэнештском говоре наблюдаются случаи употребления предлога *нэ*, используемого лишь перед прямым дополнением. В исследованиях Младенова и Димчева¹⁰ тоже встречается упоминание об использовании этого предлога в болгарских диалектах, распространенных на территории Румынии. Они утверждают, что данный предлог был заимствован из румынского языка и потому, как и в румынском языке, он играет роль показателя винительного падежа в этих диалектах¹¹. Характерной чертой употребления этого предлога в исследованном нами говоре является почти обязательное его употребление перед полной формой личного местоимения в винительном падеже¹². Кроме этого, он может употребляться перед прямым дополнением, выраженным одушевленным и/или определенным существительным, но в этом случае употребление данного предлога имеет факультативный характер.

3.2. Внешний топик левой дислокации

В брэнештском говоре также встречаются примеры, в которых удвоение дополнения осуществляется по модели внешнего топика левой дислокации.

- (3) а. Нас¹³ # ни мъ беши страм. (BV3_1.45.55)
 «Мне не было стыдно».
- б. Той # той # пить гу майкъ му. (DD1_3.27.14)
 «Он, у него спрашивала его мать».
- с. Той # му съ стори, чи стъм¹⁴ н'акуй кръд'ец?. (DD1_57.41)
 «Ему кажется, что я какой-то вор».
- д. Т'а # как дъ ви кажъ # й харесуъш мл'огу убичаите
 българс... (DD2_4.22.38)
 «Она, как вам сказать, ей очень нравились болгарские обычаи».

В этих примерах дублированное дополнение в начале высказывания стоит в именительном падеже и не согласуется со следующим за ним местоименным коррелятом. Кроме того, в них наблюдается пауза, осуществленная после личного местоимения в именительном падеже, выступающего в начале высказывания¹⁵. Эти примеры действительно могут быть отнесены к модели внешнего топика левой дислокации со структурной точки зрения.

Можно встретить и «утроение» дополнения, при котором в одном высказывании выражаются три кореферентных дополнения в разных позициях. В следующих примерах существительное, выступающее в начале высказывания, отделяется паузой от следующей за ним части высказывания. Кроме этого, хотя существительные в этих примерах обозначают одушевленный и определенный предмет, перед ними отсутствует винительный показатель *нэ*. Пожалуй, это свидетельствует о том, что данные существительные находятся в позиции внешнего топика, и потому эти примеры представляют собой внешний топик левой дислокации. Это нуждается, однако, в поддержке со стороны контекстуального анализа из-за факультативного употребления винительного показателя.

- (4) а. Циркъ # ти йъ пузнавъш пъ Циркъ? (GA2_1.37.36)
 «Цирка, ты ее знаешь?»
- б. Рунниците # ги пишеуъ пь сете. (BV1_55.26)
 «Родственники, я писала всем».

Однако, как и в болгарском разговорном языке, в брэнештском говоре осуществление паузы не обязательно.

- (5) а. Ас ми харесъў. Май йам мъмълигъ, гит ньпрайм. (TF2_40.36)
 «Мне нравится. Я еще ем мамалыгу, когда делаю (ее)».
- б. Ас ми харесъў. Ас приказъўм със сичките. (BV2_37.17)
 «Мне нравится. Я разговариваю со всеми».

В этих примерах личное местоимение в именительном падеже, находящееся в начале высказывания, интонационно объединено в одну группу со следующей частью высказывания. Хотя данная просодическая характеристика приближает эти примеры к модели клитической левой дислокации, личное местоимение, выступающее в именительном падеже, свидетельствует о том, что они на самом деле относятся к модели внешнего топика левой дислокации. При этом следует отметить, что другие подобные примеры, кроме вышеуказанных, в нашем корпусе не обнаруживаются. К тому же отсутствие паузы в модели внешнего топика левой дислокации выглядит возможным лишь при грамматикализованном удвоении. Поэтому можно сказать, что в исследованном нами говоре пауза очень редко опускается.

3.3. «Na-drop»-явление

Теперь рассмотрим так называемое «Na-drop»-явление, т. е. отпадение предлога *на* у косвенного дополнения. Данное явление широко распространено как в болгарском разговорном языке¹⁶, так и в диалектах. Как было отмечено Тишевой¹⁷, «Na-drop»-явление характерно лишь для предглагольного косвенного дополнения и не встречается в послеглагольной позиции¹⁸. В брэнештском говоре тоже отмечается данное явление.

- (6) а. Мене ми харесъў и мумичиту. (Rus1.2_5.25)
 «Мне нравится и девушка».
- б. Негу му харесъў дъ рабути. (DD1_1.03.25)
 «Ему нравится работать».
- с. Мене ми и драгу зъ негу. (BV3_2.18.20)
 «Мне он мил».
- д. Мене ми съ струвъ, чи ни йеде сиганъ. (BV2_32.47)
 «Мне кажется, что ты не ел сейчас».

Так как в болгарских северо-восточных диалектах имеются омонимические полные формы личного местоимения, выполняющие функции прямого и косвенного дополнения¹⁹, дублированное местоимение, находящееся в начале высказывания, может быть интерпретировано как винительная форма. Но, как отметил Младенов о северо-восточном типе переселенческих диалектов на территории Румынии²⁰, в исследованном нами говоре села Брэнешть очень часто встречается дательная форма, выраженная предлогом *на*. К тому же случаи употребления дательной формы без предлога наблюдаются лишь в предглагольной позиции, но не в послеглагольной. Это позиционное ограничение представляет собой типичную характеристику «Na-drop»-явления. Из этого следует, что здесь речь идет о широко распространенном явлении в болгарском языке — «Na-drop», а не об омонимичных винительно-дательных формах. Следовательно, примеры, в которых присутствует данное явление, относятся к модели клитической левой дислокации, а не к модели внешнего топики левой дислокации²¹. Следует также отметить, что в этих примерах отсутствует пауза, характерная для внешнего топики.

В связи с этим заслуживают большего внимания следующие примеры с «утроением» дополнения.

- (7) а. Ас # мене ни ми харесьѣ Софийѣ. (BV4_3.43)
 «Мне не нравится София».
 б. Ас # мене ми харесьѣ. (DD2_3.54.26)
 «Мне нравится».

«Na-drop»-явление наблюдается и в примерах, в которых косвенное дополнение выражено трижды в одном высказывании. В этом случае перед косвенными дополнениями, выступающими без предлога *на*, находятся кореферентные местоимения в именительном падеже. Эти дополнения, очевидно, находятся в позиции внешнего топики. Из этих примеров с утроением следует, что «Na-drop»-явление относится к модели клитической левой дислокации.

При этом нужно подчеркнуть, что встречаются и примеры с утроением дополнения, в которых дополнения, находящиеся в позиции клитической левой дислокации, могут быть маркированы соответствующим падежным предлогом:

- (8) а. Ас # дѣ б'аф нѣ шкуѣаль # пѣ мене нѣ мѣ устаиѣ м'логу нѣ шкуѣаль. (BV1_37.12)

«Когда я была в школе, меня не оставляли бы долго в школе».

- b. Аз... нъ мене ми аресѣ бере. (Rus1_10.20)
 «Мне нравится пиво».

С другой стороны, следует отметить, что имеются лишь два примера, в которых предглагольные косвенные дополнения, выраженные именем существительным, стоят без предлога *на*. По сравнению с личным местоимением предлог *на* очень редко опускается перед существительным, находящимся в предглагольной позиции.

- (9) а. Тукъ с'елуту туй нашту тѣй му думѣт. Брѣнешт'.
 (TF1_16.26)
 «Здесь это наше село так называется, Брѣнешть».
- b. Нашит'е румынци # им даде господ'ъ и з'им'ъ, дету имъ планини... (DD1_1.21.18)
 «Господь дал нашим румынам и землю, где есть горы...»

В этих примерах, однако, возможны разные интерпретации относительно позиции, в которой данные косвенные дополнения находятся, хотя дополнения в обоих примерах лишены предлога *на*. В первом примере не наблюдается пауза после удвоенного существительного, но во втором она ясно слышна. Наличие паузы во втором примере, по крайней мере с просодической точки зрения, является свидетельством того, что дублированное косвенное дополнение следует считать дополнением, находящимся в позиции внешнего топики²².

Рассматриваемое явление может вызвать смешение между формами винительного и дательного падежей, так как полные формы личного местоимения, стоящие в винительном и дательном падежах, совпадают формально друг с другом, если отсутствует предлог, маркирующий дательный падеж. Как и в устной речи литературного языка, клитическая форма личного местоимения избегает двусмысленности омонимической формы местоимения, возникающей при отсутствии дательной маркировки *на*²³. В исследованном нами говоре, кроме удвоения, обязательно используемый предлог, маркирующий винительный падеж, также помогает правильному пониманию синтаксической роли, которую играет омонимичная форма личного местоимения.

4. Заключение

Итак, из структурного анализа левой дислокации в настоящей статье следует, что удвоение дополнения по модели левой дислокации в брэнештском говоре имеет в целом ту же структурную характеристику, что и в болгарском разговорном языке, за исключением случаев употребления предлога *пэ*. Задачей дальнейшего исследования должен стать более подробный анализ двух моделей левой дислокации с учетом их дискурсной функции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: *Roman L. Așezări de bulgari și alți sud-dunăreni în Țara Românească (1740–1834) // Relații româno-bulgare de-a lungul veacurilor. Studii. 1984. Vol. 2. P. 137–138; Младенов М. Българските говори в Румъния. София, 1993. С. 34–35.*

2 См.: *Романски С. Българите във Влашко и Молдова. Документи. София, 1930. С. 137–138; Bolocan G. Cu privire la corelația de sonoritate în graiul bulgar din comuna Brănești // Studii și cercetări lingvistice. 1958. Vol. 4. P. 491–495; Жечев Н. Към историята на изучаването на българските емигрантски заселища в Румъния през Възраждането. (По случай 100 години от рождението на акад. Стоян Романски) // Българска етнография. 1983. Кн. 3. С. 51–60; Младенов М. Българските говори... С. 34–35.*

3 См.: *Сугаи К. Удвояване на допълнението в българския говор на с. Брѐнеш, Румъния // Проблеми на социолингвистиката. Велико Търново, 2014. Т. XI. С. 115–120; Он же. Към въпроса за удвояването на прякото допълнение в българския говор в Румъния (Анализ в съпоставка с румънския език) // Движение и пространство в славянските езици, литератури и култури. Сборник от Дванадесетите международни славистични четения, София, 9–10 май. София, 2015. Т. 1. С. 94–102; Он же. За някои специфични характеристики на местоименните клитики в гребенския говор в Румъния // Българска реч. София, 2015. Кн. 2. С. 102–109.*

4 Използвается и термин «реприза» для этой конструкции. См.: *Лопашов Ю. А. Местоименные повторы дополнения в балканских языках. Л., 1978.*

5 В нашем исследовании для этого типа конструкций используется данный термин вместо широко используемого английского термина «Hanging Topic Left Dislocation». В русскоязычных исследованиях для

внешнего топики левой дислокации часто употребляется термин «именительный темы», характеризующийся теми же признаками.

6 См.: *Rudin C.* Aspects of Bulgarian Syntax: Complementizers and Wh constructions. Columbus, 1986; *Джонова М.* Конструкции от типа 'Аз ми се струва' в българската разговорната реч // Проблеми на българската разговорна реч. 2004. Кн. 6. С. 107–116; *Krapova I., Cinque G.* Clitic reduplication constructions in Bulgarian // Clitic Doubling in the Balkan Languages. Amsterdam; Philadelphia, 2008. P. 257–287.

7 В действительности присутствие паузы не обязательно. Поэтому пауза не может служить абсолютным критерием разграничения конструкций, но в нашем исследовании будет уделяться внимание и этой особенности конструкций с внешним топиком. См.: *Тишева Й.* Прагматика и устна реч. Как говори съвременният българин. София, 2014. Т. 2. С. 42.

8 Что касается удвоенного дополнения в постпозиции к глаголу, наблюдается ограничение относительно вида дополнения, используемого в конструкции с удвоением. Об этом см.: *Тишева Й., Кръвова И.* Конструкции с удвоено допълнение в българските диалекти // Езиковедски изследвания в чест на чл.-кор. проф. д-р Тодор Бояджиев, проф. д-р Венче Попова и проф. Петър Пашов. 2009. С. 209–220; *Krapova I., Tiševa J.* Clitic reduplication structures in the Bulgarian dialects // *Diachronija in sinhronija v dialektoloških raziskavah*, 2006. P. 415–422.

9 См.: *Тишева Й., Кръвова И.* Конструкции с удвоено...; *Krapova I., Tiševa J.* Clitic reduplication... S. 417–418.

10 См.: *Димчев К.* Морфологично-синтактични модели, установени под румънско влияние в българския говор на с. Валя Драгулуй (Румъния) // В памет на професор Стойко Стойков (1912–1969). Езиковедски изследвания. 1974. С. 255–259; *Младенов М.* Българските говори... С. 381–382.

11 Там же; *Димчев К.* Морфологично-синтактични... С. 256–257.

12 См.: *Сугаи К.* Удвояване на... С. 117–119; *Он же.* Към въпроса за... С. 96.

13 Sic! Вм. «Ас».

14 Sic! Вм. «съм».

15 В связи с этим нужно сказать, что в исследованном нами диалекте клитическая форма личного местоимения независимо от позиции выступает перед спрягаемым глаголом, в отличие от болгарского литературного языка. Подробнее см.: *Сугаи К.* За някои... С. 103.

16 См.: *Vakareriyska C.* Na-drop in Bulgarian // *Journal of Slavic Linguistics*. 1994. Vol. 2 (1). P. 121–150; *Тишева Й.* Как говори... С. 50–51.

17 Там же. С. 59.

18 См. также: *Кралева I., Cinque G.* Two asymmetries between Clitic Left and Clitic Right Dislocation in Bulgarian // *Organizing Grammar. Studies in Honor of Henk van Riemsdijk.* Berlin; New York, 2005. P. 359–364.

19 См.: *Кочев И.* Гребенският говор в Силистренско. С особен оглед към лексикалната му система // *Трудове по българска диалектология.* Кн. V. София, 1969. С. 60–61.

20 *Младенов М.* Българските говори... С. 267.

21 См. также: *Ташева Й.* Как говори... С. 51.

22 Там же. С. 51–52.

23 См.: *Leafgren J. R.* Bulgarian Clitic Doubling: Overt Topicality // *Journal of Slavic Linguistics.* 1997. Vol. 5 (1). P. 117–143.

K. Sugai

The Structure of the Left Dislocation in the Bulgarian dialect in Romania

This article discusses the left dislocation in the Bulgarian dialect in Romania. On the basis of the dialectal materials collected by the author in the village of Brănești, the structural characteristics of the left dislocation constructions will be analyzed. In the process of the discussion, some specific features of the constructions observed in the dialect will also be considered.

Key words: *Clitic Doubling of Objects, Left Dislocation, Bulgarian dialect in Romania, Brănești.*

А. И. Чиварзина
(Москва)

Сравнительные конструкции типа «красный как» в македонском языке в сопоставлении с албанским

В статье рассматривается общее и специфическое для македонского и албанского языков в сравнительных единицах с термином цвета для обозначения красного, его релевантность в мифологической модели мира, дополнительные коннотации. Прослеживаются совпадения и расхождения в значениях этого цветообозначения в двух языках, принадлежащих к генетически разным группам и взаимодействующих на протяжении длительного времени.

Ключевые слова: *базовые цветообозначения, компаративные обороты, «красный как», балканские языки, балканославянские обычаи.*

Подсистема цветообозначения является одним из основных элементов в лексической системе языка. Теоретической базой исследования стали работы Б. Берлина и П. Кея, А. Вежбицкой, В. М. Огольцева. Компаративные обороты придают речи не только образность, но и эмоциональность, путем сравнения раскрывается как основной признак предмета, так и ряд дополнительных, увеличивается интенсивность признака, может проявляться авторское отношение и оценка.

В логике под *сравнением* понимается установление сходства и различия предметов и явлений действительности. При этом сравниваемыми называются «понятия, в содержании которых, несмотря на наличие различных признаков, имеются также и некоторые общие им признаки, на основании которых можно сравнивать данные понятия»¹. Сравнить следует только однородные предметы и понятия и только на основе существенного признака (*брат скромн, как и сестра*).

Логическому сравнению противопоставлено образное, или сравнение-уподобление, которое основывается на сопоставлении разнородных компонентов (*смелый как лев*) и в котором предметы не столько сравниваются, сколько уподобляются по общему признаку².

Среди образных сравнений выделяется особая группа устойчивых сравнений. Они представляют собой компаративные словосочетания, в которых проявляется устойчивая связь элементов: опре-

деленный объект сравнения привязан к определенному основанию (*красный как мак*). Устойчивые сравнения активно воспроизводятся в речи как целостные, готовые единицы и в этом сближаются с фразеологизмами*. Но значение устойчивых сравнений полностью определяется компаративными взаимоотношениями элементов в конструкции, и они обязательно нуждаются в средстве (союзе), указывающем на акт сопоставления³. Если устойчивое сравнение утрачивает средство сравнения, оно становится метафорой, и тогда можно говорить о его фразеологизации⁴ (*румяная, как кровь с молоком — румяная, кровь с молоком*). Таким образом, компаративные конструкции являются переходным звеном от употребления слова в прямом значении к метафоризированному выражению и полноценному фразеологизму.

Распространена точка зрения, что в ходе развития терминов цвета первоначально цвета обозначались опосредованно, путем сопоставления с предметами и явлениями природы аналогичного цвета: *белый как молоко, черный как уголь, желтый как солнце, синий как небо*. «Фон, на котором движутся фигуры (предметы, животные, люди), более постоянен и предсказуем, чем эти фигуры: небо (обычно — синее), земля (обычно — коричневая), трава (чаще всего — зеленая), солнце (желтое или блестящее), море (обычно — темно-синее), широкие снежные просторы (в норме — белые)». Использование типичных черт пейзажа при описании цвета является человеческой универсалией⁵.

Компаративные отношения предполагают факт сопоставления предметов и наличие признака, положенного в основу этого сопоставления. При разборе компаративных единиц мы выделяем субъект сравнения (то, что сравнивают), основание (признак в основе сопоставления), средство (союз) и объект (то, с чем сравнивают)⁶. Средствами сравнения в рассматриваемых языках выступают союзы *како, ко* (мак.), *si* (алб.). Кроме того, в македонском языке есть союз *неbare* ‘словно’, который достаточно редко встречается в сравнительных оборотах с цветообозначениями:

*А лицето ѝ е бело, неbare варосано сумче*⁷. [А лицо у нее белое как белая стена];

* Под фразеологическим оборотом понимается «лексически неделимая, воспроизводимая единица языка, состоящая из двух или более ударных компонентов, устойчивая в своем составе, структуре и целостная по своему значению» (*Вендина Т. И.* Введение в языкознание: учебник для академического бакалавриата. М., 2015. С. 210).

В переводе романа П. М. Андреевски «Пиреј» на албанский язык в этом контексте использован союз *si*: *Fytyrën e kishte të bardhë si një mur i lyer me gëlqere*⁸.

субъект сравнения	основание сравнения	средство сравнения	объект сравнения
<i>лице</i> <i>fytyrë</i>	<i>жолто</i> <i>e verdhë</i>	<i>како/ко/небаре</i> <i>si</i>	<i>лимон</i> <i>limon</i>

Македонский и албанский язык входят в ядро балканского языкового союза, то есть они обладают всем необходимым набором балканизмов, лингвистических и этнографических характеристик, присущих народам и языкам этих территорий. Влияние языков и культур друг на друга в ходе долгого конвергентного развития находит отражение в балканской картине мира⁹. Использование носителями наименований цвета в разных контекстах дает материал для рассмотрения способов окрашивания окружающего мира, позволяет обозначить общее и специфическое в языках и культурах македонского и албанского этноса.

Источниками материала послужили статьи в толковых и фразеологических словарях, произведения художественной литературы, материалы СМИ, записи в интернет-дневниках, на форумах и в социальных сетях. Такой разброс при отборе материала обусловлен низкой частотностью сравнительных оборотов с компонентом цвета в речи. Мы осознаем специфичность языка фольклора, которому присуща своя образность, специфику языка средств массовой информации, которые служат преимущественно утилитарным целям. При анализе примеров этому будет уделяться особое внимание в комментариях. Орфография источников сохраняется.

Согласно теории Берлина, Кея¹⁰ термины цветообозначения являются языковыми универсалиями и на определенном этапе, пройдя семь ступеней эволюции, все языки получают единый набор из 11 (12) базовых цветов. Македонский язык относится к группе языков с 11 терминами, албанский — к небольшой группе с двенадцатым термином для обозначения голубого цвета.

Общим для рассматриваемых балканских языков является преобладание сравнительных единиц с терминами первых двух ступеней эволюции системы цветообозначения (белый/черный, красный). Это обусловлено их древностью, первоочередностью, а стало

быть, и значимостью в мифологической модели мира. Триада «белое — красное — черное» выступает как универсальный символ культуры¹¹.

Ахроматические белый и черный не являются в полном смысле цветами. В паре они делили цветовые представления о мире на первых этапах эволюции обозначения цвета. Им присуще наибольшее число значений, дополнительные коннотации — например, белый цвет в народной культуре означает сакральность, красоту, свет¹², в то время как черный ассоциируется с несчастьем, мраком, нечистотой¹³.

Белый и черный могут считаться единственной парой антонимов в системе цветообозначения¹⁴. На отношениях антонимии основывается и языковая игра, то есть возможность употребления в противоположном значении для сопоставления контрастных признаков: *бел како катран* ‘белый как арап, как смоль’; *i zi si bora* ‘черный как снег’. Такие сравнения строятся по типу *бел како X*, где в качестве X выступает объект противоположного, черного цвета. Эта модель известна и в других языках, например, русском: *дела как сажа бела*. Среди X могут быть эталонные черные или белые объекты, входящие в устойчивые сравнения для черного / белого: *бел како арап* ‘белый как арап’, *бел како јаглен* ‘белый как уголь’:

Море бела, бела како арапка, море т’нка, т’нка како мечка (народная песня¹⁵ «Море чичо рече») [Ой белая, белая как арапка, ой стройная, стройная, как медведица].

Je e zeze si bora ne bjeshke / Je e keqe si molla ne vjeshte / Hidhet si mjalta, e zi si bora / Plak u befsha po te mora! (народная песня¹⁶ «Plak U Bafsha Po S'te Mora») [Ты черна, как снег на горном пастбище, / плоха, как яблоко осенью, / горька, как мед, черна, как снег, / пусть мне стать стариком, но все равно тебя возьму!].

В этих фольклорных текстах песен встречается традиционное для народной культуры восприятие белого (чистота, красота духовная и телесная) и оппозиционного ему черного цвета (болезненность, нечистота). Окаzionale использование же этих цветолексем в диаметрально противоположном значении в рамках компаративной конструкции с нестандартным объектом сравнения создает эффект комичности и обманутого ожидания.

По этому принципу порождаются и новые, авторские сравнения, основанные на современных идеях и реалиях:

*Тайната на сопругот «ке биде бело како квадрат на Малевич...»*¹⁷ [Тайна супруга «останется белой, как квадрат Малевича»].

Красный же противопоставлен ахроматическим цветам и является воплощением цвета как такового. Предполагается, что славянская лексема **црвен** происходит от названия красного червя *црв*: прасл. **čьrvjěny*, прич. прош. страд. от *čьrviti* ‘красить в красный цвет’ (др.-русск. *чървити*, серб.-цслав. *чръвити*), а последнее — от **čьrvь*, ср. народнолат. *vermiculus* ‘красный’ от *vermiculus* ‘червячок, кошениль, из которой добывали пурпурную краску’¹⁸.

i kiuq — ром. **cosceus* < лат. *coccineus* ‘scarlet’ — ‘алый’¹⁹ < *cossit* — 1) **кошениль** (насекомое из семейства червецов, содержащее красящее вещество ярко-красного цвета)²⁰.

В этом случае любопытно проанализировать примеры *црвен како кармин* и *i kiuq si kërmez*. *Кармин* в первом словарном значении толкуется как ‘ярко-красная краска’, «полученная из засушенных насекомых, кошениля»²¹, соответствующее толкование находим первым для албанского *kërmez*²². Лексема является заимствованием из турецкого *kirmiz*, где служит наименованием цвета и насекомого²³. Таким образом, в македонском и албанском языке одновременно существуют два слова, восходящих к наименованию одного насекомого, они выступают синонимами, но могут участвовать и в одной конструкции. Буквальным на диахроническом уровне переводом оборота *црвен како кармин* / *i kiuq si kërmez* будет ‘червяковый как червяк’, в современном языке это можно перевести ‘красный как губная помада’.

Для определения значения основных лексем **црвен** и **i kiuq** в словарях приводится сравнение с кровью:

Црвен *adj* 1. што има боја како **крв**²⁴. [Цвета крови];

Kiuq (i), -e (e) *mb.* Që ka ngjyrën e **gjakut**²⁵. [Цвета крови].

По славянским народным представлениям в крови сосредоточена жизнь, кровь выступает символом жизни, в ней заключена душа²⁶. Именно поэтому во многих языках есть стертые метафоры (в английском — *lifeblood* ‘источник силы’):

*Но сè уште крвта тече во моите вени, иако можеби и залудно*²⁷. [Но все еще кровь течет в моих венах, хотя может быть и напрасно];

*Ajo është ngjyra të cilën ne e mbartim gjithmonë, pavarësisht se nuk e veshim çdo herë! E kuqja është gjaku ynë, jeta!*²⁸ [Это цвет, который мы носим постоянно, хотя и не надеваем каждый раз! Красный — цвет нашей крови, нашей жизни!].

Именно поэтому это первая и главная ассоциация, которая отражена в словарях.

На предмет вхождения в сравнительные обороты в качестве основания были протестированы лексемы, обозначающие оттенки и синонимы, из турецкого языка: *ал*, *алов* ‘ярко-красный’, *багра* ‘пурпурный’, *гувезен*, *крмузен* ‘темно-красный’, *руен* ‘красный’, *црвеникав*, *црвенкаст* ‘красноватый’, *куқелинё*, *куқелаш*, *куқерремё*, *куқисhtë* ‘красноватый’, *бојёгјак* ‘кровавый’, *кёрмёз* ‘темно-красный’ и другие — с этими основаниями компаративных оборотов обнаружить не удалось. Такое сосредоточение на основной лексеме в качестве основания сравнения обусловлено тем, что лексемы, обозначающие оттенки красного, видоизменяют, модифицируют значение.

1. Наиболее частотное устойчивое сравнение для обоих языков — *како крв / si gjak* ‘как кровь’:

*Знамињата на овие простори се црвени, како и крвта која некој не должно ја лее!*²⁹. [Флаги в этих краях красные, как кровь, которую проливают безвинно];

*Në pjesën e poshtme të dritares së trenit tim është një balon i kuq si gjaku!*³⁰. [В нижней части окна моего поезда виднеется воздушный шарик, красный, как кровь].

2. 1) При описании лица и частей тела во втором словарном значении 2. *кој има боја блиска до бојата на крвта, румен*³¹ ‘цвета близкого к цвету крови, румяный’ в качестве объекта сравнения часто используются:

а) названия цветка: *како трендафил / si trendafil*, *црвен како ружица*³² ‘как роза’, *si zjarri lule* ‘как мак’, *како иглика* ‘как примула’:

<Пеперутка> *Црвена ко лале / в градина што цвета / слободна ко птица / високо што лета*³³. [<Бабочка> Красная, как тюльпан, / что в саду цветет, / свободная, как птица, / что высоко летает];

*Buze kuqe si trendafile!*³⁴. [Губы красные, как роза].

б) ягод, фруктов и овощей: *како патлицан* ‘как помидор’, *како јаблоко / si mollë* ‘как яблоко’

Црвен како тетоско јаблоко³⁵. [Красный, как тетовское* яблоко];
*Заби нема, а нè каса, / раце нема, а нè штупе, / ни го прави (кај ке стаса) / носот црвен како пипер*³⁶. [Зубов нет, а нас кусает, / рук нет, а нас щиплет, / нам делает (как настигнет) / нос красным как перец].

Цветолексема, используемая в загадке, не выступает в качестве цветового кода для зашифровки слова ‘мороз’, но описывает результат воздействия этого энигматического понятия на орган тела, следовательно, в данном случае цвет не осложнен контекстом фольклорного жанра.

Faqet kuq si molle moj lule. (народная песня³⁷ «Faqet kuq si molle moj lule») [Щеки красные, как яблоко, мой цветочек].

*Me ato faqe te kuqe si qerrshija, syte e bukur ne kaltersine e qiel-lit, vezullojshin si naten qe ndrite xixilloja*³⁸. [У нее щеки красные, как черешня, глаза красивые, как голубизна неба, блестели, как ночь, которую освещают светлячки].

Эти примеры демонстрируют позитивное восприятие такого цвета лица, и на русский можно перевести словом *румяный*.

в) *Красный* может использоваться при обозначении покраснения лица от смущения.

*И во одредени случаи, кога беше приморан да употребува безобразни вокабулари во живо, пред девојче, стануваше црвен како ротквица испечена на сонцето*³⁹. [В отдельных случаях, когда он был вынужден употреблять грязные слова прямо при девочке, он краснел, как редиска, поджарившаяся на солнце];

*Ju boj ti kuq si ngjyra e kuqe e samaforit*⁴⁰. [Вы заставили меня покраснеть, как светофор];

*E kuqe si një nuse*⁴¹. [Красная как невеста].

2) Кроме того, есть большое количество употреблений, связанных с болезненными покраснениями кожи:

* По названию города Тетово в западной Македонии.

Вашето лице често е црвено како туценка, или уште полошо — изгледате како тинејџер со тежок случај на акни и бубулицы⁴². [Ваше лицо часто красное как мак, или еще хуже — выглядите, как подросток с тяжелым случаем угревой сыпи];

Mua me rrin faqet tere kohen te kuqe kur rri ne ndonje ambjent te ngrohite.. E ne fakt ndihem pak ne siklet kur behem kuq si spec⁴³. [У меня щеки становятся красными, когда я вхожу в жаркое помещение. На самом деле мне немного неловко, когда я становлюсь красной как перец].

Сравнение типа *како рак* (как рак) также используется при образном описании нездорового покраснения тела, лица. Это уподобление связано с представлением о вареном красном раке (в албанском может быть ‘омар’), поэтому часто встречается при описании последствий обгорания:

Да не спомнувам дека од сонцето ми изгореа рацете и лицето на сега сум црвен како рак⁴⁴. [Не говоря уже о том, как у меня сгорели от солнца руки и лицо, а сейчас я красный как рак].

<Simptomat e sëmundjet tropikalle> Gojë dhe fyt i mbuluar solide skuqje të vogël të kuqe si karavidhe; në gojë, në anët e gjuhës gjatë fjalës dhe plagë të formuara dhe ulcerat; ajo shtohet, dhe kjo shpesh lindin blisters; buzët fort fryrë⁴⁵. [<Симптомы тропических болезней> Полость рта и горла покрывается сплошной сыпью, красной как рак; во рту, по боковым сторонам появляются ранки и язвочки; он набухает, часто покрывается волдырями; сильно опухают губы].

3. Красный — теплый цвет, и «хотя мы не обязательно представляем себе цвет огня как красный, тем не менее красный цвет у нас ассоциируется с огнем», аналогично тому, как желтый представляется «солнечным цветом», несмотря на то что солнце не всегда кажется желтым. Ассоциация между красным цветом и огнем подкрепляется существованием в рассматриваемых языках таких выражений, как *i skuqur* ‘жареный (бук. покрасневший)’, *i kuq si flake* ‘красный как пламя’, *како оган / si zjarr* ‘как огонь’, *како жар* ‘как жар’. «Стоит также отметить, что пожарные насосы и другие принадлежности пожарных команд выкрашены красной краской, что огнетушители красят в красный цвет и что красный цвет обычно используется как знак предупреждения об опасности

(например, в системе огней светофора). Можно предположить, что все эти факты отражают привычную связь между огнем и красным цветом»⁴⁶.

*Паметниот телефон е во три бои и тоа титаниумска, црвена, како изгрејсонцето и полноќно сина и е навистина софистициран додаток за елитата*⁴⁷. [Умный телефон трех цветов: титановый, красный, как рассвет, и полночный синий — он станет действительно элитным дополнением].

*Po Flamuri, gjysho, mos u lodh, / jo shkurt, tregomë më gjatë, / pse ka ngjyrë të kuqe si zjarri / lule kuqe, është si dielli?*⁴⁸ [А флаг, дедушка, только не поддавайся усталости, / поведай мне не коротко, но долго, / откуда у него цвет, красный как огонь, как пламя / красного цветка, как солнце?!].

Объектом в компаративном обороте может выступать драгоценный камень: *како рубин / si rubin* (как рубин), камни красного цвета или кирпич:

*На масата светкаа големите кристални чаши и бокали исполнети со црвено вино, црвено како најцрвените рубини вметнати мајсторски, на златните прстени, изработени од познатите дебарски златари*⁴⁹. [На столе сверкали большие хрустальные бокалы и графины, наполненные красным вином, красным, как самые красные рубины, искусно вставленные в золотые перстни, сделанные знаменитыми дебарскими* ювелирами];

Сравнения с красным цветом в основании могут использоваться при характеристике любых предметов:

*Ka nga këto bimë që rrinë të gjelbra dimër behar, ka që marrin ngjyrën e arit, ka që bëhen në vjeshtë të kuqe si paparunë!*⁵⁰ [Есть деревья, которые остаются зелеными и зимой и летом, есть такие, листья которых желтеют, а есть и такие, которые осенью становятся красными, как смущенная девушка].

4. Современные сравнения могут иметь ассоциации с историческими событиями: *црвен како бојата на револуцијата* ‘красный как

* По названию города Дебар в западной Македонии.

цвет революции’, *i kuq si lenini* ‘красный как Ленин’ — это значение отражено в словарных статьях и встречается в сравнениях:

*Мајка и’ Марија, Маџирка која татко и’ не ја давал за Мане, загинала од граната во Граѓанската војна, а неа ја задоиле со сок од Мајка и’ Марија, Маџирка која татко и’ не ја давал за Мане калинка, црвен како бојата на револуцијата*⁵¹. [Ее мать Мария, маджирка*, которую отец не отдал за Мане, погибла от гранаты во время Гражданской войны, и девочку кормили соком граната, красным, как цвет революции];

*Kemi ene tufen e internacionalistave, here e kuqe si Sovjetet, here e verdhe si Kinezet, here jeshile si Islamiket e here tufe pa identitet si post-materialistet*⁵². [У нас есть целая толпа интернационалистов: то красные как советские, то желтые как китайцы, то зеленые как исламисты, а есть толпа без самоопределения, как постматериалисты].

5. В народном сознании красный воспринимается как цвет страсти и сердца как метафоры любви: *црвено како страст и љубов* ‘красное как страсть и любовь’, *e kuqe si dashuria e fortë* ‘красная как сильная любовь’:

*Сонувам! Дека крвта моја е сега само црвена како љубовта што ја имам за тебе*⁵³. [Снится мне! Что кровь моя теперь красная как любовь, которую я испытываю к тебе].

*Tirana eshte e KUQE, si zemra e popullit patriot te Tiranes!*⁵⁴ [Тирана красная, как сердца патриотов Тираны!]

Особенность албанского материала состоит в том, что он обнаруживает большое количество примеров сравнения с цветом национального флага: *trendafila te kuq si flamuri shqiptar* ‘розы красные как албанский флаг’, *e kuqe si flamurtari i Vlores* ‘красная как знаменосец Влеры’. Цвет знамени у большинства албанцев ассоциируется с благородством, храбростью, щедростью, гордостью, но также и с кровной мстью. Красный цвет также воспринимается как символ пролитой крови в борьбе за свободу Албании. А в тексте одной косовской патриотической песни использован окказионализм — *flamurkuq* ‘флагокрасный’:

* Мухаджирами или маджирами называли в Македонии мусульман-переселенцев.

*Kuq e Zi me zemer shqiptari; / Flamurkuq si Adem Jashari*⁵⁵ [Красный и Черный с албанским сердцем; / Флагокрасный как Адем Яшари*].

Красный цвет можно назвать одним из самых значимых как для македонской и албанской культур, так и для балканского региона в целом. Предметы этого цвета (например, красные нити) используются в балканославянских народных ритуалах и обрядах: они служат оберегами от мифологических персонажей «бабиц», опасных для рожениц и младенцев⁵⁶, используются в обряде отпугивания опасных и вредоносных животных в осенние праздники: в Македонии они могут называться *Вучки празници*, *Влков празник*, *Мартинци*⁵⁷; «опасные» предметы-апотропеи (ножницы, части ткацкого станка) перевязываются красной нитью⁵⁸. Широко распространен весенний обычай делать из пряжи амулеты красного цвета, которые носят в качестве украшений на руке, привязывают к рогам животных, на ветви плодовых деревьев с целью обеспечения урожая и приплода скота⁵⁹: на территории Македонии обряд фиксируется преимущественно на западе и востоке и отсутствует на севере страны⁶⁰. Специфической балканской чертой является и обряд вывешивания 1 марта красного полотна, одежды красного цвета на доме, заборе, деревьях с целью умиловить «бабу Марту», персонификацию месяца марта в образе злой старухи: эта традиция встречается преимущественно в Болгарии⁶¹ и не зафиксирована на территории современной Македонии, несмотря на то что Пирин, где также наблюдается этот обычай, является пограничной зоной и относится к географической области Македония.

Элементы красного цвета обязательно присутствуют в национальном костюме. Самым распространенным сочетанием цветов в одежде выступает триада «белый — черный — красный», что сближает разные балканские народы⁶². Красный цвет в одежде македонцев преобладает, постоянно встречается в орнаментах и украшениях.

*Два конца парај од срцето, драги, / едниот црн е, а другиот црвен, / едниот буди морничави таги, / другиот копнеж и светол и стрвен*⁶³. (перевод О. Панькиной) [Вырви из сердца две нити, мой милый, / черную первой, а красную после, / черная нить — символ муки постылой, / красная — страсти, и сильной, и острой].

* Адем Яшари (*Adem Jashari*, 1955–1998) — один из идеологов Республики Косово, полевой командир Армии освобождения Косово, национальный герой в Республике Косово и Албании.

Красный цвет в албанском costume встречается преимущественно в женской одежде и в орнаментах одежды мужчин. В зависимости от региона встречаются более или менее насыщенные оттенки⁶⁴.

Tutankuqe moj belhollë / ma bën me sy ta bëj me dore. (народная песня⁶⁵ «Tutankuqe») [Красная юбка, ой, тонкая таляя, / ты мне подмигиваешь, я машу тебе рукой].

Сопоставление материала двух неродственных балканских языков еще раз подтвердило результаты, к которым исследователи приходили на материале разных других языков⁶⁶. Многочисленные примеры ассоциаций с наиважнейшими (такими как кровь или огонь) элементами окружающей действительности, с одной стороны, свидетельствуют в пользу теории о цветовых универсалиях, о перво-степенной значимости самого яркого из цветов, являющегося воплощением представления о цвете как таковом. С другой же стороны, подтверждается теория о «когнитивных зацепках»⁶⁷ при обозначении цвета, которые помогают человеку отражать свое видение мира в языке через использование пейзажа. При сопоставлении предмета красного цвета с предметами аналогичной окраски преимущество отдается тем «когнитивным зацепкам», которые остаются важными в жизни человека: общим сравнением для македонского и албанского помимо крови выступает сопоставление с пламенем огня. Специфической чертой албанской картины мира является благоговейное отношение к цвету национального знамени, сравнение с которым встречается на втором месте по частотности после крови (подобных выражений нет в славянском языке, несмотря на то что флаг Республики Македонии тоже включает красный цвет). Наконец, следом идут компаративные обороты, в которых в качестве объекта представлены названия красных соцветий и плодов. Более редко находим окказиональные выражения, обусловленные либо историческим контекстом, либо авторскими новациями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Кондаков Н. И. Введение в логику. М., 1967. С. 360.

2 Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л., 1978. С. 27.

3 Там же. С. 152.

- 4 Там же. С. 60.
- 5 *Вежбицкая А.* Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // *Язык. Культура. Познание.* М., 1996. С. 231–291.
- 6 *Огольцев В. М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии; *Ильцова Л. И.* Устойчивые сравнения с колоративным компонентом в английском и русском языках. Казань, 2009.
- 7 *Андреевски П. М.* Пиреј. Битола, 2008.
- 8 *Andreevski P. M.* Varoја. Shkup, 2005.
- 9 *Плотникова А. А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки. М., 2013. С. 38.
- 10 *Berlin V., Kay P.* Basic color terms: their universality and evolution. Los Angeles, 1969.
- 11 *Злыднева Н. В.* Белый цвет в русской культуре XX века // *Признаковое пространство культуры.* М., 2002. С. 424.
- 12 *Толстой Н. И.* Белый цвет // *Славянские древности. Этимологический словарь.* М., 1995. Т. 1 (А–Г). С. 151–154.
- 13 *Белова О. В.* Черный цвет // *Славянские древности. Этимологический словарь.* М., 2012. Т. 5 (С–Я). С. 513–518.
- 14 *Бандиловска-Ралтовска Е.* Антонимијата во семантичкиот систем на боите // *Современите лингвистички истражувања во македонистиката (Зборник на трудови од научниот собир 2011).* Скопје, 2012. С. 165–175.
- 15 *Нова Зора* — <http://novazora.gr/arhivi/> (дата обращения — 25.01.2016).
- 16 *Tekste shqip* — <http://www.teksteshqip.com/> (дата обращения — 25.01.2016).
- 17 *Tweet Tunnel* — <http://tweetunnel.com/> (дата публикации на сайте — 22.12.2010; дата обращения — 25.01.2016).
- 18 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. С. 820.
- 19 *Orel V.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 205.
- 20 *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.
- 21 *Дигитален речник на македонскиот јазик* — <http://www.makedonski.info>
- 22 *Fjalor i gjuhës së sotme shqipe.* Kryeredaktor Androkli Kostallari. Tiranë, 1980. F. 824.
- 23 *Русско-турецкий, турецко-русский словарь* — <http://demek.ru>
- 24 *Мургоски З.* Речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005. С. 896–897.

25 Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Kryeredaktor Androkli Kostallari. Tiranë, 1980. F. 920–921.

26 Белова О. В. Красный цвет // Славянские древности. Этимологический словарь. М., 1995. Т. 2 (Д–К). С. 647–651.

27 Форум Kajgana — <http://forum.kajgana.com/threads/> (дата публикации на сайте — 01.03.2007; дата обращения — 03.03.2014).

28 Gazeta Shqip — <http://www.gazeta-shqip.com/lajme/> (дата публикации на сайте — 20.07.2012; дата обращения — 25.01.2016).

29 И по, тоа! — <http://kihupotru.blogspot.ru/> (дата публикации на сайте — 01.03.2012; дата обращения — 15.01.2016).

30 Cufaj B. Shkëlqimi i huaj. Peja: Dukagjini, 2003.

31 Речник на македонскиот јазик (со српскохрватски толкувања) Скопје, 1966. Т. III (Р–Ш). С. 520.

32 Цепенков М. Македонски народни умотворби. Скопје, 1972. № 2648.

33 Димеска Б. Детето и пеперутката. 2013. — <http://www.ringeraja.mk/> (дата публикации на сайте — 03.03.2013; дата обращения — 25.01.2016).

34 TV2 Gostivar — <https://www.youtube.com/> (дата обращения — 25.01.2016).

35 Цепенков М. Македонски народни умотворби. Скопје, 1972. № 2649.

36 Мартиноска А. Гатанките и детските говорни игри — од фолклор до современи форми. Благоевград, 2005.

37 Tekste shqip — <http://www.teksteshqip.com/> (дата обращения — 25.01.2016).

38 Muzhani Gj. «Ndjeva ngrohtësinë e familjes — Nata e Shën Kolit». 2013. — <http://www.zemrashqiptare.net/> (дата публикации на сайте — 05.12.2013; дата обращения — 25.01.2016).

39 Bluebird — <https://www.bluebird.blog.mk/> (дата публикации на сайте — 23.03.2010; дата обращения — 03.03.2014).

40 Yeton Demushi — <https://www.yeton-demushi.webs.com/> (дата публикации на сайте — 03.2012; дата обращения — 03.03.2014).

41 Gazeta Shekulli — <https://www.twitter.com> (дата публикации на сайте — 21.08.2012; дата обращения — 25.01.2016).

42 Козметичарка — <http://www.kozmeticarka.mk/> (дата публикации на сайте — 04.2013; дата обращения — 25.01.2016).

43 Bebe dhe vogelushe — <http://www.bebevogelushe.info/> (дата публикации на сайте — 11.2014; дата обращения — 25.01.2016).

- 44 Форум Кайгана — <http://forum.kajgana.com/threads/> (дата публикации на сайте — 05.05.2012; дата обращения — 03.03.2014).
- 45 Your health — <http://youhealth-al.bolezni.in.ua/> (дата публикации на сайте — 25.01.2016; дата обращения — 25.01.2016).
- 46 *Вежбицкая А.* Обозначение цвета... С. 231–291.
- 47 Бизнес Инфо — <http://bi.mk/> (дата обращения — 03.03.2014).
- 48 *Kalana L.* Sa e madhe është Shqipëria. 2013 — <http://www.devulli.net/> (дата публикации на сайте — 06.02.2014; дата обращения — 25.01.2016).
- 49 Tags — <http://tags.blog.mk/> (дата публикации на сайте — 01.2011; дата обращения — 03.03.2014).
- 50 *Hoxha E.* Vite të vegjëlisë. 1962–1976. — Албанский национальный корпус — http://web-corpora.net/AlbanianCorpus/search/?interface_language=ru.
- 51 Patrik — <http://partik.blog.mk/> (дата публикации на сайте — 26.05.2012; дата обращения — 03.03.2014).
- 52 Peshku ra ujë — <http://www.peshkupaqe.com/> (дата публикации на сайте — 03.2015; дата обращения — 25.01.2016).
- 53 *Revecus@* — Письмо триесет и прво до мојата ненајдена љубов: Крв од црвено и сино. — 2015. — <http://revecus.blogspot.ru/> (дата публикации на сайте — 14.09.2015; дата обращения — 25.01.2016).
- 54 Panorama Sport — <http://www.panorama-sport.com/> (дата публикации на сайте — 06.01.2014; дата обращения — 25.01.2016).
- 55 Albadans Toplulugu — <https://www.facebook.com/> (дата публикации на сайте — 07.10.2012; дата обращения — 25.01.2016).
- 56 *Плотникова А. А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки. — М., 2013. С. 40.
- 57 *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 71.
- 58 Там же. С. 64.
- 59 Там же. С. 129.
- 60 Там же. С. 478.
- 61 Там же. С. 128.
- 62 *Friedman V.* Balkanisma of Color: Black, and White, and Red All Over // Балканский спектр: от света к цвету (Балканские чтения 11. Тезисы и материалы). М., 2011. С. 63–66.
- 63 *Конески Б.* Везилка. Скопје, 1955.
- 64 *Новик А. А.* Краситель — краска — цвет — свет в одежде и традициях албанцев // Балканский спектр: от света к цвету (Балканские чтения 11. Тезисы и материалы). М., 2011. С. 71–76.

65 Tekste shqip — <http://www.teksteshqip.com/> (дата обращения — 25.01.2016).

66 См. Kay, Berlin, Maffi, Merrifield, Cook. The World Color Survey. Stanford, 2009; Harkness S. Universal Aspects of Learning Color Codes: A Study in Two Cultures // American Anthropological Association. 1973. P. 197.

67 Вежбицкая А. Обозначение света...

A. Chivarzina

Comparative constructions «red as a»
in the Macedonian language in comparison with the Albanian

The article considers the general and specific features of the Macedonian and the Albanian language in the comparative constructions with the color term for red, its relevance in the mythological model of the world and its additional connotations. The article traces the similarities and differences in the meanings of this color term in two languages belonging to different genetic groups and interacting for a long time.

Keywords: *basic color terms, comparative constructions, «red as a», the Balkan languages, the Balkan Slavic customs.*

Н. А. Дарбанова
(Улан-Удэ)

Наивная геометрия русских говоров Бурятии: круглое в восприятии носителей народной культуры

В статье рассмотрены пространственные значения прилагательного *круглый* в речи современных жителей Бурятии и в памятниках XVIII в., а также отражение в его семантике некоторых специфических для русской традиционной народной культуры представлений об объектах, форма которых воспринимается как круглая, в наивной геометрии русских говоров Забайкалья.

Ключевые слова: *диалектная лексика, лексическая семантика, русские говоры Бурятии, языковая картина мира.*

Наивная геометрия реальной действительности является существенной частью пространственного постижения мира и характеризуется через геометрические понятия: угол, круг, квадрат и др.

Цель статьи — рассмотреть пространственные значения прилагательного *круглый* в русских говорах Бурятии и отражение в его семантике некоторых специфических для русской традиционной народной культуры представлений о форме объектов.

Источником фактического материала для нашего исследования послужили «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья»¹, «Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье»², а также записи речи семейских, сделанные автором в диалектологических экспедициях с 1991 г. до 2015 гг. Семейские — представители одной из групп русского населения Бурятии и Забайкальского края, потомки старообрядцев, переселенных в XVIII в. из районов юго-западной России, находящихся недалеко от городов Гомеля и Стародуба, на территорию Восточной Сибири. Кроме говоров семейских в Бурятии существуют русские старожильские говоры, которые занимают большую территорию по сравнению с говорами семейских, оказывая на них сильное влияние.

Круг является ключевым символом почти во всех национальных культурах и отражается в языке, мифологии, искусстве, обрядовой традиции, предметах быта и культа, поэтому этой геометрической фигуре посвящено достаточно много исследований этнографов, культурологов, лингвистов и др.: О. В. Беловой³, Ю. В. Гринкевич⁴, Н. Б. Мечковской⁵,

А. Н. Мухачевой⁶, Ю. Д. Тильман⁷, В. Н. Топорова⁸ и др. Прилагательное *круглый* репрезентирует представления о круге, поэтому мы обращаемся к исследованию значений этой лексемы, опираясь на данные речи жителей Бурятии, носителей современных русских говоров, а также материал словаря, отражающего русскую речь XVIII в. в Забайкалье.

В современном литературном языке семантика лексемы *круглый* такова: 1. Имеющий форму круга или шара; 2. Полный, совершенный; 3. Считаемый, вычисленный без дробных, мелких единиц счета; 4. О мере времени: весь, целый⁹.

В русских говорах Бурятии прилагательное *круглый* имеет значения:

1. Имеющий форму круга или шара или близкую к ним форму: *Бруква крупная: до двух-трёх килограмм доходить. Така круглая, белая* (Бич., Бич.); *У холодочке укруг дома бичирики* (гриб шампиньон, печерица) *растуть. Белый, толстый, круглый, ножка с палец* (Шарал., Мухор.); *Круглый пирох пяку, с ягодам: там брусники, малины накладёшь. Да кака ягода есь, тую и кладёшь, варенне, како есь, то и мажешь* (Шал., Тарб.).

2. Имеющий форму круга в поперечном сечении; округлый, имеющий форму цилиндра, конуса или близкую к ним: *Это вырубает в бревне паз и кладут друго бревно, как есь, круглый* (Б. Кун., Тарб.); *Паз-то под круглое бревно навроде чаши получается. Следующее бревно вроде у чашу кладёшь* (Б. Кун., Тарб.); *И матка кругла, на которой потолок держится* (В. Жир., Тарб.); // Сделанный из чего-либо, имеющего округлую форму: из бревен, жердей и т. п.: *У нас в доме ишо круглый потолок, это из неколоных* (не расколотых вдоль ствола) *брёвен. Дом-то давно строился* (В. Жир., Тарб.); *Стены в избе ровные, гладкие, а от потолок-то круглый и остался. <...> А евон скоба в потолке — для люльки, она раньше висела* (В. Жир., Тарб.).

3. Расположенный по кругу, круговой: *Лестуока* (старообрядческие четки) *у каждого есь, а как жа. Уж мы без няё никак ня можем. Она круглая сама и бобочки тожа круглые. У ей бобочки, их с палочек настрогаешь, вот и круглые. И молишься по ей, быдто по кругу идёшь* (Дес., Тарб.).

4. Цельный, неразрезанный, не разделенный на части: *Я уж вам круглой картошты сварю, чтоб побыстрей, от токо начишшу... Да варють-то круглую картошку просто: почистють яё, водой залють, посолють и ждуть, коды она скипить* (Бич., Бич.).

5. Имеющий квадратную, четырехугольную форму: *Было у нас два круглых дома уверьху. Они и сичас есь. Крыша-то круглая — че-*

тыре ската у ей, а сам-то он квадратный. Такой дом трудно делать, его только богатые строили (Над., Тарб.); *Круглая крыша — на все четыре стороны, фронтон не закрывать чтоб* (Дес., Тарб.); *Платок круглый купила. Да вот он* (показывает платок, имеющий форму квадрата). *Есть косинки, они быдто уголком, а этот платочек круглый* (Шал., Тарб.).

6. Полностью обладающий каким-либо качеством, свойством: *Круглый дурак, хворменный дурак, и как яго земля носить. Вот с имя бы ты уж намучилась-то* (Шал., Тарб.).

7. О мере времени: весь, целый: *В анбаре зерну ничё не случится. Там и дож не попадётся. Круглый год там яго хранили* (Н. Брянь, Заигр.).

Такие же значения зафиксированы нами и в старожильческих говорах Бурятии. Пространственные и непространственные значения слова *круглый* в русских говорах Бурятии, в целом совпадая с отмеченными в литературном языке, имеют некоторые отличия.

В наивной геометрии говоров круглыми являются предметы реальной действительности, имеющие форму, близкую к таким геометрическим фигурам, как круг, окружность, шар (или сфера), цилиндр, конус, квадрат.

Для говоров и в целом для русского языка не существенна заполненность / незаполненность внутреннего пространства окружности, отличающая в геометрии фигуры круга и окружности. Носители русских говоров Бурятии (и говоров семейских, и старожильческих) считают круглыми объекты, близкие по форме к окружности и кругу: *лестовку* 'старообрядческие четки', *венки* и *круговики*, *круг* 'круглый половик, связанный или сшитый из нарезанных полос ткани' и др.

В русских говорах Бурятии, как и в целом в русском языке, называются круглыми объекты, имеющие форму круга в поперечном сечении: цилиндрические, конусовидные: например, бревно, стакан и т. п. Очевидно, в данном случае для языкового сознания существенны закругленность, округлость формы объекта, отсутствие углов и граней, за исключением квадратных объектов. Так, например, *круглые стаканы* противопоставляются *гранатым* (граненым): *Ставь гранатые, круглые не надо* (о стаканах) (Шал., Тарб.); *круглое бревно* противопоставляется *бревну гранатому* — брусу (Мих., Киж.). В рязанских говорах также отмечается близкое значение прилагательного *круглый* 'неграненый, необработанный (о янтаре)'¹⁰.

Объекты, имеющие квадратную, четырехугольную форму (*дом, крыша, платок* и др.), также осознаются забайкальскими старооб-

рядцами и старожилами круглыми. Такое восприятие является специфическим для русской диалектной среды. Исследователи неоднократно отмечали употребление в народной речи лексемы *круглый* для именованя предметов такой формы: *круглый четырехугольник* ‘квадрат’; *круглая десятина* ‘десятина по 50 или 60 сажень в стороне’; *круглый дом, круглая изба* ‘чистая изба, на две половины, с сенями’¹¹; *круглый* ‘квадратный’ в самарских, ставропольских, ярославских, псковских, томских говорах; *круглая десятина* ‘мера земли в 3600 сажень (60 саж. × 60 саж.)’, ‘мера земли в 2500 сажень’ в тобольских говорах; *круглый дом* ‘дом с квадратным основанием’ в ярославских, донских, ставропольских, уральских, новосибирских, томских, приангарских говорах; ‘дом с четырехскатной крышей’ в донских, новосибирских, иркутских, томских говорах, русских говорах Бурятии; ‘дом, разделенный внутри крестообразной перегородкой на четыре комнаты’ в донских, среднеуральских, новосибирских, томских говорах; ‘пятистенок с четырехскатной крышей’ в подмосковных говорах; *круглая изба* ‘то же, что круглый дом’ в западносибирских, иркутских, донских говорах; *круглая крыша* ‘четырёхскатная крыша’ в смоленских, донских, среднеуральских, новосибирских, омских, томских, красноярских говорах и говорах Среднего Прииртышья¹². Прилагательное *круглый* в значении ‘квадратный’ зафиксировано в самарских, ярославских, томских говорах¹³.

В древнерусском языке *кругъ* известен с XI в., прилагательное *кругль, круглый* — с XIII в.¹⁴ В XI–XVII вв. в русском языке слово *круглый* было известно в значениях ‘круглый; округлый’, ‘спиральный, винтовой (о лестнице)’, ‘расположенный по кругу, круговой’, а также ‘имеющий квадрат в основании; квадратный’ (примеры, иллюстрирующие последнее значение, приведены из Архангельской летописи 1492 г. и Порядной 1652 г.); устойчивые словосочетания *круглая верста, десятина, сажень* — в значении ‘квадратная верста, десятина, сажень (количество круглых верст, десятин, сажень при измерении площади вычислялось путем деления полупериметра на два)’ (примеры словоупотребления, приведенные в словаре, относятся к 1629, 1632, 1680 гг.)¹⁵.

Круг и *круглый* восходят к общеславянскому корню **krōg*¹⁶; имеют индоевропейские соответствия, объединенные общей формой **kreng(h)*, трактуемой как расширенная глагольная основа **(s)kr-en-g(h)* ‘крутить, кружить, гнуть’¹⁷. Лексические единицы разных языков, восходящие к этой основе, связаны с идеей круга, кольца: в др.-в.-нем., др.-сакс. *hringon* ‘образовывать круг’, др.-в.-нем.

hring, нем. *Ring* ‘кольцо’, умбр. *krenkatrum*, *cringatro* ‘повязка, опоясывающая плечо, *cinctum*’¹⁸. То же и в русском языке; а идея квадрата, сопряженная с идеей круга, в настоящее время реализуется только в русской народной речи в словосочетаниях типа *круглая изба*.

Это объясняется тем, что в русском языке слово *квадрат*, иноязычное по происхождению, появилось достаточно поздно, в XV–XVIII вв.: *квадратум* отмечен И. И. Срезневским в памятнике 1499 г., *квадрат* — Н. А. Смирновым в тексте XVIII в., *квадратный* — И. Нордстетом в памятнике XVIII в., 1780 г.¹⁹; судя по данным словаря В. И. Даля, очевидно, до этого времени для обозначения предметов такой формы использовались словосочетания с прилагательным *круглый*²⁰, употребляющиеся в народной речи и до сих пор.

Можно предположить, что основанием для возникновения значения ‘квадратный’ у лексической единицы *круглый* является сходство в восприятии русского человека равносторонности квадрата и равноудаленности точек границы круга от его центра. Это свойство воспринимать квадратное в качестве круглого можно интерпретировать как отражение русской специфики и циклического («кругового») характера русской культуры²¹.

Употребление *круглый* при характеристике некруглых предметов, в частности углов деревянных построек, отмечалось на территории Забайкалья в XVIII в., судя по данным памятников письменности. По свидетельству «Словаря русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье», в речи русских жителей Бурятии XVIII в. употреблялось словосочетание *круглый угол*: *Углы у онаго анбара рубить круглые* (ф. 88, 1784)²². В словаре дается значение ‘способ соединения бревен в деревянной постройке, при котором делалось чашеобразное углубление’. Возможно, в дефиницию устойчивого сочетания *круглый угол* в «Словаре русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье» можно было бы включить дополнительную информацию о выступающих наружу концах бревен: ‘способ соединения бревен в деревянных постройках, при котором в бревнах делается чашеобразное углубление и их концы выступают наружу’, поскольку название *круглый угол* мотивировано и округлой формой выемки, которая вырубалась в бревнах, и круглой формой наружных выступов. Причем, скорее всего, именно внешний вид угла сруба определил его характеристику *круглый*. Так, в говорах семейских *круглый* имеет одно из значений ‘имеющий форму круга в поперечном сечении; округлый, имеющий форму цилиндра, конуса или близкую к ним’, и внешний вид в этом случае является определяющим. В других рус-

ских говорах: архангельских, брянских, томских — словосочетание *круглый угол* также употребляется в значении ‘внешний угол дома, имеющий выступ на четверть аршина’: *В замок и в лапу, и круглый угол рубят, кто как хочет*²³.

Кроме того, в русских говорах употребляется наречие *в обло* в значении ‘в строительстве крестьянских изб — способ рубки углов, заключающийся в том, что бревна связываются в простой угол с четким чередованием комля и вершины’ Бурнашев [без указ. места], Островский [без указ. места], 1856. Приангар., 1971²⁴. В «Словаре архитектурно-строительных терминов» приводится следующее толкование: «*В обло* (в чашу) — снизу вдоль вышележащего бревна вырубается полукруглая выемка по диаметру нижележащего бревна. В углах торцы бревен выходят за плоскость перпендикулярной стены. Чаша выбирается в половину бревна»²⁵. Русским говорам известно прилагательное *облый* ‘круглый’: курским, тамбовским, донским, уфимским, томским, сибирским, *облое дерево, облые дрова* ‘нераспиленные, нерасколотые дрова’ — обоянским, ‘выпуклый, рельефный’ — курским; *облое изваяние. Облое изваяние на камне*. Даль (без указ. места), а также пермским говорам; *При обработке корневищ, столбов, подпорок и балясин применяется резьба уже другого порядка — скульптурно-объемная, или «облая»* — северным говорам; *облой мерой* ‘о мере срубленного, но нераспиленного леса, неколотых дров’ Даль (без указ. места)²⁶. *В обло* родственно прилагательному *облый* ‘имеющий форму круга, шара, сферы; напоминающий по форме круг, шар, сферу’, ‘имеющий закругленные формы, округлый’ и др., наречию *обло* ‘в виде сферы’, с XII–XIII вв. известным в древнерусском языке²⁷, в наше время сохранившимся только в диалектной речи. Следовательно, угол, рубленный *в обло*, — *облый*, то есть круглый, значит, можно предположить, что *круглый угол* — это угол бревенчатого сруба, в котором бревна соединяются при помощи чашеобразной выемки, вырубленной в них, а также имеют выступающие торцы.

Эти примеры наглядно демонстрируют специфику восприятия круглых объектов носителями русских говоров: угол считается круглым, потому что наиболее заметные его части — выступающие концы бревен — круглые на спиле, а также в них вырубаются округлые выемки. Характеристика формы деталей этого объекта распространяется на характеристику всего объекта. Причем обычному носителю говора могут быть неизвестны детали строительства дома и способа рубки углов, поэтому считаем, что именно внешний вид

угла с выступающими круглыми торцами бревен мотивирует наименование такого угла как круглого.

Таким образом, анализ лексического значения прилагательного *круглый* русских говоров Бурятии позволяет нам выявить некоторые признаки пространственных представлений о *круглом* в наивной геометрии русской языковой картины мира:

— приближительность, схематичность в определении формы предметов, в целом свойственная языку, языковой картине мира в отличие от научной картины мира;

— двумерность трехмерных форм, обусловленная особенностью зрительного восприятия;

— существенность отсутствия граней, острых углов для дифференциации *круглого* от *некруглого* и противопоставленность *круглого* объектам с гранями, с углами, за исключением квадратных объектов;

— сходство равноудаленности точек границ круга от его центра и равносторонности квадрата;

— значимость визуального восприятия при определении формы предмета: перенос на целое (т. е. на угол) свойств зрительно воспринимаемых частей угла в срубе — выступов, имеющих круглую форму среза.

СПИСОК ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Бич., Бич. — с. Бичура Бичурского района.

Б. Кун., Тарб. — с. Большой Куналей Тарбагатайского района.

В. Жир., Тарб. — с. Верхний Жирим Тарбагатайского района.

Дес., Тарб. — с. Десятниково Тарбагатайского района.

Мих., Киж. — с. Михайловка Кижингинского района.

Н. Брянь, Заигр. — с. Новая Брянь Заиграевского района.

Над., Тарб. — с. Надеино Тарбагатайского района.

Шал., Тарб. — с. Шалута Тарбагатайского района.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Сост. Т. Б. Юмсунова, А. П. Майоров, Н. А. Дарбанова и др.; под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.

2 *Майоров А. П.* Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2011.

3 *Белова О. В.* Круг // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого: в 5 т. М., 2004. Т. 3.

4 *Гринкевич Ю. В.* Восприятие пространства в русскоязычной и англоязычной культурах (на материале пространственно-геометрических концептов *круг* и *квадрат*). Автореф. дис. ... канд. культурол. наук. М., 2006.

5 *Мечковская Н. Б.* К характеристике аксиологических потенциалов слова: Концепты 'круг', 'колесо' и их оценочно-экспрессивные дериваты // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000.

6 *Мухачева А. М.* Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003.

7 *Тильман Ю. Д.* Пространство в языковой картине мира Ф. И. Тютчева (концепт *круг*) // Логический анализ языка: Языки пространств.

8 *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983; *Топоров В. Н.* Пространство // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М., 1994. Т. 2.

9 *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 309.

10 Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Л., 1979. Вып. 15. С. 300.

11 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955. Т. II. С. 200.

12 Словарь русских народных говоров. Вып. 15. С. 300.

13 Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1987. Вып. 13. С. 24.

14 *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. М., 1958. Т. I. С. 1332–1334; *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 446.

15 Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. Ф. П. Филина, Г. А. Богатовой. М., 1981. Вып. 8. С. 80–81.

16 Этимологический словарь славянских языков... Вып. 13. С. 24; *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. С. 446.

17 Этимологический словарь славянских языков... М., 2005. Вып. 31. С. 26–27.

18 Там же.

- 19 Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. С. 390.
- 20 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. С. 102, 200–201.
- 21 Вывод о циклическом характере русской культуры сделан в: Гринкевич Ю. В. Восприятие пространства в русскоязычной и англоязычной культурах...
- 22 Майоров А. П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. С. 486.
- 23 Словарь русских народных говоров. Вып. 15. С. 301.
- 24 Словарь русских народных говоров. Л., 1987. Вып. 22. С. 104–105.
- 25 Словарь архитектурно-строительных терминов. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/stroitel/272>
- 26 Словарь русских народных говоров. Вып. 22. С. 144.
- 27 Этимологический словарь славянских языков... Вып. 31. С. 125.

N. A. Darbanova

The naive geometry in Russian dialects of Buryatia:
«round» in perception of folk culture's representatives

The article deals with spatial values of adjective *round* in speech of modern inhabitants of Buryatia and in the XVIII century writing monuments, as well as reflected in its semantics some specific Russian traditional folk culture representations of objects, whose shape is perceived as a round, in the naive geometry in Transbaikalian russian dialects.

Keywords: *dialect words, lexical semantics, Russian dialects of Buryatia, language picture of the world.*

Л. П. Лантеева

(Москва)

Русская литература XIX в. у зарубежных славян в оценках В. А. Францева

Статья посвящена изучению В. А. Францевым распространения знаний о русской литературе XIX в. среди славянских народов и ее влияния на литературы этих народов. Основное внимание уделено чешской и польской литературам, в которых наряду с позитивными оценками (у чехов) имели место резкие критические отзывы (у поляков).

Ключевые слова: *В. А. Францев, популярность творчества А. С. Пушкина у чехов, выпады польской литературной критики против А. С. Пушкина.*

Владимир Андреевич Францев (1867–1942) принадлежит к числу крупнейших представителей гуманитарных наук в России в первой половине XX в. Областью его исследований была филология, конкретно — славянские литературы. Весомый вклад В. А. Францева по достоинству был оценен современниками, но после Октябрьской революции 1917 г. был забыт ввиду его эмиграции в Чехословакию. В настоящее время о Францеве уже имеется значительная литература¹.

В. А. Францев родился в Царстве Польском в семье лекарского помощника. Отец его был православным русским, мать — полька католического вероисповедания. Будущий ученый окончил русскую Варшавскую гимназию, Варшавский университет, защитил магистерскую и докторскую диссертации и с 1900 г. работал в том же университете преподавателем кафедры истории славянских языков и литератур, пройдя все должности — доцента, экстраординарного и ординарного профессора. Со студенческих лет занимался изучением истории славянских литератур, что и стало основным направлением его исследований в течение всей жизни. Крупнейшими трудами Францева являются его монографии «Очерк по истории чешского возрождения» (Варшава, 1902) и «Польское славяноведение конца XVIII — первой четверти XIX столетия» (Прага, 1906). Огромной заслугой Францева перед наукой о славянах является издание источников по славяноведению, особенно переписки славянских ученых. Очень важны и другие работы Францева о межславянских литературных связях.

В Варшавском университете профессор читал лекции по всем славистическим дисциплинам практического и теоретического характера: славянские языки, литературы, этнография, древности, история славяноведения. За свои труды он получил европейское признание, являлся членом многих научных обществ и академий, а в 1915 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук. В начале Первой мировой войны университет эвакуировался из Варшавы в Ростов-на-Дону. В годы гражданской войны в России город стал центром пребывания Добровольческой армии. После установления там большевистской власти В. А. Францев выехал в Варшаву, а оттуда в Прагу, где стал профессором славянской филологии Карлова университета. В Праге он прожил до конца своих дней.

Из 316 названий библиографии трудов В. А. Францева² около 40 относятся к вопросу о значении русской литературы в духовной жизни западных и южных славян. При этом ученый одним из первых обратил внимание на это явление. Он собрал сведения о влиянии русской литературы на литературу славянских народов, о восприятии русской литературы славянами, об изданиях и переводах на славянские языки произведений русских писателей: Г. Р. Державина³, В. А. Жуковского⁴, М. Ю. Лермонтова⁵, А. С. Грибоедова⁶, А. В. Кольцова⁷, А. С. Хомякова⁸, Н. А. Некрасова⁹ и др. Написал В. А. Францев и ряд кратких очерков типа «Торжество русской литературы в Чехии»¹⁰, «Русские писатели у славян»¹¹ и другие подобные работы. Во время эмиграции Францев читал большой цикл истории русской литературы студентам Карлова университета в Праге. Особое внимание он уделял творчеству А. С. Пушкина¹² и Н. В. Гоголя¹³. Творчество этих двух корифеев русской культуры у западных славян подчас воспринималось неоднозначно, что вызвало критические исследования и рецензии ученого. Следует также подчеркнуть, что большинство работ Францева на указанную тему относится к чехам и полякам, что объясняется уровнем самой литературы этих народов, а также культурными контактами между ними и Россией.

Если в Варшавском университете профессор преподавал историю, языки славянских народов и пр., то в Карловом университете он сосредоточился на истории русского языка и литературы, древнерусской письменности и фольклора. В научной работе также произошла некоторая переориентировка. Главное внимание он стал уделять исследованиям по связям русских писателей и ученых с западными и южными славянами, и хотя он и раньше публиковал статьи на эту

тому, но более крупные исследования В. А. Францева появились в период эмиграции.

В письме к Е. Ф. Карскому, своему коллеге по Варшавскому университету, он сообщает из Праги, что занимается русской литературой: «написал статью о Хомякове по-болгарски¹⁴ и о Пушкине (для Slavii)¹⁵. Летом собирался издать чешский перевод “Игоря”¹⁶... Собираюсь издавать II том сборника Русского института в Праге. — После Мурка¹⁷ унаследовал Управление славянским семинарием. На старости лет все прибавляется работы»¹⁸. А в письме от 3 мая 1931 г. иронизирует над собой: «На старости я сызнова живу — и все больше погружаюсь в русскую литературу: становлюсь “молодым пушкинистом”, хотя знаю, что наши профессиональные знатоки Пушкина не любят, когда в их заповедных рощах разгуливают профаны»¹⁹.

Рассматривая вопрос о распространении русской литературы среди славян, В. А. Францев преимущественное внимание уделяет Чехии. Такой подход понятен: чешское культурное возрождение в первой половине XIX в. тесно связано с русской литературой, которая служила своеобразным источником для воспитания славянского самосознания и возрождения сильно германизированного чешского языка.

В статье «Державин у славян» В. А. Францев указывает, что интерес к русскому языку и литературе у чехов начинается с Й. Добровского, побывавшего в России в 1792–1793 гг. и оценившего источниковую базу, хранившуюся в русских библиотеках, для развития славянской филологии. Наряду с Добровским с русской литературой был хорошо знаком Антонин Пухмайер (1769–1820) — поэт и переводчик. От чешских ученых о творчестве Державина и переводе на чешский его оды «Бог» узнал Ян Коллар. В 20-е годы XIX в. с этой одой познакомился П. Й. Шафарик. В дальнейшем чешские литераторы стали подражать Державину. Всего в начале XIX в. было четыре перевода оды «Бог» на чешский язык. Что же касается статей и заметок о жизни и творчестве Г. Р. Державина, то они, по мнению Францева, были незначительны и по размерам и по достоинству.

На словацкий язык ода Державина «Бог» переводилась пять раз, и весьма удачно. Впервые же она была напечатана в 1838 г. в подлиннике, чешским правописанием словацким писателем Карелом Кузмани.

В. А. Францев также отмечает наличие переводов произведений Г. Р. Державина и на южнославянские языки. Популярности творчества русского писателя способствовали высокие литературные до-

стоинства его поэзии, «поразившие современников величиим и смелостью новых звуков и образов, а также высокое значение России екатерининской эпохи и начала XIX в. как фактора европейской политической жизни». Единственная независимая славянская держава, блиставшая военными успехами и высоким развитием культуры, науки и особенно литературы, пользовалась среди славянских народов особой симпатией²⁰.

Меньше было знакомо чехам творчество В. А. Жуковского в начале XX в., когда была опубликована статья В. А. Францева «Чешские переводы произведений В. А. Жуковского». Творчество русского писателя было незнакомо Ф. Палацкому, который лично его знал и уважал. Первый перевод лирических произведений Жуковского принадлежит известному чешскому поэту, деятелю национального возрождения Ф. Л. Челаковскому. Другие переводы относятся к более позднему времени — к столетней дате со дня рождения Жуковского, когда было написано несколько юбилейных статей о нем. В статье Францева приводится стихотворение Святоплука Чеха под названием «Жуковскому» (на чешском языке).

К числу русских поэтов, с которыми рано познакомился чешский читатель, принадлежит А. В. Кольцов. Любителей русской поэзии в Чехии привлекала простота и неподдельная искренность его творений. Первое известие о Кольцове появилось в 1838 г. в журнале «Kwety», а перевод стихотворения «Могила» был сделан в 1852 г. Особенно удались переводы стихов Кольцова Ф. Л. Челаковским, отличающиеся такой же прямоотой и изяществом форм, какие свойственны оригиналу. В. А. Францев упоминает о том, что чешские переводчики Кольцова обращают внимание на сходство в основных мотивах творчества между русским поэтом и чешским народным поэтом Й. Сладек: любовь к природе и крестьянскому быту²¹.

В. А. Францев также писал библиографические обзоры, краткие заметки о произведениях других русских писателей. Он публиковал рецензии на переводы стихов М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, Н. А. Некрасова. Специальное исследование посвятил восприятию творчества Н. В. Гоголя у чехов²².

В творчестве В. А. Францева большое внимание уделено влиянию А. С. Пушкина на литературу славян и распространению его произведений. Однако главное внимание ученый сосредоточил на вопросе отражения его творчества в чешской литературной среде. Францеву принадлежат два десятка статей, рефератов, заметок о творчестве А. С. Пушкина, а также одна серьезная монография.

Первую статью под названием «А. С. Пушкин в чешской литературе» В. А. Францев опубликовал в 1898, в ней было, в частности, указано на переводы 1833 г., принадлежащие знаменитому чешскому поэту периода чешского возрождения Ф. Л. Челаковскому. Далее автор статьи перечисляет другие переводы произведений А. С. Пушкина на чешский язык и приводит их список — около 200 названий, а также литературу о Пушкине на чешском языке за 1837–1894 гг.²³ Впоследствии этот список был Францевым дополнен в небольшой заметке, напечатанной в «Литературном вестнике»²⁴. В юбилейном 1899 г. Францев опубликовал целую серию статей, посвященных известности произведений А. С. Пушкина у славянских народов. В этих статьях ученого говорится не только о переводах произведений Пушкина на славянские языки, но и о том, что пушкинская муза оказывала прямое влияние на славянскую литературу, например, у хорватов и словаков²⁵.

В более поздний период проблема «Пушкин и славяне» была разработана несравненно более обстоятельно²⁶, но В. А. Францев первый в историографии обратил внимание на этот вопрос. Он знал лично некоторых славянских авторов статей об А. С. Пушкине, поэтому его сведения заслуживают высокого доверия.

В одной из статей о Пушкине В. А. Францев пишет, что «чешская литература имеет такое обилие переводов произведений русских писателей, каким едва ли могут похвалиться другие славянские литературы. Уже с начала XIX в. начинается знакомство чешских писателей с произведениями русской изящной словесности», и «чешское общество, можно сказать без всякого преувеличения, знакомо в настоящее время с выдающимися произведениями всех наших лучших писателей». Это знакомство оказало несомненное влияние на чешскую литературу²⁷. Соглашаясь с этой характеристикой, необходимо отметить, что оценки чехами русской литературы не всегда были только положительными.

В первой половине XIX в. в России стало развиваться научное исследование славян. В правительственных кругах в конце 1820-х гг. возникла мысль о создании специальных кафедр славянских наречий и литератур в некоторых университетах Российской империи. Однако свои кадры отсутствовали, и было решено пригласить иностранцев на профессорские должности. Выбор пал на чехов: в Чехии в это время национальное возрождение языка и культуры делало определенные успехи. Появились ученые, посвятившие себя исследованию прошлого славянства, прежде всего своего народа,

но также и других славян. Среди приглашенных на должность университетского профессора был П. Й. Шафарик, уже известный своими трудами о славянах. Однако он под разными предлогами, среди которых был, в частности, холодный климат в России, который не нравился его супруге, в Россию не поехал. Не состоялось и другое приглашение Шафарика в Россию в начале 1830-х гг., так как ученый искал себе место в университетах Австрии и постоянно просил отсрочки в решении вопроса. В конечном счете Российская академия отказалась от приглашения чехов и командировала молодых магистров за границу для обучения славянским языкам и общего знакомства со славянством.

Истинные причины отказа П. Й. Шафарика на приглашение приехать в Россию стали известны значительно позднее, когда Шафарик стал уже известным ученым, создавшим первопроходческие произведения по славянским древностям и славянской этнографии. Шафарик пользовался в России большим авторитетом и уважением, но сам он таких чувств по отношению к России и ее литературе не разделял. Своему коллеге Яну Коллару он писал: «Роскошные плоды ума Батюшкова, Жуковского, Пушкина и пр. и пр. — суть цветы дилетантизма, сад, в коем они возросли, не народ славянский. Без политической жизни народы — нули; на севере народ — ничто... Под 60 градусом никогда не возникнут славянские Афины, ибо без свободы нет Афин... Если Вы полагаете, что под шестидесятым градусом когда-либо разовьется и расцветет истинная славянская мысль, тогда я не могу и не хочу спорить с Вами, — я к этому мнению никогда не присоединюсь»²⁸. Таким образом, на основании достоверных данных В. А. Францев более точно определил причину отказа Шафарика принять предложение о приезде в Россию. Чешскому ученому Россия была несимпатична, и ее культуру он не ценил. Однако эта «нелюбовь» не мешала будущему чешскому слависту использовать плоды трудов русских ученых — путешественников по славянским землям — в своих сочинениях. Именно И. И. Срезневский, В. И. Григорович, О. М. Бодянский, М. П. Погодин и др. снабжали Шафарика материалами из числа находок во время своих путешествий, из архивов и библиотек России и славянских стран и обеспечивали чешскому коллеге источниковый фундамент его сочинений. Доказательством этой стороны научных связей Шафарика с русскими учеными являются два огромных тома его переписки, изданных В. А. Францевым²⁹. Также не стеснялся чешский корифей получать материальную помощь от министерства народного просвещения России, отдельных

меценатов и русских коллег. Кстати сказать, эту помощь Шафарик не только не афишировал, но прилагал немало усилий к тому, чтобы о ней никто не знал.

Лукавил чешский ученый и относительно неславянских корней литературного творчества русских писателей. Даже враждебно настроенные к России польские литераторы называли А. С. Пушкина русским народным писателем. Иное отношение П. Й. Шафарика наблюдается к творчеству Н. В. Гоголя, которого он считал большим знатоком Малороссии и одним из первых писателей. В. А. Францев отмечает, что в Праге и вообще Чехии Гоголя знали и читали раньше, чем появились в печати первые чешские переводы. Первым переводчиком повестей Гоголя в Чехии была жена Шафарика, но о публикации этих переводов сведений нет.

Первым произведением Н. В. Гоголя, появившимся в переводе на чешский язык, стал «Тарас Бульба», опубликованный в журнале «Květy» в 1838 г. В 40-е гг. XIX в. переводами стал заниматься К. Гавличек-Боровский — известный чешский публицист и поэт. В статье «Н. В. Гоголь в чешской литературе» (1902) В. А. Францев рассматривает вопрос о том, насколько чехи понимали произведения русской литературы и в какой мере знакомство с ними отразилось в тогдашней чешской словесности. Гавличек-Боровский в 1842 г. был приглашен в Россию в качестве воспитателя детей М. П. Погодина, но стал учителем детей профессора Московского университета С. А. Шевырева, в доме которого собирался цвет русской литературы. У Шевырева был и склад сочинений Н. В. Гоголя, с этого склада они доставлялись книгопродавцам. Но знакомство Гавличека-Боровского с русской литературой не отличалось ни глубиной, ни широтой. В 1843 г. он писал своему другу К. Заку: «Русская литература во все не в таком блестящем состоянии, как мы обыкновенно думали... Перед нашей чешской она имеет лишь то преимущество... что у нее есть деньги... Доселе я знаю только одного Гоголя: все прочие (и с Пушкиным) составляют только, так сказать, *imitatorumprecus*». Таким образом, по мнению Гавличека-Боровского, вся тогдашняя русская литература не представила для него ничего достойного внимания, за исключением одного Гоголя. Собираясь покинуть к осени 1844 г. Москву, Гавличек пишет тому же адресату: «Я насытился уже русскими полубубками... По-русски я уже знаю... но для меня как будущего преимущественно беллетриста даже русская литература не имеет цены; всю премудрость, которая мне нужна, я могу унести с собой на спине»³⁰. Такая оценка всей русской литературы свидетельствует

о том, что К. Гавличек не был осведомлен о состоянии русской литературы первой половины XIX в. Он не слышал ни о Жуковском, ни о Лермонтове, ни о Крылове, ему были неизвестны ни Грибоедов, ни многие другие писатели. И трудно определить, чего больше было в суждениях Гавличека — западного снобизма или невежества, от которого он не мог избавиться, несмотря на то что в Москве имел в своем распоряжении богатейшую библиотеку профессора-словесника Шевырева, библиотеки Бодянского и Погодина, а также Московского университета. Творения Н. В. Гоголя заинтересовали молодого чеха своей «забавностью». Учитель детей Шевырева приступил к переводу на чешский язык некоторых повестей русского писателя. Он перевел «Старосветских помещиков», «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», намереваясь их опубликовать для забавы читателей журнала «Zrcadlo».

Переводы Гавличека, по мнению В. А. Францева, далеки от совершенства. Для работы над сочинениями Гоголя необходимо знать реалии — русскую жизнь. А этими знаниями Гавличек не обладал. Францев отмечает, что все переводы отличаются большой близостью к оригиналу, хотя не всегда переводчик надлежащим образом понимает русский текст³¹. Так, в переводе «Мертвых душ» в 1849 г. Францев находит такие несуразности: выражение Гоголя «на закуске после обедни» Гавличек перевел «*nasvaině*», то есть выражение «после обедни» понял как «после обеда», «казенная палата» Гавличек перевел как «земский суд», «подмигивающий глаз» — «*šilhavé oko*», то есть «косой», и т. д. По возвращении в Чехию Гавличек опубликовал некоторые повести Гоголя, но, публикуя сочинения русского писателя, переводчик не понимал их истинное значение для литературы. Для этого нужно было быть более образованным — знать сочинения писателей догоголевского периода, древнюю письменность, русские летописи. Ничего этого Гавличек не знал и не изучал. В Гоголе он видел только комическую сторону, Гавличек не понял великое социальное значение «Мертвых душ» и влияние этого произведения на русскую литературу, глубокое проникновение художника-мыслителя в тайники души русского человека — все это осталось для Гавличека закрытой книгой, открыть которую он не сумел. Смесь слез и смеха, «внешний смех и тайный плач» — основные черты творчества Гоголя были не замечены Гавличеком, и Гоголь в его изображении предстал лишь юмористом, «забавным пересмешником», без той «думы скорби на челе, которая неразлучна с верным его портретом»³², — говорит В. А. Францев. Таким образом, К. Гав-

личек-Боровский, поселившись в России в сытом, богатом доме русского профессора, русской литературой не интересовался, ее не знал и знать не хотел. Ему самому были больше по душе «забавы» типа охоты на волков, вместо сидения в пыльных архивах и на неинтересных ему лекциях профессоров Московского университета, тем более что, по высказыванию С. В. Шевырева, комическая сторона сочинений Гоголя «приходилась по сердцу его наклонности к смешному». В Россию он приехал со сложившимся в среде германизированной интеллигенции стереотипом — страны деспотической и варварской, из которой, по примеру Шафарика, можно извлечь пользу для своих целей. Однако в чешской литературе были и другие суждения о русских писателях, в том числе и Гоголе. Так, в сборнике, вышедшем в 1847 г., где была опубликована повесть «Тарас Бульба», критик, оценивая сочинение, говорил, что произведение навсегда останется замечательным явлением русской беллетристики, величественным и могучим дубом на рубеже поэзии и прозы. Не менее восторженно «Тараса Бульбу» оценивали чешские критики и позднее при повторных изданиях повести. Далее В. А. Францев рассматривает переводы произведений Гоголя, сделанные во второй половине XIX в. Теплые слова о Гоголе были сказаны в чешской печати в связи со смертью русского писателя.

Постепенно качество переводов его сочинений на чешский язык улучшалось. Публиковались также биографические очерки и характеристика литературной деятельности. И хотя и во второй половине XIX в. встречались поверхностные характеристики сочинений Гоголя, неоднократные переводы одних и тех же произведений русского писателя свидетельствовали о том, что Гоголь имел в Чехии читательскую аудиторию, которая не только «забавлялась», но и размышляла над глубоким смыслом произведений русского гения.

Вопрос об отношении польской литературы к русской В. А. Францев освещал в эмиграционный период своей жизни. В отличие от работ доэмиграционного периода, отличавшихся перечислением фактов переводов, публикаций произведений русских писателей, редко содержащих оценки и характеристику причин популярности (или непопулярности) творчества того или иного русского писателя у славян, при освещении русско-польских литературных отношений Францев поставил своей задачей познакомить русского читателя с литературной и общественной атмосферой, с теми течениями и вкусами, которые благоприятствовали восприимчивости творений русских писателей. Так, в освещении вопроса о вос-

приятии творчества Г. Р. Державина в польской политической и поэтической литературе Францев подчеркивал, что в начале XIX в. ярко проявлялось стремление к сближению в развитии культурных взаимоотношений между русскими и поляками и перечислял, кто из польских деятелей культуры разделял эти стремления. В. А. Францев отмечает, что в Польше передовые люди, как, например, Ю. Немцевич, положительно оценивали заслуги Александра I в развитии просвещения, наук и искусств в России и достигнутые русским народом успехи в этих областях. И в русском обществе наиболее передовые элементы проявляли несомненный интерес к полякам. В духе романтизма Францев заключает свое рассуждение утверждением, что интерес к полякам у передовых элементов русского общества объясняется их общеславянским чувством. В связи с этим, по мнению Францева, в Польше особенно известны были имена Карамзина, Державина, Дмитриева, Крылова, Батюшкова и др. Наиболее обильными в польской литературе были переводы произведений Г. Р. Державина. Знакомы с литературными заслугами поэта были и члены Варшавского общества друзей наук, где еще в 1802 г. Державин был избран в почетные члены. Рассматривая далее многочисленные переводы оды Державина «Бог», ученый находит их неудовлетворительными за малым исключением. Много места русской литературе отводил А. Мицкевич в своих парижских лекциях по славянским литературам. Эти лекции польского поэта содержат оценку творчества Державина, что представляется единственным опытом в славянских литературах характеристики и оценки его творчества³³.

После 1830–1831 гг. отношение поляков к русской литературе изменилось. «Передовые люди» польского общества не только утратили интерес к русской литературе, но и объявили ее варварской и подражательной. Не был исключением и А. Мицкевич. В дело вступила политика, поглотившая литературу и все то гуманное и возвышенное, что ценили поляки до событий 1830–1831 гг. А. С. Пушкин оказался русским шовинистом, В. А. Жуковский — эпигоном западной литературы, другие получили иные уничижительные характеристики. А дело было в том, что «передовые люди» у поляков проиграли очередную битву с русским царизмом. Восстание польской шляхты 1830–1831 гг. было жестоко подавлено русскими войсками. Стремления «передовых» польских деятелей восстановить Речь Посполитую в границах 1772 г., то есть до разделов этого государства между тремя соседними державами, окончились крахом. Участники

восстания пополнили ряды польских узников в сибирских рудниках и распространились по Европе как эмигранты. Там, в эмиграции, началась травля русской литературы, протянувшаяся на целое столетие. 150-летие первого раздела Польши всколыхнуло польскую историографию и литературоведение, и в печати появились разнообразные сочинения. В. А. Францев ответил на них монографией «Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг.», вышедшей из печати в Праге в 1929 г.³⁴ Работа является самым крупным произведением ученого в период эмиграции. В 1934–1935 гг. Францев опубликовал еще три небольшие статьи на польский сюжет: «Пушкин и граф Потоцкий»³⁵, «Неизвестный перевод “Кавказского пленника” Пушкина»³⁶ и «Пушкин учит польский язык»³⁷.

В книге «Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг.» В. А. Францев приводит исторический комментарий к стихотворениям поэта «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Оба стихотворения были написаны Пушкиным под непосредственным впечатлением пережитых событий. Францев решил дать в своем сочинении исторический фон, который помог бы верному пониманию и оценке реакции Пушкина на волновавшие его политические события.

В. А. Францев констатирует, что сразу после событий польская критика не реагировала на стихотворения А. С. Пушкина. Причины молчания понятны. Восстание было разгромлено, его участники разбрелись по Европе и начали кампанию против России. В воззваниях, которые поляки распространяли в Европе, они говорили, что они подняли оружие против царской тирании, боролись за общую свободу польского и русского народа. Во Франции эти воззвания пользовались сочувствием. Борьба с деспотизмом была популярна во всей Европе. Во Франции не только публицисты, но и палата депутатов неоднократно выражали свои симпатии восставшей Польше, указывали на угрозу со стороны деспотической России только что завоеванным свободам французского народа, отмечали великую историческую роль Польши, задерживающей русское нашествие и охраняющей европейскую культуру от русского варварства.

А. С. Пушкин читал европейскую печать, ему были хорошо известны европейские взгляды на Польшу как спасительницу европейской культуры. В заметках «О русской литературе с очерком французской» (1834) он указывал: «Христианское просвещение было спасено истерзанной и издыхающей Россией, а не Польшей... но Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна»³⁸. По мнению В. А. Францева, Пушкина возмущало

враждебное отношение Западной Европы к России. Европа не хотела знать, что поляки ведут борьбу не за свободу, а за восстановление Польши в границах 1772 г., то есть включая Белоруссию, Литву и Украину, народы которых долго стонали от произвола польской шляхты, религиозных преследований и безнаказанности польской администрации. Пушкин историю знал и осуждал выступления поляков как неправомерные, вовсе не хотел их уничтожения или даже унижения, а желал им свободной жизни в их этнических границах. Подход Пушкина к событиям 1830–1831 гг. объясняется, по мнению Францева, патриотизмом русского поэта, который понимал вред польского «мятежа» для национальных интересов России.

Как указывалось, стихотворения Пушкина в Польше нашли отклик только спустя некоторое время после их написания. Даже А. Мицкевич в своих парижских лекциях 1840–1843 гг. не отозвался на них. Наиболее подробному разбору оба стихотворения подверг В. Д. Спасович в лекции «Пушкин и Мицкевич у памятника Петра Великого». В ней он, объясняя причины написания стихотворений Пушкиным, указывал на раздраженный патриотизм поэта и предполагал, что Пушкин рассчитывал на некоторые льготы у царя в смысле большей литературной свободы. Но Спасович, по мнению Францева, позволил себе бесцеремонное обращение со стихом поэта, вольность в толковании образа и большое безвкушие как критик³⁹.

В. Д. Спасович принадлежал к русскому литературному миру, поэтому высказался сдержанно. Но его статья вызвала комментарии краковского профессора, историка польской литературы Станислава Тарновского, который сам сочинений Пушкина не знал, однако статья Спасовича «раскрыла ему глаза, объяснила ему истинную моральную ценность величайшего русского поэта». По мнению Тарновского, «Пушкин был действительно поэт глубоко национальный, совершеннейший выразитель понятий и чувств своего народа, которые он всецело разделял. В этом его великий недостаток, тут он морально столь же ничтожен, как и его народ!»⁴⁰. Указав на других польских критиков стихотворений Пушкина, В. А. Францев останавливается на «Очерках» польского ученого Вацлава Ледницкого. Этот автор создал, в сущности, большой обвинительный акт против Пушкина. Поэт представляется ему «пожирателем поляков». Его стихи, по Ледницкому, были актом солидарности с Николаем I, политической программой поэта. В них якобы проявился его ужасающий националистический эгоизм, вообще они являются гадкой публикацией, в которой Пушкин занял непримиримую ультранационалистическую

позицию. Для Ледницкого после всех длинных экскурсов в область истории или литературы стихотворения Пушкина остались «гимном торжествующего хама»⁴¹. Таким образом, несмотря на широкое знакомство с пушкинской литературой, для Ледницкого отношение к выступлению Пушкина осталось тем же, каким оно было у всех его польских предшественников XIX в.

В группе польских «судей» поэта, по мнению В. А. Францева, особенной резкостью, но в то же время и поверхностностью отличается И. Кухаржевский, опубликовавший в 1923 г. большой политический памфлет «От белого до красного царя». Он писал, что Пушкин — «платный синекурист, нечто вроде казенного историографа, он не только не сочувствовал войне поляков, но даже требовал скорого и строгого подавления его (?). Отношение Пушкина к войне польского народа за свободу ничем не отличалось от отношения Николая, Бенкендорфа, Паскевича»⁴².

Подводя итог высказываниям польской литературы по поводу А. С. Пушкина и его стихотворений, В. А. Францев резюмирует: «Таково было неизменное отношение польского общества к произведениям Пушкина, порицаемым и осуждаемым его антагонистами, прежде всего за русскую точку зрения поэта на основную причину “домашнего спора”, настойчиво и последовательно отвергаемую всей польской исторической литературой и общественностью, расхождение оставалось долго и остается поныне непримиримым»⁴³.

Таким образом, польские литераторы и через столетие после восстания 1830–1831 гг. не дали себе труда вникнуть в суть позиций Пушкина. Выступая сами как патриоты, они отказывают в праве на патриотизм русскому поэту. Вся польская литература была склонна зачеркнуть достоинства Пушкина-поэта, его вклад в мировую литературу за то, что он позволил себе иметь чувство патриотизма.

Что касается литературы других славян, их отношения к стихотворениям А. С. Пушкина и его творчеству в целом, то оно было уважительным и беспристрастным. Они не вкладывали в его содержание политического смысла, хотя, например, большинство чешских литераторов отрицательно относились к факту подавления восстания 1830–1831 гг. русской армией и поддерживали поляков. Францев считает, что Пушкин ко времени польского восстания продолжал оставаться свобододобивым и вольно мыслящим поэтом и человеком, он не желал зла полякам, в чем его обвиняют оппоненты. Он считал, что все славянские народы должны жить в свободном братском союзе. Францев подчеркивает, что выступление поляков про-

тив России Пушкин квалифицировал как действия несправедливые, поскольку поляки претендовали на территории, принадлежавшие по историческому праву России, так что восстановление Польши в границах 1772 г. нанесло бы ущерб и национальным интересам, и величию России. Пушкин выступал как патриот, защищавший родину от западных хулителей. Этой позиции ему не могли простить русские либералы, фрондирующие против правительства, и люди космополитических взглядов, и польская литературная критика.

Невольно задаешься вопросом, почему ученый, начав исследование о значении творчества Пушкина для славянской литературы еще в конце XIX в., написал наиболее содержательную книгу на исходе своего творчества, находясь в эмиграции? На наш взгляд, решающим обстоятельством явилась именно та негативная оценка творчества Пушкина, которая сложилась в Польше после восстания 1863–1864 гг., проходившего под старым лозунгом восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г. и подавленного русской армией. В конце XIX в., когда начиналась педагогическая и научная деятельность Францева, польско-русские отношения снова обострились. На этот раз основным объектом атаки со стороны поляков стал русский Варшавский университет, профессором которого был Францев, подвергавшийся суровой критике польской публицистики. Этот факт тоже может объяснять то, что ученый откровенно высказал свои убеждения только тогда, когда уже не жил в Польше.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Литературу о В. А. Францеве и наиболее подробную характеристику его творчества см.: *Лантева Л. П.* История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX вв. М., 2012. С. 288–375.

2 *Francev V. A.* Bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho činnosti. Theodor Syllaba. Praha, 1977.

3 *Францев В. А.* Державин у славян. Из истории русско-славянских взаимоотношений в XIX столетии. Прага, 1924.

4 *Францев В. А.* Чешские переводы произведений В. А. Жуковского и статьи о его жизни и литературной деятельности // В память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. СПб., 1902. С. 47–51.

5 *Францев В. А.* [Рец. на кн.:] M. J. Lermontov. Hrdina naší doby. Praha, 1911 // Русский филологический вестник (РФВ). 1911. Т. 65. С. 264–265.

6 Францев В. А. [Рец. на кн.:] A. S. Griboedov. Noře z rozuma... Прага, 1913 // РФВ. 1914. Т. 71. С. 259–263.

7 Францев В. А. А. В. Кольцов в чешской литературе // РФВ. 1909. Т. 62. С. 299–311.

8 Хомяков А. С. Стихотворения / Вступ. ст. с примечаниями В. А. Францева. Прага, 1934.

9 *Slavus* [Францев В. А.] Чешские переводы стихотворений Н. А. Некрасова // Литературный вестник. 1903. Т. 6. Кн. 6. С. 177–180.

10 Францев В. А. Торжество русской литературы в Чехии // РФВ. 1909. Т. 61. С. 181–183.

11 *Slavus* [Францев В. А.] Русские писатели у славян // Литературный вестник. 1903. Т. 3. Кн. 2. С. 269–273.

12 О творчестве А. С. Пушкина В. А. Францев издал целую серию статей, на которые будет указано далее.

13 Францев В. А. Н. В. Гоголь в чешской литературе. СПб., 1902.

14 Опубликовано: А. С. Хомяковъ. Поеть-славянофиль. Неговить идеи и отражението имъ в славянскить литературы. Отъ Вл. А. Францевъ. София, 1932. (Български преглед. Година II. Книга I. С. 17–64.)

15 Возможно, статья: Францев В. А. Неизвестный польский перевод «Кавказского пленника» Пушкина // *Slavia*. 1934–1935. Т. 13. S. 109–113.

16 Имеется в виду издание перевода на чешский язык «Слова о полку Игореве». Опубликовано: Slovo o pluku Igorevě. Ruský text v transkripci, český překlad a výklady Josefa Jungmanna z r. 1810. Vydal a úvodem opatřil V. A. Francev. Praha, 1932.

17 Матия Мурко (1861–1952), словенец, с 1920 г. профессор языка и литературы южных славян в Карловом университете в Праге, где в 1922 г. организовал семинар по славянской филологии. Создатель журнала «*Slavia*».

18 Письмо В. А. Францева Е. Ф. Карскому. 3.IV.1931 // ПФА РАН. Ф. 992. Оп. 2. Д. 148. Л. 7.

19 Письмо В. А. Францева Е. Ф. Карскому. 3 мая 1931 // Там же. Л. 9.

20 Францев В. А. Державин у славян... Прага, 1924. С. 79 и др.

21 Францев В. А. Кольцов в чешской литературе // Русский филологический вестник (юбилейная заметка). 1909. Варшава, 1909.

22 Подробно об этом см.: Лантева Л. П. Н. В. Гоголь и отражение его творчества в чешской литературе XIX века (по данным В. А. Францева) // Н. В. Гоголь и славянские литературы. М., 2012. С. 272–282.

23 Францев В. А. Пушкин в чешской литературе. Библиографические материалы. СПб., 1898. (Оттиск из СБОРЯС РАН. Т. 66. Кн. 4.)

- 24 Литературный вестник. СПб., 1903. Т. V. Кн. 3. С. 372–373.
- 25 См. об этом: *Францев В. А.* Пушкин и хорваты // Варшавский дневник. 1899. № 162. 17/29 июня (подпись А.В.С., один из псевдонимов В. А. Францева); *В-ъ [Францев В. А.]* Пушкин у словаков // Варшавский дневник. 1900. № 19, 24.
- 26 См., например, юбилейный сборник новейшего времени: А. С. Пушкин и мир славянской культуры. (К 200-летию со дня рождения поэта.) М., 2000.
- 27 *Францев В. А.* А. С. Пушкин в чешской литературе. СПб., 1898. (Отгиск из Сб.ОРЯС ИАН. Т. LXVI).
- 28 *Францев В. А.* Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902. С. 165–166.
- 29 Korespondence Pavla Josefa Šafařika. Díl. I. Vzájemné dopisy P. J. Šafařika s ruskými učenci (1825–1861) / Vydal V. A. Francev. Praha, 1927–1928. Č. 1–2.
- 30 *Францев В. А.* Н. В. Гоголь в чешской литературе. СПб., 1902. С. 13–14.
- 31 Там же. С. 16–17.
- 32 Там же. С. 17.
- 33 *Францев В. А.* Державин у славян. Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX ст. Прага, 1924. С. 8, 20 и др.
- 34 *Францев В. А.* Пушкин и польское восстание 1830–1831. Прага, 1929.
- 35 *Francev W. A.* Puszkini i hr. Jan Potocki // Ruch Literacki. 1934. Т. 9. Zesz. 7. S. 193–195.
- 36 *Францев В. А.* Неизвестный польский перевод «Кавказского пленника» Пушкина // Slavia. 1934–1935. Т. 13. S. 109–113.
- 37 *Francev W. A.* Puszkini uczy się po polsku // Wiadomości Literackie. 26.5.1936. IV. 18. S. 3.
- 38 *Францев В. А.* Пушкин и польское восстание 1830–1831. Прага, 1929. С. 8.
- 39 Там же. С. 86.
- 40 Там же. С. 88.
- 41 Там же. С. 3.
- 42 Там же. С. 93.
- 43 Там же. С. 94.

L. P. Lapteva

Russian literature of the 19th century spread among the western Slavs
evaluated by V. A. Frantsev

The article is devoted to the studies by V. A. Frantsev focused on the spread of knowledge about Russian literature of the 19th century among the Slavic peoples as well as its influence on their national literatures. The attention is mainly paid to the Czech and Polish literature which possessed both positive (Czech) and negative (Polish) assessments.

Key words: *V. A. Frantsev, popularity of A. S. Pushkin in the Czech lands, critics towards A. S. Pushkin in Poland.*

Е. П. Аксенова
(Москва)

**У истоков историографического направления
(к истории создания в Институте славяноведения
сектора историографии)**

На основе документальных материалов в статье рассматривается процесс формирования историографического направления научных исследований и создания соответствующего структурного подразделения в Институте славяноведения, отмечается особая роль и заслуга в этом В. А. Дьякова.

Ключевые слова: *историография, источниковедение, история славяноведения, Институт славяноведения, В. А. Дьяков.*

Минуло уже 40 лет с тех пор, как в структуре Института славяноведения РАН (в то время — Института славяноведения и балканистики АН СССР) образовался специальный сектор, в задачи которого входило изучение славистической историографии, источниковедения и истории отечественного и зарубежного славяноведения. Стоит напомнить, что историко-научное направление в отечественном славяноведении сформировалось еще в последней трети XIX — начале XX в. и было представлено работами К. Я. Грота, А. А. Кочубинского, В. И. Ламанского, А. Н. Пыпина и др.¹ Однако в 1920–1930-е гг. оно не получило развития (так как славяноведение в целом в этот период едва не было уничтожено)². Научная деятельность в области славяноведения начала возрождаться накануне Второй мировой войны и в полной мере развернулась в послевоенные годы в связи с созданием в рамках Академии наук комплексного Института славяноведения³.

В период образования и в начале деятельности института историографические проблемы не входили в перечень основных направлений научных исследований, а отдельные работы в этой области носили скорее эпизодический характер. К началу 1970-х гг. научная деятельность института в области славяноведения насчитывала уже четверть века. К этому времени в рамках традиционных славистических направлений (история, литературы, языки, культура славянских народов) было исследовано немало тем и проблем, собрано огромное количество документальных материалов, что способствовало подготовке и выходу многотомных обобщающих трудов и серийных публикаций источников⁴. Со всей очевидностью назревала

необходимость осмысления того, что было достигнуто славяноведением, прежде всего — отечественным, за всю историю его существования, в том числе учитывая сложный межвоенный период в истории науки, было важно подвести промежуточные итоги достигнутого в изучении славян в послевоенные десятилетия. Это означало, что требуется анализ и оценка не только дореволюционного, но и советского славяноведения, а также учет научного багажа зарубежных славистов. Все эти соображения неизбежно подводили к выводу о необходимости развертывания историографических, историко-научных исследований.

Инициатором широкомасштабного проекта, рассчитанного на длительную перспективу, стал доктор исторических наук Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995)⁵, занимавший в то время пост заместителя директора института⁶. Он задумал всестороннее коллективное исследование истории отечественного славяноведения, которое, однако, требовало предварительного изучения деятельности большой «армии» ученых-славистов и еще большего числа специалистов в других областях, тем не менее внесших тот или иной вклад в науку о славянах. Эту задачу должны были решить два тома библиографического словаря (первый охватывал дореволюционный период, второй — после 1917 г.). В пятилетний план института на 1971–1975 гг. был включен пункт о подготовке словаря славистов дореволюционной России⁷. Ответственность за выполнение работы по этому объекту была возложена на В. А. Дьякова. Подобный труд может быть успешно создан лишь в результате совместных усилий немалого производственного коллектива. Прекрасно понимая масштабы стоящей перед ним задачи и ориентируясь на перспективное развитие историографических исследований, Дьяков начинает осуществлять шаги по созданию соответствующего научного подразделения.

Среди документов бывшего сектора историографии и источниковедения, перешедших со временем к наследовавшим ему научным подразделениям, обнаружена тонкая картонная папка-скоросшиватель, на которой рукой В. А. Дьякова сделана надпись: «Материалы по созданию сектора историографии и научной информации. 1972–1975 гг.». В ней собрано 12 документов за четыре года — всего 32 листа. Однако эти документы представляют собой своеобразные вехи, отмечающие важные этапы на пути становления историографических исследований как нового направления среди славистических дисциплин, изучаемых в институте.

Первый из обнаруженных документов — докладная записка директору института Д. Ф. Маркову⁸ от 12 мая 1972 г. (рукописный автограф, копия, на трех листах — текст с одной стороны). В ней В. А. Дьяков оценивает словарь как «очень важный... и трудоемкий объект», работа над которым должна быть завершена в 1974 г., а она «фактически еще не начиналась» (к тому же параллельно со словарем планировалась подготовка к 1973 г. сборника статей о советском славяноведении). Понятна озабоченность руководителя тем, что труд не будет выполнен в срок: «Причина этого в организационной необеспеченности объекта». Дьяков информирует, что редколлегия словаря начала разработку словника, памятки автору, примерного текста библиографической статьи, но она не имеет возможности «довести до конца даже это дело из-за полного отсутствия рабочего аппарата». И здесь впервые излагается проект создания специального научного коллектива. Первый пункт гласит: «Немедленно создать в Институте межсекторскую творческую группу по истории славяноведения, включив в нее находящихся в штате сотрудниц [Е. П.] Аксенову, [М. В.] Никулину, [Н. А.] Прокофьеву и в кратчайший срок зачислив в штат кандидатов наук А. Е. Москаленко⁹ и Ю. И. Штакельберга¹⁰. Ученым секретарем группы пока могла бы быть Е. П. Аксенова, а затем — А. Е. Москаленко; общее руководство, очевидно, мне пришлось бы взять на себя». Далее (пункт 2) предлагается возложить на группу все организационные функции и часть авторской работы по словарю (а также сборнику статей). Авторская работа сотрудников института, не входящих в группу, «должна быть точно определена и внесена в план-карты». После издания приказа или распоряжения «о создании творческой группы, ее составе, задачах и положении в Институте», по мнению Дьякова, необходимо (пункт 3) обсудить на заседании дирекции ход работы над указанными объектами. Со всей ответственностью за взятые на себя обязательства в заключение в докладной записке он делает вывод: «Без быстрого и полного осуществления перечисленных мероприятий выполнение плана по двум историко-славистическим объектам окажется под угрозой срыва».

Усилия В. А. Дьякова были вознаграждены, «проблемная группа по истории и методологии науки» была создана (1 апреля 1973 г. за счет институтских штатных единиц и зачисления А. С. Мыльникова¹¹), работа по подготовке словаря стала продвигаться. Это позволило Дьякову задуматься о расширении исследовательских задач в данной области. 29 октября 1973 г. он подает в дирекцию изложенные на четырех страницах соображения «Об усилении разработки

тех вопросов истории науки, методологии и источниковедения, которые входят в компетенцию Института» (машинопись, авторизованная копия). Прежде всего обращает на себя внимание включение в круг исследований наряду с историей науки проблем методологии и источниковедения. «Научная значимость указанного круга вопросов, а также их важность для дальнейшего углубления и развития всей нашей исследовательской работы совершенно очевидны. Между тем, — замечает Дьяков, — эти вопросы в Институте разрабатываются еще недостаточно... Подтверждением нашего отставания в историографической сфере служит, например, очень слабое освещение соответствующей проблематики в многотомной “Истории исторической науки”¹², отсутствие специальных статей, а тем более крупных обобщающих или справочных изданий...» Некоторый перелом наметился в связи с работой по подготовке биобиблиографического словаря, а также созданием проблемной группы по истории и методологии науки. Однако эти меры решали лишь часть вопросов, относящихся к историографии. «Что же касается теоретических и методических вопросов источниковедения, — продолжает Дьяков, — то они остаются фактически не затронутыми, хотя практические нужды большой публикаторской работы, которая осуществляется в Институте, настоятельно требуют внимания к этим вопросам».

Кроме внутриинститутских факторов Дьяков отмечает и внешние обстоятельства, требующие усиления разработки историографических и источниковедческих проблем. Это 250-летний юбилей Академии наук, который потребует выполнения «неотложной и довольно значительной по объему работы по изучению развития славяноведения и балканистики¹³ в нашей стране». Кроме того, на институте лежат «немалые обязательства, связанные с историей науки, источниковедением, организацией библиографирования», по линии Международного комитета славистов¹⁴ и Ассоциации балканских исследований¹⁵. Участие в крупных международных проектах требовало, по мысли Дьякова, не только знания истории отечественной науки, но и расширения изучения зарубежной историографии, как изучаемых стран, так и западной (последнее в духе времени связывалось «с активизацией борьбы против враждебной идеологии в сфере компетенции Института»).

Широкий спектр перечисленных задач, естественно, требовал создания специальной структурной единицы в институте — Дьяков назвал ее «сектором историографии и источниковедения». Предполагалось, что сектор должен охватывать в рамках указанных направ-

лений всю проблематику института, включая междисциплинарные проблемы. Таким образом, в комплексном институте замысливался комплексный сектор, который не мог быть включен ни в один из имевшихся отделов, охватывавших исторические, языковедческие, литературоведческие, историко-культурные сектора, а подчинялся бы непосредственно дирекции.

В качестве перспективной задачи на историографическом направлении В. А. Дьяков называет «создание обобщающего труда по истории отечественной науки о тех странах, которые изучаются в Институте», то есть не только славянских, но и неславянских (балканских и центральноевропейских). Эта задача признается «большой и трудной», и в качестве шагов на пути ее достижения рассматриваются биобиблиографические словари, кроме того, сборники статей по истории славяноведения и балканистики, а также индивидуальные монографии, статьи и публикации. По мнению Дьякова, сектор мог бы участвовать «в многостороннем сотрудничестве по подготовке серии сборников по истории славяноведения в рамках специальной комиссии Международного комитета славистов»; в функции нового подразделения можно было бы включить «организацию научных конференций по соответствующей проблематике» и ряд других мероприятий.

Основными задачами сектора в области источниковедения можно было бы считать:

а) источниковедческое исследование печатных, документальных и иных материалов, необходимых для изучения стран Центральной и Юго-Восточной Европы [...];

б) обобщение опыта публикаторской работы Института с целью совершенствования методики и выработки практических рекомендаций для ее дальнейшего улучшения;

в) упрочение деловых контактов с архивными учреждениями, библиотеками, музеями для улучшения координации работы и привлечения их к участию в решении задач, стоящих перед Институтом...»

Для обеспечения нового подразделения источниковедческими кадрами предлагалось (в порядке исключения) перевести в него группу сотрудников сектора новой истории балканских стран, занимающихся публикацией «Первое сербское восстание»¹⁶ (В. П. Грачев, Н. П. Данилова, Д. Ф. Поплыко, Е. М. Заблудовская). В целом в состав сектора историографии и источниковедения могла бы войти вся группа по истории и методологии науки (в которой к тому времени работали В. А. Дьяков, А. С. Мыльников, Г. В. Макарова,

М. В. Никулина, Н. А. Прокофьева, Е. П. Аксенова), кроме того, для ускорения подготовки словаря необходимо было бы перевести из других секторов литературоведа М. И. Рыжову, языковеда И. Е. Можаяеву и историка А. И. Виноградову (имеющую и опыт работы с источниками). Форсирование работы над биобиблиографическим словарем требовало, по мнению Дьякова, скорейшего рассмотрения и положительного решения «вполне назревшего научно-организационного вопроса».

Однако решение вопроса затягивалось. В начале 1974 г. стало очевидным, что завершение намеченной на конец того же года подготовки словаря не представляется возможным. В связи с этим В. А. Дьяков подает директору института еще одну докладную записку, от 21 января 1974 г. (машинопись, авторизованная копия на двух листах). Объясняя двухлетнюю задержку начала работы над словарем¹⁷ (выполнение планового задания вступило в активную фазу лишь весной 1973 г., после создания группы по истории и методологии науки), ответственный за данный пункт плана просил отодвинуть сроки окончания работы над объектом на два года. В частности, указывалось, что каждый из шести сотрудников группы «наполовину, а то и больше» загружен другими плановыми заданиями. «Такое положение, — отмечал Дьяков, — создавало немало помех на подготовительной стадии, а теперь, когда работа над словарем развертывается полным ходом, оно просто нетерпимо». Понимая, что «освобождение сотрудников группы от других работ практически невозможно», он предлагал усиление группы за счет других структурных частей института, и прежде всего — сектора И. С. Миллера¹⁸, откуда «можно было бы переключить на словарь Н. П. Митину и В. М. Зайцева, сделав им перерыв на два года в работе над запланированными ранее объектами». Из сектора В. Д. Королюка¹⁹ на тех же условиях можно было бы перевести А. И. Виноградову. «Указанные перемещения обеспечили бы необходимый темп работы над словарем, а также поставили бы на реальную почву предполагаемое развертывание группы в сектор историографии и источниковедения». Только при условии выполнения этих научно-организационных мероприятий оставалась возможность подготовки словаря к концу 1975 г. Усилия В. А. Дьякова были направлены не только на выполнение пункта пятилетнего плана, но и — в основном — на перспективное развитие нового направления.

Настойчивость Дьякова возымела действие, хотя принятое решение можно считать лишь очередным этапом на пути достижения

цели. Руководитель группы подготовил проект распоряжения директора института (подлинник, машинопись на двух листах), которым в целях «дальнейшего развертывания научных исследований, связанных с историей развития славяноведения и балканистики, а также с изучением источниковой базы этих отраслей знания» постановлялось группу истории и методологии науки «преобразовать в проблемную группу историографии и источниковедения с последующим превращением ее в сектор с таким же названием». В состав группы включались: д.и.н. В. А. Дьяков (руководитель), к.и.н. Н. П. Митина (ученый секретарь), к.и.н. А. И. Виноградова, м.н.с. В. М. Зайцев, м.н.с. Г. В. Макарова, м.н.с. М. В. Никулина, м.н.с. Н. А. Прокофьева, ст.н-т.с. Е. П. Аксенова. По группе планировалась также основная нагрузка д.и.н. А. С. Мыльникова, зачисленного в Ленинградское отделение Института этнографии. К 1 апреля 1974 г. группа должна была представить развернутые соображения «о перспективах научных исследований по историографии и источниковедению стран Центральной и Юго-Восточной Европы». При этом подчеркивалось, что важнейшим плановым заданием группы является словарь «Славяноведение в дореволюционной России».

На проекте распоряжения рукой директора института Д. Ф. Маркова и за его подписью 7 февраля 1974 г. дана резолюция: «Дирекция согласна с определением состава Группы, а распоряжение о ее статусе — потом». Решение о создании сектора опять откладывалось. Еще один проект распоряжения, в основной своей части повторяющий первый, был подготовлен в мае того же года.

После доклада В. А. Дьякова на Ученом совете института о ходе подготовки словаря дирекция на своем заседании от 20 мая 1974 г. приняла решение «в целом одобрить результаты проведенной работы». Авторскому коллективу под руководством В. А. Дьякова поручалось завершить в 1974 г. подготовку первого варианта словаря, а в 1975 г. провести рецензирование, доработку рукописи и подготовку ее к изданию. Для размещения группы сотрудников, занимающихся подготовкой словаря, предоставлялась отдельная комната (к. № 10) в здании института в Трубниковском переулке, д. 30а.

В. А. Дьяков терпеливо и настойчиво продолжал добиваться создания сектора, который бы целиком посвятил свои исследования важному новому направлению. 31 октября 1974 г. в дирекцию направляется еще один документ — «О разработке проблем историографии и источниковедения и о создании для этой цели специального сектора» (машинопись, авторизованная копия, на 5 листах).

Это своего рода развернутое обоснование для организации специального подразделения, имеющего статус сектора. Автор документа обращал внимание на совершенно очевидную научную значимость историографии и источниковедения, которые, однако, в институте разрабатываются «недостаточно, без единого плана и лишь на уровне отдельных частных тем». Он указал на отсутствие в масштабах компетенции института «обобщающих трудов и сводных справочников», а также «специальных статей по истории славяноведения и балканистики». Работа над словарем «Славяноведение в дореволюционной России» наглядно показала, «как невелики наши возможности в этой сфере и как много предстоит сделать для того, чтобы достигнуть в ней того уровня, которого требуют современные задачи и престиж Института».

Знание истории изучения в нашей стране славянских и балканских народов, отмечал Дьяков, «практически необходимо для осуществления едва ли не каждой сколько-нибудь значительной позиции в наших текущих научных планах». Кроме того, разработки данного круга вопросов требуют и обязательства института «по линии Международного комитета славистов, Славянской ассоциации Международного комитета исторических наук и Международной ассоциации балканских исследований». В центре внимания преимущественно отечественная наука, но не забыто и развитие зарубежной науки — как в странах изучаемого региона, так и в западных странах. При этом подчеркивается, что «изучение истории и современного состояния славяноведения и балканистики как единого научного комплекса», исследование методологии, использовавшейся учеными, «невозможно вести децентрализованно». Аналогичные задачи стоят и в области источниковедения. Автор документа приходит к выводу, что успешное решение обозначенных задач «может быть обеспечено только созданием... сектора историографии и источниковедения».

Далее предлагается продуманный перспективный план будущего сектора. Основываясь на опыте работы по подготовке библиографических словарей, должен быть создан обобщающий труд «Изучение стран Центральной и Юго-Восточной Европы в СССР»²⁰. В отношении западной историографии можно планировать составление: «а) краткого справочника о существовавших и существующих периодических изданиях по нашей проблематике; б) аннотированной библиографии новейшей литературы (за последние 10–15 лет по основным позициям плана Института). Что касается литературы изучаемых стран, «то сектор мог бы время от

времени подготавливать краткие обзоры работ по историографии и методологии общественных наук — на большее его сил едва ли хватило бы». Как видим, представлен взвешенный, реалистичный проект, учитывающий потенциал возможных сотрудников сектора (заметим в скобках, что в дальнейшем планы трансформировались в сторону углубления задач). Кроме того, перечислялись и практические виды работ по многостороннему сотрудничеству, по организации научных конференций и другим мероприятиям в рамках компетенции сектора.

Столь же конкретно были обозначены задачи в области источниковедения. В целом повторялись пункты, намеченные в документе от 29 октября 1973 г., но добавлялся еще один очень важный пункт, касавшийся издания специального сборника под названием «Архив Центральной и Юго-Восточной Европы», на страницах которого могли бы публиковаться источниковедческие статьи, обзоры, отдельные документы (при этом он мог бы выходить раз в два-три года).

Далее В. А. Дьяков затронул весьма сложную проблему подбора кадров для будущего сектора — «не только из-за ограниченности штатных возможностей Института, но и в связи с тем, что сотрудников, готовых к немедленному участию в больших историографических и источниковедческих исследованиях, у нас почти нет — их надо будет терпеливо растить в ходе работы» (некоторая подготовка в данной области имела уже у сотрудников группы по истории и методологии науки, которые могли бы составить основу сектора). Для решения обозначенного круга задач Дьяков считал необходимым к восьми сотрудникам группы дополнительно подключить сотрудников сектора научной информации²¹: м.н.с. В. И. Беляеву, м.н.с. Н. Е. Костыгову, м.н.с. Л. С. Малаховскую, м.н.с. Е. В. Пилишек, с.н.-т.с. Н. В. Ерш, с.н.-т.с. И. А. Калужскую. Это, тем не менее, не исключало «более или менее широкого привлечения сотрудников из других секторов, а также внеинститутских специалистов» для работы по некоторым объектам. В этих случаях на сектор ложилась бы «роль организующего и координирующего центра», что естественно, поскольку «историографическая проблематика уже сейчас сплачивает вокруг себя довольно значительный научный актив, в котором немалый удельный вес имеют вузовские работники». В очередной раз Дьяков обращается к дирекции с настоятельной просьбой положительно решить «затянувшийся вопрос» с созданием сектора (учитывая, в частности, и необходимость определения загрузки сотрудников на новую пятилетку).

И вот, наконец, долгожданное решение состоялось. Правда, полностью сосредоточиться на проблемах историографии и источниковедения, отрешившись от информационной составляющей, на первых порах не удалось (пришлось пойти на некий компромисс, оставив на некоторое время в поле зрения сектора научную информацию). «Распоряжение № 3 по Институту славяноведения и балканистики АН СССР» от 10 февраля 1975 г. (машинопись, заверенная копия, на одном листе) гласило: «На основании решения Дирекции Института преобразовать сектор научно-политической информации в сектор историографии и научной информации на базе сектора научно-политической информации и группы истории и методологии науки». Дьякову поручалось формирование нового сектора; в начале марта он должен был представить предложения по персональному составу сектора.

6 марта 1975 г., основываясь на распоряжении дирекции и проведя предварительную работу, В. А. Дьяков подал в дирекцию докладную записку (машинопись, авторизованная копия, на двух листах), в которой перечислены фамилии 17 сотрудников, включенных им в состав сектора (д.и.н. В. А. Дьяков, д.и.н. А. С. Мыльников, к.и.н. Н. П. Митина, к.и.н. В. М. Зайцев, к.т.н. И. М. Давыдова, м.н.с. В. И. Беляева, Т. П. Блинова, М. Ю. Досталь, Н. Е. Костыгова, Л. С. Малаховская, М. В. Никулина, Е. В. Пилишек, ст.н-т.с. А. Г. Аветисян, Е. П. Аксенова, Н. А. Богаева, Н. В. Ерш, И. А. Калужская). Таким образом, в новый сектор должны были войти члены бывшей группы истории и методологии науки (кроме Г. В. Макаровой и Н. А. Прокофьевой, которые в соответствии с договоренностью переводились в сектор новой истории стран Центральной Европы), бывшего сектора научно-политической информации, три человека из сектора новой истории стран Центральной Европы (Н. П. Митина, В. М. Зайцев и М. Ю. Досталь), а также А. С. Мыльников, числившийся в Ленинградском отделении Института этнографии, но работавший по плану Института славяноведения и балканистики. Ученым секретарем сектора предлагалось назначить Н. П. Митину.

На следующий день, 7 марта 1975 г., директором института был подписан приказ № 41 (машинопись, заверенная копия, на одном листе), закреплявший персональный состав нового сектора. Из списка, представленного Дьяковым, были исключены Т. П. Блинова (в связи с переводом в сектор современных проблем) и Е. В. Пилишек (перешедшая в сектор истории народно-демократических революций и строительства социализма в странах Центральной и Юго-Восточ-

ной Европы). В первоначальный список была добавлена фамилия И. Л. Фадеевой. Ученым секретарем назначена Н. П. Митина.

То, к чему стремился В. А. Дьяков в течение нескольких лет, было, наконец, достигнуто — новое направление обрело научно-организационную форму. Как только все формальности были завершены, руководитель вновь созданного подразделения развернул активную деятельность по формированию основных направлений работы сектора, в которых отражались главные векторы развития историографических и источниковедческих исследований на ближайшие годы. Уже 31 марта 1975 г. он представляет в дирекцию развернутые «Предложения к пятилетнему плану на 1976–1980 гг. по сектору историографии и научной информации» (машинопись, копия, на 7 листах). В них нашли отражение исследования в области отечественной историографии: биобиблиографический словарь «Славяноведение в дореволюционной России», коллективные монографии «Изучение стран Центральной и Юго-Восточной Европы в дореволюционной России и в СССР», «Идея славянской взаимности и ее политические интерпретации», индивидуальные монографии В. А. Дьякова «Польское освободительное движение XIX в. и его взаимосвязи с русским освободительным движением (историография, источники)», А. С. Мыльников «Чешское национальное возрождение в современной историографии (понимание проблемы, состояние и перспективы изучения)», Н. П. Митиной «Польское восстание 1830–1831 гг. в отечественной и зарубежной историографии» и ряд других монографий, а также тематические серии статей.

Вторым важным направлением В. А. Дьяков считал «изучение современного состояния исторической науки, литературоведения и языкознания в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». На первых порах планировалась подготовка справочно-информационных обзоров, в которых должны были найти отражение организационная структура, кадры, периодические издания и другие вопросы, связанные с современным состоянием исторической науки в Польше и Чехословакии. Для сотрудников бывшего сектора научно-политической информации была предусмотрена работа по росписи статей из периодических изданий Польши и Чехословакии и систематизации их по основным комплексным темам института, а также составление картотеки специальных периодических изданий с подготовкой в дальнейшем на ее основе информационного справочника. Эта часть плана не охватывала все изучаемые страны — в данном случае приходилось учитывать реальную кадровую ситуацию.

Третий тематический блок плана посвящен изучению славянских и балканских стран в западной историографии. Наличный состав специалистов позволял осуществлять знакомство с книгами и журналами на английском, немецком, французском и даже турецком языках. Предполагалось, что эта работа может найти выход в подготовке картотеки научных учреждений и обществ, занимающихся проблематикой института, справочно-информационных изданий, библиографических бюллетеней, тематических обзоров книжной и журнальной литературы и т. п.

Не все пункты плана удалось реализовать в полной мере и в указанные сроки — на то были и объективные, и субъективные причины. Важно другое. Необходимые для развития науки и вызревавшие в течение ряда лет историографические (в том числе историко-научные) и источниковедческие исследования, наконец, обрели в институте законный статус и стали, наряду с другими, полноправным научным направлением, еще одной областью (или дисциплиной) славистического комплекса. И неоспоримая заслуга в этом принадлежит Владимиру Анатольевичу Дьякову.

В последующий период были подготовлены и вышли в свет библиографические словари «Славяноведение в дореволюционной России» (1979) и «Славяноведение в СССР» (1993), коллективная монография «Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян» (1988), серия историографических сборников (1980–1990-х гг.), большое количество статей в различных изданиях, а также монографии, посвященные истории славяноведения²². В 1990-е гг. в этой области возникло новое направление — изучение славистических исследований русского зарубежья.

В настоящее время в Институте славяноведения отсутствует подразделение, систематически занимающееся историографическими и историко-научными исследованиями, которые носят эпизодический характер, нет и специальных изданий, посвященных этой проблематике. Свои страницы для таких статей всегда предоставляют журналы «Славяноведение», «Славянский альманах», а также ежегодный сборник «Славянский мир в третьем тысячелетии». За последние четверть века в нашей стране и в мире произошли большие изменения, самым непосредственным образом затронувшие изучаемый в институте регион. Полным ходом идет изучение новых процессов, во многом по-новому исследуется и историческое прошлое славянских и балканских народов. В отечественном и зарубежном славяноведении накоплено немало достижений, которые

нуждаются в осмыслении и обобщении. На новом этапе развития науки нам следовало бы на новом уровне обратиться к двухвековой истории славяноведения, славянской историографии — в мировом масштабе, что безусловно потребует объединенных усилий славистов разных стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 284–306.

2 Подробнее об этом см.: *Аксенова Е. П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000; *Горяинов А. Н.* Славяноведы — жертвы репрессий 1920–1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 78–89; *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.

3 Институт славяноведения АН СССР был создан по постановлению Совета Министров СССР от 31 августа 1946 г. Постановление Президиума АН от 20 сентября того же года уточняло детали организации института, его задачи и структуру. До конца года были решены штатные, бюджетные и административно-хозяйственные вопросы, и с января 1947 г. началась научная деятельность института. См.: *Аксенова Е. П.* Институт славяноведения и балканистики РАН за 50 лет (1947–1997). Краткий исторический очерк // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 34–35.

4 См.: Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972). М., 1971.

5 О научной деятельности В. А. Дьякова подробнее см. в кн.: Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995). М., 1996.

6 В должности заместителя директора института В. А. Дьяков работал с июня 1970 по ноябрь 1973 г.

7 Первоначальный замысел охватывал лишь ученых-славистов, но в процессе работы над словником и многочисленных обсуждений концепция изменилась, и объектом изучения стали не отдельные слависты, а славяноведение в целом. См.: Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979.

8 Марков Дмитрий Федорович (1913–1990), литературовед, славист, член-корреспондент АН СССР (1966), академик (1984), директор Института славяноведения и балканистики АН СССР (1969–1987).

9 Москаленко Анатолий Евсеевич (1909–1984), кандидат исторических наук, доцент, до 1973 г. заведовал кафедрой истории средних веков и зарубежных славянских народов исторического факультета Воронежского государственного университета.

10 Штакельберг Юрий Иванович (1925–2008) — ленинградский историк-славист, кандидат исторических наук, работал в системе коллектора массовых и научно-технических библиотек «Ленкниги», известен как публикатор исторических документов.

11 Мыльников Александр Сергеевич (1929–2003) — историк-славист, доктор исторических наук (1972), до 1973 г. работал в Государственной публичной библиотеке, с 1973 г. — в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР.

12 История исторической науки в СССР. М., 1955–1966. Т. 1–4.

13 В 1968 г. научно-исследовательские задачи, стоящие перед институтом, были расширены за счет изучения ряда неславянских стран региона Центральной и Юго-Восточной Европы, и с этого времени институт стал именоваться Институтом славяноведения и балканистики.

14 Международный комитет славистов был создан в 1956 г. При МКС была образована Комиссия по истории славистики, возглавлявшаяся в течение многих лет директором Института славяноведения и балканистики Д. Ф. Марковым, которая наметила выпуск серии под названием «Исследования по истории мировой славистики». В рамках этого международного проекта советской стороной был подготовлен и издан том «Методологические проблемы истории славистики» (М., 1978), ответственным редактором которого был В. А. Дьяков, являвшийся в течение многих лет вице-председателем, а затем и председателем (1988–1992) комиссии. В материалах книги освещаются важные теоретические и методологические вопросы истории славяноведения: определение предмета славистики, периодизация, основные научные направления и т. д.

15 Речь идет о Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, созданной в 1963 г. при ЮНЕСКО.

16 См. совместную советско-югославскую публикацию: Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980–1983. Т. 1–2.

17 В этом документе словарь впервые назван «Славяноведение в России» (объем 50 а. л.), а не «Словарь славистов».

18 Имеется в виду сектор новой истории Центральной Европы, который возглавлял д.и.н. И. С. Миллер (1919–1978).

19 Речь идет о секторе древней истории и средних веков, которым заведовал д.и.н. В. Д. Королук (1921–1981).

20 На практике была реализована первая часть проекта, касавшаяся дореволюционного периода и ограниченная изучением славянства. См.: Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.

21 Сектор научно-политической информации, возглавляемый к.ф.н. И. М. Шептуновым, был создан в рамках новой структуры института в соответствии с постановлением Президиума АН СССР от 18 июня 1970 г., в котором были определены специфика и место института в системе академических научных учреждений, указаны основные задачи и направления работы, намечены перспективы развития (см.: Двадцать пять лет деятельности института (1947–1972). М., 1971. С. 19). Сектор существовал до февраля 1975 г. В дальнейшем Шептунов возглавил группу по изучению фольклора стран ЦЮВЕ.

22 См.: *Аксенова Е. П.* Исследования в области историографии // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. С. 249–260.

E. P. Aksenova

At the waterhead of historiographical sector (to the history of establishment of the department of historiography in the Institute of Slavic Studies)

Using documents the author of the article considers the process of formation of the historiographical sector of scientific research and the creation of a special department in the Institute of Slavic Studies. The role of V. A. Dyakov in this process is also highlighted.

Key words: *historiography, source studies, history of Slavic studies, Institute of Slavic Studies, V. A. Dyakov.*

К. А. Кочегаров
(Москва)

Неизвестное письмо патриаршего местоблюстителя Стефана Яворского гетману И. С. Мазепе

В научный оборот вводится неизвестное письмо патриаршего местоблюстителя Стефана Яворского украинскому гетману И. С. Мазепе с просьбой о заступничестве за осужденных по делу В. Л. Кочубея и И. Искры.

Ключевые слова: *И. С. Мазепа, Стефан Яворский, В. Л. Кочубей, И. Искра, русско-украинские отношения.*

В данной публикации вниманию исследователей предлагается неизвестное ранее послание известного философа, богослова и проповедника эпохи Петровских реформ, патриаршего местоблюстителя, митрополита Рязанского и Муромского Стефана Яворского украинскому гетману И. С. Мазепе. Отношения этих двух крупных украинских деятелей начала XVIII в. по причине скудости источников исследованы в историографии недостаточно.

В исторической литературе общеизвестен факт, что митрополит Стефан тяготился московской жизнью и административными обязанностями патриаршего местоблюстителя¹. В 1706 г., получив, после долгих просьб, разрешение царя на поездку в Киев², он безуспешно пытался добиться позволения монарха остаться там навсегда³. В следующем году, после смерти киевского митрополита Варлаама Ясинского, который посвятил Стефана Яворского в монашеский чин, опекал с юных лет и продвигал на карьерном поприще⁴, последний попытался добиться киевской митрополии, и соответственно возвращения из Москвы в Киев. Отвечая 24 сентября 1707 г. И. С. Мазепе на известие о смерти киевского владыки, Стефан подчеркивал: «Я постоянно пепел яко хлеб ем, и питье мое плачем растворяю». Он сожалел, что не получил благословения митрополита Варлаама перед его кончиной, и сравнивал себя с ветхозаветным Исавом, лишенным по умыслу брата Иакова права первородства: «Я тот несчастный Исав... отвлеченный в последнюю

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-01-00229 «Русско-украинские отношения накануне измены гетмана И. С. Мазепы. 1704–1708 гг.».

минуту от благословения отцовского как недостойный». Митрополит рязанский сетовал, что «счастливы Иаковы», которые «восхитили» его «первородство», и продолжал: «а я бедный рыдаю от горести сердца, плачу тем сильнее, что нельзя плакать над отцем, сжать руками его руки, нельзя проповедывать о его святой жизни в надгробной речи». И далее автор послания выражал надежду, что ему «придет на помощь особенная панская вельможности вашей милость»⁵.

В данном послании, как представляется, можно видеть прозрачные намеки Стефана Яворского на недовольство своим пребыванием в русской столице (указание на необходимость вкушать пепел вместо хлеба); указание на его «право первородства» следует трактовать как право занять киевскую кафедру после умершего «отца», митрополита Варлаама Ясинского, от которой его отлучают «Иаковы» — возможные претенденты на киевский престол из числа киевского духовенства. Наконец, в жалобах на запрет проповедовать об умершем «отце» нельзя не видеть намек на принудительное пребывание Стефана в Москве и отрицательную позицию царских властей на все просьбы отпустить его в Киев.

В конце письма Стефан выражает надежду на помощь И. С. Мазепы. И, как становится известно из последних архивных разысканий, эта просьба вовсе не носила общий или формальный характер. Гетман действительно отреагировал на нее, попытавшись добиться от русских властей разрешения на избрание Стефана Яворского киевским митрополитом. Это, видимо, отвечало и собственным расчетам Мазепы. Однако Петр I был непреклонен, полагая, что рязанский митрополит нужнее ему в Москве. Монарх предписал избрать на киевскую митрополию киево-печерского архимандрита Иоасафа Кроковского⁶. Уже в декабре 1707 г. в письме ростовскому митрополиту Дмитрию Туптало Стефан открыто признавался, что действительно желал получить киевскую кафедру, но не ради церковной карьеры — рязанская митрополия, отмечал он, и так выше Киева в иерархическом отношении, а для того лишь, чтобы избавиться от административных обязанностей и сполна предаться столь любимым им интеллектуальным занятиям⁷. Можно представить себе чувства патриаршего местоблюстителя, когда 15 августа он в Успенском соборе Московского Кремля вместе с другими владыками посвятил в киевские митрополиты Иоасафа Кроковского⁸. Неудача расчетов Стефана Яворского на помощь и поддержку гетмана должна была ясно показать ему, что степень влияния послед-

него на украинские церковные дела невелика, а решающее слово остается за царем.

С последним событием косвенно связаны и обстоятельства, которые привели к появлению публикуемого письма. Сам по себе его смысл, без привлечения дополнительных источников, довольно туманен. Местоблюститель патриаршего престола, прибегая к многочисленным метафорам и библейским примерам, цитируя строки из «Скорбных элегий» Овидия, просил милости у Мазепы для неких людей, которые в свою очередь обращались за помощью к самому Стефану. Из письма следует, что обращение имело место дважды. Первый раз просители встречались с рязанским митрополитом лично в Москве, а второй раз он получил их прошения «из почти самой отдаленной области Туле». Что это за люди и почему Стефан просил для них милости и прощения преступлений у гетмана Мазепы? Представляется, что русский актовый материал из фондов Малороссийского приказа может послужить основой для построения убедительных объяснений, позволяющих дать ответы на поставленные вопросы.

В конце июня 1708 г. руководитель посольских дел и приближенный Петра I Г. И. Головкин сообщил дьякам Малороссийского приказа о высылке в Москву осужденных по известному делу В. Л. Кочубея и И. Искры о доносе на И. С. Мазепу⁹. Всего было отправлено 28 человек, включая священника Ивана Святайло, его сына Ивана, сотника Петра Кованько, Осипа Искру, сына казненного полтавского полковника, писарей Григория Глуховца и Петра Колчицкого, челядников главных заговорщиков — Кочубея (Григорий Попурка, Иван Бут, Кондратий Донец, Михаил Степанов, Григорий Петров, Григорий Еременко, Парфен Саковской, Герасим Кованько, Викула Марков, Иван Заводовской, Ефим Молженювской, Яков Крапивницкой, Клементий Тарасов, Степан Матвеев, Марко Гужвенко, Петр Михайлов, Павел Кованько, Иван Салник, Иван Рудяковский) и Искры (Андрей Яковлев, Леон Макуха)¹⁰. Они прибыли в Москву 13 июля¹¹. В соответствии с распоряжениями Головкина «попа» И. Святайло следовало сослать в Соловецкий монастырь, где быть ему «в братстве», остальных отправить в Архангельск, где поверстать в солдаты или использовать «во что потребны». Отправить узников полагалось «за караулом как наискорее»¹². Для сына И. Святайло условия были вскоре изменены: его вместе с отцом решили также выслать на Соловки, где оба должны были жить «безысходно»¹³. Двадцать восьмым колодником был Яков Ро-

гуля, которого по просьбе гетмана И. С. Мазепы и распоряжению Головкина освободили и отправили домой из Москвы. Он был братом писаря Запорожской сечи и в свое время приезжал с И. Искрой в царскую ставку «за челядника». Гетман мог поступить с ним по своему усмотрению¹⁴.

Вдогонку основной партии ссыльных был выслан еще один осужденный, «чернец» Никанор. Головкин также распорядился поместить его «навечно» в Соловецкий монастырь¹⁵. Смоленский воевода П. С. Салтыков отправил монаха «в ножных железах» в Москву 12 июля 1708 г., куда он прибыл на одиннадцатый день¹⁶.

Быстро отправить узников на север не получилось, они провели в русской столице более месяца. Частично это объяснялось отсутствием средств¹⁷, частично пробуксовкой приказной бюрократической машины. Так, Малороссийский приказ первоначально пытался отправить колодников духовного звания через Монастырский приказ, а остальных — через посредство Ратуши¹⁸. Однако глава первого, И. А. Мусин-Пушкин, отказался принимать Никанора¹⁹ (и, видимо, отца и сына Святайло), в результате отправкой всей партии ссыльных занимался Малороссийский приказ, который, однако, должен был получить подводы от Ямского приказа²⁰, а караульчиков — от Ратуши и московского коменданта М. П. Гагарина²¹. Высылка состоялась где-то в середине августа. Об отправке осужденных были проинформированы архангельский воевода П. А. Голицын²² и архимандрит Соловецкого монастыря Фирс. Последний должен был своих поднадзорных из монастыря не выпускать, а если бы И. Святайло-старший захотел «воспринять монашеский чин, и вы б его в той монашеский чин по правилам святых постригли»²³.

12 августа 1708 г. была подготовлена проезжая грамота на Архангельск об отправке ссыльных. Они выехали в сопровождении подьячего Тимофея Хохлова и пятнадцати солдат московского гарнизона²⁴. 1 октября П. А. Голицын писал в Москву о приеме партии узников в Архангельске²⁵.

Стефан Яворский прибыл в Москву из Санкт-Петербурга, где еще 13 мая участвовал в закладке одного из баульверков Трубецкого бастиона Петропавловской крепости²⁶. Целью его приезда было посвящение в киевские митрополиты Иоасафа Кроковского. Думается, что пребывание украинских ссыльных в Москве как минимум около двух недель в августе должно было совпасть с нахождением там рязанского владыки. Наличие среди них лиц духовного звания (священник И. Святайло и монах Никанор) тем более подчеркивает весь-

ма высокую вероятность обращения их к Стефану с ходатайством о заступничестве перед И. С. Мазепой, действенность которого они должны были увидеть на примере Я. Рогули.

На то, что речь в послании патриаршего местоблюстителя гетману идет именно об осужденных по делу Кочубея и Искры, указывает и еще ряд обстоятельств. Отправляя послание Мазепе в конце октября, владыка Стефан ссылается на повторные прошения, полученные уже из некоей земли, находящейся на краю света, в которой нельзя не увидеть Архангельск. Наконец, обращаясь к гетману с примерами из «посполитого права», Стефан пишет, что хотя оно временами «не только лишает головы», но также «рук и ног», однако «не всегда все члены охватывает своей строгостью, удовлетворяясь лишь отсечением головы», особенно когда последняя «нагрешила своими злыми и неумеренными замыслами». Под отсеченной головой, надо полагать, разумелись Кочубей и Искра, казненные на плахе, их же приближенные — это в иносказательном образе Стефана Яворского — «руки и ноги», которые можно и нужно освободить от ответственности.

Призывы владыки Стефана к гетманскому милосердию запоздали, поскольку за два дня до написания послания И. С. Мазепа бежал к шведскому королю Карлу XII. Письмо, таким образом, не попало к адресату. Однако, пусть и не узнав о просьбе рязанского митрополита, гетман все же невольно поспособствовал освобождению украинских ссыльных. Из-за его измены всем проходившим по делу Кочубея и Искры была объявлена амнистия. В начале декабря Головкин распорядился освободить и архангельских, и соловецких колодников и «прислать сюда в поход», то есть в царскую ставку, «немедленно»²⁷. Соответствующие грамоты были посланы в Архангельск П. А. Голицыну²⁸ и на Соловки архимандриту Фирсу²⁹. В конце января амнистированные украинцы — П. Кованько и еще 20 человек — были направлены в Севск, где должны были дожидаться дальнейших распоряжений правительства³⁰. Возможно, что соловецкие узники — отец и сын Святайло, чернец Никанор — по каким-то причинам не были освобождены вовремя, о чем свидетельствует резульативное ходатайство Стефана Яворского об изменении их участи в 1712 г.³¹ Последнее также доказывает заинтересованность рязанского митрополита их судьбой и дополнительно подтверждает то, что содержание публикуемого письма Мазепе касается как раз этого вопроса.

Следует вообще подчеркнуть, что позиция украинских архiereев в отношении всех пострадавших по делу Кочубея и Искры,

которые, как известно, добивались от русских властей смещения Мазепы, была солидарной, что признавал и сам гетман³². За жен казненных доносчиков, заключенных гетманом под стражу в Батурине, ходатайствовал новоизбранный киевский митрополит Иоасаф Кроковский³³. Были ли у подобных шагов более прозаические причины, кроме как вполне понятное для духовных лиц стремление добиться от светских правителей проявления христианского милосердия? На данный момент со всей определенностью ответить на этот вопрос трудно по причине отсутствия соответствующих указаний источников, которые можно бы было однозначно интерпретировать. Тем не менее вряд ли стоит сомневаться, что подобные просьбы доставляли Мазепе дополнительные хлопоты в отношениях с царской властью и в определенной степени дистанцировали киевское духовенство от замыслов и политики гетмана летом — осенью 1708 г.

Подлинное письмо Стефана Яворского написано на польском языке с обширными вставками на латыни. В связи с этим публикация подготовлена с учетом рекомендаций польских археографов³⁴ и снабжена переводом. Сокращения, обозначенные титлом, раскрыты в квадратных скобках. Очевидные ошибки (пропуски букв), исправлены в круглых скобках. Сокращенные формы вежливого обращения, являвшиеся нормой для польского языка того времени, сохранены, так же как и некоторые особенности польского и латинского правописания.

Письмо Стефана Яворского — И. С. Мазепе
(26 октября 1708 г.)

(Л. 239) Jaśnie wielmożny Mści Panie Hetmanie wojsk zaporozskich etc.

Mnie wielce mści Panie i osobliwy dobrodzieju

Nie atramentem, ale gorzkimi utrapionych ludzi łzami napojony[m] piórem supplicem hanc paginam exaravi do Jaśnie wielmożnego W. M. Pana i Dobrodzieja mego, a nie tak ja, jako oni sami pro se żałośnie perorant prosząc miłosierdzia u łaskawego to jest Pańskiego serca, ja zaś potius tabellarium age³⁵ posyłając onych suppliki³⁶, jedne, gdy jeszcze tu byli na Moskwie mi podane, drugie ab ultima fere orbis Thule³⁷ in quam ab acti sunt przysłane z których WMP. i dobrodziej personas causam parvittem aut nullittem culpaе niektórych wyczytać możesz et ad misericordiam commoveri facundissimus orator onych miseria, milczy język w nieszczęściu ale oczy mówią fundendo non verba s[e]d lachri-

mas, których jeżeli czasem (przy niewinności)³⁸ nie słyszą ludzie, słyszy Pan Bóg, albowiem łyzy niewinnie wyciśnione nie padają na ziemię ale na niebo, extenuantur in vapores, ascendu[n]t in co[e]lum, condensantur in nubes, mutantur in tonitrua, cuduntur in fulmina et mittuntur in vindictam. Może za nimi patrocinarci u W. M. Pana i Dobrodzieja i pospolite prawo et usitata na tribunałach iustitia vindicativa, która choć czasem non per solum caput delinquitur sed etiam per manus et pedes, jednak nie zawsze ad omnia membra suum extendit rigorem, kątętuje się jednej ucięciem głowy, daleko bardziej in tali casu gdzie sama głowa delinquit przez swoje złe i niepomiarkowane zamysły. Nad wszystko zaś w tej sprawie stawa za mizernymi temi ludźmi u W. M. Pana i Dobrodzieja, który i za wszystkim światem mediację u nieba zjednał, unus mediator dzieł hominum homo X[r]is[tus] Jesus i bierze wielki argument ab exemplo Przedwiecznego Ojca swego mówiąc: «Estote misericordes sicut et»³⁹ (Л. 240) Pater vester est misericors. Si dimiseritis hominibus peccata eorum dimittet et vobis Pater caelestris delicta vestra, si autem non dimiseritis hominibus nec Pater vester dimittet peccata vestra. Judicium ei sine misericordia qui non fecit misericordia». A nie tylko to samym słowem persuadere, nam altissimus lecz i samym uczynkiem tak wiele nam cierpiąc tak wiele odpuszczając, i gdyby zawsze obserwował rigorosam justitiam we wszystkich naszych występkach⁴⁰, nie wiem ktoby się in vivis został, «si iniquit(a)tes observaveris D[omi]ne D[domine]ne quis sustinebit», mówi Prorok, a jeżeli się godzi miscere sacra prophanis proszę dać ucho i Tomitańskiemu⁴¹ Poecie:

«Si quoties peccant homines sua fulmina mittat
Jupiter, exiguo tempore inermis erit».

Tę motiva misericordiae przełożywszy W. Mści Panu i Dobrodziejowi sam padam do nog i pokornie proszę aby suum pondus u w. M. Pana i Dobrodzieja mieć mogły i śmieje obiecuję że jeżeli W. M. Pan i Dobrodziej convinci onemi zechcesz, pobłogosławi Pan Bóg in operationibus bellicis et dabet vicere hostes na których gniew ten, który jest na supłykujących przeze mnie niechaj padnie, nullum in expugnabilius scutum in bello contra hostes quam misericordia in domesticos, tą tarczą uzbrojonymu opto ex corde et promitto victorias zostając

Z Moskwy	Jaśnie wielmożnego w. mści Pana i
d[ie] 26	dobrodzieja wielkiego życzliwym i najniższym
o c t o b r i s	sługą i niegodnym bogomodlcą
1708.	Stephan Jaworski metropolita Riazański i Muromski ⁴²

(Л. 240 об.) *Подпись на конверте*⁴³: Jaśnie wielmożnemu a mnie wielce M[i][o]ściwemu Panu, Panu i Dobrodziejowi wilekiemu J[eg]o Mści Panu Janowi Mazepie Hetmanowi wojsk J[eg]o Carskiego Przeswi- etnego Majest(a)tu Zaporoskich, MM Panu
w oddanie⁴⁴

*Российский государственный архив древних актов. Ф. 124.
Оп. 1. 1708 г. Д. 3.*

Перевод

Ясновельможный милостивый господин гетман Войск Запо- рожских и прочее.

Мне весьма милостивый господин и особливый благодетель.

Не чернилами, но пером, пропитанным горькими слезами страдающих людей, прошение, на сем листе писанное, к ясновель- можному господину и благодетелю моему [приношу], а не столько я, сколько они сами о себе жалобно излагают, прося милосердия у милостивого, иже господского сердца. Я же скорее посланца посы- лаю с их прошениями; одни были поданы мне, когда они еще на Мо- скве здесь были, другие из почти с края света, в настоящий момент присланные, в которых ваша милость, господин и благодетель, сам о ничтожности или никчемности вины некоторых вычитать мо- жешь. Их убожество — красноречивейший оратор, взывающий к милосердию; молчит язык в несчастье, но глаза говорят, плача, не словами, а слезами, которых если иногда (в невинности) не слышат люди, слышит Господь Бог, хотя слезы, исторгнутые у невинных, не падают на землю, но на небеса, обращаясь в пар, восходя в небо, собираясь в тучи, превращаясь в гром, выковывая молнии и метая [их] в отмщение. Может их оборонить пред вашей милостью, го- сподином и благодетелем, и право посполитое, и общепринятое на трибуналах уголовное право, которое хотя временами не только ли- шает головы, но и рук, и ног, однако не всегда все члены охватывает своей строгостью, удовлетворяясь лишь отсечением головы, осо- бенно в таком случае, когда сама голова нагрешила своими злыми и неумеренными замыслами.

Кроме всего же, в этом деле вступается за этих убогих людей у вашей милости, господина и благодетеля, [тот], кто для всего света посредство у неба снискал, единственный посредник де-

яний человека [по отношению к другому] человеку, Иисус Христос, приводящий великий аргумент, по примеру предвечного Отца своего, говоря: «Итак будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд⁴⁵. Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших⁴⁶. Ибо суд без милости не оказавшему милости⁴⁷». А не только самим словом всепроникающим убеждает нас, но и самим делом, столь много терпя и столь много прощая, и если бы всегда пестовал строгость закона во всех наших поступках, не знаю, остался бы кто-нибудь в живых. «Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, — Господи! кто устоит?⁴⁸», — говорит Пророк, а если уместно процитировать не имеющего святости, прошу обратить свое ухо к Томитанскому поэту:

«Если бы всех, кто грешит, поражал Юпитер громами,
То без единой стрелы вскоре остался бы он»⁴⁹.

Эти причины, побуждающие к милосердию, изложив вашей милости, господину и благодетелю, сам я к ногам вашим припадаю и покорно прошу, чтобы [они] внимание вашей милости, господина и благодетеля, снискать могли, и смело обещаю, что ежели ваша милость, господин и благодетель, найдешь их невиновным, благословит [тебя] Господь Бог в военных действиях и дарует победу над врагами, на которых гнев тот, который есть на просящих через меня, пускай падет. Нет более непреодолимого щита в войне с врагами, нежели милосердие к подданным, и таким щитом вооруженному желаю от всего сердца и предвещая победы, остаюсь

	ясновельможного вашей милости господина и великого благодетеля
Из Москвы	желательным и нижайшим слугой и недостойным богомольцем,
дня 26	Стефан Яворский, митрополит Рязанский
октября	и Муромский
1708.	

Подпись на конверте: Ясновельможному, а мне особо милостивому господину, господину и благодетелю, великому его милости господину Яну Мазеле, гетману войск его царского пресветлого величества запорожских, моему милостивому пану для вручения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См., например: *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 8. История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 15–16. С. 324; *Терновский Ф.* Очерк из истории русской иерархии в XVIII веке. Стефан Яворский // Древняя и новая Россия. 1879. Т. 2. С. 310; *Рункевич С. Г.* История Русской церкви под управлением Святейшего синода. СПб., 1900. Т. 1. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего правительствующего синода (1721–1725 гг.). С. 74; *Маслов С. И.* Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914. С. 16–17; *Живов В. М.* Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004. С. 123 и др.

2 Петр I — Стефану Яворскому. 19 июня 1706. Смоленск // Письма и бумаги императора Петра Великого (ПБИПВ). СПб., 1900. Т. 4 (1706). [Вып. 1]. С. 282.

3 Т. Н. Стрешнев — Петру I. 10 сентября 1706 г. Киев // Там же. [Вып. 2]. С. 935.

4 См. об этом подробнее: *Рункевич С. Г.* История... С. 68–69.

5 Письма митр. Стефана Яворского // Труды Киевской духовной академии. 1866. Т. 1. [№ 4]. С. 543–544.

6 *Кочегаров К. А.* Россия, гетман Мазепа и избрание киевским митрополитом Иоасафа Кроковского. 1707–1708 годы // Славяноведение. 2016. № 4. С. 28–29.

7 Письма митр. Стефана Яворского. С. 545–546. Ср.: *Маслов С. И.* Библиотека... С. 17; *Терновский Ф.* Очерк... С. 310.

8 *Кочегаров К. А.* Россия, гетман Мазепа... С. 32.

9 Г. И. Головкин — в Малороссийский приказ. 26 июня 1708 г. Шклов // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 291–291 об. О деле Кочубея и Искры см. подробнее: *Костомаров Н. И.* Мазепа // *Его же.* Исторические монографии и исследования. СПб., 1885. Т. 16. С. 357–394, 401–404. Краткое упоминание о ссылке некоторых приближенных Кочубея и Искры в Архангельск и на Соловки содержится в труде Д. Н. Бантыша-Каменского. См.: *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. Ч. 3. Изд. 1-е. С. 117, 119.

10 «Роспись колодникам». Подписал дьяк И. Волков // РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 269–269 об. См. также: Там же. Л. 300 об.–301 об.

11 Там же. Л. 304–304 об. На грамоте смоленского воеводы П. С. Салтыкова о высылке осужденных стоит помета «колодников принять», датированная 13 июля.

12 Там же. Л. 291–291 об.

13 Память из Малороссийского в Монастырский приказ. Подписал И. Волков, справил Ф. Рогов // Там же. Л. 268. Монастырский приказ должен был выслать соответствующую «послушную грамоту» на Соловки.

14 Г. И. Головкин — в Малороссийский приказ. 15 июля 1708 г. // Там же. Л. 294; Малороссийский приказ — И. С. Мазепе. 21 июля 1708 г. Подписал М. Второв // Там же. Л. 227.

15 Г. И. Головкин — в Малороссийский приказ. Б. д. [Июль 1708 г.] // Там же. Л. 270.

16 П. С. Салтыков — в Малороссийский приказ. 12 июля 1708 г. Смоленск // Там же. Л. 270–271 об. Получено в Москве 23 июля. Ответная грамота из приказа П. С. Салтыкову о принятии основной партии осужденных по делу Кочубея и Искры датирована 19 июля 1708 г. (Там же. Л. 285 об.).

17 *Кочегаров К. А.* Россия, гетман Мазепа... С. 30.

18 Память из Малороссийского приказа в Ратушу. Июль 1708 г. // РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 38.

19 Память из Малороссийского в Монастырский приказ от 23 июля о ссылке Никанора с пометой об отказе И. А. Мусина-Пушкина // Там же. Л. 272–273 об.

20 Память из Малороссийского в Ямской приказ о подводах для Никанора. 24 июля 1708 г. с припиской: «ныне велено и остальных посылать» // Там же. Л. 280.

21 Памяти из Малороссийского приказа в Ратушу и М. П. Гагарину // Там же. Л. 281–282. В отписке из Ратуши в приказ сообщалось о выделении подвод и судна «с кормщиком и гребцами» и посылке грамот по городам (Там же. Л. 283–284 об.). Выделено было 22 подводы (Там же. Л. 286).

22 Малороссийский приказ — П. А. Голицыну. Б. д. // Там же. Л. 268 об.–269. Отдельной грамотой 24 июля воевода был проинформирован о высылке Никанора (Там же. Л. 274–274 об.).

23 Малороссийский приказ — арх. Фирсу «с братиею» о ссылке попа И. Святайло и его сына. 15 июля 1708 г. // Там же. Л. 276 об.–277. Еще один отпуск грамоты датирован 2 августа (Там же. Л. 287–287 об.). Аналогичная грамота о ссылке Никанора от 25 июля 1708 г. (Там же. Л. 275–275 об.).

- 24 Там же. Л. 267–267 об.
- 25 П. А. Голицын — в Малороссийский приказ. 1 октября 1708 г. Архангельск // Там же. Л. 317–318 об.
- 26 ПБИПВ. Пг., 1918. Т. 7 (январь — июнь 1708 г.). Вып. 1. С. 166.
- 27 Г. И. Головкин — П. В. Курбатову. 4 декабря 1708 г. Лебедин // Там же. М., 1951. Т. 8. Вып. 2. С. 924 (Головкин приказывал отправить узников в Севск, а не в Северск, как ошибочно указано в тексте опубликованного письма. Ср.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 316–316 об.); Г. И. Головкин — П. А. Голицыну. 4 декабря 1708 г. Лебедин // Там же. С. 1011. Память об освобождении узников Соловецкой обители была послана в Монастырский приказ уже 13 декабря (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 104. Л. 295–295 об.).
- 28 Малороссийский приказ — П. А. Голицыну. 14 декабря 1708 г. // Там же. Л. 298 об.–299 об.
- 29 Монастырский приказ — арх. Фирсу. 14 декабря 1708 г. // Там же. Л. 293. Подписал дьяк Г. Окуньков, справил подьячий Г. Очков. Аналогичную грамоту из Малороссийского приказа см.: Там же. Л. 296 об.–297.
- 30 Память подьячему С. Рябинину о сопровождении в Севск ссыльных на ямских подводах. 27 января 1709 г. // Там же. Л. 308–308 об.; Малороссийский приказ — севскому коменданту Г. Колтовскому о приеме амнистированных. 27 января 1709 г. // Там же. Л. 302 об.–303. Справил Ф. Рогов, подписал П. Курбатов.
- 31 *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. М., 1822. Ч. 4. С. 43. Оттуда это известие перекочевало, по-видимому, в труд Н. Маркевича (*Маркевич Н.* История Малороссии. М., 1842. Т. 2. С. 541). Оно вызывает некоторые сомнения, потому что из документов Малороссийского приказа следует, что большая часть узников была освобождена уже в январе 1709 г., тогда как Д. Н. Бантыш-Каменский пишет о ходатайстве Стефана не только за лиц духовного звания, но и за слуг Искры и Кочубея. Автор не дал ссылки на источник, и этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. Известно, например, что сотник П. А. Кованько уже в июле 1709 г. был пожалован именьями в Полтавском полку (*Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1910. Т. 2. Е.–К. С. 353).
- 32 *Костомаров Н. И.* Мазепа... С. 403–404.
- 33 *Кочегаров К. А.* Россия, гетман Мазепа... С. 35.
- 34 Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI — do połowy XIX w. / Pod red. K. Lepszego. Wrocław, 1953.
- 35 Стоит обратить внимание, что в самом начале письма местоблюститель Стефан Яворский подчеркивает, что является лишь посред-

ником при передаче просьб ссыльных о помиловании, хотя на самом деле выступает полноценным ходатаем за осужденных украинцев.

36 В тексте последняя «і» исправлена из «у».

37 Туле — традиционная наиболее северная земля в античной и средневековой географической и литературной традиции, часто считавшаяся островом, под которым понимались Исландия, Гренландия, Гебридские, Фарерские и др. острова. Выражение «ultima Thule» означало в средневековой географии местность, лежащую за границами ойкумены — известного людям мира, подобно русскому выражению «на краю света». Стефан Яворский использует его, чтобы подчеркнуть, сколь далеко на севере, на границе цивилизации, находились люди, приславшие ему прошения о помощи.

38 Скобки в тексте.

39 В конце листа помета: «Яворского митрополита».

40 Первоначально в тексте было ошибочно написано «występkach», затем «т» зачеркнуто.

41 Овидий, как известно, был сослан в Томы (Tomis), ныне румынский г. Констанца. Отсюда — польск. Tomitański («Томитанский»).

42 Дата и место, а также подпись от слов «Stefan Jaworski» написаны более светлыми чернилами. Год подчеркнут снизу.

43 На конверте присутствуют пометы, сделанные в приказе или походной канцелярии. Наверху: «1708», внизу: «письмо резанского митрополита Яворского Мазепе». На конверте также видна небольшая овальная осыпавшаяся печать.

44 Далее следует своеобразный завершающий росчерк пера в виде спирали.

45 Здесь и далее цитаты из Священного Писания даны по синодальному переводу: Лк. 6: 36.

46 Мф. 6: 14–15.

47 Иак. 2: 13.

48 Пс. 129: 3.

49 Перевод дан по: Овидий. Скорбные элегии. Кн. 2. Элегия единственная. Пер. 3. Морозкиной // Овидий. Собрание сочинений. СПб., 1994. Т. 1. С. 258.

K. A. Kochegarov

The unknown letter of the Patriarch locum Stefan Yavorsky to Hetman
I. S. Mazepa

The author introduces the unknown letter of the Patriarch locum Stefan Yavorsky to the Ukrainian Hetman I. S. Mazepa containing a request to protect convicts with regard to the case of V. L. Kochubey and I. I. Iskra into scientific discourse.

Key words: *I. S. Mazepa, Stefan Yavorsky, V. L. Kochubey, I. I. Iskra, Russian-Ukrainian relations.*

Е. П. Серапионова
(Москва)

В. А. Мякотин о взаимоотношениях русской эмиграции и России

Публикуется доклад известного русского историка и общественно-политического деятеля В. А. Мякотина, отражающий сложную обстановку внутри русского зарубежья и различные точки зрения на взаимоотношения с Россией.

Ключевые слова: *В. А. Мякотин, русская эмиграция, движение «возвращенчества».*

Известный историк, публицист, общественно-политический деятель Венедикт Александрович Мякотин* (14.03.1867, Гатчина, Петербургская губ. — 5.10.1937, Прага) происходил из семьи почтового служащего. Он окончил гимназию в Кронштадте, а в 1891 г. — историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. Мякотин преподавал историю в средних учебных заведениях, читал лекции по русской истории в Александровском лицее (с 1891), в Александровской военно-юридической академии. Первый печатный труд Мякотина — «Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов» (1889). Он написал также биографии Мицке-

* Личный фонд В. А. Мякотина находится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5917. Оп. 1–2. Подробнее о В. А. Мякотине и его трудах см.: *Тютюнник Л. И.* Вводная статья о В. А. Мякотине к описи 1 Ф. 5917. ГА РФ. — URL: <http://savedarchives.net/ru/article/v-a-miakotin>; *Алданов М.* Памяти В. А. Мякотина // *Современные записки.* 1937. № 65; *Демина Л. И.* Красная книга ВЧК. 2 изд. М., 1989. Т. 1; Мякотин Венедикт Александрович // *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.* СПб. (1890–1907) — URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/70429/%D0%9C%D1%8F%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%BD (дата обращения 27 мая 2016 г.); *Иогансон Е. Н.* В. А. Мякотин: Историк и политик: дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Он же.* Мякотин В. А. // *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века.* Энциклопедический словарь. М., 1997. С. 435–437; *Зезегова О. И., Павлова Т. В.* Переписка Н. И. Кареева и В. А. Мякотина как исторический источник // *Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследие.* М., 2010. С. 292–293.

вича (1891) и протопопа Аввакума (1893). В 1892 г. опубликовал лекции по истории России XVIII–XIX вв.

С 1893 г. Мякотин сотрудничал в журнале «Русское богатство» (с 1905 — член редакции), где регулярно публиковал исторические очерки и публицистические статьи, анализирующие общественно-политическую жизнь страны.

На основе изучения большого количества документов из архивных хранилищ Киева, Чернигова, Харькова, Москвы Мякотин подготовил и издал работы, внесшие значительный вклад в разработку таких проблем, как присоединение Украины к России, возникновение крепостного права на левобережной Украине («Прикрепление крестьянства левобережной Малороссии в XVIII ст.», 1894, «К истории Нежинского полка», 1896). Его интересовала также духовно-нравственная жизнь русского общества в XVII–XIX вв. Общественное движение в России Мякотин рассматривал в контексте проблемы «Россия и Запад». В 1902 г. он издал книгу «Из истории русского общества», в состав которой вошли разные его исторические статьи, большей частью из «Русского богатства».

Весьма разнообразна общественная деятельность Мякотина. Он принимал активное участие в Союзе взаимопомощи русских писателей при Русском литературном обществе (1896), был в числе профессоров, подписавших в 1899 г. коллективное обращение к министру внутренних дел о предоставлении советам профессоров возможности обсудить меры к успокоению волнений учащихся. Он являлся членом кружка «Герцен» (1900), который занимался распространением в России запрещенных лондонских и женевских изданий, участвовал в работе Общества литературной пропаганды среди рабочих. С 1901 г. В. А. Мякотин сотрудничал в Социал-демократической рабочей библиотеке, в Комитете общества вспомоществования студентам Санкт-Петербургского университета, входил в состав нелегального Красного Креста.

Довольно заметной была и политическая деятельность В. А. Мякотина, придерживавшегося либерально-народнических взглядов. Совместно с А. В. Пешехоновым и другими он возглавлял народническую группировку сотрудников журнала «Русское богатство». Впоследствии они стали основателями и лидерами народно-социалистической партии (НСП), организационно сложившейся в 1906 г. (в 1907 г. партия приостановила свою деятельность).

В 1901 г. Мякотин был арестован по политическим мотивам и выслан на три года в г. Валдай (Новгородской губ.), в 1904 г. вернулся

в Петербург. Накануне событий «Кровавого воскресенья» он входил в состав делегации, посетившей министров С. Ю. Витте и П. Д. Святополк-Мирского с просьбой не применять военную силу против демонстрантов. После разгона рабочего шествия Мякотин был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

В. А. Мякотин входил в либеральный «Союз освобождения», был одним из редакторов оппозиционной газеты «Сын отечества», сотрудничал в газете эсеров «Революционная Россия» (конец 1905 г.), журналах «Русское богатство», «Современные записки» и «Современность» (1906–1911). В мае — июне 1906 г. остро критиковал на митингах в Петербурге Государственную думу I созыва, вновь был приговорен к заключению, которое отбывал в 1911–1912 гг. в Двинской крепости (Даугавпилс). В 1912–1915 гг. печатал в «Русском богатстве» и «Русских записках» «Очерки социальной истории Малороссии», а также опубликовал ряд статей в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона.

Во время Первой мировой войны Мякотин занимал «оборонческую» позицию. В период февральских событий 1917 г. поддерживал политику правых эсеров. С марта — член исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от возродившейся НСП (энесов). Входил в Особое совещание по выработке положения о выборах в Учредительное собрание. На 1-м Всероссийском съезде крестьянских депутатов (КД) избран в Исполком Всероссийского Совета КД, позднее став товарищем председателя.

В июне 1917 г. Трудовая группа объединилась с НСП в Трудовую народно-социалистическую партию (ТНСП), а на ее 2-м съезде Мякотин был избран председателем ЦК ТНСП, выступал за сохранение государственного единства, был сторонником федеративного строя, принимал участие в подготовке к созыву Учредительного собрания и был избран в него от ТНСП.

Октябрьскую революцию Мякотин не принял. В 1918 г. он выступал против условий заключения Брестского мирного договора, возлагая надежды на вмешательство союзников, критиковал внешнеполитический курс большевиков, высказывался против сотрудничества интеллигенции с советской властью. Мякотин стал одним из учредителей в Москве «Союза возрождения России», объединявшего кадетов, правых эсеров, меньшевиков и народных социалистов. Он участвовал в выработке задач Союза: воссоздание русской государственной власти, воссоединение с Россией отторгнутых от нее территорий, созыв нового Учредительного собрания, которое и

установит формы государственного правления. Союз рассчитывал опереться также на офицерские кадры, Мякотин вел переговоры с командованием Добровольческой армии. В конце 1920 г. вновь был арестован (освобожден в апреле 1921 г.).

В 1922 г., как и многие представители русской интеллигенции, Мякотин был выслан из Советской России. Сначала жил в Берлине (1922–1924), потом в Праге (1924–1931), затем в Софии. В вынужденном изгнании он занимался научной и педагогической деятельностью, сотрудничал в эмигрантской прессе (в частности, в газете «Последние новости»), являлся председателем пражской группы ТСНП, профессором Русского народного университета (РНУ, с 1924 г.), Софийского университета (с 1928 г.), одним из разработчиков положения о Русском заграничном историческом архиве (РЗИА), членом его Совета и (с 1925 г.) Ученой комиссии, членом Русской академической группы в Праге, членом правления Чешско-русского объединения (Едноты), членом Русского исторического общества, состоял в Союзе русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике.

Публикуемый доклад В. А. Мякотина, прочитанный в Париже в январе 1926 г., посвящен отношению русских эмигрантов к России, спорам о том, стоит ли стремиться вернуться на родину или сохранять непримиримую позицию в отношении к советскому режиму до тех пор, пока он не будет свергнут изнутри или не эволюционирует в демократическом направлении. Размышления на эту тему русского историка и публициста Венедикта Александровича Мякотина достойны внимания, так как отражают сложную обстановку внутри русского зарубежья, различные точки зрения, разрыв между поколениями.

Документ хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5917. Мякотин Венедикт Александрович. Оп. 1. Д. 48. Доклад о белоэмигрантах и советской России. На папке дата — 1926 г. Машинопись. На 13 листах. Название написано от руки. На первой странице в правом верхнем углу печать: Прага Русский заграничный исторический архив (РЗИА) и № 6616. Текст публикуется по правилам современной орфографии с сохранением стилистических особенностей автора.

**Стенограмма публичного доклада, произнесенного
В. А. Мякотиным в Париже в январе 1926 г.**

За последнее время вопрос о взаимоотношениях русской эмиграции и России как будто встал в центре внимания эмиграции. Много

пишут об этом вопросе, много говорят и спорят о нем в самых разнообразных общественных собраниях. — Сам по себе вопрос этот не нов. Он стоит перед общественным мнением, он стоит перед каждым из нас в нашем повседневном быту вольных и невольных эмигрантов. И всякий из нас думает над ним, и всякий решает его для себя. Время от времени, однако, интерес к нему обостряется, и мы испытываем потребность нашим коллективным суждением проверить нашу личную точку зрения. Вполне законно это стремление свести свое личное мнение на очную ставку с мнением других людей. Новое, молодое поколение вступает в жизнь за рубежом. Существование громадной русской эмиграции остается неизбывным фактом нашей действительности. Естественно, что время от времени общественная мысль обращается к вопросу о взаимоотношении этой эмиграции с Россией и что отдельные люди ищут проверить свои решения общим мнением. — Сейчас именно и наблюдается такое обострение.

В моем распоряжении нет новых неожиданных фактических данных. Я могу изложить здесь только мои размышления. Но, думается мне, и мои размышления кое-какую, может быть, условную, ценность имеют. В данном случае они имеют значение, тем более что они не только личные. В этом вопросе я не вполне одинок. Я не буду излагать только свое личное мнение, но мнение общественной группы, к которой я принадлежу, мнение, которое преобладает среди тех членов Народно-социалистической партии России¹, которые оказались за рубежом.

Новая русская эмиграция, которая сложилась в результате последних лет, по размерам представляет небывалое в истории явление. Численность эмиграции громадна. Никто не мог и не может точно установить эту численность. Говорят об одном миллионе, о двух-трех миллионах и даже больше. Во всяком случае, никто ниже одного миллиона не опускается². — Уже одни эти громадные цифры показывают, что русская эмиграция — явление огромного значения. Есть, однако, еще одна сторона. Русская эмиграция необыкновенно разнообразна по своему составу. — Государственные перевороты всегда выбрасывали за пределы страны большое количество населения. Всегда, однако, выбрасывались группы людей, близких между собой по общественному и социальному положению, группы, так или иначе причастные к свергнутой власти. — В составе же русской эмиграции оказались представленными самые разнообразные классы России, начиная от членов бывших правящих классов и кончая рабочими: — люди, жившие своими капиталами, чинов-

ничество, военный класс, профессора, врачи, адвокаты и, наконец, многочисленные земледельческие и промышленные рабочие. Так же разнообразен и спектр политических взглядов русской эмиграции. Взять ее за одни скобки — невозможно. Этим она отличается от всех бывших раньше исторических эмиграций, этим она характеризует сущность переворота, происшедшего в России.

В одном, однако, эмиграция остается однообразной — в своем упорном притяжении к России. Весь смысл существования русской эмиграции, как таковой, в ее отношениях с родиной. Если эти отношения прекратятся, если эмиграция потеряет нить, связывающую ее с Россией, то она потеряет право на существование и должна будет влиться, войти в жизнь окружающих ее народов. — Отдельные лица, небольшие группы вошли в жизнь тех стран, среди которых разбросана русская эмиграция. Но в массе своей русские эмигранты продолжают сохранять свой национальный облик, продолжают ощущать себя частью России, частью русского народного организма. Этот факт у каждого из нас перед глазами, и по поводу него не может быть разногласий.

Как складываются и как должны складываться отношения между этой частью и целым?

Среди русской эмиграции даются разные ответы на этот вопрос. Начнем с некоторых крайних ответов.

Слышатся голоса из среды русской эмиграции. Они говорят, что с момента исхода эмиграции из России, из России как бы ушла русская культура. Эмиграция явилась носительницей и хранительницей этой культуры, и на [ней] лежит задача спасти Россию. — Таких голосов было немного, но они звучали очень громко. Некоторые люди, не особенно прислушивавшиеся к ходу русских событий, не особенно вникавшие в сущность всего происходящего в России и в эмиграции, принимали эти голоса за выражение мнения всей эмиграции. На самом деле, однако, они этим выражением не были и не могут быть.

В самом деле, как можно говорить, что русская культура сохранилась вне России? Искусство, культура, наука — все это осталось на родине, продолжает жить, развиваться. Носительница русской культуры — интеллигенция — в массе осталась в России. Мы только обломки, выброшенные бурей за пределы России. Взять на свои слабые плечи задачу хранения русской культуры мы, эмигранты, не можем. Непосильна задача спасения России нашими силами. Народы не спасаются небольшой своей частью. Народы спасаются напряжением своих собственных сил. Спасение России может выйти только

из нее самой. Эмиграция должна лишь впрячься в эту колесницу, которую везет на себе главная масса русского народа и которая приведет его к освобождению. В этом задача эмиграции. — Есть и другой взгляд, я бы сказал, прямо противоположный. Из рядов русской эмиграции слышатся голоса, говорящие о том, что у русской эмиграции в настоящее время нет и не может быть действительной, серьезной задачи. Да, раньше такая задача была. Было время, когда эмиграция вела борьбу с нынешним правительством России. Но исход борьбы определила победа большевиков. Из этого следует неизбежный вывод. Никакой силы русская эмиграция собой не представляет. Никакой реальной борьбы она не ведет и не может вести. Теперь борьбу при помощи пушек сменила борьба словесная, ненужная и бесплодная. Положение русской эмиграции совершенно нелепо. Она постепенно теряет русское лицо, теряет связь с народным бытом, с русской культурой. Некоторые лица, говорящие за нее, делают вид, что ведут борьбу. На самом деле, однако, они никакой борьбы не ведут, а лишь показывают кукиш в кармане. Надо прекратить это нелепое положение, надо искать выход. Выход определенный. Эмиграция не может существовать без России, но Россия может отлично существовать без эмиграции. В России постепенно затягиваются раны, которые нанес ей уход той части народных сил, которая находится в эмиграции. Эмиграция постепенно переходит на положение лишних, бесполезных людей на родине. Если гора не идет к Магомету, то Магомет должен идти к горе. Если эмиграция не хочет оказаться чужой и ненужной для своей родины, она должна вернуться в Россию и не порывать связи с ней³.

Верны ли эти рассуждения?

Мне приходит на ум одно сравнение: мне вспоминаются восьмидесятые, девяностые годы прошлого столетия. Это было время разгула реакции в России, когда всякая борьба против существующего режима, казалось, надолго прервалась. Оппозиционные силы были начисто сметены правительством. В это время мощи самодержавия в России существовала Шлиссельбургская крепость⁴, и в ее стенах томились старые революционеры, разбитые правительством. Мне представляется, если бы к ним пришли и сказали: «Борьба кончена. Бессмысленно ваше упорство против победителя. В стране царит мертвое спокойствие. Что вы можете сделать со всемогущим царским правительством? К чему ваше упорство?» Таких голосов тогда не раздавалось. Никто не попытался тогда убедить революционеров в Шлиссельбурге, что бессмысленно их сидение.

Ну а мы, помнящие этот старый Шлиссельбург, мы, до которых доходили обрывки сведений, как томились борцы за свободу народа, скажем ли мы: «бесплодна шлиссельбургская трагедия»? Ни у кого не повернется язык сказать это слово. Эта мрачная тюрьма горела как факел во всей стране, среди общего безмолвия и подавленности. — Я не хочу сравнивать русскую эмиграцию нашего времени со шлиссельбургскими узниками. Мы живем на свободе, в культурных странах. Но потому что мы побеждены, должны ли мы признать, что наше дело было неправо?

Очевидно, что вопрос надо ставить иначе, и он порой иначе ставится.

Нам говорят — положение эмиграции невероятно трудное и тяжелое материально, в национальном отношении ей грозит опасность денационализации, нет смысла в чужой работе ради куска хлеба. Не проще ли добиться возможности ту же работу развивать на родине? Там будет легче, так как там всякая работа служит и родине. Разве мы имеем право заграждать дорогу на родину этим людям? Каждый решает сам за себя. Само собой разумеется, каждый имеет право выбирать, жить на чужбине или на родине. Никто не может осуждать тех, кто решил вернуться на родину. Но как вернуться, как преодолеть барьер, который стоит между нами и Россией? Каждый из нас туда рвется. Тяга в Россию неизбывна в каждом из нас. Как эту тягу претворить в живое дело? Ведь власть, ныне существующая в России, нас туда не пустит. Условия возвращения сводятся к тому, что человек, который хочет вернуться на родину, должен покаяться перед властью, дать подписку о лояльности к этой власти. Если кто находит возможным дать такое ручательство, взять на себя обязательство не бороться с властью, чтобы попасть на родину, — его нельзя осуждать. Нельзя требовать от людей геройства. Но тогда этот человек не должен заниматься политикой. Мы ставим условием, чтобы человек, который не подходит для политической деятельности, не брался за нее. Да, и раньше люди калялись, подавали прошения на Высочайшее имя. Но после этого они уже не занимались политической деятельностью. Политическая деятельность требует самоотверженности. Может быть, можно пройти в Россию путем преклонения перед властью. Но, пройдя этим путем в Россию, нельзя заниматься там общественной деятельностью, ибо никто не поверит искренности этой деятельности. Нет позора, нет осуждения людям, поступившим таким образом, но нельзя, отказываясь от политики, принимая унижительные условия, мечтать о борьбе с властью, которая эти условия ставит.

Но есть другая, более мрачная сторона дела. Тем, кто эти условия выполнит, даже тем, широкая дорога в Россию не открыта. Большое количество эмигрантов большевики в Россию не впустят⁵. Не потому, что они видят в них страшных противников. Есть много эмигрантов, которые ничего особо страшного не сделали. И не потому, как говорят нам, эмиграция бесполезна для России. В рядах эмиграции есть целый ряд ученых, которые могли бы принести пользу на кафедрах русских университетов, врачей, инженеров, писателей, земледельцев, квалифицированных фабрично-заводских рабочих, которых в России сейчас так мало. А между тем дорога в Россию для русской эмиграции остается закрытой. Дело в том, что русские эмигранты опасны для советской власти по самому существу своему — опасны потому, что не угнетены⁶, не обращены в рабское состояние. Их, как некоего бродила, опасаются большевики.

Все разговоры о возвращении, то течение «возвращенчества», о котором столько говорят в последнее время, не имеют в этих условиях как будто под собой никакой реальной почвы. Не собственная неохота, а неохота власти мешает эмигрантам вернуться на родину. В этих условиях убеждать эмигрантов вернуться на родину как будто даже и смешно. Дело в том, чтобы сломить эту уродливую власть, которая мешает миллионам русских людей вернуться на родину и работать в России.

Пока эмиграции приходится оставаться на чужбине. Как же ей строить взаимоотношения с родиной?

Нам говорят иногда, что здесь на эмиграции в целом лежат тяжелые грехи. Эмиграция слишком увлечена идеей борьбы с большевиками. Ненависть к большевикам ослепляет ее. Стремясь бить по большевикам, она в своем ослеплении бьет по России. Между тем власть большевиков меняет свой облик, становится культурнее, мягче, либеральнее, представляет часто интересы родины. Так ли это? Говорят, что эмиграция в целом так ослеплена ненавистью к большевикам, что бьет по родному народу, а большевистская власть так эволюционирует, что часто представляет интересы этого народа. Говорят — вот большевики по всей Европе ищут кредиторов. Им кредитов не дают, отчасти потому, что эмиграция мешает большевикам получить кредиты. Но ведь эти кредиты нужны России для восстановления ее экономического благосостояния. Источников капитала в России нет, капитал большевики могут достать только за границей, а там им в этом препятствуют эмигранты.

В свое время царское правительство тоже пыталось получить заем во Франции. Представители русской демократической общественности — не только социалисты — пытались убедить французских банкиров не давать кредитов царскому правительству. Тогда тоже говорили: «Не мешайте, вы мешаете правительству, которое может часть этих денег употребить на народные нужды». И русские демократы отвечали: «Пусть оно даст народу высказаться о своих нуждах. Тогда мы больше не будем мешать». — Американские банкиры давно говорят советскому правительству: «С того момента, когда вас признает русский народ, никаких препятствий к вашему признанию с нашей стороны не будет». То, что понимают американские банкиры, должны понять и русские общественные деятели. Мешая займам большевиков, они делают полезное для России дело.

Советское правительство по-прежнему является правительством тираническим. Конечно, теперь в России введены другие способы. Под стихийным действием народных масс, отвечающих на насилия советской власти восстаниями, большевики несколько выпрямили свою линию. Но разве можно сказать, что их власть перестала быть насильственной тиранией над Россией? Мы читали о дискуссии в пределах РКП. Но что мы знаем о том, что совершается вне РКП? Где голоса граждан, не принадлежащих к коммунистам? Где их воля? Страна все еще под диктатурой коммунистической партии, несколько десятков человек правят огромной Россией. Никаких отступлений от насильственного проведения своей воли большевиками нам современная жизнь России не представляет.

Правда, некоторое хозяйственное улучшение наблюдается. Но разве это заслуга власти? Разве удивительный урожай этого года вызван большевиками? Если бы был неурожай, то снова разыгралась бы трагедия, как в 1921 году. Разве можно на таких условиях строить что-нибудь прочное? Мир с большевиками не заключен русским народом, и не приходится его заключать русским эмигрантам. Ей предстоит еще борьба. В этой борьбе должна объединиться русская интеллигенция, создавая в некотором роде единый фронт. Чувство ненависти к власти, уродующей русскую жизнь, должно спаять эмиграцию. Я боюсь, что это — задача иллюзорная. На отрицательной задаче нельзя построить единого фронта. Нельзя разнообразными силами идти бороться. Надо знать, за что идти бороться. — Борьба с большевиками должна идти за народную свободу, за право народа определять свою судьбу. Вокруг этой задачи могут быть собра-

ны силы, способные вести эту борьбу. — Водоразделом между теми, кто способен вести борьбу с большевиками общими силами, и теми, кто к этому неспособен, — должно служить признание народовластия. Предлагают положить в основу деления признание республики или монархии. Но тут, по-моему, слишком выдвигается формальный признак. Одного термина — республика — мало, чтобы обозначить принцип народовластия. В теории монархия может быть лучше республики для народных масс. Надо знать, с какой монархией и с какой республикой имеешь дело. Ведь и в советской России республика — правда, очень скверная республика.

На практике наши русские монархисты весьма тесно связаны с определенной социальной задачей — восстановления кастового деления общества. Они представляются совершенно невозможными союзниками для тех, которые стремятся вести борьбу с большевиками во имя народовластия. Народовластие это для нас тесно связано с рядом личных прав граждан, ибо где стеснены права лица, там не может выковываться народный разум. Только лозунгом — права народа, права граждан — можно поставить борьбу с большевиками на ту дорогу, на которой возможна победа.

Я не хочу сказать, что не сегодня завтра заря победы засияет над нами. Я думаю, что борьба с большевиками еще не представляется осуществимой и возможной. Но не теряет значения и сохраняемая нами непримиримость, готовность не идти на соглашения с врагом, топчущим во прах родной народ и его свободу. Наша судьба на чужбине тяжела. Но всегда была горька судьба тех, кто входил в ряды русской интеллигенции, об этом свидетельствует судьба одного из первых русских интеллигентов, неустрашимого борца за свою веру, протопопа Аввакума⁷. Он был сослан в Сибирь за свои убеждения, а вот рассказывает о таком эпизоде, разыгравшемся на дальней дороге. — Бредем мы, снега глубокие, людишки усталые. Протопопица по льду скользит, падает. И вот спрашивает протопопица: «Долго ли нам, Петрович, мучаться?» — «До самой смерти, Марковна». А она отвечает: «И на добро еще, Петрович, побредем».

Я не знаю, долго ли еще русской интеллигенции идти той тяжелой дорогой, по которой идет теперь русская эмиграция и вся масса русского народа. Но я знаю — не умирает народный дух. Там, в России, тщательно скрываемая от наших глаз, там все-таки идет борьба. Населяется далекий Нарымский край⁸. Отправляются новые заключенные на Соловецкие острова⁹ и в концентрационные лагеря. Идет борьба, и напрасно пытаются нас уверить, что она не имеет ничего

общего с идеей свободы, что она сводится к мелким достижениям сегодняшнего дня. Великий русский народ не может отказаться от борьбы. Нам надо стремиться поймать отклик этой борьбы и стремиться тут выковать оружие свободного слова, которое разит иногда лучше, чем мечи и пушки, и оружие политической мысли, чтобы ею служить родине в желанный момент. Может, многие сойдут в могилу, не дождавшись этого момента слияния с родным народом. Но мы должны быть готовы принести на родину культурные навыки и готовность борьбы за счастье русского народа.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Мне предстоит, господа, не столько возражать говорившему здесь, сколько давать некоторые разъяснения. Увы, приходится разъяснять не только свои, но и чужие мысли, ибо некоторые из говоривших здесь говорили чересчур образно. Попытаюсь представить их мысли в ясных очертаниях. Мы слышали тут утверждение, что для нас Бог — это Россия. Это верно; мне кажется, что ни для кого из нас вопроса о том, что Россия существует, быть не может. Говорили также, что для того чтобы Россия существовала — нужно движение, что телегу надо вытащить из грязи, в которой она застряла. Но ведь телеги бывают такие, что их плечом не приподнимешь. Пожалуй, тогда придется пустить в ход некоторые лекции, о которых тут так презрительно отзывались, чтобы поднять некоторые телеги. Я отказываюсь приветствовать всякое движение только потому, что оно движение. Недавно мы слышали утверждения, что сейчас можно приветствовать интервенцию, даже если авторы этой интервенции — иностранцы — будут при этом преследовать свои собственные интересы. От такой интервенции да хранит нас судьба. А другой интервенции быть не может.

Говорили также, что для того чтобы освободить заключенных в тюрьме, надо просто перерезать тюремщиков, что без того, чтобы перерезать тюремщиков, не начиналась ни одна революция. Но это не так. Бывали революции, которые не начинались с резни кого-нибудь. Наша февральская революция разве началась с такой резни? Резня пришла потом... Во всяком случае, это очень упрощенное представление, что для того чтобы освободить страну, надо перерезать охраняющих ее тюремщиков и извне совершить нападение на тюремную стражу. Народы, запертые в тюрьмах, освобождаются сами собой. Ни один народ еще не освободился чужими силами. Нам

тут приводят примеры Чехии, Сербии и пр. Но на самом деле иностранная помощь лишь являлась дополнением уже давно происходившей внутри этих стран национальной борьбы. В жизни народов, конечно, переплетаются многие нити. Бывают случаи, когда один народ помогает другому. Может, конечно, наступить случай, когда и русскому народу поможет другой. Но на этом нельзя строить надежду на освобождение.

Перехожу к другой теме, которая здесь громко не затрагивалась, но дошла до меня через переданную мне записку. Это вопрос о возвращении на родину. Существует молодежь, которая детьми выехала из России и теперь стремится вернуться, работать на родине. Что ей посоветовать?

Советовать чрезвычайно трудно. Нужно постараться показать ей действительность — на что она наткнется на родине. На власть, которая не признает человеческого достоинства, элементарных человеческих прав, и, конечно, люди, выросшие за границей, в другой, свободной обстановке, с этой властью не примирятся. Если они хотят идти на борьбу, пусть будет что будет, мы не имеем права их удерживать.

Ст. Иванович¹⁰ протестовал против слишком резкого разделения между обывателями и политиками. В этом я с ним согласен. Не согласен я только в одном. Старые русские партии стремились всех обывателей делать политиками. Но это стремление очень слабо отражалось на действительной жизни. В этом и было несчастье русской дореволюционной общественности. Мы думали, что существуют обыватели, но не старались делать из них граждан. Считалось правильным, что студент, сидя на университетской скамье, занимался политикой, а уходя с этой скамьи, одновременно уходил и из политической жизни. — Надо было бы стремиться к тому, чтобы из обывателей вырастали граждане, чтобы они понимали, что политика входит в жизнь каждого из нас, что здоровая политика бывает лишь там, где много граждан и мало обывателей. — Во всех затронутых вопросах важно, чтобы мы, эмигранты, не становились в позу обывателей и подходили к ним с точки зрения русского гражданина. Если придется нам столкнуться с каким-нибудь политическим вопросом, одного только стихийного давления будет слишком мало для здорового направления политики. Нужно, чтобы к стихийности присоединилось и сознание.

Стихийный процесс, который происходит в России, мы видим и ощущаем не только в области хозяйственной. Кто следит за больше-

вистскими журналами и газетами, видит, что они сильно изменили свой облик. Самые злые карикатуры на советский строй мы находим в советских газетах и журналах, в произведениях беллетристов, печатающихся в России. Стихийная сила пробилась через все рогатки, которые власть поставила на ее пути. Эта стихийная сила, однако, едва ли достаточна для того, чтобы установить правильные порядки жизни. — Я думаю, что не всегда там, где есть борьба, есть и свобода. Борьба шла и в предыдущие годы. Были серьезные крестьянские восстания, беспощадно подавлявшиеся. Нет гарантий и в будущем, что крестьянам удастся победить. Большевики располагают не только пулеметами и пушками. Пущена в ход и водка. Сталин говорит: «Немыслимо социализм строить в белых перчатках». Слова эти полны крайнего цинизма, однако сопровождающие их дела таковы, что если крестьян начнут спаивать, то из необходимых на семью 30 пудов выкачают необходимую часть. Конечно, в старых размерах террора нет. Но еще недавно разыгрался в Петербурге пресловутый процесс лицеистов¹¹. Террор не прекратился, не прекратилась отчаянная борьба советской власти против всех, кто ей в чем-нибудь перечит. Права народа остаются непризнанными.

Пока нет признания этих прав, непримиримое отношение к советской власти должно остаться в полной силе. Лично я полагаю, что пока в стране существует власть, которая не признает за народом никаких гражданских прав, которая применяет к нему всевозможные меры насилия, — к ней только и можно относиться как к врагу народа. Немыслимо предоставлять ей средства к существованию. Из этого, однако, не следует, что нужно поддерживать иноземных врагов этой власти. Если иностранная держава выступит против России, то я союзником этой державы не буду. Но я не могу встать в отношения дружбы и нейтралитета к врагу русского народа — советской власти.

Мне кажется, что можно подвести некоторый итог тому, в чем сошлись говорившие здесь. Это сводится к следующему: отношение эмиграции к России — отношение части к целому. Мы, эмигранты, живем для России, и для нее обязаны жить, пока остаемся в эмиграции. Мы являемся ненавистниками власти, но друзьями русского народа. Мы должны защищать его от всех врагов, из которых одним из злейших является власть, которая управляет им. В России открытая формулировка борьбы невозможна, мы должны формулировать ее здесь, воспитывать в себе и других тех политических деятелей для России, в которых она нуждается взамен тех обывателей, которых в ней было слишком много.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Народно-социалистическая партия России — Трудовая народно-социалистическая партия (народные социалисты, энесы, ТНСП) — неонародническая партия городской интеллигенции, была создана в период революции 1905 г., выделилась из правого крыла эсеров. Партия народных социалистов исключала террор как средство политической борьбы. Видными идеологами энесов являлись профессоры и публицисты А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский, В. Г. Богораз, В. И. Семевский, С. Я. Елпатьевский, Ф. Д. Крюков. Во 2-ю Думу энесам удалось провести 14 депутатов и образовать свою фракцию. В 1907 г. партия фактически распалась, возродилась после Февральской революции 1917 г. В июне 1917 г. объединилась с трудовиками. В состав объединенного ЦК вошли А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин (председатель), С. П. Мельгунов, А. Д. Демьянович, Н. П. Огановский, А. Б. Петрищев и др. На съезде была принята программа объединенной партии. Официальным органом энесов стала газета «Народное слово». В 1918 г. партия фактически прекратила свое существование в России. В эмиграции энесы пытались восстановить партийную деятельность и объединить антибольшевистские силы. В начале 1920-х гг. сложились три центра энесовской эмиграции: Берлин, Париж и Прага. Постепенно усилились идейные разногласия в ТНСП по поводу различного отношения к советской власти и перспективам развития России, что существенно ослабило партию. ТНСП официально просуществовала до 1940 г. Подробнее см.: *Сыпченко А. В.* Трудовая народно-социалистическая партия: идеология, программа, организация, тактика (1906 г. — середина 1920-х гг.). Автореферат диссертации д.и.н. Самара, 2006. Доступен на сайте: <http://cheloveknauka.com/trudovaya-narodno-sotsialisticheskaya-partiya-ideologiya-programma-organizatsiya-taktika>

2 На этом числе сходятся и большинство современных исследователей, занимающихся проблемами эмиграции.

3 Такого рода рассуждения высказывались так называемыми сменовеховцами и «возвращенцами», как их окрестила эмигрантская пресса. Сменовеховское движение, возникшее в начале 1920-х гг. во главе с Н. В. Устряловым, стояло на позициях признания советской власти и подразумевало возвращенство. Уже в начале 1920-х на родину вернулись более 120 тыс. человек. Среди них известные писатели, артисты, военачальники. «Союз возвращения на Родину» (с 1937 г. «Союз друзей советской Родины») образовался в конце 1920-х гг. на основе парижского кружка левых евразийцев, пришедших к признанию со-

ветской власти через религиозно-философские и мистические поиски мессианского предназначения русского народа. Деятельность Союза разворачивалась в основном на территории Франции. К середине 1930-х гг. в ряды организации входило около 1000 человек, в том числе более 400 — в Париже, и хотя в 1931–1936 гг. через Союз уехало на Родину всего только три человека, роль этой организации в распространении сведений о Советской России, налаживании культурных контактов и расширении оборонческого и возвращенческого движения была очень велика. В рамках Союза действовала коммунистическая партийная организация, финансовую помощь ему оказывал СССР. Само появление Союза свидетельствовало о желании вернуться в Россию эмигрантов, признавших советскую власть. Вернуться на родину хотели многие, но далеко не все из них готовы были примириться с советским строем. При этом далеко не каждый, подавший прошение в советское посольство, получал паспорт советского гражданина. Многие годами ждали разрешения вернуться: от каждого претендента советская сторона требовала выдержать испытательный срок, пройти проверку и делами доказать верность советской родине. Но далеко не все из возвратившихся и включившихся в жизнь новой России выжили в период сталинского террора. Были случаи расстрела вернувшихся и сразу после вступления на родную землю. Об этом за границей было известно, и именно в ответ на призыв возвращенцев, вероятно, и подготовлен этот доклад. О репатриации в СССР до 1925 г. см., напр.: *Симонова Т.* Возвращенцы // *Родина*. 2009. № 4. Доступно на сайте: <http://www.promreview.net/moskva/vozvrashchentsy?page=0,9>

4 Древнерусская крепость Орешек, основанная в 1323 г., с 1703 г. потеряла военное значение и была превращена в политическую тюрьму. Там содержались опальные представители дома Романовых, царедворцы, раскольники, декабристы, участники польских восстаний, революционеры и др. 28 февраля и 1 марта 1917 г. все узники Шлиссельбургской крепости были освобождены. В 1928 г. крепость-тюрьма была превращена в музей.

5 Не для того часть из них насильственно выслали из страны. В 1925 г. Комиссариат внутренних дел СССР издал правила о порядке возвращения на родину, где говорилось: «Ввиду того, что экономическое положение СССР стало улучшаться только в последние годы, въезд названных лиц может быть отсрочен в целях предотвращения увеличения числа безработных...» (Подробнее: *Серпионова Е. П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 41–42.)

6 В тексте «пригнетены».

7 Аввакум Петров (1620–1682) — протопоп города Юрьева-Польского, противник церковной реформы патриарха Никона, глава старообрядчества, идеолог раскола, духовный писатель, родоначальник новой российской словесности, исповедальной прозы. Аввакум подвергся жестокому гонению, ссылке, заточению, пыткам и, наконец, был расстрижен, проклят церковным собором и сожжен на костре. Старообрядцы почитают Аввакума священномучеником и исповедником.

8 Нарымский край — название северной части Томского уезда по обоим берегам Оби. Лесисто-болотистая местность с суровым климатом, в XIX–XX вв. место политической ссылки. По-настоящему массовой ссылка стала в 1930-е годы, когда помимо политических туда стали ссылать раскулаченных крестьян. В 1930–1936 гг. население края выросло с 89 тыс. до 234 тыс. человек (по некоторым данным, за годы советских репрессий было насильственно переселено 500 тыс. человек).

9 Соловецкие острова — архипелаг в Белом море, состоящий из шести крупных и более 100 мелких островов, еще одно место ссылки политически неблагонадежных. На месте ликвидированного в 1920 г. Соловецкого монастыря был организован совхоз и лагерь принудительных работ. С 1923 г. на Соловках располагался один из первых концлагерей для противников советской власти — Соловецкий лагерь особого назначения. В 1937 г. он был реорганизован в тюрьму, просуществовавшую до 1939 г.

10 Иванович С. (настоящая фамилия Португейс С. О., 1880–1944) — редактор, журналист и публицист, социал-демократ, меньшевик, ближайший друг А. Н. Потресова. Публиковался под псевдонимами Степан Иванович, Ст. Иванович, С. Ф. Иванович и В. И. Талин. Другие псевдонимы — Соломонов, Стива Нович, Ив., Ст., Иван., Ив—ч, Ст. С., Нович, С. И., Ст. И., Мартын Малый. С 1920 г. в эмиграции, основатель и главный редактор журнала «Заря», с 1925 г. жил в Париже, член Союза русских писателей и журналистов, сотрудничал с разными эмигрантскими изданиями, один из основателей научной советологии. Подробнее о нем см.: *Кара-Мурза А. А. Первый советолог русской эмиграции: Семен Осипович Португейс (1880–1944)*. М., 2006.

11 В 1925 г. было сфабриковано «Дело лицейстов». Было выписано сто пятьдесят ордеров на арест выпускников Александровского лицея. Арестовали восемьдесят одного выпускника, которым предъявили обвинение в создании «контрреволюционной монархической организации», имевшей целью свержение Советской власти. Поводом к обвинению в заговоре были традиционные товарищеские обеды на лицейскую годовщину 19 октября. Второе обвинение состояло в том, что лицейсты

заказывали панихиды по погибшим товарищам и членам императорской семьи. Судебного процесса не было, дело рассматривалось во внесудебном порядке в Коллегии ОГПУ. Кроме лицеистов, арестовывали и выпускников Императорского училища правоведения. К высшей мере наказания — расстрелу — приговорили двадцать семь человек. Десять лет лагерей с конфискацией имущества получили двенадцать человек, остальные осужденные лицеисты получили различные сроки заключения и ссылки. Через 70 лет все осужденные лицеисты были реабилитированы как невинные жертвы политических репрессий.

E. P. Serapionova

V. A. Myakotin on the relations between Russian emigration and Russia

The author publishes the report of a famous Russian historian and social and political activist V. A. Myakotin, which describes complex situation within Russian emigration and different points of view on its relations with Russia.

Key words: *V. A. Myakotin, Russian emigration, movement of «repatriation of Russians abroad».*

А. С. Стыкалин
(Москва)

Новый труд о судьбах народов Центральной и Юго-Восточной Европы в Первую мировую войну

В рецензии содержится отклик на сборник статей, подготовленный по материалам научной конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Российская империя, Австро-Венгрия, Балканы, славянские народы.*

В 2014 г. мир, как известно, отметил 100-летие со дня начала Первой мировой войны, одного из наиболее значительных событий всей мировой истории, ознаменовавшего собой вступление человечества в новейшее время и «некалендарный XX век». Излишне было бы говорить о грандиозности этого события и его последствий как для всего человечества, так и для России, а также стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Четыре империи прекратили свое существование, была радикально перекроена вся политическая карта европейского континента. Для целого ряда центральноевропейских народов воплотилась в жизнь мечта об обретении либо (например, для поляков) восстановлении собственной государственности, другими (в частности, венграми, поставленными перед необходимостью обрести себя в новых, резко сузившихся и непривычных для национального сознания государственных границах) итоги войны были восприняты как беспрецедентная в их истории национальная катастрофа. В сотнях книг, принадлежащих перу выдающихся европейских интеллектуалов (начиная от «Заката Европы» О. Шпенглера), осмыслиется влияние войны на менталитет и систему ценностей многих миллионов людей, особенно в Европе. Здесь достаточно сказать лишь о том, что мощнейшая революционная волна, порожденная Первой мировой войной, сделала возможным революцию 1917 г. в России и, опосредованно, возникновение фашизма в Германии, и, таким образом, вследствие Первой мировой войны возникают два самых серьезных вызова, брошенных в новейшее время европейской и мировой цивилизации; один из них, коммунистическо-большевистский, до сих пор, пожалуй, не исчерпал своей исторической роли, продолжая присутствовать в сознании сотен тысяч людей как толкающая к действиям соци-

ально-политическая альтернатива и путь к решению реально существующих проблем.

Конечно, не только на Западе, но и в России за прежние десятилетия было написано огромное множество работ о первой мировой войне. Но трудно не согласиться с ответственным редактором рецензируемого труда (Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории / Отв. редактор Е. П. Серапионова. М., Институт славяноведения РАН, 2015. 680 стр.) в том, что война эта оставалась для нас, россиян, до известной мере забытой. Не потому, что не было серьезных исторических работ, а также глав в учебниках, а потому, что это грандиозное событие оказывалось на обочине официальной исторической политики, вытеснялось на периферию насаждаемой сверху исторической памяти (с героизацией тех или иных событий, празднованием юбилеев побед и т. д.). Что не удивительно, ведь оно не прибавило величия Российской империи, распавшейся в ее результате, а с другой стороны, было сильно заслонено последующими событиями, на которые оно решающим образом повлияло (Февральской революцией и большевистским переворотом 1917 г. в России, гражданской войной, образованием СССР). Недавно автору этих строк пришлось в переписке с удивленным иностранным коллегой объяснять, почему в СССР был орден А. В. Суворова и существует с советских времен по сию пору не один десяток объектов, названных в честь этого крупного военачальника, но до сих пор нет ни одного памятника А. А. Брусилову, ни одной улицы (по крайней мере по моим данным) и даже ни одного военного учебного заведения, названного в его честь, а многочисленные паломники Новодевичьего монастыря равнодушно проходят мимо его могилы, лишь изредка удостоив ее беглым взглядом. Огромное количество конференций, выставок, телефильмов в юбилейном 2014 г., множество новых, подчас весьма фундаментальных (как, например, в случае с четырехтомником О. Р. Айрапетова об участии Российской империи в Первой мировой войне¹) книг (включая энциклопедии, специально посвященные истории Первой мировой войны) если и изменили ситуацию, то лишь до некоторой степени. На центральное место в нашей исторической памяти это событие, во многом предопределившее российскую историю начиная с 1917 г., так и не вышло, что особенно отчетливо видно при сопоставлении его с Великой Отечественной (и — шире — Второй мировой) войной, а также и с войной 1812 г.

При этом стоило бы заметить, что обсуждение причин и следствий Первой мировой войны даже и сейчас является уделом не только историков, приобретает иной раз актуально-политическую окраску. Как отмечает в своей принципиально важной статье П. А. Искендеров, в последнее время в западной и отчасти балканской историографии наметилась тенденция в процессе ревизии истоков Первой мировой войны «объявить (вопреки положениям Версальского мирного договора) Сербию и стоявшую за ее спиной Россию главными виновниками общеевропейского военного конфликта, раздуть сербо-австрийские противоречия до уровня глобального геополитического узла, увести в тень собственные планы Берлина, Вены, Лондона, Парижа и других мировых игроков по переделу сфер влияния в мире, реформатированию колоний, захвату источников сырья, установлению контроля над транспортными путями». Более того, трагические события 1990-х годов на территории бывшей Югославии дали некоторым историкам, склонным к излишней зависимости от политической конъюнктуры, новые специфические аргументы для того, чтобы не только требовать коренного пересмотра отношения ко всей двухвековой традиции сербского национального движения, но и настаивать на кардинальной ревизии подхода к историческим истокам Первой мировой войны. Независимо от масштабов ответственности сербской элиты 1990-х годов за трагические события конца XX в. на Балканах такой подход, вульгарно проводящий параллели с сегодняшним днем, имеет мало общего с уважающей себя исторической наукой. Кстати (и в этом тоже можно согласиться с П. А. Искендеровым), анализ развития ситуации в треугольнике Белград — Вена — Петербург (добавим сюда еще Будапешт, поскольку мнение и интересы венгерской элиты сильно влияли на внешнюю политику двуединой монархии) едва ли дает основания определять этот фактор как решающий в возникновении Первой мировой войны. Наоборот, к июню 1914 г., т. е. к моменту рокового выстрела в Сараеве, Сербия и Австро-Венгрия при активном посредничестве России смогли смягчить многие свои противоречия. Скажем больше: и в период июльского кризиса 1914 г. не были исчерпаны мирные альтернативы развития. Показательна в этом смысле позиция крупнейшего венгерского деятеля той эпохи, тогдашнего премьер-министра Венгрии (и члена узкого политического руководства монархии Габсбургов) Иштвана Тисы, политика столь же жесткого, сколь и реалистичного. Он проявил в июле 1914 г. серьезные колебания, осознавая, что ни победа, ни

поражение Германии в войне не сулят ее ближайшему союзнику, Австро-Венгрии, триумфа: в первом случае монархия Габсбургов превратится в еще более зависимого, несамостоятельного вассала победоносной державы, а во втором встанет со всей остротой вопрос о самом ее существовании. Сам ультиматум Сербии граф Тиса предлагал сформулировать таким образом, чтобы не провоцировать Россию на объявление войны Австро-Венгрии (!). Как бы то ни было, граф Тиса уступил венской «партии войны» и не воспрепятствовал вовлечению габсбургской державы в боевые действия, что возымело роковые последствия для всей империи, и особенно для Венгрии в ее исторических границах. В конце концов это стоило жизни и самому Тисе, на которого широкое общественное мнение в Венгрии возлагало как на одного из политических лидеров Габсбургской монархии большую ответственность (несмотря на все его колебания лета 1914 года) за вступление Австро-Венгрии в войну на стороне Германии и конечное поражение в этой войне. 31 октября 1918 г. династия Габсбургов, обладавшая с 1526 г. венгерской короной, потеряла свою власть вследствие демократической революции. Кризис власти был настолько всеобъемлющим, что революция прошла почти бескровно. Одной из единичных ее жертв стал харизматичный лидер тех сил, которые выступали за сохранение двуединой империи. Граф И. Тиса был убит в перестрелке с восставшими солдатами, пытавшимися захватить его особняк, и в тот же день было приведено к власти первое венгерское республиканское правительство во главе с другим выходцем из венгерской элиты, всю свою жизнь, в отличие от Тисы, стоявшим на леволиберальных позициях, — графом Михаем Каройи.

Историческая уникальность Первой мировой войны (на это справедливо обращает внимание Е. П. Серапионова) заключается в том, что тогда впервые отчетливо проявился тотальный характер войны, когда в нее (в гораздо большей мере, чем в наполеоновскую эпоху, не говоря уже о других предшествующих войнах) были втянуты не только армии, но все население воюющих стран. Это видно на примерах не только Бельгии, Сербии, тогдашней Румынии, где почти не оставалось не перепаханных боевыми действиями клочков земли, но также и на примерах больших держав — России, Франции, той же Австро-Венгрии (в одной лишь ее венгерской половине на военном производстве было занято более 100 тыс. женщин и детей, без труда которых Первая мировая война не могла стать тем, чем она стала в истории вооружений, а именно, событием, сыгравшим в этой

области подлинно революционизирующую, ни с чем не сравнимую роль — появление танков, боевых самолетов и субмарин, химического оружия).

Тотальный характер грандиозного события, открывшего новейшую эпоху в мировой истории, делает вполне обоснованным тотальный (говоря иными словами, комплексный и междисциплинарный) подход к его изучению. Эта великая война в последние десятилетия все более становится предметом изучения не только военной и дипломатической истории, но в не меньшей степени и истории экономической, социальной, гендерной, истории культуры (в ее различных областях) и т. д. Не удивительно, что рецензируемый сборник собрал под одной крышей представителей разных научных дисциплин, не только историков (специалистов по дипломатической, социальной, военной истории и т. д.), но и, в частности, литературоведов. Такой подход в рамках сборника очерков (подготовленного по итогам чрезвычайно богатой по содержанию международной конференции) не только оправдан, но опирается на давно сложившиеся в Институте славяноведения РАН традиции междисциплинарности, позволяющей более глубоко постичь во всей их неоднозначности, драматизме и трагизме исторические судьбы стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы в новейшее время.

В большинстве статей рассматриваются серьезные проблемы, представляющие интерес в контексте изучения как причин, хода, так и исторических последствий Первой мировой войны. Можно упомянуть в этой связи дискуссионную статью Р. Р. Субаева о причинах Первой мировой войны и статью А. Л. Шемякина об отклике на Первую мировую войну русского дипломата в Сербии В. Н. Штрандмана². Почти все исторические статьи написаны на основе глубокого знания историографии своих тем, представлен в книге и самостоятельный историографический и источниковедческий раздел. Вводится в научный оборот большое количество архивного материала, который еще будет подлежать более глубокому осмыслению и интерпретации в историографии (интересна в этой связи, например, статья М. В. Оськина о трудном взаимодействии союзников по Антанте в связи с продовольственным снабжением Румынского фронта). Отдельные разделы посвящены проблеме формирования военных кадров и воинских частей, а также их участию в боевых действиях (статьи А. В. Ганина, А. Ю. Тимофеева, Я. В. Вишнякова и др.), положению военнопленных (статьи Г. В. Рокниной и др.), дипломатии Первой мировой войны, общественным

настроениям, в том числе настроениям интеллигенции (статьи К. В. Шевченко, М. Главачки, Н. С. Гусева, Л. А. Кирилиной и др.), образованию новых независимых государств по итогам Первой мировой войны и урегулированию международных отношений в послевоенной Средней Европе (статьи Н. Н. Станкова, А. О. Пеганова, И. В. Михутиной, Т. А. Покивайловой и др.). Интересен биографический раздел, представленный очерками О. В. Соколовской, З. С. Ненашевой, Ю. В. Лобачевой, Н. С. Пилько и др. об отдельных исторических персоналиях.

Сборник не только найдет своего читателя среди профессиональных историков, представителей других гуманитарных наук и более широкой аудитории, проявляющей интерес к истории Первой мировой войны, но и займет свое достойное место в отечественной историографии этого поистине эпохального события.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Айранетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2014–2015. Т. 1–4.

2 Подробнее см.: *Штрандтман В. Н.* Балканские воспоминания / Подготовка текста и вступительная статья А. Л. Шемякина, примечания А. Л. Шемякина, В. Б. Каширина, Р. П. Субаева. М., 2014.

A. S. Stykalin

The new work on the fates of the peoples of Central and South-Eastern Europe during World War I

The review contains a response to the collection of articles prepared in accordance with the materials of the conference devoted to the 100th anniversary of World War I.

Key words: *World War I, Russian Empire, Austria-Hungary, Balkans, Slavic peoples.*

А. А. Силкин
(Москва)

**Судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы
в годы Первой мировой войны
глазами российских и зарубежных историков**

В работе рассматривается сборник статей «Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории» (М., 2015). Составители рассматривают историческое прошлое с нетривиального социокультурного ракурса. Это позволило им избежать вторичности в отношении богатой историографии Великой войны и воссоздать из отдельных фрагментов-статей цельную картину того, какое воздействие она оказала и продолжает оказывать на славян и их ближайших соседей.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Центральная и Юго-Восточная Европа, Чехословакия, Югославия, Сербия, Австро-Венгрия, Германия, Россия, исторический ревизионизм, Тройственный союз, Антанты.*

Рецензируемая работа «Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории» (отв. ред. Е. П. Серапионова. М., 2015. 680 с.) не претендует на то, чтобы представить новую концепцию или коллективный подход к изучению судьбоносных событий столетней давности. В то же время нельзя сказать, что мы имеем дело с разрозненным набором статей, которые объединены лишь обложкой и темой, сформулированной максимально широко. Сборник составлен и скомпонован в соответствии с проблемно-тематическим принципом и существенно дополняет наши знания о «судьбах народов Центральной и Юго-Восточной Европы». Отдельные разделы посвящены ситуации на фронтах и в тылу, участи военнопленных, общественным настроениям и усилиям дипломатов и политиков, образованию новых государств на завершающем этапе конфликта, судьбам конкретных людей и отражению войны в художественных произведениях. Таким образом, в фокусе внимания большей части из 40 очерков — не столько военно-политические сюжеты, сколько социальная, культурная и национальная проблематика, что вполне созвучно современным историографическим тенденциям.

В страноведческом отношении наблюдается «перекос» в сторону Югославии (Сербии, югославянских земель Австро-Венгрии)

и Чехословакии, что, по-видимому, объясняется составом редколлегии сборника¹. Одним из достижений авторов-богемистов можно считать реконструкцию и анализ того, какое воздействие война — предшествовавшие ей события, начало, течение и результаты — оказывала на чешские и словацкие общественные круги, как ими воспринималась. Статьи по этой теме, если рассматривать их отдельно от остального сборника, могли бы стать главами полноценной коллективной монографии.

Особый интерес представляет работа Е. П. Серапионовой «Начало Первой мировой войны и реакция чешского и словацкого общества», в которой прослеживается, как со временем эволюционировало отношение обоих народов к войне — «от достаточно лояльного к властям до антивоенного сопротивления»². В том же духе высказывается и К. В. Шевченко в статье «Убийство в Сараево 28 июня 1914 г. и его последствия в освещении пражской газеты “Час”». По словам белорусского коллеги, «в стройном хоре голосов, приветствовавших начало войны, чешский голос был одним из самых слабых, робких и неуверенных»³.

Возвращаясь к тексту ответственного редактора сборника, отметим, что в нем ставится под сомнение как недавно озвученный тезис о воинственном «шовинистическом угаре» словаков и изначальном «отпоре» чехов, так и традиционный «миф» об их повальной «швейковщине», утвердившийся в массовом сознании после прихода к власти в послевоенной Чехословакии «легионеров», воевавших на стороне Антанты. Вклад Я. Гашека в формирование данного стереотипа оценивает И. А. Герчикова в статье «Чехословацкие писатели — участники Первой мировой войны: герои, интервенты, жертвы». «Образ офицера Первой мировой войны в словацкой прозе XX века» воссоздает Л. Ф. Широкова.

Деятельность чехословацких политических и военных организаций в России характеризуют А. А. и Д. И. Муратовы, Я. Вацулик и М. Даниш. Из очерка последнего «Предпосылки словацкого освободительного движения и цели словаков в чешско-словацких легионах в России» мы узнаем о разногласиях чешских деятелей, видевших будущее государство унитарным, с их словацкими оппонентами — противниками «идеи “чехословакизма”, то есть единого чехословацкого народа», настаивавшими на «словацкой автономии» и даже, более того, на «словацкой независимости»⁴.

Однако не только чешско-словацкие легионы, но и Сербский добровольческий корпус в России стал ареной противоречий сла-

вянских подданных Австро-Венгрии, имевших разные представления о том, что должно было возникнуть на ее руинах. Я. В. Вишняков в статье «Армия без государства. Сербский добровольческий корпус в России 1916–1917 гг.» знакомит читателя с многочисленными свидетельствами взаимной «глубокой национальной неприязни» сербских⁵, хорватских и словенских служащих соединения, которое, помимо выполнения сугубо военных задач, должно было служить воплощением идеологии народного единства югославян. Раздираемый этнической междоусобицей корпус преподносится в качестве «микромира», картину которого автор экстраполирует на взаимоотношения югославянских народов на всем протяжении «короткого» XX века. Таким образом, происходившее в Одессе в 1916–1917 гг. ни много, ни мало — иллюстрация «гибельности попыток создания “синтетического югославянства”»⁶ и «предопределения будущей печальной судьбы Югославского государства... изначально, еще до своего официального оформления, обреченного на развал»⁷.

Отдавая должное смелости приведенных суждений, позволим себе с ними не согласиться. Сербский корпус — далеко не абсолютная модель Югославии — куда более сложного организма. Его участь нельзя считать предопределенной, так как ее обусловила совокупность взаимозависимых объективных и субъективных факторов. Установление закономерностей их воздействия, приведшего к «развалу», требует привлечения более значительного массива источников, чем представленные документы, демонстрирующие нежелание пленных хорватов и словенцев присягать на верность королю Петру Карагеоргиевичу в 1916–1917 гг. Стоит, однако, подчеркнуть, что наше замечание не отменяет научной ценности предпринятой Я. В. Вишняковым реконструкции исторического сюжета, важного для понимания логики происходившего в сфере межнациональных отношений в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС) в межвоенное время.

Не только процитированный выше автор поддался соблазну строить предположения о «печальной судьбе» Югославии на основании событий, предшествовавших ее созданию. Так, киевская исследовательница К. В. Мальшина работу «Малый народ в Великой войне: путь словенцев к национальной государственности (1914–1918 гг.)» завершает следующим выводом: «Через десять лет (то есть, по-видимому, в начале 1929 г. — А. С.) была окончательно похоронена идея этнокультурной унификации югославян»⁸. Вынуж-

дены констатировать, что имела место обратная ситуация. Спустя десятилетие после образования Королевства СХС король Александр Карагеоргиевич узурпировал власть, «разогнал» парламент и положил конец периоду «компромиссного югославизма», подразумевавшего наличие отличий у титульных «трех племен одного народа». Государственный переворот, совершенный 6 января 1929 г., стал отправной точкой курса, ставившего целью ту самую «этнокультурную унификацию югославян». Конец усилиям в этом направлении положила гибель монарха в октябре 1934 г.

Что касается Словении, в сборнике ей посвящено 4 работы. Большого внимания из балканских народов удостоились лишь сербы. Тему «российско-сербского военного сотрудничества» развивают Д. Н. Степанов и А. Ю. Тимофеев. Его статья «Военно-партизанские действия в Сербии во время Первой мировой войны» отсылает читателя к началу XIX в., когда имели место первые усилия Петербурга «экспортировать» партизанскую войну, т. е. подстрекать местное население под чужеземной властью к “малой войне” против противников российских интересов⁹. Российско-сербские «попытки организации разведывательной и диверсионной работы на территории Сербии» предпринимались и в 1916 г. Однако без особого успеха.

Если Я. В. Вишняков характеризует сербских офицеров главным образом в контексте их непростых взаимоотношений с хорватскими и словенскими сослуживцами, то белградский военный историк Д. Денда рассматривает «Сербский офицерский корпус в годы Первой мировой войны» как самостоятельную тему. В ее рамках невозможно обойти вниманием тех сербских офицеров, которые обучались в российских высших военно-учебных заведениях накануне войны. Судеб сербских слушателей Николаевской академии Генерального штаба касается и А. В. Ганин в своем очерке «Западные и южные славяне — генштабисты в России от Первой мировой к Гражданской войне (1914–1922 гг.)».

Особое место в сборнике занимают статьи, затрагивающие наиболее политизированную проблему истории Первой мировой войны — проблему ответственности за ее развязывание. А. Л. Шемякин и П. А. Искендеров взялись за перо, дабы не оставить без ответа участвовавшие накануне 100-летней годовщины *la Grande Guerre* политически мотивированные «попытки “подправить” ее историю, прежде всего в ракурсе поиска подлинных “подстрекателей”, каковыми объявляются Россия и исполнительница ее “им-

перской” воли Сербия»¹⁰. Поименно названы наиболее известные западные и отечественные приверженцы данной точки зрения, продемонстрировать несостоятельность которой не составляет труда даже в рамках исторического очерка. Достаточно указать на откровенное игнорирование «неудобных» фактов и источников, которые в своей совокупности подтверждают справедливость выводов, к которым известная «школа Фишера» пришла еще в 1960-е гг. и которых по сей день придерживается большинство историков. Других новых документов, которые бы позволили хоть частично снять «the War Guilt» с Берлина и Вены, так называемые ревизионисты не предъявляют. Вместо этого «активно используются более чем сомнительные исторические параллели с сегодняшним днем»¹¹. Оба автора упоминают в этой связи британского историка Кристофера Кларка¹², заявившего, что «после Сребреницы» о сербах нельзя писать по-старому, а также простодушно признавшегося, что «моральный компас его скорректирован» и события столетней давности он рассматривает «с точки зрения современного Европейского союза». То есть «с большей симпатией» к Австро-Венгрии. В распоряжении тех, кто брезгует подобного рода «аргументами» и привык опираться на традиционные источники, — «Балканские воспоминания» первого секретаря русской миссии в Сербии, а затем поверенного в делах (1911–1915) В. Н. Штрандтмана. Представление этих мемуаров и составляет основное содержание статьи А. Л. Шемякина. Что касается П. А. Искендерова, то его очерк — убедительное обоснование того тезиса, что нельзя считать «решающим фактором возникновения Первой мировой войны» обострение отношений между Австрией и Сербией, за спиной которой стояла Россия. Расстановка сил в «треугольнике Вена — Белград — Петербург» весной — летом 1914 г. «по многим направлениям носила четкие конфликтные признаки. Однако данные признаки по своему составу и накалу сами по себе не могут считаться причинами общеевропейского военного пожара»¹³.

Р. Р. Субаев в статье «Балканы и Weltpolitik: к вопросу о причинах Мировой войны» настаивает на обратном: «Война не могла не начаться на Балканах, а начавшись здесь, не могла не стать мировой»¹⁴. Или, другими словами, балканская «болевая точка Европы» «оказалась в итоге критической для начала войны». Однако, прежде чем доказать это, следует убедить читателя в ошибочности традиционного представления, будто решающее значение имели противоречия между Тройственным союзом и Антантой. С этой

целью предпринимается «анализ всего комплекса международных отношений кануна войны»¹⁵. На пяти с половиной страницах... Нам эти рассуждения не кажутся ни всеохватными, ни аналитичными. Не по причине чрезмерной лаконичности, а потому, что «ответ на наш главный вопрос» (где началась война. — А. С.) вовсе не вытекает из промежуточных выводов, к которым приходит автор: «ненужность» конфликта германскому бизнесу, «несостоятельность» европейской правящей элиты, несамостоятельность Вены, шедшей в фарватере Берлина¹⁶, — перечисленное не убеждает в «маловероятности возникновения конфликта как такового на Западе». Даже если принять на веру все три тезиса. При этом справедливость второго подтверждается лишь тем, что и Вильгельма, и Николая II кто-то из их подданных обозвал «трусами и предателями». Сам автор германского и российского монархов называет «коронованными ничтожествами», а главу австро-венгерского МИДа графа Бертольда — «провокатором».

Установив, что Запад — не та «болевая точка», из-за которой разгорелся конфликт, Р. Р. Субаев берется за объяснение, почему «высока вероятность его возникновения на Балканах». По-другому и быть не могло. Ведь балканские государства после «раздела Европейской Турции» немедленно взялись за «передел всей Юго-Восточной Европы»¹⁷. Каковы основания утверждать это? Рост притязаний агрессивного настроенных балканских государств связан, во-первых, с «возвышением их статуса до уровня реальных игроков европейской политики» (причина чего — «мощный импорт капитала на Балканы»), а во-вторых, с присущим балканским обществам высоким уровнем коррупции. Ее пресечение «международными финансовыми контролерами» обуславливало «саму способность балканских стран начать Балканские или вступить в Первую мировую войну». Первое умозаключение, мягко говоря, небесспорное, можно использовать для объяснения «роста милитаризма». Что касается второго, то автор, по-видимому, не определил даже для себя, в чем связь между коррумпированностью балканцев, строгостью западных кредиторов и (не)способностью первых осуществить свои воинственные намерения. Не вызывает сомнений одно — Белград, Афины и пр. разожгли «европейский пожар, из которого они вытаскивали... свои головешки»¹⁸.

Там, где речь заходит об особом своекорыстии сербских властей — главных «виновников» войны, — читатель отсылается к работе А. Л. Шемякина¹⁹, в которой нет ничего, на что мог бы опереться

ся Р. Р. Субаев, называя главу правительства Николу Пашича «ярким корруппантом» (? — А. С.), «культуратором коррупции», «асом казнокрадства»²⁰. В других местах сербский премьер назван «провокатором», «истым провокатором», совершившим вместе с И. Братиану и С. Д. Сазоновым «гнусную провокацию»²¹, когда они летом 1914 г. заехали на автомобиле на австрийскую территорию. Всего слово «провокатор» («провокация», «провокационный») автор употребляет 6 раз.

Некорректность в использовании чужих научных результатов в данном конкретном случае — порождает скепсис в отношении прочих выводов исследования. Как вышеприведенных, так и тех, что используются для изобличения главного «виновника» войны — Сербии. Впрочем, некоторые из них вовсе не подкрепляются чьим-либо авторитетным мнением, документами или собственными рассуждениями. Как о само собой разумеющемся Р. Р. Субаев пишет об агрессивных планах Белграда: «минимум — объединение с Черногорией, максимум Великосербия», о том, что Сербия не приняла австро-венгерский ультиматум безоговорочно, потому что «прекрасно знала», что ей гарантировано заступничество России²². Опровержение этих утверждений заняло бы много времени и места. Поэтому и мы сошлемся на А. Л. Шемякина²³, после которого сложно что-либо добавить к вопросу о национальной программе Сербии и нюансах ее отношений с Россией накануне войны.

Что касается воспроизводимого мифа, будто Пашич был осведомлен о времени и месте покушения на эрцгерцога Франца Фердинанда²⁴, то существует целая историографическая традиция его опровержения. Российскому читателю доступна обобщающая работа Миле Белаяца²⁵, в которой «по косточкам» разбираются все инсинуации на этот счет. В том числе и «источники», использованные в рецензируемой статье. Впрочем, едва ли Р. Р. Субаев прислушается к доводам коллег. Сербские должны, по его словам, «помалкивать и не высываться, чтобы не обнаружить скелета в шкафу»²⁶. А российских он называет «сторонниками сербской невиновности», «адептами сербской невиновности», «энтузиастами “сербского дела”», «апологетами сербской позиции». Кто же эти «современные видные и талантливые специалисты»? Неизвестно. Каковы их работы? Не названо ни одной. Только указано, что отцом-основателем «просербской инквизиции»²⁷ следует считать академика Ю. А. Писарева. При этом слово «инквизиция» автор употребляет без кавычек.

Таким образом, по мере погружения в историю отдельных стран, осведомленность о которой заметно уступает знаниям о «Weltpolitik», растет уязвимость авторской аргументации. Это, по-видимому, обуславливает эмоциональность изложения и употребление лексики, уместной в политическом памфлете. Ее присутствие в научной публикации — на совести редколлегии сборника, который, оговоримся, заслуживает самой высокой оценки. Если, разумеется, абстрагироваться от статьи, рассмотренной в последнюю очередь.

Составителям, в первую очередь, следует отдать должное за то, что события прошлого они по большей части рассматривают с нетривиального социокультурного ракурса. Его пронизательный выбор позволил избежать вторичности в отношении богатой историографии Великой войны и воссоздать из отдельных фрагментов-статей цельную картину того, какое воздействие она оказала и продолжает оказывать на народы Центральной и Юго-Восточной Европы.

Указанные сильные стороны сборника отчетливо видны на примере двух статей, посвященных болгарской тематике. Н. С. Гусев в работе «"Торгующим во храме": Леонид Андреев и обвинения русскими болгар в предательстве славянства (1914–1915)» указывает на несовпадение стереотипных представлений российских общественных кругов об освобожденных «братьях-славянах» и того, как они сами в конце XIX — начале XX в. осознавали собственные интересы и соотносили их с позицией великих держав. О. В. Петровская характеризует «Современную болгарскую историографию о союзниках Болгарии в Первой мировой войне». По словам автора, болгарские коллеги при оценке ее неутешительных итогов «прежде всего ищут не зависящие от болгар обстоятельства» и винят «внешних противников»²⁸. Очевидно, горечь от понесенного поражения по-прежнему ощущается болгарским обществом, не примирившимся с прошлым и недовольным настоящим. От себя добавим, что подобная констатация справедлива и в отношении других балканских народов, остающихся заложниками собственного восприятия той или иной «национальной катастрофы».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Е. П. Серапионова, А. Л. Шемякин, Ю. В. Лобачева, Н. С. Гусев.
- 2 Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории. М., 2015. С. 352.

- 3 Там же. С. 339.
- 4 Там же. С. 197, 202.
- 5 Имеются в виду подданные как Карагеоргиевичей, так и Габсбургов.
- 6 Первая мировая война... С. 138.
- 7 Там же. С. 142, 152.
- 8 Там же. С. 426.
- 9 Там же. С. 130.
- 10 *Шемякин А. Л.* Русский дипломат в Сербии о начале Первой мировой войны. (К дискуссии о ее «подстрекателях») // Первая мировая война... С. 39.
- 11 *Искендеров П. А.* Балканские корни Первой мировой войны // Первая мировая война... С. 281.
- 12 *Clark Christopher.* The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. New York, 2013. P. XXVIII.
- 13 *Искендеров П. А.* Балканские корни... С. 295.
- 14 Первая мировая война... С. 30, 25.
- 15 Там же. С. 25.
- 16 Там же. С. 22–25.
- 17 Там же. С. 27.
- 18 Там же. С. 29.
- 19 *Шемякин А. Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации // Человек на Балканах и процессы модернизации. СПб., 2004. С. 40.
- 20 Первая мировая война... С. 36.
- 21 Там же. С. 34, 32, 31.
- 22 Там же. С. 28, 34.
- 23 *Шемякин А. Л.* Внешняя политика Сербии в 1903–1914 гг.; Первая мировая война. Рождение Югославии // Югославия в XX века. Очерки политической истории. М., 2011. С. 37–41, 175–216; *Он же.* Василий Николаевич Штрандтман и его «Балканские воспоминания» // Штрандтман В. Н. Балканские воспоминания. М., 2014. С. 17–19.
- 24 Первая мировая война... С. 32.
- 25 *Беляц М.* Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М., 2015. 368 с.
- 26 Первая мировая война... С. 30.
- 27 Там же. С. 31.
- 28 Там же. С. 64.

A. A. Silkin

Fates of the peoples of Central and South-Eastern Europe during World War I viewed by Russian and foreign historians

The article deals with the collection of articles «World War I and fates of the peoples of Central and South-Eastern Europe: historical essays» («Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории»). The authors consider historic past together with non-obvious socio-cultural position. This enabled them to avoid secondariness in respect with rich historiography of the Great War and to recreate single and wide picture of the impact it had and still has on the Slavs and their close neighbours.

Key words: *World War I, Central and South-Eastern Europe, Czechoslovakia, Yugoslavia, Serbia, Austria-Hungary, Germany, Russia, historic revisionism, Triple Alliance, Entente.*

А. С. Стыкалин
(Москва)

**Сборник документов о смене систем в странах
Восточной Европы на рубеже 1980-х — 1990-х годов**

Рецензируется комментированное научное издание архивных документов (из фондов ЦК КПСС), отражающих политику СССР на восточноевропейском направлении в условиях краха мировой системы социализма и смены режимов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на рубеже 1980-х — 1990-х годов.

Ключевые слова: *СССР, Восточная Европа, советский блок, мировая система социализма и ее распад, перестройка, М. С. Горбачев, 1989, «бархатные революции».*

Прошло уже четверть века со времени грандиозных геополитических изменений в Европе и мире — распада СССР и советской сферы влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе, ухода в прошлое биполярной ялтинско-потсдамской системы международных отношений, возникшей по итогам Второй мировой войны и определявшей на протяжении нескольких послевоенных десятилетий расклад сил на мировой арене. Срок, пожалуй, достаточный для того, чтобы эпоха «бархатных» (а в случае с бывшей Югославией и Румынией и совсем не бархатных) революций и так называемой «смены систем» в европейских социалистических странах стала не только материалом для абстрактных политологических построений и предметом мемуарной литературы, но и темой первых серьезных исторических исследований, основанных на глубоком изучении первоисточников, в первую очередь архивных документов, еще недавно недоступных не только широкому читателю, но и узкому кругу специалистов. Необходимой предпосылкой для того, чтобы историки могли приступить к более глубокому изучению той эпохи, является введение в научный оборот основного комплекса хранящихся в российских архивах документов, раскрывающих советскую политику в своей сфере влияния в последние годы существования СССР. Первым шагом на этом пути стала публикация в 2012–2013 гг. петербургским издательством «Алетейя» подготовленного в Институте славяноведения РАН двухтомника «Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века»,

второй том которого охватывает «эпоху Горбачева», период времени с весны 1985 по конец 1991 г. Наряду с публиковавшимися в конце 1980-х годов в самих странах ЦЮВЕ материалами (программными документами новых политических партий и массовых общественных движений, публицистикой и т. д.) в тот сборник вошли и ценные архивные документы (прежде всего из архивов бывших социалистических стран), впервые ставшие достоянием отечественного читателя. Российские архивы были представлены в том проекте прежде всего материалами архива Горбачев-фонда, но не государственными архивами, что, конечно, сужало документальную базу будущих исследований. Рецензируемый нами сборник, выполненный в РГАНИ квалифицированной командой историков и архивистов и сопровождаемый вступительной статьей М. Ю. Прозуменщикова¹, восполняет этот пробел, что открывает перед будущими исследователями заманчивые перспективы всестороннего глубокого анализа важнейших политических процессов, происходивших в последние годы существования СССР и мировой системы социализма. Научное значение этого проекта, позволяющего поставить изучение рассматриваемой эпохи на прочную документальную базу, таким образом, трудно переоценить.

Рецензируемый сборник отличает многообразие включенных в него источников — здесь и записи бесед М. С. Горбачева и членов партийно-государственного руководства СССР с восточноевропейскими политиками, в том числе лидерами партий и движений, сменивших коммунистов у руля управления бывшими социалистическими странами, здесь и постановления заседаний Политбюро ЦК КПСС, и дипломатические донесения о ситуации в отдельных странах, приходившие из советских посольств, а также информационные и аналитические письма, подготовленные для руководства страны в аппарате ЦК КПСС, Академии общественных наук при ЦК КПСС, академических учреждениях, прежде всего Институте экономики мировой системы социализма АН СССР (ИЭМСС). Экономическое и социальное положение в соответствующих странах, настроения политических элит, интеллектуалов и более широких масс, межпартийная борьба, эволюция внешней политики — все эти стороны общественной жизни нашли полное отражение на страницах сборника. По представленным материалам можно проследить всю динамику развития событий от монопольного пребывания у власти компартий, не допускавших никакой политической оппозиции, до возникновения и укрепления в каждой из стран плюралистических

политических систем. Лишь очень небольшое количество из предложенных читателю документов публиковалось ранее (в многотомном собрании сочинений М. С. Горбачева, вышеупомянутом двухтомнике «Анатомия конфликтов», а также в академической журнальной периодике). Большинство же документов впервые вводится в научный оборот.

Структура, избранная составителями, представляется оптимальной. Первый раздел составляют документы общего характера, касающиеся всего социалистического лагеря и советской политики в отношении всей сферы влияния СССР. Далее следуют документы по отдельным странам.

Представленные документы дают исследователям богатейший материал для новых и новых размышлений о том, насколько неожиданными для руководства СССР были революционные события в соседнем регионе. Так, применительно к Чехословакии существовали, видимо, определенные иллюзии, что руководство страны окажется способным осуществить тот необходимый поворот к обновлению, который позволил бы коммунистам удержать власть. В частности, у советской делегации на совещании по экономическим вопросам, состоявшемся в середине ноября 1989 г. (ее возглавлял член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Н. Н. Слюньков), сложилось впечатление о том, что руководство КПЧ «владеет положением и идет курсом осторожных реформ». Однако не прошло и недели, как в Праге началась «бархатная революция», которая в течение 10 дней смела всю прежнюю систему, настолько утратившую поддержку в обществе, что это в конкретных чехословацких условиях (в отличие от Румынии) удалось сделать довольно безболезненно, без единой капли крови. Надо сказать, что записки, подготовленные для ЦК КПСС специалистами-страноведами, как правило, давали куда более полную и объективную картину положения в соответствующих странах, нежели отчеты делегаций, выезжавших на краткие сроки на те или иные международные форумы. Так, в записке ИЭМСС, подготовленной осенью 1989 г., говорилось о том, что при нынешнем руководстве румынской компартии (во главе ее стоял, как известно, Чаушеску) едва ли можно ожидать сколько-нибудь существенных подвижек во внутренней политике, так как оно пытается изобразить свой курс в качестве «единственно верного варианта творческого применения научного социализма к румынским реалиям». Публикуемые записки в определенной мере раскрывают роль экспертов ИЭМСС и других профильных научных учрежде-

ний в формировании того образа восточноевропейских событий в сознании представителей советского истеблишмента, который, несомненно, влиял на внешнюю политику СССР конца 1980-х годов. По ним можно проследить и за тем, как в советском стратегическом мышлении еще до «бархатных революций» начался процесс пересмотра доктрины «ограниченного суверенитета» (так называемой «доктрины Брежнева»), возникшей по свежим следам августовской 1968 г. военной акции ряда стран Организации Варшавского договора в Чехословакии и призванной дать своего рода теоретическое обоснование праву СССР и его союзников на силовое вмешательство в той стране советского блока, где возникала угроза слишком сильного отхода от общей линии. Независимо от того, совершались ли в советской внешней политике горбачевской эпохи серьезные ошибки или нет, следует заметить, что в отличие от 1968 г., когда экспертам приходилось в большей мере подлаживаться под официальную точку зрения, в 1989 г., в иной внутривнутриполитической обстановке, ими давалась более адекватная картина происходившего и делались обоснованные прогнозы дальнейшего развития.

Документы рецензируемого сборника показывают, как происходила выработка новой тактики советского руководства в условиях, когда в восточноевропейских странах при широкой поддержке масс к власти пришли еще недавно оппозиционные общественные образования, которым, как это хорошо понимали в Москве уже в 1990–1991 гг., предстояло определять в обозримой перспективе лицо региона. В ряде документов, например, в записке от 26 марта 1990 г., нашли отражение огромные сложности, переживавшиеся бывшими правящими партиями при переходе к реальной многопартийности, — партии государственного типа, привыкшие властвовать монополично, не имея политических конкурентов, не смогли заранее выработать механизмы адаптации к новой ситуации. Материалы сборника дают представление и о предпринятых руководством КПСС мерах по поддержанию связей с реорганизованными левыми партиями, оказавшимися в оппозиции.

Как явствует из документов, в Кремле и на Старой площади еще до начала кровавых событий в бывшей Югославии осознавалась угроза «балканизации» международных отношений не только в Юго-Восточной, но отчасти и в Центральной Европе, создания пояса нестабильности вдоль западных рубежей СССР. Не исключалось и выдвижение территориальных претензий к СССР на фоне резкого усиления центробежных тенденций в Советском Союзе (это особен-

но касалось позиции новой румынской элиты в отношении Молдавской ССР).

Публикуемые документы свидетельствуют о разногласиях в горбачевской «команде» по целому ряду принципиальных вопросов советской политики в отношении стран Восточной Европы. Например, по вопросу о том, насколько следует форсировать вывод советских войск из Восточной Германии, Польши, Чехословакии и Венгрии. В одной из записок видим ссылку на внешнеполитическую практику США — американская дипломатия, как правило, делала вопрос о ликвидации своих военных баз за рубежом предметом более серьезного торга. Из документов можно получить представление о расхождениях в окружении М. С. Горбачева (например, между его влиятельным помощником А. С. Черняевым и зав. международным отделом ЦК В. М. Фалиным) в отношении советской тактики в вопросе о единой Германии. Читая документы, кстати говоря, снова и снова задумываешься, а не слишком ли легко согласился М. С. Горбачев на включение единой Германии в НАТО, вероятно, будучи уверенным, что в скором времени НАТО, как и Организация Варшавского договора, уйдет в прошлое, уступив место совершенно новой конфигурации общеевропейской системы безопасности. Как показали дальнейшие события, это было иллюзией. Причем тогдашний руководитель ПОРП М. Раковский, которого до 1985 г. было принято считать в Москве ревизионистом, не скрывал в беседе с советскими эмиссарами своего удивления по поводу этой необычайной легкости в подходе к одному из наиболее принципиальных вопросов не только общеевропейской, но и мировой политики. Еще более показательным мнение видного деятеля германской социал-демократии Э. Бара, который 21 июня 1990 г. в беседе с сотрудником международного отдела ЦК КПСС В. С. Рыкиным «высказал обеспокоенность по поводу темпов и способа объединения двух германских государств». Торопливость федерального канцлера Г. Коля он объяснял естественным для лидера правящей партии стремлением в канун грядущих выборов компенсировать внешнеполитическими успехами невыполнение обещаний, данных германскому избирателю в области социальной политики. Иное дело М. С. Горбачев, проявляющий, по мнению Э. Бара, готовность идти на чрезмерные уступки по принципиальным вопросам. «Не думал я, — рассуждал далее Бар в беседе с советским партаппаратчиком, — что на склоне лет мне придется больше думать об интересах Советского Союза, чем это делают его представители». Без компромиссов, продолжал он, конечно, не обойтись,

«однако Советский Союз ни за какие посулы не должен отказываться от статуса великой европейской державы, соглашаться на ущемление своих прав по сравнению с США» и их западноевропейскими союзниками. Односторонние уступки Москвы, превращающие Польшу, Чехословакию и Венгрию в «атлантическое предполье», лишь укрепят «влияние тех кругов в НАТО, которые отнюдь не горят желанием встать на путь общеевропейского сотрудничества и свертывания противостояния»². Вытеснив из Восточной Европы СССР, США вместе с тем оставят на неопределенный срок свои войска в Западной Европе, включая Западную (а теперь уже единую) Германию, ведь они продолжают вести себя как сверхдержава, не собираясь отказываться от взятых на себя ранее блоковых обязательств. Голословные обещания считаться с интересами СССР, резюмировал Э. Бар, после подписания ключевых документов мало будут стоить.

В опубликованных документах нашли отражение объективные трудности с выводом советских войск из стран сферы влияния СССР (включая Восточную Германию). Советская сторона была поставлена перед очень жесткими условиями — передислокацию надо было осуществить в пожарном порядке, с учетом того, что любые задержки с выводом советских войск становились источником антисоветских настроений.

Документы, включенные в сборник, дополняют новыми, подчас существенными штрихами известную по другим источникам картину исторических событий в каждой из стран Восточной Европы на исходе 1980-х годов, при переходе от коммунистических режимов к «посткоммунизму». Так, из документов польского раздела выясняется, какие прогнозы делались экспертами (как в СССР, так и на Западе) после прихода к власти летом 1989 г. в Польше первого некоммунистического правительства. Обращают на себя внимание предложения к руководству СССР установить более тесные и неформальные контакты с Л. Валенсой (вплоть до приглашения его на охоту).

Югославский раздел в сборнике — небольшой, но он позволяет проследить нарастание в федеративной Югославии центробежных тенденций, установить, в какой мере в руководстве СССР ожидали столь драматического развития событий, приведших к распаду югославской федерации в начале 1990-х годов. Читатель получает представление о том, какие шаги предлагались внешнеполитическими экспертами руководству СССР в связи с нарастанием в Югославии сепаратистских тенденций. В некоторых записках обращалось внимание на сходство проблем, переживаемых двумя многонацио-

нальными федерациями — СССР и Югославией, предлагалось активнее использовать югославские уроки в поисках адекватных мер, направленных в сложной ситуации 1991 г. на сохранение СССР.

Болгарский раздел интересен не в последнюю очередь тем, что в документах, в нем представленных, раскрывается отношение официальной Москвы к волонтаристским акциям коммунистических властей Болгарии по изменению этническими турками (гражданами Болгарии) турецких имен на болгарские, а затем и по переселению турок. Посольство СССР в НРБ также еще за долгие месяцы до революционных по содержанию событий конца 1989 г. пришло к выводу о проблематичности подлинного обновления при сохранении старого руководства. Из документов узнаем и о конфликтах конца 1980-х годов между отдельными странами, не только о венгеро-румынском, связанном с ущемлением этнических венгров в Трансильвании, но и о гораздо менее известном у нас экологическом по своему характеру конфликте между Румынией и Болгарией в связи со строительством в придунайском румынском городе Джурджу, связанном мостом с болгарским городом Русе, химзавода, загрязнявшего окружающую среду.

Будучи хорошо знаком с венгерской исторической литературой, автор этих строк, однако, нашел немало нового для себя в венгерском разделе. Документы, в нем представленные, раскрывают, в частности, степень остроты противоречий в руководстве ВСРП весной 1989 г. между консерватором первым секретарем К. Гросом (сменившим на этом посту Я. Кадара в мае 1988 г.) и сторонниками более радикальных реформ премьер-министром М. Неметом, а также поддержавшими его Р. Ньершем, Д. Хорном, И. Пожгаи и другими влиятельными фигурами в руководстве партии.

Как вытекает из документов, в конце лета 1989 г., за считанные недели до начавшегося обвала системы социализма, советское руководство столкнулось с прямым призывом к применению на практике «доктрины Брежнева». Парадоксальным образом он исходил от румынского лидера Н. Чаушеску. Политик радикально националистического толка, в августе 1968 г. под знаком защиты национальных ценностей решительно отмежевавшийся от силовой акции СССР и ряда его союзников по ОВД в отношении Чехословакии и заработавший на этом немалый внешнеполитический и внутриполитический капитал (растрачивавшийся более десятилетия), по иронии истории превращался теперь в «коммунистического интернационалиста». В августе 1989 г. Чаушеску обратился к лидерам

других европейских социалистических стран с призывом собраться и обсудить положение дел в Польше, создающее угрозу для судеб социализма не только в этой стране, но и за ее пределами³. Как ЦК ПОРП, так и ЦК КПСС решительно не поддержали инициативы румынского лидера. В ответе ЦК КПСС румынскому руководству от 27 августа 1989 г. отмечалось: «Факт созыва такого форума был бы, несомненно, использован “Солидарностью” и другими оппозиционными кругами как повод представить ПОРП в качестве силы, выражающей не интересы страны, а интересы зарубежных партий и государств. Кроме того, сам ход политических событий в стране объективно лимитирует возможности наших совместных шагов, не вступающих в противоречие с суверенитетом ПНР»⁴. Таким образом, союзник по военно-политическому блоку в ответ на свое прямое обращение получал из Москвы заверение о том, что «доктрина Брежнева» не является в новых условиях актуальной. 22 сентября Горбачев так комментировал позицию румынского лидера в беседе с генеральным секретарем французской компартии Ж. Марше: «Интересно: раньше тов. Чаушеску нажимал на независимость, самостоятельность, невмешательство. Как только возникли осложнения в Польше и Венгрии, он шлет телеграмму за телеграммой: остановите идущие там процессы. Вот времена изменились! А какие принимать меры? Войска посылать?! Нет, мы за то, чтобы шел обмен мнениями, товарищеские дискуссии по всем вопросам — политическим, экономическим, идеологическим, обмен опытом. И это все идет»⁵. А 1 ноября, в беседе с новым руководителем СЕПГ Э. Кренцем, советский лидер был вынужден признать, что в первую очередь именно внешнеэкономические факторы, и в частности растущая зависимость Польши и Венгрии от Запада и неспособность СССР конкурировать с западными экономиками теперь уже и на восточноевропейском поле, делают неэффективной любую попытку силового воздействия извне на происходящие процессы: «В Венгрии и Польше сейчас сложилось такое положение, что им, как говорится, деваться некуда, настолько они погрузились в финансовую зависимость от Запада. Сейчас кое-кто нас упрекает: куда, мол, смотрит Советский Союз, почему он позволяет Польше и Венгрии “уплывать” на Запад. Мы ведь не можем взять на содержание Польшу»⁶.

С падением в последние месяцы 1989 г. в ряде стран Восточной Европы режимов, не заинтересованных в ревизии оценок прежней советской политики, новые силы, пришедшие к власти, ждали от Москвы официального пересмотра «доктрины Брежнева». После «бар-

хатной революции» в Чехословакии обновленное руководство КПЧ и новое правительство ЧССР высказались за переоценку военной акции 5 стран — членов ОВД 21 августа 1968 г. Вслед за этим 5 декабря в «Правде» было опубликовано Заявление Советского правительства: «Мы разделяем точку зрения Президиума ЦК КПЧ и Правительства ЧССР о том, что вступление армий пяти социалистических стран в пределы Чехословакии в 1968 г. не было обоснованным, а решение о нем в свете известных теперь фактов было ошибочным». В тот же день было опубликовано совместное заявление руководителей всех стран ОВД, принявших в августе 1968 г. участие в интервенции. В нем также отмечалось, что ввод войск в Чехословакию явился вмешательством в ее внутренние дела и должен быть осужден⁷. Новая советская позиция, свидетельствующая об отказе от «доктрины Брежнева», прозвучала и с трибуны партийных форумов. На пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1989 г. М. С. Горбачев говорил: «Мы твердо встали на путь товарищеских отношений, невмешательства в дела наших братских партий, тем более стран. И это — путь правильный. Это — один из главных уроков нашей предшествующей деятельности, нашей истории, взаимоотношений с социалистическими братскими странами»⁸. Любопытно, что через две недели, 24 декабря, вопрос о возможном применении Советским Союзом, теперь уже с одобрения США, «доктрины Брежнева» в целях оказания помощи силам, выступившим в Румынии против Чаушеску, был в осторожной форме поднят послом США в СССР Дж. Мэглоком в беседе с заместителем министра иностранных дел СССР И. П. Абоимовым. В своей записке, подготовленной по итогам беседы, советский функционер написал: «На этот зондаж американца дал ответ совершенно четкий и недвусмысленный, изложив нашу принципиальную позицию. Заявил, что такой сценарий нами не рассматривался даже теоретически. Мы против любого вмешательства во внутренние дела других государств и намерены твердо и неуклонно следовать этой позиции. Так что американская сторона может считать, что “доктрину Брежнева” мы подарили ей»⁹.

В заключение следует констатировать, что и научные комментарии к публикуемым документам в целом выполнены со знанием дела, с учетом новейшей российской литературы, что встречается далеко не всегда в документальных публикациях по новейшей истории. Недостаточно глубоким можно считать лишь «погружение» комментаторов в перипетии внутривосточной борьбы в отдельных странах Центральной и Юго-Восточной Европы — впрочем, для выполнения

этой работы на более высоком уровне потребовалось бы привлечение квалифицированных специалистов-страноведов. Не вызывает замечаний уровень проделанной археографической работы.

Рецензируемый сборник документов представит несомненный интерес для российских и зарубежных историков, политических экспертов, равно как и для более широкого читателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы / Редколлегия: С. Карнер, Е. И. Пивовар, Н. Г. Томилина, А. О Чубарьян. М., 2015. 952 стр.

2 Там же. С. 450.

3 См. запись его беседы 19 августа с послом СССР Е. М. Тяжелниковым: Там же. С. 823–825.

4 Российский государственный архив новейшей истории (РГА-НИ). Ф. 3. Оп. 103. Д. 181. Л. 140–141. См. также: *Constantin I. Aspecte privind relațiile româno-polone în perioda anilor '80 // Dosarele Istoriei*. 2005. № 3–4.

5 *Горбачев М. С.* Собрание сочинений. М., 2010. Т. 16. Сентябрь — ноябрь 1989. С. 96.

6 Там же. С. 373.

7 См. в рецензируемом нами сборнике записку Э. А. Шеварднадзе и А. Н. Яковлева и постановление Политбюро ЦК КПСС от 4 декабря 1989 г. «О пересмотре оценки ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 г.» (Конец эпохи... С. 693–694).

8 Цит. по стенограмме пленума: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 342. Л. 39–48.

9 Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. СПб., 2013. Т. II. С. 554. Иронический намек Абоимова на подаренную «доктрину Брежневца» связан с тем, что разговор происходил в дни американской военной акции по свержению режима генерала М. Норьеги в Панаме.

A. S. Stykalin

Collection of documents on the change of political systems
in the Eastern Europe countries in the 1980–1990s

The author provides a review on the exegetical edition of archival documents (from the funds of Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union), reflecting the USSR policy in Eastern Europe in the conditions of the world socialism collapse and the change of regimes in Central and South-Eastern Europe in the 1980–1990s.

Key words: *USSR, Eastern Europe, Soviet block, socialism and its collapse, Perestroika, M. S. Gorbachev, 1989, «Velvet revolutions».*

А. В. Девятков
(Москва)

Новая работа об истории приднестровского конфликта в контексте российской политики

В рецензии содержится отклик на монографию, посвященную истории приднестровского конфликта, одного из «замороженных» конфликтов на постсоветском пространстве, требующих своего урегулирования с учетом интересов всех вовлеченных сторон.

Ключевые слова: *Молдова, Приднестровье, приднестровский конфликт, непризнанные государства, распад СССР.*

Известный французский философ М. Фуко считал и своим примером доказывал, что ученый может занимать политическую позицию в отношении актуальных общественных событий и выстраивать свои исследования с целью реформативного существования социальных реалий. По его мнению, это вполне соотносится с поиском научной истины, особенно если исследователь использует научную методологию, открытые и достоверные источники информации и приходит к верифицируемым выводам.

Сказанное имеет прямое отношение к книге к.и.н., доцента РАНХиГС Н. И. Харитоновой об истории приднестровского конфликта (*Харитонова Н. И. Приднестровский конфликт (1988–2012 гг.). М.: Линия-График, 2015*). Этот труд займет достойное место среди исследований по данной проблематике, в том числе потому, что затрагивает один из ключевых вопросов современной внешней политики России на постсоветском пространстве — ее отношения с так называемыми де-факто государствами (Приднестровье, Нагорный Карабах, Южная Осетия и Абхазия).

В современном российском общественно-политическом дискурсе сложились три основные точки зрения на будущее Приднестровья. Исторически доминирующей была позиция, в рамках которой Приднестровье рассматривалось как регион, имеющий для России большую геополитическую значимость, но при этом выступающий скорее как ресурс влияния России — в Юго-Восточной Европе в целом и в Молдове в частности. Сторонники этой точки зрения склонны в этой связи подходить к Приднестровью

инструментально, отмечая, что для России все-таки приоритетное значение имеет Молдова — как признанное международным сообществом государство, член СНГ и исторически важная территория, за которую до сих пор у Москвы существует латентное противостояние с Румынией. Поэтому Москва, согласно этой точке зрения, не может позволить себе признать независимость Приднестровья, хотя при этом она должна сделать все, чтобы данный регион получил как можно больше полномочий в составе объединенного молдавского государства и максимум гарантий, в том числе военных, от самой России.

Вторая точка зрения исходит из положения о том, что Россия не имеет в Приднестровье важных национальных интересов и не должна идти на столкновение с Западом и Молдовой из-за обвинений в поддержке сепаратизма и тратить огромные средства на поддержку приднестровской де-факто государственности. К сторонникам этих идей принадлежат как либерально настроенные аналитики, так и прагматики во власти. Именно они поддержали в 2010 г. идею Мезебергского процесса, в рамках которого Россия и Германия договорились рассматривать приднестровское урегулирование как пилотный проект сотрудничества ЕС и России в области безопасности и совместно совершили определенные шаги, приведшие к некоторым сдвигам в урегулировании конфликта.

Третья точка зрения, которую разделяет и Н. И. Харитонова, состоит в том, что Россия утратила почти все ресурсы влияния в Молдове, активно сближающейся с ЕС и НАТО и поэтому проводящей все более антироссийскую политику. Запад при этом (прежде всего США и контролируемый ими Североатлантический альянс) стремится вытеснить Россию из региона, настаивая на выводе Объединенной группы российских войск, охраняющей склады бывшей 14-й армии, и интернационализации формата мирогарантийной операции на Днестре. В этих условиях, считают сторонники этой точки зрения, подлинный национальный интерес России состоит в официальном признании независимости Приднестровья и заключении с ним соглашения о постоянном базировании российских войск. При этом Приднестровье представляет собой состоявшееся государство, где проживает многонациональный приднестровский народ, объединенный проектом гражданской, а не этнической (как в Молдове) идентичности.

В книге Н. И. Харитоновой есть в связи с признанием Приднестровья интересное допущение: по ее мнению, ЕС в целом и

в особенности Германия не желают размораживания конфликта у своих границ (как это произошло в случае с Грузией) и, в отличие от США, якобы понимают, что признание независимости Приднестровья — это наиболее верный шаг к тому, чтобы избежать этой опасности. Поэтому у России есть возможность использовать эту позицию (пока неофициальную) ЕС и Германии, которые свои договоренности с Россией должны будут потом в качестве свершившегося факта «довести» до Молдовы и Украины.

Кроме этого, автор исходит из идеи о том, что признание государственности Приднестровья Россией не обязательно должно быть результатом какой-либо войны. Для этого достаточен простой повод, например, небольшое столкновение в зоне безопасности (такие часто случаются), которое может быть истолковано Москвой и Тирасполем как достаточное основание для того, чтобы заявить о необходимости с помощью чрезвычайных мер защищать интересы своих граждан на берегах Днестра.

Как представляется, это одно из самых спорных мест во всей книге. Дело в том, что даже если Россия без какого-либо серьезного основания признает независимость Приднестровья, то она скорее всего столкнется с консолидированной позицией ЕС, Украины и Молдовы, нацеленной на полный разрыв экономических отношений с этим регионом. Во-первых, в книге не приводятся доказательства формирования каких-либо альтернативных официальных позиций внутри ЕС по Приднестровью. Во-вторых, в практическом плане для экспортно-ориентированной экономики Приднестровья (около 50% экспорта которого идет в Молдову, прежде всего производимая Молдавской ГРЭС электроэнергия) такое развитие событий будет означать масштабный экономический кризис. С внешним миром Приднестровье связано через территорию Украины и Молдовы, которые в случае признания Приднестровья сделают все для его блокады (уже больше не мифической, а вполне реальной). С российским рынком Приднестровье связано слабо (по итогам 2015 г. экспорт в РФ упал до 8% от общего объема вывозимой продукции), а механизмы переориентации приднестровской продукции на экспорт в Россию могут и не сработать, в том числе потому, что металлургия и электроэнергетика — это отрасли, по которым болезненно ударил экономический кризис и в которых в самой России отмечается перепроизводство.

Несмотря на спорные моменты, книга Н. И. Харитоновой крайне полезна для российского исследовательского пространства.

Во-первых, в ней критически (хотя и не без оценочных суждений) рассмотрено развитие российской политики в отношении Приднестровья. В частности, автор признает решающую военную роль 14-й армии в развитии и замораживании конфликтной ситуации на Днестре в 1991–1992 гг. Во-вторых, Н. И. Харитонов справедливо отмечает, что политика России реализуется в регионе в непростых геополитических условиях, что не может не приводить к ее определенной непоследовательности. Автор подробно останавливается на том, как Россия в 1996–1997 гг. выступала основным инициатором переговоров по окончательному урегулированию приднестровской проблемы, как Москва в 2001–2002 гг. в контексте выполнения «стамбульских обязательств» и хороших отношений с Молдовой в лице В. Воронина стремилась добиться результативных переговоров (наряду с другими международными акторами) и как в 2010–2012 гг. она согласилась обусловить развитие отношений с ЕС в сфере безопасности своим позитивным вкладом в приднестровское урегулирование. При этом Н. И. Харитонов не обходит вниманием те моменты, когда Россия в контексте своего геополитического противостояния с Западом проводила одностороннюю политику, в том числе склоняясь к игре с ценами на газ, применению торговых ограничений против Молдовы, затягиванию или срыву переговоров по приднестровской проблеме.

Заслуживает также особого внимания в книге Н. И. Харитоновой ее дифференцированный подход к характеристике приднестровской субъектности в конфликте. Если большая часть политической элиты, в представлении автора, стремится к приднестровской независимости, то бизнес-элита скорее ориентирована на компромисс с Европой, а население, устав от состояния неопределенности и освободившись от синдрома «осажденной крепости», ожидает скорейшего урегулирования приднестровской проблемы, будучи готовым на уступки в рамках переговоров по статусу региона. Хотя такая дифференциация условна, она важна с точки зрения того, чтобы обратить внимание российского читателя (в том числе лиц, принимающих решения) на актуальные общественные настроения в Приднестровье.

Рассматриваемая монография снабжена предисловием, написанным политическим представителем РФ на переговорах по приднестровскому урегулированию С. Н. Губаревым.

A. V. Devyatkov

New work on the history of Transdniestrian conflict in the context of Russian policy

The review contains a response to the monograph devoted to the history of Transdniestrian conflict, one of the so-called «frozen» conflicts in the post-Soviet area, which acquires settlement in accordance with the interests of all the countries involved.

Key words: *Moldova, Transdnestrria, Transdnestrrian conflict, unrecognized states, USSR collapse.*

М. Л. Бершадская, П. Е. Зеновская
(Санкт-Петербург)

Первая в России история хорватской литературы XX века

Рецензируется фундаментальное научное исследование Г. Я. Ильиной по истории хорватской литературы XX в.

Ключевые слова: *хорватская литература, XX век, литературный процесс, литературоведческая кроатистика.*

Вышедшая в серии «Литература XX века» книга доктора филологических наук, профессора Галины Яковлевны Ильиной представляет собой первое в отечественной славистике фундаментальное научное исследование, посвященное истории литературы хорватского народа в XX веке (*Ильина Г. Я. Хорватская литература XX века / Отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Индрик, 2015. 440 с.*).

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что данная монография, представляющая концептуальное освещение и теоретическое осмысление истории хорватской литературы, является плодом многолетней научной деятельности автора. Создание этой книги, дающей комплексное представление о литературном процессе в историко-литературном, культурологическом и компаративном разрезах, стало закономерным результатом, обобщающим многочисленные работы Г. Я. Ильиной, посвященные отдельным аспектам истории хорватской литературы XX века.

Предваряет издание предисловие, содержащее краткий очерк, который дает читателю возможность познакомиться с историческими и эстетическими предпосылками, повлиявшими на осмысление хорватами своего места среди европейских народов и культур.

Книга позволяет проследить эволюцию литературного процесса в период с 1900 по 1990-е годы. Обширный по охвату материал структурирован согласно предлагаемой автором периодизации, тесно связанной с историей региона. Таким образом, автор выделяет в истории хорватской литературы XX столетия период начала века (1900–1914), годы Первой мировой войны и межвоенный период (1914–1941), затем этап борьбы с фашизмом на протяжении Второй мировой войны (1941–1945), эпоху социализма (1945–1980-е) и период Республики Хорватия (1990-е). Отдельная глава монографии посвящена литературе эмиграции, сведения о которой дают читателю

возможность дополнить представление об эволюции хорватской литературы на протяжении XX века.

Подобная организация подачи материала представляется чрезвычайно удачным решением для литературы, подобной хорватской. Череда катастрофических потрясений, происходивших в Хорватии на всем протяжении XX столетия, привела к тому, что история и политика оказали непосредственное влияние на трансформации эстетической парадигмы, сказавшись на культуре хорватского народа. Привязка периодизации истории литературы к историческим вехам позволяет проследить логику литературного процесса и многие существенные особенности развития хорватской литературы.

Отметим, что, используя данную структуру построения монографии, автор обращается к творчеству отдельных писателей в разных главах, последовательно знакомя читателя с анализом наследия крупнейших национальных авторов в общем контексте развития литературы. Это дает возможность одновременно проследить творческий путь каждого конкретного писателя и увидеть его место в рамках определенных этапов литературной эволюции, к которым он имеет отношение. При этом именной указатель, приведенный в конце издания, служит удобству работы с материалом.

В монографии представлена динамика литературного процесса во всем многообразии течений и направлений. Емко, четко и ясно даны характеристики всех явлений хорватской литературы XX века. В этой связи особо хочется обратить внимание на стиль изложения в разделе, посвященном эпохе Хорватского модерна, позволивший автору во всей полноте продемонстрировать возникновение и динамику переходных и смешанных художественных форм.

Характеризуя многообразные и сложные явления художественной литературы, автор не прибегает к упрощению и адаптации. Приведенному анализу таких категорий, как типы повествования, пространственные и временные характеристики, ретроспективность и т. п., присущ высокий методологический уровень. Отметим, что, давая глубокий анализ художественных форм, литературных направлений и течений, жанровых и стилевых структур, автор уделяет должное внимание специфике их преломления на национальной почве. Этому в немалой степени способствует постоянное обращение к событиям общественной и политической жизни народа. Читатель имеет возможность проследить, каким именно образом на протяжении XX века реализуется культурная автономия народа, выкристаллизовывается национальная идентичность хорватов, получает свое

освещение в художественном творчестве «национальная психология» (с. 142).

Повествуя о национальной специфике хорватской литературы, Г. Я. Ильина освещает процесс художественной эволюции и с точки зрения его типологической связи с другими югославянскими литературами. Кроме того, автор постоянно обращает внимание читателя на взаимодействие творчества хорватских писателей с европейскими и русской литературами, вписывая рассматриваемые явления в общемировую эстетический контекст XX века.

Отдельного упоминания заслуживает освещение в монографии феномена так называемой двойной или полилитературной принадлежности творчества югославских писателей. Прекрасной иллюстрацией этого феномена послужило творчество лауреата Нобелевской премии Иво Андрича, уроженца Боснии, начавшего литературную деятельность в кругу Хорватского модерна и ставшего выдающимся сербским писателем. Строго профессиональный подход автора монографии к данному вопросу позволяет избежать напряжения, связанного с определением национальной принадлежности творческого наследия писателей рассматриваемого региона.

Как безусловное достоинство данной монографии следует отметить и освещение диалектной хорватской литературы.

Лишенный тенденциозности стиль изложения, избранный автором, позволяет с достаточной полнотой осветить многие дискуссионные явления хорватской литературы. Так, например, в разделе, посвященном хорватской литературе в годы Первой мировой войны, читатель может найти анализ поэзии католических авторов, чьи эстетические воззрения сочетали социальную направленность с религиозной одухотворенностью. Чрезвычайно удачную и всестороннюю характеристику получает творчество хорватских писателей периода Второй мировой войны — в частности, тех из них, кто в это время по тем или иным причинам сотрудничал с усташским режимом.

Следует отметить также ценное для литературоведов-славистов освещение литературы Республики Хорватия 1990-х годов с точки зрения тенденции тяготения к радикальному постмодернизму и художественному синкретизму. Обращает на себя внимание качество издания и прекрасный дизайн, в котором использовано панно одного из крупнейших хорватских художников рубежа XIX–XX вв. Влахо Буковаца «Развитие хорватской культуры».

В освещении обширного материала автор монографии опирается на научные работы хорватских и русских ученых, а также исполь-

зует собственные исследования, с которыми читатели имели возможность ознакомиться ранее: монографию «Развитие югославского романа в 20–30-е годы XX века» и статьи в коллективных трудах «История литератур западных и южных славян», «История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны» и «Лексикон южнославянских литератур», вдохновителем и ответственным редактором которого была Г. Я. Ильина. Несмотря на то, что автор монографии отсылает читателя к своим научным работам, посвященным изучению литературы XX века, некоторые значимые исследования, такие как «Одно десятилетие — три истории литературы» (М., 2011), «Лики Мирослава Крлежи» (М., 2003), «К вопросу о судьбе левой интеллигенции XX века (Мирослав Крлежа и его последний роман «Знамена»)» (М., 2006) не упомянуты автором даже в ссылках.

В заключительной части издания приводится избранная научная библиография, включающая в себя работы отечественных и зарубежных ученых по истории культур, литератур и языков рассматриваемого региона, а также отдельным их проблемам. Некоторое сожаление вызывает отсутствие оценки автором монографии работ предшественников, посвященных истории хорватской литературы. Безусловно, подобная оценка помогла бы читателю лучше сориентироваться в многообразии предложенных трудов. Неоценимую помощь читателю, знакомящемуся с историей хорватской литературы, оказало бы также увеличение количества ссылок на отдельные значимые научные труды, дающие характеристику явлениям хорватской литературы до XX века. Возможно, было бы уместно снабдить краткий очерк истории литературы, данный в предисловии, ссылками на книгу В. К. Зайцева «Между львом и драконом. Дубровницкое Возрождение и эпическая поэма Ивана Гундулича “Осман”» (Минск, 1969), а также на работы Л. Н. Пушкарева (Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества. М., 1984) и Н. И. Лещиловской (Иллиризм. М., 1968).

В заключение еще раз отметим, что книга Г. Я. Ильиной, обладающая широким охватом материала и продуманной структурой, отличающаяся подробностью изложения, снабженная основательными историческими комментариями и списком переводов произведений хорватских писателей на русский язык, может быть адресована как славистам, так и филологам широкого профиля, литературоведам, культурологам, интересующимся славянскими литературами. И что самое главное, данная научная монография открывает широкие перспективы для дальнейшего изучения хорватской литературы XX века.

M. L. Bershadskaya, P. E. Zenovskaya

The first history of Croatian literature of the 20th century published in Russia

The authors provide a review on the fundamental work by G. Ya. Iljina devoted to the history of Croatian literature of the 20th century.

Keywords: *Croatian literature, 20th century, literature, literary Croaticistics.*

Л. Н. Виноградова
(Москва)

Болезнь в польской культурно-языковой картине мира

Рецензия на монографию польского этнолингвиста Мажены Марчевской, в которой рассматривается в культурно-лингвистическом аспекте феномен болезни — как он представлен в польском языке и народных верованиях. В книге проанализированы комплексы суеверных представлений о колтуне, порче и поварных болезнях, а также магические ритуалы, направленные на их лечение и предотвращение.

Ключевые слова: *культурная антропология, этнолингвистика, народная медицина, лечебная магия, персонафикация болезни.*

В польских этнологических науках последнего десятилетия наблюдается настоящий бум в разработке проблем, связанных с медицинской культурной антропологией, под которой понимаются народное целительство, лечебная магия, мифологические представления о происхождении болезненных состояний, а также функционирующий в городской и сельской среде социокультурный феномен болезни; и все эти тематические блоки рассматриваются в социально-историческом, этнопсихологическом, фольклорно-этнографическом, этнолингвистическом и прочих аспектах¹. Это объясняется тем, что из всех разделов традиционной культуры именно народная медицина (способы лечения, вера в «дурной глаз» и порчу) продолжает вызывать повышенный интерес и сохранять свою актуальность в современном обществе.

Список трудов на эту тему пополнился за счет недавно вышедшей из печати новой книги доцента Института польской филологии при келецком Университете им. Яна Кохановского Мажены Марчевской (Marczewska Marzena. «Ja cię zamawiam, ja cię wypędzam...» Choroba: Studium językowo-kulturowe. Kielce, 2012. Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego. 368 s.), которая показывает, как комплекс народных знаний о болезнях описывается и концептуализируется средствами польского языка и далее отражается в народной культуре. В заглавии книги («Болезнь: лингвокультурологическое исследование») сформулирован ее главный методологический профиль и задачи — стремление реконструировать языковые

образы конкретных заболеваний (колтуна, сглаза, повальных эпидемий) и изучить вербальные способы коммуникации человека с царскими персонажами и с персонифицированными болезнями.

Книга содержит, кроме введения и заключения, семь глав, посвященных: истории изучения обозначенной проблематики; теоретическим основам разработки понятия «языковая картина мира» и отражению в ней традиционных знаний о болезнях; народной классификации болезней и их этиологии; комплексу представлений о колтуне, порче, о повальных эпидемиях; анализу заговоров, включенных в ритуал исцеления, и ряду др. вопросов. В качестве приоритетных источников исследования выступают, во-первых, диалектные польские названия болезней и эвфемистические формы их обозначения; во-вторых, народные верования, объясняющие происхождение болезненных состояний как результат воздействия на человека вредоносных мифических существ; в-третьих, магические ритуалы вместе с сопутствующими вербальными текстами лечебных заговоров. Таким образом, рецензируемый труд в целом посвящен не только задаче реконструкции языкового образа болезни, но и анализу таких текстов культуры, каковыми являются лечебные ритуалы и заговоры, а также верования и поведенческие стереотипы. Кроме данных, извлеченных из множества опубликованных словарных и этнографических источников, автор использует также собственные полевые материалы, собранные на протяжении 2000–2010 гг. во время экспедиционной работы на территории Келецкого воеводства.

Как показано в рецензируемом труде, в польском разговорном языке и в фольклорно-речевых жанрах болезнь описывается в категориях «объект / субъект»: ее якобы можно передать другому лицу, вынести за пределы села, закопать в землю, подбросить на перекресток. Судя по народным поверьям, она появляется и действует как живое агрессивное существо: приходит в село, проникает в тело человека, хватает, трясет, ломает, давит, валит с ног, морозит и т. п. Болезнь проявляет некие личностные свойства: предпочитает определенную пищу, бывает сговорчивой или несговорчивой, обижается на людей, уходит, ее можно испугать, обмануть, уговорить выйти наружу. Исключительным богатством отличается лексика, связанная со способами насылания недугов на человека: обычно используются предикаты со значением «задать кому-либо хворобу», «засадить, подбросить болезнь», «напустить порчу», «сглазить» и подобные. Соответственно действия по избавлению от болезни обозначаются выражениями: «отделать», «снять», «отчаровать», «наладить» и т. п.

Широко известные в народной культуре запреты называть болезни их «настоящими» именами (чтобы не спровоцировать их появления) создают условия для активного использования эвфемистических эквивалентов. Например, по отношению к самым разным типам недугов употребляются заместительные имена со значением: «тетка», «бабка», «гостья», «лихо», «бестия», «враг». Вместе с тем обратным эффектом такой табуизации является намеренно прямое название болезни в проклятиях и злоречениях, адресованных неприятелю. Для польского языка наиболее типичны формулы проклятий со словом «холера»: *Cholera jasna! Idź do cholery! Niech cię cholera weźmie!*; либо выражения со словом «хвороба»: *Bodaj cię cholera utlukła! Idź do choroby!*

Судя по языковым данным, в сознании носителей традиционной культуры здоровье ассоциируется с представлениями о целостности, ненарушимости, крепости, силе, полноте, а нездоровье — с разрушением, порчей, поломкой, уничтожением, ослаблением. Считалось, что болезни возникают: 1. от злых наговоров (от опасных слов); 2. от завистливого, недоброго взгляда; 3. от колдовской магии недоброжелателей (путем подбрасывания к чужому двору вредоносных предметов, передачи «порчи» в еду или питье; завязывания в чужом поле вредоносной «завитки» и т. п.); 4. от слишком тяжелой работы; 5. от «заразного ветра»; 6. от испуга; 7. от вторжения в жилое пространство болезнетворных злых духов. Но вместе с тем широко известны и представления о том, что болезни посылаются людям от Бога, как кара за греховное поведение.

В качестве врачей выступают «знающие» люди: знахари, чародеи, мудрые бабы, старые овчары, шептуны, ясновидящие.

Мифологическая трактовка болезни как самостоятельно действующего субъекта подробно рассмотрена автором на примере поверий о колтуне, зафиксированных в старопольских словарях, календарях, лечебниках XVII–XVIII вв. и в этнографических свидетельствах XIX–XX вв. В польской народной традиции встречаются два названия: *koltun* и *gościec* (от «гость»), а в письменных источниках, кроме терминов *koltun* или *plica polonica*, известны названия со значением «надвислянская болезнь», «закрутень», «ведьминская коса». Этими терминами могут обозначаться разные недуги: ревматизм, нервные заболевания, но чаще всего имеется в виду свалившийся на голову ком волос как зримое воплощение болезни.

Колтун («гостец») описывается в народных поверьях как болезнетворный дух, который проникает в человека и временами дает о

себе знать болями в разных частях тела. Затем он поднимается вверх и выходит наружу на голове своей жертвы, образуя в волосах спутанный пучок. После этого можно предпринимать лечебные ритуалы по избавлению от него. Знахарь заворачивает срезанный колтун в ткань вместе с монеткой, хлебом, фруктами (или другим угощением) и выносит узелок на межу либо на перекресток дорог, к проточной воде, выбрасывает его либо закапывает в землю, затыкает в дупло вербы, оставляет в муравейнике, заваливает камнями.

Колтун ведет себя как капризное существо: ему может не понравиться поглощаемая человеком пища, и он требует другую еду. Родственники старались удовлетворить любую прихоть больного, чтобы не гневить колтуна. Польский фразеологизм «иметь колтуна на какую-либо еду» употребляется в значении ‘испытывать пищевое пристрастие к какому-либо продукту’, ср. *Mam koltuna na gorzałkę* [Меня тянет колтун на водку].

Если колтун предстает в польской культурно-языковой картине мира как некий опредмеченный образ болезни (свалявшиеся волосы), то по отношению к различным заболеваниям используется, как это показано в рецензируемой книге, другая описательная модель. Народные названия типа «зараза», «мор / мора», «моровое поветрие», «черная болезнь», «моровая девица» и т. п. применимы по отношению к разным эпидемическим заболеваниям (к холере, чуме, оспе, тифу). Кашубские термины *poszedło, posześć* сохраняют признаки значений ‘массового и внезапного нашествия’. Персонифицированный образ этих болезней имеет, как правило, женскую ипостась. По народным поверьям, «зараза» появляется в виде высокой худой женщины в белом или черном одеянии, либо это «пани в богатом наряде», либо это «девица в белой рубашке и с распущенными волосами».

Действия персонифицированной «заразы» описываются глаголами со значением «приходить / прибывать» (болезнь приходит, проникает в дом, подъезжает к селу на телеге) и «опустошать / умертвлять» (она сметает все на своем пути, убивает всех подряд, опустошает целые деревни). «Моровая девица» идет ночью по селу, размахивая большим платком, с помощью которого рассеивает заразу. Стучит в окна домов, спрашивая: «Что делаете?»; если жильцы ответят: «Спим», то говорит: «Засните же навеки!» (правильным, спасительным считался ответ: «Бога хвалим!»).

Методы борьбы с заразой сводятся обычно к охране жилого пространства и символическому отгону персонифицированной болезни:

ритуальное опаживание села, жжение костров вокруг дома, окуривание жилых построек, церковные обходы с хоругвями и т. п.

Пятая глава монографии посвящена не конкретному заболеванию, а разным формам недугов (и житейских неудач), вызванных колдовской порчей. Хотя, по суеверным представлениям, вредоносная порча насылается на человека чаще всего «дурным глазом», в польском языке она обозначается лексемой *urok* (от **rekti* ‘говорить’), и это свидетельствует о том, что основным механизмом «наведения порчи» некогда было произнесение опасных слов. Соответственно глаголы *uroczyć* / *suroczyć* имеют значение ‘околдовать словом или взглядом, испортить человека (животных, растения), наслать недуги и неудачи’; а выражения типа «урочливый человек», «урочливые глаза» обозначают способность сглазить.

Насколько сильной была в старые времена вера в сглаз, автор показывает на одном историческом примере. На заседаниях церковных «ведовских» процессов судьи — чтобы не подвергать себя сглазу — допрашивали обвиняемых «ведьм», поставив их лицом к стене и запретив оглядываться. Эта судебная практика была отменена в Польше только в 1727 г.

На основе собственных полевых исследований автор приходит к заключению, что вера в порчу и сглаз среди сельского населения Келецкого воеводства является повсеместной вплоть до настоящего времени. Считалось, что «урочливыми» могли стать (сами того не зная) люди, рожденные в «плохое время», либо по отношению к которым были нарушены правила крещения, имянаречения, грудного вскармливания. Как более опасный воспринимался сглаз преднамеренный, когда порчу насылали «чужаки» (цыгане, евреи), или «знающие» люди (колдуны, ведьмы), или злобные, завистливые односельчане.

Весьма обстоятельно проанализированы в монографии вопросы, связанные с организацией ритуалов «снятия порчи», которые происходили в два этапа: сначала надо было узнать виновника порчи, а затем нейтрализовать ее последствия. Наиболее устойчивый набор лечебных актов включает такие магические действия, как: обмывание, окропление, обливание водой и специальными отварами; обдувание, обтирание либо окуривание больного; измерение частей его тела; протаскивание пострадавшего через отверстие; битье веником; обсыпание песком; сжигание предметов одежды, символизирующих самую болезнь, и множество других.

Что же касается магических слов (заговоров, заклинаний, вербальных оберегов), сопутствующих лечебным ритуалам, то им

посвящена специальная глава — «Слово в лечебной магии». Исследователь убедительно доказывает, что вербальные тексты, используемые при лечении, имеют особый статус: слово в лечебной магии — это не только средство для коммуникации с партнером или для передачи информации, но это и своеобразный «акт творения», то есть моделирование новой действительности (в которой нет места болезни). Словесные формулы, включенные в обрядовый контекст, являются эквивалентом самих лечебных действий, в этом смысле они принадлежат к категории перформативных высказываний, поскольку служат средством для достижения конкретных целей и осмысляются как реальное «дело». В текстах заговоров отмечаются следующие поведенческие стратегии целителя по отношению к болезни: его речь состоит из приказов, запретов, просьб, призывов, уговоров, предостережений, запугиваний, угроз и т. п. Наряду с этим, обязательным компонентом заговора являются призывы к высшим божественным силам стать помощниками в деле исцеления больных. Наличие мощного религиозного пласта в польской заговорной традиции отмечают все исследователи лечебных заговоров.

Несколько слов хотелось бы сказать о стилистических особенностях рецензируемого труда. Речь идет о принципах подачи изучаемого источникового материала, избыток которого, по моему мнению, сильно перегружает авторский текст, затрудняя его чтение. Многие разделы книги построены как длинный перечень цитат (диалектных текстов, подтверждающих тот или иной тезис исследователя). Так, пятистраничный параграф «Причины возникновения колтуна» содержит более сорока цитат из разных этнографических источников (с. 123–128), а в разделе «Избавление от колтуна» приводится почти 90 подобных цитат (с. 134–142). К тому же иногда один и тот же пример (взятый из одного и того же источника) повторяется дважды и трижды на одной странице или на двух соседних страницах (см., например: с. 130, 137–138, 160–161, 218–219). По-видимому, сам автор осознает такую излишнюю цитатную перегруженность, но обосновывает ее тем, что целью исследования было показать высокую степень популярности, распространенности множественных вариантных форм одного и того же поверья или ритуала, связанного с болезнью; поэтому в книгу включается обширный документальный материал (с. 14). Кроме того, автора — как он сам утверждает — интересуют не столько способы магического лечения, сколько модели их описания носителями традиции,

то есть «модели говорения» о болезнях, устойчивые словесные клише, в которых отражаются важнейшие ментальные стереотипы магического мышления (с. 32).

В целом можно заключить, что несомненной заслугой автора является успешная реализация комплексного изучения сложно организованного феномена болезни, который, во-первых, описывается языковыми средствами, во-вторых, по-особому конструируется в мифологических верованиях, в-третьих, моделирует ритуальное поведение пациента и целителя в лечебных обрядах, в-четвертых, отражается в устно-поэтических фольклорных текстах. И это подтверждает заявленный в названии книги методологический профиль работы как лингвокультурологического, многоаспектного по своей проблематике, научного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См., например, **монографии**: *Jaguś I. Lecznictwo ludowe w Królestwie Polskim na przełomie XIX i XX wieku.* Kielce, 2002; *Grmek M. Historia chorób u zaraniu cywilizacji zachodniej.* Warszawa, 2002; *Libera Z. Znachor w tradycjach ludowych i popularnych XIX–XX wieku.* Wrocław, 2003; *Jagła J. Boska medycyna i niebiescy uzdrowiciele wobec kalectwa i chorób człowieka.* Warszawa, 2004; *Piątkowski W. Lecznictwo niemedyczne w Polsce.* Lublin, 2008; **тематические сборники статей**: *Choroba jako zjawisko społeczne i historyczne* / Red. B. Płonka-Syroka. Wrocław, 2001; *Życie i zdrowie człowieka w tradycji i kulturze polskiej. Materiały konferencji «Problematyka życia i zdrowia w tradycji i kulturze polskiej»* / Red. W. Bołoz i E. Wolnicz-Pawłowska. Warszawa, 2004; *Sposoby leczenia dawniej i dziś w świetle literatury i medycyny* / Red. E. Łoch i G. Wallner. Lublin, 2006; *Leczyć, uzdrawiać, pomagać* / Red. B. Płonka-Syroka i A. Syroka. Wrocław, 2007; *Wokół choroby, medycyny i praktyk leczniczych. Teorie — konteksty — interpretacje* / Red. Łeńska-Bąk K., Sztandara M. Opole, 2009; *Zdrowie i choroba w kontekście psychospołecznym* / Red. K. Popielski, M. Skrzypek. Lublin, 2010; *Nie czas chorować. Zdrowie, choroba i leczenie w perspektywie antropologii medycznej* / Red. D. Penkala-Gawęcka. Poznań, 2010; *Medycyna magica. Oblicza medycyny niekonwencjonalnej* / Red. A. Anczyk. Sosnowiec, 2011.

L. N. Vinogradova

Disease in the Polish cultural and linguistic image of the world

The article represents a review on the monograph of a Polish ethnolinguistics specialist Mazyń Marchewska, which considers the phenomenon of disease in the cultural and linguistic aspect as it is presented in the Polish language and folk beliefs. The book analyzes concepts of Polish plait, jinx and epidemics as well as magical rituals aimed at their healing and prevention.

Keywords: *cultural anthropology, ethno-linguistics, folk medicine, healing magic, personification of a disease.*

М. М. Макарец
(Москва)

Новое исследование о миграции балканских славян-мусульман в Западную Европу

Рецензия посвящена монографии австрийского исследователя Томаса Шмидингера «Гора: славяноязычные мусульмане между Косово, Албанией, Македонией и диаспорой».

Ключевые слова: *Гора, гораны, славяне-мусульмане, этнография Балкан, идентичность, миграции.*

Феномен массовой миграции уже достаточно давно является объектом изучения в этнографии. Еще в 1995 г. программная статья Г. Маркуса¹ зафиксировала изменение исследовательской парадигмы: приходит осознание того, что значительная часть человеческих сообществ не существует изолированно, и для их описания на самом деле уже давно используется мультилокальный подход (*multi-sited ethnography*). Любое исследование феномена миграции является мультилокальным по определению. Если говорить о миграции с Балканского полуострова в страны Западной Европы во второй половине XX — начале XXI века, то можно наблюдать, как возникают целые мультилокальные группы, члены которых сохраняют тесные связи, несмотря на значительную географическую дистанцию.

Книга Т. Шмидингера «Гора: славяноязычные мусульмане между Косово, Албанией, Македонией и диаспорой»² является описанием такой группы. Появление книги имело совершенно практическую цель, как признается сам автор, — «ближе познакомить немецкоговорящих читателей с ситуацией, историей и культурой этнической группы, которая в последнее время также стала частью нашего общества» (с. 4). В силу этого книга хорошо проиллюстрирована (81 фотография, на которых изображены жители Горы, пейзажи, архитектура, обряды и т. д.), а также снабжена кратким горанско-немецким разговорником и, более того, секцией с туристической информацией о Горе. В то же время это показывает, что книга предназначена скорее для широкой аудитории, чем для специалистов по Балканам.

Рассматриваемая группа славяноязычных мусульман разделена границами на три неравных части (18 сел находятся в Косово в окрестностях г. Драгаш, 9 или 10 — в Албании в округе Кукэса, два села, Еловяне и Урвич, — в Республике Македонии под Тето-

во). Для их обозначения автор пользуется термином *die Gorani*. В частично признанной республике Косово они имеют статус меньшинства, прописанный в Конституции (ст. 64.2, п. 2; ст. 148, п. 1). Автор не занимает никакой позиции по этнической принадлежности горанов³ (славянизированные албанцы или исламизированные сербы / македонцы / болгары...) — для него они представляют собой маргинализованную группу с «текущими идентичностями» (*fluide Identitäten* — с. 68), которая не имела собственной государственности и теперь существует среди конкурирующих националистических моделей истории. В книге предлагается описание этих моделей и места, которое гораны занимали в каждой из них (с. 13 и далее). В то же время описываются и точки зрения самих горанов, среди которых отметим идею, высказанную Назифом Докле, о происхождении горанов от богомилов. Вне зависимости от того, насколько это подтверждается историческими источниками, представляется важным подчеркнуть, что связь с богомилством входит в репертуар дискурсов о собственной идентичности разных славяномусульманских групп на Балканах, от Боснии до юго-западной Македонии⁴. Используются также свидетельства о доосманском распространении ислама в области современного расселения горанов: данные о том, что неназванная семья из Алеппо переселилась в Гору между 1095 и 1291 гг., и о строительстве ими мечети (квартал, где находится мечеть, до сих пор называется *Halepovci*)⁵, арабские надписи и даты на могильных плитах и т. д. (с. 18–21) — к сожалению, таким свидетельствам уделяется достаточно мало внимания, в частности, не приводится полного библиографического описания источников информации о жителях Алеппо в Горе, не дается полного прочтения надписей на могильных плитах⁶. Языковой вопрос, связанный с этническим, описывается исключительно кратко. Единственный лингвоним, приводимый автором, — *našinski*, в то же время использование иных лингвонимов (*góranski, makédonski, slávsko, bošn'áčki*)⁷ представителями группы не оговаривается — упоминается только, что в Косово язык горанов «включается в боснийский»⁸ (с. 24).

Работа Т. Шмидингера основана на качественных интервью с представителями группы, полевом исследовании в Горе и в Австрии, а также включенном наблюдении, т. е. применяется обычный инвентарь этнографического исследования. Теоретически книга основана на книге Д. Коэна и И. Сиркеджи, посвященной «культурам миграции»⁹, а также на работах неомарксистских социальных антропологов, рассматривающих «периферизируемые регионы»¹⁰. Как я хотел

бы показать дальше, метод качественных интервью, хотя и исключительно плодотворный при должном выборе объекта, в некоторых случаях приводит автора к односторонним выводам.

Первые несколько глав книги служат скорее развернутым введением и подходом к теме¹¹: «Методы и теоретические основы» (с. 6–8); «Гора: культурный ландшафт на границе» (с. 9–12); «Происхождение и этногенез горанов» (с. 13–22); «Язык» (с. 23–26). Хотя по большей части эти главы выполняют свою роль краткого введения в проблематику Горы (пусть даже хотелось бы видеть больше информации по языковому вопросу), некоторые из них могли бы быть гораздо более содержательными. Глава «Культурная традиция, материальная культура и традиционная экономика» (с. 27–43) описывает традиционный горанский дом слишком общим образом: если убрать топонимы, то описание было бы приложимо к самым разным типам домов на Балканах, в то же время конструктивные особенности дома у горан не описаны вовсе. Информация о семейной обрядности (свадьба, суннет на с. 37–43, большая часть которых приходится на иллюстрации), к сожалению, приводится очень ограниченно: на основе этих описаний составить представление о последовательности действий и о текстах обряда невозможно. Нарратив о проблеме однополых сексуальных связей у горанов¹², как и описание гендерного неравенства в главе «Брак, сексуальность и отношения полов» (с. 44–49)¹³, по всей вероятности, объясняется нацеленностью на широкую немецкоязычную аудиторию — это ожидаемая тема, которую нельзя было обойти. В то же время, как кажется, описание положения женщины в традиционных балканских сообществах только как подчиненного достаточно односторонне и обусловлено гендером. В женской субкультуре славяноязычных мусульман на Балканах существует своя иерархия, по-своему структурируется пространство (ср. информацию из Голоборды¹⁴), что проходит мимо внимания мужчины-исследователя.

Глава «Религия» (с. 50–58) описывает не только религиозную жизнь в Горе, но и фактор религиозного экстремизма. Гораны принадлежат к ханафитскому мазхабу суннитского направления в исламе, роль гетеродоксального суфийского ордена бекташей в Горе минимальна, несмотря на существование большого количества тюрбе. Кратко описаны некоторые формы местного «народного ислама» (доисламские ритуалы, исчезнувшие в последние десятилетия, например посыпание источника солью и помещение туда монеты; толерантное отношение к алкоголю; несоблюдение религиозных

постов; употребление в пищу свинины). Примечательно, что существует градация населенных пунктов по их отношению к религии: например, Рестелица в Косово признается наиболее консервативной и религиозной. Проникновение ваххабитских и салафитских идей в Гору началось в последние десятилетия, причем источником их распространения стала Западная Европа (Вена, Великобритания). В дискурсах горанской интеллигенции особая роль отводится «сербскому следу» в горанском салафизме: часто сторонниками этого направления в исламе становятся гораны, получающие финансовую помощь от правительства Сербии, а один из салафитских лидеров региона, Ахмед Ямини, также работает на отделении сербской почты в Драгаше (с. 55).

История региона (прежде всего в XX веке) рассматривается в следующей главе — «Гора в XX веке: от Османской империи к периферии национальных государств» (с. 59–63), которая служит переходом к основной части исследования: современным процессам в горанском обществе в Албании, Косово и Македонии и проблеме миграции.

Для горанов в Косово (одноименная глава на с. 64–85 и тематически примыкающая к ней «Гораны в косовском политическом ландшафте» на с. 86–97), как и для всего региона, линией водораздела стали события 1996–1999 гг. и военная операция НАТО, которая закончилась потерей суверенитета Сербии над краем, на территории которого возникла частично признанная Республика Косово, объявившая в 2008 г. о своей независимости. Это вызвало значительную миграцию горанов в Сербию, Македонию, Болгарию, а также в Западную Европу (прежде всего в Австрию, Германию и Италию). В настоящее время «меньшинства используются для того, чтобы представить Косово международной общественности как мультиэтническую территорию» (с. 70), — однако отрицательное отношение албанских националистов к этническим меньшинствам усиливается. Сербия по-прежнему имеет влияние в округе Драгаша, где проживают гораны, через параллельные структуры образования, здравоохранения и оказывает финансовую помощь. Экономическое положение округа значительно ухудшилось с закрытием текстильного завода в Драгаше. Автор интерпретирует это следующим образом: «неолиберальная зависимая экономика (*neoliberale Klientelwirtschaft*), которая была построена в Косово после 1999 г., не дала горанам возможностей вписаться в нее, сделав их в то же время зависимыми от финансовой помощи, приходящей из Белграда» (с. 74). В то же время, с

политической точки зрения положение горанов гораздо лучше, чем положение некоторых сопоставимых меньшинств в соседних странах. Так, например, на косовских выборах 2007 г. три места в парламенте получила региональная «Коалиция Вакат» (в Горе выступающая через аффилированную «Демократическую партию «Родина»), «Партия демократического действия», представляющая боснийцев, и «Гражданская инициатива Горы» получили каждая по одному месту в парламенте. В 2010 г., на первых выборах после частичного признания независимости Косова, «Коалиция Вакат» получила только два места, а «Партия демократического действия» — ни одного. После анализа политической конфигурации Косова (на момент написания книги) достаточно подробно рассматривается деятельность сербских параллельных структур.

Не ставя под сомнение достоверность информации, собранной автором, хотелось бы подчеркнуть, что, как кажется, метод, выбранный автором, в данном случае неприложим. Если рассмотрение политической конфигурации в парламенте допускает анализ через интервью с ключевыми участниками, то деятельность общественных структур, занимающихся распределением финансовых средств, должна рассматриваться с использованием экономических и социологических методов. Какой именно объем финансовой помощи получают от Белграда жители округа Драгаш и как она распределяется? Можно ли говорить о корреляции между электоральным поведением и получением помощи от Белграда? Важно было бы также представить статистику получения косовских паспортов. Есть ли данные о миграции горанов по годам и можно ли это увязать с политической / экономической историей Косова? Наконец, пострадала ли община от мартовских погромов 2004 г.?

Это тот случай, когда анализ нарративов — бесспорно, важный и полезный сам по себе — не может представить актуальную и достоверную картину.

Горанам в Албании посвящена отдельная глава (с. 98–116). Основными ее темами являются экономические и инфраструктурные проблемы региона, а также рост албанского национализма во время войны в Косово (некоторые гораны подвергались нападениям, поскольку их ассоциировали с сербами). Автор пишет: «Славянские меньшинства Албании наравне с цыганами (*Roma*) остались в числе наиболее маргинализованных меньшинств страны... Славянские меньшинства Албании подозреваются в нелояльности до сих пор, даже если они никак не связаны с Сербией» (с. 108). К сожалению,

автор и здесь основывается на нарративах представителей меньшинства, которые приводят его к необъективным, на мой взгляд, выводам. Если говорить о систематической дискриминации славян в Албании, следовало бы анализировать документы Европейской комиссии, албанских правозащитных организаций и документы этнических объединений и партий (что в книге не делается). Например, в отчете Европейской комиссии за 2012 г. среди основных проблем в области защиты прав меньшинств указывается несоответствие законодательной базы, касающейся меньшинств, европейским стандартам. Рассматривались также вопросы, связанные с переписью 2011 г., результаты которой были отменены из-за бойкота рядом этнических меньшинств и многочисленных нарушений. Европейская комиссия также говорит о малом прогрессе в отношении интеграции цыган (рома) и египтян. В то же время ни слова не говорится о дискриминации по отношению к славянам¹⁵. В Албании действительно существует ряд националистических организаций (например, альянс «*Kuq e Zi*» / «Черный и красный», названный так по цветам албанского флага, прославившийся рядом провокационных акций по отношению к национальным меньшинствам), есть некоторое количество националистов (например, члены сербского объединения «Единство» в Фиере один раз подверглись нападению националистической молодежи, а другой раз только вмешательство полиции и координация членов общества позволили предотвратить сожжение канцелярии «Единства»¹⁶). Однако это ни в коем случае не является политикой албанского государства или больших партий, которые представлены в парламенте (в частности, альянс «*Kuq e Zi*» получил на парламентских выборах 2013 г. 0,59% голосов). Объединение горанов Албании «Гора» (с македонской идентичностью) входит вместе с еще несколькими региональными объединениями в македонское меньшинство, которое имеет одного представителя в Совете по меньшинствам при Совете министров, а также свою партию («Македонский альянс за европейскую интеграцию»), которая наравне со всеми участвует в выборах разных уровней. Безусловно, вопрос о политической жизни славян Албании слишком сложен, чтобы рассматривать его в рамках рецензии, однако, как кажется, на основе этих фактов видно, что представление славянского меньшинства Албании как дискриминируемого наравне с цыганами не выдерживает критики.

Два горанских села Македонии, Урвич и Еловяне, рассматриваются в отдельной главке «Гораны в Македонии» (с. 117–122). Затем автор переходит непосредственно к миграции: «Миграция и диаспора»

(с. 123–131), «Рапча: Этнография эмиграции в Австрию» (с. 132–147) и «Гораны в Австрии» (с. 148–156). Сети горанской диаспоры (маршруты, основные направления для сезонной работы, работодатели, части семей, переехавшие на постоянное место жительства) в Западной Европе начали складываться с 1960-х гг. в связи с открытием границ Югославии (соответственно, этот процесс затронул горанов Косова и Македонии, но не коснулся горанов Албании, для которых границы открылись только на рубеже 1990-х гг.). Совершенно верно отмечается, что это продолжение традиций отхожих работ (*гурбет*), определявших экономическую жизнь ряда этнических групп на Балканах в течение столетий, которые нашли свое отражение в том числе и в фольклоре. Автор приводит несколько песен (*Aj ja će idem na pusti gurbet; Ka me ostaj Hasan more, sama jena*¹⁷). Миграция стала логичным решением экономических проблем этого труднодоступного региона, поэтому каждый раз распад крупных государственных единств, частью которых являлась Гора, снижая возможности миграции, тем самым ухудшал экономическое положение региона (с. 127). Мультилокальный подход автора позволяет показать, что миграция не означает разрушения связей с местом происхождения: наоборот, родные села играют важную роль в жизни мигрантов. Прежде всего это место летнего отдыха, но кроме того, во время пребывания в селе дети мигрантов, родившиеся и выросшие уже в Западной Европе, могут найти брачных партнеров (эндогамный брак по-прежнему является основным) во время ежевечерних гуляний — *корзо*. Дается описание основных направлений миграции горанов в Австрии, описано их положение на рынке труда и ниши, которые они занимают в австрийском обществе.

Решение «горанского вопроса» — скорее, ряда тесно связанных проблем, проистекающих из разделения региона между государствами, экономической отсталости, массового оттока населения, — автор видит в общем европейском будущем Западных Балкан в рамках «Европы регионов», где национальные границы не имеют большого значения.

Помимо подбора источников для исследования, о чем уже шла речь, второй важной проблемой оказывается недостаток внимания к проблемам идентичности.

Для частей Горы, которые попали в разные национальные государства, оказывается доступным разный набор идентичностей. Если говорить об Албании, то институционализированными в этой стране оказываются сербско-черногорское и македонское мень-

шинство, боснийцы не имеют официального статуса меньшинства и рассматриваются как «община» (*komunitet*). Судя по описанию в книге Т. Шмидингера, в Косово в набор идентичностей входит сербская, боснийская и отдельная горанская, но не входит македонская (по крайней мере, она там не упоминается). В то же время паспорта среди горанов распространяет Болгария. В Македонии в набор доступных идентичностей входит турецкая (хотя жители двух горанских сел Македонии вовсе не говорят по-турецки), актуальной становится торбешская¹⁸, а боснийская, наоборот, оказывается невостребованной¹⁹. В какой мере идентичность горанов влияет на их повседневные активности — например, в том, что касается дискриминации, экономического и культурного взаимодействия с соответствующей страной или иными группами с соответствующей идентичностью? Например, получение македонских паспортов жителями Преспы, которые декларировали свою македонскую идентичность, позволило им беспрепятственно ездить в Македонию (это было невозможно для тех, у кого был только албанский паспорт), что открыло им широкие возможности для трансграничной торговли²⁰. Это следовало бы рассмотреть систематически и не только на основе анализа нарративов.

Несмотря на то, что структура и методология исследования вызывает вопросы, оно предлагает свежий материал, собранный в труднодоступном регионе, и, кроме того, становится особенно актуальным в связи с миграционным кризисом, охватившим Европу в 2015 г. Книга Томаса Шмидингера снимает завесу неизвестности с одной из миграционных групп, рассказывая при этом о ситуации в регионе²¹, и следует признать, что это удачный опыт этнографического исследования, потенциально направленного на широкую читательскую аудиторию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Marcus G. E. Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography // Annual Review of Anthropology. 1995. 24. P. 95–117.*

2 *Schmidinger T. Gora: Slawischsprachige Muslime zwischen Kosovo, Albanien, Mazedonien und Diaspora. Wien, 2013. 168 S.*

3 Русское название *гораны* я использую вслед за А. Н. Соболевым.

4 *Макарецев М. М.* Струга, 2015. Полевые материалы автора.

5 «Ein Zertifikat des syrischen Religionsministeriums vom 10. Oktober 1995 behauptet, dass Mitglieder einer Familie aus Aleppo zwischen 1095 und 1291 nach Gora ausgewandert wären und dort u.a. die Moschee von Milke gebaut haben sollen» (S. 18).

6 Тем более что автор имеет необходимую квалификацию: область его основных интересов — политология, социальная и культурная антропология Ближнего Востока и миграционные сообщества в Австрии.

7 *Steinke K., Ylli X.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). 4. Teil. Gora. München, 2010. S. 26.

8 Существенно, что многие гораны начали декларировать себя боснийцами именно после потери Сербией контроля над Косово (с. 69): «будучи мусульманами, они не сербы, а будучи славянами — не албанцы» (там же).

9 *Cohen J. H., Sirkeci I.* Cultures of migration. The global nature of contemporary mobility. Austin, 2010.

10 *Fischer-Tahir A., Naumann M.* (Hg.). Peripheralization. The Making of Spatial Dependencies and Social Injustice. Wiesbaden, 2013 и др. работы.

11 Несмотря на то, что есть и отдельное краткое введение (с. 2–5).

12 Удачно резюмируемый самим автором после почти страничного описания того, почему в достаточно традиционном мусульманском сообществе Горы был бы неприемлем даже разговор о возможности таких связей: «Eine Form von homosexueller ‘Szene’ scheint nicht einmal im Untergrund zu existieren» (с. 99).

13 Брак рассматривается как социальный феномен. Основным местом знакомства молодежи в Горе остается *корзо* — вечерние прогулки по центральной улице населенного пункта. В летние месяцы значительная часть мигрантов возвращается с детьми в родные села, поэтому *корзо* в основном проходит в этот период. Среди горанов доминирует эндогамия: брачных партнеров можно искать только в Горе или среди мигрантов из Горы. Это сохраняется и у первого поколения мигрантов из Горы в Западной Европе, что дает относительную стабильность обществу и позволяет сохранить язык.

14 *Дугушина А. С., Морозова М. С.* Родинная обрядность // Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. / Под ред. А. Н. Соболева и А. Н. Новика. СПб.; München, 2013. С. 170–177.

15 Commission Staff Working Document “Albania 2012. Progress Report”. Accompanying the Document “Communication from the Commission

to the European Parliament and the Council. Enlargement Strategy and Main Challenges. 2012–2013. Brussels, 10.10.2012 SWD (2012) 334 final. Brussels, 2012. (Режим доступа: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2012/package/al_rapport_2012_en.pdf, проверено 27.01.2016).

16 Макарецев М. М. Либофша, 2013. Полевые материалы автора.

17 К сожалению, диакритика в приводимых горанских текстах используется крайне непоследовательно.

18 По крайней мере в том, что касается официальных заявлений объединений торбешей, славян-мусульман Македонии (Струга: полевые материалы автора, 2015).

19 «Im Gegensatz zum Kosovo scheint eine bosniakische Identität damit für die mazedonischen Gorani keinerlei Anziehungskraft zu haben» (с. 118).

20 Макарецев М. М. Корча, 2013. Полевые материалы автора.

21 Что исключительно важно, так как по данным Евростата 8% от всего объема мигрантов, прибывших в 2015 г. в Европу, — из Албании, и еще 5% — из Косова, см. публикацию *Asylum in the EU. Over 210 000 first time asylum seekers in the EU in the second quarter of 2015 A third are from Syria or Afghanistan*. Пресс-релиз 163/2015 от 18 сентября 2015 г. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/6996925/3-18092015-BP-EN.pdf/>, проверено 27.01.2016.

Maxim Makartsev

New study on migration of the Balkan Slavs-Muslims to Western Europe

This is a review of the book «Gora: The Slavic Speaking Muslims between Kosovo, Albania, Macedonia and Diaspora» by Thomas Schmidinger.

Keywords: *Gora, the Gorans, Muslim Slavs, Balkan ethnography, identity, migration.*

Д. Ю. Ващенко
(Москва)

Новые учебники по словацкому языку

В статье сравниваются учебники словацкого языка, вышедшие в свет за последние годы. Первый учебник ориентирован на самостоятельное изучение во взрослой и необязательно филологической аудитории, второй — на филологическое университетское образование.

Ключевые слова: *словацкий язык, методика преподавания, культурология, грамматика, лексика.*

Словацкий язык на сегодняшний момент изучается в России прежде всего в рамках университетского филологического образования; основными центрами словакистики в нашей стране являются Московский и Санкт-Петербургский университеты, язык здесь преподается с нуля и, как правило, комбинируется с другим иностранным языком: славянским, как в Москве, и неславянским, как в Петербурге. В то же время следует отметить стабильный интерес к изучению словацкого языка среди взрослой аудитории — людей, связанных со Словакией отношениями делового и коммерческого плана. Представители данной целевой группы, как правило, филологами не являются и в специальных знаниях не нуждается, однако ставят перед собой (и преподавателем) задачу максимально быстро овладеть базовыми речевыми навыками для успешной коммуникации в стране. От успешности этой коммуникации напрямую зависит их коммерческая востребованность. Речь, как мы видим, идет о двух задачах принципиально разного порядка. При этом приходится констатировать, что до настоящего времени преподавание словацкого языка проводилось по довольно уже старым учебным пособиям: самое позднее из них, «Учебник словацкого языка» Й. Мистрика и Р. Х. Тугушевой, датируется 1983 годом. После этого — то есть, соответственно, после изменения социально-исторической ситуации во всем центрально- и восточноевропейском пространстве — учебников, которые отражали бы норму современного литературного языка, современные реалии и соответствовали всем международным образовательным стандартам, в России не появлялось.

В этом плане чрезвычайно важной представляется публикация новых, современных пособий, каковыми являются учебник В. С. Князьковой «Словацкий язык. Базовый курс» (СПб., 2015. 296 с.) и вышедший двумя годами ранее «Самоучитель словацкого языка» (М., 2013. 222 с.) С. С. Скорвида. Оба пособия восполняют серьезную лакуну в методическом обеспечении процесса обучения словацкому языку — тем интереснее сравнить их между собой.

Учебники базируются на принципиально современном культурно-языковом материале, отражающем актуальное положение дел в Словакии и в мире. Это особенно ценно ввиду того, что с момента выхода в свет последних учебников словацкого языка для русскоговорящих прошло уже более тридцати лет. В обоих пособиях содержится ценная информация по страноведению, жизни современной Словакии, что позволяет изучающему язык быстрее адаптироваться в стране и свести к минимуму число коммуникативных неудач. Соответствующая лексика вводится непосредственно уже в процессе начального освоения языка.

Вместе с тем учебник В. С. Князьковой предполагает работу с преподавателем: это не самоучитель, а если и может быть использован в качестве самоучителя, то это предполагает активное привлечение обучающимся дополнительных источников информации. Вообще этот учебник в значительной мере ориентирован на стимулирование самостоятельной работы учащегося с языковым материалом. Так, тематические словари — и это представляется автору важным — принципиально одноязычны, это скорее списки наиболее нужных и употребительных слов в той или иной области, которые требуют дальнейшей работы с помощью словаря. При всей продуктивности данного метода отметим, что он является эффективным при наличии доступных словацко-русских и русско-словацких словарей. Кроме того, многие задания из учебника подразумевают самостоятельный поиск материала в Интернете. Напротив, самоучитель С. С. Скорвида рассчитан как на филологов, так и на нефилологов и предполагает более быстрое вхождение в язык. Новый материал автором объясняется по-русски. При этом в каждом уроке, начиная со второго, после текста дается двуязычный словацко-русский словарь, содержащий новые слова, которые встречаются в этом тексте. Безусловно, учебник В. С. Князьковой очень выигрывает от того, что он сопровождается отдельно прилагаемым аудиокурсом, записанным при участии носителей языка, который помогает развивать у обучающегося навыки аудирования. В самоучителе С. С. Скорвида

аудиокурс отсутствует. Его условным субститутом можно считать русское транскрибирование словацких слов в поурочных словариках. Это помогает обучаемому проговаривать новые слова в процессе их усвоения, тренируя тем самым их правильное произношение.

Учебники различает последовательность подачи материала. Так, в учебнике В. С. Князьковой в рамках конкретного урока сначала излагается та или иная грамматическая тема (темы) и сразу после этого даются упражнения на соответствующее грамматическое правило. Затем автор переходит к лексической теме: сперва предлагается текст для чтения, а за ним следует одноязычный словарик, который содержит не только слова, встретившиеся в тексте, но и вообще наиболее частотные слова по данной теме. В конце приводятся вопросы к тексту для работы с ним. С. С. Скорвид, напротив, начинает с лексической темы, оформляя ее в виде диалога с параллельным переводом на русский язык и двуязычным, с русской транскрипцией, словариком к нему. Затем следует грамматическая часть, причем автор дает сразу несколько грамматических подтем, не разбивая их упражнениями, а в конце каждого лексико-грамматического блока предлагаются упражнения — сначала на грамматику, затем на лексику и грамматику (фразы на перевод с русского языка на словацкий). В случае, если в тексте упражнения встречаются слова, прежде не введенные в оборот, они приводятся после упражнения. Затем следует еще один лексико-грамматический блок, построенный аналогичным образом, после чего данный конкретный урок заканчивается. В целом отметим более детальную подачу материала у В. С. Князьковой и менее подробную — у С. С. Скорвида: учебник Князьковой состоит из 20 уроков, тогда как самоучитель Скорвида — из 12.

Оба рецензируемых учебника отличает наглядность представления грамматического материала — он дается в том числе в виде таблиц с пояснениями к ним. При необходимости (например, в случае наличия дублетных грамматических форм) авторы специально оговаривают стилистическую маркированность тех или иных языковых средств и общую употребимость в современной речи. Часто в пояснениях оба автора сравнивают тот или иной фрагмент грамматической структуры словацкого языка с русской, что также служит более глубокому закреплению соответствующих сведений у учащегося. Вместе с тем отметим, что в самоучителе С. С. Скорвида сравнение словацкой грамматики с русской является сквозным принципом, который последовательно прослеживается во всей грамматической части учебника, в то время как у В. С. Князьковой

сравнение с русским языком выступает скорее как вспомогательное средство и используется лишь в отдельных случаях. Укажем также на несколько отличную последовательность введения грамматического материала: в учебнике Князьковой изложение грамматики в первых уроках фактически начинается с субстантивного склонения, а в самоучителе Скорвида — с глагольного спряжения, что позволяет учащемуся практически сразу же начать строить элементарные предложения. В дальнейшем в обоих учебниках фрагменты склонения и спряжения чередуются и идут в порядке, традиционно приводимом в учебниках словацкого языка. То же можно сказать и о введении остального грамматического материала, т. е. в плане последовательности освоения словацкой грамматики оба учебника весьма сходны. Несколько раньше, чем у В. С. Князьковой, в самоучителе С. С. Скорвида вводятся личные местоимения. Отметим еще одну черту, которая отличает самоучитель Скорвида от учебника Князьковой: в нем грамматические блоки не являются раз и навсегда закрытыми. Во-первых, существует система перекрестных отсылок к другим урокам — последующим либо предыдущим; во-вторых, одна и та же грамматическая тема вводится частями, как бы «по нарастающей». Так, в начале и середине самоучителя дается склонение основных местоимений, а в конце сообщаются сведения об образовании производных местоимений и о специфике речевого употребления некоторых их разрядов.

В целом в обоих учебниках подача материала идет по принципу «от простого к сложному», причем, как говорилось выше, все тексты основаны на принципиально современных реалиях и актуальном речевом узусе. Одно из существенных различий между пособиями состоит в том, что тексты на закрепление лексики у С. С. Скорвида даны исключительно в диалогической форме, с обязательным параллельным переводом на русский язык, тогда как у В. С. Князьковой представлены только монологические тексты, которые могут быть диалогическими или, чаще, монологическими. Все тексты из ее учебника дублируются на диске. В плане презентации лексического материала учебник Князьковой имеет два несомненных достоинства. Во-первых, изложение лексических тем сопровождается упражнениями на развитие коммуникативных навыков, а также на активизацию соответствующего пласта лексики. Во-вторых, многие лексические темы, особенно изучаемые на более продвинутом этапе изучения языка, снабжены графическими иллюстрациями, таблицами и фотографиями из реальной практи-

ки (часы, страница интернет-портала, расписание рейсов и т. п.). С другой стороны, в самоучителе Скорвида отметим много ценных сведений о реальном речевом узусе той или иной лексемы, о специфике ее переносных употреблений, что способствует более глубокому освоению языка и максимальной эффективности коммуникации с его носителями. В качестве позитивного момента отметим также интересное графическое решение в самоучителе: словацкие слова, которые вводятся в оборот, набраны красным шрифтом, в то время как основной текст — черным.

Суммируем: оба учебника словацкого языка представляют собой новое слово в славистической учебно-методической литературе и восполняют существенный пробел в соответствующей сфере, оба они выполнены на чрезвычайно высоком уровне и могут быть применены с высокой степенью педагогической и методической эффективности. Учебник В. С. Князьковой ориентирован в первую очередь на преподавание языка в университетской гуманитарной аудитории. С другой стороны, самоучитель С. С. Скорвида имеет несколько иной охват потенциальных пользователей и может быть использован как для преподавания словацкого языка во взрослой аудитории (в частности, для самостоятельного изучения словацкого языка взрослыми), так и для преподавания в негуманитарной / непрофессиональной среде. Это имеет особую ценность в силу того, что не всегда словацкий язык изучается в рамках университетского курса: очень часто изучение его имеет чисто прикладную направленность.

D.Yu. Vashenko

New Slovak language workbooks

The article provides a comparative analysis of the Slovak language workbooks which have come out in the recent years. The first workbook proposes self-study by the adult and non-philological audience, the second one triggers students with the philological background. Keywords: *teaching techniques, cultural studies, grammar, vocabulary.*

Г. П. Пилипенко
(Москва)

Полевое исследование старообрядцев в Латвии

В июне 2016 года (с 15.06 по 29.06) сотрудниками Института славяноведения РАН (д.ф.н. А. А. Плотникова, к.ф.н. Т. С. Ганенкова, к.ф.н. Г. П. Пилипенко) было проведено полевое исследование среди старообрядцев в культурно-историческом регионе Латгалия, расположенном в восточной части Латвии. Старообрядцы проживают в разных частях Латвийской республики: в Видземе (здесь стоит отметить Рижскую Гребеншиковскую общину), Курземе (например, левый берег современного Екабпилса, Илукстский край), однако лишь в Латгалии они образуют сплошной массив поселений, наиболее многочисленны и заметны. Именно по этой причине акцент был сделан на данном регионе. Интерес к Латгалии объясняется еще и тем, что эта территория является пограничной с восточными славянами (русскими и белорусами), латышско(латгальско)-русская этническая граница является одной из самых древних (достаточно стабильных и протяженных) русско-неславянских пограничных территорий на западном направлении. Кроме того, Латгалия отличается пестрым этническим и конфессиональным составом. Здесь проживают латгальцы, русские, белорусы, поляки, в прошлом было многочисленное еврейское население. В конфессиональном отношении преобладают католики, православные, старообрядческие общины, лютеране, в прошлом также иудеи. На юге региона проходит граница с Литвой.

Поскольку Латгалия представляет собой достаточно большой регион, в 2016 году было принято решение сконцентрироваться на двух краях: Даугавпилском (Daugavpils novads) и Прейльском крае (Preiļu novads). Даугавпилс (в прошлом Динабург, Двинск) является историческим центром Латгалии¹, на сегодняшний день — самый крупный город в регионе (93 312 чел.)², Даугавпилсский край — второй по численности в Латгалии после Резекненского (25 127 чел.). Прейльский край (население — 10 696 чел.) расположен в централь-

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФ № 16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».

ной части Латгалии, тогда как Даугавпилсский край является приграничным с Литвой и Белоруссией. С социолингвистической точки зрения выбранные для обследования районы также представляют интерес. Так, в Даугавпилсе русский язык используется в домашнем общении 78,9% жителей (латышский — 8,7%), в Даугавпилском крае соответственно 65,5% и 23,4%, тогда как в Прейльском крае этноязыковая картина иная — 29,5% использует русский язык и большинство — 62,2% — латышский. В целом по Латгалии как статистическому региону показатели следующие: русский язык использует 54,6% жителей региона, тогда как латышский (и латгальский³) — 35,2%.

Подобная ситуация формировалась на протяжении длительного периода времени. На территории современной Латгалии в средние века проживало балтийское племя, известное в древнерусских летописях под названием ЛЬГОЛА, ЛОТЫГОЛА⁴. Латгальские племена имели связи с Полоцким княжеством, затем в XIII веке попали под власть Ливонского ордена. С середины XVI века латгальские земли вошли в состав польско-литовского государства, с 1620 по 1772 гг. на этой территории существует Инфлянтское воеводство в составе Речи Посполитой. По первому разделу Польши эти земли отходят Российской империи, становятся частью Полоцкой, Белорусской губерний, с 1802 — Витебской губернии. В 1920 г. Двинский, Люцинский и Режицкий уезды входят в состав Латвийской республики. На земли, расположенные на границе с Россией, уже начиная с середины XVII в. переселяются старообрядцы после церковной реформы патриарха Никона. В этом были заинтересованы и местные феодалы, которые предоставляли земли переселенцам⁵. Таким образом, в Латгалии сформировались целые районы расселения старообрядцев. Старообрядцы в Латвии относятся к беспоповцам поморского согласия.

Целью исследователей было собрать этнодиалектные тексты: нарративы на этнолингвистические темы, продуцируемые носителями локальных диалектов русского языка⁶. Беседы с информантами проводились в форме полуструктурированного интервью; затрагивались этнолингвистические темы в сфере календарной, семейной обрядности, низшей демонологии. Отдельный блок вопросов был посвящен социолингвистической проблематике: использованию языков в повседневном общении, функционированию двуязычия и многоязычия в прошлом и настоящем, школьному образованию и рефлексиям информантов по поводу диалектных слов и грамматических конструкций (так называемая наивная лингвистика). Исследователей

также интересовало лингвогеографическое распределение лексики русского языка, связанной с названиями овощных и плодовых культур, народной кулинарией, с традиционной народной духовной культурой. Уделялось внимание и трансформации культуры староверов в новых условиях, осмыслению идентичности на фоне иноязычных и иноконфессиональных соседей. Таким образом, основная задача состояла в том, чтобы «разговорить» информанта на темы, связанные с народной духовной и материальной культурой, языковой ситуацией, собственной идентичностью.

При организации полевого исследования неоценимую поддержку оказали коллеги из Даугавпилсского университета, сотрудники Гуманитарного факультета (кафедра русистики и славистики); контакты с информантами удалось установить также благодаря помощи сотрудников Науенского краеведческого музея (*Naujenes novadrētniecības muzejs*) и Преильского музея истории и прикладного искусства (*Preiļu vēstures un lietišķās mākslas muzejs*)⁷. За время экспедиции были проведены интервью с информантами и записаны сведения от 45 человек. Среди информантов можно выделить людей пожилого возраста, кто еще использует диалект в повседневной коммуникации (правда, в ограниченном объеме), среднее поколение, достаточно хорошо помнящее этнокультурные традиции, которые им были переданы старшими, и молодое поколение, сформировавшееся в период независимой Латвии после 1991 года. Самому пожилому информанту на момент записи было 95 лет, самому молодому — 23 года. Ученые работали с информантами, имеющими среднее образование, а также с теми, кто окончил высшие учебные заведения.

Следует отметить, что в поле зрения исследователей попадали и представители других национальностей (латыши, поляки), поддерживающие контакты со староверами либо проживающие в этнически смешанных семьях. Это позволило расширить круг собираемой информации, записать взгляд «со стороны» на традиции староверов, выяснить характер межэтнических и межконфессиональных связей, уровень двуязычия. Большая часть информантов является выходцами из сельской местности. Удалось провести беседы с информантами, проживающими в следующих населенных пунктах Даугавпилсского края: Малинова (*Maļinova*), Янцишки (*Janciški*) (Малиновская волость), Бикерниеки (*Biķernieki*) (Бикерниекская волость), Слутиски (*Slutiški*)⁸, Спрукты (*Sprukti*), Кашатники (*Kašatniki*) (Науенская волость), Вишки техникум (*Višķu tehnikums*), Данишевка (*Daniševka*) (Вишкская волость), Калупе (*Kalupe*) (Калупская волость), Силене

(Silene) (Скрудалиенская волость). Кроме того, были взяты интервью у жителей Гривы (Grīva) и Юдовки (Judovka), районов Даугавпилса, расположенных на левом берегу Даугавы и вошедших в состав города только в 50-е гг. XX в. Из правобережных районов Даугавпилса были информанты из Нового Строения (Jaunbūve), Гайка (Gajoks) и Ругели (Ruģeļi)⁹. В Преильском крае исследователи работали в самом городе Преиля, а также в деревнях Москвино (Moskvina), Санаужа (Sanauža), Ермаки (Jermaki). Среди информантов, проживающих в Даугавпилсе, были выходцы и из других мест, в частности из Червонки (Červonka), Свенте (Svente). Особо следует отметить интервью со староверами, переселившимися в Латвию в советское время из соседних приграничных районов Литвы (Зарасайский район) и Белоруссии (Браславский, Миорский районы Витебской области).

Работа со староверами из приграничных с Латвией населенных пунктов Белоруссии и Литвы показала, что в русском языке староверов из всех трех государств присутствуют схожие черты (напр.: яканье; использование деепричастий на *-вши* в перфектном значении; формы личных местоимений третьего лица *йон, йанá*). В лексике также отмечаются схождения (напр.: *баркán* — морковь, *бурáк* — свекла, *нар'эч(')к'и* — красная смородина и т. д.). Исследование миграционных потоков староверов, проходившее в советское время, может быть перспективным с точки зрения установления схождения или отличительных черт в соседних староверских говорах трех государств, а также для выяснения трансграничного сотрудничества как в советский период, так и в современных условиях.

Отдельного внимания заслуживает посещение моленных и общение с наставниками староверских общин. Так, в Даугавпилсе исследователи побывали в Гайковской моленной (Василий Тришкин), в моленной Малюткинско-Юдовской общины (Иоанн Жилко), в моленной города Преиля (Евгений Иванов). Кроме того, удалось посетить моленные, расположенные в Данишевке, Москвино и в заброшенной моленной в Силене. Экспедиция совпала с днем Святой Троицы, когда староверы собираются на могилах своих предков, поминают их. Поминование происходит практически всю неделю. Ученые посетили староверские кладбища в Даугавпилсе, Силене, в Криванах, в Москвино, Данишевке.

Что касается самых предварительных выводов по поводу функционирования русского языка в староверческих общинах Даугавпилсского края, то необходимо отметить преобладание русского языка в сферах внутрисемейного общения (даже в семьях, где один

из супругов имеет польские или латышские корни), неформального общения в сельской и городской среде. В последнее время наблюдается активное использование латышского языка в администрации и школьном образовании. Интересны наблюдения, сделанные учеными в Прейльском крае, в котором русский язык используется реже, чем в Даугавпилсе: информанты-староверы заявляли о том, что они овладевали сначала латгальским языком (в общении с соседями) и только затем в школе выучивали латышский. Вкрапления же латышских элементов в русский язык, по нашим наблюдениям, происходят редко, тем не менее они были зафиксированы. Выяснение особенностей функционирования латышских элементов в русской речи, несомненно происходящего по определенным правилам, станет возможным после проведения анализа всех аудиозаписей, имеющихся у исследователей.

Таким образом, Латгалия заслуживает пристального внимания ученых-лингвистов в связи с происходящими там процессами межкультурного взаимодействия и трансформации русского языкового ландшафта (в особенности в среде староверов).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Исторический центр города располагался на правой стороне Даугавы.

2 Все статистические данные приводятся по: Iedzīvotāju kultūretniskie un migrācijas rādītāji // Latvijas 2011. gada tautas skaitīšanas rezultāti. Rīga. 2016. L. 94–118.

3 В законе Латвийской республики о языке (п. 3.4.) указано, что латгальский письменный язык является исторической разновидностью латышского языка (<http://likumi.lv/doc.php?id=14740> (14.07.2016)). Более подробно о статусе латгальского языка см. *Брейдак А. Б.* Латгальский язык // Языки мира. Балтийские языки. М., 2006. С. 193–213.

4 *Брейдак А. Б.* Латгальский язык... С. 194.

5 *Заварина А. А.* Русское население Восточной Латвии во второй половине XIX — начале XX века. Рига, 1986. — Глава 1. http://www.russkije.lv/ru/pub/read/rnvl/rnvl_glava_1.html (13.07.2016).

6 По результатам экспедиции создано собрание этнодиалектных текстов.

7 Особую благодарность исследователи выражают декану Гуманитарного факультета Даугавпилсского университета др. Элине

Васильевой, директору Прейльского музея истории и прикладного искусства Текле Бекеше, специалисту Прейльского музея истории и прикладного искусства Вадиму Максиму, хранителю собрания Науенского краеведческого музея Владиславу Иванову, а также председателю Славянского культурно-просветительского общества Прейльского края Татьяне Колосовой.

8 В деревне Слутиски в настоящее время находится староверческая усадьба — филиал Науенского краеведческого музея, в самой деревне постоянно проживает одна семья, с представителями которой удалось провести беседу.

9 Необходимо отметить, что не все перечисленные населенные пункты относятся к культурно-историческому региону Латгалия. Левый берег Даугавы являлся границей между Латгалией (Польскими Инфлянтами, позже — Витебской губернией) и Курляндией (исторический регион Селия), поэтому общины в Силене, Гриве, Юдовке в строгом смысле слова не относятся к Латгалии, однако согласно современному административному делению эти общины включаются в Латгальский статистический округ.

М. Ю. Дронов
(Москва)

Международная научно-практическая конференция «Исторические судьбы Карпатской и Западной Руси в отражении славянских литератур»

27 февраля 2016 г. в белорусской столице состоялась научно-практическая конференция, посвященная литературному отражению истории западных регионов восточнославянского мира. В качестве организатора мероприятия выступил Центр евразийских исследований филиала Российского государственного социального университета в г. Минске. Техническую реализацию конференции — предварительную публикацию части докладов и интернет-трансляцию — взял на себя сетевой научно-просветительский проект «Западная Русь» (*zapadrus.su*).

С приветственным словом к участникам конференции обратился заведующий Центром евразийских исследований д.и.н. *К. В. Шевченко*, который подчеркнул актуальность избранной тематики и кратко поведал о проблемах, сопутствующих научной разработке «западнорусских» сюжетов.

Первый, меньший, блок конференции организаторы посвятили «Западной Руси» в узком смысле слова, т. е. землям современной Белоруссии, а отчасти также Украины и Польши. С сообщением, посвященным крестьянской реформе в белорусских губерниях в воспоминаниях мировых посредников, выступил учитель истории и обществоведения средней школы № 3 г. Жабинки Брестской области *А. С. Середа*. Доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета к. полит. н. *В. В. Шимов* представил доклад «Языковые войны Западной Руси». Повышенный интерес вызвало выступление доцента кафедры социальных наук УО «Военная академия Республики Беларусь» (г. Минск) к.и.н. *А. А. Киселева* «Кресы в польском общественном мнении и исторической публицистике».

Второй блок был посвящен особенно популярной в последние годы карпаторусинской проблематике. Его открыло выступление пражского публициста, попечителя международного фонда «Русская премия» *А. В. Гегальчего* «Русинская и русская литература современной Подкарпатской Руси». В отличие от всех остальных участников конференции, данный докладчик выступал удаленно, находясь в Чехии и используя компьютерную программу Skype. Аспирант исторического факультета БГУ *О. Г. Казак* представил анализ монографии

Т. Бачинского «Русско-русинские отношения в середине XIX в.» в свете национально-культурной жизни в Закарпатье в годы венгерского правления (1939–1944 гг.). Н.с. Исл РАН к.и.н. *М. Ю. Дронов* выступил с сообщением об этнонациональной идентичности русинского литератора-русофила Андрея Карабелеша (1906–1964). В свою очередь м.н.с. Исл РАН *С. М. Слоистов* познакомил собравшихся с фундированным докладом «Угорская Русь в жизни и творчестве И. Э. Грабаря». *К. В. Шевченко* посвятил свое выступление фрагментам романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», в которых упоминаются карпатские русины.

Заключительным аккордом мероприятия стали размышления общественного деятеля, администратора интернет-проекта «Западная Русь» *И. Ф. Зеленковского*, которые он обозначил как «Вопросы самоидентификации русских этнических групп на западнорусском пограничье». Хотя это выступление не носило собственно научного характера, следует отдать должное значительному вкладу последнего докладчика в организацию конференции.

В целом пребывание на данном мероприятии в Минске невольно настроило московских участников на несколько грустные размышления. На первый взгляд, приятно констатировать, что традиция проведения подобных конференций в стенах местного филиала РГСУ стала регулярной, а доклады и дискуссии транслируются с помощью современных средств связи. С другой стороны, печально, что в мероприятиях участвуют или присутствуют практически одни и те же люди, круг которых скорее имеет тенденцию к сужению. Материалы конференции не будут опубликованы в печатных изданиях. К сожалению, налицо полное равнодушие гипотетических спонсоров, которых Центру евразийских исследований не удастся найти, увы, ни в Белоруссии, ни в России. И это несмотря на высокий научный потенциал его сотрудников, а также крайнюю актуальность сюжетов прошедшей конференции, как и других научных мероприятий Центра.

Е. В. Шатъко
(Москва)

Круглый стол «Современная хорватская литература глазами хорватов и россиян»

1 марта 2016 г. в Институте славяноведения РАН состоялся круглый стол «Современная хорватская литература глазами хорватов и россиян», приуроченный к выходу в свет монографии Г. Я. Ильиной «Хорватская литература XX в.». Его открыли директор Института славяноведения РАН *К. В. Никифоров* и временный поверенный в делах посольства Республики Хорватии в Москве г-жа *Рина Этерович-Горета*, которые в своих приветственных словах выразили надежды на укрепление научных и культурных связей между Россией и Хорватией.

Круглый стол вела д.ф.н., профессор *Н. Н. Старикова*, чей доклад о серийных литературоведческих изданиях Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы открыл научную часть программы. В докладе была подробно освещена серия «Литература XX века», задуманная как «малая» история славянских литератур, описывающая главные этапы литературного развития славянских народов в XX веке. Задача каждой книги данной серии — выявить применительно к конкретной литературе ее основную направленность, дать анализ наиболее значительных и характерных художественных произведений и творческих индивидуальностей с учетом специфики функционирования иноязычной литературы в условиях другой культуры. Первой в этой серии стала монография В. А. Хорева «Польская литература XX века. 1980–1990» (2009), затем вышли «Очерки истории словацкой литературы XX века» (2013) Ю. В. Богданова, «Милан Кундера и его романная философия» (2014) С. А. Шерлаимовой, коллективная монография «Словенская литература XX века» (2014), «Хорватская литература XX века» (2015) Г. Я. Ильиной. Еще одно исследовательское направление отдела связано с изучением текущей литературной жизни стран ЦЮВЕ, фиксацией новых литературных имен и актуальных художественных изменений. Результаты этих наблюдений нашли отражение в научных сборниках серии «Современные литературы Центральной и Юго-Восточной Европы», издаваемой с 2000 г., среди которых «Политика и поэтика» (2000), «Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы: 1990-е гг. Прерывность — непрерывность литературного про-

цесса» (2002), «Постмодернизм в славянских литературах» (2004), «Литературоведение и критика Центральной и Юго-Восточной Европы конца XX — начала XXI в. Идеи, методы, подходы» (2011), «Гендер и литература в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (2013), «Художественный ландшафт “нулевых”. Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы в начале XXI в.» (2014), «Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы» (2016).

Профессор *Г. Я. Ильина* в своем выступлении о монографии «Хорватская литература XX века» в свете преемственности литературного развития Хорватии в XXI в. коснулась ряда аспектов развития литературоведческой кroatистики в России. К 1990-м гг. в отечественной филологии складывается научная база, на основе которой на рубеже XX–XXI вв. стало возможным создание «Истории литератур западных и южных славян», «Истории литератур Восточной Европы» и «Лексикона южнославянских литератур». Это стало предпосылками создания исследований по отдельным литературам региона, в частности, «Истории хорватской литературы XX века». В XXI веке хорватская литература сохранила многообразие художественного творчества и включенность в европейский литературный контекст при сохранении основного своего тренда — защиты национального языка и культуры. Особые условия военной и послевоенной действительности привели к существенной трансформации общественного и художественного сознания. Тяга к литературе с жизненной основой, аутентичными свидетельствами, подлинными именами и событиями привела к переструктурированию художественного творчества, заострению в нем и ранее существовавших автобиографического и документального начал, возвращению гражданской функции и социально-критического взгляда на историю и современность. В этом проявились и общие закономерности современного литературного развития, ведущего к синтезу документального и художественного изображения. Эту миссию выполняют и истории отдельных национальных литератур, обобщающие запечатленную в художественных текстах память. Взгляд на них со стороны помогает оттенить специфику другой национальной литературы, особенности преломления в ней различных направлений и жанрово-стилевых структур.

Профессор *А. Г. Шешкен* рассказала о роли Александра Флакера в развитии русско-хорватских научных и культурных связей. А. Флакер (1924–2010) принадлежит к числу выдающихся представителей национальной и европейской литературоведческой науки второй половины

XX в. Он внес исключительно важный вклад в изучение и преподавание русской литературы в Хорватии. Плодотворная научная активность ученого и его многочисленных учеников в изучении русской литературы и русско-хорватских литературных и культурных контактов позволяет констатировать формирование под его руководством в Загребском университете научной школы литературоведческой русистики. Теоретической основой для ее исследований стали положения загребской школы литературной стилистики, сформулированные А. Флакером и З. Шкробом. За популяризацию и изучение русской литературы А. Флакер был удостоен медали Пушкина.

Академик ХАНИ, профессор *Дубравка Ораич-Толич* в своем докладе представила обширный обзор типов романа в хорватской литературе конца XX — начала XXI вв. Она выделяет следующие типы романа: военный роман (Н. Фабрио, А. Миркович, Й. Млакич и др.), автобиографический (И. Врклян, Д. Угрешич и др.), виртуальный (Т. Заец, Е. Чарлия), общественный и юмористический роман (А. Томич, Р. Баретич) и большой роман (М. Ергович, Д. Дрндич, И. Аралица, И. Шоят-Кучи, Л. Бауэр, З. Ферич, М. Валнет). Докладчица также выдвигает пять основных эстетических стратегий, характерных для хорватского романа конца XX — начала XXI в., к которым относятся документальность, автобиографичность, виртуальный реализм, новый миметизм и психотический реализм. Этот материал подробно освещен в статье «Современный хорватский роман; жанровые вариации и инновации», которая опубликована в этом выпуске.

С. Кадич в своем выступлении коснулся жанра путешествия в современной хорватской литературе. Исторически этот жанр имел большое значение для всего южнославянского региона, в настоящее время он переживает новый этап развития, в первую очередь в публицистике. В течение XX в. жанр путешествия развивался внутри разных типов произведений, от эссе до романов, или же, как, например, в творчестве И. Андрича, был составной частью авторского художественного метода. В современной хорватской литературе черты жанра путешествия активно развиваются и проявляются на разных структурных уровнях, как в реалистическом, так и в нереалистическом ключе.

Д.ф.н. *Н. В. Злыднева* рассказала об опыте сотрудничества Отдела культуры славянских народов Института славяноведения РАН в рамках проекта «Категории и механизмы славянской культуры» с хорватскими коллегами, а также о семинарах, посвященных русскому авангарду, которыми руководил А. Флакер, и об издании его

книги на русском языке. В качестве примера текущего российско-хорватского сотрудничества был назван проект, осуществляющийся на базе Государственного института искусствознания министерства культуры РФ совместно с коллегами из Института славяноведения РАН, Сербии, Хорватии и Словении, — коллективная монография «Искусство сербов, хорватов и словенцев в XX в.», находящийся на стадии завершения.

Один из ведущих российских переводчиков с хорватского и сербского языков *Л. А. Савельева* поделилась своим опытом работы с произведениями хорватских писателей 1990–2000 гг. *Д. Угрешич*, *С. Петлевской*, *С. Шнайдера* и ряда других.

Доцент МГУ имени М. В. Ломоносова *С. Н. Мещеряков* ознакомил аудиторию с историей преподавания хорватской литературы, истории и культуры на кафедре славянской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, а к.ф.н. *П. В. Королькова* — с опытом преподавания хорватской литературы кроатистам на кафедре славистики и центральноевропейских исследований РГГУ, одной из самых молодых славистических кафедр в России.

Состоявшееся на круглом столе обсуждение проблем изучения, преподавания и перевода хорватской литературы в России, а также современного развития российско-хорватских филологических научных связей свидетельствует о большом взаимном интересе, актуальности и перспективности дальнейшего двустороннего научного и культурного сотрудничества.

*А. В. Амелина, А. С. Добычина, А. А. Леонтьева, М. Н. Саенко
(Москва)*

Молодежная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие»

В 2016 г. ежегодная конференция «Славянский мир: общность и многообразие», традиционно проводимая Институтом славяноведения РАН в рамках Дня славянской письменности и культуры, в очередной раз прошла в формате конференции молодых ученых. Параллельно работали три секции — истории, языкознания и литературоведения*. Организаторы конференции с радостью отмечают, что в этом году географический охват участников значительно расширился по сравнению с предыдущими годами.

В работе исторической секции кроме Института славяноведения РАН, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, приняли участие также представители Казанского (Приволжского) федерального университета, Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, в большей степени, по сравнению с предыдущими годами, был представлен Санкт-Петербургский государственный университет. Также в конференции приняли участие молодые специалисты из Польши (Варшавский университет) и Болгарии (Софийский университет им. Св. Климента Охридского).

В силу большого разнообразия представленных тем, программа исторической секции была разделена на тематические блоки.

Первое заседание под председательством М. В. Лескинен было посвящено истории славянских народов в Средние века и раннее Новое время. Открыл его доклад *А. А. Лапунова* (СПбГУ) «Патриарх Фотий и проблема церковной юрисдикции над Болгарией». Автор детально рассмотрел проблемы, вставшие перед Болгарией после принятия христианства и наметившийся между Западной и Восточной церквями раскол из-за спора о церковной юрисдикции Болгарии. *А. С. Добычина* (ИСЛ РАН) в докладе «Историческая память о Первом Болгарском царстве в болгарской книжности XV–XVI вв.» обозначила проблему сложности изучения предмета в силу спец-

* С программой конференции и тезисами докладов можно ознакомиться на сайте Института славяноведения: <http://www.inslav.ru/sobytiya/2308-2016-slavmir>

ифики источников и привела систематизацию памятников, зафиксировавших историческую память болгар о Первом Болгарском царстве. *М. Яворска* (Варшавский университет) выступила с докладом «“Государев двор” королевича Владислава Вазы в 1617–1618 гг.», представлявшим собой реконструкцию состава «государева двора» и анализ его активности во время похода 1617–1618 гг., что до сих пор не становилось предметом специального исследования.

Вторая подсекция, ведущим которой стал Н. С. Гусев, была посвящена истории народов Балканского полуострова в эпоху образования наций и государств. В докладе *В. И. Сопова* (МГУ им. М. В. Ломоносова) «Сербские программы достижения суверенитета и государственного строительства середины — второй половины XVIII в.» были рассмотрены «проекты» сербского государства 1680–1780-х гг.: Джурджа Бранковича (1688), Арсения IV Шакабента (1736/1737), Вольдемара фон Шметтау (1774), Давида Неранджича (1785–1787), а также черногорские программы — план Василие Петровича-Негоша (1762) и «Меморандум» Стефана Зановича (Ганнибала) (1784). В докладе *А. А. Леонтьевой* (ИСл РАН) «Нормы наследственного права в Османской империи: практика применения в кадийских судах Сопхии в XVIII — начале XIX вв.» помимо практики применения норм наследственного права в Османской империи был затронут вопрос о степени интеграции славянского населения в османскую правовую систему и о возможных причинах, заставлявших христиан обращаться в шариатский суд. Тема османской истории была развита *К. А. Касаткиным* (СПбГУ), представившим доклад «Способы описания славянских областей Османской империи русскими путешественниками в первой трети XIX в.», который вызвал горячую полемику в ходе дальнейшего обсуждения этой темы. Рассмотрев ряд произведений российских путешественников, посвященных Османской империи, автор пришел к выводу, что в первой половине XIX в. русское общество перешло от восприятия Балкан как экзотического «чужого» пространства к «объективному» взгляду этнографа и высшим достижением этого подхода является энциклопедический словарь «Оттоманская империя» Липранди. В докладе *Л. К. Новосельцевой* (ИСл РАН) «Кто в молодости не был либералом: к политической биографии Джордже Стратимировича» предпринята попытка исследовать факторы, повлиявшие на изменение взглядов политика, и выявить причины его падения с политического Олимпа.

Следующее заседание было посвящено теме «Этнос, конфессия, геополитика на Балканах на рубеже XIX–XX вв.», в качестве пред-

седателя выступил М. Ю. Дронов. *Е. С. Сергеевко* (ИСЛ РАН) в своем докладе «Финансовая помощь Сербии косовским православным церквям и школам в конце XIX — начале XX вв.» детально проанализировала субсидии Сербии для Косово как элемент реализации национальной программы, по которой все населенные сербами земли должны были быть объединены в одно государство. Целью доклада *М. Симова* (Софийский университет св. Климента Охридского) «Русские консульства на Балканах и их роль в осуществлении русской разведки накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» стало рассмотрение деятельности разведывательно-осведомительной сети, формируемой русскими консульствами на Балканах в период Восточного кризиса, в первую очередь — подготовки России к войне с Османской империей на Балканах. Завершил данный тематический блок доклад *Н. С. Гусева* (ИСЛ РАН) «Реакция российских мусульман на Первую Балканскую войну». Автор, противопоставив реакцию мусульман и христиан Российской империи на начало Балканской войны осенью 1912 г., пришел к заключению, что накануне Первой мировой войны национальный вопрос в Российской империи стоял остро не только в связи с польским населением, но и в связи с мусульманами.

Заседание «Проблемы историографии и источниковедения истории славянских народов» под председательством О. В. Хавановой открыл доклад *Т. В. Гимадеева* (КФУ) «Трактовка истории Чехии и Центральной Европы в школьных учебниках Й. Пекаржа», в котором автор провел сравнительный анализ двух учебных изданий выдающегося чешского историка первой трети XX в. Й. Пекаржа «История нашей империи» и Чехословацкая история». Доклад *А. М. Дронова* (ИСЛ РАН) «История Военной границы монархии Габсбургов в контексте изучения границ и пограничий в Европе» обозначил проблему изучения истории Военной границы в контексте междисциплинарного направления исследований границ и пограничья.

В рамках заседания «Международные отношения в Центральной и Юго-Восточной Европе в XX в.» под председательством В. В. Волобуева был представлен доклад *П. В. Мошечкова* (МГУ им. М. В. Ломоносова) «Французские чехи и миссия Йозефа Дюриха в Россию», посвященный дипломатическим миссиям двух выдающихся деятелей чешско-словацкого национально-освободительного движения за границей — Йозефа Дюриха и Милана Растислава Штефаника. Докладчик детально проанализировал отношения этих двух политиков с французскими правительственными кругами и ве-

душими деятелями чешской колонии в Париже как во французских, так и в российских дипломатических и военных кругах и уделил отдельное внимание реакции ведущих представителей руководства чешской колонии в Париже на миссию Йозефа Дюриха в России.

Продолжил заседание доклад *А. Е. Кузьмичевой* (МГУ им. М. В. Ломоносова) «Почему Польша была против Восточного пакта?», в котором подробное освещение получила политика «равноудаленности» и балансирования Польши между Москвой и Берлином в 1930-е гг. Автор доклада констатировала, что несмотря на изначально негативное отношение польского правительства к заключению Восточного пакта с СССР и Францией, вину за неудачу в переговорах можно возложить и на французского министра иностранных дел Пьера Лаваля, задавшего новое направление во внешней политике Франции обозначенного периода. *Б. С. Новосельцев* (ИСЛ РАН) в докладе «Югославия и ФРГ в 1960-е гг. От разрыва к восстановлению дипломатических отношений» обратился к повороту во внешней политике СФРЮ по отношению к Западной Германии, связанному с кризисом в Движении неприсоединения середины 1960-х гг. и ослаблением блокового противостояния в Европе. Докладчик отметил, что сложившиеся обстоятельства диктовали Югославии дипломатическое «возвращение» к европейской политике, и налаживание отношений с ФРГ полностью соответствовало этой тенденции.

Завершил заседание доклад *А. С. Гладышевой* (ИСЛ РАН) «Позиция Румынии по вопросу нераспространения ядерного оружия, 1955–1968 гг.», зачитанный *Б. С. Новосельцевым*. В основу были положены новые материалы из документальной коллекции Российского государственного архива новейшей истории. Основное внимание автор доклада уделила изучению требований к проекту Договора о нераспространении ядерного оружия 1970 г., которые выдвинула Румыния, формирующая новый внешнеполитический курс в конце 1950-х — начале 1960-х гг. и стремящаяся максимально реализовать свои права как неядерного государства.

Заседание «Югославия и постюгославское пространство: политическая система, международные отношения, культура» под председательством *Г. Н. Энгельгардта* открыл доклад *Н. С. Пилько* (ИСЛ РАН) «Словенская и сербская интеллигенция в процессе демократизации югославского общества в 80-х гг. XX вв.», посвященный сопоставлению общественной жизни в социалистических республиках Сербия и Словения в обозначенный период. Проанализировав схожие процессы в обоих субъектах федерации, автор доклада подчер-

кнула, что трагический распад СФРЮ стал закономерным итогом радикализации настроений в югославском обществе, значительный вклад в которую внесла словенская и сербская интеллигенция.

В докладе *А. А. Пивоваренко* (ИСл РАН) «Вооруженные силы Хорватии: роль и место на Балканах» подробное освещение получила тема военно-политического положения Хорватии на Балканах и роли вооруженных сил в формировании новой «инфраструктуры безопасности» региона. Докладчик проследил эволюцию этой армии, произошедшую на протяжении 25 лет ее существования, и отметил, что в ближайшие годы Загреб видит гарантии собственной безопасности в появлении более совершенных и унифицированных по западному стандарту вооруженных сил, а также в создании элементов единой оборонительной системы на своей территории.

А. С. Елсаков (СПбГУ) в докладе «Партийная система как отражение внутренне разделенного государства (случай Боснии и Герцеговины)» затронул проблематику современного функционирования государственной системы Боснии и Герцеговины (2006–2014 гг.). Существование ярко выраженных «национальных» блоков на электоральном уровне партийной системы Боснии и Герцеговины и значительное влияние внешних факторов позволили докладчику сделать вывод о глубоко разделенном и гетерогенном социально-политическом пространстве страны, выражающемся как в общественном дискурсе, так и в конкретных действиях органов государственной власти. Завершил заседание и работу секции доклад *Е. С. Коренева* (СГУ) «Евроатлантическая интеграция в представлении власти и общества балканских государств в 1990–2000-е гг.». На основании приведенных данных докладчик сделал вывод о том, что принятые руководством Болгарии и Румынии решения о присоединении к НАТО, а также желание политической элиты Боснии и Герцеговины, Македонии, Сербии и Черногории ускорить продвижение своих стран по пути евроатлантической интеграции породили своего рода «раскол» между властью и обществом этих стран, так что в случае осложнения обстановки в регионе и активизации протестного движения несовпадение позиций правительства и граждан по данному вопросу может быть использовано как один из основных аргументов для начала серьезного противостояния между сторонами.

В секции «Языкознание» приняли участие ученые из Института славяноведения РАН, Института русского языка РАН, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Института македонского языка им. К. Мисиркова (Скопье), Казанского (При-

волжского) федерального университета, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Пермского государственного национального исследовательского университета, Токийского университета иностранных языков и Софийского университета им. св. Климента Охридского.

Заседание открылось балканистической тематикой. Пленарный доклад «За полисемичноста и полифункционалноста на *де* (во корелација со *ај*) во македонскиот јазик» был прочитан Э. Ячевои-Улчар (Институт македонского языка им. К. Мисиркова). Доклад был посвящен особенностям использования семантически «пустой» македонской частицы *де*, приобретающей определенное значение в зависимости от места в предложении, интонации и окружающих грамматических форм, а также сходствам и различиям между употреблением частиц *де* и *ај*.

Македонская тематика была продолжена в следующем докладе Т. С. Ганенковой (ИСЛ РАН) «К вопросу о дательном объекте в современном македонском языке». Рассматривались существующие определения термина «дательное дополнение» в македонском языке, основанные на семантическом и морфологическом критериях, было предложено уточненное определение. Основное внимание было посвящено анализу семантических ролей, выполняемых дательным дополнением, и условий его маркирования в тексте.

Е. Н. Струганова (МГУ им. М. В. Ломоносова) в докладе «Ландшафтный код культуры в болгарской фразеологии (лексико-семантическое поле «возвышенности и низины»)» разобрала 25 болгарских фразеологизмов, эксплуатирующих образы возвышенности и низменности, и сопоставила эти данные с русским языком.

Закрывал балканистический блок доклад А. И. Чиварзиной (ИСЛ РАН) «Перевод цветообозначений в Библии и Коране на македонский и албанский языки», анализирующий тонкости употребления и семантики цветообозначений в македонском и албанском языках на материале переводов священных книг. Особое внимание уделялось сходствам и различиям между двумя исследуемыми языками.

В докладе А. С. Сергеевой (МГУ им. М. В. Ломоносова) «"Лень" в русской и немецкой картинах мира» рассматривалась разница в семантике, этимологии и употреблении русск. *ленивый* и нем. *faul*. В конце доклада были сделаны практические предложения по возможному улучшению словарных определений этих слов.

Следующие два доклада были посвящены частным проблемам субстантивного склонения в славянских языках. Е. А. Матвеевко

(МГУ им. М. В. Ломоносова) анализировала особенности женского именного склонения в подкарпатском, южнорусинском, пряшевском и лемковском вариантах русинского литературного языка. Была подчеркнута рассмотрению тенденция к унификации форм типов склонения на *-ā-/-jā- и *-ī-, и выявлено, что наиболее ярко эта тенденция проявилась в южнорусинском идиоме. Кроме того, были сделаны некоторые замечания, касающиеся форм склонения прилагательных в русинских идиомах.

М. Н. Саенко (ИСл РАН) выступил с докладом «О возможном взаимодействии праславянских типов склонения на *-ī- и *-ī-», выдвинув предположение, согласно которому, в том, что при процессе обобщения аблаута по всей парадигме праславянского склонения на *-ī-, было отдано предпочтение нулевой ступени (*-(i)ī), а не полной, как в параллельном типа на *-u-, следует видеть влияние склонения на *-ī-.

Вторую половину заседания начал доклад *А. А. Бахшаевой* (КГУ) «Редуцированные гласные в Христинопольском Апостоле XII века», посвященный анализу отражения падения редуцированных в орфографии Христинопольского Апостола. После подробного разбора позиций, в которых редуцированные могут пропускаться, делается вывод о том, что на момент написания памятника уже начался процесс утраты слабых редуцированных, однако сильные редуцированные стабильно сохраняются.

М. В. Скачедубова (ИРЯ РАН) в докладе «О некоторых особенностях функционирования -л- формы в Ипатьевской летописи в сопоставлении с болгарскими памятниками» обратилась к тем контекстам Ипатьевской летописи, в которых -л- формы употребляются не в совершенном значении, а в качестве причастий, синонимичных причастиям на -ъш-/-въш-. Приведя примеры схожего употребления -л- форм в болгарских дамаскинах, докладчик пришел к выводу, что такая синонимия привела к утрате причастных свойств -л- формами в русском языке и исчезновению причастий на ѡш-/-въш- в болгарском.

В докладе *Ж. А. Паниной* (МГУ им. М. В. Ломоносова) «*Пють шишковое, чтобы шишек не клали*: названия гуляний с угощением, устраиваемых по случаю завершения одного из этапов постройки дома или кладки печи (на материале архангельских говоров)» описывались архангельские диалектные названия угощения, выставляемые хозяином дома его строителям.

Затем прозвучал доклад *А. П. Якимовой* (ИСл РАН) «Знак зрелости: о семантике верхней одежды болгарского народного костюма»,

рассказывающий о функции и символике традиционной болгарской верхней одежды, а также ее связи с костюмом родственных и соседних народов.

В докладе *С. В. Николаевой* (Музей антропологии и этнографии РАН) «О формуле и метрике в старших духовных стихах» анализировались особенности беломорских духовных стихов. Были сделаны выводы об отсутствии особой формульности духовных стихов, а также об отсутствии близости метрики духовных стихов метрике былин.

Доклад *С. Ю. Королевой* и *Е. А. Ключиковой* (ПГУ) «Книги животные» и синодическая традиция в религиозном фольклоре восточных славян» был посвящен духовным стихам, бытующим на русском Северо-Западе и в Северном Прикамье, и похожим на белорусские духовные стихи. Первоисточником обеих традиций авторы доклада считают «Молитву о всех умерших христианах», переведенную в XV веке на церковно-славянский язык.

Т. А. Мирвода (МГУ) в докладе «Феномен крипипасты в русском и польском интернет-пространстве» анализировала такое современное явление как «крипипаста» (распространенные в сети Интернет страшилки). Согласно выводам докладчика, в польском Интернете больше распространены переводы с английского, а в Рунете предпочитают оригинальные тексты.

Японский исследователь *К. Сугаи* (Токийский университет иностранных языков и Софийский университет) прочитал доклад «Структура удвоения дополнения по модели левой дислокации в болгарском переселенческом диалекте в Румынии», в котором разбирались особенности употребления удвоенного дополнения (то есть, дополнения, дублируемого краткой формой личного местоимения) в болгарском говоре села Брэнешть (Румыния). Докладчиком рассматривались функции данной конструкции и ее структурная характеристика. Полевой материал был собран в ходе экспедиции самим К. Сугаи.

В секции «Литературоведение», работавшей 24-го мая, выступали молодые ученые Института славяноведения РАН, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета.

После вводного слова председателя секции д.ф.н., проф. *И. И. Калиганова* прозвучал первый доклад заседания «Экзистенциальные черты в образах главных героев романов Драго Янчара» *А. С. Моружиной* (МГУ им. М. В. Ломоносова), где были проанализированы

основные коллизии и экзистенциальные метания главных героев крупнейшего словенского прозаика второй половины XX в. Д. Янчара — героев-одиночек, мигрантов без национальной идентичности, людей «на грани», независимых и чуждых окружающему миру и предстающих перед выбором — принять его или вступить с ним в борьбу — в стремлении найти подлинную свободу и находящихся ее порой в заключении.

В продолжение исследования особенностей литератур у бывшей Югославии выступила *Е. В. Шатько* (ИСл РАН) с докладом «(Само)цитирование в прозе М. Павича». Выступающая выделила и проиллюстрировала три основных вида цитирования у автора: собственно цитирование существующих текстов, ложная цитация и самоцитирование, а также попыталась определить их функциональную нагрузку. Доклад вызвал интересную дискуссию о закономерностях ложной цитации в текстах Павича.

Тему постмодернистского метатекста и игры с читателем развила в своем докладе «Образ повествователя в романе Павла Виликовского “Пес в дороге”» *А. В. Бырина* (ИСл РАН), которая обрисовала образ повествователя современного словацкого классика Павла Виликовского. По ее мнению, рассказчик, с одной стороны, соотносится с образом животного (пса), что нередкость в произведениях этого прозаика, а с другой — путешествуя, он не описывает посещенные им места, но концентрируется на собственных размышлениях, поднимая тему национального.

Далее последовал доклад *И. Н. Смирновой* (ИСл РАН) «Женский образ в поэзии Э. Багряны (переводы А. Ахматовой)», где были продемонстрированы особенности женских образов болгарской поэтессы XX в. Элисаветы Багряны и их трансформация в переводах А. Ахматовой (влияние которой она в свою очередь испытывала), заключающаяся в придании им большего динамизма и акцентировании субъектности лирического «я» героини.

Богемистический блок открыл магистрант Санкт-Петербургского государственного университета *А. Ю. Колянов* с докладом «Готический роман в чешском модернизме», который вызвал у аудитории многочисленный отклик. Выступавший выявил жанровые черты готического романа у авангардных чешских писателей 1920-х гг. (Й. Вахал, Л. Клима, В. Незвал) и попытался определить их функции и место в межвоенной чешской литературе.

Этому же периоду был посвящен доклад соискательницы Института славяноведения РАН *К. К. Масловой* «Вопрос „тематическо-

го генезиса” в научно-фантастических драмах К. Чапека и А. Н. Толстого», в котором были рассмотрены вопросы оригинальности драмы А. К. Толстого «Бунт машин», заимствования у К. Чапека и взаимосвязей авторов, а также отражение данной проблемы в литературоведческой критике и ее роли в исследовании обоих авторов.

Завершила блок и заседание секции сотрудница Института славяноведения РАН *А. В. Амелина* с докладом «Утопист Иржи Гауссман», в котором был представлен выдающийся чешский сатирик межвоенного периода. Свои быстроменяющиеся политические пристрастия Гауссман сатирически выражал в произведениях разного жанра, проявляя при этом характерные для эпохи признаки утопического мышления.

Е. А. Яблоков
(Москва)

Михаил Булгаков как интернациональное явление

М. А. Булгакову довелось родиться незадолго до Дня святых Кирилла и Мефодия. Поэтому состоявшаяся в Институте славяноведения РАН 17–19 мая 2016 г. конференция «Михаил Булгаков и славянская культура»* соединила две даты: 125-летний юбилей Булгакова и День славянской письменности и культуры.

Один из популярнейших в мире русских писателей, который создал в своих произведениях колоритный образ Москвы, биографически был связан с несколькими славянскими странами — Украиной, Польшей, Болгарией, Сербией, Хорватией. В его текстах множество «знаков» славянской истории и культуры периода XVII–XX вв. Одна из важнейших черт поэтики Булгакова — активное использование мотивов славянской мифологии. Уже со второй половины 1920-х гг. его произведения получили известность в Европе, переводились на славянские языки, ставились в театрах. Во второй половине XX в. к театральным постановкам добавились кинематографические (так, первые фильмы по роману «Мастер и Маргарита» сделаны в начале 1970-х гг. сербским режиссером А. Петровичем и польским режиссером А. Вайдой). К тому же за последние полвека в славянских странах вышли многочисленные работы о жизни и творчестве писателя, сложились традиции булгаковедческих исследований. Эти и другие проблемы активно обсуждались на конференции — кстати, принять «заочное» участие в ней мог любой желающий, поскольку ход заседаний транслировался в Интернете.

Ряд выступлений был посвящен общим вопросам булгаковской поэтики, анализу базовых мотивов, формирующих художественный мир писателя. Так, в докладе *Е. А. Иваньишиной* (Воронеж) «Между живыми и мертвыми: о генеративных узлах, граничной семантике и обрядах перехода в творчестве М. Булгакова» рассматривалось общее семантическое «ядро» булгаковских текстов, анализировался их инвариантный мифопоэтический сюжет, являющийся трансформацией сюжета волшебной сказки. Доклад *Е. А. Яблокова* (Москва) «Куколь-

* Конференция проводилась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 16-04-14028Г).

ные персонажи в произведениях М. Булгакова» был посвящен важным в художественном мире писателя оппозициям «естественное / искусственное», «органическое / механическое». *Е. Н. Ковтун* (Москва) в докладе «Михаил Булгаков и славянская фэнтези» говорила о влиянии булгаковского стиля на представителей современных литературных течений, о том, в какой мере можно считать Булгакова предшественником одной из наиболее популярных разновидностей фантастической литературы. В докладе *Н. М. Куренной* (Москва) «Мотив дворянской усадьбы в раннем творчестве М. А. Булгакова» образ усадьбы в рассказе «Ханский огонь» и повести «Роковые яйца» проанализирован как гротескный символ изменений, произошедших в социально-политическом устройстве страны, распада культурных основ российской жизни. Доклад *А. Г. Ляпустина* (Москва) «Христология М. А. Булгакова в свете теории двух источников» был посвящен генезису евангельского сюжета в романе «Мастер и Маргарита», в том числе проявившемуся в нем влиянию книги Д. С. Мережковского «Иисус Неизвестный». *Н. М. Филатова* (Москва) в докладе «О польских родственных связях Л. Е. Белозерской-Булгаковой» рассказала о малоизвестных эпизодах биографии второй жены Булгакова, а также затронула некоторые аспекты истории польского булгаковедения — в частности, речь шла о деятельности крупнейшего польского ученого-русиста, эссеиста и переводчика А. Дравича, автора книги «Мастер и дьявол».

Значительная часть докладов была посвящена вопросам рецепции булгаковского творчества (читательское восприятие, литературная критика, сценическое воплощение и т. п.) в европейских странах. *И. А. Герчикова* (Москва) в докладе «М. Булгаков на чешской сцене» говорила не только о судьбе пьес Булгакова в Чехии (начиная с драмы «Дни Турбиных», которая уже в 1927–1928 гг. ставилась русскими эмигрантскими театрами и самостоятельными коллективами), но и о переводах булгаковских текстов, начиная с первого чешского издания романа в 1928 г. *А. Ибришимович-Шабич* (Сараево) в докладе «Произведения М. Булгакова на сценах сараевских театров» представила часть большого исследования, посвященного тому, как боснийско-герцеговинская литературная и театральная критика воспринимала постановки русских классиков — среди которых Булгакову принадлежит особое место. Доклад *Ю. П. Гусева* (Москва) «Воланд в Будапеште» был посвящен довольно экзотичному аспекту булгаковедения: речь шла о личности и биографии советского авиаконструктора (итальянско-венгерского происхождения) Р. Л. Бартини,

который, предположительно, мог оказаться одним из «прототипов» булгаковского Воланда. *А. В. Усачева* (Москва) в докладе «М. Булгаков в современной Румынии: “Мастер и Маргарита” глазами румынских литературоведов» проанализировала отношение к булгаковскому роману в Румынии начиная с 1960-х гг. до сегодняшнего дня, выявила основные тенденции посвященных писателю критических работ. *Е. Малити* (Братислава) в докладе «Михаил Булгаков в словацкой культуре: вопросы рецепции и перевода» говорила как об общих проблемах восприятия творчества Булгакова в Словакии, так и о различных подходах переводчиков к булгаковским оригиналам; кроме того, речь шла о воздействии творчества Булгакова на современных словацких писателей. *М. Лойк* (Любляна) в докладе «Постановки произведений Булгакова на словенской сцене» охарактеризовала ряд спектаклей — не только постановок оригинальных булгаковских пьес («Мольер», «Иван Васильевич», «Зойкина квартира», «Мертвые души», «Бег», «Багровый остров»), но также принятых словенскими режиссерами инсценировок прозы писателя («Собачье сердце», «Мастер и Маргарита»). В докладе *А. Г. Шешкен* (Москва) «Булгаковский мотив в македонской литературе XXI века (роман В. Урошевича “Невеста змея”, 2008)» рассмотрено сатирическое произведение современного македонского писателя, пародирующее сюжет волшебной сказки и имеющее ряд мотивных перекличек с романом «Мастер и Маргарита».

Внимание участников конференции привлекали экранизации произведений Булгакова — как современные, так и осуществленные несколько десятилетий назад. Три доклада были в той или иной мере посвящены итало-югославской картине «Мастер и Маргарита», поставленной в 1972 г. сербским режиссером А. Петровичем. *Д. Маравич* (Нови-Сад) в докладе «Фильм А. Петровича “Мастер и Маргарита” по мотивам романа М. А. Булгакова» рассказывала о возникновении замысла, процессе создания картины, ее восприятии публикой и критиками, а также об истории запрещения фильма. Целью доклада *А. Майер-Фраатц* (Иена) «Экранизации романа “Мастер и Маргарита” польского режиссера А. Вайды и югославского режиссера А. Петровича как критические комментарии к современности начала 70-х годов XX века» стало сопоставление двух картин в аспекте режиссерского замысла: с одной стороны, «собственно» экранизация (Петрович), с другой — «авторское» публицистическое произведение с использованием мотивов булгаковского романа (Вайда). В докладе *И. Перушко* (Загреб) «Михаил Булгаков в интерсемиотическом и

межъязыковым переводе: итало-югославская экранизация романа “Мастер и Маргарита” (1972) и хорватский сборник ранней прозы М. Булгакова “Как закалялся мастер” (2013)» рассматривались теоретические проблемы, связанные с «переводом» литературного произведения на язык других видов искусства.

Разумеется, речь шла и о собственно переводческой деятельности. *Е. С. Вучкович* (Москва) в докладе «Авторская трансформация фразеологизмов как средство создания комического эффекта в повести “Собачье сердце” и ее отражение в сербских переводах» на конкретных примерах анализировала и систематизировала затруднения, возникающие при переводе булгаковских фразеологизмов. *С. А. Заболотная* (Воронеж) в докладе «“Белая гвардия” на македонском языке: комментарий и перспективы» рассказала о ведущейся работе по переводу первого романа Булгакова на македонский язык и имеющихся языковых проблемах. Доклад *Н. Н. Стариковой* (Москва) «Реалии советской Москвы в словенском переводе романа “Мастер и Маргарита” (к проблеме контекста)» был посвящен трудностям перевода, обусловленным сложной художественной структурой булгаковского романа, соединением в нем нескольких культурных и историко-религиозных традиций, стилистических и языковых пластов, пропущенных через сатирический, гротескный быт московской жизни 1930-х гг. *Е. В. Шатько* (Москва) в докладе «Специфические “советские” реалии в переводах романа “Мастер и Маргарита” (на материале переводов В. Флакер и М. Чолича)» сопоставила два перевода, не только разнящихся на уровне языковых особенностей их авторов, но отражающих принципиальное различие стратегий при передаче специфических примет эпохи в данном произведении. Говоря о проблемах перевода, участники конференции неоднократно затрагивали также вопросы комментирования булгаковских текстов, вызывающих специфические затруднения у иностранного читателя. Так, в докладе *Н. А. Луньковой* (Москва) «Проблема переводческого комментария (на примере перевода романа “Мастер и Маргарита” на болгарский язык)» был рассмотрен переводческий комментарий к изданию недавнего (2012 г.) перевода булгаковского романа и проанализированы недочеты, допущенные комментатором.

Среди булгаковских произведений наибольшее внимание привлекал роман «Мастер и Маргарита»; несколько выступлений посвящено поэтике этого произведения. *И. З. Белобровцева* (Галлин) в докладе «Роман “Мастер и Маргарита”: точка видения как оценка» проанализировала связи между пространственными категориями

в «закатном» романе и аксиологической системой писателя. Близким по проблематике явился доклад венгерской исследовательницы *И. Киш* (сейчас преподающей в Москве) «Диалог на обрыве: к вопросу о формообразующих принципах в творчестве М. Булгакова» — речь шла о мотиве «обрыва», играющем важную роль во всех редакциях «Мастера и Маргариты» и выступающем одной из важнейших визуальных форм пространства, времени и повествования. В докладе *А. Петрова* (Белград — Питтсбург) «Эротическое в романе “Мастер и Маргарита”» речь шла о пародийном функционировании эротических мотивов в данном произведении и их влиянии на систему персонажей булгаковского романа. *А. А. Кораблев* (Донецк) в докладе «“Мастер и Маргарита” как роман-путь» проанализировал «открывающие» книгу образы Бездомного и Берлиоза, которые, по мнению выступавшего, персонифицируют две рецептивные установки: непосредственную, предполагающую сосредоточенность на тексте и диалогический контакт с автором, и опосредованную — предусматривающую знание контекста, а также наличие «доказательств» и определенной «точки зрения».

Видеозаписи всех прозвучавших на конференции докладов размещены на портале Института славяноведения РАН (<http://www.inslav.ru/sobytiya/2344-2016-bulgakov>).

Сведения об авторах

Агапкина Татьяна Алексеевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, главный редактор издательства «Индрик». agapi-t@yandex.ru

Аксенова Елена Петровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. e.p.aksenova@mail.ru

Алипиева Антоанета Петрова — доктор филологических наук, профессор Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского (Болгария). alipievaan@abv.bg

Амелина Анна Вячеславовна — младший научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН. anna.v.amelina@mail.ru

Бершадская Марианна Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. marber2@gambler.ru

Васильев Михаил Александрович — доктор исторических наук. chors1@yandex.ru

Ващенко Дарья Юрьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН. daranis@mail.ru

Ведерников Михаил Владимирович — аспирант кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. vishma@mail.ru

Виноградова Людмила Николаевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Inv36@yandex.ru

Вязовцева Дарья Владимировна — аспирантка кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. daria.vyazovsteva@gmail.com

Дарбанова Надежда Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». ndarbanova@mail.ru

Девятков Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института экономики РАН. devyatkovav@gmail.com

Добычина Анастасия Сергеевна — младший научный сотрудник отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. andobychina@gmail.com

Дронов Михаил Юрьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. mikhaildronov@rambler.ru

Зеновская Полина Евгеньевна — ассистент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. whisper11@yandex.ru

Ильина Галина Яковлевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела современных литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. galinailjina@yandex.ru

Казак Олег Геннадьевич — магистр исторических наук, аспирант Белорусского государственного университета (Белоруссия). olegkazak90@tut.by

Колосова Валерия Борисовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник словарного отдела Института лингвистических исследований РАН. chakra@eu.spb.ru

Косик Виктор Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. kosikvictor@mail.ru

Лабынцев Юрий Андреевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slavia@hotbox.ru

Лазарев Яков Анатольевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 9Lazarev@gmail.com

Лантева Людмила Павловна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Леонтьева Анна Андреевна — младший научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. leontanna@gmail.com

Макарецв Максим Максимович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания, ученый секретарь Центра лингвокультурных исследований «BALCANICA» Института славяноведения РАН. makarcev@bk.ru

Машкова Алла Германовна — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. allamashkova@yandex.ru

Нечаева Надежда Ильинична — аспирантка кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. tais-a05@mail.ru

Неменский Олег Борисович — научный сотрудник отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. nemenski@yandex.ru

Огура Хикару — доктор наук (PhD), преподаватель Токийского университета (Япония). hikaru-o@mtj.biglobe.ne.jp

Ораич-Толич Дубравка — доктор филологических наук, академик Хорватской академии наук и искусств, профессор философского факультета Загребского университета (Хорватия). dtolic@ffzg.hr

Пилипенко Глеб Петрович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН. glebpilipenko@mail.ru

Покивайлова Татьяна Андреевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН. kraa@mail.ru

Саенко Михаил Николаевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН. veraetatis@yandex.ru

Сергеенко Екатерина Сергеевна — историк, младший научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. ekaterina7_91@mail.ru

Силкин Александр Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. alsilkin@rambler.ru

Старикова Надежда Николаевна — доктор филологических наук, зав. отделом современных славянских литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. nstarikova@mail.ru

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. zhurslav@mail.ru

Сугаи Кента — докторант Высшей школы глобальных исследований Токийского университета международных отношений. ksugai1227@hotmail.com

Тердик Сильвестер — искусствовед, доктор наук (PhD), научный сотрудник будапештского Музея прикладного искусства (Венгрия). terdikszilveszter@gmail.com

Турилов Анатолий Аркадьевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. aaturilov@gmail.com

Флоря Борис Николаевич — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. отделом истории средних веков Института славяноведения РАН. sredveka_inslav@land.ru

Фролова Марина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. marinafrolova59@mail.ru

Чиварзина Александра Игоревна — аспирантка Института славяноведения РАН. mss-vah@yandex.ru

Шатько Евгения Викторовна — младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. eshatko@gmail.com

Щавинская Лариса Леонидовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slavia@hotmail.ru

Яблоков Евгений Александрович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН. ejablockov@gmail.com

About the authors

Agapkina T. A. — Doctor of Philology, senior research fellow of the Department of ethno-linguistics and folklore of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, chief editor of the publishing house “Indrik”.
agapi-t@yandex.ru

Aksenova E. P. — Candidate of History, senior research fellow of the Department of Eastern Slavdom of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. e.p.aksenova@mail.ru

Alipiyeva A. P. — Doctor of Philology, professor of the University of Shumen Episkop Konstantin Preslavsk (Bulgaria). alipievaan@abv.bg

Amelina A. V. — junior research associate of the Department of Slavic literature history of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. anna.v.amelina@mail.ru.

Bershadskaya M. L. — Candidate of Philology, associate professor of the Department of Slavic philology of the Saint Petersburg University. marber2@rambler.ru

Chivarzina A. I. — postgraduate student of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. mss-vah@yandex.ru

Darbanova N. A. — Candidate of Philology, associate professor of the Department of the Russian language and general linguistics of the Buryat State University. ndarbanova@mail.ru

Devyatkov A. V. — Candidate of History, senior research fellow of the Centre of post-Soviet studies of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. devyatkovav@gmail.com

Dobychina A. S. — junior research associate of the Department of Medieval history of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. andobychina@gmail.com

Dronov M. Yu. — Candidate of History, research associate of the Department of Eastern Slavdom of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. mikhaildronov@rambler.ru

Florya B. N. — Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of the Department of Medieval history of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. sredveka_inslav@land.ru

Frolova M. M. — Candidate of History, senior research fellow of the Department of South-West Europe Slavs' Early Modern History of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. marinafrolova59@mail.ru

Ilyna G. Ya. — Doctor of Philology, senior research fellow of the Department of modern literature in the countries of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. galinailjina@yandex.ru

Kazak O. L. — Master of History, postgraduate student of the Belarusian State University (Belarus). olegkazak90@tut.by

Kolosova V. B. — Candidate of Philology, research associate of the Department of Lexicology of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. chakra@eu.spb.ru

Kosik V. I. — Doctor of History, senior research fellow of the Department of South-Eastern Europe Slavs' Early Modern History of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. kosikviktor@mail.ru

Labyntsev Yu. A. — Doctor of Philology, senior research fellow of the Department of Eastern Slavdom of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. slavia@hotmail.ru

Lapteva L. P. — Doctor of History, professor of the Department of Southern and Western Slavic History of the Moscow State University.

Lazarev Ia. A. — Candidate of History, researcher associate of the Laboratory of Primary Sources Research of the Institute of Arts and Humanities of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 9Lazarev@gmail.com

Leontyeva A. A. — junior research associate of the Department of South-Eastern Europe Slavs' Early Modern History of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. leontanna@gmail.com

Makartsev M. M. — Candidate of Philology, senior research fellow in the Department of Typology and Comparative Linguistics, academic secretary of the Centre for linguistic and cultural studies of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. makarcev@bk.ru

Mashkova A. G. — Doctor of Philology, professor of the Division of Slavic Philology of the Moscow State University. allamashkova@yandex.ru

Nechayeva N. I. — postgraduate student of the Department of Southern and Western Slavic History of the Moscow State University. tais-a05@mail.ru

Nemensky O. B. — research associate of the Department of Medieval history of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. nemenski@yandex.ru

Ogura H. — PhD, lecturer of the University of Tokyo (Japan). hikaru-o@mtj.biglobe.ne.jp

Oraić-Tolić D. — Doctor of Philology, member of the Croatian Academy of Sciences and Arts, professor of the Philosophy Faculty in the University of Zagreb (Croatia). dtolic@ffzg.hr

Pilipenko G. P. — Candidate of History, senior research fellow in the Department of Slavic linguistics of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. glebpilipenko@mail.ru

Pokivaylova T. A. — Candidate of History, senior research fellow of the Department of History of East Europe after World War II of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. kraa@mail.ru

Sayenko M. N. — Candidate of Philology, research associate of the Department of Slavic linguistics of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. veraetatis@yandex.ru

Sergeenko E. S. — postgraduate student of the Department of South-Eastern Europe Slavs' Early Modern History of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. ekaterina7_91@mail.ru

Shat'ko E. V. — junior research associate of the Department of modern Slavic literature in the countries of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. eshatko@gmail.com

Shavinskaya L. L. — Candidate of Philology, senior research fellow of the Department of Eastern Slavdom of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. slavia@hotmail.ru

Silkin A. A. — Candidate of History, senior research fellow of the Department of Slavic peoples' history in the World Wars period of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. alsilkin@rambler.ru

Starikova N. N. — Doctor of Philology, head of the Department of modern Slavic literature in the countries of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. nstarikova@mail.ru

Stykalin A. S. — Candidate of History, senior research fellow of the Department of Slavic peoples' history in the World Wars period of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. zhurslav@mail.ru

Sugai K. — PhD student in the Doctoral course at the Graduate School of Global Studies, Tokyo University of Foreign Studies. ksugai1227@hotmail.com

Terdik Sz. — art historian, PhD, research fellow of the Museum of Applied Arts in Budapest (Hungary). terdikszilveszter@gmail.com

Turilov A. A. — Candidate of History, senior research fellow of the Department of Medieval history of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. aaturilov@gmail.com

Vashenko D. Yu. — Candidate of Philology, research associate of the Department of Slavic linguistics of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. daranis@mail.ru

Vasiliev M. A. — Doctor of History. chorsl@yandex.ru

Vedernikov M. V. — postgraduate student of the Department of Southern and Western Slavic History in Moscow State University. vishma@mail.ru

Vinogradova L. N. — Doctor of Philology, senior research fellow of the Department of ethno-linguistics and folklore the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. Inv36@yandex.ru

Vyazovtseva D. V. — postgraduate student of the Department of Southern and Western Slavic History of the Moscow State University. daria.vyazovsteva@gmail.com

Yablokov E. A. — Doctor of Philology, senior research fellow in the Department of History of Slavic people's culture of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. eajablokov@gmail.com

Zenovskaya P. E. — assistant of the Department of philology of the Saint Petersburg University. whisper11@yandex.ru

Правила публикации статей в «Славянском альманахе»

Редколлегия журнала «Славянский альманах» принимает к рассмотрению только оригинальные статьи, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму. В письме необходимо сообщить сведения о себе: фамилия, имя и отчество полностью, ученые степень и звание, место работы (учебы) и должность, телефон и электронный адрес.

E-mail редакции: slav-almanakh@yandex.ru

Статьи и публикации не должны превышать 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами и с учетом сносок), рецензии — 0,5 п. л. (20 000 знаков), хроника — 7 000 знаков.

Для экспертной оценки рукописей введен институт рецензирования всех поступающих в редакцию материалов. Рецензирование рукописей осуществляется членами редколлегии, специализирующимися по тематике рассматриваемых статей. При необходимости к рецензированию привлекаются сотрудники Института славяноведения РАН или другие специалисты по рекомендации членов редакционной коллегии и редакции. В альманахе введено анонимное рецензирование каждой рукописи двумя (в спорных случаях — тремя) рецензентами. Отрицательные рецензии и отзывы, содержащие замечания, требующие доработки рукописи, обязательно высылаются авторам.

Формат текста

Выравнивание основного текста — по ширине страницы

Фамилия автора, город (в скобках) — по правому краю (курсив)

Название статьи — по центру (полужирный)

Абзац — отступ 1,27 см

Междустрочный интервал — 1,5 (сверху и снизу — 0)

Шрифт — Times New Roman, размер 14

Без переносов

Буква ё ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова или фразы; во всех остальных случаях — только е.

Сокращения

При первом упоминании фамилии обязательно указываются ини-

циалы, которые разделяются пробелом и отделяются пробелом от фамилии.

Годы, обозначающие определенный период, указываются только в цифрах: 1960-е годы, 60-е годы XX в.

Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: 1861 г., 1870–1875 гг.

Век или века обозначаются римскими цифрами с сокращением в. или вв.: XVIII в., IX–XI вв.

NB: между цифрами ставится короткое тире (не дефис).

Допускаются сокращения: т. д., т. п., др., проч., см.

Писать полностью: так как, так называемый, то есть, например.

Цифры: тысячи от сотен и миллионы от тысяч отделяются пробелом: 1 350, 5 780 462, 2 900 000 000. Нули (000) могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн, млрд

Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст. и др.

Кавычки

Кавычки только «». Если закавыченное слово (слова) находятся внутри цитаты, употребляются кавычки в кавычках: «“...”».

Примечания

Сноски — концевые, автоматические, нумеруются арабскими цифрами.

В конце предложения цифра сноски ставится перед точкой.

Шрифт сносок: Times New Roman, размер 10.

Междустрочный интервал в сносках — 1,5 (выравнивание — по ширине).

Возможны текстовые (пояснительные) сноски внизу страницы, которые обозначаются звездочкой (*).

Ф.И.О. авторов в концевых сносках — курсивом. Если в сноске несколько работ одного автора, вместо Ф.И.О. — *Он же (Она же)*.

Выходные данные: город, год (издательство не указывается, кроме случаев, когда это имеет смысловое значение). Сокращенно даются названия городов Москва, Ленинград, Петроград, Санкт-Петербург — М., Л., Пг., СПб. (остальные полностью).

Номер тома, выпуска, книги, части ставится после выходных данных, перед указанием страниц: М., 2001. Т. 1. С. 25 (каждая позиция отделяется пробелом).

Если сноски на одну и ту же работу идут подряд, пишется: Там же (или *Ibid.* — для иностранных работ). При повторных упоминаниях работы указывается автор и краткое название с многоточием (без повторения выходных данных) — но не Указ. соч. (или *Op. cit.*).

Архивные сноски содержат указание на название архива (полное или краткое), номера фонда, описи, дела и листа.

Несоблюдение авторами данных правил может послужить отказом в публикации статьи в альманахе.

Научное издание

Славянский альманах

3-4 2016

Издательство «Индрик»

Корректор *М. Н. Толстая*
Оригинал-макет *С. Д. Боярская*

Условия публикации и правила оформления статей
помещены на сайте <http://inslav.ru/izdaniya/slavianskij-almanah>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции (ОКП) – 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.

34,0 п. л. Тираж 400 экз.

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6